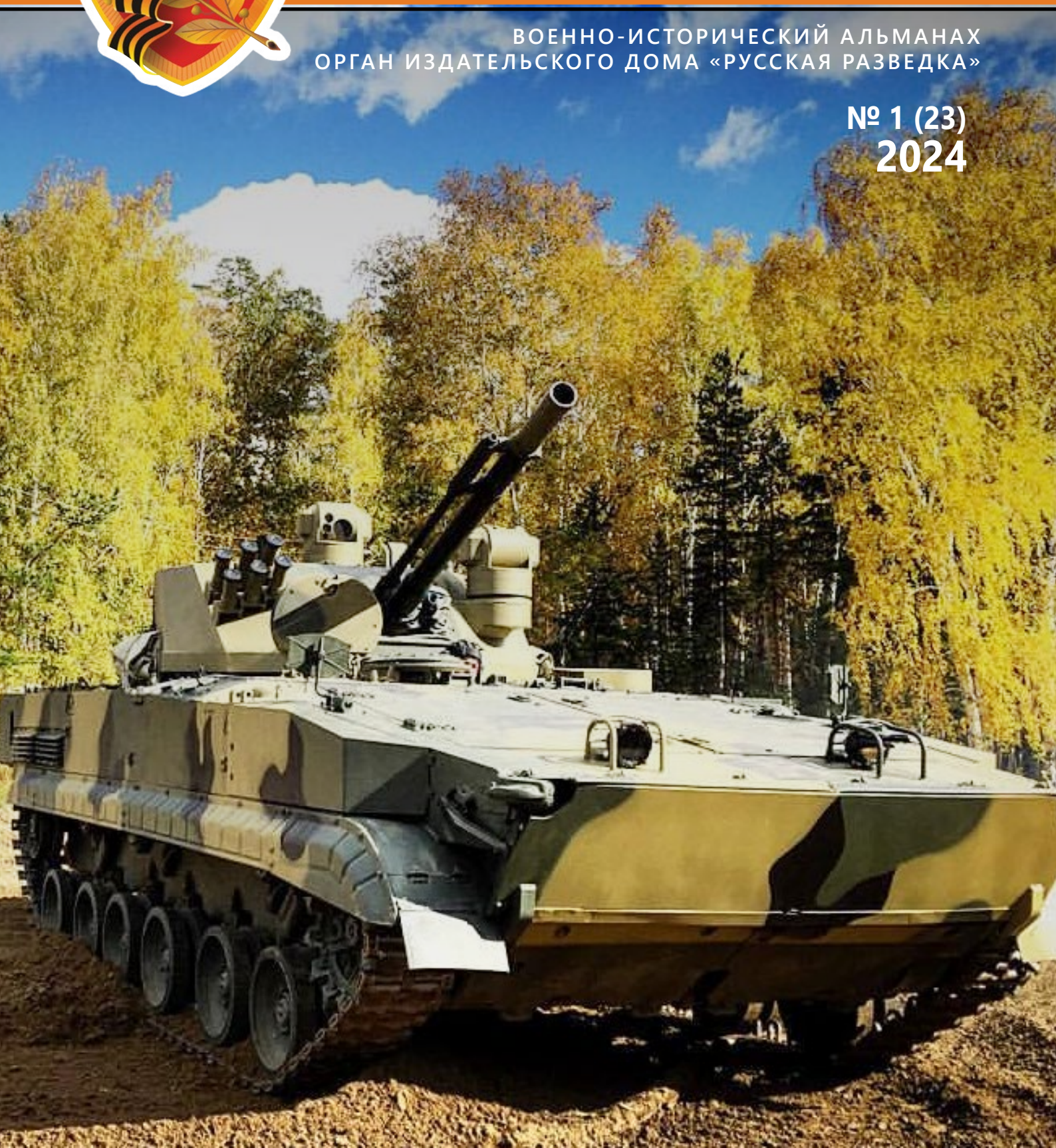
ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (23)
2024



ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (23)
2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БУРАВЧЕНКО Валерий Павлович – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

БУРНОСОВ Игорь Лаврентьевич – полковник, член Совета ветеранов военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович– генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А. М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – проректор МГИМО МИД РФ по финансово-экономическим вопросам;

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович — генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич — генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ХИЛЬКО Борис Витальевич – полковник, кандидат исторических наук, ветеран военной разведки;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:
Ирина Васина

E-mail: info@вославу.рф
www.вославу.рф

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Берлинская наступательная операция 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Кавад Раш
12-е Главное Управление Министерства обороны..... 13

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Авиация в Берлинской операции 21

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Ф.Ф. Веселаго
Рождение русского флота..... 29

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Активная разведка..... 40

★ РОССИЯ И КИТАЙ

А.С. Панюшкин
Военно-политическая обстановка в Китае (1938-1940)..... 49

★ ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

Г.А. Куманев
Встречи с Д.Г. Жимериным 70

★ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Катастрофическое начало... и надежды 89

★ ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА. МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Полевая медицина в годы Великой Отечественной войны 108

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Накануне войны..... 118

★ НА ЗЛОБУ ДНЯ

А.В. Тюрин
Если дорог тебе твой дом 129

★ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

С.С. Войтиков
Создание Реввоенсовета Республики.....132

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

В.Н. Матузов
Троцкизм ликвидировал государство Ленина и Сталина 153

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

Владимир Стрюков
Партизанские действия 160

★ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Олег Попов
Еврейская мировая революция? 174

★ ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

А.А. Зданович
Организация «Прометей» в планах польской разведки по развалу СССР 188

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Андрей Ваджра
Что такое украинская нация.....212

★ РУССКИЕ ЦАРИ – КТО ОНИ?

Александр Камчатов
Собиратель земли русской — Иван III Васильевич..... 227

★ СОТРУДНИЧЕСТВО С ВРАГАМИ — ИЗМЕНА РОДИНЕ

П. Смирнов
Депортация как способ борьбы с «пятой колонной» в годы Великой Отечественной войны 233

★ ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА МИД

Посол Шуленбург — в МИД Германии.....248

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Черный юмор 251

С.Н. Семанов
Происхождение.....253

БЕРЛИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

▲ Берлин. 30 апреля

«Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своем большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И. В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба А. И. Антонов и начальник оперативного управления С. М. Штеменко.

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

– Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

– Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Красной Армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. В телеграмме перечислялся целый ряд предварительных мероприятий, которые проводились союзным командованием: создание группировки, стягивание войск. Телеграмма

заканчивалась тем, что, по своим данным, план взятия Берлина раньше Красной Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идет вовсю».

От редакции. *Сейчас известно, что именно 1 апреля 1945 года премьер-министр Англии У. Черчилль направил президенту США Ф. Рузвельту послание, в котором высказывались такие соображения: «Ничего не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина. Для германского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдерживать осаду русских, то следует учесть, что до тех пор, пока там будет развеваться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев.*

Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».

«– Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне.

– Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников.

– А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, вам придется проводить большую перегруппировку.

– Фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния.

Выслушав нас, Сталин сказал:

– Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утвержденными

▲ Ил-2

▲ САУ-152 Зверобой

планами на руках. Берлин надо взять в кратчайший срок, время на подготовку операции весьма ограничено.

Время начала операции, утвержденное Ставкой, было установлено 16 апреля».

Из воспоминаний командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева.

Главные силы немецко-фашистских войск по-прежнему были сосредоточены против Красной Армии. К 16 апреля на советско-германском фронте сражались 214 дивизий (из них 34 танковые и 15 моторизованные) и 14 бригад. В то же время против американо-английских войск действовало 60 слабо укомплектованных немецко-фашистских дивизий, из них 5 танковых, в которых имелось около 200 танков.

Берлинское направление обороняли группа армий «Висла» (3-я танковая и 9-я армии) генерал-полковника Г. Хейнрици, 4-я танковая и 17-я армии группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. Шернера (всего 48 пехотных, 9 моторизованных, 6 танковых дивизий и значительное количество других частей и соединений, насчитывавших в общей сложности 1 млн. человек, 10 400 орудий и минометов, 1 500 танков и штурмовых орудий и 3 300 боевых самолетов). В резерве главнокомандования сухопутных войск находилось 8 дивизий. Кроме того, в самом Берлине было сформировано более 200 батальонов фольксштурма, а общая численность гарнизона превышала 200 тыс. человек. Оборона немецко-фашистских войск на берлинском направлении была глубокой, плотно занятой войсками. Она включала одерско-нейсенский рубеж глубиной 20-40 км, имевший 3 полосы, и Берлинский оборонительный район, включавший 3 кольцевых обвода — внешний, внутренний и городской. В инженерном отношении особенно сильно была подготовлена оборона перед кюстринским плацдармом и на котбусском направлении, где сосредоточились наиболее сильные группировки войск. Против кюстринского плацдарма противник имел одну дивизию на 3 км и 60 орудий и 17 танков на 1 км фронта.

Для проведения Берлинской операции привлекались войска 2-го и 1-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов, часть сил Балтийского флота, 18-я воздушная армия Дальней авиации (800 самолетов), Войска ПВО страны, Днепровская военная флотилия. В операции участвовали 1-я и 2-я армии Войска Польского.

В состав группировки входили 162 стрелковые и кавалерийские дивизии, 21 танковый и механизированный корпус, 4 воздушные армии, насчитывавшие 2,5 млн. человек, около 42 тыс. орудий и минометов, свыше 6 250 танков и САУ, 7 500 боевых самолетов. Это обеспечивало превосходство над противником в людях в 2,5, в артиллерии — в 4, в танках и САУ — в 4,1, в самолетах — в 2,3 раза. На направлениях главных ударов фронтов оно было еще более значительным.

Целью Берлинской операции являлся разгром группировки немецко-фашистских войск, оборонявшей берлинское направление, овладение столицей Германии Берлином и выход советских войск к концу операции к реке Эльба на соединение с войсками союзников.

Замыслом операции предусматривалось нанести несколько мощных ударов на широком фронте, окружить и одновременно расчленить берлинскую группировку на части и уничтожить каждую из них в отдельности.

Особое внимание Ставка Верховного Главнокомандования придавала фактору времени — операция должна была проводиться в высоком темпе и завершиться за 12-15 суток.

В соответствии с замыслом Ставки были приняты решения командующими фронтами. Войскам 2-го Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский) должны были форсировать Одер, прорвать оборону противника на участке Штеттин (Щецин), Шведт, разгромить штеттинскую группировку противника и не позднее 12-15 дня операции овладеть рубежом Анклам, Деммин, Варен, Виттенберге. Главный удар наносили 65, 70 и 49-я армии, 1, 3 и 8-й гвардейские танковые, 8-й механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса. Подвижные соединения находились в распоряжении командующего фронтом до захвата плацдармов на западном берегу Вест-Одера, затем переподчинялись армиям. Артиллерийская подготовка продолжительностью 45-60 минут планировалась в армиях, чтобы обеспечить форсирование рек Ост-Одер и Вест-Одер и преодоление междуречья.

Войскам 1-го Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) было приказано нанести главный удар с кюстринского плацдарма силами 47-й армии, 3-й (с 9-м танковым корпусом) и 5-й ударных и 8-й гвардейской армий, в первый день операции прорвать 1-ю и 2-ю полосы обороны и обеспечить ввод в сражение 1-й (с 11-м танковым корпусом) и 2-й гвардейских танковых армий (после того как общевойсковые армии овладеют опорными пунктами на Зееловских высотах). На 6-й день операции основная группировка фронта должна была овладеть Берлином, после чего 3-й ударной армии с 9-м танковым корпусом предстояло на 8-е сутки выйти в район западнее Берлина, а 47-й армии на 11-й день — на рубеж Эльбы. Вспомогательные удары планировалось нанести севернее Кюстрина силами 61-й армии и 1-й армии Войска Польского, южнее — силами 69-й и 33-й армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Второй эшелон фронта составляла 3-я армия; 7-й гвардейский кавалерийский корпус находился в резерве. Атаку пехоты и танков намечалось провести в ночное время — за 1,5-2 часа до рассвета, после 30-минутной артиллерийской подготовки. Для освещения местности во время атаки было подготовлено более 140 прожекторов.

1-й Украинский фронт (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев) главный удар наносил силами трех общевойсковых армий (3-я гвардейская с 25-м гвардейским

▲ Т-34 на улицах Берлина

▲ Огонь артиллерии большой мощности

танковым корпусом) и двумя танковых (3-я и 4-я гвардейские) армий. Общевойсковые армии должны были форсировать Нейсе, прорвать оборону врага и с рубежа Шпрее обеспечить ввод в сражение танковых армий, которым предстояло действовать в направлениях Бранденбурга и Ратенова, Дессау, а одним танковым корпусом 3-й гвардейской танковой армии — на Берлин с юга. По 2-му варианту танковые армии намечалось использовать для удара на Берлин. Второй удар наносился из района северо-восточнее Пенциха в общем направлении на Баутцен, Дрезден силами 2-й армии Войска Польского с 1-м танковым корпусом и частью сил 52-й армии с 7-м гвардейским механизированным корпусом. Резерв фронта составлял 1-й гвардейский кавалерийский корпус. 28-ю армию, которая не успевала полностью сосредоточиться к началу операции, предполагалось ввести в сражение на направлении главного удара уже в ходе боевых действий. Артиллерийская подготовка продолжительностью 145 минут планировалась в масштабе фронта. Наступление 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов намечалось на 16 апреля.

Балтийский флот (командующий адмирал В. Ф. Трибуц) содействовал наступлению 2-го Белорусского фронта вдоль морского побережья и наносил удары авиацией и подводными лодками на морских коммуникациях от Лиепаи до Ростока. Днепровская военная флотилия (командующий контр-адмирал В. В. Григорьев), оперативно подчиненная 1-му Белорусскому фронту, должна была оказать содействие наземным войскам в прорыве обороны, обеспечить переправы и противоминную оборону по Одеру.

С воздуха сухопутные войска поддерживали: во 2-м Белорусском фронте — 4-я, в 1-м Белорусском — 16-я и в 1-м Украинском — 2-я воздушные армии.

В полосе 1-го Белорусского фронта предусматривалось использование 18-й воздушной армии Дальней авиации. Основные усилия авиации сосредоточивались на направлениях главных ударов фронтов. Предварительная авиационная подготовка должна была проводиться в течение трех ночей только в полосе 2-го Белорусского фронта. Непосредственную авиационную подготовку намечалось провести в полосе 2-го Белорусского фронта в течение 2-х часов до начала атаки, в полосе 1-го Белорусского фронта — в течение 30 минут до начала атаки, в полосе 1-го Украинского фронта — в течение 45 минут перед началом форсирования реки Нейсе. Особое внимание уделялось авиационному обеспечению ввода в прорыв подвижных войск фронтов.

Для борьбы с авиацией противника и противовоздушной обороны войск привлекались истребительная авиация воздушных армий, соединения и части зенитной артиллерии фронтов. Кроме того, для прикрытия фронтовых объектов и переправ через Одер использовались 4-й и 5-й корпуса Западного и 1-й корпус Юго-Западного фронтов ПВО страны.

Одновременно с наступлением на главном, берлинском направлении планировались наступательные операции и на южном крыле советско-германского фронта (4, 2 и 3-й Украинские фронты). Таким образом, апрельское наступление Красной Армии проходило по всему советско-германскому фронту, его конечная цель — полный разгром фашистской Германии.

Для успешного проведения Берлинской операции от всех фронтовых и армейских инстанций требовалась самая тщательная подготовка. К началу наступления фронты произвели крупные перегруппировки. Войска 2-го Белорусского фронта, выдвигавшиеся в свою полосу из районов Данцига и Гдыни, должны были преодолеть расстояние до 300 км. Некоторые соединения 1-го Украинского фронта передислоцировались из районов Оппельна и Ратибора в район Трибеля. Так как полоса наступления 1-го Белорусского фронта сузилась с 320 до 170 км, освободившиеся части и соединения переместились в район Кюстрина.

Разведывательная авиация 6 раз производила аэрофотосъемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все командно-штабные инстанции, до рот включительно.

Большое внимание уделялось инженерному оборудованию исходного района для наступления. Например, на кюстринском плацдарме в поло-

се 1-го Белорусского фронта было подготовлено 636 км траншей и ходов сообщения, оборудовано 4 500 позиций для артиллерии, а для сообщения с плацдармом через Одер построено 25 мостов общей протяженностью до 15 км и подготовлено 40 паромных переправ.

В подготовительный период в сравнительно короткие сроки были созданы запасы материальных средств — боеприпасов, горючего, смазочных материалов, продовольствия, медикаментов. Перед наступлением проводилась разносторонняя подготовка войск. Части и соединения пополнялись личным составом, совершенствовали навыки в форсировании водных преград, ведении боевых действий в городе, в лесу, ночью. Отрабатывалось взаимодействие родов войск, особенно в условиях уличных боев в крупном городе. Проводилась глубокая партийно-политическая работа в войсках. За 2 часа до наступления воинам были разъяснены боевые задачи. До начала операции в полосах 1-го Белорусского (14 и 15 апреля) и 1-го Украинского (в ночь на 16 апреля) фронтов проводилась разведка боем.

Берлинскую стратегическую операцию по характеру выполняемых задач и результатам следует разделить на 3 этапа.

Первый этап: прорыв одерско-нейсенского рубежа противника 16–19 апреля

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при поддержке авиации 16-й и 2-й воздушных армий перешли в наступление 16 апреля. В течение ночи накануне операции в полосе 1-го Белорусского фронта действовала авиация 4-й и 16-й воздушных армий, а после перехода войск в наступление 18-я воздушная армия Дальней авиации силами 4 авиационных корпусов нанесла удар по опорным пунктам 2-й полосы обороны противника. В полосе 1-го Белорусского фронта пехота и танки, начав атаку перед рассветом при освещении мощных зенитных прожекторов, продвинулись на 1,5-2 км, не встретив сильного сопротивления. Но, оправившись от потрясения, гитлеровцы стали драться с ожесточением. Развернулись тяжелые бои. Темп наступления резко снизился. Чтобы ускорить продвижение войск, командующий фронтом в первый же день ввел в сражение танковые и механизированные корпуса 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. Однако они втянулись в упорные бои и не смогли оторваться от пехоты. Войскам ударной группировки фронта пришлось последовательно прорывать несколько полос глубоко эшелонированной обороны. На основных участках у Зееловских высот войскам 8-й гвардейской армии во взаимодействии с 1-й гвардейской танковой армией удалось прорвать её лишь 17 апреля.

К исходу 19 апреля они завершили прорыв 3-й полосы одерского рубежа. На правом крыле ударной группировки фронта 47-я и 3-я ударная

▲ Сдавшиеся в плен фашисты

▲ Штурм Рейхстага

армии успешно продвигались вперед для охвата Берлина с севера и северо-запада. На левом крыле создались условия для обхода франкфуртско-губенской группировки с севера и отсечения её от района Берлина.

Войска 1-го Украинского фронта форсировали Нейсе, в первый день прорвали главную полосу обороны врага и на 1-1,5 км вклинились во вторую. В завершении прорыва участвовали 25-й и 4-й гвардейский танковые корпуса, а также передовые отряды корпусов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. К исходу 18 апреля войска фронта завершили прорыв нейсенского рубежа обороны, форсировали Шпрее и обеспечили условия для окружения Берлина с юга. На дрезденском направлении левофланговые дивизии 52-й армии отражали контрудар противника из района севернее Гёрлица.

Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая замедленное продвижение 1-го Белорусского фронта, решила осуществить маневр на окружение берлинской группировки ударом танковых армий 1-го Украинского фронта по Берлину с юга.

2-й Белорусский фронт 18-19 апреля форсировал Ост-Одер, преодолел междуречье Ост-Одера и Вест-Одера и занял исходное положение для форсирования Вест-Одера.

2-й этап. Окружение и расчленение группировки противника 19-25 апреля

Войска 1-го Белорусского фронта, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, продолжали наступление. 20 апреля в 13 час. 50 мин. дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии первой открыла огонь по Берлину, положив начало историческому штурму столицы фашистской Германии. 21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой и 47-й армий ворвались на окраины Берлина и завязали сражение в городе. Несмотря на усилившееся сопротивление противника, 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковая армии к исходу 21 апреля вклинились в городской оборонительный обвод в районах Перерсхагена и Эркнера. Для быстрейшего подавления противника огнем и танковой лавиной 1-я и 2-я гвардейские танковые армии использовались для боевых действий в городе совместно с общевойсковыми армиями.

Войска1-го Украинского фронта осуществляли стремительный маневр по охвату франкфуртско-губенской группировки противника и выходу к Берлину с юга и запада. За 19 и 20 апреля 3-я и 4-я гвардейские танковые армии продвинулись на 95 км и вышли на подступы к Берлину с юга. 21 апреля 3-я гвардейская танковая армия ворвалась на южную окраину Берлина, 4-я гвардейская танковая армия вышла на южные подступы к Потсдаму. Используя успех танковых армий, общевойсковые армии ударной группировки фронта быстро продвигались на запад. В это время немецко-фашистское командование повернуло 12-ю армию, ранее предназначавшуюся для действий против американских войск, на восток, против 1-го Украинского фронта, чтобы в районе Ютербога выйти на соединение с войсками 9-й армии и частью сил 4-й танковой армии, пробивающимися на запад. Для нанесения удара по нашим войскам, обходившим Берлин с севера, предполагалось использовать армейскую группу генерала Штейнера.

С 20 по 26 апреля войска 2-й армии Войска Польского и 52-й армии 1-го Украинского фронта, наступавшие на дрезденском направлении, отразили сильный контрудар противника — три пехотные, две танковые и одна моторизованная дивизии — из района Гёрлица, чем обеспечили наступление главной ударной группировки фронта.

24 апреля войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта встретились с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями 1-го Украинского фронта юго-восточнее Берлина и тем самым закончили окружение франкфуртско-губенской группировки противника. 25 апреля войска этих фронтов соединились западнее Берлина, завершив окружение всей берлинской группировки; в тот же день в районе Торгау войска 5-й гвардейской армии встретились с подходящими с запада частями 1-й американской армии.

В это время войска 2-го Белорусского фронта форсировали Вест-Одер и прорвали оборону на его западном берегу, сковав 3-ю танковую армию противника, лишили её возможности нанести контрудар с севера по войскам, окружившим Берлин.

3-й этап. Уничтожение окруженных группировок. Взятие Берлина 26 апреля — 8 мая

Уничтожение франкфуртско-губенской группировки осуществлялось с 26 апреля по 1 мая ударами по сходящимся направлениям с целью её расчленения. Основным методом борьбы с группами противника, пытавшимися вырваться из кольца, являлся оперативный охват их наступающими войсками, а также резервами. Особое внимание обращалось на организацию обороны на путях вероятного прорыва врага. Уничтожение берлинской группировки непосредственно в городе продолжалось до 2 мая путем расчленения противника по частям. В отдельные дни удавалось очистить от врага до 300 кварталов. Каждую улицу и дом приходилось брать штурмом. Рукопашные схватки завязывались в туннелях метро, в подземных коммуникационных сооружениях и ходах сообщения. Основу боевых порядков стрелковых и танковых частей в период боев в городе составляли штурмовые отряды и группы. Большая часть артиллерии (вплоть до 152- и 203-мм орудий) придавалась стрелковым подразделениям для ведения огня прямой наводкой. Танки действовали как в составе общевойсковых соединений, так и в составе танковых корпусов и армий, оперативно подчиняясь командующим общевойсковыми армиями или же действуя в своей полосе наступления (2-я гвардейская танковая армия).

29 апреля начались упорные бои за рейхстаг, овладение которым было возложено на 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Бой шел за каждый коридор, за каждую комнату. 30 апреля над рейхстагом заалело Красное Знамя Победы. 30 апреля берлинская группировка была расчленена на изолированные части. 1 мая части 3-й ударной армии, наступавшие с севера, встретились южнее рейхстага с частями 8-й гвардейской армии, наступавшей с юга, а к 15 часам 2 мая сопротивление противника полностью прекратилось, остатки берлинского гарнизона во главе с начальником обороны Берлина генералом Вейдлингом сдались в плен. Борьба с отдельными группами, пытавшимися прорваться из окрестностей города на запад, закончилась 5 мая. С 3 по 8 мая войска 1-го Белорусского фронта выходили к Эльбе, уничтожая отдельные группы противника.

1-й Украинский фронт приступил к завершению освобождения Чехословакии.

2-й Белорусский фронт, преследуя остатки разбитой 3-й танковой армии противника, 3-4 мая вышел к Балтийскому морю и на рубеж реки Эльба, где установил связь со 2-й английской армией.

Сопротивление немецко-фашистских войск было окончательно сломлено.

8 мая 1945 года (по московскому времени 9 мая) представители германского верховного командования подписали в Карлсхорсте Акт о безоговорочной капитуляции. Фашистская Германия была сокрушена.

Выполнение этой исторической задачи стало возможным потому, что Красная Армия подошла к концу войны материально и духовно могущественной, значительно превосходя противника в оперативно-стратегическом искусстве и в военном мастерстве личного состава.

В Берлинской операции наиболее ярко проявилась организующая и направляющая роль Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба.

Верховный Главнокомандующий с присущей ему твердостью руководил Берлинской операцией, внимательно следил за ее развитием, лично координировал действия 1-го Белорусского, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов, оказывал необходимую поддержку. Обладая большими знаниями в области стратегии и военной истории, он реалистически оценивал внешнеполитическую обстановку, планы и группировки противника, состояние экономики, возможности техники и вооружения, морально-политическое состояние войск. Характерной

▲ Капитуляция

▲ Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии

чертой стиля И. В. Сталина был учет всех особенностей обстановки при планировании каждой операции.

Огромный размах и высокие темпы наступления фронтов требовали большого напряжения и слаженной работы Генерального штаба. Готовя соображения по стратегическому планированию и повседневно осуществляя контроль за выполнением директив Ставки, Генеральный штаб во всех подробностях знал обстановку на фронтах, активно помогал командующим, быстро решал весь сложнейший комплекс вопросов, обеспечивающих успех операций.

Берлинская стратегическая операция закончилась блестящей победой. В ходе операции наши войска разгромили 70 пехотных, 23 танковых и моторизованных дивизий. С 16 апреля по 7 мая было взято в плен 480 тыс. человек, захвачено свыше 1 500 танков и штурмовых орудий, 4 500 самолетов и другой военной техники.

Завершение Берлинской операции означало крушение гитлеровского «нового порядка», освобождение порабощенных народов Европы, спасение мировой культуры и цивилизации от фашизма.

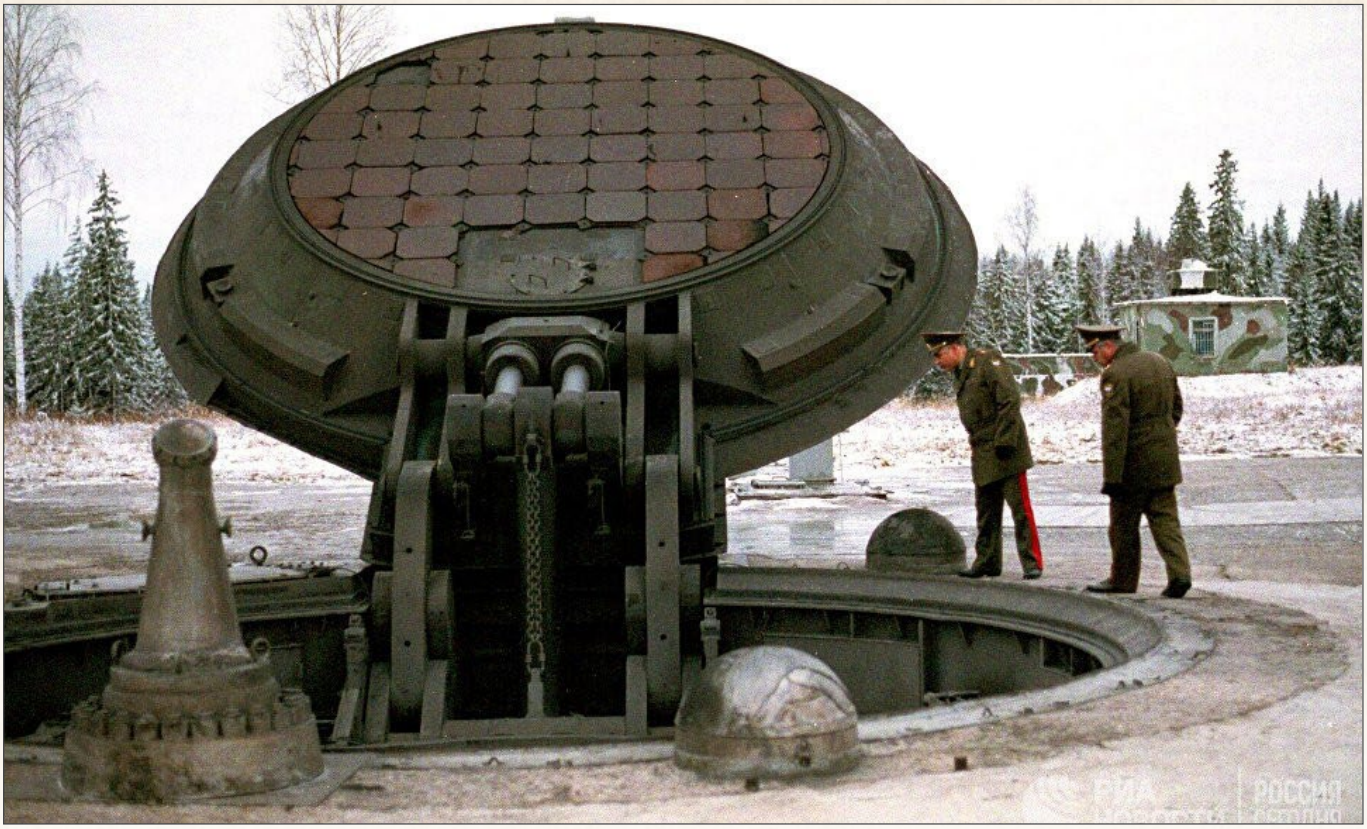
День 9 мая стал Днем Победы, великим праздником всего прогрессивного человечества.

С целью увековечения этого исторического события Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945», которой награждены свыше 13,5 млн. советских воинов. Была также учреждена медаль «За взятие Берлина». 187 частям и соединениям, наиболее отличившимся при штурме вражеской столицы, присвоено почетное наименование Берлинских. Более 600 участников Берлинской операции были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. ■

▲ Знамя Победы

КАВАД РАШ

12-е ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ



▲ Ракетная шахта

«Известные люди исчезают у нас, не оставляя следов», — заметил как-то А. С. Пушкин с невыразимой горечью. Поэт по обыкновению с внешней простотой коснулся, возможно, самой трагической стороны русской жизни, веками порождавшей все смуты, все раздоры и даже распады государства.

Но если исчезают «известные люди», то что же говорить о людях, государственных институтах, воинских частях, которые десятилетиями были насмерть засекречены не только от «супостата», но и от своего народа. Именно это произошло с подвижниками ядерного дела, общенациональными чудо-богатырями — офицерами и генералами 12-го Главного управления Министерства обороны (12-го ГУ МО), самого грозного главка державы, который в скальных подземельях хранил и хранит атомные заряды, следит за их сохранностью и доставляет к стратегическим ракетам, подводным крейсерам и бомбардировщикам.

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ

4 сентября 1947 года — дата рождения нынешнего 12-го Главного управления Министерства обороны. Правда, тогда первое структурное подразделение в военном ведомстве, занимавшееся ядерным оружием, назвали Специальным отделом Ге-

нерального штаба. Поэтому 4 сентября — праздник для всех, кто связан с ядерным главком, о котором поют «12-й главк — та же Россия, только больше порядка чуть-чуть».

Первым начальником Спецотдела был назначен генерал-майор инженерных войск Болятко Виктор Анисимович, просвеченный органами до седьмого колена и найденный безукоризненно чистым.

На генерал-майора Болятко было возложено осуществление единой военно-технической политики во всех видах и родах войск Вооруженных Сил для разработки, испытаний, хранения и эксплуатации ядерных боеприпасов. Генералу Болятко сорок лет. Он в расцвете сил, полон энергии, а за плечами его служба в Генеральном штабе на ответственных участках в течение десяти лет вместе с огненными годами Великой Отечественной войны.

Службу в Красной Армии начал Виктор Анисимович в 1928 году 22-летним парнем в рядах знаменитой кавалерийской дивизии имени Котовского в городе Бердичеве. Чувствуя призвание к инженерному делу, он поступает в Военно-инженерную академию и по ее окончании распределяется в подмосковный поселок Нахабино в Военный научно-исследовательский институт инженерной техники РККА.

В. А. Болятко обладал счастливым свойством привлекать внимание ясностью и широтой мышления при врожденной точности формулировок.

Военный НИИИТ РККА постоянно посещали крупные военачальники. На Болятко не обратил внимание нарком обороны, «первый маршал» К. Е. Ворошилов — перевести дельного офицера в Генеральный штаб по части фортификации и оборонительных сооружений. В. А. Болятко в Генеральном штабе не затерялся. О нем с похвалой отзывался генерал-полковник С. М. Штеменко, а Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников настоял на учебе перспективного офицера в Академии Генерального штаба.

Генерал-лейтенант Болятко вошел в историю как создатель 12-го ГУ МО и первый организатор освоения Флотом и Армией ядерного оружия с негласным титулом «первый ядерщик Вооруженных Сил».

Первым атомщиком на Военно-Морском Флоте стал вице-адмирал Петр Федорович Фомин — человек редкой одаренности и честности. Его вклад в создание атомного полигона на Новой Земле был столь велик, что ставился вопрос о переименовании главного городка на архипелаге Новая Земля в город Петрофоминск.

И Болятко, и Фомина отличали широта кругозора, прямота и верность делу. Как-то главком ВМФ адмирал флота С. Г. Горшков упрекнул Фомина: «Вы и Болятко денег не считаете». Имелось в виду строительство особо укрепленных баз ядерного оружия, которые неспособно пробить даже прямое попадание атомной бомбы. Многолетняя безаварийная эксплуатация ядерных зарядов на этих мощнейших базах подтвердила верность инженерного кругозора Болятко и Фомина.

Необходимость централизации хранения и эксплуатации ядерного оружия лучше всех, пожалуй, осознавал заместитель министра обороны Главный маршал артиллерии М. И. Неделин, первый главком нового вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). По его докладной записке министру обороны Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому

▲ КПП базы ядерных изделий

появилась директива Генерального штаба об образовании 12-го Главного управления Министерства обороны (12-го ГУ МО). Первым начальником его был назначен генерал-лейтенант В. А. Болятко, за плечами которого уже более чем десятилетняя служба по хранению и эксплуатации ядерных зарядов. 12-м ГУ МО Болятко руководил с 1959 по 1965 год.

Таким образом, эксплуатацией ядерного оружия он занимался 18 лет и всегда на первых ролях.

▲ Атомные изделия

БЕЗ ПРЕСЛОВУТОГО АВОСЬ

Разумнее всего изучать историю 12-го ГУ МО по деяниям, прежде всего, начальников ядерного главка. Они выполняют все директивы власти, отвечают за безопасность, а главное — подбирают офицерские кадры и влияют на общую политику и атмосферу главка. Кроме того, как правило, на смену начальнику 12-го ГУ МО обычно заступал его первый заместитель, утверждая преемственность традиций. После генерала Болятко 12-м ГУ МО с 1965 по 1974 год руководил его первый заместитель — генерал Егоров Николай Павлович — «пионер эксплуатации ядерных зарядов».

Егоров родился в 1907 году. В 1928-м уроженец деревни Денисьево на Смоленщине поступает в Ленинградскую кавалерийскую школу. В 1932-м он на кавалерийском отделении Московских курсов переподготовки командного состава. Казалось бы, что может быть общего у конницы с физическими проблемами? Но пытливый кавалерист Егоров служит в саперном эскадроне. В 1937 году поступает в Военно-электротехническую академию РККА, а после ее окончания направляется в Военно-Воздушные Силы.

В 1951 году при Первом Главном Управлении Совета Министров СССР создается отдел военной приемки, куда направляется служить инженер-полковник Н. П. Егоров. Здесь он возглавляет отдел специальной приемки деталей, узлов, механизмов и материалов для первых образцов авиационных атомных бомб.

В 1953 году образовано Министерство среднего машиностроения, которое целиком занято атомным делом страны. Через четыре года руководителем этого сверхминистерства назначат Славского Ефима Павловича, который будет занимать этот пост до самой «горбачевской перестройки».

Сперва в суперсекретном Среднемаше Н. П. Егорову доверят одну из важнейших должностей в Главном управлении приборостроения. С приходом Славского в министерстве появляется Главное управление комплектации и его начальником становится генерал-майор инженерно-технической службы Н. П. Егоров. Причем отбор в организацию с прозаическим названием «Главкомплект» военных инженеров был не менее строгим, чем в отряд космонавтов. Кроме высокой профессиональной выучки от офицеров требовались непоколебимая честность, характер, деловитость.

Военная приемка и контроль — в известном смысле основа деятельности офицеров 12-го ГУ МО. Именно это обеспечило высочайшую надежность наших ядерных зарядов и порядок на базах хранения. Роль в этом деле генерала Н. П. Егорова невозможно переоценить.

Став начальником 12-го ГУ МО, генерал Егоров исключительное внимание уделял надежности боеготовности и боеспособности ядерного оружия. При активном участии Егорова разработано поколение контрольно-стендовой аппаратуры, способной обеспечить проведение регламентных работ и проверок в полевых условиях с минимальной затратой времени. В несколько раз был увеличен гарантийный срок службы ядерных боеприпасов.

Генерал-полковник Егоров хорошо разбирался в людях и умело подбирал кадры. Его сослуживец генерал-лейтенант Н. К. Белобородов вспоминал: «Понимая, что достижение безотказности и безопасности ядерного оружия зависит, прежде всего, от людей, он в основу работы с техникой положил культ документации, исполнительной дисциплины, высокой технической культуры».

В 12-м ГУ МО истребили пресловутое «авось».

«СПАСИБО БОЙЧУКУ!»

«Создатель ядерно-технических войск» — так именуют третьего начальника 12-го ГУ МО маршала артиллерии Ефима Васильевича Бойчука. Он командовал главком одиннадцать лет — с 1974

▲ Ракетная установка на ж.д.

по 1985 год — время бурного развития ядерных сил и достижения паритета с США.

Путь Е. В. Бойчука к военным вершинам поучителен. Родился 24 декабря 1918 года на Украине, в Хмельницкой области, в селе Юхимовицы. В 1939-м окончил артиллерийское училище. Войну начал командиром батареи, затем был начальником штаба артиллерийского полка. Великую Отечественную войну Е. В. Бойчук завершил офицером штаба артиллерии фронта. Его ум и боевитость оценили по достоинству. После Победы он командует артиллерийским полком. В 1955-1957 годах — начальник Камышинского артиллерийского училища.

Гвардейцы реактивной артиллерии были на особом счету, когда стали создаваться Ракетные войска. Так Ефим Васильевич оказался с 1957 года на должности командира соединения межконтинентальных ракет.

Кадровая политика времен И. В. Сталина была еще в полной силе. Военный отдел ЦК выявлял всех умных, честных и твердых офицеров. Такой кадр, как Бойчук, был на особом учете.

В 1960 году его перевели в Генеральный штаб в Главное оперативное управление. Интеллектуально Бойчук вырос в Генеральном штабе с его мощью и горизонтом.

Когда в 1974 году Ефима Васильевича назначили начальником 12-го ГУ МО, он был уже и генерал-полковником, первым заместителем начальника Оперативного управления. Как ракетчик в Генштабе курировал ракетно-ядерные вопросы. Все генеральские звания Бойчук заслужил активной работой в «мозге армии» в течение 14 напряженных лет.

Семидесятые годы, которые расхожие демагоги называют «застоем», были периодом героических и интенсивных усилий страны в создании всех видов вооружений. Именно в этот «брежневский период» мы добились примерного равновесия с США.

Имеющееся ядерное оружие необходимо было хранить, готовить к военным действиям и доставлять его по назначению при любых обстоятельствах, даже в случае начала атомной, не дай Бог, войны. Эту задачу должен был обеспечить Вооруженным Силам маршал артиллерии Е В. Бойчук начальник 12-го ГУ МО, создатель ядерно-технических войск.

Когда в 1985 году Е. В. Бойчук завершал свою службу в 12-м ГУ МО, ядерные арсеналы США и СССР достигли буквально умопомрачительных объемов и составляли с каждой стороны до 25-30 тысяч ядерных боеприпасов. Таков был «застой», хотя гонка вооружений тяжелым бременем ложилась на экономику страны.

Маршал артиллерии Бойчук оставил свой пост в 1985 году. В воздухе «запахло» перестройкой, к этому времени 12-му ГУ МО было 35 лет. За эти годы ядерным главком руководили три военачальника. Сами офицеры шутливо пели: «Здоровье в порядке — спасибо Болятке!», «Жили здорово — спасибо Егорову!», «А сейчас мы начеку — спасибо Бойчуку!».

ТАНКИСТ И РАКЕТЧИК

Четвертым начальником 12-го ГУ МО в 1985 году стал генерал-полковник Владимир Иванович Герасимов. Своей биографией отличался от своих предшественников. Он был уже человеком послевоенной формации.

Родился 19 сентября 1931 года в поселке Лебяжье Курганской области. В армию пошел в 1949-м. В. И. Герасимова определили в танковые войска, овеянные славой грандиозных битв Великой Отечественной войны. Страна залечивала раны, но в душах молодых танкистов еще звучали «гимновые» победные струны в окрылявших словах: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход». Эти слова для В. И. Герасимова были маяком. В 1961 году он окончил с золотой медалью Военную академию бронетанковых войск.

В ту пору офицер не распоряжался своей судьбой. Капитан-танкист Герасимов следующую четверть века проведет в РВСН, став командующим 31-й ракетной армией.

В ноябре 1985 года на должность начальника 12-го ГУ МО заступил генерал-полковник В. И. Герасимов. Танкист и ракетчик во главе ядерного главка державы — такого еще не было в 12-м ГУ МО. Три его были фронтовиками, генералами выросли в с школе Генерального штаба. Как сказали бы верующие люди, — «там они несли послушание».

Времена неуловимо менялись. В сердце трех славянских народов взорвался Чернобыль, который совпал с пресловутой перестройкой. Никто не был против обновления жизни, которую Горбачев обещал буквально «облагородить». Но военные безошибочным инстинктом почувствовали в нем опасного вредителя — перевертыша приспособленца. Ставропольский помощник комбайнера выступал перед военными с каким-то нервным смятением, не мог подобрать тон и размахивал руками чаще обычного. Мы в панике стали выводить из Германии войска, резать стратегические самолеты и уничтожать чудо-ракеты «Пионер».

Но 12-й ГУ МО на, то и ядерный главк, должен выполнять свою службу в любых условиях, даже в случае атомной войны, и не терять зоркости, слаженности и присутствия духа, ни от Чернобыля, ни от перестройки и даже, ни от последовшего распада государства. Генерал-полковник Герасимов управлял 12-м ГУ МО семь лет. Когда он уволился в 1992 году, Советского Союза уже не существовало. Можно представить, какие семь лет выпали на его долю. Из карты 12-го ГУ МО исчезло много объектов, в том числе и Семипалатинский полигон в Казахстане.

ИДЕОЛОГ И ОРГАНИЗАТОР

Так оценивали сослуживцы вклад в развитие 12-го ГУ МО его пятого начальника — генерал-полковника Евгения Петровича Маслина, который командовал ядерным главком пять ответственных лет. До этого Евгений Петрович три года — с 1989 по 1992-й прослужил первым заместителем предыдущего начальника — В. И. Герасимова.

Е. П. Маслин — выпускник 1959 года Военной академии связи имени С. М. Буденного. Родился 20 мая 1937 года в селе Ново-Томниково на Тамбовщине.

Генерал-полковник Маслин — единственный начальник 12-го ГУ МО, который начал здесь службу 22-летним лейтенантом, и, став генерал-полковником, возглавил ставший ему родным ядерный главк. Начинал он с должности инженера отдела в 1959 году. Прошел путь до командира центральной базы ядерного оружия. В апреле 1989-го назначается первым заместителем начальника 12-го ГУ МО генерал-полковника Герасимова и через три года возглавляет главк. Впервые у руководства становится офицер, который на собственном опыте познал и испытал все пути и секреты хранения и эксплуатации грозного оружия.

На годы службы генерала Маслина пришлось смутное, переходное время с распадом государства, зловещими вспышками терроризма, сепаратизма, деградации, нищеты и голода.

На слушаниях в Государственной думе в ноябре 1996 года начальник инспекции государственного надзора за безопасностью ядерного оружия генерал-майор В. Н. Обаревич говорил: «Я вообще не представляю,

▲ Тоннель, по которому вывозились готовые изделия

▲ Скальная стоянка подводных лодок

как живут люди, в частности в Министерстве обороны. У людей нет денег, людям не на что жить. Майор, который завтра идет на техническое обслуживание ядерного боеприпаса, теряет сознание от голода. Как обслуживать ядерные боеприпасы? А ведь это боеприпас, для которого нужны еще и расходные материалы. А на эти расходные материалы денег тем более нет. Мы дошли до того, что у нас нет для офицеров тапочек, чтобы ходить в зале технического обслуживания (он не имеет права ходить в своей обуви). Мы дошли «до ручки». Мы надеялись на то, что положение каким-то образом улучшится, а как я понимаю, положение резко ухудшается».

Генерал Обаревич не сгущал краски. Действительность была хуже. Выплату денежного содержания задерживали по два-три и более месяцев. Компенсацию взамен продовольственного пайка не выплачивали. Из-за отсутствия денег забыли об отпусках. Отрезанных от мира в секретных базах людей съедали тоска и безвестность. Из-за прекращения поставок продуктов, жены офицеров освоили выпечку хлеба. Порой выручали только земельные участки и дары леса. Обострились проблемы с жильем. Некоторые офицеры своими руками, строили себе жильё.

Но страшнее всего была опасность потери ядерных зарядов или их захват террористами. Уже гремел боями Кавказ, куда хлынули фанатики из-за рубежа.

Сам начальник главка генерал-полковник Маслин так вспоминал о беспечном ротозействе 60-х годов: «Тогда ядерные боеприпасы мы отправляли в Восточную Европу в таких же вагонах, в которых гнали цемент, железо и крупу. Новое время требовало бдительности и кардинальных изменений. Своих защищенных средств перевозки ядерных зарядов у нас не было. Пришлось просить на Западе бронированные чехлы, суперконтейнеры и новые компьютерные системы. Получили от американцев (купили) сто особых грузовых железнодорожных вагонов, пятнадцать вагонов охраны, 4520 бронечехлов, 150 суперконтейнеров».

Офицеры ядерного главка с первого дня стали по сути безвестными национальными героями. Они при самых мрачных обстоятельствах не позволили себе ни ропота, ни нытья. Они сознавали, что от ядерного оружия, которое им доверили, по существу зависит судьба их родного народа и государства.

Такая военная доля выпала генерал-полковнику Маслину и его подчиненным. После распада СССР под его руководством была успешно решена проблема сохранения ядерного арсенала России, обеспечен высокий уровень безопасности эксплуатации ядерных боеприпасов.

«НОВЫЙ ИВАН КАЛИТА»

Шестым начальником ядерного Главка судьба в лице высшего начальства избрала генерала Валынкина Игоря Николаевича в 1997 году. Но до этого ему выпало суровое испытание на должности первого заместителя начальника 12-го ГУ МО. Случилось это в 1992-м — с первого года постсоветской России после распада СССР, что само по себе многое объясняет. Ни одному начальнику главка с 1947 года не досталось спокойной жизни. Но то, что досталось ядерщикам после 1991-го, не испытывал никто ни в стране, ни в мире в целом.

И. Н. Валынкин родился 16 октября 1942 года на станции Вербье Маловишерского района Ленинградской области. В Вооруженных Силах с 1960-го, со дня поступления в Серпуховское высшее командно-инженерное училище, которое и поныне является ведущим инженерным институтом Ракетных войск. В 1965 году началась служба лейтенанта Игоря Валынкина в РВСН.

Толковый грамотный офицер с характером и требовательностью к дисциплине не затерялся в среде «стратегов». Через 17 лет он командует 13-й ракетной дивизией (1982-1984). Позже опытный командир назначается начальником ядерного управления (1989-1992) Ракетных войск стратегического назначения. Там он становится специалистом по нештатным грозным ситуациям в масштабах страны.

Уже после ответственной должности начальника ядерного управления

И. Н. Валынкин оканчивает Военную академию им. Ф. Э. Дзержинского, ныне Военную академию РВСН имени Петра Великого, а затем и Военную академию Генерального штаба.

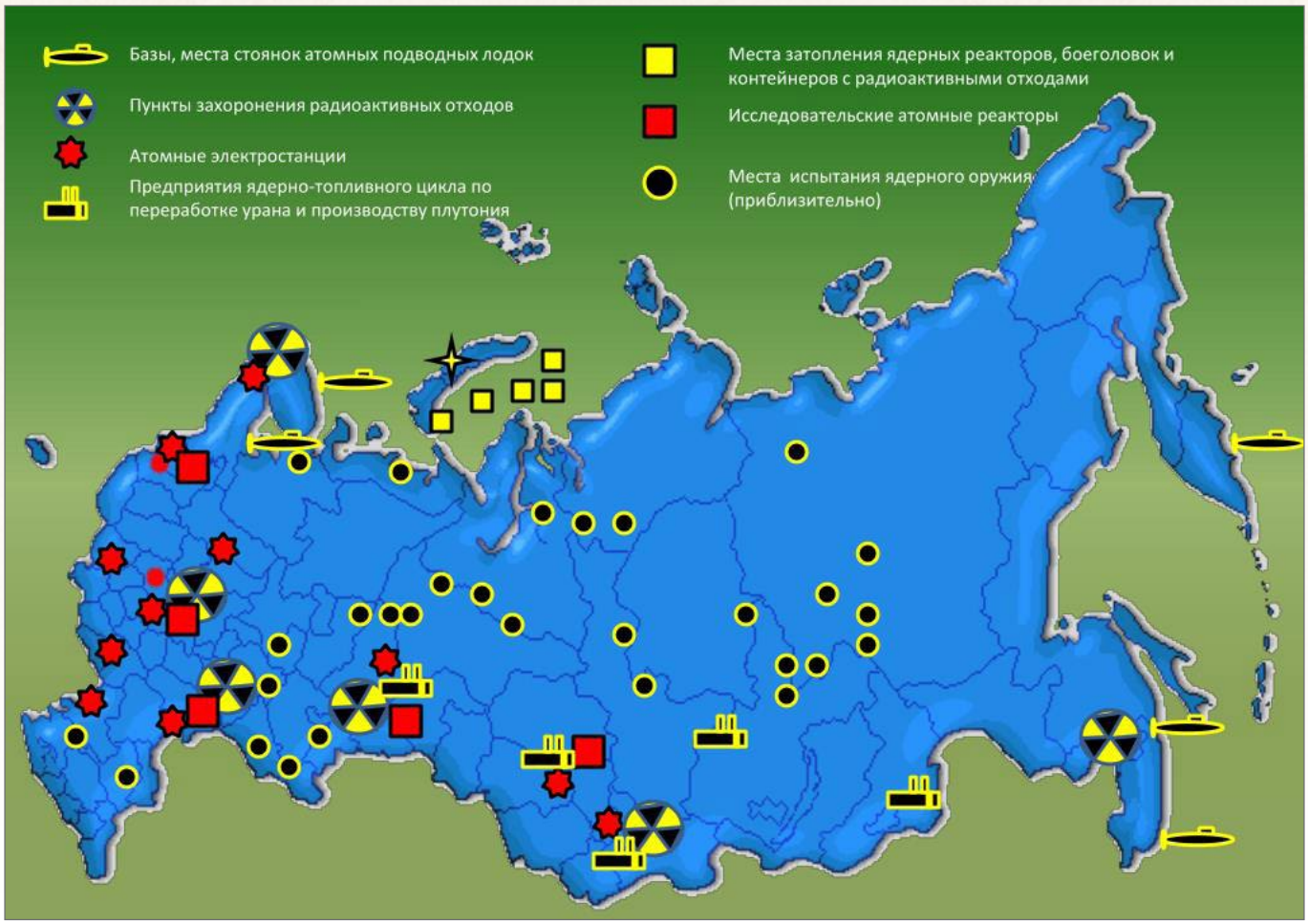
С 1992 года генерал Валынкин — в 12-м ГУ МО, сначала в качестве первого заместителя, а с сентября 1997-го — руководителя главка.

Время тогда в Вооруженных Силах было, можно сказать, «ракетное». Министром обороны стал впервые в истории главком РВСН Игорь Сергеев, первый и единственный маршал новой России. Последнее обстоятельство «травмировало» многих сухопутных военачальников. У них едва «зарубцевались психологические раны» после назначения «демократами» на должность министра обороны сначала авиатора Шапошникова, а потом десантника Грачева убогим глаковерхом страны. Таковы были новые времена печальных перемен. Но ядерное оружие не любит встрясок и непродуманности. Лучше всех это понимали «стратег»-министр и такие люди, как Валынкин.

И. В. Валынкину было предопределено место первого лица в 12-м ГУ МО. Что же выпало на его долю с того дня, когда он там появился в должности первого заместителя в 1992 году? Сухой перечень задач сам по себе впечатляет. Требовалось собрать в республиках, охваченных смутой, переделами, терроризмом, все ядерные заряды и вывезти в Россию, ту страну, которая и создала их.

Став начальником главка, И. В. Валынкин продолжил интеграцию оружия и стал сосредоточивать в 12-м ГУ МО ядерные заряды из всех видов и родов войск под единое командование главка. Эта деятельность — отдельная эпопея. Здесь Игорь Николаевич весьма условно выступил в роли «ядерного Ивана Калиты», собиравшего в свое время русские земли вокруг Москвы.

Шло время и надо было часть зарядов утилизировать. За этим казенным термином кроется опасная и филигранная работа, ибо разобрать и разложить ядерный боезаряд даже труднее, чем его собрать. Особой проблемой для ядерщиков явилось создание безотказной, надежной системы охраны секретных объектов для исключения даже попыток проникновения террористов. И еще. На долю генерала Валынкина выпала задача полного восстановления после деградации и забвения ядерного полигона на архипелаге Новая Земля.



▲ Ядерные объекты России

▲ Ядерный потенциал

НЫНЕШНИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Час генерал-полковника Верховцева пробил 19 декабря 2005 года. С должности начальника штаба — первого заместителя начальника 12-го Главного управления (1998-2005) он назначается начальником 12-го ГУ МО, которым руководит и поныне. Следует отметить, что генерал Верховцев, став в 50 лет начальником главка, уже 16 лет находился на ядерном направлении. Его служба в Главном оперативном управлении Генерального штаба с 1989 года. Когда генерал Валынкин занял должность первого заместителя в 12-м ГУ МО, Верховцев уже три года курировал ядерное направление Генерального штаба Вооруженных Сил.

Владимир Николаевич Верховцев родился 27 января 1955 года в поселке Ляль-Микар Джарнургансского района Сурхан-Дарьинской области Узбекистана в семье геолога. В 1972-м — курсант нынешней Военной академии РВСН имени Ф. Э. Дзержинского (сейчас имени Петра Великого). Учился он увлеченно, одновременно выступая за сборную академии по баскетболу. Начинал службу лейтенант Верховцев в сборочных бригадах и штабах на объектах Главного управления Сибирского и Московского военных округов.

В настоящее время в период выхода Вооруженных Сил на новый облик деятельность генерал-полковника Верховцева направлена на безусловное поддержание соединений и воинских частей 12-го ГУ МО в боевой готовности, обеспечение сохранности ядерного боезапаса и повышение ядерной безопасности...

Секретность и закрытость службы офицеров-ядерщиков скрывают от нас подробности их суровой жизни на объектах. Из-за строгих режимных ограничений многие поколения военных атомщиков были обделены вниманием общества, а их неоценимая роль в судьбе Отечества в должной мере не освещена. Роль эта и чрезвычайная, и подвижническая. Без ядерного меча не могло бы существовать наше государство. Наш народ должен знать и помнить, кому обязан миру и жизни на Земле.

Жизнь и дела свидетельствуют, что за 63 года, образно говоря, в «великолепной семерке» начальников 12-го ГУ МО не было ни одного заурядного генерала и посредственного руководителя.

Я намеренно выделил первых лиц главка и убежден, что они по самоотверженности, скромности, профессионализму и верности делу некие собирательные образы всех своих сослуживцев. ■

АВИАЦИЯ В БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

▲ Ил-4

9 апреля 1945 г. командующий ВВС Советской Армии, находясь еще на 3-м Белорусском фронте, получил указания Ставки Верховного Главнокомандования убыть на 1-й Белорусский фронт для участия в подготовке и координации боевых действий всех привлекаемых сил авиации в Берлинской операции. В состав оперативной группы командующего ВВС вошли генерал Н. Ф. Андрианов, полковник М. Н. Кожевников, майоры Л. М. Смирнов, П. А. Колесников и из отдела по изучению опыта войны оперативного управления штаба ВВС полковник Ф. С. Лучкин. Штаб ВВС Советской Армии обеспечивал сосредоточение авиационных резервов на берлинское направление и совместно с командованием и штабом авиации дальнего действия разрабатывал вопросы боевого применения 18-й воздушной армии. По указанию Ставки ВГК на берлинское направление перебрасывались авиационные соединения РВГК. Так, в 16-ю воздушную армию сосредоточивались 6-й бомбардировочный авиакорпус (командир генерал И. П. Скок), 1-й гвардейский истребительный авиакорпус (командир генерал Е. М. Белецкий), 113-я и 138-я бомбардировочные дивизии, 240-я истребительная авиадивизия (командиры полковник М. С. Финогенов и Герой Советского Союза полковник А. И. Пушкин и генерал Г. В. Зимин). Группировка советской авиации состояла из трех (4-й, 16-й и 2-й) воздушных армий фронтовой авиации, которыми командовали генералы К. А. Вершинин, С. И. Руденко, С. А. Красовский и 18-й воздушной армией авиации дальнего действия — Главный маршал авиации А. Е. Голованов. Во 2-й и 16-й воздушных армиях находилось 50 авиационных соединений, из них приданных из резерва ВГК 32 авиасоединения. В составе 4-й воздушной армии было 15 авиационных соединений, в том числе 6 приданных из резерва ВГК. 16-я воздушная армия 1-го Белорусского фронта к началу операции имела 28 авиационных дивизий и 7 отдельных авиационных полков. В армии насчитывалось 3033 исправных боевых самолета (533 дневных и 151 ночной бомбар-

▲ А.Е. Голованов слева, Берлин, 1945 г.

дировщик, 687 штурмовиков, 1548 истребителей, 114 разведчиков и корректировщиков). 16-я воздушная армия к началу берлинской операции была самой большой по составу в наших ВВС. Вместе с воинами 1-й и 2-й армий Войска Польского в операции участвовали 1-й Польский смешанный авиационный корпус и 4-я Польская смешанная авиационная дивизия. Общее число нашей составляло 7500 боевых самолетов.

Средняя плотность авиации на 1 км фронта с учетом общей протяженности полосы наступления была весьма высокой — до 30 самолетов. На направлениях главных ударов она составляла более 100 самолетов, а в полосе наступления 5-й ударной и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта плотность достигала 170 самолетов. Для размещения такого количества авиации инженерными частями воздушных армий при активной помощи сухопутных войск было восстановлено и построено вновь 290 аэродромов, создан на 10–12 суток надежный запас горючего, боеприпасов и других видов материально-технического обеспечения действий авиации.

Такого большого числа авиационных соединений и самолетов в трех фронтах не привлекалось ни в одной из наступательных операций сухопутных войск за время Великой Отечественной войны. Для целеустремленного и высокоэффективного оперативного применения всех сил авиации в операции требовалась координация их усилий, согласование времени и последовательности нанесения массированных ударов, определение полос их действий, а также аэродромов для посадки авиачастей после выполнения боевого задания в полосах соседних фронтов. Все эти вопросы решались командующим ВВС как представителем Ставки ВГК совместно с командующими войсками фронтов и воздушными армиями непосредственно в районе боевых действий. Перед авиацией фронтов были поставлены следующие задачи: прочно удерживать оперативное господство в воздухе; надежно прикрыть войска и объекты тыла фронтов от ударов вражеской авиации; провести авиационную подготовку и поддерживать сухопутные войска при прорыве тактической зоны обороны противника; содействовать войскам 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в форсировании рек Одер, Нейсе, Шпрее; обеспечить ввод в сражение танковых армий; уничтожить резервы противника; вести воздушную разведку и наблюдение за полем боя.

Весьма тщательно были разработаны планы боевого применения воздушных армий в операции. При разработке планов особое внимание обращалось на организацию взаимодействия авиации с войсками и на обеспечение ввода в сражение танковых армий и отдельных танковых и механизированных корпусов и на сопровождение их авиацией на всю глубину операции.

1-я и 2-я гвардейские танковые армии (командующие генералы М. Е. Катуков и С. И. Богданов) 1-го Белорусского фронта нацеливались

на Берлин с севера и северо-востока, а 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии (командующие генералы П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко) 1-го Украинского фронта предусматривалось в случае их выхода за Люббен повернуть тоже на Берлин. Стальные лавины двух взаимодействующих фронтов должны были при активном содействии ВВС ворваться в Берлин, окружить город и отсечь пути отхода на запад основным силам берлинской группировки противника. Планами предусматривалось для поддержки танковых армий выделение до 75% авиации 16-й и 2-й воздушных армий. На направлении главного удара войск 1-го Белорусского фронта, наносимого с плацдарма на реке Одер, западнее Кострина, для поддержки двух общевойсковых и двух танковых армий выделялись основные силы воздушной армии в количестве 2453 самолетов, в то время как северную и южную вспомогательные группировки поддерживали с воздуха только по одной авиадивизии.

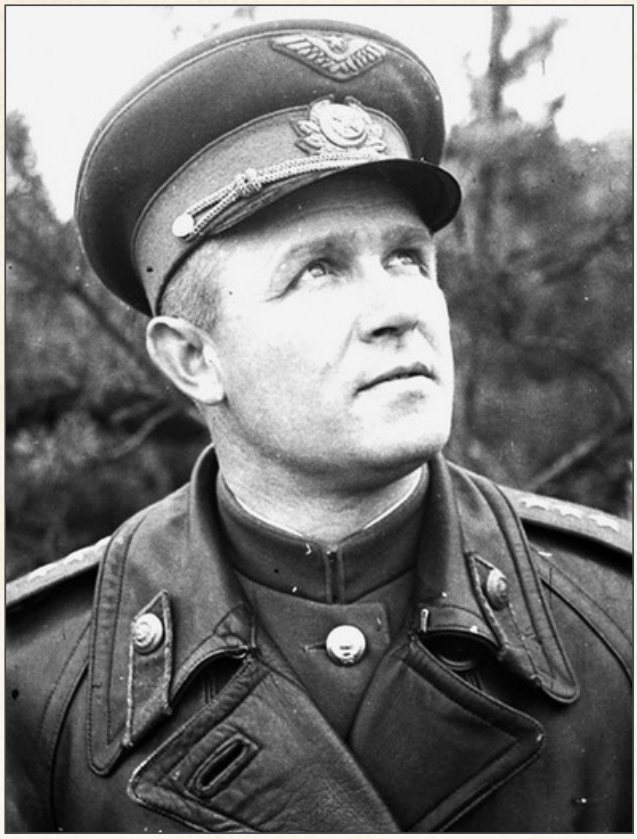
По плану боевого применения авиации 2-й воздушной армии намечалось в первый день операции 16 апреля нанести по противнику четыре массированных удара силами 800, 570, 420 и 370 самолетов, а в промежутках между ударами должны были действовать небольшие группы самолетов всех родов авиации.

В организации боевых действий 4-й воздушной армии также были свои особенности. Из-за нахождения артиллерии 2-го Белорусского фронта на восточном берегу Одера подавление и уничтожение объектов противника, расположенных в глубине, возлагалось на авиацию, главным образом на штурмовую, так как бомбардировочная группа 4-й воздушной армии была недостаточно мощной. Планировалось в первый день наступления произвести более 4 тыс. самолето-вылетов.

Тщательно готовилась к операции и 18-я воздушная армия (АДД), которая перед началом наступления в темное время должна была нанести первый массированный удар по основным опорным пунктам второй полосы обороны на направлении главного удара войск 1-го Белорусского фронта, а затем в ходе наступления нанести еще ряд мощных авиационных ударов.

Командующим ВВС Советской Армии совместно с командованием фронтов много внимания уделялось организации взаимодействия авиации с войсками. От командующих и штабов воздушных армий требовалась детальная отработка планов взаимодействия с каждой танковой и общевойсковой армией. В ходе подготовки неоднократно заслушивались доклады командующих воздушных армий и командиров авиационных соединений, вносились поправки и исправления. Обращалось внимание командующих на возможность сильного противодействия в воздухе со стороны противника. Было известно, что в авиационную группировку противника, поддерживавшую группу армий «Висла» и частично «Центр», входили соединения 6-го воздушного флота и воздушного флота «Райх», основу которого составляла авиация ПВО берлинской зоны. На аэродромах Берлина гитле-

▲ Постановка задачи на бомбометание



▲ С.И. Руденко

▲ С.А. Красовский

ровцы имели и реактивные самолеты Ме-262 и самолеты-снаряды системы «Мистель».

Войска противника прикрывали около 200 зенитных батарей, а непосредственно для обороны Берлина было сосредоточено 600 зенитных орудий.

Близкий конец войны, который ощущал весь летный состав, и наше общее большое превосходство в силах авиации могли породить расслабленность и самоуспокоенность. Поэтому требовалось проведение большой разъяснительной работы со всем личным составом и мобилизация его на отличное выполнение поставленных задач.

В ночь на 16 апреля А. А. Новиков выехал на наблюдательный пункт 8-й гвардейской армии, где располагалось руководство фронта во главе с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым, членом Военного совета генералом К. Ф. Телегиным и командованием этой армии во главе с генералом В. И. Чуйковым.

16 апреля в 3 часа утра (по берлинскому времени) началась мощная, невиданная по силе артиллерийская подготовка. Тысячи разрывов снарядов и мин сотрясали воздух. От вспышек орудийных выстрелов было светло. Почти одновременно более 150 самолетов-ночников 16-й и 4-й воздушных армий начали бомбить штабы и узлы связи на первой и второй полосах обороны противника. Перед началом атаки пехоты и танков в полосе главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта по единому сигналу были включены 140 зенитных прожекторов, которые своим светом ослепляли врага. Артиллерия перенесла огонь на вторую полосу обороны. Войска устремились в атаку. Перед этим 745 тяжелых ночных бомбардировщиков 18-й воздушной армии нанесли мощный массированный удар по основным опорным пунктам второй оборонительной полосы. Над долиной Одера и Зееловскими высотами бушевало море огня. Артиллерийская канонада, гул самолетов, разрывы крупнокалиберных бомб, скрежет гусениц двигающихся вперед танков, стрельба из автоматов раскатывались по всему Одеру. С наступлением рассвета была введена в сражение 16-я воздушная армия. Низкий утренний туман внес коррективы в план ее боевого применения. С рассвета и до 8 часов утра действовали только штурмовики группами в шесть — девять самолетов, пикирующие бомбардировщики Пе-2 начали свои удары по объектам противника после 8 часов утра. Однако основные силы 16-й воздушной армии были применены только во второй половине дня, когда Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым было принято решение на ввод в сражение 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. В 15 часов дня в воздухе находилось 647 боевых самолетов. Это был мощный воздушный заслон танковым армиям, надежно прикрывавший их с воздуха и эффективно поражавший огонь вражеской артиллерии. В то же время весьма активно стала действовать вражеская авиация. Группами в 20—40 машин она пыталась прорваться к боевым

порядкам наших наступавших танковых армий. Начались ожесточенные воздушные бои, которые не прекращались до конца дня. Истребители 16-й воздушной армии действовали решительно по всему фронту как над полем боя, так и на подступах к нему. В большинстве случаев воздушные бои велись на подступах к нашим войскам. Этому во многом способствовала отлично действовавшая сеть радиолокационных станций, которые своевременно обнаруживали вражескую авиацию, по их данным осуществлялся маневр истребительной авиацией и наращивались ее усилия на наиболее угрожаемых направлениях.

Наша авиация в этот день сосредоточивалась на подавление вражеской обороны на Зееловских. высотах и на поддержку танковых армий; 2/3 всех совершенных самолето-вылетов было произведено на выполнение данной задачи.

16-я воздушная армия за первый день операции произвела 5300 боевых самолето-вылетов, в том числе 3200 по артиллерийским батареям, танковым группировкам и узлам сопротивления противника. Характерным для ее действий являлось сосредоточение основных сил в полосах наступления 5-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий, действовавших на главном направлении. Всего в полосах наступления этих армий действовали восемь авиационных корпусов и семь отдельных авиационных дивизий. За день летчики генерала С. И. Руденко провели 151 воздушный бой и сбили 131 вражеский самолет. Наши потери были также большими. Они составляли 87 самолетов.

На 1-м Украинском фронте наступление развивалось успешнее. К исходу 16 апреля войска Маршала Советского Союза И. С. Конева при мощной поддержке авиации довольно быстро прорвали первую полосу обороны и начали сражение за вторую. Не помогла немцам и водная преграда Нейсе. К 10 час. утра река была форсирована по всему фронту наступления.

2-я воздушная армия под командованием генерала С. А. Красовского в первый день содействовала главной группировке войск 1-го Украинского фронта в прорыве обороны и форсировании реки Нейсе. В интересах наступавших войск 418 бомбардировщиков и штурмовиков под прикрытием 250 истребителей в течение более двух часов подряд уничтожали основные опорные пункты и огневые точки на первой оборонительной полосе и нанесли очень эффективный сосредоточенный удар по объектам в районе Форст. В последующем штурмовики группами 6—12 самолетов непрерывно наносили удары по артиллерии, войскам и опорным пунктам противника непосредственно перед фронтом общевойсковых соединений сухопутных войск, сопровождая их в ходе наступления. Одновременно несколько сосредоточенных ударов бомбардировщиков было обрушено на войска и оборонительные сооружения в районах Котбуса и Шпремберга. Содействуя войскам фронта, 2-я воздушная армия в течение дня произвела 3546 боевых самолетовылетов, из них 2380 — на направлении главною удара. В этот день было проведено 33 воздушных боя и сбито 40 немецко-фашистских самолетов. Действия 2-й воздушной армии были высоко оценены А. А. Новиковым. Особенно хорошо показали себя части 1-го и 2-го гвардейских штурмовых авиационных корпусов (командиры генералы В. Г. Рязанов и С. В. Слюсарев). Это они мощными ударами заставили замолчать вражеские орудия перед наступавшими войсками и тем самым помогли им быстро овладеть узлами обороны противника на первой полосе.

▲ И.Н. Кожедуб

▲ Е.Я. Савицкий

Всего за первые сутки Советские Военно-Воздушные Силы в интересах войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов совершили свыше 10 500 боевых самолето-вылетов. В ночь на 17 апреля 18-я воздушная армия основными силами продолжала бомбить объекты противника на Зееловских высотах. Было совершено 759 самолето-вылетов и сброшено 931 тонн бомб. В дальнейшем в ходе операции 18-я воздушная армия произвела несколько массированных ночных ударов, тесно увязанных с действиями танковых армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Третий ее удар был нанесен в ночь на 18 апреля 214 самолетами по резервам и опорным пунктам северо-восточнее и восточнее Берлина; четвертый удар — в ночь на 21 апреля 529 бомбардировщиками по войскам и объектам, расположенным в Берлине; пятый удар — в ночь на 25 апреля по опорным пунктам Берлина силами 111 самолетов и шестой удар — в ночь на 26 апреля 563 самолетами. 17 апреля Верховный Главнокомандующий приказал командующему 1-м Украинским фронтом И. С. Коневу повернуть 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии на северо-запад для удара по Берлину с юга.

2-му Белорусскому фронту Ставка приказала перейти в наступление 20 апреля и не позже 22 апреля главными силами нанести удар на Шенебек в обход Берлина с севера.

С утра 18 апреля войска 1-го Белорусского фронта после короткой артиллерийской подготовки возобновили наступление и к 19 апреля завершили прорыв третьей полосы одерского рубежа обороны, а к исходу 21 апреля прорвали оборону противника на всю ее глубину до Берлина включительно.

Воздушные армии фронтов во все дни операции своими мощными ударами дневных бомбардировщиков и непрерывными действиями штурмовиков активно поддерживали наступавшие войска Заранее четко организованное взаимодействие авиационных корпусов и отдельных авиадивизий с танковыми и общевойсковыми армиями и постоянное нахождение в составе последних оперативных групп воздушных армий и авиационных представителей авиасоединений со средствами связи позволяли своевременно нацеливать бомбардировщиков и штурмовиков на объекты врага и именно в то время, которое определяли общевойсковые начальники. Например, 18 апреля пикирующие бомбардировщики 16-й воздушной армии весьма эффективно расправились с подошедшими резервами немцев в районе Бидсдорф и Мюнхеберг 16-я воздушная армия 1-го Белорусского фронта при прорыве войсками одерского оборонительного рубежа с 16 по 19 апреля оказывала поддержку с воздуха и прочно удерживала господство в воздухе. За четверо суток операции она произвела 16880 боевых самолето-вылетов.

2-я воздушная армия 1-го Украинского фронта при прорыве войсками оборонительного рубежа по реке Нейсе с 16 по 18 апреля произвела 7517 самолето-вылетов. Летчики этой армии только 17 апреля в воздушных боях сбили 48 вражеских самолетов. Особенно проявили себя в воздушных боях летчики 6-го гвардейского истребительного корпуса (командир генерал А. В. Утин), которые прикрывали 4-ю гвардейскую танковую армию генерала Д. Д. Лелюшенко. Они за 17 и 18 апреля провели 50 воздушных боев и уничтожили 56 немецко-фашистских самолетов. За последующий период наступления войск двух фронтов с 20 по 25 апреля 16-я воздушная армия совершила 15 367, а 2-я с 19 по 25 апреля — 10 285 боевых самолето-вылетов, 4-я воздушная армия, оказывая поддержку войскам фронта, прикрывая их с воздуха и ведя воздушную разведку, с 20 по 25 апреля произвела более 15 тыс. самолето-вылетов «. В тесном боевом содружестве с советскими летчиками сражались и летчики ВВС Войска Польского. В ходе операции они успешно выполнили 865 боевых вылетов и сбили в воздушных боях 17 немецко-фашистских самолетов.

С началом штурма центральных районов Берлина авиация перешла к эшелонированным действиям небольших групп самолетов. Советские истребители блокировали с воздуха окруженный Берлин и надежно прикрывали свои войска. Танковые соединения 1-го Белорусского фронта захватили несколько вражеских аэродромов, на которые немедленно перебазировались истребители 16-й воздушной армии. 28 апреля на аэ-

▲ А.И. Покрышкин

родром Темпельгоф был перебазирован 347-й истребительный авиационный полк 193-й истребительной авиадивизии. Вокруг аэродрома еще шел бой. Первым со своим ведомым над аэродромом появился командир полка подполковник П. Б. Данкевич. Снизившись до бреющего полета, командирская пара самолетов совершила посадку на аэродроме. Советские артиллеристы подавили огонь зенитной артиллерии и минометов врага и обеспечили посадку остальных самолетов. В тот же день с берлинского аэродрома Шенефельд начали боевые действия 515-й и 518-й истребительные авиационные полки той же дивизии. 24 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов юго-восточнее Берлина завершили окружение франкфуртско-губенской, а 25 апреля при содействии войск 2-го Белорусского фронта — и берлинской группировок противника. Авиация способствовала решению этой важнейшей задачи, а ее действия по колоннам и переправам противника создавали «пробки» на дорогах, задерживая продвижение окруженной франкфуртско-губенской группировки в западном направлении. 25 апреля в районе Торгау на реке Эльбе войска 5-й гвардейской армии встретились с передовыми частями 1-й американской армии. В результате фронт немецко-фашистских войск западнее Берлина оказался разорванным на северную и южную части.

С 26 апреля по 1 мая усилия Военно-Воздушных Сил были направлены на содействие войскам фронтов в ликвидации франкфуртско-губенской и берлинской группировок. Окруженная франкфуртско-губенская группировка насчитывала до 200 тыс. человек. В ее ликвидации принимали участие три общевойсковые (3-я, 69-я и 33-я) армии 1-го Белорусского фронта и две (28-я и 3-я гвардейские) общевойсковые армии 1-го Украинского фронта и около 1 тыс. самолетов 16-й и 2-й воздушных армий.

Для уничтожения данной группировки в интересах войск фронтов было произведено силами 2-й и 16-й воздушных армий 7244 самолето-вылета. Непрерывное наблюдение с воздуха за окруженным противником позволяло командованию фронтов своевременно усиливать слабые места внутреннего фронта окружения и широко использовать сосредоточенные удары наших бомбардировщиков и штурмовиков. Для разгрома окруженной группировки применялись истребители. Большую роль сыграла авиация в поддержке войск, действовавших на внешнем фронте окружения. Штурмовая авиация активно противодействовала наступлению 12-й армии немцев, пытавшейся с запада соединиться с франкфуртско-губенской группировкой. Попытки противника пробиться из окружения потерпели неудачу. Последняя группа гитлеровцев была ликвидирована 1 мая в районе Белица.

▲ Ил-2

Окруженная берлинская группировка состояла из остатков шести дивизий 9-й немецкой армии и большого количества специальных формирований общей численностью 200 тыс. человек. Штурм Берлина начался с массированных ударов бомбардировочной авиации 16-й, 2-й и 18-й воздушных армий, после которых 26 апреля войска фронтов начали наступление со всех сторон к центру города. Объединенными усилиями воздушных армий было произведено 13 тыс. самолето-вылетов. В ходе ликвидации берлинской группировки важную роль играла истребительная авиация, которая не только прикрывала сухопутные войска от воздушного противника, но и успешно блокировала город с воздуха. Авиация в боях за город подавляла и уничтожала огневые точки, укрытые в каменных зданиях.

В период Берлинской операции воздушные армии трех фронтов и 18-я воздушная армия произвели более 91 тыс. боевых самолето-вылетов, в том числе в интересах 1-го Белорусского — 39 559 вылетов, 1-го Украинского фронта — 25 490 и 2-го Белорусского фронта — 26 335. Непосредственно для ударов по войскам и технике противника на поле боя и в оперативно-тактической глубине было произведено 16-й воздушной армией 59% всех боевых вылетов за операцию. Второй важнейшей задачей, потребовавшей сосредоточения усилий Военно-Воздушных Сил на завершающем этапе войны, было удержание господства в воздухе и надежное прикрытие войск от ударов с воздуха. За период Берлинской операции наша авиация провела 1317 воздушных боев, сбила 1132 самолета противника и 100 уничтожила на аэродромах. Нелег-

▲ Яки

▲ А.И. Молодчий

кой была победа нашей авиации. В воздушных боях и от огня зенитной артиллерии она потеряла 527 самолетов. Это говорит о большой напряженности ее действий. Советская авиация обладала полной инициативой в воздухе и надежно прикрывала войска и объекты тыла трех фронтов. Тесно взаимодействуя с сухопутными войсками, Военно-Воздушные Силы помогли им в сражении за Берлин окончательно разгромить вооруженные силы фашистской Германии.

Войну завершило гигантское берлинское сражение. Огненное кольцо буквально сдавило остатки некогда могущественной армии третьего рейха. Гитлеровцы сопротивлялись с отчаянием обреченных. Но враг был смят и уничтожен... Над логовом фашизма взвился советский флаг, красный стяг Победы.

К исходу 2 мая Берлин был полностью занят советскими войсками. Войска 2-го Белорусского фронта нанесли удар на Росток, разгромили 3-ю немецкую танковую армию, вышли на побережье Балтийского моря и на рубеже Висмар, Шверин, реки Эльбы вошли в соприкосновение со 2-й английской армией. 8 мая 1945 г. в пригороде Берлина Карлсхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Падение Берлина и последовавшая затем безоговорочная капитуляция фашистской Германии — важнейший итог Берлинской операции.

В Берлинской операции советская авиация еще раз продемонстрировала свою несокрушимую мощь. Летный состав блестяще выдержал экзамен возросшей боевой зрелости, а командование ВВС Советской Армии, командующие воздушными армиями, командиры соединений и частей показали умение организовывать и осуществлять управление авиацией в сложных условиях.

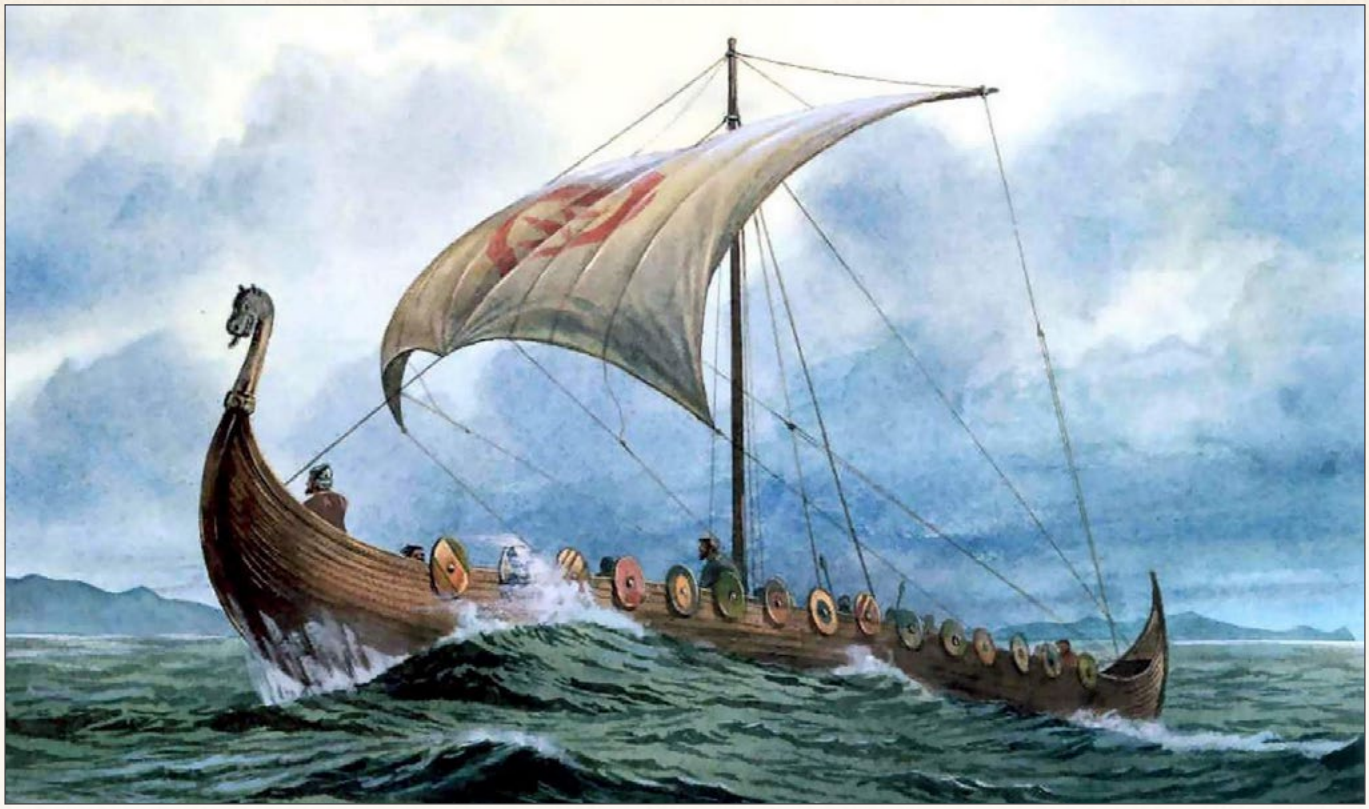
43 авиационным частям и соединениям были присвоены почетные наименования «Берлинских» и «Бранденбургских». Тысячи летчиков, штурманов, воздушных стрелков, техников, политработников, офицеров штабов и работников тыла получили ордена и медали. Наиболее отличившиеся в боях удостоились высокого звания Героя Советского Союза. Участник Берлинской операции майор И.Н. Кожедуб был награжден третьей Золотой Звездой Героя Советского Союза.

В приказе Верховного Главнокомандующего №359 от 2 мая 1945 г. в связи с завершением разгрома берлинской группировки и овладением войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов столицей Германии городом Берлином были отмечены «...летчики Главного маршала авиации А.А. Новикова, Главного маршала авиации А.Е. Голованова, генералов С.И. Руденко, С.А. Красовского, Е.Я. Савицкого, Е.М. Белецкого, Г.Н. Туликова, Е.Ф. Логинова, Г.С. Счетчикова, В.Е. Нестерцева, В.Г. Рязанова, А.В. Утина, Б.К. Токарева, И.В. Крупского, А. З. Каравацкого, И.П. Скока, Б.А. Сиднрва, И.М. Дзусова, С.В. Слюсарева, В.М. Забалуева, П.П. Архангельского, Г.И. Комарова, полковников В.И. Сталина, Д.Т. Никитина, А.И. Покрышкина, В.И. Александровича»

Война в Европе завершилась. 9 мая стал Днем Победы. Перед народами Европы открылись перспективы для мирного демократического развития. Победоносное завершение войны в Европе создало необходимые условия для быстрого разгрома империалистической Японии и окончания второй мировой войны ■

Ф.Ф. ВЕСЕЛАГО

РОЖДЕНИЕ РУССКОГО ФЛОТА



▲ Древнерусская ладья

Внутренние водные пути древней России и моря, ее окружающие, много способствовали быстрому соединению обитающих в ней отдельных славянских племен в одно сильное государство. При ровной местности и покрывающих ее дремучих лесах, большие, многоводные реки: Волга, Днепр и Западная Двина представляли почти непрерывные, удобные военно-торговые пути, соединяющие Балтийское море с Черным и Каспийским. По этим путям перевозились на север богатые произведения Южной Европы и отдаленной Азии и по ним же двигались дружины первых русских князей. При отсутствии сухопутных дорог, плавание по рекам и озерам представляло для жителей древней России единственно возможный способ передвижения, и эта необходимость до такой степени способствовала развитию морских качеств в народе, что, одновременно с основанием русского государства, славяно-русские дружины на своих небольших челнах смело переплывали обширные моря и собирали добычу с богатой столицы Греческой империи и цветущих берегов Каспия.

Первый морской поход в Грецию совершен был овладевшими Киевом дружинниками Рюрика, явившимися перед Константинополем в 865 году в числе 200 судов. Потом успешные походы в Грецию были совершены князьями: Олегом, Игорем и Святославом, завоевавшим придунайскую Болгарию и временно утвердившимся в ней. Сын Святослава Владимир ходил по Волге против камских болгар и завоевал у греков Херсонес. Последний поход в Грецию происходил в 1043 году, в княжение Ярослава. Эти плавания сопровождались захватом богатой добычи. Признанное греками господство русских на Черном море выразилось названием этого моря — Русским

Веселаго Феодосий Федорович (1817–1895), русский историк военно-морского флота, генерал Корпуса флотских штурманов (генерал-лейтенант (1892), Почетный член Морской академии (1877), Почетный член Российской академии наук (1884), член-корреспондент Императорской академии наук, Действительный член Русского географического общества. Происходил из старинного рода новгородских дворян. Впервые систематически исследовал и упорядочил архивы Морского министерства, ввел в научный оборот огромный фактический материал, в том числе по истории судов и персоналиям русских моряков. Автор устава Морского кадетского корпуса, организатор гидрографической и лоцманской службы, картографирования отдельных территорий, береговых линий и устьев рек. Подготовил к публикации сборник морских трактатов и конвенций России с иностранными державами. Автор работ по истории Военно-морского флота России. Из капитала, оставленного Веселаго, была учреждена премия для историков русского флота. Похоронен в Санкт-Петербурге на Новодевичьем кладбище. Его внук Веселаго Феодосий Александрович (1877-1915), гвардейский капитан Семеновского полка. В ночь на 21 февраля 1915 г. немцы окружили роту Веселаго. В штыковом бою рота вырвалась из окружения. Позднее на месте схватки среди погибших было обнаружено обезображенное тело капитана Веселаго с более чем двадцатью пулевыми и штыковыми ранениями. Подпоручик Тухачевский («будущая звезда первой величины»), служивший в роте Веселаго, «не будучи раненым, и не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен».

морем. В период времени с 880 по 1175 год славяноруссы являлись и на берега Каспийского моря. Они делали набеги на юго-восточные, южные и западные прибрежья и даже некоторое время держались на реке Куре и на островах, лежащих против нынешнего города Баку.

Междоусобия удельных князей и нашествие татар уничтожили морское могущество России на южных морях; а впоследствии образование на Волге татарских царств — Казанского и Астраханского и завоевание Греческой империи турками надолго отделили Россию от морей Каспийского и Черного. Только на севере, благодаря предприимчивости и отваге новгородцев, сохранилась русская морская торговля, и военные морские силы сдерживали напор враждебных соседей-шведов, упорно стремившихся отрезать русских от Балтийского моря.

Новгород, владея Невою, составляющею выход в Балтийское море из больших речных путей, проходящих по России, имел обширную морскую торговлю, и ему платили дань Корела, Эсты и Эмь, жившие у Ладожского озера и на обоих берегах Финского залива. Около XII века, утвердясь в устьях Северной Двины, новгородцы, увлекаемые морскими промыслами, торговлею и жаждою новых приобретений, проникли в Печорский край и даже ходили на Новую землю и в Карское море.

Принимая участие в торговой деятельности знаменитого в XIII веке Ганзейского союза, и по близкому соседству своему со шведами, новгородцы нередко имели с ними неприязненные столкновения, причем главная причина спора заключалась в обладании Невою. Одною из самых значительных битв, происходивших во время этой вековой борьбы, была победа, одержанная над шведами на Неве в 1240 году князем новгородским Александром Ярославичем и доставившая ему почетное наименование Невского. К концу татарского владычества, кроме прибрежья Белого моря, забытого Западною Европою, во владении России осталась только небольшая часть берега Финского залива, около устьев Невы и Наровы. К этому должно прибавить, что в половине XII столетия по несчастной непредусмотрительности половцев, владевших Ливониею, на устье Западной Двины утвердился орден Меченосцев и что при покорении Новгорода московскими князьями пала окончательно его морская торговля.

Но с каким постоянным упорством враждебные нам соседи, опасающиеся усиления могущества России, старались отодвинуть ее от берегов моря, с таким же постоян-

▲ Из варяг в греки

ством и энергией правители России пользовались удобными случаями приобрести часть морского берега. Едва только свергнуто было иго татарское, как завоевание Казани и Астрахани Иоанном Грозным открыло для нас свободный путь в Каспийское море; взятием в 1558 году Нарвы положено начало возобновлению торговли на Балтийском море, и почти одновременно с этим, благодаря случайно занесенному в устье Северной Двины торговому английскому кораблю, начала быстро развиваться наша морская торговля с Англиею, причем английские купцы проникли даже в Каспийское море.

Это благоприятное положение значительно изменилось в последующие годы царствования Грозного, когда Россия потеряла Нарву и по новой границе, проведенной в 1595 году, русские владения на Финском заливе ограничились только самыми устьями Невы, прилежащим к ним берегом до реки Сестры и половиною острова Ретусари, нынешнего Котлина. Наконец, Столбовским миром (1617 г.) Россия была окончательно отодвинута от моря, и заключивший этот мир шведский король Густав-Адольф выразил своим государственным чинам надежду, «что русскому народу, вероятно, трудно будет перешагнуть поставленные преграды».

Между тем, русская морская деятельность, приостановленная на Балтийском море, нашла себе исход на севере России и на Черном море. На севере смелые поморы-промышленники, движимые торговыми выгодами, и «служилые люди», собиравшие ясак с местных жителей, двигаясь к востоку, обошли весь морской берег от Печоры до Охотского моря и, утвердившись на последнем, добыли первые сведения о Сахалине и Шантарских островах. Проливом, позднее названным Беринговым, первый прошел казак Дежнев в 1648 году. На юге же казаки, поселившиеся на берегах Днепра и Дона, несмотря на построенные турками в устьях обеих этих рек сильные крепости, выходили на своих небольших чайках в Черное море, грабили принадлежащие туркам берега и, являясь перед Константинополем, приводили в ужас его население, в глазах которого в 1624 году они разграбили и сожгли, на Босфоре целый город.

Форма древних русских судов, на которых плавали наши князья и казаки XVII столетия, обусловливалась особенностями путей, по которым им приходилось двигаться. И, так как обыкновенными дорогами служили реки, в верховьях своих разделенные небольшими пространствами земли, называемыми волоками, то и от судов, кроме крепости, поместительности и безопасной удобной формы, пригодной для плавания как по глубоким, так и по мелководным рекам и озерам, требовалась еще легкость, позволяющая переносить или перетаскивать (переволакивать) эти суда около порожистых мест и, главное, через волоки. Для удовлетворения таким условиям древние русские лодки состояли из однодеревного днища (челнока или, по северному говору, — трубы), борта которого в случае морского плавания возвышались набойными досками, отчего и самые лодки получили название набойных. Подобные суда могли поднимать около 50 человек, ходили на веслах, а в море при попутных ветрах пользовались и парусом. Обыкновенно при морских плаваниях они держались близ берега; но так как иногда буря могла захватить их в открытом море, то кругом лодки привязывался толстый тростниковый пояс, который, в случае повреждения лодки, поддерживал ее на воде, и когда для лучшей безопасности на большом волнении связывалось вместе несколько лодок, то он не давал им тереться друг о друга и ломаться. Во времена первых князей, а, вероятно, и гораздо ранее, однодеревные днища таких лодок вырубались жителями верховьев Днепра и пригонялись на продажу в Киев. Здесь они обращались в лодки, способные к морскому плаванию, спускались по реке, перетаскиваясь берегом у порогов, и, окончательно приготовясь и вооружась в устье Днепра, выходили в море.

Такие утлые челны не мешали нашим предкам нападать, а иногда и одерживать победы над военными кораблями греков, обладавшими всеми способами защиты и нападения, веками выработанными древнею морскою наукою. Защищенные высокими бортами своих кораблей, греки имели разнообразное ручное оружие, метательные машины, представлявшие своего рода сильную артиллерию, и кроме того пользовались гибельным для тогдашних судов средством — ужасным греческим огнем. При подобном неравенстве средств успехи славян могут объясняться только отчаянною их храбростью, обладанием качествами хороших моряков и уменьем применять к делу разные военные хитрости, заменявшие силу.

▲ Федоров. Спуск на воду корабля «Орел»

О военно-торговых кораблях древних новгородцев только в старинных наших былинах сохранились немногие сведения, из которых видно, что образцом для новгородцев служили суда скандинавов, славившиеся своими боевыми и морскими качествами. На северном нашем поморье плавали кочи — большие палубные суда (от 40 до 90 футов длины) и суда меньшие их — шитики, имевшие однодеревные днища и бортовые доски, пришитые (отсюда и шитики) ивовыми ветвями. Паруса и такелаж на этих судах делались из оленьих кож, а якоря были деревянные с привязанными к ним камнями. Кроме того, на северном поморье были и другие виды судов, старинные русские и заимствованные от иностранцев, как например: лодьи, карбасы, бусы, шняки. На Каспийском море, по свидетельству одного моряка петровского времени, в старину плавали суда, называемые бусами, которые «строились из брусьев с перерубами, как избы». По внутренним рекам древней России, как например по Волге и Шексне, ходили большие торговые суда, которые могли, средним числом, проходить против течения в сутки около 13 верст.

Замечательно, что несмотря на славные морские походы древних князей в Грецию характер русского судостроения при них нисколько не усовершенствовался, и даже в половине XII века киевляне удивлялись, как чуду, впервые появившейся на Днепре военной лодье, на которой гребцы были закрыты палубою и наверху стояли воины.

Попытки военного судостроения в XVII столетии

Вскоре после появления англичан в Белом море (в половине XVI столетия) начатые ими попытки торговых сношений через Каспийское море окончились безуспешно. Но в царствование Михаила Феодоровича тем же торговым путем желали воспользоваться голштинцы и для исполнения этого испросили дозволение построить в Нижнем Новгороде десять кораблей, которые, ввиду частых разбоев, происходивших на Волге и на Каспийском море, предполагалось вооружить пушками. Постройка эта, однакож, ограничилась только одним кораблем, получившим название по имени герцога голштинского «Фридерик».

Корабль был длиною в 120 футов, имел три мачты и 24 весла; экипаж его, кроме пяти человек русских чернорабочих, весь состоял из иностранцев. Выйдя в Каспийское море, «Фридерик» погиб там у берегов Дагестана.

Вторая попытка заведения военных судов для Каспийского моря была сделана при царе Алексее Михайловиче но ходатайству одной персидской купеческой компании, которая желала перевозить персидские товары в Западную Европу через Россию, и наше правительство за определенное вознаграждение обязывалось доставлять и охранять эти товары во время пути. С этой целью в дворцовом селе Дединове в 1667 году заложен корабль «Орёл» и, кроме того, яхта, бот и две шлюп-

ки. Все необходимые корабельные припасы выписаны были из Голландии, строитель, капитан и все более значащие чины экипажа были также голландцы.

Благодаря различным препятствиям, происходившим от новизны дела и слабости тогдашней администрации, строение и изготовление этих судов продолжалось около двух лет, и конечным пунктом, до которого дошли они, была Астрахань, где «Орёл» был сожжен Степаном Разиным, а команда разбежалась.

Подобные торговые предприятия, при тогдашних взглядах правительства, казались выгодными для России, на самом же деле, в случае успеха, они послужили бы только к большему развитию у нас торговой деятельности иностранцев, в прямой ущерб нашим русским купцам. Опыт показал, что со времени появления англичан в Архангельске иностранцы захватили в свои руки нашу морскую торговлю с Западною Европою и употребляли все средства, чтобы не допускать в нее русских. Не удовлетворяясь дарованными привилегиями, иноземные купцы, приходя в Архангельск, не хотели подчиняться установленным для них правилам и позволяли себе делать разные бесчинства. «Многажды бывало, — пишет один очевидец половины XVII столетия, — что корабельщики через город стреляли, и всякое дурно от них бывало, а унять их воевода не смел» или, вернее, не мог, потому что не имел в своем распоряжении военной морской силы.

Такие своеволия возбуждали в правительстве опасение, что иностранцы могут морем проникнуть в Сибирь и утвердиться там силою. Отчасти опасения эти в царствование Михаила Феодоровича были причиною правительственного распоряжения, уничтожившего деятельную до этого времени морскую торговлю поморов, которые из Архангельска плавали с товарами в устье реки Таза к городу Мангазее, стоявшему на месте нынешнего Туруханска.

При Алексее Михайловиче сделана была новая попытка возвратить России часть морского берега от Риги до Невы, и для этого в 1656 г. двинулись в шведские владения три отряда русских войск: в Ливонию — к Дерпту и Нарве и к Неве, где у острова Котлина русскими с бою взят был у шведов «полукорабль» и несколько пленных. Начатая успешно война окончилась в 1661 году невыгодным для России миром, по которому последняя осталась по-прежнему отрезанною от морского берега. Но надежды русских были до того сильны, что во время непродолжительного владения Россиею берегом Западной Двины предприимчивый и просвещенный боярин Ордин-Нащокин, принимавший прежде деятельное участие в постройке корабля «Орёл», теперь приступил к постройке нескольких военных судов на Двине в городе Кокенгаузене, где он был наместником. Цель Ордина-Нащокина была, по овладении Ригой, выйти в море с готовыми военными судами.

Неудавшаяся война, доказавшая невозможность для России борьбы с сильным соседом, казалось, лишала ее, если не навсегда, то весьма надолго, надежды обладать берегом моря, необходимым для ее развития и усиления. Но исторический ход событий скоро отстранил все препятствия и дал возможность России сделаться сильною морскою державою, поставив ее среди государств Европы на то высокое место, которое принадлежало ей по обширности ее владений, естественным богатствам и высоким качествам народа.

Несмотря на ревнивую и завистливую опеку соседей, в продолжение XVII столетия в наше отечество, окрепшее и собравшееся с силами, начало проникать европейское образование: явились попытки к улучшению законодательства, admini-

▲ Ордин-Нащокин А.Л.

страции, устройству регулярного войска, и все более и более стала выясняться мысль о необходимости основания военного флота. Отдельные лица в России тогда уже вполне понимали невозможность для такого обширного государства быть в тягостной зависимости от соседей, и единственный выход из этого положения видели в приобретении морских портов и заведении флота. Эту плодотворную, по ее последствиям, мысль предстояло осуществить Петру I.

АЗОВСКИЙ ФЛОТ ПЕТРА I

Юный Петр Алексеевич, питавший страстную любовь к морю, от близких к нему образованных иностранцев, его наставников и собеседников, особенно же от голландца Тимермана и швейцарца Лефорта, приобрел первые понятия о морской науке и сознание важности флота для России. Случайно же найденный им в 1688 году старый английский ботик, принадлежавший деду Петра Никите Ивановичу Романову, познакомил царя с удовольствием плавания под парусами.

На этом знаменитом ботике, названном самим Петром Дедушка русского флота, он впервые начал кататься по реке Яузе; но так как она для лавировки была тесна, то Петр, успевший уже пристраститься к «водяной потехе», перенес ботик в находящийся в селе Измайлове Просяной пруд. «Но и там, — замечает юный знатный моряк, — немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более». Плодом этой охоты была закладка в следующем 1689 году трех судов на Переяславском озере, где со своими потешными преображенцами он работал топором наравне с простыми плотниками. На берегу озера построены были дворец, батарея, с которой в торжественных случаях производилась пальба, и пристань для судов.

Скоро Переяславское море показалось тесным пылкому моряку, он пожелал увидеть настоящее море и с этим намерением в 1693 году отправился в Архангельск. Путь до Вологды он совершил сухим путем, а оттуда водою. В Архангельске, наконец, Петр увидел давно желанное море, иностранные корабли и торговую жизнь приморского города. Все это обратило внимание юного Петра, и он, с обычною своею энергиею, начал изучать то, что казалось ему полезным. Первым плодом подобного изучения было сознание огромных выгод, получаемых здесь исключительно иностранцами, и горячее желание, созданием своего торгового флота, обратить эти выгоды на пользу русского купечества. Под влиянием такой мысли, Петр немедленно избрал для верфи лежащий подле города Соломбальский остров, на котором и заложил 24-пушечный корабль, поручив строение его надзору тамошнего воеводы, стольника Федора Матвеевича Апраксина. Одновременно с этим, он заказал построить в Голландии и другое 44-пушечное судно. Оба они были небольших размеров и, имея пушки весьма малого калибра, могли служить для военных и торговых целей. В ожидании прибытия Петра в Архангельск, для него построена была 12-пушечная яхта Святой Петр, на ко-

▲ Архангельск, верфь для строительства кораблей

▲ Апраксин Ф.М.

▲ Воронеж, строительство кораблей

торой он первый раз вышел в Белое море и, конвоируя иностранные купеческие суда, провожал их около 300 верст.

На следующий 1694 год Петр вторично посетил Архангельск, откуда сделал морскую поездку в Соловецкий монастырь и на эскадре, состоявшей из трех судов, ходил до Святого Носа, то есть до выхода из Белого моря в Северный океан. Во время плавания в Соловецкий монастырь на яхте Святой Петр он выдержал страшную бурю, и яхта избавилась от погибели только благодаря сведущему лоцману, лодейному кормщику Антипу Тимофееву, который благополучно провел ее опасным проходом к спокойному якорному месту в Унской губе. Суда эскадры, на которой плавал Петр к Святому Носу, были: купленное в Голландии Пророчество, ходившее под адмиральским флагом Ф. Ю. Ромодановского и на котором находился сам Петр в звании шкипера; построенный в Архангельске корабль Апостол Павел, под вице-адмиральским флагом Бутурлина, и яхта Святой Петр, под контр-адмиральским флагом Гордона.

Во время вторичного пребывания Петра в Архангельске, кроме верфи на Соломбале, начато было и частное судостроение близ Холмогор, на реке Вавчуге, местными купцами братьями Баженинными.

Двукратное посещение Архангельска ясно показало Петру важное значение портового города для государства, и он пришел к сознанию, что при обширности России ей необходимо открыть свободный выход в южные моря: Азовское и Черное. Осуществление этой мысли облегчалось тем, что Россия уже с 1686 г. была в неприязненных отношениях с Турцией, подвластные которой татары разоряли наши южные границы. Решено было первоначально завладеть устьями рек Дона и Днепра и, главное, крепостью Азовом, как ключом к Азовскому морю.

Первый поход к Азову, состоявшийся в 1695 году, был безуспешен, особенно потому, что турецкий гарнизон осажденной крепости получал от стоявшего на Дону флота помощь людьми, боевыми припасами и провиантом. Таким образом, осязательною причиною неудачи явилось отсутствие с нашей стороны морской силы, и Петр немедленно приступил к созданию военного флота.

Бездна препятствий, встречавшихся при начале этого великого Дела, не помешала его осуществлению. Все средства, отдельно разбросанные по России, и все сведущие в судостроении люди собраны были под Москвою, в селе Преображенском, где гвардейские солдаты и опытные плотники, привезенные из Вологды, Нижнего, Архангельска и других городов, принялись за обделку частей галер. Образцом служила галера, построенная в Голландии и разобранною доставленная в Москву через Архангельск. С нею прибыл галерный мастер; а необходимые для нового флота корабельные мастера, лекаря, штурмана, матросы и другие морские чины выписаны были из Голландии.

Части 22 галер и 4 брандеров по зимнему пути перевезли к городу Воронежу, где на реке Воронеже устроена была верфь и адмиралтейство для сборки и приготовления к плаванию привезенных из Преображенского судов. Здесь же были заложены и строились два корабля-галеаса.

В то же время в притоках Воронежа, для предстоящей перевозки войск по Дону, поспешно строилось более полуторы тысячи стругов, морских лодок и плотов, и в разных местах заготовлялись все предметы, необходимые для флота. Для скорейшего доставления на место постройки все более необходимое везли безостановочно, день и ночь, на переменных лошадях. Благодаря принятию таких энергичных мер и непосредственному участию в деле самого Петра, в исходе мая месяца 1696 года новосозданный флот, в числе одного корабля (длиною 113 футов), двух брандеров, двадцати трех галер и нескольких десятков казацких

лодок, запер для турок устье Дона; а спустившаяся, также по Дону, армия обложила крепость Азов, которая в июле месяце, лишенная помощи своего флота, должна была сдаться.

Хотя настоящим распорядителем и душою дела во всю эту кампанию был сам Петр, но начальником флота числился Лефорт, носивший звание адмирала и занимавший первое место в триумфальном торжестве, которым приветствовала Москва победителей Азова. Цель похода была достигнута: взятием Азова открылся для России свободный выход в Азовское море. Петр, признавая, что значительная доля успеха в этом важном деле принадлежала флоту, и предвидя те неисчислимые выгоды, которые он должен был принести в недалеком будущем, твердо решился немедленно положить прочные основания устройству постоянного военного флота, и к осуществлению этой великой мысли привлечены были силы всего государства.

Постановлением царской думы, собранной в селе Преображенском 4 ноября 1696 года, было решено, чтобы все владельцы крестьян, светские и духовные, имеющие не менее 100 дворов, строили корабли, соединяясь в компании, или, как тогда говорилось, в кумпанства.

От редакции. *Кумпанство (от нем. котрап) — товарищество, добровольно составленное из землевладельцев для отбывания повинности и постройки кораблей армейского флота в России в конце XVII века.*

Имеющие же меньшее число дворов обязывались вносить на строение кораблей деньгами, по полтине с двора. На купечество отдельно налагалась постройка 12 кораблей.

Во время судостроения в Воронеже главное морское управление находилось под ближайшим наблюдением самого Петра, и административным морским центром был так называемый царский шатер на Воронеже. С учреждением кумпанств списки их, составленные в поместном приказе, тотчас переданы для исполнения во Владимирский судный приказ, состоявший в ведении стольника Протасьева, получившего звание адмиралтейца.

Местом постройки были избраны берега рек Воронежа и Дона, а лесные участки отводились безденежно. Из-за границы выписаны корабельные мастера и те из судовых материалов, инструментов и принадлежностей, которых нельзя было приобрести в России.

Вообще предполагалось выстроить кумпанствами до 90 судов и казною, на собранные полтинные деньги, до 80. Суда эти были: парусные, разных форм и названий, и галеры различных размеров. Длина первых не превышала 120 футов и боевое вооружение состояло, по большей части, из орудий весьма малых калибров, числом до 60. Длина больших галер доходила до 174 футов, и в числе орудий их были пушки 24-фунтового калибра. Работа происходила с такою поспешностью, что к осени 1698 года значительное число судов было окончено. Главное место постройки было на Воронеже, в тамошнем обширном адмиралтействе. Для провода судов по мелководным местам рек Воронежа и Дона построены были, по примеру Голландии, камели и, для перевозки грузов, — лихтеры.

Все эти значительные работы, требовавшие огромных денежных средств, множества рабочих рук и необыкновенной поспешности, под угрозою «всякого разорения и смертной казни, за оплошку и нерадение», ложились непосильною тяжестью на народ и истощали скудные финансы государства. Но Петр, бывший первым и самым неутомимым работником, служил для всех примером самоотверженной преданности делу, от успешности которого ожидалась великая польза для России.

Но чем ближе знакомился Петр с морским делом, тем яснее понимал, что для успешного создания флота требовалось много таких сведений, которых в России приобрести было невозможно, и тогда у него явилась смелая мысль: самому отправиться в Европу и, изучив в морских державах, насколько будет возможно, главнейшие части морской науки, употребить полученные сведения на пользу русскому флоту. Для исполнения этого намерения решено было отправить посольство, во главе которого находились Лефорт и боярин Федор Алексеевич Головин, один из главнейших сотрудников царя по делам морского управления. Целью посольства было испрошение у государств, более заинтересованных в ослаблении Турции, материальной помощи в начатой нами борьбе. У морских же держав Англии и Голландии предполагалось просить оружия и других предметов для нашего рождающегося флота. При посольстве отправилось до 70 молодых людей знатных фамилий для изучения различных отраслей морского дела и, с тою же целью, послано 30 волонтеров, из лиц хорошо известных царю по участию их в прежних его плаваниях и судостроительных работах. В числе этих тридцати находился и сам Петр I под именем Петра Михайлова.

По прибытии в 1697 году в Голландию, Петр, желая вполне изучить кораблестроение, поступил плотником на одну из верфей маленького городка Саардама, но, обеспокоенный назойливым любопытством жителей, царь через десять дней переехал в Амстердам, где к трудился четыре с половиною месяца, изучая все технические подробности дела. Но так как в Голландии при строении судов руководствовались только практикою, то такое одностороннее отношение к делу не могло удовлетворить любознательности гениального Петра, и для изучения теоретических оснований науки кораблестроения он отправился в Англию. В продолжение своего пребывания в этих двух главнейших морских державах того времени, Петр, принимаемый с полным радушием обоими правительствами, обращал особенное внимание на все имеющее отношение к морскому делу. При всеобъемлющем светлом его уме, его необычайной любознательности, способности быстро усваивать всякие новые сведения

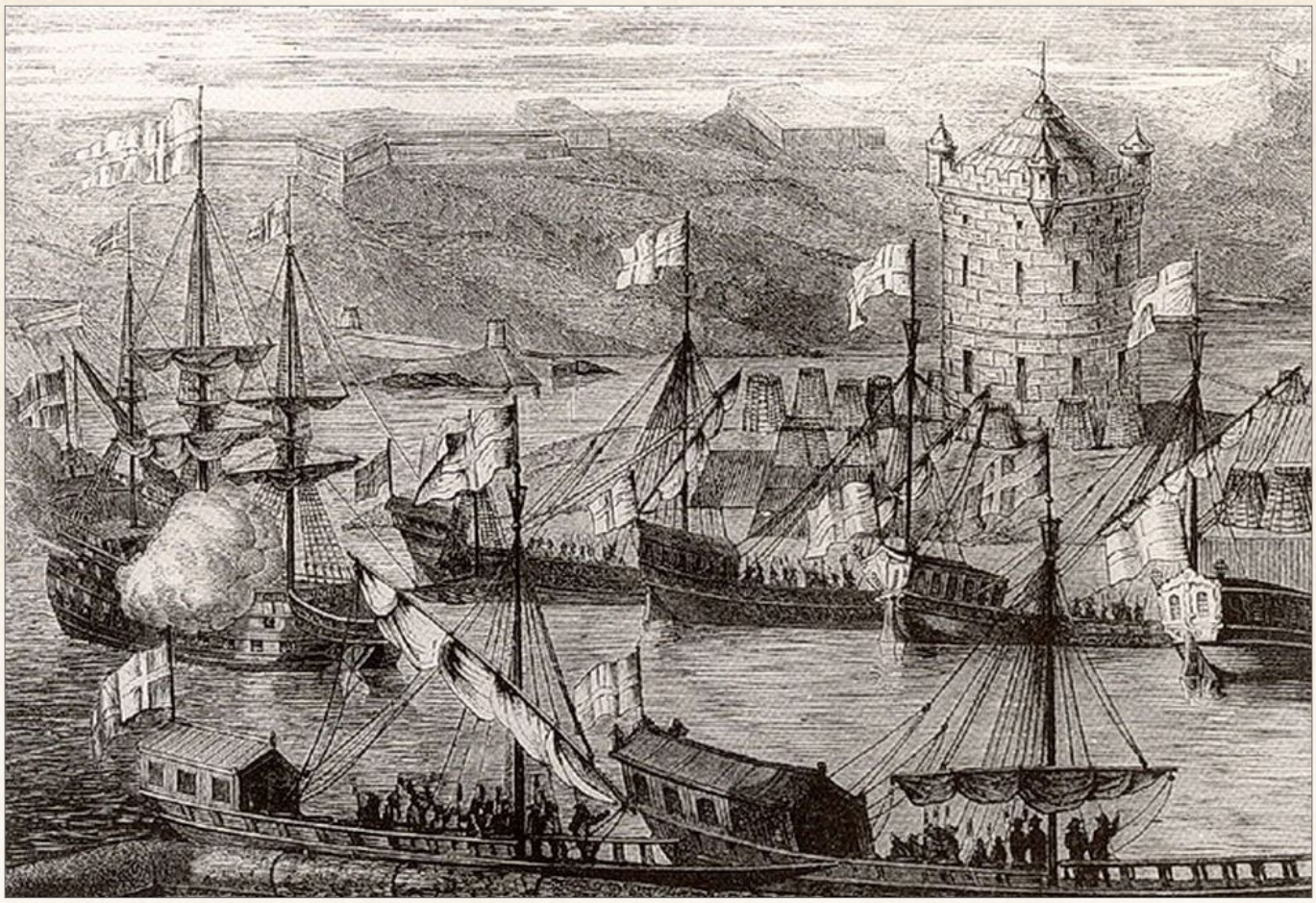
и глубоко проникать в сущность предметов, не упуская ни одной важной подробности, плодом пребывания Петра в Голландии и Англии было самое полное, всестороннее изучение всех отраслей морской науки как в теоретическом, так и в практическом отношениях. По возвращении в Россию Петр мог составить чертеж судна, руководствовать в адмиралтействе каждого мастерового в мельчайших подробностях его работы, вооружить судно и управиться с ним в море при самых затруднительных обстоятельствах. Все эти сведения, в продолжение неустанно трудовой жизни великого моряка, ему многие тысячи раз приходилось прикладывать к практике и возбуждать общее удивление моряков глубиною и отчетливостью его знаний. Предполагаемое путешествие в Венецию, для изучения галерного дела, не могло осуществиться, по случаю вспыхнувшего в Москве Стрелецкого восстания, заставившего Петра немедленно возвратиться в отечество.

▲ 46-пушечный корабль «Крепость»

Одним из полезнейших следствий заграничного путешествия Петра было также приглашение в русскую службу многих сведущих иностранцев, добросовестная служба которых принесла огромную пользу нашему юному флоту. Замечательнейшими из этих достойных личностей были: голландец вице-адмирал Крюйс и англичане — корабельные мастера Ден и Най, строитель каналов и доков Перри и профессор морских наук Фарварсон.

В отсутствии царя, продолжавшемся около полутора года, судостроение на Воронеже деятельно продолжалось, но, по торопливости, дурному качеству употребленных материалов, а главное, по неимению знающих распорядителей, мастеров и опытных рабочих, многие суда оказались до того дурными, что их невозможно было послать в море. Огорчение, испытанное Петром при такой неудаче, только усилило его энергию. Немедленно приступил он к исправлению неудавшихся судов и к строению новых по лучшим чертежам, привезенным из-за границы. Хорошие же суда, готовые к плаванию, весною 1699 года были спущены из Воронежа к Азову и выведены в море под флагом адмирала Ф. А. Головина, заместившего умершего Лефорта. На эскадре, состоявшей из десяти кораблей, имеющих от 62 до 22 пушек, двух галер, двух мелких судов и четырех парусных лодок, находился и сам Петр, желавший, появлением русских военных судов в Азовском море, убедить Турцию в существовании русских морских сил и тем принудить ее к скорейшему заключению прочного мира.

Чтобы внушить Турции более высокое мнение о силе России, Петр отправил в Константинополь думного дьяка Украинцова морем на 46-пушечном корабле Крепость, конвоируя посла своего всем флотом до Керчи. Корабль Крепость под командою капитана Памбурга, перейдя благополучно Черное море, пришел в Константинополь и там своим появлением произвел сильное впечатление на все насе-



▲ Взятие Азова

ление столицы, не исключая правительственных лиц и даже самого султана. Для приобретения морской практики, а также и в видах угрозы, необходимой для успешности мирных переговоров, Петр весною 1700 года спешил вновь вывести свой флот в море. Адмиралтейцем, вместо Протасьева, назначен был родственник Петра, любимый и деятельный его сотрудник по морским делам Федор Матвеевич Апраксин, которому, кроме кораблестроения, поручено было еще заведывание корабельными лесами.

Со вступлением в управление Апраксина прекращена была кораблестроительная деятельность кумпанств, оказавшаяся на практике весьма неудовлетворительною. Запутанность в делах и ссоры кумпанств между собою вызвали (1700 г. 20 апреля) указ об окончательном с ними расчете и об определении постоянной суммы на содержание флота.

Наконец, в половине 1700 г. заключено было с Турциею перемирие на 30 лет, по которому Азов и часть берегов Азовского моря остались за Россией. Но поставленные мирные условия далеко не удовлетворяли надежд Петра: о свободном плавании русских судов по Средиземному и Черному морям в трактате не упоминалось, и турки усиливали укрепления в Керченском проливе, отказывая в пропуске через него даже торговым нашим кораблям. Несмотря на это, в данную минуту, для России мир с Турцией был крайне необходим, потому что Петр готовился вступить в борьбу с сильным северным соседом — Швецией. Поводом к предстоящей войне была все та же древняя, насущная потребность России в приобретении свободного выхода в Балтийское море.

С началом шведской войны наша морская деятельность сосредоточивалась преимущественно на севере, и Азовский флот потерял прежнее свое значение. Положение его вполне зависело от политических отношений России с Турцией, и потому, при опасении разрыва, работы на верфях закипали; в случае же уверенности в прочном мире все успокаивалось до новой тревоги.

Рассчитывая на прочное утверждение на Азовском море, Петр укреплял Азов и заграждал устье Дона, оставляя только одно более глубокое для прохода кораблей, в Таганроге устраивал защищенную от неприятеля гавань, в которой могло поместиться более 10 кораблей, и в то же время на Воронеже продолжал постройку судов. Почти каждую весну флот готовился к плаванию, хотя, по различным затруднениям, ни разу не мог выйти в море в значительном количестве судов. Главною причиною таких неудач было мелководье у Воронежа, затруднявшее проводку

больших кораблей, поэтому адмиралтейство решили перенести в Тавров, где устроили доки и начали строить 80-пушечные корабли. В 1709 году появление шведской армии на Украине вызвало энергичные меры предосторожности для ограждения Азовского флота от опасности. Адмиралтейские материалы и годные к плаванию суда начали отправлять в Тавров, а некоторые и в Азов, негодные же суда спешили разломать. Для большего единства действий при защите края, Азов, Таганрог и все местные крепости переданы были в ведение морского начальства.

Хотя Полтавская победа и отстранила угрожавшую опасность, но, в ожидании новой войны с Турцией, в 1710 году во всем крае началась усиленная морская деятельность, и к кампании 1711 года предполагалось вывести в море до 30 вымпелов. При различных неблагоприятных обстоятельствах, из которых главнейшим было — необыкновенно малая весенняя вода на Дону и его притоках, флот вывести было невозможно; а по несчастному для России Прутскому мирному договору постановлено было Азов и все земли, завоеванные Россией в прошедшую войну, возвратить Турции. С потерей Азова окончилась и деятельность Азовского флота; 4 из его судов проданы были туркам, остальные разломаны или оставлены на стапелях; последние же несколько судов сохранялись в Таврове еще в 1727 году.

Азовский флот, весьма дорого стоивший России, несмотря на преследовавшие его неудачи, зависевшие главным образом от неблагоприятных условий местности, принес немаловажную пользу государству. Заслуга его в морском отношении заключалась в том, что он дал возможность русским людям приобрести опытность в новом для них деле и указал на источники средств, которые способствовали неимоверно быстрому созданию и развитию флота на Балтийском море. Как морская практическая школа, Азовский флот принес также огромную пользу: на нем были заложены довольно прочные основания всех главных отраслей морской деятельности. Наконец, существование его имело серьезное политическое значение, показав Европе, что может сделать Россия. И действительно, в каком из европейских государств, не имевших флота, могла бы осуществиться смелая мысль: построить в одну зиму флот в 1200 верстах от моря и, при содействии его, отнять часть берегов этого моря у сильного и опытного в морском деле неприятеля. ■

▲ Взятие Азова. Адриан Шхонебек, гравюра

АКТИВНАЯ РАЗВЕДКА

▲ 1921 г.

В ноябре 1918 г. окончилась первая мировая война, а подписанный в июне 1919 г. мирный договор основательно перекроил политическую карту мира, на которой появился целый ряд новых государств, в том числе Чехословакия, Югославия, Польша. Созданная в результате передела Европы независимая Польша почти сразу же, путем вооруженной агрессии, ограбила своих соседей. Так, у Советского государства в результате советско-польской войны 1920 г. были захвачены обширные области почти с чисто украинским и белорусским населением, у Литвы — кусок ее территории, включающий ее нынешнюю столицу Вильнюс. Русофобия, помноженная на ненависть к большевикам, толкала руководство Польши на откровенно враждебную политику по отношению к СССР, а ее территория на долгое время стала пристанищем для различных антисоветских вооруженных формирований.

В 1921 г., по данным штаба войск Минского района, с польской территории против Советской Белоруссии орудовали отряды Ройцевича, Черного, майора Гомина, капитана Марцелло, генерала Адамовича и других белоэмигрантских лидеров. Некоторые из них пытались сформировать даже целые армии. Прежде всего, это относится к известному политическому авантюристу Борису Савинкову, кровавому атаману Булак-Булаховичу и генералу Перемикину.

На территории Польши и Румынии сосредотачивались и интернированные войска петлюровской Украинской народной республики (УНР) численностью до 25 тысяч человек. Во Львове по указанию Симона Петлюры был образован «Центральный повстанческий штаб», во главе которого встал Юрко Тютюник, возведенный в звание «генерал-хорунжего». «Центральный повстанческий штаб» фактически находился на содержании польской разведки, так называемой двуйки (2-й отдел польского генштаба). Выделяла Петлюре деньги и французская разведка. Петлюровцы держали свои военно-вербовочные пункты в ряде городов: Станиславе (ныне Ивано-Франковск), Львове, Перемышле, Тернополе.

Петлюровцы, разумеется, не собирались сидеть, сложа руки. В их намерения входила вооруженная борьба против Советской власти. Долго ждать они не стали, и в ночь на 27 октября 1921 г. в районе Гусятина на территорию Советской Украины прорвался отряд атамана Палия численностью

500 сабель. Палий раздал местным крестьянам оружие и призвал их к восстанию против «коммунистов, жидов и москалей». После этого к нему присоединилось до 280 местных жителей, однако основная масса крестьян проявила полное равнодушие к идее самостийной Украины. В результате отряд Палия был разгромлен, он потерял почти половину личного состава и четыре пулемета.

Однако Палий успел выполнить свою главную задачу — обеспечить прорыв основных сил петлюровцев. В ночь на 5 ноября 1921 г. на советскую территорию вступил отряд генерал-хорунжего Тютюника. В его состав входили кадровые войска нескольких петлюровских дивизий. Тютюника сопровождали трое бывших министров Петлюры — гражданского управления, путей сообщения, торговли и промышленности, которые, надо полагать, уже видели себя сидящими на теплых местах в будущем украинском правительстве. В Олевском районе националистам удалось сформировать повстанческий полк численностью 600 человек. На рассвете 7 ноября Тютюник атаковал Коростень, рассчитывая приурочить захват этого важного стратегического пункта, открывающего дорогу на Киев, к четвертой годовщине Октябрьской революции. Однако защитники города отбросили самонадеянных «самостийников».

Разгром основных сил Тютюника был осуществлен 17 ноября 53-м и 54-м кавполками дивизии Котовского в болотистом районе юго-восточнее города Овруч. При этом 250 повстанцев зарублено, 517 взято в плен, захвачено 22 пулемета. 50 человек во главе с Тютюником в ночь на 21 ноября сумели, перейдя польскую границу, спастись. 25 ноября к ним присоединились остатки другой половины отряда во главе с полковником Черным, который смог вывести с собой 150 сабель и 100 штыков. Большей же части участников рейда не удалось прорваться в Польшу, и они рассеялись по территории Украины. Причем многие из них продолжали вести активную антисоветскую работу и на протяжении нескольких лет причиняли постоянную головную боль чекистам Украины.

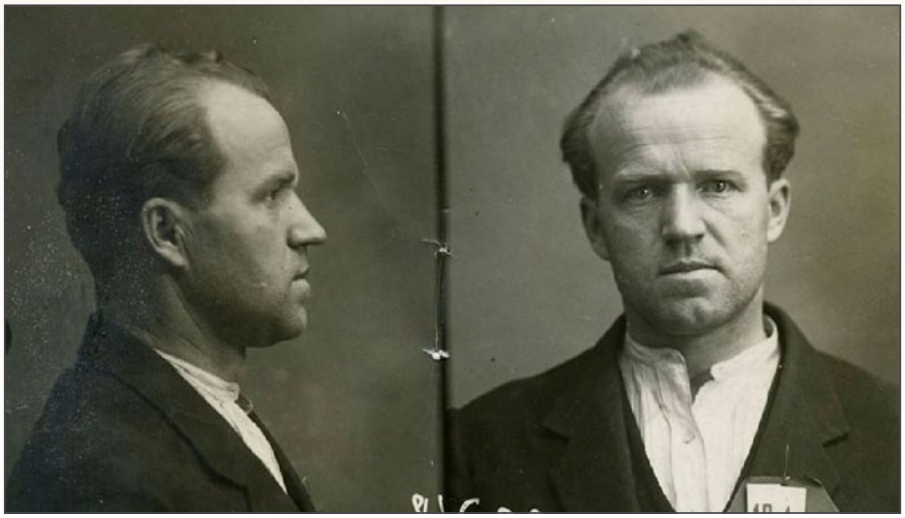
Однако правящие круги Польши отнюдь не ограничивались поддержкой антисоветских повстанцев. Победы в войнах с Советской Россией и Литвой вскружили им головы. Уверовав в собственную безнаказанность, руководители Польши всерьез надеялись путем захвата территорий соседних государств, и в первую очередь СССР, создать великую Польшу «от моря до моря». В крайнем случае, они рассчитывали на помощь и покровительство Англии и Франции. Так, например, в январе 1939 г. (!) министр иностранных дел Германии фон Риббентроп после аудиенции, данной им своему польскому коллеге Ю. Беку, записал в дневнике:

«Я еще раз говорил с г. Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу... Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю».

В итоге, как известно, эта недальновидная политика польского руководства привела в сентябре 1939 г. к национальной катастрофе. Но тогда, после недавней победы над «пшкелентыми москалями», подобный вариант развития событий мог присниться Ю. Пилсудскому и его соратникам разве что в кошмарном сне.

Все эти обстоятельства превращали Польшу в начале 20-х гг. (да и позднее), выражаясь военным языком, в вероятного противника номер один. Что в данной ситуации мог противопоставить потенциальному агрессору, вооруженному английским и французским оружием, Советский Союз, чья промышленность лежала в руинах, а армия была сокращена до 500 тысяч человек? Но, все-таки одно оружие — оружие ослабленных, технически отсталых держав, защищающих свою землю от превосходящего по вооружению и оснащению противника, еще имелось. Оружие, эффективно применявшееся позднее во множестве больших и малых войн XX века. Речь идет о тактике тотальной партизанской войны.

▲ Б. Савинков



▲ Тютюник, фото ОГПУ

▲ Ваупшасов С.А.

▲ Фрунзе М.В.

Одним из первых среди советских военных руководителей это понял М. В. Фрунзе. В 1921 г. он писал:

«Если государство уделит этому [подготовке и ведению партизанской войны] достаточно серьезное внимание, если подготовка этой „малой" войны будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».

Об этом же позднее писал и известный советский военный теоретик П. Каратыгин в книге «Партизанство», вышедшей в 1924 г. в Харькове:

«Партизанство есть первая возможность, и первое средство слабейшей стороны вести самостоятельную борьбу... партизанство обусловлено именно отсутствием армии, способной отстоять интересы страны».

Как известно, лучшая защита — это нападение. И тут, чтобы дать отпор зарвавшимся польским панам, на сцену вновь выходит советский спецназ.

После заключения мирного договора с Польшей в марте 1921 г. Разведупр начал создание и переброску на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям. Предполагалось, что эти вооруженные отряды станут ядром всенародного партизанского движения на оккупированных белорусских и украинских землях, которое в перспективе приведет к их освобождению и воссоединению с СССР. Подобная деятельность получила название «активная разведка». При этом надо заметить, что деятельность Разведупра по активной разведке была настолько тщательно законспирирована, что о ней не знали даже органы ОГПУ.

Партизанское, а по сути дела — диверсионное, движение в Белоруссии началось летом 1921 г. Вот перечень операций только двух отрядов: Кирилла Орловского и Станислава Ваупшасова, действовавших в восточной части Полесского и южной части Новогрудского воеводств:

— в мае 1922 г. в районе Беловежской пущи был разгромлен полицейский участок;

— 11 июня 1922 г. 10 партизан захватили и сожгли имение «Доброе дерево» Грудницкого повета;

— с 15 июня по 6 августа 1922 г. на территории Гроднинского и Илицкого поветов было проведено 9 боевых операций, в ходе которых партизаны разгромили три помещичьих имения, сожгли дворец князя Друцко-Любецкого, взорвали два паровоза на узкоколейной дороге, принадлежащей французской фирме, и железнодорожный мост, уничтожили на большом протяжении железнодорожное полотно на линии Лида — Вильно. При этом в одном из боев было убито 10 польских улан;

— 14 октября 1922 г. партизаны сожгли имение «Струга» Столинского повета.

В 1923 г. партизанское движение усилилось:

— в ночь с 19 на 20 мая 1923 г. 30 партизан разгромили полицейский участок и гминное правление в Чучевичах Лунинецкого повета;

— 27 августа аналогичную операцию провели в местечке Телеханы Коссовского повета. При этом были убиты два полицейских и войт (староста);

— 29 августа 10 партизан напали на имение «Молодово» Дрогичинского повета.

Перечень операций указанных отрядов, проведенных в 1924 г., выглядит следующим образом:

— 6 февраля 1924 г. отряд в 50 партизан при двух пулеметах захватил имение «Огаревичи» Круговичского гмина;

— 18 мая 1924 г. 29 человек разгромили полицейский участок в местечке Кривичи Велейского повета.

С апреля по ноябрь 1924 г. партизаны провели 80 крупных боевых операций. Самая известная из них — в городе Столбцы, где в ночь с 3 на 4 августа 54 боевика во главе со Станиславом Ваупшасовым разгромили гарнизон и железнодорожную станцию, а заодно староство, поветовое управление полиции, городской полицейский участок, захватили тюрьму и освободили руководителя военной организации Компартии Польши Станислава Скульского (Мертенс) и руководителя Компартии Западной Белоруссии Павла Корчика, что, собственно, и являлось целью данной дерзкой операции. При этом 8 полицейских было убито и трое ранено.

24 сентября 1924 г. 17 партизан из отрядов Орловского и Ваупшасова, устроив засаду на участке Парохонск — Ловча по железнодорожной линии Брест — Лунинец, напали на поезд. В результате они схватили воеводу Полесья Довнаровича. Проявив гуманизм, повстанцы не стали его расстреливать, а выпороли кнутом, после чего он вынужден был подать в отставку. Партизаны также захватили почту и разоружили ехавших в поезде солдат и офицеров.

В этот же день были разгромлены имение «Юзефов» в Пинском повете и имение «Дукшты» Свенцянского повета.

В ночь со 2 на 3 октября 1924 г. 30 человек разгромили имение и полицейский участок в Кажан-Городке.

14 октября партизаны сожгли железнодорожный мост в Несвижском повете. Позднее К. П. Орловский свидетельствовал, что только в 1924 г. его отрядом были убиты более сотни польских помещиков и жандармов, а потери бойцов его отряда за период 1920–1925 гг. составили 3 человека убитыми и 10 раненых.

Однако не все действия партизан можно назвать безошибочными и удачными. Ощутимые потери партизанские отряды понесли в начале ноября 1924 г. 3 ноября 35 партизан захватили поезд на железнодорожной линии Брест — Барановичи. При этом они убили одного полицейского и ранили двух офицеров. В погоню за партизанами было брошено более тысячи человек. 6 ноября окруженные партизаны с боем прорвали оцепление и ушли. Однако в ночь с 12 на 13 ноября 16 человек схватили, из них четверых расстреляли, а четверых приговорили к пожизненному заключению.

Среди руководителей белорусских партизанских отрядов выделялись бывшие краскомы РККА Кирилл Орловский (Артем, Аршинов, атаман Калиниченко, Муха-Михальский), Станислав Ваупшасов, Василий Корж, Александр Рабцевич. Интересно, что все они позже участвовали в подготовке партизан на территории СССР в конце 20-х — начале 30-х гг. и в испанской гражданской войне, а в годы Великой Отечественной войны являлись виднейшими руководителями партизанского движения в тылу немецких оккупантов, за что были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Здесь же необходимо отметить, что на территории Западной Белоруссии действовали не только красные партизаны, которые контролировали Полесское, Новогрудское воеводство и большую часть Виленского, но и белорусские эсеры в Беловежской Пуще, Волковысском и Гродненском поветах, а также литовские националисты в Виленско-Трокском и Свенцянском поветах. Однако красные партизаны явно доминировали. Это привело к тому, что уже в 1922 г. от белорусской партии эсеров откололась группа боевиков (300–400 человек) во главе с Иосифом Логиновичем (Павел Корчик), которая в конце следующего года объединилась с белорусскими коммунистами.

▲ Пилсудский

▲ Западная Белоруссия 1922 г.

Белорусскими эсерами руководил Центральный Белорусский повстанческий комитет во главе с членом ЦК БПСР В. Прокулевичем. Эсеры создали четыре повстанческих группы, которые помимо Польши действовали на территории Литвы и СССР — в Ковно, Утянах, Аранах и местечке Меречь. Для оперативного руководства повстанческим движением был создан Главный штаб белорусских партизан во главе с полковником Успенским. В подчинении Главного штаба только на Гроднинщине находилось 12 отрядов, в каждом по нескольку десятков человек. Наиболее крупный из них — отряд Генриха Скомороха (Герман Шиманюк). Однако поляки очень быстро разгромили белорусских эсеров, что привело к кризису в их рядах.

В результате действий партизанских отрядов обстановка в пограничных районах Польши стала весьма напряженной. По данным 2-го (разведывательного) отдела Генштаба польской армии (правда, явно завышенным), на территории Виленщины, в лесах Полесья, в Налибокской, Беловежской и Гродненской пущах действовало 5–6 тысяч партизан. Поэтому неудивительно, что польское правительство принимало все меры для того, чтобы надежно перекрыть границу с Советским Союзом. В пограничные волости стягивались регулярные части польской армии, преимущественно кавалерийские, а малоэффективная пограничная полиция заменялась частями корпуса пограничной стражи.

Репрессии польских властей не ограничились погонями польской кавалерии за повстанческими отрядами. В агентурном донесении, полученном из Варшавы, отмечалось: «После захвата воеводского поезда у станции Ловча и последовавшего затем ограбления поезда у станции Лесной в сторону восточной границы были выдвинуты от ближайших строевых воинских частей роты, батальоны и эскадроны для поддерживания полицейской пограничной стражи. Перепуганное налетами начальство дошло до того, что в таком пункте, как Лунинец, был сосредоточен целый сводный отряд в составе конного полка и батальона пехоты...».

Здесь мы сделаем небольшое отступление. Возможно, прочитав вышесказанное, некоторые читатели возмутятся «вероломством» большевиков, проводивших тайную подрывную деятельность на территории суверенного государства, с которым у СССР заключен мирный договор. Разумеется, с точки зрения международного права, да и так называемых общечеловеческих ценностей данные действия советского руководства нормальными назвать нельзя. Но, как уже говорилось, Польша тоже не была «невинной овечкой», — на ее территории находили прибежище явные и тайные враги СССР, хотя Польша установила с ним дипломатические отношения. При этом разведка польской армии не только давала пристанище противникам советской власти, но и вооружала их, финансировала, снабжала сведениями, необходимыми для вооруженных нападений на территорию Советской республики. Поэтому действия советских военных разведчиков, защищавших государство, которому они служили, следует считать полностью законными.

Однако вскоре произошло событие, заставившее свернуть активную разведку на территории Польши. В ночь с 7 на 8 января 1925 г. отряд партизан, прижатый польскими войсками к советской границе, с боем прорвался на территорию СССР, разгромив при этом советскую погранзаставу у местечка Ямполь.

Партизаны были одеты в польскую военную форму, которой часто пользовались, и советские пограничники решили, что нападение совершили польские регулярные части. Такое предположение оправданно еще и потому, что руководство погранвойск ОГПУ понятия не имело о том, чем занимался у них под боком Разведупр. Тревожное сообщение о бое на границе ушло в столицу Украины Харьков и в Москву, и вскоре пограничный инцидент начал разрастаться до уровня крупного международного скандала.

В Москве, основываясь на полученной с границы информации, решили, что на погранзаставу напали части регулярной польской армии. Случай был беспрецедентный и его решили обсудить на заседании Политбюро. Оно состоялось 8 января 1925 г. Во время обсуждения выступили наркоминдел Г. Чичерин, его заместитель М. Литвинов и зампред ОГПУ Р. Менжинский. Для срочного расследования всех обстоятельств дела решили создать тройку в составе Шлихтера, Балицкого (полпред ОГПУ на Украине) и ответственного представителя Наркоминдела. А поскольку обстановка на границе, по имеющейся в Москве информации, была не совсем ясной, то пока решили резких дипломатических шагов не делать и поручить НКИД заявить представителю Польши

«на готовность с нашей стороны к улаживанию этого инцидента мирным путем».

Впрочем, в Москве довольно быстро разобрались в подоплеке произошедшего. Действия Разведупра вызвали законные нарекания со стороны политического руководства страны и ОГПУ, в результате чего в феврале 1925 г. комиссия во главе с В. Куйбышевым представила в Политбюро проект постановления по вопросу об активной разведке, в котором говорилось:

«Активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжение и руководство диверсионными отрядами на территории Польской республики) — ликвидировать.

Ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство. Вся боевая и повстанческая работа и группы, ее проводящие, — поскольку они существуют и целесообразно (что определяется в чисто партйном порядке) — должны быть руководимы и находиться в полном подчинении у национальных партий, действующих в данной стране. Эти группы должны выступать, руководствуясь и от имени исключительно их революционной борьбы, а не СССР.

Группы эти не должны ставить себе целью и заниматься разведывательными и другими заданиями в пользу Военведа СССР. Этими вопросами они занимаются для своих революционных целей.

Задача РКП и Коминтерна — помочь сорганизовать при национальных партиях работу в Армии по созданию своих боевых кадров — там, где это по положению необходимо. РКП и Коминтерн, однако, не должны иметь для этой цели помощи — специального органа или учреждения для руководства. РКП должна иметь только орган, изучающий боевые силы революции во всех странах, для чисто информативной цели. Никаких оперативных функций и непосредственных связей с военной работой в других странах иметь не должна.

Ликвидация разведупровских боевых групп на территории других стран должна быть проведена очень умело и осторожно. Для этого необходимо ассигновать средства.

Зона границы на нашей стороне должна быть целиком очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границы для боевой работы. Их надо эвакуировать, никоим образом, однако, не озлобляя их, но наоборот, оказывая как им, так и перешедшим на нашу сторону или эвакуированным с той стороны партизанам помощь. Их в общем (кроме ненадежных) не надо распылять, а сводить в военные единицы или другие группы с тем, чтобы в случае войны или другой необходимости использовать их как ценнейший материал. Для этого необходимо ассигновать необходимые средства.

Для военных целей СССР вместо настоящей активной разведки

▲ Балицкий В. А., фото 1937 г.

▲ Бек Юзеф

должны быть организованы конспиративным способом в Польше и других соседних странах комендатуры по образцу польской П. О. В. Эти организации активны только на время военных действий. В мирное же время изучают военные объекты, весь тыл противника, изучают людей, завязывают всюду связи и т. д., т. е. подготовляются к деструктивной работе во время войны в тылу у противника. С партией они никоим образом не связаны, работники их не состоят в партии. Во время революции они передаются в ее распоряжение.

На нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие группы с необходимым вооружением. В случае занятия нашей территории противником их задача — дезорганизация вражеского тыла и партизанская война. Проведение всего вышеизложенного возложить на РВСР, с докладом в П/бюро.

Ответственность за состояние границ и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ.

Проведение этой линии должно быть обусловлено и дипломатическим ее использованием и проведением НКИнделом твердой линии по отношению к Польше. Ямпольскому нападению и призывам в Польше к террору (Арцыбашев „За свободу“) должен быть дан твердый отпор. Польша не имеет никаких прямых (кроме догадок) улик против нас. Этого нельзя забывать. Вместе с тем по отношению к Польше нет у нас проведения ясной ни политической, ни торговой линии, и необходимо этот вопрос поставить перед П/бюро.

Намеченные выше меры могут оказаться вредными, если не последует твердое и быстрое проведение линии в польской политике, уже намеченной Политбюро».

В итоге активная разведка Разведупра в Польше к концу 1925 г. была свернута. Так, в июне 1925 г. отряд Ваупшасова, успешно действовавший на территории Польши с 1921 г., расформировали. Такая же участь постигла и другие партизанские отряды. Часть партизан перевели на территорию Советской Белоруссии, часть осталась в Польше, они переехали на жительство в отдаленные от родных мест уезды. Разумеется, было бы неправильным считать, что активную разведку прекратили вести только из-за ямпольского инцидента. Во-первых, используя ошибки партизанского движения, польские власти перешли в наступление и только в апреле 1925 г. арестовали значительное число партизан и подпольщиков. Во-вторых, изменилась международная обстановка, и агрессивные планы Польши уже не представляли для СССР непосредственной угрозы. Однако ямпольский инцидент еще долго напоминал о себе советским спецслужбам. Примером тому может служить следующий приказ по ОГПУ:

«т. МЕДВЕДЮ — П. П. О. Г. П. У. в Минске за организацию известного дела и отдачу приказа без получения на то разрешения или указаний со стороны его прямого начальника — объявить строжайший выговор (ввиду смягчающих вину обстоятельств — только такая мера взыскания).

Расконспирированных на границе начальников и руководителей научной разведки сменить немедленно, не дожидаясь общей ликвидации, которая требует более продолжительного времени.

18 ноября 1925 г. Ф. Дзержинский».

Говоря о деятельности партизанских диверсионных отрядов на территории Польши в начале 1920-х гг., стоит рассказать и о деятельности местных коммунистических партий, не оставшихся в стороне от партизанского движения. Как уже говорилось, на территории Галиции и Волыни (Польша) всю партизанскую деятельность до февраля 1925 г. контролировал Разведупр. Только в феврале 1925 г. Политбюро ЦК РКП (б) постановило массовую военную работу (организация боевых сотен) передать Компартии Польши — на польских территориях, и Компартии Западной Украины — на западноукраинских землях. К этому времени территория Галиции была разделена «специалистами по активной разведке» Разведупра на четыре военных округа и девять районов: 1-й военный округ — Львовский — состоял из Золочевского, Рава-Русского и Рогатинского районов; 2-й Тарнопольский — из Тарнопольского и Чортковского районов; 3-й Станиславский — из Станиславского и Коломийского и 4-й — Перемышльский — из Перемышльского и Дрогобычского районов. Центральное руководство осуществляли руководящая тройка и два инструктора. В каждом округе и районе был организатор. Таким образом, Разведупр имел в Галиции 16 освобожденных работников. Бюджет галицийской военной организации составлял 1300 долларов в месяц.

Волынь разделили на два округа и десять уездных организаций (Ковель, Владимир-Волынский, Луцк, Дубно, Ровно, Кременец, Здолбуново, Сарны, Горохов, Любомиль). Во главе центрального руководства также стояло три человека. Бюджет волынской организации составлял менее 1000 долларов в месяц. Таким образом, ведение боевой работы на территории Западной Украины обходилось Разведупру в 2300 долларов ежемесячно.

В конце 1924 г. руководители волынских коммунистов при поддержке Разведупра взяли непосредственный курс на подготовку вооруженного восстания. Повсеместно создавались десятки и сотни. Наготове было несколько тысяч боевиков. Начальником штаба военной организации являлся Виктор Крайц (Барвинченко).

Руководителем Волынской парторганизации и главным вдохновителем линии на вооруженное восстание являлся зловещий для польской полиции Александр Форналь, известный также как Рожанский. Настоящее его имя — Петр Иванович Кравченко. Третий руководитель повстанческого движения на Волыни — Герман, настоящее имя — Энцель Соломонович Ступ.

Как уже говорилось, руководители волынских коммунистов были сторонниками вооруженного восстания. Но их планы, судя по всему, расходились с планами руководст-

ва Компартии Польши и, что еще более важно, с планами советского руководства. Однако они отказались подчиняться как представителям ЦК ВКП(б), так и представителям ЦК КП Польши, и тем самым навлекли на себя серьезную критику (появился даже термин — форнальщина, означающий левацкий авантюризм). Поэтому, не решаясь самостоятельно начать восстание без одобрения в Москве, они в то же время держали организацию в состоянии постоянной боевой готовности, что не могло продолжаться долго. В результате весной 1925 г. при помощи своего агента Бондаренко польская полиция произвела массовые аресты — 1500 человек. Среди арестованных были Крайц, Ступ, Марек Мандель, Нестор Хомин, Леон Пастернак и другие руководители организации. Кравченко удалось скрыться. Многих из них впоследствии обменяли по договоренности между польской и советской сторонами. Как это тогда практиковалось, среди обмениваемых были как чистые коммунисты, так и сотрудники Разведупра.

Здесь интересно отметить следующее. Компартия Волыни насчитывала всего 2000 человек, в то время как военная организация была гораздо многочисленнее. Только военная организация Владимир-Волынского уезда насчитывала свыше 3 тысяч членов. Боевые сотни и десятки назывались пролетарскими.

Примерно такая же ситуация сложилась и в Западной Белоруссии.

30 ноября 1924 г. на 2-й конференции КПЗБ был выдвинут лозунг свержения правительства и принято решение о политической и организационной подготовке вооруженного восстания. После отмены этого курса в начале 1925 г., в связи с общим отказом от активной разведки за рубежом, часть местного руководства во главе с М. Гуриным («Морозовский») и Томашевским («Старый») вопреки мнению Москвы и польского ЦК, выступила за вооруженное восстание, за бунтарско-эсеровские методы работы. Это привело к расколу в партии. Группа раскольников, так называемая «Сицессия», захватила центральный орган Компартии Западной Белоруссии — газету «Большевик». Однако подавляющее большинство белорусских коммунистов не решилось выступить против воли Москвы и подчинилось в 1925 г. решению о прекращении боевых действий.

Руководителем военной организации Западнобелорусской компартии являлся представитель РККА Лазарь Аронштам, работавший в Польской компартии. В Польше он действовал под именем Якуб Черняк и имел кличку «Артур». В 1928 г. с группой других польских коммунистов его обменяли по договоренности между Польшей и СССР. Интересно, что в эту группу вместе с Аронштамом входили нелегальный резидент Разведупра в Польше Ма-

▲ Аронштам Л.Н., фото 1936 г.

▲ Дзержинский Ф.Э.

▲ Орловский К.П.

рия Скаковская и ее агент Винценты Илинич.

В заключение повествования об активной разведке на территории Польши заметим, что в ходе боевых действий, проводившихся западнобелорусскими и западноукраинскими партизанами, они снискали массовую поддержку населения в своих районах. В результате на их сторону перешли представители местных национально-революционных организаций: в Западной Белоруссии — местные эсеры, а на Западной Украине — будущие бандеровцы из Украинской военной организации (УВО).

В целом в последний период активной разведки в Польше (с марта по май 1925 г.) в Западной Белоруссии было проведено 59, а с июня по август — 50 боевых операций. Всего с 1 декабря 1924 г. — 199 боевых операций, из них 153 — вооруженные нападения на полицейские участки, железнодорожные станции, гминные управления, пограничные посты. 100 нападений сопровождались сожжением недвижимости, 11 — поджогом лесов и 46 — повреждением средств связи.

Однако, воспользовавшись растерянностью, которая охватила партизан после отмены курса на вооруженное восстание, польская полиция в апреле 1925 г. провела массовые аресты. Так, только в Новогрудском воеводстве было арестовано 1400 человек.

Кроме Польши активная разведка проводилась и в других странах. Например, в Румынии она велась Разведупром при посредстве национально-революционных организаций — Союза революционных крестьян Бессарабии (молдаване), Добруджанской революционной организации (болгары) и Буковинской национально-революционной организации «Вызволение». Наиболее крепкой являлась первая, имевшая свои партизанские отряды и точно копировавшая НВО Западного фронта. Собственно говоря, Союз революционных крестьян Бессарабии и был сформирован из остатков местной Военной организации (ВО), которая имела цель помочь Красной Армии с тыла при освобождении Бессарабии в 1919–1920 гг.

После известного Татар-Бунарского восстания 1924 г. структуру организации изменили, а с 1925 г. ее, как и все подобные формирования в других странах, вывели из подчинения Разведупра и превратили в политическую организацию. Руководство ею передали Компартии Румынии.

Добруджанская революционная организация (ВДРО) была значительно меньше и своей структурой копировала Бессарабскую. Ее руководители контролировали около 130 сел. Территорию поделили на 7 районов, в каждом районе действовали четы, причем каждая чета насчитывала 10–12 человек во главе с воеводой. Таким образом, всего четы насчитывали не более 100 человек. Четами руководил один из членов руководства организации Стефан Боздуганов. Всего же в организацию входило около 1000 членов. В декабре 1924 г. в организации произошел раскол. Просоветская ее часть контролировала всего лишь четыре района — Силистрию, Тутракан, Курт-Бунар и Добрин. В них действовало три боевые четы по 10 человек в каждой.

Активная разведка проводилась и в Болгарии. Там в 1924 г. во время подготовки всеобщего вооруженного восстания действовало 16 партизанских отрядов (чет), в том числе 11 коммунистических и 5 анархистских. Отряды эти были немногочисленны и насчитывали всего 300 человек. (Для сравнения — военная организация компартии Болгарии имела в своем составе 6000 человек.) В августе 1924 г. для инструктажа болгарских партизан с очередным транспортом с оружием прибыла группа советских военных советников. Среди них был и опытный нелегал Разведупра Х. Салнынь, находившийся в партизанских отрядах на юге Болгарии четыре месяца.

В 1923–1924 гг. партизанское движение развернулось и в Черногории. Здесь в горах сосредоточилось свыше 200 партизан. Руководил ими прибывший из СССР Вукашин Маркович, обрусевший военврач, активный участник Гражданской войны в России и муж небезызвестной Жанны Лябурб. Другой руководитель черногорских партизан — Петко Милетич, в свое время он сражался за Венгерскую советскую республику.

Однако весной 1924 г. черногорские партизаны по договоренности с правительством Югославии в обмен на амнистию добровольно разоружились. Их лидер Маркович был арестован, но вскоре бежал из тюрьмы и нелегально переправился в Советский Союз. Впрочем, партизанская деятельность в Югославии на этом не закончилась, так как на территории Сербии в данный период развернулась подготовка болгарских партизан, ожидавших восстания в Болгарии и готовящихся в случае его начала немедленно вторгнуться на ее территорию.

В конце 1923 — начале 1924 гг. создавались партизанские отряды и в Германии. И хотя в отличие от польских, черногорских или болгарских партизан активных боевых действий они не вели, но были довольно многочисленны. Так, на март 1924 г. партизанские группы Восточной Пруссии и Мекленбурга насчитывали 1500 человек, из которых 850 человек были вооружены винтовками. Кроме того, на вооружении немецких партизан, как и в Болгарии, находились легкие пулеметы. ■

А.С. ПАНЮШКИН

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В КИТАЕ (1938–1940)

▲ Пехотинцы китайского армии

Когда состоялось решение Центрального Комитета партии направить меня на дипломатическую работу в Китай, началась напряженная подготовка к отъезду. Времени было мало, а предстояло сделать очень много. И.о. заведующего Дальневосточным отделом НКИД СССР Н.И. Лифанов обстоятельно и толково рассказал мне о положении дел на дипломатическом фронте, подробно ввел меня в курс работы нашего посольства в Китае.

Управлению кадров НКИД СССР нужно было послать новых людей на смену товарищам, которые уже длительное время трудились в Китае. Трудились мы напряженно и к моменту отъезда нам удалось подобрать тринадцать человек на дипломатическую и оперативную работу. Среди них были: А.Ф. Матюшин, Ф.С. Барышников, И.В. Кожемяко, А. Фунтиков, А.С. Титов, Н.И. Тимофеев и др. С этими молодыми и энергичными людьми мне пришлось сотрудничать в Китае длительное время.

Многое предстояло сделать в НКВТ СССР и Наркомате обороны. В Китай я выехал в качестве временного уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по вопросам реализации торгового договора между СССР и Китаем. На первой встрече А. Микоян лично рассказал в общих чертах о характере, особенностях и объеме наших торгово-экономических отношений.

На беседе присутствовал эксперт-китаевед, начальник Дальневосточного отдела Восточного управления НКВТ СССР М.И. Сладковский, с которым мне затем пришлось неоднократно встречаться, чтобы об-

Панюшкин Александр Семенович, (1905-1974) советский государственный и партийный деятель, дипломат, руководитель советской внешней разведки (1954-1955), генерал-майор (1954), имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. Родился в семье рабочего. В 1920 г. ушел добровольцем в Красную Армию. В 1924 г. поступил в Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу РККА. По окончании школы в 1927 г. направлен на службу в пограничные войска ОГПУ на Дальний Восток — в 59-й Приморский пограничный отряд: инструктор боевой подготовки, командир сабельного дивизиона маневренной группы, командир сабельного дивизиона 58-го Гродековского пограничного отряда. В 1938 г. окончил Специальный (разведывательный) факультет Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. Направлен на работу в органы НКВД СССР — помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД, начальник 3-го специального отдела НКВД. Принимал участие в аресте Ежова Н. И. 17 июня 1939 г. Панюшкина пригласили в ЦК партии на Старую площадь, где его принял И. В. Сталин. Он попросил рассказать о себе. А затем спросил:

- «Как Вы смотрите на то, чтобы поехать в Китай?»

- «А что же мне там придется делать?»

- «Поработаете на дипломатическом поприще вначале в качестве уполномоченного Совнаркома по реализации советско-китайского договора, а затем в качестве советского полпреда. Пограничная служба не так уже далека от дипломатической. Вам надо попробовать себя на дипломатической работе».

В июле 1939 г. направлен в Китай уполномоченным СНК СССР по реализации торгового соглашения, затем назначен полпредом СССР в Китае, одновременно являясь главным резидентом (руководил 12 резидентурами). Установил доверительные отношения с рядом лиц из окружения Чан Кайши, выступающих за укрепление дружбы с СССР и продолжение сопротивления японской агрессии. Полно и своевременно информировал Центр об основных проблемах внешней и внутренней политики Китая, о позиции Чан Кайши и его окружения в отношении СССР, Японии, США, Великобритании, Франции и деятельности представителей этих стран в Китае, о борьбе между КПК и гоминьданом. В июне 1941 г. в Центр был направлен оперативный план германского Верховного командования о главных направлениях продвижения немецких войск в войне против СССР, полученный агентурным путем. Была успешно выполнена главная задача разведки — не просмотреть возможное нападение Японии на Советский Союз. С сентября 1944 г. 1-й заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б). С сентября 1947 г. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в США, одновременно главный резидент внешней разведки. В 1946-1953 гг. представитель СССР в Дальневосточной комиссии. С июля 1952 г. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНР. После хрущевского переворота вернулся в органы госбезопасности. Член коллегии МВД, начальник ВГУ МВД, с марта 1954 г. начальник ПГУ КГБ при Совете Министров СССР. С июня 1955 г. председатель Комиссии ЦК КПСС по выездам за границу. С июля 1959 по 1973 г. заведующий отделом кадров дипломатических и внешнеторговых органов ЦК КПСС. Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции, Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV).

стоятельно изучить положение дел с поставками Китаю вооружения, боеприпасов и других материалов. Это очень напряженный, горячий период в ходе выполнения Советским Союзом обязательств по кредитным соглашениям с Китаем. Еще в ходе переговоров о заключении советско-китайского договора о ненападении, подписанного 21 августа 1937 г., советская сторона согласилась предоставить Китаю кредиты на закупку в Советском Союзе вооружения. Была достигнута принципиальная договоренность о кредите в размере 500 млн ам. долларов, который намечалось предоставить по частям на протяжении ряда лет.

Первое кредитное соглашение было подписано в Москве 1 марта 1938 г. на сумму 50 млн ам. долларов. Однако поставки вооружения в счет этого соглашения и заключенных в соответствии с ним контрактов начались уже с середины сентября 1937 г., т. е. через 9-10 недель после «инцидента» у Лугоуцяо, и были завершены в основном к моменту подписания соглашения.

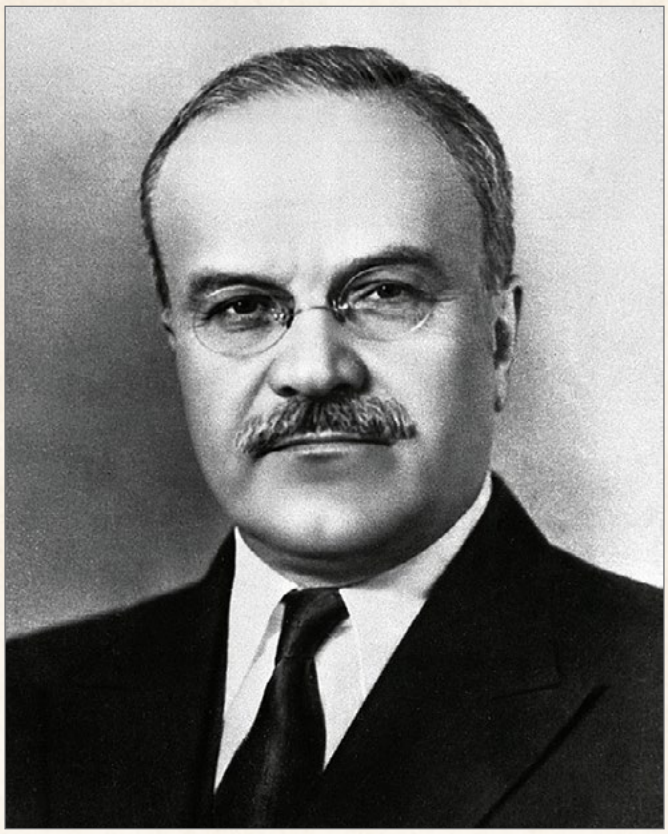
Во второй половине 1938 г. и в описываемое время шли интенсивные поставки в счет второго кредитного соглашения, подписанного в Москве 1 июля 1938 г. также на сумму 50 млн ам. долларов. Эти поставки нужно было завершить в сентябре 1939 г.

Третье кредитное соглашение было подписано в Москве 13 июня 1939 г. на сумму 150 млн ам. долларов с оплатой китайскими товарами в период с 1 июля 1942 г. по 1 июля 1952 г. и с начислением 3% годовых, начиная с 1 июля 1939 г. Поставки вооружения и боеприпасов в счет этого кредита были начаты через двенадцать дней после его подписания — 25 июня. Китай вел войну с иноземными захватчиками. Понеся значительные потери в первый период войны, он остро нуждался в пополнении своей армии боевой современной техникой. Советский Союз делал все, чтобы вовремя помочь дружественному китайскому народу, попавшему в беду. Военные поставки осуществлялись двумя путями: через Синьцзян и провинцию Ганьсу и (в меньшей степени) морским путем.

В процессе ознакомления с положением дел я был поражен колоссальным размахом осуществляемой помощи. Пролетая затем над автотрассами — Урумчи — Хами и Хами — Ланьчжоу, я наблюдал за продвижением наших автоколонн, беседовал с водителями автомашин на пунктах ночевок. У меня и у моих товарищей сохранилось в памяти чувство благодарности всем советским труженикам, работавшим на трассе в тяжелейших условиях. Простые советские люди различных национальностей самоотверженно, с честью выполняли интернациональный долг, помогая китайским братьям крепить боевую мощь армии, чтобы освободить родную землю от японских оккупантов.

▲ Дратвин М.И., фото 1948 г.

▲ Сталин И.В.



▲ Молотов В.М.

▲ Ворошилов К.Е.

Для переброски в Китай военных грузов в сказочно короткие сроки была подготовлена автотрасса протяженностью около 2 700 км. Большая ее часть проходила по советской территории (от железнодорожной станции Сары-Озек Туркестано-Сибирской железной дороги до пограничного с Синьцзяном поселка Хоргос). Дальше трасса продолжалась на территории Китая — через Кульджу, Урумчи, Хами, Аньси, Сучжоу, Ланьчжоу. Протяженность трассы по китайской территории составляла 1 165 км. На трассу было выделено свыше 5 тыс. советских автомобилей. В 1939 г. в Китай были направлены до 5 тыс. советских людей, большая их часть была занята на автотрассе.

Осваиваясь с обязанностями временного уполномоченного СНК СССР по реализации советско-китайского торгового договора, я должен был поддерживать контакты с М.И. Сладковским и комдивом М.И. Дратвиным. Последний занимался вопросами поставок в Наркомате обороны, а М.И. Сладковский — в НКВТ СССР. Своей умелой работой они способствовали успешному выполнению этого важнейшего государственного задания.

Накануне отъезда в Китай 9 июля 1939 г. меня вновь вызвали в Центральный Комитет партии для напутственной беседы, в которой приняли участие И.В. Сталин и В.М. Молотов. Во время этой беседы И.В. Сталин сказал, что Советский Союз будет и впредь неуклонно оказывать моральную поддержку Китаю и, безусловно, выполнит свои обязательства по советско-китайскому договору о ненападении и кредитным соглашениям о поставках вооружения и материалов.

10 июля наша группа в полном составе в отдельном вагоне выехала в Алма-Ату. У нас появилась возможность поближе познакомиться друг с другом. Все мы ехали без семей, за исключением Ф.С. Барышникова — второго секретаря посольства. На должность переводчика английского языка в посольство ехала только закончившая институт Аня Михеева. Она любила английский язык, неплохо знала его и с энтузиазмом взялась за организацию группы по изучению языка. Так как языковые знания «студентов» были самые различные, то первое занятие посвятили громкому чтению, а затем разучивали английскую песню. Молодежь весь вечер напевала довольно веселенький мотивчик, привлекая к себе все общее внимание. На другой день нашего путешествия уже все пассажиры захотели заниматься, и Аня всех превратила в своих учеников. За занятиями время летело быстро, и 15 июля мы прибыли в столицу Казахстана.

Дальше нам предстояло путешествие по воздуху. 17 июля рано утром мы выехали на Алма-Атинский аэродром. По пути заехали к дипломатическому представителю для завершения последних формальностей. Здесь к нам присоединились дипломатические курьеры, следовавшие в Чунцин. На аэродроме нас поджидал двухмоторный ДС-6, с соответствующими надписями на фюзеля-

же на русском и китайском языках; самолет принадлежал совместной советско-китайской авиакомпании ХАМИ-АТА.

30 июля 1939 г. мы прибыли в военную столицу Китая г. Чунцин. Утром следующего дня я встретился с министром иностранных дел доктором Ван Чунгуем. Состоялась краткая беседа протокольного характера. Я передал министру письмо И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова для Чан Кайши. 1 августа я уже сам посетил Чан Кайши в качестве уполномоченного Совнаркома и имел с ним беседу. Это была моя первая встреча с Чан Кайши. О нем я много слышал ранее и кое-что уже знал по рассказам товарищей и сотрудников нашего полпредства. Я с интересом рассматривал этого человека, главу одного из крупнейших государств мира. Стройный, подтянутый, с пронзительным взглядом небольших глаз и коротко подстриженными седеющими усами. Его движения казались медленными, неторопливыми. В первые же минуты беседы я понял, что передо мной опытный восточный политик, умеющий, как выяснилось позднее, превосходно скрывать свои истинные чувства и мысли. В течение пяти лет работы в Чунцине я много раз встречался с Чан Кайши в самой разнообразной обстановке и различных обстоятельствах. Внешне он был корректным и доброжелательным к нашей стране и ее представителям.

В связи с трагической гибелью в автокатастрофе полпреда СССР в Китае И. Т. Луганец-Орельского 20 августа 1939 г. НКИД СССР запросил агреман у китайского правительства на назначение меня полпредом СССР в Китае, и 26 августа был получен положительный ответ.

В тот же день Чан Кайши устроил в мою честь обед, пригласив прибыть к нему примерно на один час раньше. В ходе беседы он интересовался моей оценкой обстановки в связи с заключением пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, возможности в скором времени войны в Европе. Он рассматривал этот пакт как «большой удар по Японии», в результате которого она окажется совершенно изолированной. Я со своей стороны поинтересовался, какую реальную помощь Китаю оказывают Соединенные Штаты. Чан Кайши попытался уклониться от прямого ответа, но затем на мой уточняющий вопрос сказал, что «отношение правительственных кругов США к Китаю очень хорошее и что Китай пользуется политической и моральной поддержкой Америки». Но он при этом заметил, что правительство в своих действиях ограничено конгрессом и оно будто бы не может «оказать такую же помощь, какую оказывает СССР». Последняя помощь от Америки, по его словам, выражалась в займе 21 млн. ам. долларов, предоставленным 15 июля 1938 г. Я, конечно, не мог согласиться с тем, что Соединенные Штаты Америки не в состоянии оказать большую помощь Китаю, и сказал об этом Чан Кайши.

Затем он поставил вопрос о заключении пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Китаем, о котором посол Сунь Фо говорил еще в мае 1939 г. в Москве. Чан Кайши просил меня выяснить, не пришло ли время вновь вернуться к этой проблеме. Зная позицию Советского правительства по этому вопросу, я тут же ответил, что «политика Советского Союза направлена на обеспечение коллективной безопасности, а не на заключение локальных военных союзов». Поэтому, сказал я, позиция Советского Союза во многом будет зависеть от того, насколько активную антияпонскую политику будут проводить США, Англия и Франция. Соглашение Крэйги — Арита фактически означает антикитайский союз Англии с японским милитаризмом, ибо оно по существу санкционировало совершенные Японией захваты, одобряло японские акции в Китае и вдохновляло Японию на продолжение войны в Китае. Тем не менее, я пообещал Чан Кайши сообщить о его просьбе в Москву. Затем наш разговор переключился на военное положение в Китае. Чан Кайши отметил, что в последнее время на фронтах наблюдается затишье и что только на юго-востоке провинции Шаньси идут бои. Он высказал просьбу оказать ему содействие со-

▲ Чан Кайши и Сун Мэйлин

▲ Линь Сэнь, президент Китая

ветами по военным и политическим вопросам.

В порядке знакомства Чан Кайши задал мне также ряд вопросов, касающихся меня лично. Узнав, что мне всего 34 года, он заметил, что я являюсь, по всей вероятности, самым молодым послом в мире. Я сказал, что удивительного в этом ничего нет, ведь наша Республика молодая, поэтому у нас и дипломаты молодые.

После этой встречи мне предстояло ещё вручить верительные грамоты номинальному главе Китайской Республики президенту Линь Сэню. В связи с тем, что японцы усиленно бомбили Чунцин, Линь Сэнь большую часть времени проводил на курорте в горах Эмаэйшань, в провинции Сикан. Чтобы не затягивать мое официальное вступление в должность полпреда, я решил направиться туда. Это был мой первый выезд за пределы китайской военной столицы.

В моих дневниках сохранились лишь небольшие заметки, связанные с этой поездкой, в частности о встрече 30 августа 1939 г. с председателем провинциального правительства провинции Сычуань Ван Цзюньсюем. Он сказал, что население его провинции знает об оказанной Советским Союзом помощи Китаю и относится к СССР исключительно хорошо. Слышать об этом было приятно. Он интересовался событиями у Халхин-Гола.

1 сентября 1939 г. я был принят президентом Китая Линь Сэнем, которому я вручил свои верительные грамоты. По обычаю мы обменялись краткими речами. Я сказал: «Народы Союза Советских Социалистических Республик питают искреннюю дружбу к китайскому народу и с глубоким сочувствием оценивают его героическую борьбу за национальную независимость. Народы СССР твердо уверены в том, что эта борьба великого китайского народа увенчается полной победой. В чрезвычайно напряженной международной обстановке наших дней последовательная миролюбивая политика СССР сочетается с дружественной помощью народам, подвергающимся агрессии. Народ Китая и его правительство знают, что в их самоотверженной борьбе за национальную свободу и независимость со стороны СССР оказывается им не на словах, а на деле. Моей задачей Полномочного представителя и Чрезвычайного посла СССР в Китае является дальнейшее развитие и укрепление дружественного сотрудничества между нашими странами.

Президент в своем ответе подчеркнул чувство симпатии китайского народа к советскому народу и выразил благодарность за действенную помощь Китаю.

После вручения верительных грамот мне пришлось активно включиться в работу. Обстановка была сложной. Война продолжалась. Хотя в тот период в Китае было много советских людей, включая военных, которые оказывали помощь китайскому народу по всем линиям, само полпредство было небольшим: один советник и три вторых секретаря. По приезде я сделал некоторую перестановку персонала, что способствовало улучшению работы.

Я начал с визитов китайским государственным деятелям, Обязанности посла в любой стране являются нелегкими. В Китае, где шла война против японской агрессии и одновременно продолжалась скрытая гражданская война, они были очень сложными. Как советский человек я, конечно, полностью сочувствовал борьбе китайского народа, руководимого компартией, за свое национальное и социальное освобождение, но как советский посол я должен был встречаться и вести переговоры с китайскими государственными деятелями, среди которых были не только антикоммунисты и антисоветчики, но и прояпонские элементы, скрытые капитулянты, готовые пойти на предательство национальных интересов; их необходимо было как-то изолировать, нейтрализовать. Кроме того, для успешной работы посла необходим широкий круг знакомств и контактов в первую очередь среди государственных деятелей страны, в которой он аккредитован. Этому вопросу я уделял много внимания и времени.

Вечером 5 сентября 1939 г. я встретился с одним из влиятельнейших деятелей того времени, председателем Исполнительного юаня Китая Кун Сянси. Его влияние объяснялось тем, что он доводился свояком Чан Кайши. Этот номинальный глава китайского правительства, изощренный политикан, имел широкие родственные и финансовые связи с влиятельными семьями Китая. В течение многих лет Кун Сянси работал в отделении компании «Стандарт Ойл Ко». Поэтому он пользовался поддержкой компрадоров. Большую помощь ему оказывала жена. Фактически они ведали и личным бюджетом Чан Кайши. Было известно, что Кун Сянси являлся противником войны с Японией и выступал за мир с ней. Он мотивировал это тем, что «Сунь Ятсен творил революцию при помощи японцев». Он говорил: «Среди японцев много хороших людей. Дружба между Китаем и Японией должна существовать. Эти две страны должны помогать друг другу, ибо другого пути нет». По мнению Кун Сянси, оккупация японцами Маньчжурии началась по вине молодого Чжан Сюэляна, а в «инциденте» у Лугоуцяо, положившем нача-

ло японо-китайской войне, виноват командующий 29-й армией генерал Сун Чжэюань, который плохо относился к японцам. Кун Сянси считал, что если бы ему удалось попасть в Токио на обратном пути из Англии, куда он ездил на коронацию английского короля, «то событий у Лугоуцяо наверняка бы не было». После начала японо-китайской войны Кун Сянси уговаривал Чан Кайши пойти на переговоры с японцами о заключении мира. Он рекомендовал не выдвигать перед японцами особых и конкретных требований. Однако в отличие от Ван Цэинвэя Кун Сянси всячески маскировал свою прояпонскую, капитулянскую позицию. Доверенными лицами Кун Сянси в исполнительном юане были: генеральный секретарь Вэй Даомин — чиновник, взяточник бандитского толка, и бывший мэр г. Нанкина, Чжэн Миньсю, долгое время не возвращавшийся из-за границы в Китай из-за того, что был причастен к делу о похищении антикварных предметов из пекинских музеев.

В первой беседе 5 сентября 1939 г. Кун Сянси пытался убедить меня в необходимости вступления СССР в войну с Японией. Заметив, что правительство СССР, заключив договор о ненападении с Германией, будто бы получило большую свободу для своих действий на Дальнем Востоке, он заявил: «Япония воюет в Китае, одновременно происходят большие стычки на монгольско-маньчжурской границе. Надо сдавить нашего общего врага и уничтожить его. Если грозит опасность нападения двух тигров и если имеется возможность убить одного тигра, то надо его убить, а с оставшимся легче будет справиться».

Эта мысль китайской правящей верхушки проходила красной нитью через все беседы высокопоставленных деятелей Китая со мной в тот период. Вольно или невольно, но они по существу выполняли желание англо-американских кругов, которые провоцировали японо-советскую войну. За вступление СССР в войну против Японии высказывался тогда и маршал Фэн Юйсян.

В тот же день 5 сентября 1939 г. я встретился с министром иностранных дел Ван Чунгуем. Мне уже приходилось встречаться с ним в качестве уполномоченного Совнаркома. У нас установились к тому времени хорошие отношения, и он рад был приветствовать меня уже в качестве посла. Ван Чунгуй заверил меня, что «китайский народ и правительство уверены в искренней дружбе со стороны СССР», и выразил желание «укреплять нашу личную дружбу путем частых встреч».

В последующие годы Ван Чунгуй не всегда правильно ориентировался в международной обстановке. Да и многие китайские политики слабо разбирались в характере и размахе только что начавшейся второй мировой войны. Ван Чунгуй, например, говорил мне, что вторая мировая война будет кратковременной, в ней будут участвовать меньше государств, чем в первой мировой войне, и в частности, в ней не будут участвовать южноамериканские государства. Касаясь положения на Дальнем Вос-

▲ Сунь Ятсен

▲ Кун Сянси

▲ Хэ Инциньтоке, он утверждал, что Япония уже пережила свой кульминационный пункт побед и теперь катится вниз. Однако последующие события опровергли эти утверждения китайского министра иностранных дел: Япония значительно расширила зону своей агрессии, предприняв 7 декабря 1941 г. нападение на владения Англии, Франции и США в Тихом океане и на Дальнем Востоке.

Затем у меня состоялись беседы (7 сентября 1939 г.) с министром экономики Вэн Ванхао, военным министром генералом Хэ Инцинем, а 8 сентября — министром внутренних дел Чжоу Чунсю. Меня, конечно, особенно интересовало военное положение Китая. В этом отношении информация Хэ Инциня представляла тогда определенный интерес. Он рассказал, что весь фронт в Китае был разбит на 10 военных районов, 2 из которых находились в тылу японцев, в провинциях Шаньси, Хэбэй и Шаньдун, остальные тянулись с севера на юг до провинции Гуандун. По словам Хэ Инциня, против 100 с лишним китайских дивизий на фронте японцы имели в то время 38 дивизий (численность японской дивизии превышала 20 тыс. человек, а китайская дивизия насчитывала 10-11 тыс. человек). Основные силы с обеих сторон были сосредоточены в провинции Шаньси, в центральном районе и в районе Кантона (ныне Гуанчжоу). Все это, безусловно, представляло интерес для изучения соотношения сил и для будущего хода японо-китайской войны.

Хэ Инцинь был японофилом и противником войны с Японией. С Чан Кайши его связывала старая военная дружба: в 20-е годы он командовал полком национально-революционной армии, а затем дивизией и корпусом в войсках, подчиненных Чан Кайши.

Первые недели после вручения верительных грамот были до отказа заполнены встречами с китайскими государственными деятелями и генералами. Мелькали незнакомые лица. Приходилось запоминать трудные китайские имена в сложной китайской бюрократической машине.

7 сентября (в день визита к военному министру) я встретился с заместителем председателя Исполнительного юаня и секретарем Высшего совета национальной обороны Чжан Цюнем, человеком близким к Чан Кайши. Он также как и Хэ Инцинь был противником войны с Японией. После событий Лугоуцяо он ездил в Лушань и пытался уговорить Чан Кайши о нецелесообразности сопротивления. После этого я встретился с министром просвещения Чэнь Лифу и с министром коммуникаций Чжан Цзяао.

Хотя эти встречи носили протокольный характер, тем не менее, было приятно слышать от некоторых собеседников выражение благодарности за помощь, которую оказывал Советский Союз китайскому народу в его героической борьбе против японской агрессии, а также выражение чувств дружбы в адрес советского народа.

9 сентября 1939 г. я встретился с начальником гарнизона г. Чунцина генералом Лю Ши, работавшим с советскими военными советниками еще во времена Северного похода. Он хорошо знал В. К. Блюхера, М. М. Бородина и других. В тот же день меня по собственной инициативе посетил директор китайского банка Сун Цзывэнь, тесно связанный с английским и американским капиталом. Он был лично знаком с президентом США Рузвельтом, премьер-министром Англии Болдуином, главой французского правительства Лавалем, впоследствии предателем Франции. Сун Цзывэнь был влиятельным человеком в правящих кругах Китая благодаря тесным связям с крупнейшими финансовыми магнатами того времени. Да и сам он был одним из крупнейших банкиров страны. Благодаря родственным связям (его сестры были замужем за Сунь Ятсеном, Чан Кайши и Кун Сянси), он имел доступ в высшие правительственные сферы тогдашнего Китая.

18 сентября 1939 г. меня посетил маршал Фэн Юйсян. Это была довольно известная личность в Китае. В 1924 г.. в разгар войны между У Пэйфу и Чжан Цзолином, он выступил против милитариста У Пэйфу, занял Пекин, произвел государственный переворот и заявил о поддержке антиимпериалистических лозунгов Сунь Ятсена. Переименовав свои войска в национальную армию, он обратился к Советскому Союзу за помощью. В соответствии с его просьбой Советский Союз направил ему военных советников и военное снаряжение. Фэн Юйсян поддерживал контакты с гоминданом и с КПК. Однако политическая линия Фэн Юйсяна не всегда была последовательной. Так, вслед за Чан Кайши и Ван Цзинвэем он выступил против революции 1927 г. В последующие годы он неоднократно конфликтовал с Чан Кайши. После вторжения японцев в Маньчжурию осенью 1931 г. Фэн Юйсян начал выступать за оказание сопротивления агрессору. В мае 1933 г. он организовал Объединенную народную армию сопротивления Японии, потерпевшую, однако, поражение в провинции Чахар в августе 1933 г. В 1935 г. Чан Кайши назначил Фэн Юйсяна заместителем председателя Военного совета. Во время японо-китайской войны Фэн Юйсян выступал за борьбу с захватчиками и за сотрудничество между Китаем и СССР, с благодарностью отмечая советскую помощь Китаю.

В беседе со мной Фэн Юйсян сказал:

– Я лично никогда не забуду той помощи, которую мне оказывал Советский Союз, когда я дрался против милитаристов. Мне Советский Союз помог предоставлением тысяч винтовок, многих орудий, самолетов и военных советников. Когда я вижу советских людей, то всегда вспоминаю эту помощь.

Фэн Юйсян настаивал на том, что Советский Союз должен оказывать больше помощи Китаю, чем он оказывал в то время. Это заявление нельзя было оставить без ответа, тем более, что советский народ, оказывая помощь китайскому народу, отнимал у себя кровное, чуть ли не последнее, по-братски делясь наличными ресурсами. Поэтому я ответил маршалу:

– Советский Союз помогал материально Китаю, помогает и будет помогать. Некоторые китайские деятели в борьбе с Японией сбрасывают со счетов четырехсотмиллионный китайский народ, а мобилизация, организация и развертывание широкого движения этой массы народа может обеспечить победу. Сочетание той материальной помощи, которую получает Китай от СССР и других стран, с правильной организацией борьбы масс за национальную независимость является гарантией победы Китая.

При последующих встречах Фэн Юйсян упорно настаивал на своем. Он считал, что Советский Союз должен был заключить с Китаем военный союз, чтобы совместными силами изгнать японских разбойников с китайской земли и этим самым обеспечить подлинный мир на азиатском материке. В сущности, он ратовал за то, чтобы Советский Союз вступил в войну против Японии.

20 сентября 1939 г. меня принял на своей квартире Чан Кайши. Поводом для встречи было прибытие в Китай главного военного советника комдива К. М. Качанова, кото-

▲ Чуйков В.И., фото 1942 г.

▲ Качанов К.М.

рого я представил генералиссимусу. Комдив передал Чан Кайши привет от маршала К. Е. Ворошилова, а также его пожелание успехов Китаю в борьбе против японских агрессоров. Чан Кайши поблагодарил К. М. Качанова и сказал, что тот может заходить к нему по любым вопросам.

Как известно, по просьбе китайского правительства Советский Союз направил в Китай сотни советских добровольцев-летчиков и других военных специалистов, в том числе военных советников. Первая группа военных советников из СССР прибыла в Ханькоу 15 июня 1938 г., в их числе находились три общевойсковых командира, пять артиллеристов, три связиста, один танкист, один сапер и один инженер-фортификатор. В 1939 г. их насчитывалось 81 человек. Они вели работу непосредственно в китайских войсках и штабах. В числе военных советников в Китае были такие видные впоследствии советские полководцы, как В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ф. Батицкий.

Перед военными советниками стояла трудная и сложная задача: в короткий срок не только обучить личный состав китайской армии владению советским оружием, которое в больших количествах поступало в Китай, но и привить командному составу современные знания приемов и форм вооруженной борьбы, чему китайская армия не была обучена. Советские военные советники проделали большую работу по оказанию помощи китайской армии и обучению её личного состава. Военную переподготовку под руководством наших военных советников прошли свыше 80 тыс. китайских военнослужащих. При этом упор при обучении войск делался на полевую выучку, на использование оружия во всех видах боевой деятельности, на инженерное оборудование местности и самоокапывание. В штабной службе главное внимание обращалось на планирование операции, изучение опыта прошлых операций, организацию и планирование войсковой и оперативной разведки, улучшение организационной структуры войск и органов управления.

Советские советники по авиации обучали китайское командование концентрированному использованию авиации по целям, улучшению взаимодействия с наземными войсками, организации связи и маскировки аэродромов, подготовке новых аэродромов, подготовке китайских летчиков и т. п.

Советники по артиллерии и ПВО прививали китайским командирам навыки использования артиллерии в обороне и наступлении, обучали артиллеристов стрельбе с закрытых позиций, помогали в улучшении организационной структуры артиллерийских частей и изучении материальной части, а также в организации ПВО в войсках и населенных пунктах.

Советские танкисты помогли китайскому командованию сформировать механизированные части, наладить изучение материальной части танков и их вооружения, а также применение танков в обороне и наступлении.

По инженерной и фортификационной подготовке войск и командного состава обучение шло в следующих направлениях: выбор полосы обороны на местности и ее инженерное оборудование; огневые сооружения и их расположение; использование элементов долговременной фортификации; устройство заграждений и преодоление их; место крепости в системе полевых укреплений.

Советские военные советники немало потрудились над тем, чтобы передать китайскому командованию свой опыт по обучению войск и организации современного боя, ибо наши предшественники — советники из капиталистических стран сделали всё для того, чтобы сохранить подготовку китайских войск на уровне начала нашего века.

Сложность заключалась также в том, что китайский генералитет в свое время учился в военных учебных заведениях США, Англии, Японии, Германии, Франции, Италии и Швеции. Поэтому приходилось иметь дело не только с разным уровнем подготовки, но и с разными школами, разными подходами к решению военных задач. Другой трудностью было наличие провинциальной обособленности и связанное с ней многообразие организационных форм и взглядов на использование войск в бою и т. п. Однако самым неприятным, пожалуй, было то обстоятельство, что нередко, когда верховный главнокомандующий Чан Кайши принимал и одобрял разработанные нашими военными советниками рекомендации, спускал их в виде приказов на места, эти приказы под разными предлогами не выполнялись фронтовым китайским командованием. Были случаи, когда командующий китайской армии, получив приказ о наступлении, отводил свои войска в тыл, вместо того, чтобы оборонять город, сдавал его врагу, и за все это не нес никакого наказания. Такое положение объяснялось прежде всего тем, что китайская армия включала в себя три основных формирования войск: войска центрального нанкинского правительства, или так называемые войска Чан Кайши, соединения и части провинциальных войск, во главе которых стояли фактически независимые от центрального правительства губернаторы провинций, и соединения китайской Красной армии, переименованные в 8-ю армию (18-я армейская группировка) и Новую 4-ю армию. Это были три совершенно различные воинские формирования; они резко отличались друг от друга как по своей организационной структуре, вооружению и принципам комплектования, так и по политической направленности, воспитанию и обучению. Формально они подчинялись высшему военному органу нанкинского правительства — Военному совету, возглавляемому Чан Кайши, а на деле действовали самостоятельно и обособленно. Все они воевали с оглядкой друг на друга, стараясь сохранить свои собственные войска, и готовы были «пожертвовать войсками» соседей. Для китайского милитариста потерять армию означало потерять власть. Поэтому общим для них было стремление сохранить в целостности свои войска, чтобы впоследствии, когда начнется борьба за власть, быть

▲ Японские саперы переносят пешеходный мост, провинция Цзянси

в состоянии оказывать вооруженное давление.

Основу китайской армии составляли войска центрального правительства Чан Кайши. В их состав, помимо 71 пехотной дивизии, входили все виды вооруженных сил, имевшиеся в то время в Китае, а также ряд военно-учебных заведений, готовивших командный состав не только для центральных, но и для большинства провинциальных войск. По вооружению, военной подготовке и дисциплине армия нанкинского правительства намного превосходила провинциальные войска. Китайский солдат воевал неплохо, он шел в бой с верой в лучшее будущее свой страны и не раз демонстрировал свою способность бить японских агрессоров.

Осложняло военные действия китайской армии и работу наших военных советников и то обстоятельство, что намеченные и разработанные военно-оперативные мероприятия довольно часто становились известны противнику, так как его агентура находилась даже среди ближайшего окружения Чан Кайши. Несмотря на все это, советские военные советники работали самоотверженно, в кабинетах не сидели, большую часть времени находились в войсках, выезжали на передовую, учили показом и примером, помогали организовывать наступление и оборону.

Когда наши военные советники прибыли в Китай, японская армия победоносно шествовала по полям войны; она захватила приморские районы, наиболее развитые в промышленном и сельскохозяйственном отношениях провинции Северного и Центрального Китая, в частности Чахар, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, большую часть провинций Суйюань, Шаньси. Аньхуэй и вторглась в провинции Хэнань. Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун. Противник захватил ряд крупных городов: Бэйпин, Тяньцзинь, Шанхай, Тайюань, Баодин, Цзинань, Ханчжоу и столицу Китая Нанкин. Китай лишился около 80 миллионов населения, 60 % разведанных залежей угля и железной руды, 40 % добываемой соли и около 30 % сельскохозяйственной продукции. Резко снизился и военно-промышленный потенциал, хотя некоторые крупные военные арсеналы были демонтированы и вывезены в глубь страны. Боевые потери (убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пр.) китайской армии за время боев за Бэйпин-Тяньцзинь. Шанхай-Нанкин и другие районы составили около 800 тыс. солдат и офицеров — примерно 40 % личного состава 176 пехотных дивизий, существовавших к 1 января 1938 г. Особенно чувствительные были потери в технике: из 23 эскадрилий военно-воздушных сил (около 500 самолетов) осталась 1 эскадрилья, из 2 танковых батальонов — 1, артиллерия сохранилась на 50 %, из 30 кораблей военно-морского флота общим водоизмещением 50 тыс. тонн остались 2 канонерские лодки, базировавшиеся на озере Дунтинху. Все это сильно

снижало боевые возможности китайской армии и порождало разнобой во взглядах на продолжение войны. Среди правящих кругов Китая усилились капитулянтские настроения. Их подогревали западноевропейские дипломаты, заинтересованные в сохранении сложившего статус-кво в Китае и в направлении японской агрессии против Советского Союза. В этой довольно сложной и запутанной обстановке шла подготовка битвы за город Ухань, к овладению которым готовилась вся японская армия. В этой битве японский генеральный штаб преследовал цель окружить полумиллионную китайскую армию и принудить центральное правительство Китая к капитуляции. Задача была не новой. С самого начала японо-китайской войны правящие круги Японии не раз пытались военным давлением, боевыми действиями заставить правительство Чан Кайши капитулировать, но успеха не имели. Это бросало тень на способности японской военщины и возможности японской армии поставить китайское правительство на колени. В середине лета 1938 г., сосредоточив около половины действующих в Китае военных сил на Уханьском направлении, японский генеральный штаб решил восстановить одним ударом престиж армии и страны — разгромить китайцев под Уханем и закончить войну.

Верховное командование китайской армии ставило перед своими войсками более скромную задачу. Маневрируя пространством и временем, используя подготовленные рубежи обороны, обескровить наступающие японские части и как минимум на одном из рубежей остановить их продвижение на запад и вынудить к отступлению на исходные рубежи.

Сразу же по прибытии в Китай советские военные советники включились в осуществление своих задач. Они помогли разработать соответствующий план военных операций, рекомендовали в каждом районе создать ударные армейские группы, поставив перед ними конкретные цели и т. п. Однако в силу указанных выше причин (разнородность войск и стремление китайских генералов-милитаристов сохранить свои силы) в полном объеме этот план и разрабатываемые в ходе боев оперативные мероприятия выполнены не были, а следовательно, и не была выполнена поставленная перед китайской армией задача. Ухань был эвакуирован по решению китайского военного командования. Тем не менее битва за Ухань занимает особое место в истории японо-китайской войны 1938-1945 гг. Она явилась переломной в изменении соотношения моральных, материальных и военных факторов в пользу китайской армии. Под Уханем был развеян миф о непобедимости самураев и о превосходстве японской военной техники. В боях за Ухань китайский солдат показал, что он может бить и даже побеждать превосходящие по боевому опыту и технике вооруженные силы японской армии.

Японская армия поставленных задач в битве за Ухань не выполнила и лишилась ореола непобедимости, а главное — японские солдаты потеряли веру в победу над Китаем, что оказало немаловажное влияние на ход последующих сражений и исход войны в целом. Хотя японцы и овладели важным промышленным и административным центром Китая и считали себя победителями, однако это была Пиррова победа. По официальным данным китайского генерального штаба, общие потери японцев убитыми, ранеными и пленными составили 300 тыс. человек. Китайцы потеряли примерно столько же.

Несомненно, одной из важнейших причин длительной обороны Ухани явилась советская помощь вооружением, активная работа военных советников и боевые успехи советских добровольцев-летчиков, которые оказывали существенную помощь наземным китайским войскам, штурмуя колонны наступавших японских войск.

Во время представления главного советника комдива К. М. Качанова Чан Кайши высказал много похвал в адрес Советского Союза и советских военных советников. Он отметил, что с приездом советских советников китайские войска стали лучше драться и воевать, поэтому имеются значительные успехи в деле вооруженного сопротивления Китая японской агрессии, что все советские советники проявляют огромное рвение в своей работе и оказывают существенную помощь в обучении китайских войск и в организации современного боя и т. п. Он выразил благодарность всем советским военным советникам за старания и помощь китайской армии и китайскому командованию в борьбе против японских захватчиков. В заключение Чан Кайши пожелал успехов в работе комдиву К. М. Качанову, сказав ему еще раз, что он может заходить к нему в любое время.

Следует также подчеркнуть, что присутствие советских военных советников в китайской армии способствовало поддержанию сотрудничества между гоминданом и КПК и их войсками, удерживало многих китайских генералов от открытых действий против китайских коммунистов. Хотя наши военные советники не имели отношения к внутренней политике Китая, и, само собой разумеется, не вмешивались во внутренние китайские дела, тем не менее, их пребывание в Китае вынуждало даже наиболее реакционные круги воздерживаться от открытых враждебных выступлений против КПК, 8-й и Новой 4-й армий.

По мнению наших военных советников, китайская армия была способна не только оказать достойное сопротивление японским оккупантам, но при определенных условиях изгнать их из пределов страны. Однако разношерстность войск, разнотипность их организации и вооружения, а главное нежелание многих китайских генералов, особенно командующих провинциальными войсками, подвергать риску свои войска, отсутствие взаимодействия между войсками, невыполнение приказов верховного командования, действия по своему усмотрению и т. п. наряду с другими причинами лежали в основе неудач и тяжелых поражений китайской армии.

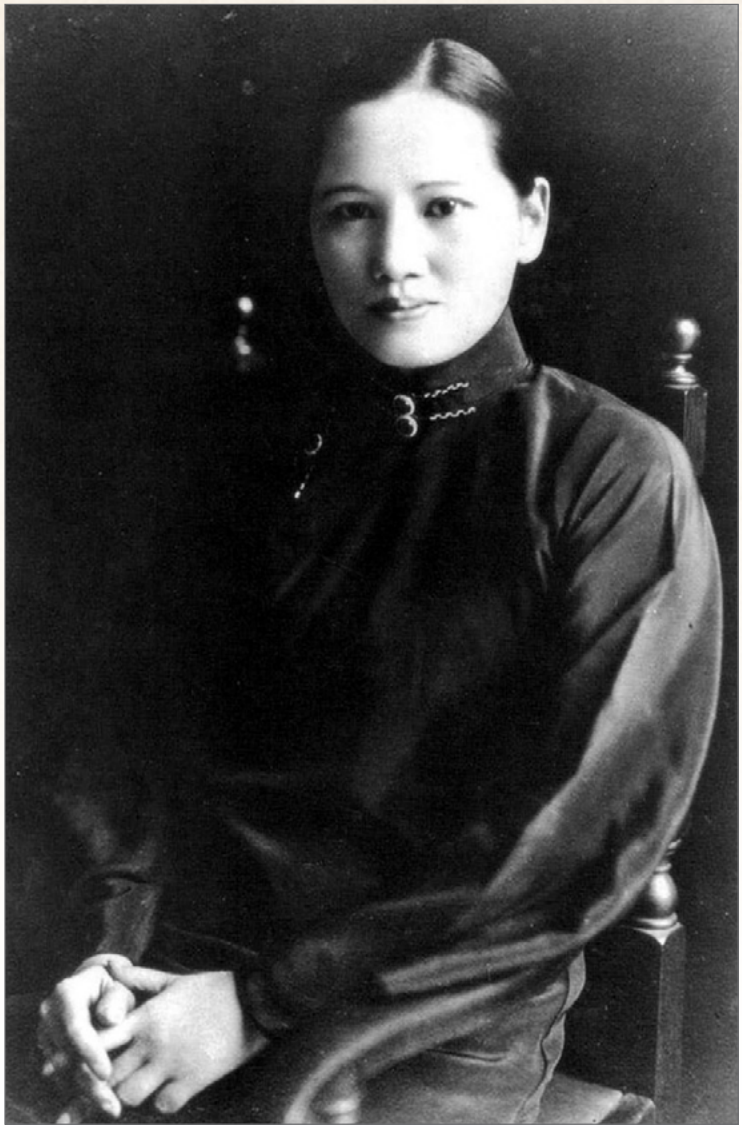
К моменту моего прибытия в Китай накопилось много вопросов, которые надо было решить. Одним из них было открытие авиалинии Хами — Алма-Ата для поддержания

регулярных связей между Советским Союзом и Китаем. Переговоры начались в конце 1938 г. Для эксплуатации этой авиалинии предполагалось создать смешанную компанию с капиталом 1 млн. долларов на паритетных началах. Каждая из сторон должна была внести 50 % указанной суммы. В связи с переговорами об открытии авиасообщения между Алма-Атой и Хами китайское правительство попросило Советский Союз продать один из трех, закупленных для этой линии Аэрофлотом американских самолетов, так как в то время в Китае не было свободных машин, которые могли бы поддерживать сообщения на участке Чунцин — Хами. 5 декабря 1939 г. после решения многих сложных политических и экономических вопросов из Чунцина вылетел первый пассажирский самолет в г. Хами на новой линии Чунцин — Москва.

Во время одной из встреч Чан Кайши сообщил мне, что он намерен послать в Москву одного человека из высшего состава военных деятелей для разрешения ряда вопросов. На мой вопрос, кого он думает послать, Чан Кайши сказал, что он предполагает направить генерала Хэ Яоцзу, который раньше был посланником Китая в Турции. Генерал Хэ Яоцзу был одним из доверенных лиц Чан Кайши. Одно время он был губернатором провинции Ганьсу, а во время японо-китайской войны возглавлял канцелярию при верховном главнокомандующем. Через него шли все доклады верховному главнокомандующему от военных, политических и административных учреждений. Через него отдавались и все распоряжения по управлению страной и часто приказы по войскам, минуя генеральный штаб и даже командующих военными районами. Канцелярия руководила личной разведкой Чан Кайши, которая осуществляла слежку за членами правительства, генералами, партийными и общественными деятелями. В канцелярию входил отдел по делам военных советников. В отношении наших военных советников генерал Хэ Яоцзу вел себя корректно, делился новостями т даже высказывал желание отправить сына на учебу в СССР.

Как выяснилось позднее, Чан Кайши, направляя Хэ Яоцзу в Москву, имел намерение назначить его послом Китая в СССР вместо китайского посла Ян Цзэ. По словам представителя нанкинского правительства при Синьцзянском провинциальном правительстве Чжан Юаньфу, с которым я имел беседу в начале декабря 1939 г., вопрос о назначении нового китайского посла обсуждался в окружении Чан Кайши. В частности, рассматривались такие кандидатуры как Шао Лицзы и вдова Сунь Ятсена — Сун Цинлин. Однако Чан Кайши остановился на Хэ Яоцзу.

Чжан Юаньфу был информированным человеком и интересным собеседником. Во время бесед он касался обширного круга вопросов. Так, характеризуя центральное правительство, он говорил, что в правительстве имеются неустойчивые элементы. Которые не прочь заключить мир с японцами, например Хэ Инцинь и Чжан Цюнь, Кун Сянси, Ван Чунгуй, Вэнь Вэньхао, Чжан Цзяао и др. он называл бюрократами, для которых на первом месте стоит вопрос сохранения своих мест. Но тем не менее все они шли за Чан Кайши. Последнего он рассматривал как решительного сторонника продолжения войны до конца. По словам



▲ Сун Цинлин, вдова Сунь Ятсена

▲ Велингтон Ку

▲ Фэн Юйсян

Чжан Юаньфу, на обеде 13 декабря 1939 г. Чан Кайши якобы заявил, что в ближайшие 30 лет отношения между Китаем и СССР будут становиться все более прочными. Это соображение Чан Кайши мотивировал тем, что после победы над Японией Китай должен будет строиться минимум 30 лет. В этот период помощь СССР Китаю будет крайне необходимой. Далее Чжан Юаньфу отметил значительное улучшение отношений к Советскому Союзу со стороны китайских деятелей. Дружба Китая и СССР, говорил он, крепнет постепенно и постоянно на базе не дипломатии, а главным образом на основе практической советской помощи Китаю.

По словам Чжан Юаньфу, 7 декабря 1939 г. в Чунцине состоялось заседание Высшего совета национальной обороны, на котором обсуждался вопрос о том, какой позиции придерживаться Китаю на заседании Лиги наций, где 9 декабря 1939 г. должна была обсуждаться жалоба Финляндии на Советский Союз. Во время обсуждения этого вопроса председательствовал Чан Кайши.

Он якобы выступил с предложением дать Велингтону Ку, китайскому представителю в Лиге наций, директиву о не поддержке позиции Англии и Франции, обвиняющих СССР. Однако, как оказалось впоследствии, Велингтон Ку «нарушил директиву своего правительства и воздержался на заседании Совета Лиги наций при голосовании».

18 декабря 1939 г. меня пригласил Чан Кайши. Он заявил, что китайское правительство совсем не ожидало такого исхода дела по жалобе Финляндии в Лигу наций. По его словам, представители Англии и Франции будто бы ничего не сообщали Китаю до принятия решения об исключении СССР из Лиги наций. Чан Кайши интересовался, не изменится ли отношение СССР к Китаю после принятия решения Лиги наций. Я заявил, что СССО по-прежнему будет поддерживать Китай в его борьбе против Японии. Затем Чан Кайши спросил меня, как Советское правительство относится к вопросу о возможности сотрудничества с Англией и Францией при решении дальневосточной проблемы. По его мнению, достижение такого сотрудничества на Дальнем Востоке могло бы оказать помощь и в установлении сотрудничества Советского Союза и этих стран в европейских делах. При этом Чан Кайши, ссылаясь на неформальные источники, говорил, что возможность для такого сотрудничества с Англией и Францией у СССР якобы имеется. Я обещал довести его точку зрения до сведения Советского правительства.

В связи с 60-летием И. В. Сталина в декабре 1939 г. Чан Кайши направил ему поздравительную телеграмму. В ответной телеграмме, подписанной И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, говорилось, что Советский Союз желает победы Китаю над врагом, что политика Советского Союза к Китаю ясна — это политика дружбы и помощи.

Что касается подлинного отношения Чан Кайши к СССР, то оно определялось его внутренней политикой. Декларируя громогласно дружбу с СССР, он в то же время боялся идти на более тесное сближение, его пугало усиление влияния Советского Союза в Китае и полное урегулирование взаимоотношений между гоминданом и КПК в благоприятной для КПК форме. Правда, многие политические деятели Китая пытались убедить меня, что не все здесь якобы зависело от самого Чан Кайши. Так, маршал Фэн Юйсян уверял, что Чан Кайши будто бы искренне относится к СССР, но окружающие его люди всячески стараются исказить и извратить его политику в отношении СССР и КПК. Он сослался при этом на мнение Сунь Фу, Юй Юйжэня и других. Фэн Юйсян сказал, что «ванцэинвэевская свора, окружающая Чан Кайши, так и старается напакостить в отношениях между Чан Кайши и СССР».

На мой вопрос об отношении США к Китаю, Чжан Юаньфу заявил, что оно очень хорошее. Находясь еще в Ханькоу, Чан Кайши послал Ф. Рузвельту телеграмму с вопросом, как он относится к Китаю. Ф. Рузвельт ответил, что он симпатизирует Китаю и желает ему победы. Развивая вопрос о своих симпатиях к Китаю, Ф. Рузвельт писал, что в раннем детстве вместе с родителями он жил в Ханькоу. С этого момента у него остались якобы очень хорошие воспоминания. Поэтому при всех возможностях он будет оказывать помощь Китаю. По словам Чжан Юаньфу, Ф. Рузвельт в своей длинной телеграмме, объяснил, что он в своих действиях ограничен законом и Конгрессом, должен считаться с общественным мнением и учитывать обстановку. Тем не менее он обещал сделать все, чтобы Китай «имел почетное место в мире».

В действительности отношения между США и Китаем были довольно сложными. С одной стороны, с начала японо-китайской войны США проводили так называемую политику «невмешательства» в эту войну, которая, как известно, на деле свелась к помощи Японии в борьбе с Китаем. С другой стороны, правящие круги США устами Рузвельта и Хэлла заявляли, что в отношении Китая они будут придерживаться позиции договора девяти держав. Фактически же они ограничивались выражением показного сочувствия Китаю и другими дипломатическими жестами, пожеланиями «кончить делом миром» и т. п., что на практике означало политику уступок и пособничества японским империалистам. Правящие круги США не прекратили поставок в Японию стратегических материалов и сырья даже после начала японо-китайской войны. Американские монополисты (Морган, Форд, Дюпон и др.) были тесно связаны с японскими концернами и оказывали им большую помощь в расширении военного производства, получая от этого огромные прибыли. За золото и серебро они поставляли некоторые военные материалы и Китаю, но в значительно меньших размерах, чем Японии. Американцы долгое время отказывались предоставить китайцам какие-либо займы. Они говорили: сейчас нам невыгодно давать вам деньги, потому что с вас все равно ничего не получишь. Вот когда вы закончите войну, тогда в целях экономического строительства Китая мы можем предоставить вам заем. Лишь в 1939 г. они предоставили Китаю кредит в сумме 25 млн. долларов под тунговое масло. В течение пяти лет Китай должен был поставлять США 220 тыс. тонн тунгового масла. В то же время, прикрываясь «невмешательством» и «нейтралитетом», правящие круги США отказывались поставлять Китаю под этот кредит вооружение, в котором он крайне нуждался. В основном они поставляли в Китай автомашины и горючее.

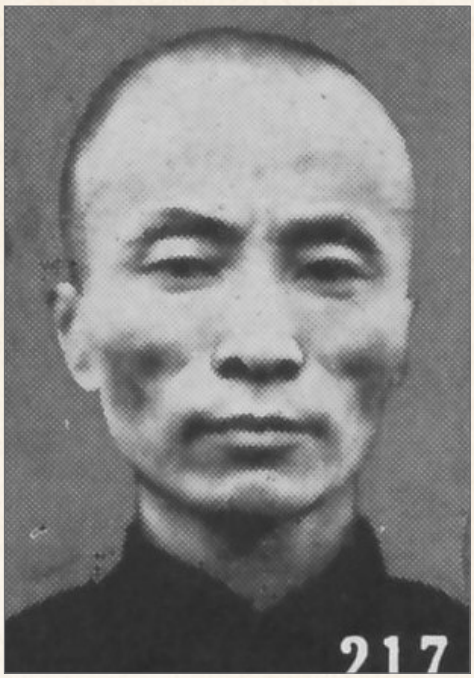
Следует подчеркнуть, что правящие круги США в определенной степени были заинтересованы в войне между Японией и Китаем, рассчитывая на то, что в ходе войны обе страны будут истощены и тогда им можно будет навязать такой мир, который наиболее отвечал бы империалистическим интересам США на Дальнем Востоке.

Правящие круги Англии также проводили политику «невмешательства» в японо-китайскую войну и в определенной степени также были заинтересованы в ослаблении обеих воюющих сторон, чтобы потом восстановить свои интересы на Дальнем Востоке. В то же время они боялись роста национально-освободительной борьбы китайского народа, и Япония им нужна была как жандарм для борьбы с революционным движением в Китае, на Дальнем Востоке и прежде всего для борьбы против СССР. Поэтому политика Англии была крайне непоследовательна. Несмотря на то, что японцы вели себя по отношению к англичанам крайне нагло и вызывающе, последние, невзирая на присущую им чванливость, не обижались на то, что самураи изрядно щипали хвост старого британского льва. Наиболее характерным примером этого явилась сделка, заключенная 24 июля 1939 г. правительством Чемберлена с Японией, представлявшая собой английский вариант «дальневосточного Мюнхена» и известная ныне как соглашение Крайги — Арита. Это соглашение, как уже отмечалось выше, фактически санкционировало совершенные Японией захваты, вдохновляло ее на продолжение войны в Китае и на агрессию против Советского Союза. Английская сторона в сущности одобряла японские акции в Китае и давала обязательства не мешать Японии душить освободительное движение в Китае.

Что касается Франции, то она была готова также пойти на многие уступки Японии, лишь бы они не затронули ее интересы в Индокитае.

Фашистская Германия с самого начала японо-китайской войны стремилась склонить Китай к капитуляции. К этому, например, были направлены все попытки ее посла Траутмана.

С началом войны в Европе в сентябре 1939 г. в позиции указанных выше стран в отношении японо-китайской войны произошли серьезные изменения. Если до европейской войны Англия и Франция были отчасти заинтересованы в сопротивлении



▲ Чэнь Гофу

Китая японским захватчикам и поддерживали в известной мере китайское правительство, то после начала европейской войны они хотели скорейшего прекращения войны в Китае. Они рассчитывали использовать ресурсы Китая для европейской войны, привлечь Японию ценой частичного признания ее завоеваний в Китае на сторону англо-французского блока и направить ее против СССР. Правящие круги США поддерживали эту позицию Англии и Франции. Поэтому через своих представителей в Китае они оказывали давление на Чан Кайши, чтобы он пошел на мир с Японией. Япония, в свою очередь, тоже была заинтересована в скорейшем прекращении войны в Китае. Активную деятельность в этом направлении проявлял и Ван Цзинвэй и его сторонники. 10 сентября 1939 г. Ван Цзинвэй обратился к чунцинскому правительству с призывом прекратить войну с Японией, подчеркнув, что в момент обострения международного кризиса Китай и Япония нуждаются в тесном сотрудничестве. Таким образом, значительно возросла опасность капитуляции Китая перед Японией.

Конкретно вмешательство Франции, Англии и США в японо-китайскую войну проявилось в следующем: правительство Франции неоднократно ставило вопрос перед китайским правительством через китайского посла в Париже Велингтона Ку о прекращении войны с Японией. На французов, в свою очередь, давили японцы, требуя от них не пропускать предназначенные для Китая товары через Аннам, тем самым стремясь завершить экономическую блокаду Китая и заставить его пойти на мир. К началу 1940 г. в Хайфоне находилось 18 тыс. тонн различных грузов германского происхождения. Французы, боясь, с одной стороны, японцев, дрожа за свой Аннам, с другой стороны, в силу одностороннего декрета о блокаде германских товаров (товары были даны в кредит и за них Китай должен был поставить Германии различные руды), не пропускали германские, а попутно и советские товары через единственно удобный в то время выход к морю. Причем японцы свое давление на французов подкрепили бомбежками Куньмин-Юньнаньской железной дороги. Японцы этим также хотели заставить китайцев пойти на мир с Японией. Видимо, французы получили от японцев некоторые заверения в том, что их интересы на юго-западе Китая не будут после заключения мира ущемлены Японией. Такое положение с транзитом товаров через Аннам являлось очень большим ударом для Китая, ибо другого такого же удобного пути для провоза грузов у китайцев тогда не было.

Франция была готова пойти на все требования японцев, лишь бы они не затронули сферу ее интересов — Аннам и китайскую провинцию Юньнань. Однако между Францией и Англией в этом вопросе имелись противоречия. Англия, как и Франция, хотела и меть свое влияние на юго-западе Китая. Для этого она стала строить Куньмин-Бирмаскую железную дорогу, намереваясь с ее помощью выкачивать богатства Китая (руды, тунговое масло, шерсть, которые поступали из северо-западных провинций). В этом вопросе их интересы сталкивались с американскими. США являлись тогда почти монополистом в закупке сычуаньского тунгового масла.

Таким образом, Англия, Франция и США, несмотря на серьезные противоречия в их политике в Китае и на Дальнем Востоке, с началом европейской войны ставили перед собой в сущности единые задачи: помирить Японию с Китаем за счет Китая, закрепить свои интересы в Китае и на Дальнем Востоке, направить Японию на СССР.

Гоминьдан никогда не был един. Он представлял собой бесформенную массу, в которой существовало множество мнений по главнейшим вопросам — войны и сотрудничестве с СССР и КПК. Насколько мне удалось установить, в гоминьдане шла ожесточенная борьба между различными группировками за влияние и руководящее положение в партии и стране. Их позиция к началу 1940 г. была следующей:

1.Группировка «СС». Возглавлялась братьями Чэнь Гофу и Чэнь Лифу, вела активную борьбу за разрыв сотрудничества с КПК. Министр просвещения Чэнь Лифу под видом инспекции высших и средних учебных заведений северо-запада Китая провел ряд совещаний в местных комитетах гоминьдана по вопросу усиления борьбы с КПК. Одним из методов борьбы было проникновение в КПК обученных на спецкурсах молодых, наиболее реакционных гоминьдановцев с целью подрыва КПК изнутри. Кроме того «сисисты» вели активную борьбу по выявлению лево-настроенных гоминьдановцев в аппарате самого гоминьдана и в государственном аппарате. «Левые» учащиеся из учебных заведений исключались, профессорско-преподавательскому составу предлагалось вступить в гоминдан. Кто не хотел — снимали с работы.

«Сисисты» активизировали борьбу за разрыв сотрудничества с КПК. Они печатали пасквильные материалы в виде брошюр, листовок, в которых указывали, что главной опасностью на сегодня является «коммунистическая».

Блокируясь с частью реакционно настроенных так называемых «стариков» в гоминьдане и их руководите-

лем Чжан Цзи, «сисисты» устами последнего заявляли, что Япония и Ван Цзинвэй — это не главный противник, что наиболее опасным врагом ныне являются КПК и левые в гоминдане, которые стоят за сотрудничество с китайскими коммунистами. Среди левых, «продавшихся коммунистам», назывались имена Сунь Фо и Фэн Юйсяна.

«Сисисты» требовали немедленного разрыва с КПК, убеждая членов гоминьдана, что КПК не имеет никакого влияния ни в народе, ни в армии, что оттяжка такого разрыва будет способствовать росту КПК, особенно на Северо-Западе Китая.

Группировка «СС» имела большое влияние в партийном и государственном аппаратах. По вопросу о прекращении войны с Японией «сисисты» не выступали, ибо они не имели никакого влияния в армии, но, блокируясь с группой Хэ Инциня по антикоммунистической проблеме, стремились завоевать некоторые позиции среди военных гоминьдановцев.

2.Группировка Хэ Инциня. В ее состав входили командующий 3-м военным районом Гц Чжутун, председатель Шаньсийского провинциального правительства и командующий 10-м военным районом Цзян Динвэнь, начальник Чунцинского гарнизона Лю Ши и др. Эта группировка особо враждебно была настроена в отношении КПК. Хэ Инцинь будучи военным министром вел систематическую борьбу с КПК, блокируясь с Чэнь Лифу и Чэнь Гофу. Хэ Инцинь неоднократно выступал на пленумах ЦИК ГМД, сессиях Национально-политического совета с различными клеветническими заявлениями о «подрывной» работе КПК.

Эта группировка имела значительный вес в армии. Пользуясь своим служебным положением, Хэ Инцинь завоевывал на свою сторону нужных ему людей, в частности он лучше снабжал армии блокировавшихся с ним генералов (фактически подкупил их). Он не раз под разными предлогами отменял или искажал приказы Чан Кайши, адресованные воинским частям. Не без его участия аппарат военного министерства был дезорганизован. На военных складах и арсеналах совершались диверсионные акты.

3.Группировка Чэнь Чэна — начальника Политуправления Высшего совета национальной обороны и командующего 6-м военным районом. Чэнь Чэн опирался в основном на Го Цаня (командующий речной обороной), Лю Цзэина (командующий армейской группой в 9-м военном районе), а также старался привлечь на свою сторону Чжан Факуя (командующий 4-м военным районом) и Се Яо (командующий 9-м районом, который в бытность Чэнь Чэна командующим 9-м районом являлся его помощником).

Эта группировка стояла за продолжение войны, до 1939 г. она ратовала за сотрудничество с КПК, потом стала выступать против. Чэнь Чэн утверждал, что гоминьдан в состоянии одновременно бороться и против Японии и против коммунистов, и что неверно мнение, будто гоминдан не в состоянии продолжать борьбу против Японии без КПК.

4.Группировка Хэ Чжунханя — хунаньское землячество. Хэ Чжунхань был заместителем начальника Политуправления (фактически начальником). Был в СССР. Пользовался большим влиянием среди политработников в армии, подбором которых занимался лично, ярый антикоммунист, насаждал фашистские методы в армии.

Вся антикоммунистическая пропаганда в китайской армии находилась в его руках. Абсолютное большинство начальников политотделов дивизий и частично армейских групп, армий и военных районов — ставленники Хэ Чжунцаня. Эта группа особенно враждебно относилась к КПК. Орган Хэ Инциня газета «Саоданбао» предоставлял свои страницы троцкистам и другим врагам КПК, руководил этой грязной работой Хэ Чжунхань.

Эта группировка также блокировалась со «стариками» — Чжан Цзи, Дай Цзитао и др. «Старики» стремились использовать Хэ Чжунханя для того, чтобы иметь влияние в армии, а тот в свою очередь намеревался использовать Дай Цзитао и Чжан Цзи с целью завоевания некоторых позиций в гоминьдановском аппарате, продвигая через них в аппарат гоминдана своих лиц.

5.Группировка Ху Цзуннаня — Цзянсу-Чжэцзянская. Ху Цзуннань в основном опирался на своих земляков среди военных. Командуя 34-й армией, он фактически распространял свое влияние еще на семь-восемь армий, во главе которых стояли его земляки. Его называли королем Северо-Запада, так как армии, на силу которых он опирался, находились на северо-западе, в районе Сиани, в юго-западном и западном участках провинции Шаньси. Ху Цхуннань был крайне реакционным и враждебно настроенным человеком в отношении КПК, хотя Чжоу Эньлай и другие руководители КПК считали его в 1936 г. «левым». Его армия была готова всегда выступить против китайских коммунистов. Через свой политотдел он фабриковал и распространял различные листовки и брошюры против КПК. В партийном аппарате гоминьдана Ху Цзуннань не пользовался большим влиянием.

6.Группировка Кан Цзе. Она в основном имела влияние на учащуюся военную молодежь (военных школ). Сам Кан Цзе — ярый враг СССР и КПК. В качестве заведующего орготделом Союза молодежи «Саньминьчжуи» («Три народных принципа») он вел усиленную борьбу за отвоевание 2 «сисистов» студенческой молодежи. Ему удалось добиться того, что в высших и средних учебных заведениях была введена военная подготовка учащихся. Кан Цзе создавал в учебных заведениях ячейки «Саньминьчжуи», привлекая в них учащуюся молодежь. О работе этих ячеек можно судить по тому, что «саньминьчжуисты» были вооружены, получали специальную дотацию от государства, терроризировали левых среди учащихся, брали на учет всех тех, кто читал коммунистическую газету «Синьхуа жибао» и другую левую печать, насильно заставляли вступать в их союз, а в случае отказа угрозами, запугиванием и прямым террором расправлялись с прогрессивной частью учащихся и профессорско-препода-

вательского состава. Кан Цзе являлся одним из организаторов террористических актов против коммунистов и левых. В период народной революции 1949 г. он был захвачен коммунистами. По словам Мао Цзэдуна, его «удалось перевоспитать».

7.»Новая группировка в гоминьдане». Возглавлялась заведующим орготделом ЦИК ГМД Чжу Цзяхуа (раньше он был генеральным секретарем ЦИК ГМД). Чжу Цзяхуа был человеком прогерманской ориентации, по убеждениям фашист. Поставив себе целью завоевать гоминьдановский партийный аппарат, он вел активную борьбу с Чэнь Лифу, захватившим этот аппарат в свои руки. В этой борьбе Чжу Цзяхуа блокировался с Чэнь Чэном, который, пользуясь большим доверием у Чан Кайши, стремился стать у руля правления гоминьдана. Чжу Цзяхуа, в свою очередь, хотел использовать Чэнь Чэна с целью завоевать доверие среди военных. Совместно им удалось столкнуть с поста заведующего социальным отделом ЦИК ГМД Чэнь Лифу, но Чан Кайши не решился поставить Чжу Цзяхуа на этот пост, так как последний очень рьяно старался усилить свои позиции и в армии и в партии и мог стать даже конкурентом Чан Кайши. «Новая группировка» была настроена враждебно к СССР и КПК.

8. Группировка «чжэнсюэсистов» («политических наук»). Занимая сильные позиции в правительстве, она не имела влияния ни в гоминьдановском аппарате, ни в армии. Ее вожак — очень хитрый и ловкий политикан. Чжан Цюнь был сторонником мира с японцами, но открыто об этом нигде не говорил. Его сторонниками в правительстве являлись Чжан Цзяао, Вэнь Вэньхао, Ван Чжангуй, Сюй Мо и др. Эта группировка блокировалась с Хэ Инцинем и с Чэнь Лифу.

9. Группировка «стариков». Возглавлялась Чжан Цзи и Дай Цзитао. Большого влияния в гоминьдане не имела. Занималась самовосхвалением, кичилась своими связями с Сунь Ятсеном. Под лозунгом «главной опасностью для гоминьдана и Китая является КПК» выступала за ликвидацию Особого района Шэнси — Ганьсу — Нинся. Чжан Цзи всюду говорил: «Мы не можем смириться с таким положением, когда КПК имеет свое государство в государстве». Как указывалось выше, эта группировка блокировалась с Ху Цзуннанем и Хэ Чжунханем, численность ее была незначительна. Большая часть старейших гоминьдановцев не поддерживала «стариков» и даже выступала против них. Так, старейший член гоминьдана, пользовавшийся авторитетом у Чан Кайши и в гоминьдане, У Чжигуй, отвечая Чжан Цзи, говорил: «Мы, Чжан Цзи, по идеологии с тобой являемся анархистами, мы всегда вместе с тобой боролись против КПК, но в данное время этого делать нельзя, потому что гоминьдан является государственной партией, а интересы Китая требуют сейчас не раскола партий, а, наоборот, сотрудничества. Тебе, Чжан Цзи, следовало разграничить свои личные взгляды с необходимой для данного времени государственной политикой и знать, как и когда можно выступать».

10. Группировка левых — Фэн Юйсян, Юй Юйжэнь, Синь Фо, Ли Цзишэнь и др. В правительстве и в аппарате гоминьдана эти люди не располагали сильными позициями, но с ними все же считались. Этой группировке на ряде примеров удалось доказать гоминьдану, что ориентация на Англию, Францию гибельна для Китая. В отношении США Фэн Юйсян и Сунь Фо также были отрицательного мнения. Они открыто говорили, что США на Тихом океане преследует только цели наживы на войне.

Во время антияпонской войны эта группировка активизировала свою работу и добивалась нормализации отношений и сотрудничества с КПК. В то же время она считала необходимым военный союз СССР с Китаем. Причем свои выводы она строила на том, что Япония уже выдохлась и настал подходящий момент для того, чтобы СССР выступил против основного своего врага на Дальнем Востоке — Японии и тем самым способствовал бы облегчению положения Китая. Эта же группировка в 1939-1940 гг. настаивала на улучшении взаимоотношений Китая с Германией при помощи СССР.

По вопросу урегулирования взаимоотношений с КПК эту группировку в первый период антияпонской войны поддерживали: Бай Чунси, Фу Цзои, Вэй Лихуан, Сун Лянжунь, Тан Эньбо и др.

Что касается Чан Кайши, то он, пристально наблюдая за борьбой внутри гоминьдана, в целях укрепления своей личной власти, осаживал наиболее рьяно стремящихся опередить его и поощрял угодных ему лиц. Так, он понизил в звании Чэнь Чэна (от полного генерала до генерал-лейтенанта) и освободил его от командования 9-м военным районом. Снял он и Чэнь Лифу с поста заведующего социальным отделом гоминьдана. В то же время он выдвигал Хэ Чжунханя и Кан Цзе в гоминьдане. Как правило, он выслушивал всех, но не говорил своего мнения. Лавируя между сторонниками и противниками сотрудничества с КПК, Чан Кайши хотел показать, что он будто бы не против сотрудничества с КПК и для видимости даже снимал с занимаемых постов правых, и в то же время он попустительствовал Хэ Инциню, «сисистам» и другим, не мешая им срывать сотрудничество с китайскими коммунистами. Чан Кайши удалось разыгрывать роль «доброго дядюшки», стремившегося примирять между собой различные группировки и тем самым укреплять свое руководящее положение.

Идя на сотрудничество с КПК, Чан Кайши и близкое его окружение рассчитывали, что в ходе войны КПК значительно ослабнет как за счет физических потерь во время боевых действий с японцами, так и за счет выхода коммунистов из партии и перехода на сторону гоминьдана. Поэтому до начала 1939 г. Чан Кайши и его окружение более или менее лояльно выполняли свои обязательства по отношению к КПК. Этому периоду соответствовали и наибольший рост КПК, усиление ее влияния на народные массы, которые буквально шли толпами в партизанские отряды, руководимые КПК. Видя такой оборот дела, Чан Кайши и его окружение

под давлением внутренней и внешней реакции, в частности правящих кругов Англии и США, стали пересматривать свои позиции в отношении КПК. Тем более, что к началу 1939 г. гоминьдан и центральное правление понесли очень крупные потери, а КПК за этот же период значительно выросла. Это было одной из основных причин обострения отношений между двумя крупнейшими партиями в 1939 г., что привело к крупным вооруженным столкновениям и конфликтам, в которых были повинны обе стороны. Трения между гоминьданом и КПК не могли не отразиться на советско-китайских отношениях. Опасность возобновления гражданской войны в Китае вынудила правительство Советского Союза приостановить в конце 1939 г. военную помощь гоминьдановскому правительству. Это обстоятельство заставило Чан Кайши и его окружение принять необходимые меры к урегулированию отношений с КПК и прекращению военных столкновений.

Начался сложный и трудный 1940 г. Он был характерен дальнейшим осложнением международного и внутриполитического положения Китая, ростом капитулянтских настроений в правящей верхушке и стремлением к мирному разрешению японо-китайского военного конфликта. Взаимоотношения между гоминьданом и КПК продолжали оставаться напряженными, шли военные действия фактически между частями 8-й армии и войсками Янь Сишаня в провинции Шаньси, не прекращались вооруженные столкновения в провинциях Хэбэй и Шаньдун, обострялся конфликт в отношении Особого района Шэньси-Ганьсу-Нинся.

8 января 1940 г. я встретился с председателем Законодательного юаня Сунь Фо и поинтересовался взаимоотношениями между гоминьданом и КПК. Вину за напряженность он перекладывал на КПК. Я обратил внимание Сунь Фо на то, что следовало бы приложить все старания к тому, чтобы не допустить трений, ибо они могут отрицательно повлиять на исход всей войны против Японии. Я подчеркнул, что советский народ желает победы Китаю, и напомнил, что это желание выражено в телеграмме И. В. Сталина на имя Чан Кайши.

В январе 1940 г. китайский генерал Хэ Яоцзу, личный уполномоченный Чан Кайши, был принят в Москве маршалом К. Е. Ворошиловым. Чан Кайши остался доволен этим приемом и благодарил меня за то, что СССР оказывает содействие и помощь Китаю в войне с Японией.

3 февраля 1940 г. у меня состоялась длительная беседа с Сунь Фо о разногласиях между гоминьданом и КПК. Сунь Фо передал мне документ, обвинявший руководство китайской компартии в нарушении соглашения с центральным правительством по ряду вопросов: будто бы КПК увеличивает армию в обход согласованному уровню, «захватывает» уезды, находящиеся под управлением центрального правительства, вводит в обращение свои денежные знаки в захваченных районах и т. д. и т. п. По словам Сунь Фо, Чан Кайши был согласен решать вопрос об Особом районе Шэньси-Ганьсу-Нинся при условии, что район должен состоять из 18 уездов, о которых была достигнута договоренность в 1937 г., а не из 21, на чем настаивало руководство КПК. Я ответил, что в настоящее время единство Китая является самым главным. Три уезда для такой огромной страны не являются проблемой. Сунь Фо согласился со мной, и я пожелал ему, чтобы его точка зрения была принята правительством.

Мощь и авторитет Советского Союза, помощь, оказываемая Китаю, были одним из основных и решающих факторов, удерживавших Чан Кайши от жестокой расправы с китайскими коммунистами. Однако отношения между гоминьданом и КПК по-прежнему были довольно напряженными.

▲ Сунь Фо

▲ Чэнь Лифу

27 февраля 1940 г. генерал Чжан Чунь сообщил мне, что переговоры между центральным правительством и Особым районом в основном закончились. Чан Кайши отдал приказ о том, чтобы 18-я армейская группировка занимала северную часть провинции Шаньси, а маршал Янь Сишань — южную часть. А 5 марта 1940 г. Сунь Фо сообщил мне, что отношения между Особым районом и центральным правительством опять обострились.

Поездка по стране различных эмиссаров империалистических держав, в частности английского специального уполномоченного, члена английской палаты общин Стэфорда Крипса, а также приезд нового американского посла Джонсона отнюдь не способствовали нормализации внутриполитического положения в Китае. Однако иностранные визитеры не могли и не в силах были представить дружественную политику СССР в отношении Китая в превратном свете. Так Сунь Фо, сообщая о своей беседе со Стэфордом Крипсом, говорил, что тот подтвердил, ссылаясь на высказывания В. М. Молотова, что политика СССР на Дальнем Востоке остается неизменной, что СССР оказывает и будет оказывать помощь Китаю.

14 февраля 1940 г. меня навестил маршал Фэн Юйсян. Он сообщил, что на заседании Высшего совета национальной обороны Кун Сянси якобы заявил: «Все страны только говорят о помощи Китаю, а СССР — единственная страна, практически помогающая нам. Советский Союз дал Китаю взаймы 50 млн. ам. долларов, затем еще 50 млн. и, наконец, 150 млн., а всего 250 млн. ам. долларов. Скажите, какая еще страна в мире помогает нам так, как СССР?» Хэ Инцинь на этом же заседании будто бы сказал: «Мы закупаем самолеты в Америке и СССР. Но американские самолеты были настолько скверного качества, что на них совсем невозможно было летать. Мы только и слышали одни упреки, что на этих самолетах не достает то одного, то другого. В то же время Советский Союз продает нам самолеты новой марки 1939 г., на которых можно прямо идти в бой». Фэн Юйсян заметил, что даже Кун Сянси и Хэ Инцинь вынуждены считаться с фактами дружеской помощи СССР Китаю. Одновременно он высказал пожелание, чтобы Чан Кайши обратился с письмом к Советскому Союзу, к Сталину и послал в СССР не Хэ Яоцзу, совсем неизвестного в Советском Союзе, а таких лиц, как вдову Сунь Ятсена — Сун Цинлин или Сунь Фо, которые хорошо известны и пользуются доверием в СССР.

29 февраля 1940 г. я пригласил на обед Кун Сянси, Хэ Инциня, Вэнь Вэньхао, Шао Лицзы и других деятелей китайского правительства. Мне стало известно о их пессимистической оценке помощи Китаю со стороны Советского Союза и о том, что они по существу мирились с дискриминационной политикой Англии в отношении советско-китайского политического курса СССР в Европе и на Дальнем Востоке.

В частности, я сказал:

– Как известно, отношение Советского союза ко всякой империалистической войне отрицательное. Нарком иностранных дел СССР в своей речи на 5-й Чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР совершенно ясно заявил, что пакт о ненападении, заключенный Советским Союзом и Германией, обязывает нас сохранять нейтралитет в случае участия Германии в войне. Такова наша политика в отношении европейской войны. Политика СССР ясна — это политика мира. Советский Союз стремится к дружественным, деловым взаимоотношениям со всеми странами, если, конечно, с их стороны будет такое же стремление.

Коснувшись советской помощи Китаю, я заявил, что СССР, как известно, помогал и помогает Китаю в таких масштабах, которые нельзя сравнить с масштабами помощи любой другой страны мира. СССР и Китай являются великими соседями, имеющими самые дружественные взаимоотношения. СССР помогал и будет помогать Китаю в его борьбе против агрессора. Я напомнил в этой связи ответную телеграмму И. В. Сталина Чан Кайши, в которой И. В. Сталин желал китайскому народу победить своих врагов. Одновременно я указал и на недопустимость дискриминационной политики Англии в отношении торговли Советского Союза с Китаем.

Отвечая мне, Кун Сянси сказал, что у них нет никаких сомнений в том, что СССР является лучшим другом Китая. В то же время он пытался оправдать политику Англии, которая препятствовала отправке через Гонконг в Советский Союз очередной партии вольфрама. Кун Сянси заявил, что Англия будто бы боится, как бы этот дефицитный металл не попал из СССР в Германию, воюющую с Англией. На мое замечание, что эти опасения лишены всяких оснований, Кун Сянси ответил, что китайская сторона указывала англичанам, что СССР очень во многом помогает Китаю, что китайцы получают горючее почти исключительно из Советского Союза, поэтому всякая задержка советских поставок ухудшает, осложняет торговые отношения между Китаем и Советским Союзом и т. п. В ходе дальнейшей беседы были затронуты вопросы советско-китайских отношений, так как китайская печать помещала немало различных антисоветских измышлений.

В тот период меня, как полпреда, интересовал также вопрос о строительстве авиазавода в Синьцзяне. Правительство СССР пошло навстречу просьбе Китая о строительстве авиазавода в Урумчи на условиях 50% капитала с китайской и советской стороны, однако китайское правительство всемерно затягивало решение этого вопроса. Делалось это под всякими благовидными предлогами.

В одной из бесед с Чжан Чунем, выполнявшим фактически обязанности личного референта Чан Кайши, я вынужден был выразить удивление по поводу того, что китайское правительство, настаивавшее на форсировании строительства авиазавода, теперь медлит. В конце концов, нам удалось активизировать китайскую сторону.

26 февраля 1940 г. мною была получена телеграмма из Москвы, в которой давалось согласие начать переговоры в Чунцине о строительстве авиасборочного завода в Урумчи. С советской стороны переговоры были поручены торгпреду СССР И. В. Бакулину. После этого китайскому правительству ничего не оставалось, как прекратить ненужную переписку и приступить к делу. 4 марта 1940 г. генерал Чжан Чунь сообщил мне, что с китайской стороны переговоры будет вести инженер Лю Цзиньи, бывший вице-министр сельского хозяйства и торговли, директор Наньчанского завода, советник авиакомитета.

14 марта 1940 г. я встретился с маршалом Фэн Юйсяном. Речь вновь зашла о столкновениях между войсками центрального правительства и войсками Особого района. Маршал поделился своими впечатлениями о заседании Высшего совета национальной обороны Китая. С докладом о 18-й армейской группе (18-й АГ) выступил военный министр Хэ Инцинь, который обрушился с нападками на эту армейскую группу и заявил, что если она не прекратит дальнейшее наступление на юг провинции Хэбэй и не подчинится приказам Чан Кайши, то войска центрального правительств в количестве 40 дивизий выступят, чтобы отбросить ее на север. При этом он сообщил, что войска центрального правительства понесли значительные потери от 18-й АГ. Фэн Юйсян заявил, что, по его мнению, «никак не обойтись без участия и помощи СССР». При этом он имел в виду мою помощь как посла в Китае. Он сказал, что нужно всеми мерами разъяснить всем, что столкновение войск центрального правительства с 18-й АГ будет означать гибель Китая. Он прямо сказал:

– И эта задача посильна только Вам, господин посол, другой возможности нет. Вам следует заявить всем, что СССР помогает Китаю в его борьбе против японской агрессии, что СССР помогает не коммунистическому Китаю, а Китаю трех национальных принципов, что СССР помогает Китаю не для того, чтобы китайцы вели враждебную войну между собой.

Я подтвердил мнение, которое высказывал ранее о том, что СССР помогает Китаю не для того, чтобы китайцы боролись против китайцев, а для того, чтобы Китай вышел победителем в войне с японским агрессором.

На фоне казалось бы дружественных отношений между СССР и Китаем в стране различными кругами было инспирировано немало различных провокаций: арест советских граждан, задержка советского самолета с дипломатической почтой на аэродроме в г. Чэнду (самолет был обстрелян полицейским из аэродромной охраны), нападение «хунхузов» на караван, шедший с грузом советских товаров в Ланьчжоу, что препятствовало нормальному движению товаров по Синьцзянскому тракту и т. д.

21 марта 1940 г. я встретился с представителем 18-й АГ Е Цзяньином. На мой вопрос, какова будет в современных условиях дальнейшая позиция коммунистов в отношении Чан Кайши, Е Цзяньин, ответил: — чан Кайши до сих пор не оказался от того, чтобы установить свою диктатуру в стране. Мы же за демократическое движение... в период войны сопротивления, за единый фронт, за сотрудничество с гоминьданом. Нам это нужно для того, чтобы еще более расширить свое влияние и силы.

Из этого видно, что сторонники Мао Цзедуна рассматривали единый фронт КПК с гоминьданом лишь как средство расширения своих сил и влияния, не связывая это с борьбой против японских захватчиков. ■

Г.А. КУМАНЕВ

Встречи с Дмитрием Георгиевичем Жимериным

Дмитрий Георгиевич Жимерин (12.10.1906–15.05.1995) принадлежал к людям, сочетавшим в себе талант хозяйственного руководителя государственного масштаба с даром пытливого исследователя, крупного ученого-энергетика. Не считая И. В. Сталина и В. М. Молотова, избранных соответственно в 1939 и 1946 гг. почетными членами Академии наук СССР, он был, пожалуй, единственным среди всех сталинских наркомов военных лет, кто получил высокое ученое звание члена-корреспондента Академии наук СССР.

Д. Г. Жимерин стал народным комиссаром электростанций СССР в разгар войны в возрасте 35 лет после скоропостижной смерти прежнего наркома А. И. Леткова. Перебирая список кандидатов, которые могли бы достойно заменить умершего, Сталин остановил свой выбор на первом заместителе наркома, поскольку тот заметно выделялся среди других руководителей наркомата по своим знаниям, опыту и работоспособности.

Вступив на эту высокую и ответственную должность, новый нарком проявил большую энергию по налаживанию в стране энергосистемы. В январе 1942 г., когда состоялось назначение, еще продолжалась эвакуация электростанций и энергетического оборудования из угрожаемых районов страны. Необходимо было не только слаженно и без серьезных потерь завершить перебазирование крупногабаритных энергетических объектов, но и в предельно сжатые

▲ Жимерин Д.Г.

КУМАНЕВ Георгий Александрович (1931–2018), советский, российский историк, доктор исторических наук, профессор, академик РАН по Отделению историко-философских наук. Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра военной истории России.

сроки восстановить их на новых местах и ввести в действие.

С этой трудной задачей Наркомат электростанций, возглавляемый Д. Г. Жимериным, успешно справился. Одновременно была проведена огромная работа по расширению производственных энергомощностей на востоке страны для обеспечения все возрастающей потребности в электроэнергии оборонной и других видов промышленности, а также по восстановлению электростанций в прифронтовых и освобожденных районах.

В послевоенные годы Дмитрий Георгиевич занимал ряд важных государственных постов. При укрупнении министерств был первым заместителем министра электростанций и электропромышленности СССР, первым заместителем председателя бюро Совета Министров СССР по химии и энергетике, работал в Госплане СССР и Госплане РСФСР, Государственном комитете Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ. Перейдя на научно-организационную работу в течение нескольких лет являлся директором Государственного научно-исследовательского энергетического института им. Г. М. Кржижановского, а затем первым заместителем председателя и советником председателя Государственного комитета по науке и технике. В 1966 г. стал доктором технических наук, а 21 ноября 1970 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. Опубликовал большую серию трудов по проблемам энергетики и среди них такие крупные монографии, как «Развитие энергетики СССР» и «История электрификации СССР».

Многогранная плодотворная деятельность Дмитрия Георгиевича во время Великой Отечественной

▲ Жимерин в центре

войны и в послевоенные годы отмечена высокими государственными наградами. Достаточно указать, что он был награжден четырьмя орденами Ленина.

Познакомился я с ним в начале 1971 г., когда участвовал в подготовке Всесоюзной научной сессии «Советский тыл в Великой Отечественной войне», проведение которой было предусмотрено в Московском доме ученых 7 мая этого года. По поручению Оргкомитета я позвонил Д. Г. Жимерину и передал приглашение принять участие в работе указанного научного форума.

Несмотря на большую занятость, Дмитрий Георгиевич с благодарностью принял наше приглашение и в оставшиеся до открытия сессии месяцы мы постоянно были с ним на связи. Впервые же я с ним встретился незадолго до конференции, когда приехал к нему в Государственный комитет по науке и технике, где Жимерин вручил мне текст своего выступления и состоялась небольшая беседа. Поначалу он показался мне несколько суховатым, даже чересчур официальным. Но это представление оказалось обманчивым. В последующие годы он раскрылся как очень простой, в меру веселый, чуткий и доброжелательный человек. Его выступление 7 мая в Московском доме ученых было одним из лучших по своему содержанию и форме подачи. Позднее на основе текста этого выступления Дмитрий Георгиевич подготовил статью, и мы ее опубликовали в книге материалов сессии.

Творческие связи с Д. Г. Жимериным нашего сектора, отдела истории Великой Отечественной войны, а с 1993 г. — Центра военной истории России Института истории СССР АН СССР (ныне — Института российской истории РАН) во второй половине 80-х — начале 90-х годов заметно окрепли. Он консультировал наших авторов при подготовке изданий о советском тыле 1941–1945 гг., выступал на встрече с сотрудниками нашего научного подразделения,

▲ Строительство Артемовской ГРЭС

а в мае 1990 г. вместе с Героем Советского Союза генералом армии М. М. Зайцевым — на расширенном заседании Ученого совета института, посвященном 45-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

7 марта 1991 г. Дмитрий Григорьевич Жимерин снова приехал в институт, где между нами состоялась беседа. Почти полное ее содержание публикуется ниже.

Из беседы профессора Г. А. Куманева с наркомом электростанций СССР военных лет членом-корреспондентом АН СССР Д. Г. Жимериным

(Магнитофонная запись)
7 марта 1991 г. г. Москва

Г. А. Куманев: Дорогой Дмитрий Георгиевич! Как виднейший специалист и организатор советской энергетики, какую Вы могли бы дать общую оценку той созидательной работе по электрификации страны, которая была проведена у нас с течение двух довоенных десятилетий? С огорчением приходится сегодня констатировать, что наша молодежь, включая и значительную часть студенчества, имеет все же недостаточное, точнее — слабое представление о масштабах и размерах преобразований в этой области, осуществленных в СССР в те очень трудные и относительно мирные годы.

Известно, что к началу 20-х гг. Советская Россия представляла собой государство, получившее от царизма и Временного правительства жалкое, если можно так выразиться, «электроэнергетическое наследие», которое к тому же было буквально «добито» в ходе I мировой и Гражданской войн. Посетивший страну в октябре 1920 г. английский писатель-фантаст Герберт Уэллс встречался с В. И. Лениным и не поверил в дерзновенные планы по возрождению и развитию электрификации, о которых поведал ему глава Советского правительства. Вернувшись в Англию, Уэллс вскоре выпустил в свет небольшую книгу под красноречивым названием «Россия во мгле». В ней он назвал Ленина не только «изумительным человеком», но и «кремлевским мечтателем», который «впал в утопию, утопию электрификации». По убеждению писателя, осуществление проектов электрификации в России, огромной стране, не имеющей технически образованных людей и населенной неграмотными крестьянами, «можно только с помощью сверхфантазии».

Д. Г. Жимерин: Уважаемый Георгий Александрович! То, что было сделано в Советском Союзе перед Великой Отечественной войной за невероятно короткие сроки по электрификации страны, действительно заслуживает и самой высокой оценки, и просто восхищения.

Хорошо понимая удивительную гибкость электроэнергии, возможность концентрации ее производства на крупных электростанциях, а также неограниченную делимость в потреблении, Ленин увидел в электрификации единственный путь организации производства на новой технической основе. Он пришел к правильному выводу, что создавать современные высокопроизводительные машины и агрегаты, обеспечивавшие максимальную механизацию труда, могла только электрическая энергия.

Согласно одобренному в декабре 1920 г. VIII Всероссийским съездом Советов плану ГОЭЛРО было намечено в течение 10–15 лет построить в стране 29 тепловых и гидравлических станций общей мощностью 1500 тыс. квт.

Вопреки не только «предсказаниям» разного рода оракулов, но и вооруженному противодействию внутренней и внешней контрреволюции, блокаде и т. п. этот ленинский план был воплощен в жизнь за 10 лет. Еще при жизни Ленина в 1920–1921 гг. удалось ввести в эксплуатацию электростанции общей мощностью 12 тыс. квт.

По этому поводу Ленин заметил: «12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Вы упомянули о приезде к нам и встрече с Лениным знаменитого английского писателя Уэллса, который скептически отнесся к плану ГОЭЛРО.

В 1934 г. он снова побывал в Москве и состоялась его беседа со Сталиным. Былой скепсис Уэллса развеялся от увиденного в СССР, и он отметил поразительные достижения советского народа в области электрификации и в целом социалистического строительства.

В последующие годы процесс электрификации Советского государства осуществлялся еще более быстрыми темпами. В 1940 г. суммарная мощность советских электростанций превысила 11 млн. квт, что в 7 раз оказалось больше мощности, предусмотренной в плане ГОЭЛРО!

И ведь все это появилось в нашей стране не по «щучьему веленью», а благодаря напряженному творческому труду нашего народа, ведомого ленинской партией. И если в 1913 г., т. е. накануне I мировой войны, царская Россия по производству электроэнергии отставала от всех промышленно развитых стран Европы, то в 1940 г. Советский Союз по этому показателю вышел на третье место в мире, опередив такие индустриально развитые страны, как Англия, Франция, Италия и Швеция.

При этом следует иметь в виду, что выполнение плана ГОЭЛРО и последующее развитие отечественной энергетики велось у нас преимущественно за счет собственных средств, т. е. фактически без привлечения иностранного капитала. А ведь первоначально предполагалось для претворения в жизнь того, что было намечено на VIII съезде Советов, использовать 6 млрд. рублей золотом, которые мы надеялись получить в порядке зарубежного кредита и прибыли от концессий.

Хочу еще добавить, что в довоенные годы в широких масштабах развернулась электрификация промышленности, транспорта, а также многих колхозов и совхозов. В различных регионах Советского Союза были созданы такие энергетические системы как Донбасская, Днепровская, Сталинградская, Харьковская, Новосибирская, Горьковская, Ярославская, Ивановская...

Некоторые энергосистемы в центре и на юге страны накануне Великой Отечественной войны были объединены между собой. Вступила, например, в строй линия напряжением 220 кв, которая соединила Донбасскую и Днепровскую энергосистемы. Связующим звеном между этим и энергосистемами стала построенная перед войной Кураховская теплоэлектростанция.

Вот очень кратко о том, каких значительных результатов в области энергетики мы добились в мирный период, предшествовавший фашистской агрессии.

Г.А. Куманев: Как изменилось общее направление деятельности советских энергетиков с самого начала Великой Отечественной войны? Что потребовалось решать в первую очередь, какие новые неотложные задачи продиктовала начавшаяся война?

Д. Г. Жимерин: С самого начала фашистской агрессии против Советского Союза перед всей нашей промышленностью, в том числе энергетикой, встал целый комплекс чрезвычайно важных и сложных задач. Советские энергетики должны были продумать и осуществить ряд действенных мер по мобилизации всех ресурсов электрических станций, подстанций и электрических сетей с тем, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение потребителей и, в первую очередь, оборонной индустрии электрической и тепловой энергией.

Причем требовалось обеспечить устойчивость работы электростанций и энергосистем в обстановке массированных ударов вражеской авиации.

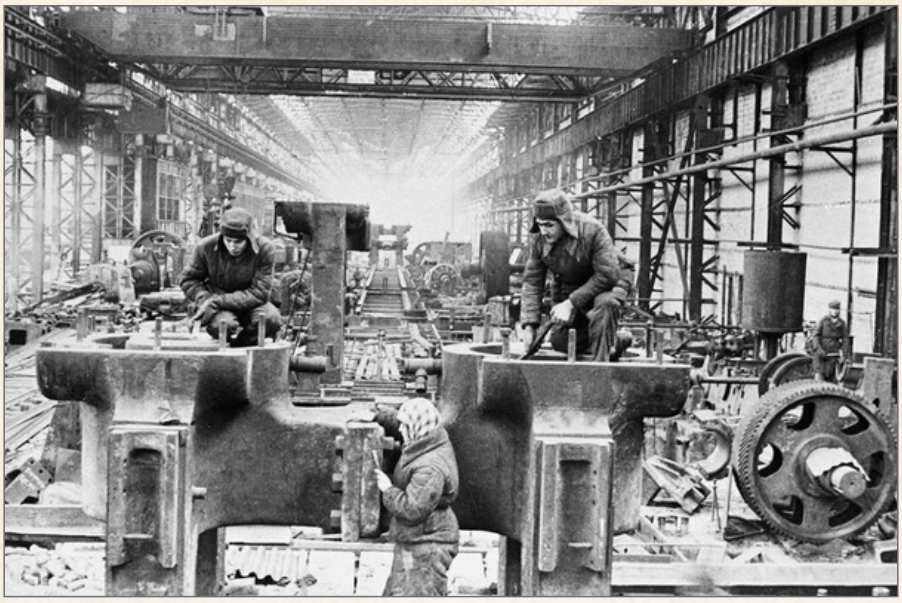
В целях защиты электростанций и узловых подстанций от воздушных налетов было проведено существенное усиление служб ПВО и МПВО, камуфлирование энергетических объектов, срезка высоких дымовых труб, затемнение и прикрытие наиболее уязвимых частей агрегатов или зданий. Одновременно создавались

▲ Черепетская ГРЭС им. Д.Г. Жимерина

более безопасные и надежные условия работы эксплуатационного персонала в виде укрытий, убежищ, запаса аварийных и противопожарных материалов, материалов первой медицинской помощи и т. п. Наряду с этим разрабатывались схемы резервного питания электроэнергией, проводилось энергоснабжение независимых генерирующих источников, прокладывались и дополнительные цепи питания.

Активная защита энергетических объектов отбила охоту у немецких летчиков к легким победам. Характер воздушных нападений быстро изменился. Дневные налеты «люфтваффе», как правило, прекратились и производились только в ночное время. Но и ночные налеты вражеской авиации в связи с большой плотностью заградительного огня зенитных батарей в сочетании с перехватом германских бомбардировщиков не принесли противнику желаемых результатов. Посудите сами: за время боевых действий в первые недели войны было повреждено, но не выведено из строя только несколько крупных электростанций и подстанций.

Однако вскоре все это отодвинулось на второй план, потому что из-за неблагоприятного развития событий на фронте возникла реальная угроза захвата врагом наших электростанций на юге и в центральных районах страны. Особенно тяжелое положение сложилось на Украине.



▲ В годы войны

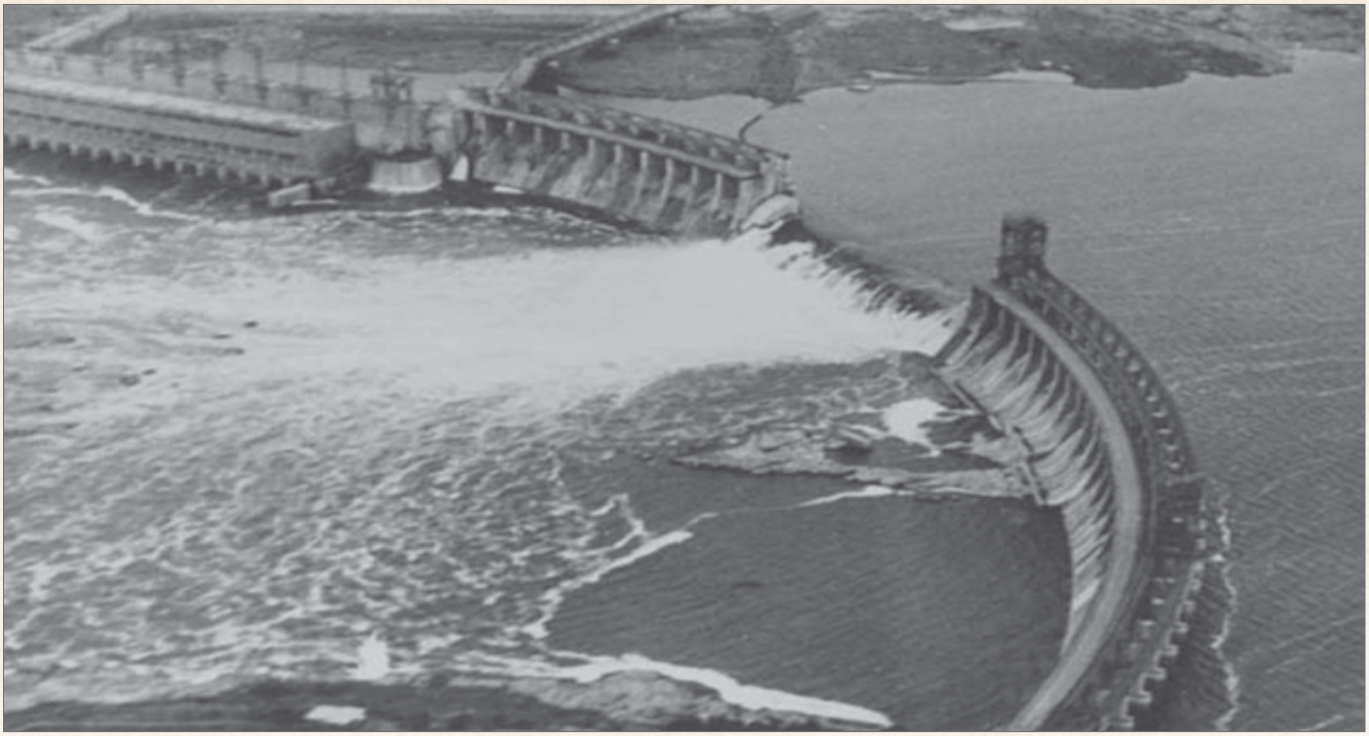
Перед энергетиками во весь рост встала неотложная задача — срочно осуществить демонтаж и вывоз из угрожаемых районов в тыл оборудования многих объектов энергетики, включая крупные электростанции западноевропейской части СССР. Предстояло выполнить под огнем наступающих немецко-фашистских армий огромный объем работ.

▲ Война

Г. А. Куманев: В историографии Великой Отечественной войны поистине героическая эпопея перебазирования производительных сил страны в 1941–1942 гг. до сих пор не нашла достойного отражения. Хотя имеется большая серия научных статей, воспоминаний, глав и разделов в сводных трудах, крупные специальные исследования в военно-исторической литературе, непосредственно посвященные этой теме, отсутствуют.

Мало известно массовому читателю, как, например, проходил процесс спасения от угрозы захвата противником наших энергетических мощностей. Поэтому, не сможете ли Вы, Дмитрий Георгиевич, дать общую картину перемещения в тыловые районы страны различных объектов нашей энергетики?

Д. Г. Жимерин: Вы правы, Георгий Александрович: хотя эвакуация, проведенная в СССР в 1941–1942 гг., была беспримерной в истории, эта интересная многогранная тема не раскрыта должным образом в нашей научной литературе. Очень кратко, в частности, освещена история вывоза и размещения в тылу оборудова-



▲ ДнепроГЭС, 1941 г.

ния, материалов и квалифицированных кадров предприятий советской энергетики.

В связи с тяжелым положением, сложившимся в ходе военных действий на территории Украинской ССР, в начале августа 1941 г. на меня, как на первого заместителя наркома электростанций СССР, была возложена ответственность за демонтаж и переброску энергетического оборудования из южных районов на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Требовалось эти эвакогрузы в кратчайшие сроки ввести в действие на новых местах.

Процесс перебазирования оборудования электростанций и подстанций осуществлялся в два этапа, которые целиком зависели от хода военных действий.

На первом этапе производился полный демонтаж основного и вспомогательного энергооборудования и отправка его на Восток в комплектном виде. Это облегчало по прибытии грузов в пункты назначения их последующий монтаж и ввод в эксплуатацию.

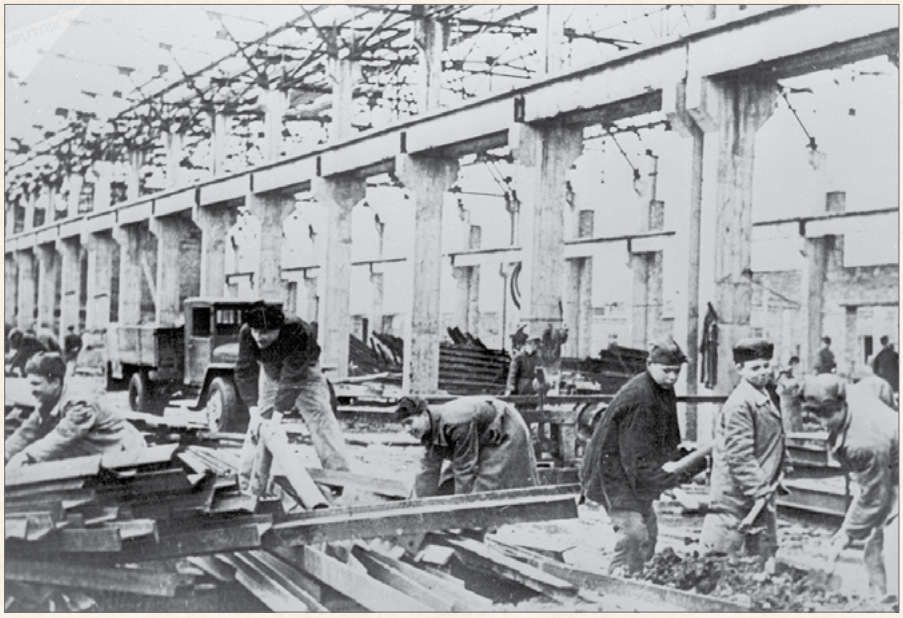
На втором этапе в связи с неуклонно ухудшающейся обстановкой поспешно демонтировались главные агрегаты электростанций — турбины, генераторы, трансформаторы и различное вспомогательное оборудование — моторы, приборы, вентиляторы, дымососы и др.

Первым моим объектом, подлежащим эвакуации, явилась Днепродзержинская ГРЭС. За короткий срок ее коллектив во главе с энергичным директором Иваном Хивренко сумел демонтировать генераторы, турбины, трансформаторы, приборы, кабели... Но полный демонтаж котлов осуществить из-за краткости времени было уже невозможно: наступавший противник находился совсем близко. Со всей остротой встал вопрос: что делать со зданиями? Нужно ли их подрывать? Решили отказаться от этого, будучи уверенными, что скоро вернемся.

Наши надежды на быстрое изгнание оккупантов, к сожалению, не оправдались. Хуже того, реальная угроза нависла над гордостью отечественной энергетики — крупнейшей в стране Днепровской ГЭС. Получив приказ — приступить к ее демонтажу, я немедленно отправился в Запорожье. По дороге чуть было не попал в лапы немецкого парашютного десанта. Но помогли наши посты, которые заблаговременно расставил директор местных электросетей Григорий Малкин. Мне был указан менее рискованный и более безопасный путь.

Общее руководство всеми эвакуационными мероприятиями в запорожской зоне осуществлял председатель СНК Украины Леонид Корниец. Самоотверженно в полуокружении, буквально под огнем врага трудился весь коллектив Днепрогэса, возглавляемый управляющим Днепровской энергосистемы Дмитрием Гуменюком и главным инженером Львом Тополянским... Так как у плотины имелось два перехода, по которым свободно могли проходить танки, орудия и другая военная техника, все мы пришли к выводу, что эту часть плотины придется взорвать. Такая операция была проведена после того, как по плотине прошли последние отступавшие части Красной Армии.

Поздно ночью с левого берега Днепра мы с группой товарищей пошли на плотину. Перед нами предстала печальная, просто драматическая картина. Проезжая часть ГЭС



▲ Восстановление завода

тряслась, как в лихорадке: мощный поток воды с оглушающим ревом рвался через образованную в результате взрыва большую брешь. Всех нас обволакивал густой туман из мелких брызг. С болью в сердце смотрели мы на изуродованное тело плотины, внутри которой — в машинном зале — бушевало багровое пламя пожара... Определенной отрадой было сознание того, что наиболее ценные детали трех гидротурбин все же удалось эвакуировать в тыл, хотя демонтаж и вывоз всего тяжелого оборудования как Днепровской ГЭС, так и Зуевской ГРЭС, ТЭЦ Запорожстали, Кураховской ГРЭС и других мощных энергетических предприятий оказался практически невозможным. Так, был оставлен на месте турбогенератор 100 тыс. кВт. Зуевской ГРЭС, все девять гидрогенераторов Днепрогэса, ряд турбин мощностью по 50 тыс. кВт.

Но в целом в этих тяжелейших условиях энергетики очень много сделали по спасению энергетического оборудования, сыгравшего чрезвычайно важную роль в развитии энергетики на Востоке страны. Приведу по памяти некоторые итоговые данные. В тыловые районы СССР были направлены персонал многих электростанций, турбоагрегаты мощностью 12,25 и 50 тыс. кВт. Только на районных электростанциях в первые месяцы военных действий было демонтировано и перебазировано в глубь страны 82 паровые турбины, 14 мелких гидротурбин, 108 паровых котлов и более 380 трансформаторов. Помимо этого в широких размерах удалось вывезти электромоторы, паровую и водную арматуру, задвижки, часть приборов управления и защиты, а также, провода и кабели.

Всего с одних крупных районных электростанций энергетики и работники транспорта отправили в тыл около 11 тыс. вагонов в двухосном исчислении. Правда, необходимо указать и на то, что продолжавшееся ухудшение обстановки на фронте не позволило доставить к месту назначения часть уже демонтированного и погруженного оборудования в результате вражеских ударов по эшелонам и коммуникациям.

Г. А. Куманев: Насколько серьезными были эти потери и разрушения и как они сказались на работе отечественной энергетики в тот период?

Д. Г. Жимерин: Вследствие фашистского нашествия и временной потери обширных районов энергетическая база СССР в 1942–1944 гг. значительно сократилась. Ведь на захваченной гитлеровцами советской земле находились такие мощные энергетические системы, как Донбасская, Приднепровская, Киевская, Харьковская, Одесская, Ростовская, Белорусская, три энергосистемы Советской Прибалтики, а также часть Московской, Ленинградской, Карельской и некоторых других энергосистем.

Всего за указанные годы Советское государство потеряло по мощности электростанций около 5 млн. квт. Были выведены из строя или разрушены 61 электростанция и более 10 тыс. км высоковольтных линий электропередач. На оккупированной территории СССР немецко-фашистские захватчики подвергали промышленные объекты, включая и электростанции планомерному разграблению и разрушению. Специально созданные отряды немецких войск демонтировали и вывезли в Германию 1400 паровых и гидравлических турбин, такое же количество паровых котлов, 11300 различных генераторов, большое количество электромоторов, трансформаторов, силовых, контрольных и телефонных кабелей, приборов измерения и защиты.

Потери отечественной энергетики только во время первого года войны отбросили ее на многие годы назад, по мощности электростанций примерно к уровню 1935 г.

Г. А. Куманев: Как же компенсировался или смягчался столь громадный ущерб, понесенный нашей энергетикой во время Великой Отечественной войны?

Д. Г. Жимерин: Потери части энергетических объектов восполнялись их всемерным наращиванием на Урале, в Сибири, Средней Азии, Казахстане, Закавказье и в Поволжье. Партия и правительство принимали необходимые меры по расширению заводов и фабрик, сооружению новых электростанций, подстанций и линий электропередач. Наш народ активно поддержал эти меры, хорошо понимая, к какому трагическому исходу неизбежно придет сражавшаяся страна, если разразится всеобщий и глубокий энергетический кризис. Суровые, а зачастую даже чрезвычайно суровые военные ус-

ловия не только не сломили духа советских людей, но, наоборот, усилили в них патриотические чувства, стремление трудиться неутомимо и изобретательно, перекрывая все планы и нормы.

Это проявилось и при сооружении новых энергетических мощностей в восточных регионах страны. Особенно быстро осуществлялся их ввод в действие на Урале, который называли становым хребтом нашей обороны и главным военным арсеналом Советского государства. Уже в первые месяцы войны получили серьезную материальную и техническую помощь местные строительно-монтажные организации, которые приступили к расширению и ускорению работ на Челябинской, Закамской, Красногорской теплоэлектроцентралях, Среднеуральской, Кизеловской и других электростанциях. Наряду с этим на реках Урала были усилены работы по строительству мелких и средних по мощности гидроэлектростанций.

В результате — мощность Уральской энергосистемы к концу 1942 г. возросла на 40% по сравнению с июнем 1941 г., а к концу 1944 г. почти удвоилась.

Во время перебазирования промышленно-энергетического оборудования часть его терялась или портилась в пути. Поэтому на монтажных площадках была развернута кропотливая работа по восстановлению машин и механизмов, их доукомплектованию и форсированному монтажу. Особенно большие работа пришлось осуществлять по котлам и турбоагрегатам, поскольку котлы южных электростанций были приспособлены к сжиганию донецких углей и для установки их в восточных районах требовалось изменить конструкцию топки. Тем не менее монтажные организации хорошо преодолели эти сложности и успешно восстановили все оборудование.

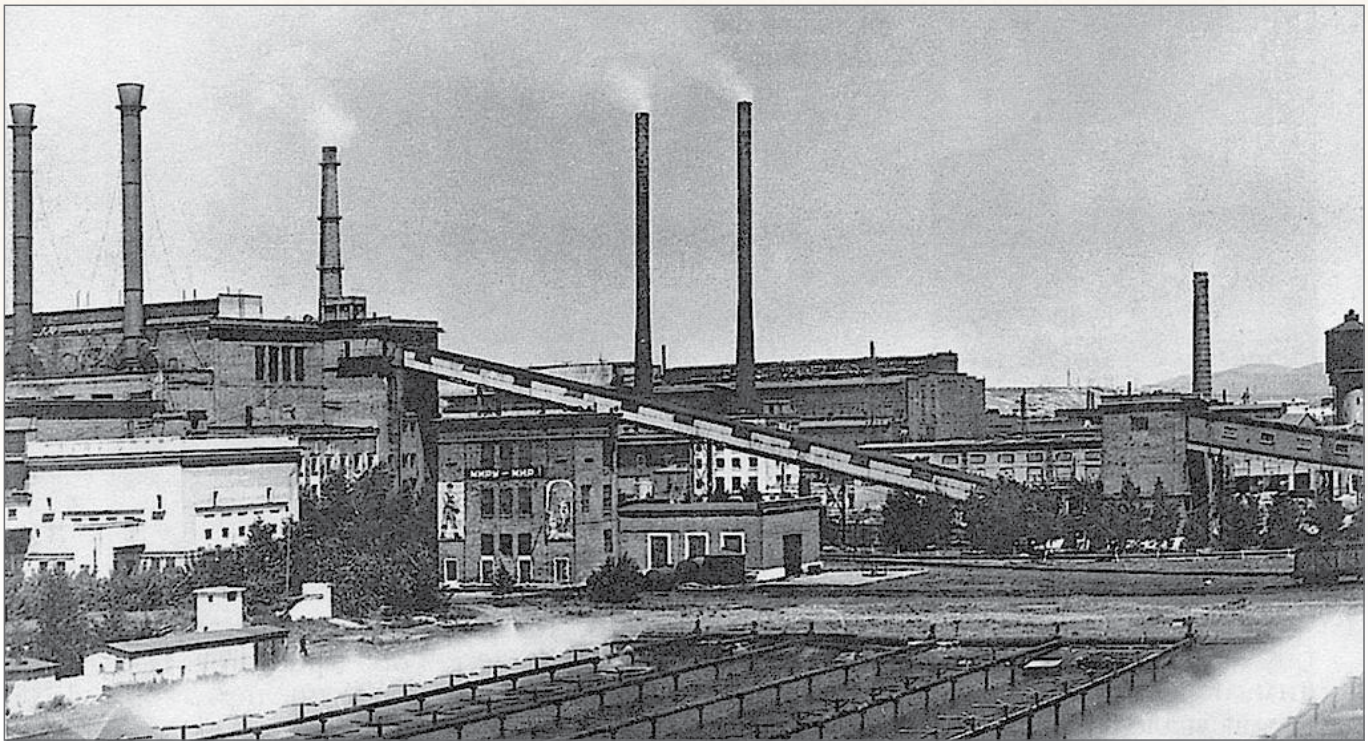
Поскольку в глубоком тылу быстро развивалось промышленное производство и в первую очередь выпуск военной техники, потребность в электрической энергии резко возросла. Поэтому в 1941–1942 гг. было решено образовать энергетические системы в Омске, Томске, Красноярске и Барнауле. Первым шагом в этом направлении явилось объединение изолированно действующих электростанций путем расширения работающих и строительства новых электростанций, подстанций и линий электропередач.

Всего, несмотря на все военные трудности, в течение 1941–1945 гг. образовались шесть новых энергосистем в Омске, Томске, Красноярске, Уфе, Барнауле и Чкалове (ныне Оренбург).

Удивительно быстро увеличилась мощность Кузбасской энергетической системы в результате расширения Кемеровской и Кузнецкой электростанций.

Находившийся в ее сфере Новосибирск превратился в крупный промышленный центр с большой потребностью в электро — и тепловой энергии. Для полного обеспечения ею предприятий и города была расширена Новосибирская ГРЭС, а в 1942 г. введена в действие Новосибирская ТЭЦ № 2.

Г. А. Куманев: Вы тогда уже работали наркомом электростанций СССР?



▲ ТЭЦ

Д. Г. Жимерин: Да, я был назначен народным комиссаром электростанций СССР 20 января 1942 г. после внезапной кончины от инфаркта наркома Андрея Ивановича Леткова. Незадолго до моего назначения состоялась по вызову Сталина встреча с ним в его кремлевском кабинете. Она продолжалась 35–40 минут, в течение которых Сталин интересовался рядом специальных вопросов, включая и терминологию из области энергетики. (Позднее я смог убедиться, насколько прекрасной памятью обладал вождь, ибо на заседаниях, где обсуждались энергетические проблемы, он разбирался в них уже довольно свободно и в основном со знанием дела.)

На этой же встрече Сталин подробно расспрашивал меня о причинах тяжелого положения с энергоснабжением на Урале: почему столь опасно упала в этом регионе частота электротока, «почему ее нельзя поднять» и как вообще преодолеть возникший там кризис?

Я доложил ему, что в данный момент исправить положение можно только временным снижением нагрузки на 10–15% без понижения объема производства В целях нормализации потребления энергии следует снизить нагрузку в утренние и вечерние часы. Предложение было принято, частоту электропотока удалось восстановить, и вскоре с новым ответственным поручением я выехал на Урал...

Значительный шаг вперед в развитии энергетической базы был сделан за годы войны в республиках Средней Азии. Ташкентская энергосистема была преобразована в Единую Среднеазиатскую энергосистему (Средазэнерго). Для покрытия потребности в электроэнергии в Узбекской ССР развернулось широкое строительство на оросительном канале Боз-Су, где за короткий срок удалось ввести в эксплуатацию шесть гидроэлектростанций. Одновременно в республике вступили в строй Актенинская ГЭС, две Шариханских ГЭС (№ 6 и № 7) и Саларская ГЭС.

Не могу не отметить и факт расширения действовавших и сооружения новых электростанций в Казахской ССР. Производство электроэнергии за время войны возросло здесь в 1,8 раза.

Прочную энергетическую базу в 1941–1945 гг. обрели и республики Советского Закавказья. Вот только несколько данных.

В Азербайджанской республике была значительно расширена за счет установления там мощных теплофикационных турбин крупная Сумгаитская ТЭЦ. Это позволило ликвидировать имевшийся дефицит в электроэнергии, а нефтяная и другие отрасли промышленности получили надежный источник энергоснабжения.

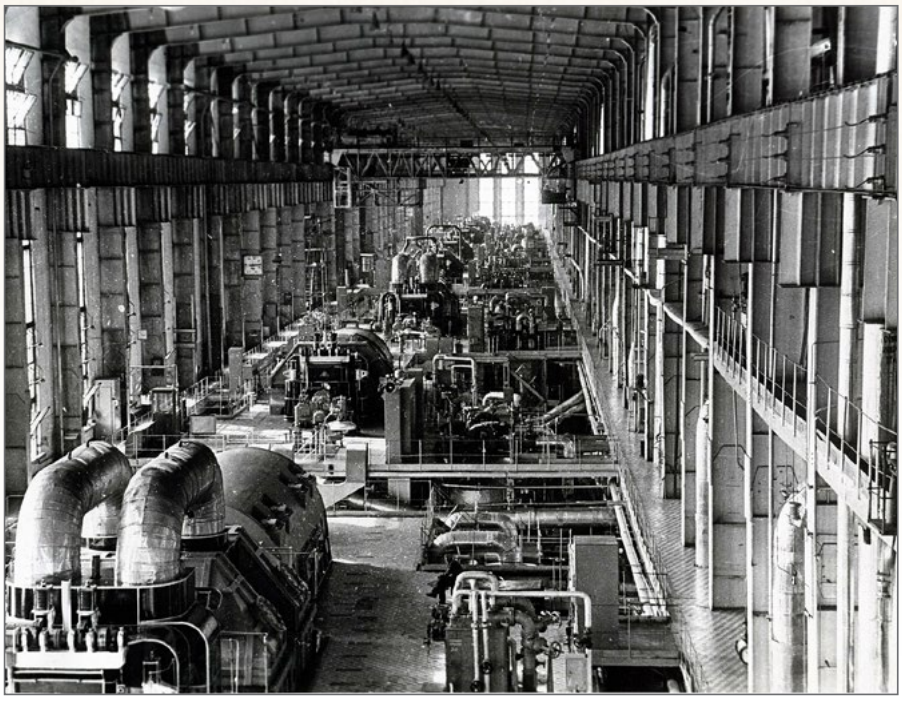
В Армянской ССР были продолжены начатые еще до войны строительные работы по возведению гидроэлектростанций Севано-Разданского каскада, а в 1943 г. развернулось сооружение головной Озерной ГЭС, призванной регулировать и использовать водные ресурсы озера Севан и обеспечивать работу местных ГЭС.

И в заключение моего ответа на данный вопрос хотел бы указать, что в эти же тяжелые военные годы в Грузии, чтобы обеспечить потребности в электроэнергии растущей промышленности по добыче марганцевой руды и по выплавке ферросплавов, сооружалась Храмская ГЭС (на р. Храми) и были заметно расширены почти все действующие гидроэлектростанции.

Г.А. Куманев: Какое место занимали в программе развития советской энергетики военных лет восстановительные работы?

Д. Г. Жимерин: Они занимали в ней очень важное место. Скорейшая ликвидация последствий фашистского нашествия на Советский Союз без них была бы немыслима, а поэтому органически связана с осуществлением широких восстановительных мероприятий, которые по мере изгнания оккупантов с нашей земли принимали все больший размах.

В области энергетики они начались в конце 1941 г., когда переход Красной Армии в контрнаступление под Москвой позволил энергетикам не только приостановить демонтаж оборудования в Московской энергосистеме, но и приступить к ее ускоренному возрождению. Первые шаги в этом направлении были предприняты в январе 1942 г. и на Волховской гидроэлектростанции, энергия



▲ Турбинный цех

▲ Восстановление

которой по кабелю, проложенному по дну Ладожского озера, передавалась в осажденный Ленинград. Из эвакуации на ГЭС вернули два агрегата и в мае того же года их снова ввели в действие.

Почти одновременно были реэвакуированы к вновь вступили в строй гидротурбины и оборудование Нивской ГЭС №2 Кольской энергосистемы.

В 1942 г. удалось восстановить почти довоенный уровень мощности Каширской, Сталиногорской и Шатурской ГРЭС, а также Калининской электростанции.

Все это привело к тому, что к началу следующего года мощность электростанций, расположенных в Центральном районе СССР, достигла 93% довоенной.

В 1943 г. восстановительные работы по возрождению энергетики были перенесены на юг страны — в Сталинград, Ростов, на Северный Кавказ и Донбасс. Оборудование Сталинградской ГРЭС не демонтировалось, но сильно пострадало во время боевых действий. Уже в первой половине этого года восстановители вместе с коллективом ГРЭС ввели в эксплуатацию первый турбоагрегат, а в 1944 г. сумели полностью закончить здесь все восстановительные работы.

Столь же интенсивно шел процесс возрождения электрохозяйства на Северном Кавказе и прежде всего на Баксанской и Гизельдонской гидроэлектростанциях, которые, несмотря на серьезные разрушения, удалось ввести в строй действующих уже во второй половине 1943 г.

Примерно в этот же рекордный срок были восстановлены тепловые электростанции в Грозном, Майкопе, Кисловодске и других наших южных городах.

В 1943–1944 гг. один за другим вступали в строй возрожденные энергетические объекты и электросети в Ростовской, Донбасской, Харьковской, Киевской, Воронежской, Днепровской, Брянской, Одесской и ряде других энергетических систем.

В декабре 1944 г. Государственный Комитет Обороны вынес постановление о начале восстановления Днепровской ГЭС имени Ленина. Как и прежде, в довоенные годы, она стала всенародной стройкой. В возрождении Днепрогэса участвовало 120 промышленных предприятий из 53 городов страны. 25 тыс. молодых рабочих и колхозников поднимали из руин крупнейший по тому времени энергогигант. Менее чем через два года после разгрома гитлеровской Германии Днепровская ГЭС имени Ленина вновь дала промышленный ток.

Уже к концу войны советский народ сумел ввести в действие 20% потерянных за время борьбы с фашизмом энергетических мощностей. Это была наша крупная победа на трудовом фронте.

В целом война, как это не покажется парадоксальным, дала большой импульс развитию электростанций в тех районах, в которых еще не было разветвленных электросетей. Были электростанции, которые снабжали, к примеру, г. Барнаул, а вся округа этого не имела. А в военное время, когда один за другим в строй вступали новые предприятия, за ними сразу же тянулись линии электропередачи.

Завершая мой ответ на Ваш вопрос, считаю уместным привести одну выдержку из газеты «Правда» за 23 августа 1944 г. Когда-то, давно-давно, я переписал интересное и довольно точное высказывание в свою записную книжку.

«В мировой практике, — подчеркивала передовая «Правды», — не было государства, которое могло бы сочетать ведение войны с осуществлением грандиозного плана строительства, быстрейшего восстановления разоренных врагом районов. Только могучее Советское государство с волевым, неутомимым, закаленным народом смогло приступить к ликвидации последствий войны в военное же время».

Г. А. Куманев: Да, точные и обоснованные слова. Вы правильно заметили, дорогой Дмитрий Георгиевич, что впечатляющие итоги энергетического развития страны в экстремальных условиях военного времени — это не результат какого-то «щучьего веленья», действий каких-то потусторонних сил. Да и одного высокого морального духа советских людей при всей его значимости, конечно, тоже было бы недостаточно для успешного решения таких грандиозных задач. Какие Вы можете назвать еще, хотя бы несколько факторов, которые способствовали поступательному росту нашей энергетики, несмотря на тяжелейшую военную обстановку, громадные потери и разрушения?

Д. Г. Жимерин: Я только обозначу ряд из них. Это — несомненная

мобильность, живучесть, огромные потенциальные возможности социалистической экономики, которые она убедительно продемонстрировала во время войны. Это и столь же несомненные преимущества плановой системы нашего народного хозяйства.

Сейчас мы слышим, видим и читаем в средствах массовой информации все более крепнущие «голоса» сильно «поумневших» представителей «нового мышления», которые без всякого разбора предают анафеме все наше прошлое, яростно критикуют все и вся. Достается и нашей экономике, которую, оказывается, «не так строили» и «не то получили».

Но война как раз и явилась самым строгим экзаменатором правильности избранного народом пути по революционному переустройству и обновлению общества. И я глубоко убежден — без нашего планового народного хозяйства мы вооруженное противоборство с фашизмом просто в чистую бы проиграли.

Достаточно вспомнить то исключительно тяжелое, я бы сказал, отчаянное положение, в котором по известным причинам оказалась советская экономика к декабрю 1941 г. Катастрофическое падение производства... Остановились сотни и тысячи заводов и фабрики, многие из которых еще находились в процессе перебазирования... Враг захватил обширную территорию с жизненно важными промышленно-экономическими центрами страны и оказался у ворот Москвы и Ленинграда... Казалось, выстоять и переломить ход борьбы просто невозможно.

Но вот с переходом Красной Армии в контрнаступление под Москвой в конце 1941 — начале 1942 г. падение производства удалось остановить, положение стабилизировать и в целом начался его постепенный подъем, который ознаменовался существенным ростом выпуска военной продукции.

Откуда же взялись у государства средства, чтобы финансировать производство боевой техники и вооружения, регулярно выплачивать труженикам тыла заработную плату,

строить новые и возрождать разрушенные предприятия, в том числе и энергетические объекты?

Уже в 1943 г. мы имели бездефицитный бюджет, а в следующем году получили и весомую прибыль, достигнув по этому показателю уровня 1940 г. И это в условиях такой страшной, кровопролитной и разрушительной войны!

Успешному возрождению и развитию энергетических предприятий страны во многом способствовали и скоростные методы строительства. Для обеспечения форсированного ввода в эксплуатацию нового и восстановленного оборудования осуществлялся ряд важных мероприятий.

На строительно-восстановительных работах был повсеместно внедрен так называемый совмещенный метод, когда монтаж оборудования начинался по мере готовности не всей строительной части, а отдельных зон, что дало большой выигрыш во времени.

Кроме того, монтаж оборудования стали производить блочным методом, перейдя к блочному из-

готовлению арматурных каркасов фундаментов турбин.

Далее. На монтажных работах начали повсеместно применять малую механизацию в подъемных средствах. В сочетании с блочной сборкой оборудования это дало поразительный эффект.

Была, наконец, пересмотрена вся технология проектирования как по объему, так и по срокам составления и ее утверждения.

В итоге проведения всех мероприятий время, необходимое на монтаж оборудования и ввод его в действие, сократилось в 2–3 раза и особенно при сооружении тепловых электростанций. А я, кстати, напомню, что из общей потерянной за время войны мощности электростанций на долю тепловых электростанций приходилось 80%.

Существенную поддержку развитию энергоснабжения в 1941–1945 гг. оказала мобилизация внутренних резервов. В ремонтных мастерских энергосистем значительно расширилось изготовление запасных частей, инструмента и более сложного оборудования.

Помимо уже отмеченных мною новшеств на предприятиях энергетики зародилось и было внедрено в производство немало других оригинальных по замыслу, смелых технических мероприятий, которые обеспечивали повышение надежности и мощности энергосистем.

Например, нашло широкое применение предложение о замене зубчатой передачи в системе регулирования паровых турбин на гидродинамическую, более надежную и не требующую дефицитной бронзы.

Наши рационализаторы и изобретатели разработали новый способ сепарирования пара в паровых котлах (так называемый ступенчатый), который позволил увеличивать нагрузку котла, не опасаясь заноса воды на лопатки турбин.

На электростанциях СССР были повсеместно проведены большие реконструктивные работы. В котельных цехах осуществлялась реконструкция поверхностей нагрева, топочных камер, тягодутьевых устройств, углеразмольных мельниц и т. п. В первую очередь внимание было обращено на повышение КПД котельных установок, сокращение износа, механического и химического недожога топлива. Меры по расширению и укреплению энергетической базы сопровождались интенсивной работой по увеличению производительности труда, всемерной экономии топлива и электроэнергии. В военные годы впервые был применен метод ремонта линий электропередач под напряжением, без отключения потребителей.

Следует при этом иметь в виду, что в ходе восстановительного процесса советская энергетика не воссоздавалась по довоенному образу и подобию. Используя накопленный опыт и новейшие достижения инженерно-рационализаторской мысли, наши энергетики проводили реконструкцию энергетических объектов и модернизацию устаревшего оборудования.

Одни только приведенные Вам примеры, конечно далеко, не охватывают всего того, что позволяло успешно решать сложнейшие энергетические проблемы того времени.

▲ Завод Баррикады

▲ ГРЭС с высоты птичьего полета

Но они дают, как мне кажется, определенное представление о большом и самоотверженном труде наших патриотов-энергетиков в экстремальной военной обстановке. Предельным напряжением физических и духовных сил они добивались невозможного по меркам мирного времени.

Г. А. Куманев: Вы очень хорошо сказали о людях, которые обеспечивали развитие советской энергетики в военные годы. Меня интересует: какой процент составляли тогда на строительстве энергетических мощностей заключенные, так называемый спецконтингент?

Д. Г. Жимерин: Никакого процента. Мы строили все своими силами, без использования их труда.

Г А. Куманев: Но как-то, может быть, использовались заключенные?

Д. Г. Жимерин: Абсолютно нет.

Г. А. Куманев: Как известно, в течение первых шести месяцев войны СССР потерял около половины своей энергетической мощности. Когда же нам удалось восстановить довоенный уровень?

Д. Г. Жимерин: К началу 1945 г., когда война приближалась к ее победному завершению, довоенная энергетическая мощность была уже почти восстановлена. В течение этого года мощность электростанций СССР достигла 11124 тыс. квт, всего на 69 тыс. меньше, чем она была в 1940 г. Выработка электроэнергии в 1945 г. всеми советскими электростанциями составила 43,25 млрд. квт-ч или только на 5 млрд. квт-ч меньше выработки 1940 г. В следующем, 1946 г. по данному показателю уровень 1940 г. был превышен на 262 тыс. квт-ч.

Это означало, что по установленной мощности и выработке электроэнергии на электростанциях Советский Союз вышел на первое место в Европе и на второе — в мире.

Г. А. Куманев: Какова Ваша общая оценка высшего советского руководства военных лет и не можете ли Вы, как бывший нарком, дать краткую характеристику некоторым деятелям из ближайшего сталинского окружения?

Ведь сейчас, в условиях развития гласности, о них появилась масса публикаций, преимущественно весьма негативного характера. У читателей, в первую очередь молодых, создается представление, что зловещей политической фигурой был не только Сталин, но таковыми являлись и те, кто его окружал. Причем, как и вождь, они также были бездарными, малообразованными, серыми, тупыми, глупыми и т. п.

Д. Г. Жимерин: Считаю, что подобные утверждения в сущности своей безнравственны. И их можно объяснить только тем, что авторы таких заявлений, находясь в состоянии какой-то эйфории, стремясь перед кем-то выслужиться и обозначить свое «я», потеряли чувство меры, чувство самоконтроля, порядочности, объективности и готовы оплевать и очернить все и вся под флагом «альтернативного мнения» или «поисков истины».

Если говорить об окружении Сталина, то мы с вами должны не в последнюю очередь говорить о результатах руководящей деятельности и этих лиц: об огромных свершениях, происшедших в нашей стране, ставшей второй супердержавой в мире, о прогрессе нашей экономики, о выдающихся достижениях советской науки, о развитии отечественной культуры, народного образования, здравоохранения, о достижениях в социальной области и т. д., и т. п. А почему?

А потому, что всего этого при безграмотных, серых и тупых злодеях-руководителях, в том числе высшего звена, наш народ никогда бы не достиг и не добился.

Возьмем в качестве примера нашу энергетику, итоги развития которой впечатляют. Мы производим турбогенераторы мощностью 800 и даже более миллиона киловатт. Выше миллиона киловатт ни одна страна генераторов не имеет. Трактора Минского тракторного завода охотно покупаются фермерами Канады. Все это само собою у нас появилось? Или все-таки какое-то касательство к таким достижениям имеет не только народ, но и его руководство как часть народа?

Разумеется, я не склонен все видеть у нас только в розовом виде, а всех руководителей недавнего прошлого оценивать только в позитивном плане. Недостатков у нас еще немало во всех областях производства, в повседневной жизни было и есть. Надо их вскрывать и исправлять, как учил Ленин.

Мы еще отстаем в сравнении с передовыми странами мира, с США по ряду важных показателей. Уступаем и по внешнему качеству некото-

рых видов продукции. Если бы у нас производство крупных турбогенераторов или газовых турбин было бы в избытке, мы бы могли их экспортировать наравне с другими странами. Нас часто за горло держит дефицит, не позволяя перейти от производства одного вида продукции к другому. У нас нет резерва мощностей. Все эти тонкости необходимо всегда спокойно и взвешенно учитывать.

Возвращаюсь непосредственно к Вашему вопросу. Вот сейчас публикуются статьи, книги, ведутся передачи по телевидению и радио о нашей борьбе с фашистским блоком. Приближается 50-летие со дня начала гитлеровской операции «Барбаросса», т. е. вероломного нападения вермахта и его союзников на СССР.

Зададим себе вопрос: можно ли было в такой кровопролитной войне победить такого мощного противника, лучшую армию капиталистического мира, имея в Кремле серых, тупых злодеев-руководителей во главе с «бездарным злодеем № 1», к тому же якобы «параноиком»? Безусловно, нет!

Некоторые «умники» сейчас говорят и пишут: «Это победил народ». А заодно твердят: «Красная Армия воевать не умела, Сталин и наши полководцы были недоумками, воевали исключительно одной «большой кровью». При этом смакуются и наши неудачи, поражения 1941–1942 гг. по вине, мол, того «совершенно бездарного руководства». Как же, повторяю, в таком случае нам удалось разгромить отборные армии фашистского блока, имея подобных руководителей, включая военачальников и Верховного Главнокомандующего? На это ответ не дают. Как будто победа пришла сама собой.

Значит, в одном случае народ терпел неудачи и поражения из-за ошибок «плохого руководства», а в другом — победил без руководства. И ведь такие глупости и просто злостную клевету сейчас охотно печатают и пропагандируют по радио и телевидению. На кого и с какой целью все это рассчитано, не так уж трудно догадаться.

Вот в «Литературной газете» Дмитрий Волкогонов опубликовал большую статью. В начале ее автор утверждал, что Гитлер в 1941 г. обвел вокруг пальца Сталина.

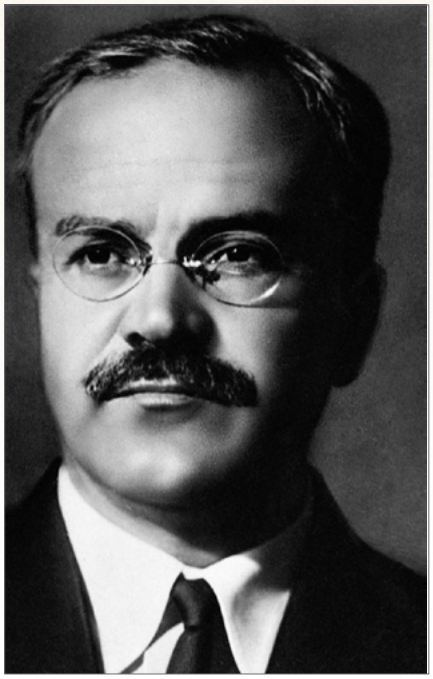
А чем эта статься заканчивается? В 1945 г. Гитлер пустил себе пулю в лоб. Я тогда написал в «Литгазету» для Волкогонова: «Значит, Гитлер обманул Сталина для того, чтобы почти через 4 года пустить себе пулю в лоб».

Правда, какие-то проблески более трезвого подхода у Волкогонова изредка проявляются, когда он, например, пишет о необычайной работоспособности Сталина — по 17 часов в сутки! В какой-то степени генерал-философ что-то признает, что все-таки Сталин что-то делал, а не только «занимался расстрелами».

Теперь коротко о тех из окружения Сталина, с кем мне многократно доводилось встречаться, беседовать, получать различные задания и т. п.

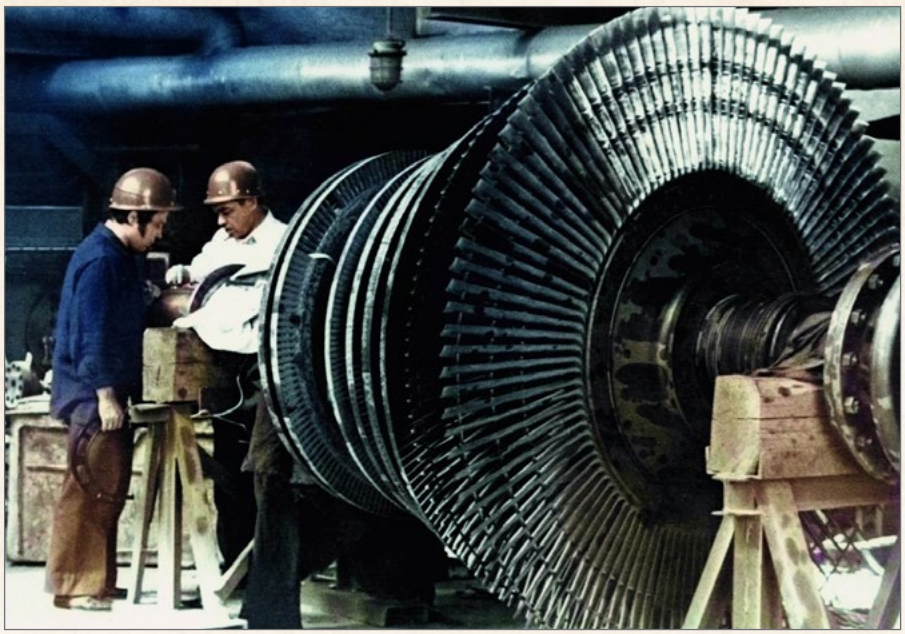
Молотов. У меня сложилось мнение, что человек он был несколько тяжеловесный. Но, тем не менее, эта тяжеловесность связана с прочностью мышления. Однажды, находясь на Урале, я получил задание подготовить проект одного постановления ГКО. Я был тогда еще человек недостаточно обстрелянный, не усвоил уроки наркома по строительству Семена Захаровича Гинзбурга. (Он в этом отношении мог служить образцом.) Я составил проект постановления. Всего там было полно. Возвращаюсь в Москву, прихожу к Молотову.

Он прочитал проект этого документа. И потом стал меня изде-



▲ В.М. Молотов

▲ И.В. Сталин



▲ Сборка турбины

вательски ругать. Говорит: «Вот ты пишешь — дать тебе металл, строительные материалы, дать того, другого. Но ты не пишешь — дать своим рабочим телогрейки, валенки, теплые рукавицы. Не пишешь о выдаче спирта, о том, как решить проблему питания, жилья. Ты что думаешь, у тебя там люди будут трудиться разутыми, раздетыми в суровых зимних условиях? Монтажники, между прочим, должны получить по 100 г водки...»

На мой взгляд, это все мог заметить отнюдь не тупой человек. Хочу еще раз подчеркнуть, что в своих устремлениях Молотов был человек каменный, сдвинуть его в сторону было невозможно или очень трудно.

Маленков. Несомненно, одаренный человек. Несмотря на его тучность, был энергичный и взрывной. Понимал все с полуслова и работал буквально за двоих. Много раз, особенно когда я находился в непосредственном подчинении Маленкова) мне приходилось наблюдать за его реакцией, быстрой и в основном правильной. Думаю, что Сталин держал его на таком высоком посту не случайно и не зря. Он знал, что если он Маленкову что-то поручает, то тот обязательно это выполнит.

Приведу один небольшой, но характерный пример. Сталиногорская станция. Работала на подмосковном угле. Ночью мне звонят и говорят, что станция накануне остановки, потому что запасов угля нет. Железнодорожники эшелоны угля, который шел на Сталиногорскую станцию, бросили на пути, отцепили паровоз. Через 3–4 часа станция должна остановиться.

Я вижу, что мне уже не удастся сдвинуть этот поезд, тем более что паровоз уже отцепили. В отчаянии звоню Маленкову. (Напомню, что было ночью.) Говорю ему, что вот такое создалось положение.

Маленков слегка меня обругал (я говорю «слегка», потому что это был человек исключительно вежливый, тактичный) и, естественно, тут же принял меры, этот эшелон угля был доставлен вовремя, и станцию не отключили.

Таких примеров было очень много. Это был динамичный, и, я бы сказал, доброжелательный человек.

Каганович. Очень шумливый деятель, трибун. Но, тем не менее, следует иметь в виду: метро в Москве построили главным образом из-за настойчивости и оперативности Кагановича.

А так он ведь без образования, никакого образования у него не было. Но Каганович отличался большой любознательностью. Я, кстати, учился вместе с его племянником от старшего брата. И вот этот племянник Лазаря Моисеевича мне рассказал такую историю. Как-то его дядя увидел у племянника логарифмическую линейку. Спрашивает: «Что это такое?» Когда ему пояснили, что не нужно на бумаге считать, а можно на линейке тут же получить точный ответ, Каганович буквально вцепился в это дело. Несмотря на свою загруженность, Лазарь Моисеевич стал просить племянника, чтобы тот его обучил, как логарифмической линейкой пользоваться. Итак, повторяю, Каганович не имел образования. Он политик, это его, так сказать, хобби. По своей натуре он взрывной, очень горячий, и делал немало ошибок. Причастен был и к репрессиям. Но в то же время этот человек был очень мобильный, и я должен сказать, что он сделал и немало хорошего.

Когда Каганович был во главе Госснаба, от него зависело все или почти все: и валенки, и ватники, и инструмент, и топливо, и энергия и т. д. В ту пору я с Кагановичем, образно говоря, поступал так: «наступал» ему на ногу и не отпускал до тех пор, пока он не принимал положительного решения. Т. е. брал его измором.

Берия. Я был продолжительное время после Маленкова в подчинении у Берии. Нужно сказать, что каждый из них при первой беседе со мной заявил, правда, по-разному: «Ты отвечаешь за энергетику, отвечаешь головой. Ни на кого не ссылайся, а приучись за все отвечать. Тебе нужна помощь, своевременно обращайся». Маленков это сказал очень вежливо, очень мягко, я бы сказал, приятно.

Берия ту же мысль выразил по-другому: «Ты (мать твою и т. д.) думаешь, что ты теперь нарком? Ты сегодня нарком, а завтра тебя ногами вперед на кладбище». (Вот такое «ободряющее» вступление.) А потом он примерно сказал то, что и Маленков. Берия заявил: «Я (т. е. Берия) ничего не понимаю в энергетике, ты несешь полную ответственность, ты принимаешь решения

и будешь отвечать за них соответственно. Ты это учти».

Но я должен заметить, что с точки зрения авторитета во всякого рода учреждениях и тот, и другой имели, я бы сказал, очень высокий рейтинг, перемешанный, правда, со страхом. И скажу откровенно — я этим пользовался. Когда я говорил, что выполняю поручение Берии, то все это принимали во внимание и мои просьбы выполняли. Потому что знали — это не моя прихоть, а тех, кто стоит за мной.

Поэтому, если говорить о сути, технике дела, то и Маленков и Берия, действительно в этой технике, электроэнергетике практически мало что понимали. Но они, я считаю, исходили из правильного принципа: или держи человека, если ты ему доверяешь, или, если ты ему не доверяешь, и он не соответствует своему назначению, сними его. Я думаю, что в этом отношении их тактика была абсолютно правильная.

Вот, например, приношу я проект постановления Лаврентию Берии. Он тут же спрашивает:

– Ты читал его?

– Читал.

– Расписался?

– Расписался.

– Где расписался?

– На последнем листе.

– Нет, ты на первом распишись, чтобы товарищ Сталин видел. (Берия уже не интересовался — что ты написал, как ты написал.)

– Ты со всеми согласовал?

Я говорю:

– Более или менее со всеми.

– А разногласия остались?

– Остались.

– Большие?

– Небольшие. Может быть...

– Не может быть, — перебивает он меня. — Получит, прочитает и будет выполнять.

Видите, и это все исполнялось. И вот эту часть я бы хотел подчеркнуть. Сейчас выходит тот или иной, пусть очень важный Указ Президента СССР, а как он выполняется! Как тормозится! А возможно было такое отношение или даже намек на подобное отношение тогда, при Сталине, тем более в условиях войны? Конечно, нет. Если выходит решение, оно должно быть выполнено.

И еще одно было условие. Сталин об этом говорил, в том числе и мне говорил: «Если у тебя все так складывается, что ты видишь: выполнить никак не сможешь, — вовремя доложи об этом. А не тогда, когда уже срок выполнения подошел или подходит.»

Микоян. Очень умный армянин, очень порядочный, понимающий человек. Он был долгое время главой Внешторга, т. е. наркомом. Я у него (когда нужно было что-то получить по импорту: машины, краны и т. д.) часто бывал. И он решал вопросы оперативно и безотказно. И не только со мной. Всегда был внимательный, спокойный и выдержанный.

Калинин. Он был олицетворением крестьянской России. Очень добрый, благородный, простой и порядочный. Так же, как и Ворошилов.

Булганин. Фанфарон. Я не знаю, читали ли Вы воспоминания Галины Вишневской? Опубликованы они были в «Огоньке». Она описывает, как Булганин за ней ухаживал. Причем ухаживал довольно настойчиво. Он вызывал к себе ее мужа и говорил ему: «Как ты можешь, такой плюгавый, соответствовать такой красивой женщине?» В общем, гнул свою линию.

Вознесенский. Человек он был сложный, умный, систематизированный. Я наблюдал всегда за его действиями, поведением, особенно на заседаниях Политбюро или правительства.

Чем Вознесенский «забивал» всех остальных? Единственной книжицей, которая всегда была у него в кармане. Небольшая такая книжечка. Какой бы вопрос Сталин не задал, Вознесенский, взяв свою книжицу, давал четкий и ясный ответ.

Никто, ни Маленков, ни Каганович, ни Берия, ни Молотов этого не имели. И он перед Сталиным, который не терпел словоблудия, пустословия, выглядел хорошо и своей аккуратностью, конечно, повышал собственный рейтинг (как сейчас говорят). И с этой точки зрения Вознесенский, по моему мнению, сам являлся системой, именно продуманной системой. Словом, это был человек очень способный, пожалуй, даже незаурядный.

Но наряду с этим у Вознесенского постепенно, в связи с тем, что

▲ Черепетская ГРЭС

▲ Могила Д.Г. Жимерина на Новодевичьем кладбище в Москве

Сталин ему как молодому и как человеку, который все знает, отдавал предпочтение, закружилась голова. Я думаю, что его гибель (не понимаю, как Сталин мог пойти на это) тоже в какой-то степени определялась его амбициозностью.

Я присутствовал на многих заседаниях правительства, Политбюро ЦК, ГКО и видел, что Вознесенский теряет самообладание, какую-то выдержку. Он твердо был убежден, что позиции его очень прочны, что при Сталине он недосягаем. Думаю, что в этом заключалась его роковая ошибка. И, возможно, Вознесенский с его (употреблю непарламентское выражение) сволочным характером, видимо, переоценил свое положение.

Хотя были случаи, когда он должен был бы сделать для себя некоторые выводы. Расскажу Вам о случае, который был у меня с ним. Я написал записку Сталину относительно того, что сооружение гидроэлектростанций нужно планировать не по пятилеткам, а на 15-летний срок. Доказывал всем, что гидроэлектростанции — сложные сооружения и их строительство никак не укладывается в 5-летний срок. А раз не укладывалось, раз срока пуска не было, то капиталовложения для этой цели в данной пятилетке отпускались в минимальном, урезанном объеме. А когда наступала следующая пятилетка, то этот малый объем не давал возможности пустить станцию в действие. И нужно сказать, что Сталин сразу понял это. Ведь и ленинский план ГОЭЛРО был рассчитан на 10–15 лет.

Обсуждается данный вопрос у Сталина. И вдруг на этом заседании выступает Вознесенский с разгромной речью, причем, я бы даже сказал, с подлой речью. Он не рассматривал этот вопрос по существу, не опровергал мои предложения, обоснования, выводы. Он построил свою речь по-другому. Что вот Жимерин ставит своей целью разломить, разрушить стройную систему сталинских пятилеток. Предлагая сооружать электростанции в течение 15-летнего срока, он, мол, подрывает сталинские пятилетки. Такова была программная речь председателя Госплана СССР.

Объяснять Вам мое состояние, полагаю, нет необходимости. Ведь мне фактически были предъявлены политические обвинения с наличием таких формулировок, как «сознательный подрыв сталинских пятилеток», под них, мол, я вроде будто подкладываю бомбу. От всего этого, конечно, в восторг я не пришел.

С другой стороны, я понимал так: если промолчу или займу чисто оборонительную позицию, то, наверное, тогда результат для меня может оказаться весьма плачевным.

Поэтому я решил разговор перенести от чисто практических дел тоже своего рода в политику. Я выступил с очень резкой речью (а Сталин был здесь, молча слушал мой доклад, также молча и выступление

Вознесенского) и с самого начала стал рубить с плеча. Я сказал, что товарищ Вознесенский не понимает особенности строительства гидроэлектростанций. Он, видимо, некомпетентный в этом деле человек. И вместо того чтобы разобраться, как ему положено в качестве председателя Госплана, Николай Алексеевич встал на путь чисто формального обвинения.

Тут уж я решил «или, или», вроде, как терять мне было нечего. И должен сказать, что Сталин, вероятно, все понял, потому что он не остановил Вознесенского, а потом не остановил и меня с моей резкой речью.

А когда окончилась эта перепалка, Сталин спокойно сказал буквально несколько слов. (И начал он не с критики ни меня, ни Вознесенского.) Вот, говорит, товарищ Жимерин внес предложение — 15 лет отвести на сооружение гидроэлектростанций. Я, думаю, он увлекается: 15 лет — это очень длительный срок строительства. Но, с другой стороны, товарищ Жимерин прав: за пять лет крупную гидроэлектростанцию соорудить невозможно. Вот 10 лет, это, наверное, наиболее подходящий срок.

И потом Сталин сказал следующее (что меня особенно поразила его логика). Откуда, говорит, родилась пятилетка? Она родилась как среднее. Для тяжелой промышленности, например, для металлургии, энергетики она мала. Там за 5 лет строить очень трудно. А для легкой промышленности пятилетка велика. Любое предприятие легкой промышленности мы можем и строим за 3 года. Поэтому и был выбран такой средний вариант — 5 лет.

Другими словами, Сталин сразу отвел политические обвинения относительно подрыва пятилеток. А в итоге заявил: наверное, все-таки нам нужно принять решение, чтобы строительство гидроэлектростанций планировать на 10 лет. И такое решение было принято.

Еще несколько слов о Вознесенском. Это был, повторяю, человек умный. Но спрашивается, если он умный, то должен понимать, что речь идет не о строительстве мелкого объекта. Ведь ставится вопрос о сооружении мощных гидроэлектростанций. И почему он, член высшего партийного руководства, председатель Госплана СССР, заместитель главы правительства должен и здесь быть самым знающим, должен обязательно выступить и по морде дать нижестоящему? Непонятно. Во всяком случае для меня.

Итак, Вознесенский являлся сплавом очень знающего, систематизированного человека, безусловно, логически мыслящего. Он мог дать справку по многим вопросам, но имел вот такой склочный характер.

Г. А. Куманев. Как мне рассказывал Яков Ермолаевич Чадаев, Вознесенский был довольно грубым по отношению к подчиненным. По словам Чадаева, иной раз, когда у Вознесенского шли заседания, то стыдно было там находиться. Такие бранные, даже нецензурные слова он употреблял, унижая людей. А Семен Захарович Гинзбург, у которого мы спросили мнение о Вознесенском, сказал что тот был деспотом не только на работе, но и в семье.

Д. Г. Жимерин: Что касается семьи, я ничего не могу сказать, а что касается грубости Вознесенского на работе, то я могу это подтвердить. С подчиненными, включая наркомов, зачастую он был очень невыдержанным.

Вот, когда была критическая ситуация на Урале, когда мне звонили фактически все наркомы, позвонил и Вознесенский, председатель Госплана СССР и заместитель главы правительства. В то время председатель Госплана — это царь и бог. По каким же вопросам он мне звонил и о чем же говорил? Он меня обзывал самыми последними словами, перемежая их такими ярлыками, как «недоносок», «безграмотный», «зеленый». Постепенно от этих эпитетов, от этой грубой брани я просто закалился. (Смех.) В первую очередь именно от Вознесенского.

Но поскольку в то время я не был еще в подчинении у Маленкова или у Берия, все эти грубости я терпеливо выслушивал. А фактически, конечно, Вознесенский, занимая столь высокие должности, должен был спросить: «Слушай. Ты находишься на Урале. Положение тяжелое. Чем тебе помочь?» Вместо этого вот такой стиль общения.

Г. А. Куманев: У меня последний вопрос: выдержала ли испытание в военной обстановке так называемая административно-командная система, как сейчас в средствах массовой информации, в официальных заявлениях предпочитают величать советский строй, советскую систему, Советскую власть?

Д. Г. Жимерин: Я не хамелеон, не перевертыш. Я, конечно, придерживался и буду придерживаться объективной позиции, объективных оценок. Тем более что, несмотря на всю приватизацию, несмотря на все выкрутасы, энергетика пока сохранилась. Сохранилось Министерство энергетики, и отмечено, что энергетика, связь, железные дороги не подлежат растаскиванию по «квартирам» и «углам». Считаю, что такое решение — абсолютно правильное. Ведь то, что происходит, не укладывается в привычные рамки трезвого и дальновидного расчета. Даже Никита Хрущев не рискнул ликвидировать единую энергосистему, хотя ликвидировал министерство, но сохранил госкомитет. Энергетика неделима.

Выдержала ли в годы Великой Отечественной войны испытание, проверку на прочность наша советская система, или, как ее, кажется, первым окрестил Гавриил Попов, «административно-командная система»? Безусловно, выдержала. Об этом красноречиво говорит исход нашего противоборства с фашистским блоком.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. Служебная записка наркома электростанций СССР Д. Г. Жимерина от 31 января 1942 г. начальнику Главцентроэнерго т. Спирину и директору Сталинградского энергокомбината т. Землянскому

«Во исполнение распоряжения СНК СССР № 1606-р от 30/1–42 г. обязываю Главцентроэнерго — т. Спирина и Сталинградский энергокомбинат — т. Землянского обеспечить полное удовлетворение потребности Сталинградского тракторного завода в электроэнергии со Сталинградского энергокомбината.

Настоящим распоряжением СНК СССР обязал Наркомтанкопром обеспечить улучшение работы электростанции Сталинградского тракторного завода, доведя к 5 февраля нагрузку этой электростанции до 18 мгвт».

Нарком электростанций Д. Жимерин

2. Зам. Председателя СНК СССР т. Первухину М. Г.

«В связи с необходимостью провести строительство Уральской, Петропавловской и Чебоксарской временных электростанций в чрезвычайно сжатые сроки и неготовностью технической и сметной документации Наркомат электростанций просит разрешить вести строительство этих ВЭС без проектов и смет, распространив на них действие постановления Совнаркома за № 8043 — от 25 августа 1941 г.».

Нарком электростанций 27. 02. 42 г. Д. Жимерин

3. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 4 мая 1942 г. «О плане производства металлов на май 1942 года».

«... 6. Отметить, что НКЭлектростанций (т. Жимерин) не выполнил постановлений ГКО от 8 марта 1942 г. № 1355сс и от 4 апреля 1942 г. № 1536сс в части бесперебойного снабжения электроэнергией предприятий НКЧермета и НКЦветмета по системе Уралэнерго.

Установить на май 1942 г. лимит электроэнергии по системе Уралэнерго:

а) предприятия НКЧермета — 255 мгвт

б) предприятия НКЦветмета — 250 мгвт...»

Председатель ГКО И. СТАЛИН

4. Служебная записка наркома электростанций СССР Д. Г. Жимерина от 8 мая 1943 г. управляющему Казэнерго Мухитдинову

«Указываю Вам на недисциплинированность в выполнении распоряжения НКЭс о даче объяснений самовольного изменения Вами лимитов электроэнергии, утвержденных ГКО на март месяц.

Разъясняю Вам, что при наличии лимитов, утвержденных ГКО, районные управления или местные партийные и советские организации не имеют право самовольно, без указания ГКО, изменить эти лимиты.

Ваши объяснения, вместо признания совершенной ошибки и обязательства не допускать ее в дальнейшем, преследуют цель замазать эту ошибку и найти оправдательные мотивы для Вашей недисциплинированности.

Примите меры к недопущению в будущем подобных действий. Предупреждаю, что за повторение недисциплинированности Вы будете наказаны».

Нарком электростанций Д. Жимерин.

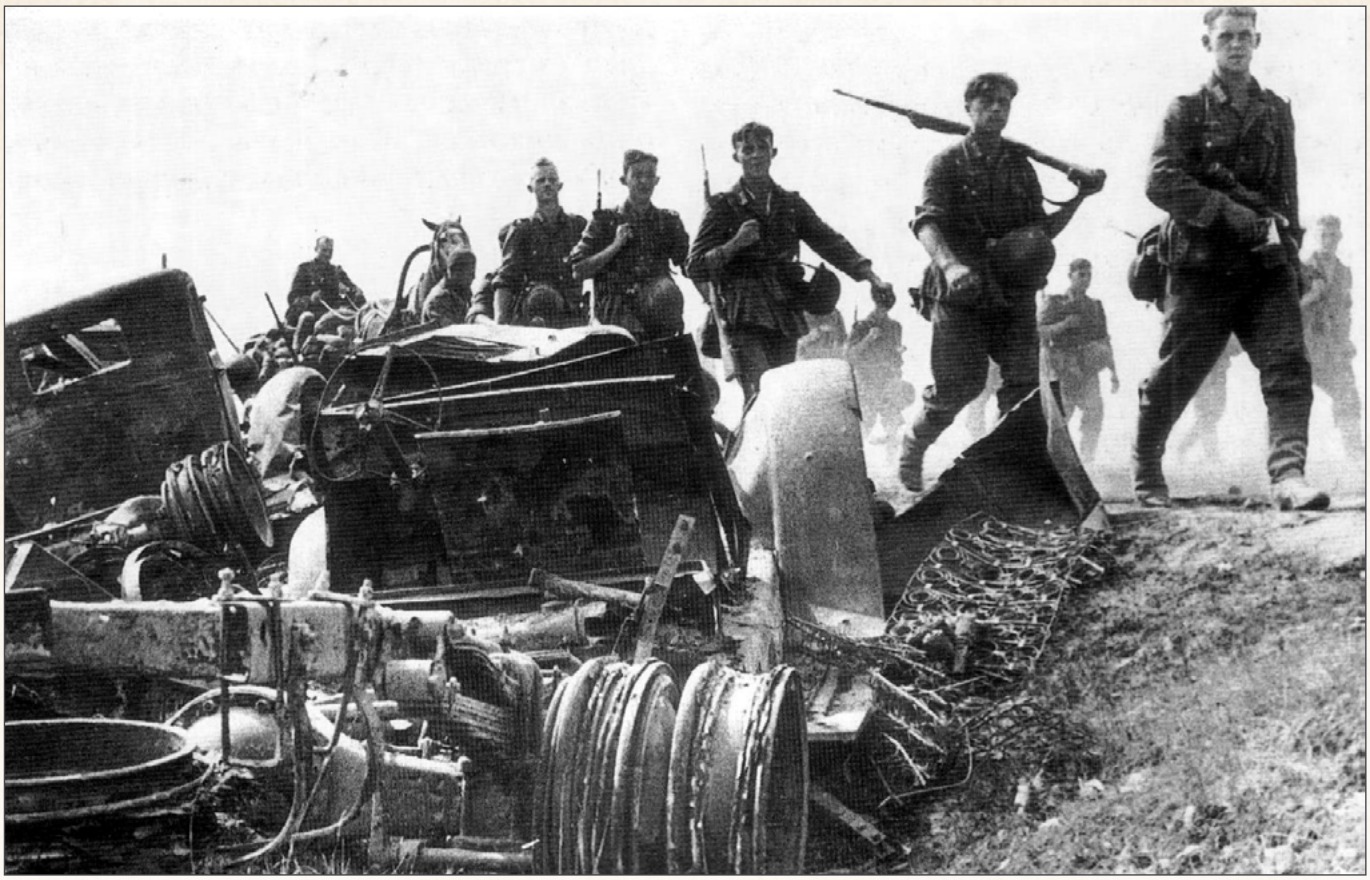
5. Председателю Государственного Комитета Обороны товарищу И. В. Сталину

«Докладываю Вам, что 2 августа с. г. в 10 ч. 35 м. на Зуевской РЭС Донбасэнерго по окончании аварийного ремонта включен в работу турбогенератор № 5 мощностью 50 мгвт и полностью сняты ограничения промышленности Донбасса. Ремонт турбины № 5 Зуевской РЭС окончен на 6 дней раньше установленного срока.

НКЭС Д. Жимерин, 3 августа 1944 г.

Н.Ф. ЧЕРВОВ

КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО И ... НАДЕЖДЫ



ПОМЫСЛЫ ГИТЛЕРА О РОССИИ

Есть события, не стирающиеся в человеческой памяти. К ним относится Великая Отечественная война. Мировая история не знает таких чудовищных преступлений, которые творили гитлеровцы на советской Земле. Они превратили в руины тысячи наших городов и деревень. Убивали и истязали миллионы людей, не щадя детей, женщин, стариков. Звериная жестокость германских фашистов описана с доскональной достоверностью в актах Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний, захватчиков и доведена до сведения всего мира.

Война между Фашистской Германией и её союзниками против Советского Союза носила особый характер. Гитлеровцы поставили задачу не только захватить нашу территорию, но и уничтожить первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, ликвидировать социалистический общественный строй. Москва, Ленинград, Киев и другие крупные города должны быть взорваны, стерты с лица земли и затоплены. Ненависть к стране социализма, разграбление и захватнические устремления территории, кровавая сущность фашизма слились воедино в политике, стратегии и методах ведения войны. Совершилось преступление с заранее обдуманным намерением. Документальным свидетельством сказанного является «Дневник Гальдера», в котором изложены основные помыслы Гитлера о России при разработке плана «Барбаросса». Первое задание составить «план операции на Востоке» Гитлер дал ещё весной 1940 г., то есть до нападения на Францию, и примерно через полгода после подписа-

Н. Ф. Червов (1922–2013), генерал-полковник, участник Великой Отечественной войны с ноября 1941 по май 1945 гг. Прошел путь от командира стрелкового отделения до командира стрелкового батальона. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба. С 1969 по 1990 гг. проходил службу в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР. С 1979 г. начальник Договорно-правового управления Генерального штаба. Участвовал в разработке позиций по вопросам ограничения и сокращения вооружений, обеспечения безопасности. Кандидат военных наук, доцент. Автор трудов по истории военного искусства, истории международных отношений и др.

ния советско-германского договора о ненападении. Можно сказать, что захват Франции Гитлер рассматривал как прелюдию к гигантской битве за покорение Советского Союза.

30 июня 1940 г., то есть через неделю после капитуляции Франции, заместитель министра иностранных дел Вейцзеккер сообщил Гальдеру, что фюрер обратил свои воры на Восток. 3 июля 1940 г. в разговоре с офицерами генштаба Гальдер отметил, что «восточная проблема» стала главенствующей с точки зрения стратегического планирования. Основным содержанием её, т. е. восточной проблемы, является: как нанести решающий удар России, чтобы заставить её признать господствующую роль Германии в Европе. Через 2-3 недели была сделана первая наметка «оперативного плана» нападения на СССР.

22 июля 1940 г. об «оперативной наметке» доложили Гитлеру. В дневнике записано: «Русская проблема будет разрешена в наступлении». 29 июля начальник штаба оперативного руководства вермахта Йодль на совещании сообщил, что Гитлер хочет начать операции против России в мае 1941 г. Йодль приказал своему штабу разработать проект приказа фюрера о передислокации войск и о создании плацдарма для нападения на СССР в западной Польше.

1 августа 1940 г. Гитлер на совещании в ставке перед фашистским генералитетом заявил: *«Если Россия будет разбита, у Англии пропадет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: на основании этого Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года».* Тогда же летом 1940 г. началась передислокация войск и реализация «идеи плана стягивания сил на Востоке для операции «Барбаросса» («приказа № 21, изданного 18 декабря 1940 г.»). Фактически, решив начать агрессию против СССР, Гитлер продолжал политику, согласно которой война на Западе была для него лишь эпизод превращения европейских народов в рабство.

Уже перед самой войной с Советским Союзом Гитлер сформулировал своим генералам цели восточной компании: *«Разбить армию, уничтожить государство. Это будет война на уничтожение. Я хочу расчленить Россию на несколько государств, а главное, истребить большевистских комиссаров и коммунистическую интеллигенцию. Россия будет сломлена и она никогда больше не поднимется». (Дневник Гальдера, 30.3.41 г.)*

При подписании 18 декабря плана «Барбаросса» Гитлер сказал ближайшему окружению: *«Правы мы или не правы, мы должны победить, иначе весь наш народ и мы во главе всего того, что нам дорого, будем уничтожены. Итак, за дело!» («Сборник документов ОГБ», том 2, книга 1, стр.24).*

Другим документальным свидетельством о помыслах Гитлера в войне с Советским Союзом является письмо фюрера Муссолини 21 июня 1941 года:

«Дуче!

...тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не в праве больше терпеть положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России...дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или следующем году к гибельным последствиям.

Положение в самой Англии плохое, снабжение продовольствием и сырьем постоянно ухудшается. Воля к борьбе, в сущности говоря, питается только надеждами. Эти надежды основываются исключительно на двух факторах: России и Америке. Устранить Америку у нас нет возможностей. Но исключить Россию — это в нашей власти. Ликвидация России одновременно будет означать громадное облегчение положения Японии в Восточной Азии и тем самым создаст возможность намного затруднить действия американцев с помощью японского вмешательства.

▲ Муссолини

▲ Гитлер

Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определенно будет тяжелой. Но я ни на секунду не сомневаюсь в крупном успехе. В результате нам удастся обеспечить на длительное время на Украине общую продовольственную базу. Вполне допустимо, что Россия попытается разрушить румынские нефтяные источники. Мы создали оборону, которая, я надеюсь, сохранит нас от этого.

Дуче, лишь сейчас направляю это послание, то только потому, что окончательное решение будет принято только сегодня в 7 часов вечера. Поэтому я прошу Вас сердечно никого не информировать об этом, особенно Вашего посла в Москве, так как нет абсолютной уверенности в том, что наши закодированные донесения не могут быть расшифрованы.

Хотел бы Вам сказать ещё одно. Сотрудничество с Советским Союзом часто сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени.

С сердечным приветом

Его высочеству, главе итальянского правительства Бенито Муссолини, Рим».

Муссолини, извещенный Гитлером о предстоящем нападении Германии на Советский Союз, принял решение объявить войну СССР. Итальянскому послу в Берлине было поручено срочно донести до сведения германского правительства, что в соответствии со «стальным пакетом» Италия считает себя в состоянии войны с СССР с 3 часов утра 22 июня 1941 г. на советско-германский фронт был направлен итальянский экспедиционный корпус, преобразованный в 1942 г. в армию, которая была разгромлена советскими войсками зимой 1942-1943 гг. на Среднем Дону. (Упомянутое соч. т. 2, кн. 1.сс. 583).

Гитлер откровенно говорил, что немцам нужна Россия с её неисчерпаемыми ресурсами; Украина, изобильная хлебом и углем; нефть Кавказа; металл Урала. Причем такое стремление владело не только фюрером, не только его маршалами и генералами, — оно владело каждым немецким солдатом и офицером. Поэтому, — твердил фюрер, — предстоит кровопролитная и беспощадная война.

Для осуществления плана «Барбаросса» фашистская Германия выделила против Советского Союза крупные вооруженные силы, насчитывающие 5,5 млн. солдат и офицеров, около 4300 танков, 5 тыс. боевых самолетов, свыше 50 тысяч полевых орудий и минометов. В целом, немцы превосходили наши войска более чем в два раза. Превосходство немцев на направлениях их главных ударов было шести — восьмикратным.

Интересам Германии, по существу, была подчинена экономика почти всех стран Европы, включая нейтральные страны. Следовательно, на реализацию плана «Барбаросса» фашистская Германия фактически бросила ресурсы почти всех европейских государств, как своих прямых союзников, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, население которых превышало 300 миллионов человек. (История второй мировой войны 1939-1945. М. 1974. Т. 3, стр. 255).

В беседе с генерал фельдмаршалом К. Рундштедтом (июнь 1940 г.) Гитлер сформулировал *«основную задачу своей жизни — рассчитаться с большевизмом, навсегда покончить с большевистской Россией».* Для этого план «Барбаросса» будет дополнен планом «Ост» —

программа колонизации славян, беспощадная германизация жизненного пространства на Востоке.

Генеральный план «Ост» предусматривал ужасающие подробности «онемечивания, а точнее говоря, физического уничтожения миллионов советских граждан или же выселения их в далекие восточные области, в другие страны.

«…заселить территорию России, по крайней мере, ста миллионами людей германской расы… Выслать в Сибирь 65 процентов украинцев. Выселить с занимаемой территории 75 процентов белорусов, а 25 процентов белорусов подлежат онемечиванию. В Белоруссии вообще не должно оставаться белорусов. Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их».

Согласно «Приказу № 32», опубликованному в полном собрании военных распоряжений Гитлера, восточная военная компания должна была закончиться за шесть недель разгромом Советского Союза. Эта идея Гитлера легла в основу всех военно-стратегических планов, всего перспективного планирования. Гитлеровский «блицкриг», по мнению фюрера, должен обеспечить победу в войне, благодаря своим следующим предложениям:

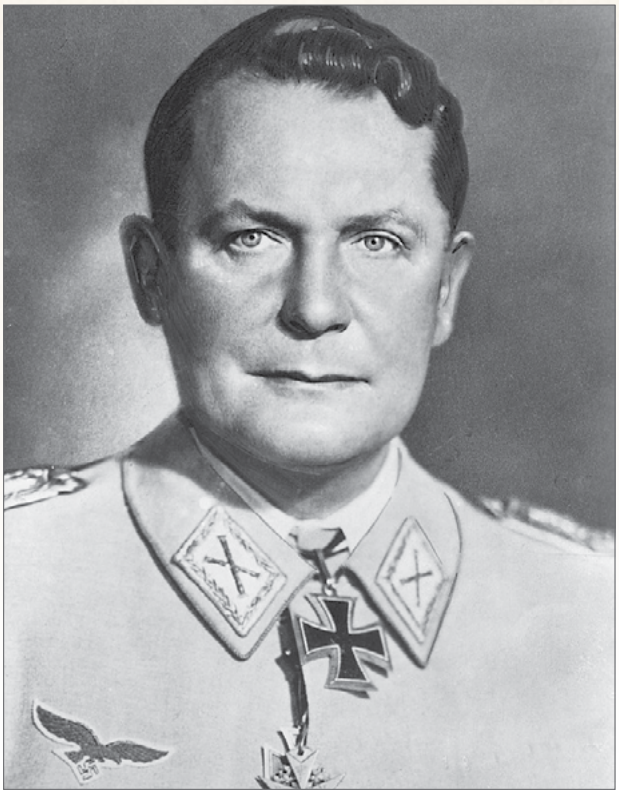
- значительному упреждению перевода экономики Германии на производство новейшего вооружения и боевой техники. Кроме того, германский вермахт захватил и пополнился вооружением и техникой более 200 разгромленных дивизий капиталистических стран Европы;
- расчету на полную политическую изоляцию СССР, отсутствие экономической и военной помощи со стороны западных держав в силу их антисоветской политики;
- непрочности социалистического строя Советского государства, междоусобной борьбы советских народов и наций, дезорганизации и крушению госаппарата;
- низкой боеготовности РККА, отсутствия у военных кадров опыта ведения современной войны.

«Это — колосс на глиняных ногах и к тому же без головы». (Заявление Гитлера перед генералитетом).

Но когда на картах стрелы немцев стали приближаться к русскому порогу, настроение фюрера менялось. Выход танковых клиньев вовнутрь русских земель и встреча с русским духом стала настораживать. ***«Хотя РККА, — колосс без головы, предвидеть её действия невозможно. Красную Армию можно разгромить только тогда, когда будет одним ударом разрушено управление государства».***

Поэтому с точки зрения общего стратегического планирования главное внимание возлагалось на силу и мощь армии, молниеносные воздушные, танковые и артиллерийские удары, глубокие рассекающие клинья, а также со стороны штабов и войск — необходимые меры.

В частности, тщательную подготовку оперативно-стратегических планов и группировок к проведению первых операций; огромный опыт ведения современной войны



▲ Геринг

▲ Гальдер

командным составом; значительное превосходство новой военной техники и вооружения; продуманную систему мероприятий по управлению войсками, по маскировке военного вторжения и обеспечению разгрома первого стратегического эшелона Красной Армии. Все эти реальные факты гарантировали немцам крупные преимущества и они не сомневались в своей силе, были уверены в победоносном исходе грандиозного поединка фашистской Германии с Советской Россией. Не было сомнений на этот счет и у большинства осведомленных людей на Западе. Капиталистический мир не сомневался в том, что фашистская Германия, имея за собой потенциал всей Центральной и Западной Европы, быстро решит задачу и сокрушит Россию.

Такой же точки зрения придерживались американцы и англо-французы. Крупные американские промышленные монополии были заинтересованы в том, чтобы в Европе возникла война, в ходе которой путем военных поставок можно было бы получить огромные прибыли и добиться ослабления ведущих европейских конкурентов.

▲ Рузвельт

Американские представители в Европе поддерживали англо-французские взгляды о направлении Германской агрессии против Советского Союза. Например, посол США в Лондоне Дж. Кеннеди был убежден и не скрывал свои мысли, что поляков следует бросить на произвол судьбы и дать Гитлеру возможность осуществить свои планы на Востоке. Посол США в Берлине Г. Вильсон также считал наилучшим вариантом нападение Германии на Россию с молчаливого согласия западных держав «и даже с их одобрения». («Правда». 29 декабря 1989 г.). Американский посол в Москве Дэвис сообщал секретарю президента Фр. Рузвельта: ***«...создается впечатление, что демократические страны Европы преднамеренно помогают фашистам в их попытках полностью изолировать эту великую державу*** (Советский Союз — Н. Ч.) ***от остального мира и в особенности от Франции и Англии. Печально. Но факт».***

Стремясь направить фашистскую Германию на Восток, Англия и Франция отвергали все предложения Советского Союза, направленные на создание системы коллективной безопасности в Европе и обуздание Германской агрессии. Особенно наглядно это проявилось на советско-англо-французских переговорах в июле-августе 1939 года.

На этих переговорах Англия и Франция не собирались идти на какие-то серьезные соглашения с Советским Союзом и преследовали в основном свои цели:

1) оказать давление на Германию, сделать ее более уступчивой на переговорах с западными странами;

2) не допустить нормализации советско-германских отношений, направить фашистскую агрессию на Восток;

3) путем переговоров успокоить общественное мнение, взбудораженное нацистами в Европе.

Такая двуликая политика «западной демократии» привела Францию и ряд других европейских стран к сокрушительному поражению и национальной катастрофе. В этой связи и Россия оказалась в крайне опасном положении непосредственной угрозы войны.

В обстановке надвигающейся угрозы Советское государство бросило все силы на укрепление обороны страны, усиление Красной Армии, мобилизацию и создание стратегических резервов. Понимая всю опасность для России, мы не могли вести в то время другую политику, чем ту, которую вели. Война была неизбежной.

Один из наших источников силы при подготовке к войне заключался в высокой степени централизма

государственной системы Советского Союза. Конечно, нельзя сказать, что в фашистской Германии не было сильной власти. Но уровень организованности в СССР оказался выше. Руководство государства сумело обеспечить четкое управление обществом, экономикой, сохранить единство страны, обеспечить строжайшую дисциплину в обществе, слаженное функционирование властных структур. В результате помыслы Гитлера о порабощении народов СССР рассеялись как дым.

Только благодаря огромным усилиям советского народа был заложен прочный фундамент для победоносного ведения Советским Союзом Великой Отечественной войны против объединенных государств фашистского блока. Хотя противник сумел упредить нас в развертывании военного производства и в ряде других вопросов (из-за наших ошибок и просчетов) Коммунистическая партия, Ставка Главного Командования и Государственный Комитет Обороны смогли сделать максимум возможного — с началом войны в короткие сроки перевооружить и реорганизовать армию и флот, поднять моральный дух народа, создать стратегические резервы, военную экономику и необходимые условия для отпора агрессии в кровопролитной борьбе. Уже под Москвой начался закат немецкого Вермахта.

За два года войны мы преодолели кризис начального периода войны, усилили боевую мощь государства, в кровавых сражениях получили боевой опыт, научились воевать, и тактике, и оперативному искусству. Во внешней политике сумели предотвратить создание единого антисоветского фронта, вывели Советский Союз из политической изоляции на международной арене, организовали и возглавили антигитлеровскую коалицию союзников. Но это была только половина. Как решить малыми жертвами другую половину?

Для того чтобы объективно оценить помыслы Гитлера и планы германского фашизма, опасность нацизма для миллионов людей, надо отрешиться от односторонних пропагандистских представлений военного времени относительно Гитлера и его сподвижников («бесноватый фюрер», «жирная свинья Геринг», «колченогий Геббельс»). Во время войны их так и следовало называть, ибо прозвища не могли не вызывать отвращения.

Но было бы ошибочно забывать истинный облик главарей фашизма. Гитлер всего за 8 лет пребывания у власти преобразовал Германию и завоевал почти всю Европу и не только, собрал в один кулак всю её экономическую и политическую мощь. Германские вооруженные силы стали лучшими в мире и не знали поражений. Военно-Воздушные Силы под руководством Геринга не имели себе равных по эффективности. Пропагандистская машина Геббельса работала днем и ночью, превращая многие массы людей в послушных исполнителей нацистских планов.

Через полтора года пребывания Гитлера на посту канцлера Германии Сталин получил от начальника своей стратегической разведки деловую характеристику фюрера.

«Гитлер обладает большой силой воли и незаурядным умом. Фактический диктатор Германии, которой управляет единолично с хладнокровной жестокостью.

Приход Гитлера к власти организован мировыми империалистическими кругами (преимущественно американо-английским империализмом), рассчитываю-

щими руками фашистской Германии разделаться с Советским Союзом. Большим и опасным для мира личным недостатком Гитлера является его явная болезненная уверенность в собственной гениальности и якобы присущей ему сверхъестественной интуиции. При этом не может анализировать реальную действительность, — видит лишь то, что хотел бы видеть.

Подавляющее большинство немцев под влиянием умело организованной пропаганды фанатично идет за Гитлером. Главные лозунги немецких нацистов: «Один рейх — один фюрер», «Да здравствует победа», «Умереть за фюрера — высшее призвание немцев».

Гитлер все свободное время отдает чтению. Читает быстро, много и основательно. В книге «Майн кампф» Гитлер пишет: «Искусство чтения, так же как и сам процесс обучения, состоит в следующем: запомнить главное и забыть все лишнее». Для наиболее полной характеристики Гитлера как личности может служить следующее его высказывание: «Земля, как переходящий Кубок, стремится попасть в руки сильнейшего. Вот уже многие тысячелетия идет непрерывная борьба». А. Лавров 16 августа 1934 г.»

Досье №4 (17), 23.01.2003 г.

Через пять месяцев после того, как Гитлер стал рейхсканцлером, Англия, Франция и США тайно заговорили о снятии с Германии всяких ограничений в вооружениях. Туда сразу же хлынул денежный поток этих стран.

14 марта 1933 г. Гитлер объявил о выходе из Лиги Наций, а на другой день издал приказ о перевооружении Германии; затем объявил односторонний отказ от военных и внешнеполитических ограничений по Версальскому договору и о создании вермахта и ввел в стране воинскую повинность (1935 г.).

По Версальскому договору Германия имела право иметь всего лишь 100-тысячную армию, формируемую на основе добровольности. Ей не разрешалось создавать свои ВВС, подводный флот, генштаб и военные академии, а ВМС могли состоять из строго ограниченного количества кораблей лимитирующего тоннажа.

Германия встала на путь агрессии. 7 марта 1936 г. германские войска вступили в Рейнскую область и т. д. Весной 1941 г. вермахт был в зените военного совершенства. Куда направится эта машина?

Суровый час нашей страны произошел на рассвете 22 июня 1941 года, самого трагического дня российской истории. Нападение фашистской Германии на СССР явилось беспримерно вероломным в истории цивилизации, так как германское правительство не могло даже предъявить Советскому Союзу ни одной претензии о невыполнении договора о ненападении.

Война началась в условиях, неблагоприятных для Советского Союза. Не в состоянии развернуться на рубежах вражеского нападения, советские приграничные войска оказались в угрожаемом положении и не смогли выполнить возложенные на них задачи. Вспоминая о тех днях лета 1941 г., в людской памяти участников боев постоянно возникает вопрос: что это было — поражение и катастрофа или жестокий пролог к Победе? Разные можно слышать ответы на эти вопросы. Однако туман начинает рассеиваться с 21 и 22 июня 1941 года.

ПОЧЕМУ МЫ ПОТЕРПЕЛИ ЖЕСТОКОЕ ПОРАЖЕНИЕ В САМОМ НАЧАЛЕ ВОЙНЫ?

Критический анализ нашей катастрофы в самом начале войны, построенный на нешаблонных оценках происходящего, позволяет впервые рассеять туман, который до сих пор окутывает истинные причины поражений Красной Армии летом 41-го, объяснить наши провалы и неудачи. Одновременно показать в единой цепи сложнейших событий полити-

▲ Сталин

▲ Кирпонос М.П.

▲ Павлов Д.Г.

ческую прозорливость и принципиальность Советского руководства в ходе войны.

Безусловно, в этом плане особый интерес представляют нестандартные версии о том, почему Советский Союз, зная о неизбежности войны с фашистской Германией, оказался недостаточно подготовленным и был на грани поражения, а немцы оказались под Москвой? Где кроятся глубинные причины наших просчетов и ошибок?

По оценке отечественных историков и многих военачальников — авторов мемуарной литературы, в числе основных причин неудач обычно называются: внезапность нападения фашистской Германии на Советский Союз; запоздалое отмобилизование, стратегическое сосредоточение и развертывание Вооруженных Сил; несвоевременное приведение в полную боевую готовность войск приграничных военных округов; недооценка сил противника и переоценка возможностей Красной Армии и др. причем все эти просчеты связывают с именем Сталина и его диктаторским единовластием. Такие просчеты, конечно, были. Их много раз признавал сам Сталин накануне и в ходе войны, в 45-м, когда говорил, что ***«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения...»*** Но являются ли эти просчеты решающими в трагическом начале войны?

Нет, не являются, они не выдержали испытание временем. Главные причины наших неудач в самом начале войны кроются в другом, что подтверждается фактами, документами. Назовем в этой связи свои версии, свои оценки, выводы и аргументы:

Миф о «внезапности нападения» не очень убедительно объясняется в основном в военной литературе, чтобы оправдать наши просчеты в подготовке войск и армии в целом вероломством противника. Фактически не было внезапности нападения фашистской Германии на Советский Союз — ни политический, ни военно-стратегической. Мы знали и о неизбежности войны, и о времени нападения. 5 мая 1941 г. Сталин, выступая в Кремле на приеме выпускников военных академий, сказал, что война с Германией начнется ***«вскоре»,*** что она неизбежна, и ***«если Молотов и его аппарат наркомата иностранных дел сумеют оттянуть начало войны на два-три месяца — это наше счастье»***. В конце мая 41-го на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП (б), то есть менее чем за месяц до войны, Сталин предупреждал: ***«Обстановка обостряется с каждым днем. Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. От таких авантюристов, как гитлеровская клика, все можно ожидать, тем более нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии»***.

Сказано четко и ясно. Всякие другие суждения (будет — не будет нападение) теряют смысл. Оба заявления Сталина основывались на многочисленных данных советской разведки и других источников, где назывались противоречивые, но конкретные дни нападения. Эти разведанные неоднократно публиковались в печати. В связи с приближением войны в Центре и на местах были приняты соответствующие меры на случай

внезапного нападения. Что конкретно было сделано на этот счет?

Сразу же после кремлевской речи Сталина, т.е. после 5 мая, Тимошенко и Жуков дали приказ западным приграничным военным округам подготовить планы отражения гитлеровских ударов («Планы обороны государственной границы»)[1]. Окружные планы были представлены в Генеральный штаб 10-20 июня 1941 г.

С середины мая 1941 г. из глубины страны на запад выдвигались семь общевойсковых армий: 16,19,20,21,22,24,28 (всего 28 дивизий). Это было начало выполнения плана сосредоточения и развертывания стратегических резервов на западном направлении.

14 мая командующему ЗапОВО генералу армии Д. Г. Павлову было направлено распоряжение № 503859/СС/Ов, написанное от руки генерал-майором А. Василевским в двух экземплярах. В нем было приказано: к 20 мая 1941 г. разработать детальный план обороны госграницы; детальный план противоздушной обороны. Ставились задачи на оборону — не допустить вторжения... Предусмотреть нанесения контрударов механизированными корпусами... подготовить тыловые рубежи на всю глубину обороны, включая реку Березина. На случай вынужденного отхода разработать план... Иметь план подъема войск по тревоге. Подписи: Тимошенко, Жуков.

В мае западным округам было приказано в срочном порядке строить полевые фронтовые (армейские) командные пункты и 19 июня вывести на них фронтовые (армейские) управления ПриОВО, ЗапОВО, КОВО. Управление Одесского округа добилось такого разрешения ранее.

К началу июня 1941 г. на учебные сборы призвано из запаса 800 тысяч человек (кроме того, скрытно было призвано ещё 300 тыс., чел.), и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов. 14 мая был проведен досрочный выпуск курсантов военных училищ.

В мае командирование КОВО получило оперативную директиву из Москвы, которая определяла задачи войск округа на случай внезапного нападения Германии. Задачи ставились конкретные: выявить сосредоточение войск противника, группировку его сил; быть готовыми упорной обороной надежно прикрыть мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа; спешно подготовить в 30-35 километрах к передислокации на полевые аэродромы.

18 июня 1941 г. приграничные военные округа получили из Москвы указания о приведении войск в боевую готовность. Подтверждением этого являются следующие факты и документы:

«Приказ Командующего Прибалтийским Особым военным округом № 00229 от 18 июня 1941 г. управлению и войскам округа о проведении мероприятий с целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа». Сов. Секретно, особой важности[2].

Согласно этому приказу все войска приводились в боевую готовность и к 21 июня занимали свои исходные районы (районы сосредоточения). Приказ подписали: командующий генерал-полковник Кузнецов, член Военного совета корпусной генерал Диброва П. А., начальник штаба генерал-полковник Кленов.

Примером практического выполнения указанного приказа являются действия 28 тд. В полдень 18 июня в 28 танковую дивизию (командир-полковник И. Д. Черняховский) был доставлен нарочным пакет «Особой важности». Командир 12 мехкорпуса генерал-майор Н. М. Шестопалов требовал привести дивизию в полную боевую готовность и в 23.00 выступить с зимних квартир (г. Рига) в район сосредоточения Груджяй, Мешкуйчяй, Буйвони — в 15-20 км. севернее г. Шяуляй.

Через 1,5 часа штаб дивизии разослал в войска приказ: «Части дивизии приводить в боевую готовность в соответствии с планом поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Всю работу провести быстро, но без шума, без паники и болтливости, имея положенные нормы носимых и возимых запасов продовольствия, горюче-смазочных материалов, боеприпасов и остальных видов военно-технического обеспечения. С собой брать только необходимое для жизни и боя». (Архив МО СССР, ф.28 тд., оп. 3834, д.2. л.1).

К утру 20 июня 28 тд сосредоточилась в указанном районе — в 130 км от госграницы с Восточной Пруссией. Состав дивизии — 9300 чел., 250 боевых танков Т-26 и БТ — 7. За два ночных перехода 28 тд совершила марш 220 км. Утром 23 июня дивизия Черняховского нанесла удар по вклинившемуся противнику в направлении Таураге.

Генерал армии М. А. Пуркаев (бывший начальник штаба Киевского Особого военного округа): *«13 или 14 июня я внес предложение вывести стрелковые дивизии на рубеж Владимир-Волынского укрепрайона, не имеющего в оборонительных сооружениях вооружения. Военный совет округа принял эти соображения и дал соответствующие указания командующему 5-й армией.*

Однако на следующее утро генерал-полковник М. П. Кирпонос в присутствии члена военного совета обвинил меня в том, что я хочу спровоцировать войну. Тут же из кабинета я позвонил начальнику Генерального штаба и доложил принятое решение. Г. К. Жуков приказал выводить войска на рубеж Ура, соблюдая меры маскировки».

И. Х. Баграмян: *«15 июня мы получили приказ (из Москвы — авт.) начать с 17 июня выдвижение всех пяти стрелковых корпусов второго эшелона к границе. У нас уже все было подготовлено к этому: мы ещё в начале мая по распоряжению*

[1] Планы прикрытия государственной границы в военных округах имелись, но они не были утверждены Москвой (И. Х. Баграмян. «Так начиналась война». стр. 61).

[2] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. Москва, 1957 г.

Москвы провели значительную работу — заготовили директивы корпусам, провели рекогносцировку маршрутов движения и районов сосредоточения. Теперь оставалось лишь дать команду исполнителям. Мы не замедлили это сделать». («Так начиналась война». Воениздат, М. 1977. Стр. 76-77).

Маршал Советского Союза М. В. Захаров бывший начальник штаба Одесского военного округа: *«...Приказом НКО от 19 июня войскам предписывалось замаскировать аэродромы, боевые и транспортные машины, склады, парки и базы, а также сосредоточить самолеты на аэродромах. Флоты и флотилии должны были повысить боевую готовность и усилить карабельные дозоры... По настоятельной просьбе Военного совета ОдВО личным распоряжением начальника Генерального штаба Г.К. Жукова от 14 июня Одесскому военному округу согласно мобплану разрешалось «выделить армейское управление и 21.6. 1941г. ввести его в Тирасполь...»*

Генерал-полковник Л. М. Сандалов (бывший начальник штаба 4-й армии Западного военного округа): *«...в то время, как приграничные армии не принимали никаких мер по приведению войск в боевую готовность, стрелковые корпуса, дислоцированные в восточных областях Белоруссии, по указанию Генерального штаба 18-21 июня начали выдвижение походным порядком и по железной дороге ближе к границе».* В ЗАПВО боевые самолеты оказались не рассредоточенными, не замаскированными на стационарных аэродромах. Приказ НКО от 19 июня выполнен не был. Более того, распоряжением командующего ЗапВО с боевых самолетов были сняты оружие и боеприпасы. Этого ни понять, ни оправдать никак нельзя. В большинстве соединений и частей не хватало оружия, боеприпасов, горючего, в то время как фронтовые и армейские склады ломились от боеприпасов, а в хранилищах ГСМ были закачены миллионы тонн горючки.

Таким образом, документы и факты, касающиеся западных приграничных военных округов, подтверждают непреложную истину о том, что указания Генерального штаба о приведении войск в боевую готовность были направлены в округа 18 июня 1941 г., а не в 00.30 22 июня, как об этом пишут некоторые историки и военачальники в своих мемуарах.

Что касается телеграммы Генерального штаба, направленной в войска в ночь на 22 июня, то она лишь подтверждает сказанное. В ней говорится:

«1. В течение 22-23. 6. 41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОДВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников». Такова преамбула.

▲ Пуркаев М.А.

▲ Шестопалов Н.М.

▲ Захаров М.В.

▲ Сандалов Л.М.

В приказной части (пункт 3) указано: скрытно занять огневые точки Уров, рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, войска держать рассредоточено и замаскировано, других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Подписи: Тимошенко. Жуков. 22.6. 41 г.

Эту телеграмму Г. К. Жуков назвал в «Воспоминаниях...» директивой. Однако таковой ее назвать нельзя ни по содержанию, ни по форме, потому что в ней лишь подтверждается то, что войскам военных округов уже было указано Генеральным штабом от 18 и 19 июня 1941 г.: продолжать «быть в готовности»; выдвигаться из мест постоянной дислокации в те районы, где они должны вести бой (об этом говорится в указаниях от 18 июня); рассредоточить авиацию (об этом была специальная директива от 19 июня).

В «ночной» телеграмме ничего не говорится о вскрытии секретных пакетов для подъема войск по боевой тревоге. Почему? Потому что приказ об этом был отдан военным округам ранее — 18 июня, за четыре дня до начала войны. А главное предназначение «ночной» телеграммы — «не поддаваться ни на какие провокационные действия».

Все сказанное выше дает основание утверждать, что предусмотренные НКО и Генштабом с разрешения т.н. «политики» мероприятия по приведению западных округов в боевую готовность свидетельствуют о то, что для войск приграничных фронтов (флотов) нападение гитлеровцев не было внезапным. Все они (кроме Западного фронта) успели привести в исполнение соответствующие меры и 22 июня встретили вторжение противника организованным сопротивлением. Да и о какой «внезапности нападения» можно говорить, если уже 21 июня приграничные военные округа решением Политбюро были преобразованы во фронты? Если 18 июня военные округа получили из Центра распоряжение о приведение войск в боевую готовность и приступили к реализации соответствующих мероприятий?

Мне могут возразить, что приведение армий прикрытий в боевую готовность следовало бы начать раньше, не спеша. Однако этого делать было нельзя. Агрессивные западные государства, прежде всего фашистская Германия, оценили бы такие действия, как непосредственную подготовку к развязыванию войны и объявили на весь мир СССР агрессором. А Германия начала бы войну намного раньше под предлогом отражения советской агрессии, что для нас было невыгодно, так как в оперативном построении советских армий прикрытия все равно бы ничего не изменилось. Поэтому названные выше меры осуществлялись нашей страной в оптимальные сроки и в мирное время.

Что касается «внезапности нападения» Германии на Советский Союз, о которой так много говорится в исторической литературе, как об одной из главных причин нашего поражения в самом начале войны, то она трактуется и понимается неправильно. Маршал Г. К. Жуков: ***«Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не про-***

сто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе ещё ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалась внезапной ударная мощь немецкой армии; для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого войны. А не только и не просто внезапный переход границы». (Маршал Жуков. Каким мы его помним. М. 1988. Стр. 104).

В указанной формулировке Г.К. Жуков, правильно излагает суть «внезапности нападения», вместе с тем он констатирует лишь сам факт ошеломленности и связывает с ней наши потери. А почему такое произошло? Имелась ли возможность не допустить подобной внезапности? Об этом маршал не счел необходимым высказать свое мнение, хотя именно в ответе на эти вопросы кроется глубинная причина нашей трагедии в самом начале войны, о чем будет сказано ниже.

Приведу ещё один пример так называемой «ошибки» Сталина, которую, по мнению маршалов Г.К. Жукова и А.М. Василевского, он допустил при оценке направления главного удара противника, что явилось, дескать, одной из важных причин наших неудач в первые дни войны.

▲ Василевский А.М.

Как пишет в своих мемуарах Г. Жуков, в оперативном плане 1940 г. наиболее опасное направление было белорусское. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 г. Сталин убеждал, что *«...гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть».* («Воспоминания и размышления». Т. 1. Стр. 235. М. 1974 г.). Наркомат обороны и Генштаб согласились сотрудничать с суждениями Сталина и внесли изменение в оперативный план — опасным стратегическим направлением стало львовско-киевское.

«*В соответствии с этим, — отмечает А. Василевский, — Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении...План был отработан не только Генеральным штабом с соответствующими управлениями Наркомата обороны, но и с командованием войск приграничных военных округов».* (А. Василевский. «Дело всей моей жизни», стр. 106. Политиздат. 1975).

По мнению Жукова, концентрация наших главных сил на киевском направлении была стратегической ошибкой, которая, *«...несомненно, отразилась на оборонительных действиях на западном направлении»*. (Т. 1. Стр. 235).

Указанные рассуждения двух маршалов относительно «ошибки» Сталина оставляют в тени, по крайней мере, три вопроса: какие силы потребовал Сталин дополнительно выделить КОВО (на киевское направление)? Откуда были взяты эти силы: из Белоруссии, Прибалтики или внутренних военных округов? Какие соединения и в каком составе были дополнительно выделены для усиления КОВО?

Из мемуаров Г. Жукова известно, что усиления КОВО (ЮЗФ) было проведено только в первые дни

войны за счет сил внутренних военных округов (19-я армия из СКВО и 16-я армия из Забайкалья), которые выдвигались в КОВО, но были перенацелены в состав Запфронта — обе армии в район Орша-Руднинск — Смоленск. О других каких-либо мероприятиях по усилению западного направления нигде ничего не говорится.

В связи с этим представляет интерес посмотреть, насколько сильно отличается по своему боевому составу КОВО и ЗАПВО, то есть определить, произошло ли практическое усиление КОВО до начала войны? Для этого читателю предлагается нижеследующая таблица, в которой приведены данные о боевом составе приграничных военных округов (ЛенВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО).

Из приведенной таблицы видно, что боевой состав КОВО был больше чем ЗапВо, всего лишь на две стрелковые дивизии и два мехкорпуса. А если учесть протяженность границы КОВО, которая была в 1,8 раза больше, чем у ЗапВО, то фактически силы этих военных округов были примерно равными. КОВО не имел солидного преимущества над ЗапВО.

Тем не менее, когда в ходе войны выявилось направление главных усилий немцев в полосе Западного фронта и создавалась угроза Минску, Сталин 26 июня на заседании Политбюро самокритично признал, что в этой ошибке нашего оперативного плана надо «винтить товарища Сталина. Но я не помню, чтобы кто-нибудь из членов Политбюро возражал против этой точки зрения Сталина».

Исправлять положение пришлось путем усиления Западного фронта за счет использования армий второго стратегического эшелона на рубеже река Западная Двина, Полоцк, Витебск, река Днепр. Но все-таки Минск был обречен.

Однако «стратегическая ошибка Сталина» в перспективе была выполнена за счет использования численности КОВО в основном для создания 22 июня Южного фронта.

Не могу согласиться также с тем, что наши просчеты и ошибки в начальный период войны якобы связаны с низкой подготовкой высшего командного состава. В 1944 году в письме заместителю наркомобороны Голикову Г. К. Жуков писал: «Мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим... На армии ставились также мало изученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями». («Досье» №6 (22), 2003 г., стр.8).

Что было на деле? Архивные характеристики на 321 военачальника в ранге командарма и выше показывают:

- средний возраст таких военачальников 43 года;
- 72,3% (231 чел.) имели высшее военное образование (в том числе 94 человека — дореволюционное высшее военное образование, 126 чел. — дореволюционное среднее образование);
- 225 военачальников имели боевой опыт (в годы 1-й мировой войны на командных должностях воевало 129 офицеров, в Испании — 15, в советско-финской войне — 81);
- средний стаж службы у высших военачальников составлял 22 года.

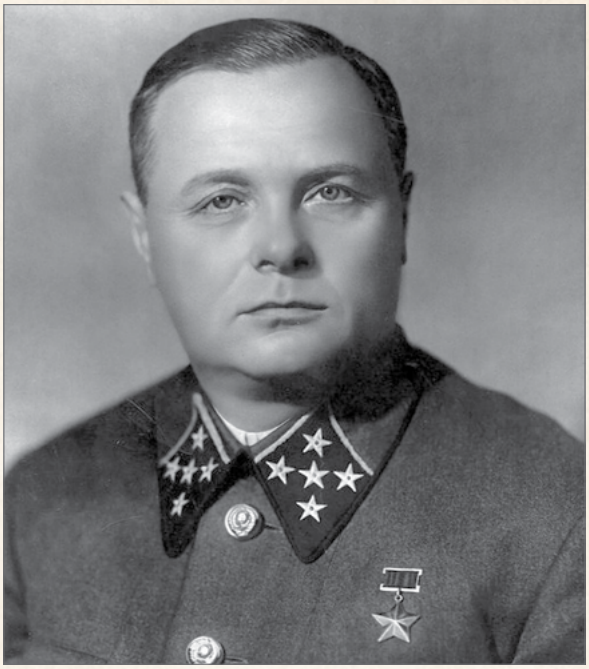
Анализ подобных данных по категории командующих фронтами в годы Великой Отечественной войны (41 генерал и маршал) значительно превосходит средние данные по 321 военачальнику. Так что у нас нет оснований сетовать на то, что Красной Армии к началу или в начале войны руководили, управляли незрелые, неопытные, в спешке выдвинутые командующие. Факты говорят о другом. («Воспоминания ветеранов», ЮЗАО г. Москвы. 2003 г.). Где кроятся определяющие, глубинные причины наших неудач?

Таблица

	ЛенВО	ПрибВО	ЗапВО	КОВО (без 12 А*)	ОДВО
Дивизии: стрелковые	15	19	24	26	13
танковые	4	4	12	16	4
моторизованные	2	2	6	8	2
кавалерийские	-	-	2	2	3
Отд. стр. бригады	1	1	-	-	-
Полоса обороны на дивизию, км.	87	16,5	18	15,5	30
Протяженность границы: сухопутная	1200	300	450	800	450
морская	380	420	-	-	170

* 12 армия (шесть стр. дивизий) оборонялась в Карпатах, где военные действия не велись. По решению Генштаба 25 июня она была резко ослаблена: у нее забрали 17-й стр. корпус и 16 мехкорпус для формирования 18А, которая вошла в состав Южного фронта на границе с Румынией.

▲ Шапошников Б.М.



▲ Мерецков К.А.

Я считаю, что наши неудачи, чрезмерные потери и крупные поражения Красной Армии в трагические дни июня-июля 41-го года определили другие причины, связанные с комплексом проблем вступления в войну и ведения первых операций.

Главная причина нашего поражения в первых сражениях кроется в игнорировании Наркоматом обороны и Генеральным штабом начального периода войны. Армия вступила в войну по устаревшему «сценарию» первой мировой войны (планировали и готовились к тому, что сначала будут боевые действия войск прикрытия — затем полное отмобилизование и развертывание главных сил Красной Армии, равно как и главных сил вермахта, что потребует не менее двух недель). То есть фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковое положение с нами. На самом деле и силы и условия были далеко не равными[3].

Нужно было обладать редкостной слепотой и беспечностью, чтобы не видеть, что на западе шла другая война — гитлеровцы начинали её в первые же часы массированными ударами всех своих главных сил, сокрушающая мощь которых потрясала всю систему обороны противника, вела к дезорганизации его государственного и военного управления.

Панская Польша рухнула за три недели, англо-французские войска были разгромлены под Дюнкером и Франция капитулировала за 44 дня и т. д. это было время победного шествия гитлеровского блицкрига, время так наз. «странной войны» и позорного предательства «западной демократии». Как реагировало на эти факты наше военное руководство?

В своих мемуарах маршал Г.К. Жуков по данному вопросу пишет следующее: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни Нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и механизированных войск и бросит их в первый же день мощными, компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов». («Воспоминания и размышления». АПН, 1974 г., т.1. стр. 283).

Таким заявлением Г. Жуков, прикрываясь другими фамилиями, фактически дает понять главное, а именно — Генеральный штаб не только не ожидал, но даже не предполагал подобного удара немцев в начале войны. А ведь речь здесь идет не об ошибках и просчетах, а о понимании новой стратегии Германии, о своем стратегическом мышлении в области вступления государства в войну. Руководство РККА к этому не было готово. И Сталин тут ни при чем.

«Этого не учитывали и не были к этому готовы наши командующие и войска приграничных военных

[3] Германия и её сателлиты — всего 330 дивизий; общая численность 7 млн. 254 тыс. человек; первый эшелон 190 дивизий — численность 5 млн. чел. для нападения на СССР в первом ударе выделено 100 дивизий. СССР — всего 303 дивизии; общая численность 5,7 млн. чел. Западные военные округа — 170 дивизий (2,9 млн.чел). Армия прикрытия — 13, всего 107 дивизий; глубина прикрытия 50-100 километров, ширина полосы обороны дивизии 25-50 км. — Резерв фронтов — 63 дивизии (глубина 100-400 км).

округов. Правда, нельзя казать, что все это вообще свалилось нам как снег на голову. Мы, конечно, изучали боевую практику гитлеровских войск в Польше, Франции и других европейских странах и даже обсуждали методы и способы их действий. Но по-настоящему все это прочувствовали только тогда, когда враг напал на нашу страну, бросив против войск приграничных военных округов свои компактные бронетанковые и авиационные группировки».

Короче говоря, Г.К. Жуков откровенно признал: «Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода Второй мировой войны на Западе. А опыт этот был уже налицо, и он даже обсуждался на совещании высшего командного состава в декабре 1940 года».

Именно вследствие указанных Жуковым обстоятельств высший командный состав Красной Армии фактически ни теоретически, ни практически не допускал даже мысли о возможном применении немцами «блицкрига» против Советского Союза. В качестве «оправдания» такой нелепицы Жуков ссылается на то, что «Советское правительство делало все возможное, чтобы не давать какого-либо повода Германии к развязыванию войны. Этим определялось все».

Другими словами, во всем виноват был Сталин, а Нарком, начальник Генерального штаба и генералы лишь следовали его указаниям. Об этом же написано в мемуарах И. Конева, А. Еременко и др. прямо скажем, придумана удобная позиция. Однако в ней нет ответа на многие вопросы, в частности, почему к моменту нападения немцев наши войска приграничных военных округов находились лишь в начальной стадии стратегического развертывания и тем самым обрекли себя на чрезмерные потери. Предлагаем читателю свою версию на этот счет.

Наркомат обороны и Генштаб не сумели правильно осмыслить такой опыт военных действий гитлеровской Германии в Европе. На совещании высшего командного и политического состава 23-31 декабря 1940 г. Нарком С.К. Тимошенко, оценивая военную стратегию вермахта, сказал: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового». (Русский архив. «Терра», М. 1993 г. стр 339). Начальный период войны на совещании не рассматривался вообще. Выступающие говорили о наступательной и оборонительной операциях безотносительно периода войны, придерживаясь «рецептов» прошлого. Заявление Тимошенко вместе с его заключительной речью было доведено до войск для руководства специальной директивой Генерального штаба.

Таким образом, облеченные немалой властью, высшие военные руководители готовились воевать по старой схеме, ошибочно считая, что война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже вступят главные силы противника. Война началась не так, как ожидалось. Здесь как раз и была зарыта собака, а не в том, что Сталин допустил ошибку в предвидении сроков войны, и не в том, что якобы военные боялись спорить со Сталиным, так как, дескать, после этого «поедешь пить кофе к Берия». Не надо упрощать события того времени. На самом деле все было гораздо сложнее. Наркомат обороны и Генеральный штаб готовили армию к прошедшей войне.

Устаревшей схемы начала войны военное руководство придерживалось и после выступления Сталина 5 мая, когда он настоятельно требовал от военных «овладеть новыми приемами ведения войны...изучать причины успехов Германии, почему Франция потерпела поражение, почему Германия побеждает». Однако военное руководство по своему восприняло тревогу вождя о предгрозовой обстановке. Жуков и Тимошенко предложили (15 мая) нанести упреждающий удар. Сталин это план категорически отверг и тем спас Россию от неминуемого разгрома. После войны Жуков признал свою ошибку. Но вопреки всему этому, некоторые, с позволения сказать, историки (Волкогонов, А. Уткин и др.) продолжают настырно твердить, что вот, мол, «Если бы Сталин внял совету Жукова, то война началась бы иначе». Удивительно, как далеко может завести ретроградов их слепая ненависть к Сталину. Они даже сам факт признания Жуковым своей ошибки игнорируют.

Понятно, что такое понимание истории не нужно никому. Реальность такова: устаревший «сценарий» вступления в войну остался без изменений.

Главные силы немцы готовили нанести в направлениях Даугавпилс-Псков, Вильнюс — Минск, Брест — Минск, Луцк — Киев.

В полосе Северо-Западного фронта противник готовил удар силами около 41 дивизий, в т.ч. 13 танковых и моторизованных. Для отражения этого удара противника могли быть использованы в первую очередь лишь семь стрелковых дивизий 8-й и 11-й армий СЗФ.

В полосе Западного фронта наступала группа армий «Центр» — около 40 дивизий. Им могли быть противопоставлены лишь 12 стрелковых и 1 кавдивизия, составляющие первый эшелон армий прикрытия Западного фронта. В течение первой недели немцы вели в сражение против фронта еще 20 дивизий. Всего же в Белоруссии наступало до 60 дивизий, в т.ч. 16 танковых и моторизованных.

В полосе Юго-Западного фронта сила удара противника (левое крыло группы армий «Юг») — до 34 дивизий (в т.ч. 9 танковых и моторизованных). Этим силам противостояло около 11 стрелковых дивизий армий прикрытия ЮЗФ.

Таким образом, противник в первый день войны готовил удар силами до 100 дивизий и имел значительное превосходство (четырех — пятикратное) в силах и средствах над советскими силами армий прикрытия на направлениях главных ударов. Остальные силы наших фронтов находились на значительном удалении от государственной границы и не могли быть одновременно использованы для отражения мощного первоначального удара врага.

При этом большая часть дивизий и полков первых эшелонов армий прикрытия, занявших свои позиции, использовались не для их обороны, а стремились нанесением контратак отбросить вторгшиеся силы противника и занять свои районы обороны на границе... Однако силы были неравные, и в первый же день войны значительная часть войск армий прикрытия на направлениях главных ударов противника оказались разрозненными, вторые эшелоны и резервы находились в глубине и не могли обрушиться на врага, управление войск было нарушено. Части прикрытия и резервы (вторые эшелоны) не имели взаимодействия, были разрозненны. Все это — итог устаревшего сценария, который будучи заложенным в оперативные документы и в мышление командующих войсками штабов военных округов и армий, он обусловил все прочие причины и привел к трагедии. Именно в силу этой первопричине поражение Красной Армии в начале войны было неизбежным.

Почему мы делаем такой жесткий вывод? Потому, что созданная по ошибочной схеме начала войны группировка войск приграничных округов не отвечала ни наступательным, ни оборонительным требованиям, не соответствовала складывающейся обстановке. В результате получилось так, что на всех направлениях главных ударов противника соотношение сил (по дивизиям) было подавляющим на стороне немцев: в полосе Северо-Западного фронта 41:7, в полосе Западного фронта 40: 13, в полосе Юго-Западного фронта 34:11. При этом численность дивизий составляла: немецких — 16-17 тысяч, советских 5-8 тысяч человек.

Изменить в короткий срок группировку войск фронтов, отвечающей обстановке, взгляды на ведение оперативных действий, систему управления, приведение войск в нужное время боевой готовности, было невозможно, так как большинство командного состава, включая высшее руководство Красной Армии, в то время практически не были готовы к изменениям, происходящим в характере и способах начала второй мировой войны.

Тимошенко и Жуков только на пятый день войны (после потери Минска) поняли свои грубые просчеты вступления в войну и у них вкралось сомнение, может ли Красная Армия остановить врага до Москвы. Но об этих своих просчетах они не всегда говорили вслух.

Маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах не счел возможным объяснить указанную первопричину трагедии. Однако он признал её. Оценивая эту глобальную ошибку нашего поражения в самом начале войны, Жуков определенную долю ответствен-

▲ Жуков Г.К.

▲ Тимошенко С.К.

ности за нее возложил на Наркома обороны, работников Наркомата и на себя, как бывшего начальника Генерального штаба и ближайшего помощника наркома.

Была ли возможность при создании группировки войск приграничных округов в 1941 году не повторять «сценарий» 1914 года и тем самым избежать роковой ошибки при переходе от состояния мира к состоянию войны? По мнению маршала С. С. Бирюзова, такая возможность была. Маршал Б. М. Шапошников, будучи начальником Генерального штаба, вносил очень ценные предложения о дислокации войск в западных приграничных округах. Он предлагал основные силы этих округов держать в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов, а во вновь освобожденные области Западной Украины и Западной Белоруссии, а также в Прибалтику выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения немцев.

Однако с этим разумным мнением опытного военачальника тогда не посчитались. В непосредственной близости от новой границы оказались даже те соединения, которые находились ещё в стадии формирования и были не полностью укомплектованы личным составом и техникой. ***«Мы уже в самом начале войны, — вспоминает С. Бирюзов, — почувствовали, что это было роковой ошибкой, очевидным просчетом ряда военных руководителей...»*** В частности, новый начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, пришедший незадолго до войны на смену Б. М. Шапошникову, не вник в глубокий смысл предложений своего предшественника и не настаивал на их осуществлении перед Сталиным, который относился к ним отрицательно. ***«Сам того не желая, Жуков укреплял у главы правительства уверенность в правильности (своих) предположений и расчетов, которые, как показала история, оказались явным просчетом».*** (С. С. Бирюзов «Когда гремели пушки». М. Воениздат. 1962 г. стр. 12-13).

В заключении сказанного маршал С. Бирюзов отмечает, что в предвоенный период наши работники военно-теоретического фронта оказались не на высоте своего положения. Они не сделали из опыта войны на Западе серьезные практические выводы, которые должны были найти конкретные отражения во всех руководящих документах для войск. Этот важнейший урок прошлого не следует забывать в настоящее время.

Учитывая, что вопрос о первопричине поражения Красной Армии в самом начале войны до сих пор находится в историческом вакууме, позволю себе привлечь к ней внимание читателя ещё раз. Подчеркнуть о том, что именно упомянутая главная причина — то есть вступление в войну по устаревшему сценарию первой мировой войны, очевидные ошибки в связи с этим в создании группировки войск западных военных округов — стали теми роковыми просчетами Наркомата обороны и Генерального штаба, которые обусловили не только проигрыш приграничного сражения, но и поставили нас на грань глобального поражения, допустив немцев до Москвы.

Созданная по устаревшему сценарию группировка советских войск представляла собой весьма уязвимый объект для разгрома в первые дни войны. Объясняется это тем, что 2/3 войск размещалось вдоль границы на глубине до 100-150 километров, остальные же силы находились в 500 километрах. В этих условиях на одну дивизию первой линии приходилось от 25 до 50 км и более. Сосредоточение сил на направлениях действий немецких танковых групп к утру 22 июня 1941 года для нас было просто угрожающим.

Состав первого эшелона немецких танковых групп имел существенное (почти шестикратное) превосходство над советскими войсками на направлениях их главных ударов.

В глубине территории западных округов находилось немалое количество войск, но они были в глубине. При таком расположении нашей группировки немцы имели возможность наносить поражения советским войскам по частям: сначала всеми силами обрушиться на немногочисленные войска, расположенные вдоль границы, затем преодолеть сопротивление главных сил прикрытия приграничных округов и, прорвавшись в оперативную глубину, напасть на войска, составляющие вторые эшелоны и резервы этих округов.

Вот почему сразу же в первые дни войны весь наш западный фронт оказался неустойчивым. Наступила растерянность снизу доверху, паника, потеря управления, оцепенение командного состава и, как следствие, неспособность вести оборонительные сражения. Имели место случаи бегства и «вынужденный отход» отдельных частей, появились многочисленные «котлы»: в районе Белосток и Слоним (2 июля), Могилев (к 10 июля), Смоленск (20 июля — 5 августа) окружение войск Юго-Западного фронта на левобережной Украине (к 10 сентября) и др.

Трагедия случившегося в начальный период войны свидетельствует о том, что Наркомат обороны и Генштаб до войны к такой войне не готовились, разбойничьи приемы и способы фашистской Германии при вторжении в должной мере не изучили, учили командный состав и войска на основе опыта Людендорфа (первой мировой войны). Мы даже в страшном сне не могли представить себе сплошную цепь трагедий на всех трагических направлениях. Мы даже к ведению оборонительных операций почти не готовились, не говоря уже об отступлении, боевых действиях в окружении и т. д.

Горькую правду о своих роковых просчетах Нарком Тимошенко и начальник Генштаба Жуков увидели и осознали в числе первых. Например, Г. Жуков, спустя 30 лет после войны, на этот счет в беседе с историком В. А. Анфиловым сказал следующее:

«Когда началась война, мы с наркомом обороны полагали, что Красная Армия сможет отразить вторжение противника в западных районах страны, а затем, измотав его ударные группировки, перейдет в контрнаступление с оперативным планом. Мысль о вероятности борьбы на подступах к столице впервые зародилась у нас с Тимошенко вечером 26 июня, когда я после возвращения из Киева побывал вместе с ним и Ватутиным у Сталина.

Оценив тогда тяжелое положение войск Западного фронта, мы пришли к выводу о необходимости создания на минско-московском направлении глубокоэшелонированной обороны. Но и мечта о контрнаступлении не покидала нас на протяжении нескольких дней. Мы много думали о нем, предпринимали к тому же определенные подготовительные меры в ущерб организации обороны. Полагали, что нам удастся разгромить растянувшиеся в глубину подвижные и пехотные соединения противника, не имевшие между собой тактического взаимодействия. Поэтому наносили плохо подготовленные контрудары, неся при этом неоправданные потери.

Нас с Тимошенко «отрезвили» события на Днепре в начале июля 1941 года, особенно контрудары 5-го и 7-го механизированных корпусов в районе Лепеля...

В середине июля, когда пал Смоленск, я окончательно убедился, что раз немцам удалось открыть и эти «ворота», то они будут и под Москвой. Поэтому в последний день своего пребывания на посту начальника Генерального штаба я сказал Сталину, что для наступления на Москву немцы используют ельнинский плацдарм. В середине июля и Сталин уже пришел к выводу, что в зимние месяцы фронт будет проходить под Москвой». ***Только за первые три недели войны мы потеряли 78 дивизий, свыше 4 000 боевых самолетов (в том числе на аэродромах) 11 700 танков, около 18 000 орудий и минометов. Авт.***

Обращает на себя внимание удивительное признание Г. К. Жукова — даже после проигрыша приграничного сражения Генштаб все ещё надеялся воевать по устаревшим рецептам первой мировой войны. И только события на Днепре «отрезвили» и показали роковые просчеты в довоенной дислокации войск западных военных округов. Уверен, что в душе Жуков в то время сожалел, что не вник в глубокий смысл предложений Б. М. Шапошникова относительно дислокации войск.

Разумеется, было бы большой ошибкой думать о том, что все наши войска без сопротивления оставляли свои позиции после первого же натиска противника. Нет, это не так. Большинство наших соединений дрались храбро и стойко, стояли насмерть, но не отступали. Учились воевать в ходе войны, выучились и били немцев в той тяжелейшей обстановке. В числе таких соединений были: 9-й мехкорпус комкора К. К. Рокоссовского, 8-й мехкорпус генерала Д. И. Рябышева, 35-я танковая дивизия генерала — майора Н. А. Новикова, 131-я мотострелковая дивизия полковника Н. В. Калинина, 19 и 22 мехкорпуса генералов Н. В. Фекленко и С. М. Кондрусева, 12-й мехкорпус генерал — лейтенанта Н. М. Шестопалова, 28-я танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского, 11- й мехкорпус генерал-майора Д. К. Мостовенко, 6-й мехкорпус генерал-майора П. Н. Ахлюстина, 63-й стрелковый корпус комкора Л. Г. Петровского, 137-я стрелковая дивизия полковника И. Т. Гришина и многие, многие другие соединения и части, которые в первые дни войны не дрогнули, в жестоких боях нанесли большой урон немцам, вынудив их переходить к обороне, оставлять захваченные позиции.

Приведу высказывания командующего 3-й немецкой танковой группы генерала Германа Гота, испытавшего на своей шкуре силу наших контрударов в то время: «Тяжелее всего пришлось группе «Юг». Войска противника, оборонявшиеся перед соединениями северного крыла, были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника».

28 августа 1941 г. в докладе начальнику Генерального штаба Сухопутных войск Германии генералу Гальдеру указывалось: «Части 3-й танковой группы; 7-я танковая дивизия имеет 24% своего первоначального количества танков. Остальные дивизии этой группы в среднем имеют 45% своего количества танков. Части 1-й танковой группы в среднем потеряли 50% своих танков. Части 2-й танковой группы в среднем имеют 45% своих танков».

Записи из дневника генерал-полковника Ф. Гальдера. Запись от 4 июля 1941 года: «Штаб танковой группы Гота доложил, что в строю осталось лишь 50% штатного количества автомашин». 13 июля: «Потери в танках в среднем составляют 50%». 17 июля: «Войска сильно измотаны». 20 июля: «Упадок духа. Особенно ярко это выражается в совершенно подавленном настроении Главкома Гота». 23 июля: «В отдельных соединениях потери офицерского состава достигли 50%». 1 августа: «В резерве Главного командования дивизий — нуль».

А вот что пишет немецкий генштабист Греффат: «***За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие воздушные силы потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 июля по 17 июля — 477. Такие потери говорят о том, что, несмотря на достигнутую нами внезапность воздушного падения, русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия в воздухе».***

Огромную помощь Красной Армии оказывали разведчики, контрразведчики, воины- пограничники, внутренние войска. Мы с законной

гордостью вспоминаем их блестящие боевые дела с первого дня войны. Опубликованные в настоящее время документы «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» убедительно показывают, что их бесстрашие и мужество во многом разрушили планы врага, обескровили, сломали волю и показную храбрость фрицев. «Как львы дрались советские пограничники, принявшие на себя первый удар. Бессмертной славой покрыли себя бойцы-чекисты, писала газета «Правда» 24 июня 1941 г. — Из 485 пограничных застав не было такой, которая сдалась бы врагу и оставила охраняемый участок без приказа».

В летопись Великой Отечественной войны вошли подвиги пограничных застав, которыми командовали П. Н. Кухаренко, С. В. Степанковский, П. А. Родионов, П. М. Кубов, А. Н. Сивачев, В. М. Усов, П. С. Мамонтов, В. Г. Малиев, Н. П. Евсиков, А. М. Кижеватов, Ф. Н. Гусев, А. К. Чумовицкий, А. В. Лопатин и многие другие. В легендарную крепость превратились заставы Брестской крепости. Только за первый день боев они отбили шесть атак противника, дважды сами контратаковали немцев. О героической Брестской крепости ходили легенды. В 1956 г. я лично встречался с майором Морозовым, одним из командиров Брестской крепости, оставшихся в живых.

11 дней героически оборонялась в опорном пункте 13-я погранзастава лейтенанта А. В. Лопатина 90-го Владимирского пограничного отряда. И лишь только тогда, когда все ее защитники погибли, немцы заняли опорный пункт.

Во время войны рассказывали легенды о том, что за сотни километров от линии фронта, в глубоком тылу противника, около города Бреста на самой границе СССР, в стенах старой крепости в течение многих недель героически сражались наши пограничники.

Приведенные примеры свидетельствуют о жестоких боях и сражениях с обеих сторон с первого дня войны. Немцы несли огромные потери в людях и технике, но лезли напролом к Москве и Ленинграду. Из всех причин наших неудач, обусловивших поражение Красной Армии в начальный период войны, я ставлю на первое место не нашу слабую выучку, о которой пишут многие чернокнижники, и незавершенность технического переоснащения, а самое главное — это игнорирование Наркомом обороны и Генштабом характера начального периода войны, то есть подготовку армии к отражению агрессии по устаревшему «сценарию» первой мировой войны, а также недооценку мощи удара противника. Именно эти решающие факторы предопределили наши потери, поражения, отступление до Москвы. Укрощение «Тайфуна» решили стратегические резервы и несломленная воля русского войска — об этом до сих сохранены знаки мужества и печали вокруг Москвы, там, где шли бои. ■

▲ Лопатин А.В.

ПОЛЕВАЯ МЕДИЦИНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий сорок первый год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

Из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Я не привыкла, чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку — Меня...
На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
санитарка шепчет, умирая:
– Я еще, ребята, не жила...

И бойцы вокруг нее толпятся,
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать — это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы,
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! — Был и есть у России
Вечной прочности великий запас.

Юлия Друнина,
участница Великой Отечественной войны,
санитарка

Подвиг медицинских работников в годы войны вызывает восхищение. Благодаря труду врачей было спасено более 17 миллионов бойцов, по другим данным — 22 миллиона, около 70% раненых были спасены и вернулись к полноценной жизни. Следует помнить, что в военные годы медицина столкнулась со множеством трудностей. Не хватало квалифицированных специалистов, мест в госпиталях, медикаментов. Хирургам в полевых условиях приходилось работать круглосуточно. Врачи рисковали жизнью наравне с боевыми товарищами, из 700 тысяч военных медиков погибло более 12,5%. Требовалась срочная переподготовка специалистов, не каждый гражданский доктор мог быть «полноценным полевым врачом». Для медицинского военного госпиталя необходимо минимум три хирурга, но в годы начала войны это было невозможно, на обучение врача требовалось более года.

«Руководящий состав военно-медицинской службы, начиная с начальника медицинской службы дивизии и кончая начальником медицинской службы фронта, кроме специальных медицинских знаний должен обладать и военными знаниями, знать природу и характер общевойскового боя, методы и средства ведения армейских и фронтовых операций. Таких знаний наш руководящий медицинский состав не имел. Преподавание военных дисциплин в Военно-медицинской академии ограничивалось главным образом пределами соединений. К тому же большинство врачей окончили гражданские медицинские институты. Военно-оперативная подготовка их оставляла желать много лучшего» - писал генерал-полковник медицинской службы Ефим Иванович Смирнов.

«В июле 1941 года началось дополнительное формирование эвакогоспиталей на 750 000 коек. Это составляло примерно 1600 госпиталей. Кроме того, с начала войны по 1 декабря 1941 года были сформированы 291 дивизия с медсанбатами, 94 стрелковые бригады с медико-санитарными ротами и другими медучреждениями усиления. В 1941 году, если не считать медико-санитарных рот стрелковых полков и семидесяти шести отдельных танковых бригад, их было сформировано более 3750, каждое из которых должно было иметь минимум от двух до трех хирургов. Если взять минимально среднюю цифру — четыре хирурга на учреждение, нам потребовалось бы их 15 000. В связи с этим для нас было недопустимой роскошью иметь даже по три хирурга на учреждение, так как они нужны были еще и для проводившегося в 1942 году формирования медицинских учреждений. Ведь для подготовки хирурга требуется минимум полтора года».

«Придя на передовую, мы оказались выносливее тех, что постарше. Я не знаю, чем это объяснить. Таскали на себе мужчин, в два- три раза тяжелее нас. Взвалишь на себя восемьдесят килограммов и тащишь. Сбросишь ... Идешь за следующим... И так пять- шесть раз за одну атаку. А в тебе самой сорок восемь килограммов- балетный вес. Просто не верится, как это мы могли...» - писала военный фельдшер Стрелкова А.М. Согласно правилам, доставка раненого в полевой госпиталь не должна была превышать шести часов. *«С самого детства боялась крови, а тут пришлось справиться со страхом и перед кровавыми ранами, и перед пулями: Холод, сырость, костров разводить нельзя, много раз спали на мокром снегу,* - вспоминала санитарка Анна Ивановна Жукова. *– Если удавалось переночевать в землянке — это уже удача, но все равно никогда не получалось как следует выспаться».* От первой помощи, оказанной санитаркой, зависела жизнь раненого. Смирновым была сформулирована система: *«Современное этапное лечение и единая военно-полевая медицинская доктрина в области полевой хирургии основываются на следующих положениях: все огнестрельные раны являются первично-инфицированными; единственно надежным методом борьбы с инфекцией огнестрельных ран является первичная обработка ран; большая часть раненых нуждается в ранней хирургической обработке; раненые, подвергну-*

▲ Эвакуация раненого с поля боя

тые в первые часы ранения хирургический обработке, дают наилучший прогноз».

Отважным санитаркам полагались награды: «за вынос 15 раненых — медаль, за 25 — орден, за 80 — высшая награда — орден Ленина». Спасенных раненых врачи оперировали в полевых условиях. Полевые госпитали располагались в палатках в лесу, землянках, операции могли проводится под открытым небом. Врач Борис Бегоулев вспоминал: *"Волнующие чувства переживаем в эти дни мы, военные врачи. Доблестные красные воины, как львы, дерутся с врагом, отстаивая каждую пядь священной советской земли. Зорко охранять здоровье и жизнь бойцов и командиров, самоотверженно бороться с нависшей над ранеными смертью — вот к чему зовет нас Родина. И, зов этот мы принимаем, как боевой приказ".* Полевые хирурги работали обычно по 16 часов в день. При большом потоке раненых могли оперировать двое суток без сна. Во время ожесточенных боев в полевой госпиталь поступало около 500 раненых.

Медсестра Мария Алексеева писала о подвиге своих коллег: *"Лиза Камаева пришла в нашу Добровольческую дивизию, только что окончив 1-й Медицинский институт. Она была молода, полна энергии и удивительного мужества. Главной частью медсанбата была так называемая санитарная рота, и главной в ней была перевязочная палатка. В ней делали операции на внутренних органах, т.е. то, что не требовало общего наркоза. Хирург работал на трех столах: 1-й стол — раненых готовили к операции; 2-й стол — непосредственно проводилась операция; 3-й стол — перевязывали сестры и уносили раненого.*

В период боя в медсанбат поступала до 500 человек, которые приходили сами или их привозили из санитарных частей полков. Врачи работали без перерыва. В мою задачу входило посильно им помогать. Лиза работала так: кровь всегда была, но в один момент не оказалось нужной группы крови под рукой, тогда она сама легла рядом с раненым и сделала прямое переливание крови, встала и продолжила дальше делать операцию. Увидев, что она пошатнулась и еле стояла на ногах, я подошла к ней и тихо шепнула на ухо: «Разбужу через два часа». Она ответила: «Через час». И тут же, прислонившись к моему плечу, заснула".

Танкист Ион Деген вспоминал *«К стене, стоя, прислонился высокий хирург. Не знаю, стар он был или молод. Все лицо закрыва-*

Опись предметов, входящих в сумку санитара

№№п\п	Наименование предметов	Кол-во	№№ гнезд	Примечание
I	Нашатырный спирт в ампулах по 0,5-1,0 к.с.(в чехлах)	10шт	I	В коробке или пенале
2	Йодная настойка в ампулах по 0,5-1,0 к.с.(в чехлах)	10шт	I	То же
3	Бинты из мягкой марли в 10см.шир. и 5м.длины	5 шт	2 - 4	
4	Перевязочные пакеты первой помощи	5 шт	20-24	
5	Повязки малые антисепт.	5 шт	I6-I8	
6	Косынки для повязок	3	9-I3	
7	Булавки безопасные дл.4-4,5см...	20	Клапан	
8	Жгуты кровоостанавлив.матерчатые	3	5,25,26	
9	Шины сетчатые металич.в рулонах	2	I5	
I0	Ножницы прямые средние.....	I	7	
II	Нож складной садовый	I	I4	
I2	Индивидуальн.химпакет Т-Д-2.....	I	I9	
I3	Блокнот	I	27	
I4	Карандаш химический	I	27	

ла желтоватая марлевая маска. Только глаза. Знаете, какие у него были глаза? Я даже не уверен, что он заметил меня. Он молитвенно сложил руки в резиновых перчатках. Он держал их чуть ниже лица. А спиной ко мне стояла [...] девушка. В первое мгновение, когда из-под халата хирурга она извлекла стеклянную банку, я еще не понимал, что она делает. Но пока она поправляла его халат, я увидел, что в банке моча. Десять минут необходимо хирургу, чтобы помыть руки перед операцией... Так рассказал нам когда-то батальонный фельдшер».

По воспоминаниям раненого фронтовика Евгения Носова:

«Оперировали меня в сосновой рощице, куда долетала канонада близкого фронта. Роща была начинена повозками и грузовиками, беспрестанно подвозившими раненых... В первую очередь пропускали тяжелораненых...

Под пологом просторной палатки, с пологом и жестяной трубой над брезентовой крышей, стояли сдвинутые в один ряд столы, накрытые клеёнкой. Раздетые до нижнего белья раненые лежали поперёк столов с интервалом железнодорожных шпал. Это была внутренняя очередь — непосредственно к хирургическому ножу... Среди толпы сестёр горбилась высокая фигура хирурга, начинали мелькать его оголенные острые локти, слышались отрывисто-резкие слова каких-то его команд, которые нельзя было разобрать за шумом примуса, непрестанно кипятившего воду. Время от времени раздавался звонкий металлический шлепок: это хирург выбрасывал в цинковый тазик извлеченный осколок или пулю к подножию стола... Наконец, хирург распрямлялся и, как-то мученически, неприязненно, красноватыми от бессонницы глазами взглянув на остальных, дожидавшихся своей очереди, шёл в угол мыть руки...» По воспоминаниям доктора Ярцевой Н. С.:

«Когда началась война, я была еще студенткой Ленинградского медицинского института. Просилась на фронт несколько раз — отказывали. Не одна, с подругами. Нам по 18 лет, первый курс, худенькие, маленькие... В районном военкомате нам сказали: вас убьют в первые пять минут. Но все же дело для нас нашли — организовывать госпиталь. Немцы быстро наступали, раненых становилось все больше... Под госпиталь приспособили Дворец культуры. Мы, голодные (с едой уже начались перебои), кровати железные, тяжеленные, а таскать их приходилось с утра и до ночи. В июле все было готово, и в наш госпиталь начали поступать раненые. А уже в августе приказ: госпиталь эвакуировать. Подогнали деревянные вагоны, и мы опять стали грузчиками. Это был почти последний эшелон, который смог уехать из Ленинграда. Дальше все, блокада... Дорога была жуткая, нас обстреливали, мы прятались кто куда. Выгрузи-

▲ Полевой госпиталь

▲ В короткие моменты затишья

лись в Череповце, ночевали на перроне; лето, а ночи холодные — кутались в шинели. Под госпиталь выделили деревянные бараки — там раньше содержали заключенных. Бараки были с одинарными окнами, в стенах дыры, а впереди зима. И это «впереди» наступило в сентябре. Пошел снег, мороз... Бараки далеко от станции, мы таскали раненых на носилках в метель. Носилки, конечно, тяжелые, но это не страшно — страшно смотреть на раненых. Мы же хоть и медики, но без привычки. А тут все окровавленные, еле живые... Некоторые умирали по дороге, мы их даже до госпиталя не успевали донести. Тяжело было всегда...» Хирург Александра Ивановна Зайцева вспоминала: *«Сутками стояли у операционного стола. Стояли, а руки сами падают. У нас отекали ноги, не вмещались в кирзовые сапоги. До того глаза устанут, что трудно их закрыть. День и ночь работали, были голодные обмороки. Есть что поесть, но некогда...»* Тяжелораненые отправлялись на лечение в городские эвакуационные госпитали. По воспоминаниям врача Юрия Горелова, работавшего в эвакуационном госпитале в Сибири: *«Несмотря на все усилия медиков, в наших госпиталях смертность была высокой. Также был большой процент инвалидов. Раненые к нам поступали в очень тяжелом состоянии, после страшных ранений, некоторые с уже ампутированными конечностями или нуждающиеся в ампутации, несколько недель проведшие в пути. А снабжение госпиталей, как мы уже говорили, оставляло желать лучшего. Но, когда чего-то не хватало, медики сами занимались изобретательством, конструированием и рационализаторством. Например, подполковник медслужбы Н. Лялина разработала аппарат для заживления ран — дымоокуриватель-фумигатор.*

Медсестры А. Костырева и А. Секачева изобрели особую каркасную повязку для лечения ожогов конечностей. Майор медслужбы В. Марков сконструировал электрозонд для определения местоположения осколков в организме. По инициативе старшего инспектора отдела эвакогоспиталей Кемеровской области А. Транквиллитати на предприятиях Кузбасса начали выпускать ею разработанную аппаратуру для лечебной физкультуры. В Прокопьевске медики изобрели особую раскладную кровать, сухожаровую дезкамеру, бинты из ветоши, витаминные напитки из хвои и многое другое». Госпиталям помогали горожане, приносили из дома вещи, продукты, лекарства. *«Все отбирали на нужды армии. А госпиталям доставалось то, что оставалось, т. е. практически ничего. И организация их была жесткой. С октября 1941 штатная обслуга госпиталей лишилась военного довольствия. Это первая военная осень, когда не было нормально работающих подсобных хозяйств при госпиталях. В городах действовала карточная система распределения продуктов.*

В придачу ко всему осенью 1941 года медицинская промыш-

ленность выпускала менее 9% необходимых лекарств. И их начали изготавливать на местных предприятиях. Большую помощь оказывали простые кузбассовцы. Домохозяйки приносили в эвакогоспитали молоко от своих коров, колхозники поставляли мед, овощи, школьники собирали ягоды, комсомольцы собирали дикоросы и лекарственные растения. Кроме того, был организован сбор вещей у населения. Кто чем мог, тем и помогал — посудой, бельем, книгами. По мере развития подсобных хозяйств уже стало легче прокормить и себя, и раненых. При самих госпиталях выращивали свиней, коров и быков, картошку, капусту, морковь. Причем в Кузбассе было больше посевных площадей, больше голов скота. Соответственно, и питание раненых было лучше, чем в других районах Сибири».

Заботу о раненых проявляли дети. Приносили подарки, разыгрывали сценки из спектаклей, пели, танцевали.

Вспоминает Маргарита Подгузова, навещавшая солдат: «*С подругой бегали в госпиталь, хотя учились в четвёртом классе. В госпитале лежали раненые и больные, их привозили в Котлас на выздоровление. Брали бинты, приносили домой, мамы выпаривали их, мы относили обратно. Больным песенку споём, стихи расскажем, газетку почитаем, как могли, отвлекали больных от болей, грустных мыслей, они ждали нас, подходили к окну. Нам с подружкой жалко было совсем молоденького танкиста, он горел в танке, ослеп. Ему мы уделяли особое внимание. А однажды пришли и увидели заправленную пустую кровать нашего подшефного. Потом всех больных куда-то увезли, закончилась наша "актерская" деятельность».*

«Когда училась в 8-ом классе, мы с одноклассниками ходили в госпиталь №2520, он находился в "Красной школе", выступать. Ходили мы группой (человек 10-15): Кетя (Кресткентия) Черемискина, Римма Чижова, Римма Кустова, Нина и Валя Подпругины, Женя Кононова, Боря Рябов... Я читала стихи, любимое моё произведение — поэма "О двадцатом", кто пел песни, ребята играли на баяне. Раненые военнослужащие принимали нас всегда тепло, радовались каждому нашему приходу». «Бытовые условия лечившихся и персонала госпиталя были крайне стесненные. Электроосвещения в ночное время, как правило, не было, отсутствовал и керосин. Оказывать помощь в ночное время было очень трудно. Опрашивали всех тяжелобольных и готовили им индивидуальные блюда. Женщины Котласа приносили в госпиталь со своих грядок зеленый лук, морковь и прочую зелень». (Здыбко С. А. Котласский эвакогоспиталь).

▲ В полевых условиях

▲ Друнина Ю.В.

Доклад о работе эвакогоспиталя № 2520 с 1 августа 1941 года по 1 июня 1942 года раскрывает статистику успехов врачей войны: *«Всего произведено 270 операций. В том числе: удаление секвестров и осколков — 138, ампутация пальцев — 26. Терапевтических больных всего поступило 485 чел., в том числе с Карельского фронта 25 чел. По характеру заболеваний большинство терапевтических больных относятся к двум группам: заболевания органов дыхания — 109 чел., и тяжелая форма авитаминоза — 240 чел. Такой большой прием терапевтических больных в госпиталь объясняется тем, что в апреле 1942 года по приказу УРЭП-96 было принято сразу 200 больных эстонцев из рабочих колонн местного гарнизона.*

...ни один больной, поступивший с карельского фронта, в госпитале не скончался. Что касается гарнизонных больных, то из общего числа поступивших возвращено в строй 176 чел., оказалось негодными к несению военной службы — 39 чел., уволено в отпуск — 7 чел., находится на 1 июня в госпитале — 189 чел., умерло — 50 чел. Причины смерти, главным образом, туберкулез легких в стадии декомпенсации и общее истощение на почве тяжелой цинги».

О буднях городских больниц в воспоминаниях ленинградского врача Бориса Абрамсона, работавшего хирургом в дни блокады. Врачи, чтобы не думать о голоде, погружались в работу. В трагичную блокадную зиму 1941-1942 года, когда в городе не работали водоснабжение и канализация, больницы представляли собой особенно гнетущее зрелище. Оперировали при свечах, почти на ощупь. *«...Работа в клинике носит покуда мирный характер — «доделываем» плановые операции, идут острые аппендициты, немного травмы. С середины июля начинают поступать эвакуированные раненые, обработанные кое-как. Августовские дни особенно тяжелы — нажим на Ленинград усиливается, в городе чувствуется растерянность, эвакуация, объявленная обязательной, фактически невозможна — все дороги от Ленинграда, в том числе и Северная, отрезаны врагом. Начинается блокада города.*

Продовольственное положение в городе еще сносное. По карточкам, введенным с 18 июля, выдается по 600 гр. хлеба, работают коммерческие магазины, рестораны. Уже с 1 сентября нормы уменьшаются, коммерческие магазины закрыты... ... 19 сентября тремя огромной силы бомбами разрушен Дмитровский переулок. По счастливой случайности уцелела Маня. Мало пострадала и квартира сестры. В клинике начинаются массовые поступления пострадавших от бомб. Ужасающая картина! Тяжелейшие комбинированные травмы, дающие огромную смертность. ...А между тем в клинике идут нормальные учебные занятия, регулярно читаю лекции, однако без обычного подъема — аудитория полупуста, особенно в вечерние часы, перед «обычной» тревогой. Кстати, звук сирены, уже такой знакомый, до сего дня кажется невыносимым; в такой же степени приятна музыка отбоя... И жизнь идет своим чередом — возобновились концерты в Филармонии, театры и в особенности кино переполнены... Сказывается голод! В октябре, а в особенности

в ноябре я его остро чувствую. В особенности болезненно переживаю недостаток хлеба. Мысли о еде не оставляют меня днем и особенно ночью. Стараешься побольше оперировать, время идет быстрее, голод не так ощущается... К дежурствам через день уже в течение двух месяцев привык, всю тяжесть хирургической работы выносим мы с Николаем Сосняковым. Обеды через день в больнице дают намек на насыщение. Голод всюду... Ежедневно в больницу поступает 10–15 истощенных людей, погибших от голода. Запавшие застывшие глаза, осунувшееся землистое лицо, отеки на ногах... Вчерашнее дежурство было особенно тяжелым. С двух часов дня подвезли сразу 26 раненых, пострадавших от артиллерийского обстрела — снаряд попал в трамвай. Очень много тяжелых ранений, преимущественно раздробления нижних конечностей. Тяжелая картина. К ночи, когда закончились операции, в углу операционной — груда ампутированных человеческих ног...

... Сегодня очень холодный день. Ночи темные, страшные. Утром, с приходом в клинику, еще темно. И там часто нет света. Приходится оперировать при керосине и при свечах или при летучей мыши...

...В клинике леденящий холод, очень трудно стало работать, хочется поменьше двигаться, хочется погреться. А главное все же голод. Это чувство почти невыносимо. Беспрестанные мысли о еде, поиски еды вытесняют все другое. Мало верится в близость коренного улучшения, о чем изголодавшиеся ленинградцы много говорят... В институте с серьезным видом готовятся к зимней сессии. Но как она может пройти, если студенты более двух месяцев почти не ходят на практические занятия, очень плохо — на лекции и вовсе не читают дома! Занятий фактически нет, но Ученый совет собирается аккуратно, через понедельник, и слушает защиту диссертаций. Все профессора сидят в шубах и шапках, все осунулись и все голодны... Вот и начался 1942 год... Встретил его в клинике, на дежурстве. К вечеру 31 декабря начался жестокий артобстрел района. Привезли раненых. Обработку закончил за пять минут до начала нового года.

Начало это безрадостно. Видимо, уже близится предел человеческих испытаний. Иссякли все мои дополнительные источники питания — вот он, настоящий голод: судорожное ожидание тарелки супа, притупление интереса ко всему, адинамия. И это ужасающее равнодушие... Как безразлично все — и жизнь, и смерть... Все чаще вспоминается екатеринбургское предсказание о моей смерти на 38-м году жизни, то есть в 1942 году...

...Несчастные окоченевшие больные лежат, прикрывшись шубами и грязными матрацами, кишмя кишат вшами. Воздух пропи-

▲ Санитарный поезд

▲ Эвакуация раненого с переднего края на собачей упряжке

тан гноем и мочой, белье грязное до черноты. Воды нет, света нет, уборные забиты, в коридорах вонь от неслитых помоев, на полу полузамерзшие нечистоты. Их не выливают вовсе или сбрасывают тут же, у входа в хирургическое отделение — храм чистоты!.. И такая картина во всем городе, так как повсюду с конца декабря нет тепла, нет света, воды и канализации. Всюду видны люди, таскающие воду из Невы, Фонтанки (!) или из каких-то скважин на улице. Трамваи не идут уже с середины декабря. Привычными уже стали валяющиеся на улицах трупы полураздетых людей, мимо которых с равнодушием проходят пока еще живые. Но все же более страшное зрелище — грузовики-пятитонки, доверху груженые трупами. Кое-как прикрывши «груз», машины свозят их на кладбища, где экскаваторами роются траншеи, куда и сбрасывают «груз»... И все же ждем весны, как избавления. Проклятая надежда! Неужели она и сейчас нас обманет!»

Доктор упоминает о ценах на вещи в дни блокады, на еду менялось всё: *«дорогие рояли и пианино можно свободно купить за 6–8 рублей — 6–8 кг. хлеба! Прекрасную стильную мебель — за ту же цену! Отец приобрел неплохое осеннее пальто за 200 гр. хлеба. Зато в денежном выражении продукты крайне дороги — хлеб снова 400 руб. кг., крупы 600 руб., масло 1700–1800 руб., мясо 500–600 руб., сахарный песок 800 руб., шоколад 300 руб. плитка, коробок спичек — 40 руб.!»* К первому мая в блокадном Ленинграде горожане получили подарки, настоящие пиршество: *«Настроение у ленинградцев явно повысилось. К празднику выдали очень много продуктов, а именно: сыра 600 гр., колбасы 300 гр., вина 0,5 л, пива 1,5 л, муки 1 кгр., шоколада 25 гр., табаку 50 гр., чаю 25 гр., сельдей 500 гр. Это помимо всех текущих выдач — мяса, крупы, масла, сахара».*

«Вообще я рад пребыванию в Ленинграде, и если бы нынешнее положение не ухудшалось в военном и бытовом отношении — я готов оставаться ленинградцем до конца войны и ждать возвращения своих сюда» - пишет несломленный врач.

«Без медикаментов нет практической медицины» - отмечал Ефим Иванович Смирнов. Владимир Терентьевич Кунгурцев рассказывал о военных лекарствах-обезболивающих: *"Если у раненного болевой шок, надо положить его так, чтобы кровь нормально циркулировала, а голова находилась не выше корпуса. Затем надо обезболить раны. Ничего кроме хлорэтила у нас тогда не было. Хлорэтил замораживает боль на несколько минут. А уже потом, в медсанбате и в госпитале раненному делали инъекции новокаина, давали более эффективные эфир и хлороформ".*

"Но мне везло: ни одного смертельного случая. А вот тяжелые были: однажды привезли бойца с пневмотраксом грудной клетки. Он не мог дышать. Наложил ему глухую повязку, чтобы воздух не попал в легкие. Вообще, тяжело раненных мы оперативно эвакуировали — на носилках или маши-

нах. У всех солдат в обязательной экипировке были индивидуальные перевязочные пакеты, которые они получали у полкового врача. Каждый солдат был хорошо проинструктирован на случай ранения. К примеру, если пуля попала в живот, пить и есть нельзя, потому что через желудок и кишечник вместе с жидкостью в брюшную полость попадает инфекция, и начинается воспаление брюшины — перитонит".

"У неопытного наркотизатора больной под эфиром долго не засыпает, и может проснуться во время операции. Под хлороформом же больной заснет обязательно, но может не проснуться" - писал врач Юдин.

В годы войны раненые умирали чаще от заражения крови. Были случаи, когда из-за нехватки лекарств для предотвращения гангрены раны перевязывали бинтами, смоченными в керосине, что предотвращало заражение. В Советском Союзе знали об изобретении английского ученого Флеминга — пенициллине. Однако согласование на использование лекарства требовало времени. В Англии к открытию отнеслись с недоверием, и Флеминг продолжил свои опыты в США. Сталин не доверял союзникам-американцам, опасаясь, что лекарство может быть отравлено. Опыты Флеминга в США продолжались успешно, но патентовать изобретение ученый отказался, утверждая, что лекарство создано для спасения всего человечества. Чтобы не терять время на бюрократию, советские ученые взялись за разработку аналогичного лекарства-антибиотика.

«Устав от напрасного ожидания, весной 1942 года я с помощью друзей стала собирать плесени из самых различных источников. Те, кто знал о сотнях неудачных попыток Флори найти свой продуцент пенициллина, относились к моим опытам иронически» — вспоминала Тамара Балезина.

«Мы стали использовать метод профессора Андрея Львовича Курсанова по выделению спор плесени из воздуха на очистки картофеля (вместо самого картофеля — по военному времени), смоченные медным купоросом. И лишь 93-й штамм — споры, выросшие в бомбоубежище жилого дома на чашке Петри с очистками картофеля, — показал при испытании методом разведений в 4–8 раз большую активность пенициллина, чем флемингов-ский».

К концу 1941 года советский пенициллин начал применяться для лечения. Опыт нового лекарства был поставлен на 25 умирающих раненых, которые постепенно пошли на поправку. «Невозможно описать нашу радость и счастье, когда мы поняли, что все наши раненые постепенно выходят из септического состояния и начинают поправляться. В конце концов, все 25 были спасены!» — вспоминала Балезина. Широкое промышленное производство пенициллина началось в 1943 году. Будем помнить о подвиге героев-медиков. Они смогли сделать невозможное. Спасибо этим отважным людям за Победу! ■

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

▲ В состав СССР

После воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии и вхождения Прибалтики в состав СССР, в результате деятельности поддерживаемых немецкой разведкой националистических элементов, в этих регионах сложилась сложная общественно-политическая и криминогенная обстановка. В каждой республике она отличалась значительным своеобразием, что было связано с различными, в том числе и историческими, факторами. Наиболее сложной была обстановка на Западной Украине.

УКРАИНА

В IX — начале XII века именно на территории современной Украины располагалось ядро Древнерусского государства. После его распада различные регионы Украины на протяжении длительного времени принадлежали разным государствам. Большая часть территории Украины оказалась в подчинении Речи Посполитой. Однако интеграции местного населения в Речи Посполитой не произошло. Социальное расслоение шло, прежде всего, по этническому принципу: с одной стороны, украинское крестьянство, с другой — польские земельные магнаты и шляхта. Также сохранялось и конфессиональное разделение между украинцами, хранившими в массе верность православию, и поляками — католиками. Созданная в 1596 г. Униатская церковь (которая подчинялась папе римскому и признавала основные догматы католической церкви при сохранении православных обрядов) не решила проблемы консолидации. В ходе освободительной войны 1648-1654 гг. по решению Переяславской рады

1654 г. Левобережная Украина вошла в состав Русского государства.

Длительное раздельное существование восточных славян вызвало определенные различия в социальной психологии и способствовало их этнической дифференциации. Во второй половине XVIII в. Гетманство и казачье войско были упразднены, официальный статус как крестьян, так и помещиков Левобережной Украины и Великороссии уравнен. В это же время в результате трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) в состав Российской империи вошла и значительная часть Правобережной Украины, получившая официальное название «Юго-Западного края».

В результате тех же разделов Польши часть Западной Украины — Галиция вошла в состав Австрийской империи. Именно в Галиции наиболее интенсивно шло формирование украинского самосознания.

Февральская революция в России способствовала подъему национального движения на ее окраинах. 4 (17) марта 1917 г. в Киеве была создана Центральная Рада. В своем первом универсале 10 (23) июня 1917 г. Рада провозгласила автономию Украины, а 16 (29) июня создала исполнительный орган — Генеральный секретариат. Однако вскоре Рада пошла на сговор с Временным правительством и во втором универсале 3 (16) июля отложила осуществление автономии до созыва Всероссийского учредительного собрания. После Октябрьской революции 7 (20) ноября Рада объявила себя верховным органом Украинской Народной Республики в составе России. И только 11 (24) января 1918 г. была провозглашена независимость Украины. 27 января (9 февраля) 1918 г. Рада заключила договор с австро-германским блоком, однако германские войска, заняв Украину, 29 апреля разогнали Раду и заменили ее «правительством» гетмана П. П. Скоропадского.

Власть гетмана держалась только на немецких штыках и с поражением Германии в Первой мировой войне рухнула. 14 ноября 1918 г. сторонники независимости Украины создали Директорию в составе: председатель В. К. Винниченко (до февраля 1919 г.), головной атаман С. В. Петлюра (с 10 февраля 1919 г. он же стал председателем), П. Андриевский, А. Макаренко, Ф. Швец. В январе-апреле 1919 г. вооруженные силы Директории были разгромлены советскими войсками, а их остатки и сама Директория укрылись в Восточной Галиции и Польше. После заключения 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора между Советской Россией, Советской Украиной и Польшей к последней отошли западные районы Украины. Общая площадь украинских земель, вошедших в состав Польши, составила 162 тыс. квадратных километров, население — 11 млн. человек. В этих районах, главным образом, и развертывалось движение украинских националистов.

Руководили украинскими националистами четыре центра: Украинская военная организация (УВО) в Берлине, Гетманский центр также размещался в Берлине, Петлюровский — в Варшаве, Львове и Луцке, Эсеровско-эсдековский находился в Праге.

Наиболее активна была УВО, однако под влиянием внутренних противоречий она распалась в 1928 г. Уже в 1929 г. бывшие деятели УВО, а также «Украинской националистической молодежи», «Легиона украинских националистов» и «Ассоциации украинской националистической молодежи» образовали Организацию украинских националистов (ОУН).

Борьба украинских националистов против польского господства

▲ Переяславская Рада навеки с Москвой

на Западной Украине велась не только путем пропаганды, но и при помощи террора. Наиболее громким террористическим актом стало убийство в 1934 г. министра внутренних дел Польши Б. Перацкого, который был инициатором создания в стране концлагерей и сторонником решительных мер против украинских националистов. Этот акт был организован Степаном Бандерой, который в 1936 г. вместе с непосредственными исполнителями был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением.

Во главе ОУН стоял бывший командир корпуса «Сичевых стрельцов» Евгений Коновалец. После его убийства в 1938 г. сотрудником НКВД П. А. Судоплатовым ОУН возглавил Андрей Мельник. Его соперником в борьбе за руководство национальным движением стал освобожденный после оккупации Польши германскими войсками Степан Бандера. В результате ОУН раскололась на ОУН-М (во главе с Мельником) и ОУН-Б (во главе с Бандерой), которая называлась также ОУН-Р (ОУН-революционеры).

Неожиданные перемены в судьбу Западной Украины внес советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. В секретном приложении к этому документу (называемому также «пактом Молотова-Риббентропа» по фамилиям подписавших его руководителей внешнеполитических ведомств) предусматривалась передача Восточной Галиции в сферу интересов Советского Союза. 17 сентября 1939 г. части Красной Армии вступили на территорию Польши и через несколько дней дошли до «линии Керзона» — линии, которая была в декабре 1919 г. рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял решение о включении Западной Украины в состав СССР, с воссоединением ее с УССР, а 6 ноября были организованы Управления НКВД по Львовской, Луцкой, Станиславской и Тарнопольской областям.

В 1940 г. от Румынии к СССР отошли Северная Буковина и Бессарабия. Северная Буковина была присоединена к Украинской ССР под названием Черновицкая область, а из южной части Бессарабии была образована Аккерманская область УССР (7 декабря переименованная в Измаильскую). Остальная часть Бессарабии вместе с выделенной из Украинской ССР Молдавской АССР составили Молдавскую ССР.

Казалось, мечты украинских националистов о соборности их родины сбываются. Но установленный в этих областях советский строй был враждебен целям ОУН, и она надеялась устранить его с помощью Германии. В Берлине считали ОУН единственным официальным политическим представительством украинской эмиграции в Германии, и каждый, считавший себя украинцем, должен был зарегистрироваться именно в этой организации.

Количество вооруженных выступлений оуновцев в конце 1939 — начале 1941 г. было относительно невелико. По Волынской области за 1940 г. зарегистрировано 55 «бандпроявлений», при этом убито и ранено 5 работников милиции и 11 человек из советско-партийного актива. Лик-

▲ ОУН УПА

▲ УПА

видировано 5 групп с количеством участников 26 человек и 12 отдельных оуновцев. По Львовской области на 29 мая 1940 г. значилось 4 политические банды (численностью 30 человек) и 4 уголовно-политические (27 человек), в Ровенской области политических банд на учете не было (только уголовные), в Тарнопольской 3 уголовно-политические (численностью 10 человек). В Станиславской области с апреля по декабрь 1940 г. ликвидировано 17 вооруженных групп, из них 5 политических (оуновских) и 12 уголовных. За этот период националисты совершили 8 террористических актов над советским активом из местного населения. Начальник УНКВД по Станиславской области АН. Михайлов докладывал: «Действующих вооруженных банд на территории области — нет».

Однако перед началом войны оуновцы активизировались. В апреле 1941 г. было зарегистрировано 47 террористических актов, убито: 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правления колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного советского аппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников-активистов (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В мае учтено 58 террористических актов, в результате которых убито 57 и ранено 27 человек: председателей и секретарей сельсоветов — 10, председателей колхозов и колхозных активистов — 30, партийно-комсомольских работников — 2, школьно-клубных работников — 9, работников советского аппарата — 7, работников милиции — 4, военнослужащих — 2, членов семей сельского актива — 16. На 1 мая 1941 г., по данным ОББ ГУМ НКВД СССР, в республике значилось всего 22 бандгруппы с числом участников 105 человек, на 1 июня — 61 с 307 участниками, на 15 июня — 74 и 346 участников. Для борьбы с ними органы НКВД-НКГБ предлагали использовать политику кнута и пряника. С одной стороны, нарком государственной безопасности УССР П. Я. Мешик просил репрессировать семьи нелегалов, конфисковать имущество, выселить в отдаленные места СССР семьи арестованных оуновцев, а также кулаков; с другой стороны, в директиве УНКВД и УНКГБ УССР по Ровенской области от 28 апреля 1941 г. предписывалось «впредь подвергать аресту только руководящий состав и актив оуновцев. Низовку не арестовывать, так как они в своем большинстве являются бедняками» и давались обещания не преследовать явившихся с повинной и добровольно сдавших оружие.

14 мая 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР», согласно которому члены семей — участников украинских и польских националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение или были осуждены к высшей мере наказания, подлежали аресту и направлению в ссылку на поселение в отдаленные районы СССР сроком на 20 лет с конфискацией имущества (док. № 10). Операция была закончена 22 мая. Нарком государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов докладывал И. В. Сталину и В. М. Молотову, что в ряде случаев было оказано вооруженное сопротивление, в ходе которого было убито 7 и ранено 5 нелегалов, всего по семи областям Западной Украи-

▲ Западная Белоруссия 1939 г.

ны было депортировано 3073 семьи в составе 11329 человек. Эти данные немного отличаются от подсчитанного А. Э. Гурьяновым по сводкам и итоговой справке Отдела железнодорожных и водных перевозок НКВД СССР числа ссыльнопоселенцев из западных областей Украины в 11093 человека, которое следует признать наиболее достоверным.

БЕЛОРУССИЯ

Так же как и Украина, Белоруссия на протяжении нескольких веков находилась под властью Великого княжества Литовского, а затем — Речи Посполитой. В результате разделов Польши 1772, 1793 и 1795 годов ее территория вошла в состав Российской империи.

В феврале 1918 г. немецкие войска захватили большую часть территории Белоруссии. С разрешения оккупантов буржуазно-националистическая Белорусская рада создала «правительство Белорусской республики» во главе с помещиком Скирмунтом и в марте 1918 г. объявила об отделении Белоруссии от России, о разрыве с РСФСР и аннулировании декретов советской власти.

В ноябре — декабре 1918 г. частями Красной Армии при содействии партизан Белоруссия была освобождена от немецких оккупантов. 1 января 1919 г. была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика. Руководство белорусских националистов укрылось в Польше. В 1919 г. они образовали белорусское правительство в изгнании и стали формировать «Белорусскую национальную армию». В 1920-1921 гг. белорусские националистические вооруженные формирования под руководством С. Н. Булак-Балаховича вели активную борьбу с советской властью в Белоруссии.

По Рижскому мирному договору 18 марта 1921 г. Западная Белоруссия с территорией 113 тыс. квадратных километров и населением около 4,6 млн. человек отошла к Польше. Лишь в сентябре 1939 г. Западная Белоруссия была воссоединена с БССР. Приказами НКВД СССР от 2 и 29 ноября 1939 г. были организованы Управления НКВД по Белостокской, Новогрудской, Пинской, Вилейской и Брест-Литовской областям. Главную угрозу для новой власти представляли польские переселенцы — так называемые «осадники». Органами НКВД в Западной Белоруссии было учтено 3998 семейств осадников, а по Западной Украине — 9436 семейств. Согласно Постановлению СНК СССР от 29 декабря 1939 г. № 2122-617сс они выселялись в отдаленные местности СССР и должны были работать в лесной промышленности.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 2 марта 1940 г. с рассветом 13 апреля 1940 г. в западных областях Белорусской ССР органы НКВД приступили к операции по вы-

селению членов семей лиц, содержащихся в лагерях для военнопленных, в тюрьмах, бежавших в разное время за границу, скрывающихся и разыскиваемых бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, бывших помещиков, фабрикантов, крупных чиновников и участников «контрреволюционных повстанческих и шпионских организаций». Всего подлежало выселению 8639 семей, с общим числом членов 29699, по данным НКВД БССР, репрессировано 8055 семей, общим количеством 26777 человек.

Численность перешедших на нелегальное положение была невелика, а террористические акты носили характер самообороны или мести конкретным лицам. При этом в донесениях НКВД говорится о сочувствии местного кулацкого населения нелегалам. По данным ОББ ГУМ НКВД СССР, на 1 мая 1941 г. в Белоруссии значилась только 1 бандгруппа, на 15 июня — 13, с 67 участниками.

Накануне войны в западных областях Белоруссии было проведено изъятие активных участников и членов семей националистических организаций. В основном проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР по этому вопросу (текст утвержденного постановления до сих пор не обнаружен) повторял аналогичный документ по Западной Украине. Но имелись и некоторые отличия.

Во-первых, речь шла только о польских националистах, хотя органы государственной безопасности выявили и разрабатывали немало белорусских националистических организаций. Впрочем, как видно из спецсообщения наркома внутренних дел БССР Л. Ф. Цанавы секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, арестованы были руководители и члены «различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских к[онтр]р[еволюционных] организаций».

Во-вторых, речь шла не только о семьях перешедших на нелегальное положение и осужденных к ВМН националистов, но и бывших польских офицеров, жандармов, полицейских, охранников и чиновников, бежавших за границу. Итоги этой операции были представлены наркомом государственной безопасности БССР Л. Ф. Цанавой 21 июня 1941 г.:

Области	Арестовано	Выслано	Всего репрессировано
Белостоцкая	500	11405	11905
Брестская	300	3039	3339
Барановичская	475	2723	3199
Пинская	363	2299	2662
Вилейская	420	2887	3307
Всего:	**2059**	**22353**	**24412**

▲ Западная Белоруссия 1939 г.

Впрочем, не всех выселенных и погруженных в эшелоны удалось вывезти. В связи с начавшейся войной и быстрым продвижением немецких войск 5 эшелонов не успели выехать вглубь СССР: из трех эшелонов спецпереселенцы были распущены конвоем после немецких бомбардировок и разрушения путей, судьба двух эшелонов осталась неизвестной. Полученная по эшелонным данным, оценка от 20397 до 21 тыс. человек представляется более достоверной, нежели приводимая по учетам мест расселения (24266 человек).

ЛИТВА

В 1240 г. образовалось раннефеодальное государство — Великое княжество Литовское. На протяжении свыше 200 лет ему пришлось вести упорную борьбу с агрессией немецких рыцарей, которым удалось в 1230-1283 гг. захватить земли пруссов и западных литовцев. Однако разгром рыцарей-крестоносцев в 1236 г. под Сауле (Шяуляем) и в 1260 г. при озере Дурбе приостановил захваты литовских земель.

В то же время, используя феодальную раздробленность и ослабление русских княжеств после монголо-татарских завоеваний, литовские князья стали присоединять белорусские, украинские и русские земли. В условиях внутренней борьбы и войны с кресто-

носцами между Литвой и Польшей в 1385 г. была заключена Кревская уния, а в 1387 г. Литва (за исключением Жемайтии) приняла католичество. В 1413 г. католичество распространилось и на Жемайтию. Объединенные силы Литвы и Польши 15 июля 1410 г. разбили рыцарей Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве, после чего орден был вынужден прекратить агрессию против литовских земель (однако сохранил под своей властью Клайпедский край). В 1435 г. при Свенте (Швянтойи) были разбиты и войска Ливонского ордена.

С возникновением централизованного Русского государства русские земли, захваченные Литвой, стали тяготеть к Москве. Попытки литовских феодалов удержать эти земли и завоевать новые привели к неудачным войнам с Россией в конце XVначале XVI в., в результате которых территория Великого княжества Литовского значительно сократилась. В 1558-1583 гг. Литва втянулась в неудачную войну с Русским государством за Ливонию. В ходе ее литовские феодалы склонились к необходимости более тесного объединения с Польшей. В 1569 г. была заключена Люблинская уния, по которой Польша и Литва соединились в единое государство — Речь Посполитую. Литва сохранила значительную автономию: особое законодательство и суды, высшие административные должности, государственную казну и войско, однако ее суверенитет был сильно ограничен.

Вследствие трех разделов Речи Посполитой большая часть этнографической территории Литвы вошла в состав Российской империи.

В ходе I мировой войны территория Литвы была оккупирована германскими войсками. Созданный под их контролем в сентябре 1917 г. Литовский совет (Тариба) 11(24) декабря 1917 г. выступил с декларацией, в которой высказывался «за вечную, прочную связь с Германской империей; эта связь должна осуществляться на основе военной конвенции, общих путей сообщения и на основе общей таможенной и валютной систем».

8 декабря 1918 г. в Вильнюсе было создано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с В.С. Мицкявичюсом-Капсукасом. 18-20 февраля 1919 г. в Вильнюсе состоялся 1-й съезд Советов Литвы, который признал необходимым объединение Литвы и Белоруссии в единую Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Формально она просуществовала до июля 1920 г., но уже к августу 1919 г. юго-восточные районы Литвы были оккупированы польскими войсками, а на остальной территории установилась власть буржуазных националистов. В течение 1919-1920 гг. между польскими и литовскими войсками неоднократно происходили военные столкновения. Главным предметом спора был Вильнюсский край, где проживало много поляков. В итоге эта территория была официально включена в состав Польши, что привело к разрыву дипломатических и экономических отношений между

▲ Прибалтика

Польшей и Литвой. Не удивительно, что Литва активно поддерживала все антипольские национальные движения, в частности украинскую националистическую организацию Е. Коновальца.

В мае 1920 г. в Каунасе был созван Учредительный сейм, который принял конституцию, объявившую Литву парламентарной республикой. 17 декабря 1926 г. лидер партии «Таутининкай саюнга» (Союз националистов) А. Сметона совершил военный переворот. Сейм был распущен, фактически вся власть сосредоточилась в руках президента Правда, в 1936 г. был избран новый сейм, но при этом были запрещены все партии, кроме правительственной. В лице военизированной организации «Шаулю саюнга» («Союз стрелков») правительство Сметоны обладало не только политической, но и вооруженной поддержкой.

В марте 1939 г. фашистская Германия захватила порт Клайпеду и Клайпедский край. Согласно подписанному 23 августа пакту Молотова-Риббентропа Литва отошла в сферу влияния Германии. Но по договору от 28 сентября того же года Германия и СССР произвели уточнение сфер влияния, теперь Литва (кроме Клайпеды) оказалась в советской сфере.

10 октября 1939 г. был подписан советско-литовский договор. С одной стороны, по нему Литве был передан Вильнюсский край, освобожденный Красной Армией в сентябре от польской оккупации, с другой стороны — в Литве были размещены гарнизоны советских войск.

14 июня 1940 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов передал литовскому министру иностранных дел Ю. Урбшису заявление советского правительства, в котором, после обвинений литовского правительства в нарушении Договора о взаимопомощи (в том числе в похищении советских военнослужащих), выдвигались следующие требования:

«1. Чтобы немедленно были преданы суду министр внутренних дел г. Скучас и начальник департамента политической полиции г. Повилайтис, как прямые виновники провокационных действий против советского гарнизона в Литве.

2. Чтобы немедленно было сформировано в Литве такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора.

3. Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы...».

15 июня в страну были введены дополнительные контингенты советских войск. А. Сметона бежал в Германию. 17 июня было образовано «Народное правительство».

Собравшийся 21 июля новый, Народный сейм, провозгласил Литву советской социалистической республикой и обратился к Верховному Совету СССР с просьбой о принятии Литвы в состав Советского Союза. Осенью этого же года в Литве начались глубокие социально-экономические преобразования — экспроприация капиталистической частной собственности, сокращение крупных земельных владений и передача излишков земли батракам и малоземельным крестьянам. 31 августа 1940 г. был образован народный комиссариат внутренних дел Литовской ССР.

Таутининки и другие националисты ушли в глубокое подполье. Первое время число их вооруженных выступлений было невелико. Однако накануне войны количество антисоветских групп и вооруженных выступлений значительно возросло, советские власти наметили очистить территорию Литвы (как и другие недавно вошедшие в состав СССР земли) от всех, кого они считали своими врагами.

В докладной записке НКГБ Литовской ССР от 12 мая 1941 г. говорилось: «...За последние месяцы в республике значительно растет активная враждебная деятельность. Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов...

В силу этого считали бы необходимым приступить к аресту и принудительному выселению из Литовской ССР наиболее активных категорий лиц:

- Государственный буржуазный аппарат: чиновники государственной безопасности и криминальной полиции; командный состав полиции; административный персонал тюрем; работники судов и прокуратуры, проявившие себя в борьбе с революционным движением; офицеры 2-го Отдела Генштаба Литовской армии; видные государственные чиновники; уездные начальники и комендантты.
- Контрреволюционные партии: троцкисты; активные эсеры; активные меньшевики; провокаторы охранки (по данным литовской охранки, по этим категориям числится 963 человека).
- Литовская националистическая контрреволюция: (считаем необходимым подвергнуть аресту только руководящий состав наиболее реакционных фашиствующих партий и организаций) таутининков; яунои-лиетува (молодые таутининки); вольдемаристы (фашистская организация германской ориентации — всех); руководящий состав «Шаулю Саюнга» (от командиров взводов и выше) (по статистическим данным, бывшей литовской буржуазной прессы руководящего состава насчитывается более 10 тысяч человек).
- Фабриканты и купцы Литвы: фабриканты, годовой доход коих свыше 150 тыс. лит; крупные домовладельцы, недвижимость коих оценивалась более 200 тыс. лит; купцы, годовой оборот коих свыше 150 тыс. лит; банкиры, акционеры, биржевики (по данным б[ывшего] Министерства финансов Литвы, по таким категориям числится 1094 человека).
- Русские белоэмигрантские формирования: Российский фашистский союз; Российский общевоинский союз; младороссы; все офицеры белых армий, контр-

разведок и карательных органов (по учетам литовской охранки по этим категориям числится 387 человек).

- Лица, подозрительные по шпионажу: уголовный и бандитский элемент — более 1 тысячи человек; проститутки и притоносодержатели — более 500 человек».

В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г. в Литве была проведена операция по изъятию «антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Вначале она планировалась на 12 июня, но так как в этот день в Литве отмечается большой религиозный праздник, операцию провели 1314 июня. Было арестовано 5664 и выселено 10187 человек, в том числе: активные члены националистических и белогвардейских организаций и члены их семей: арестовано 1877, выселено — 4277; бывшие охранники, жандармы, руководящий состав полицейских и тюремщиков, а также рядовые полицейские и тюремщики, на которых имелись компрометирующие материалы, и члены их семей: арестовано — 617, выселено — 1266; бывшие крупные помещики, фабриканты и чиновники государственного аппарата и члены их семей: арестовано — 1122, выселено 2560; бывшие офицеры литовской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы, и члены их семей: арестовано — 104, выселено 176; члены семей участников контрреволюционных организаций, которые были осуждены к ВМН: арестовано — 27, выселено — 64; лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, записавшиеся на репатриацию в Германию и не уехавшие по различным причинам, в отношении которых имелись компрометирующие материалы: арестовано — 66, выселено — 99; беженцы из Польши: арестовано — 337, выселено — 1330; военнослужащие армейских территориальных корпусов: арестовано — 285; проститутки: выселено — 395; уголовный элемент: арестовано 1229.

Однако «эшелонные» данные существенно отличаются от этих цифр. Согласно им в ссылку было направлено 12838 человек, в лагеря военнопленных — 3425, непосредственно в ИТЛ — 1238 (уголовники).

ЛАТВИЯ

В конце XII-XIII веках Прибалтика стала объектом Крестовых походов немецкого рыцарства и немецких купцов при поддержке католической церкви. В результате территория Латвии и Эстонии до конца XVI века попала под власть Ливонского ордена. Латышей и немцев в Ливонии разделяли как социальный, так и политический барьеры. Помещиками были потомки рыцарей-крестоносцев, а большинство латышского населения, крестьяне, к концу XVI века превратились в крепостных. В городах латыши также принадлежали к низшим слоям населения, их не принимали в гильдии, они не имели права создавать ремесленные цехи и приобретать недвижимость.

В 1558 г. русский царь Иван Грозный вторгся на территорию Ливонии, пытаясь заполучить выход к Балтийскому морю. Ливонский орден был разгромлен, однако его магистр и рыцарство, а также Рижский архиепископ предпочли подчиниться не русскому, а польскому королю. В итоге образовались Курляндское и Пардаугавское герцогства, находившиеся в вассальной зависимости от Речи Посполитой. В борьбу за господство на восточном побережье Балтийского моря включилась также Швеция, которая после войны с Польшей овладела в 1629 г. всей Видземе.

Новую попытку обеспечить для России выход к Балтийскому морю предпринял Петр I. После долгой и упорной Северной войны, в результате Ништадтского мира 1721 г. часть современной Латвии вошла в состав России. После первого раздела Польши в 1772 г. к России была присоединена Латгале, а после раздела 1795 г. — и Курляндия.

В феврале 1918 г. вся территория Латвии была захвачена германскими войсками. После поражения Германии, 18 ноября 1918 г., было сформировано временное буржуазное правительство во главе с К. Улманисом (в российской историографии его фамилию обычно транскрибируют как Ульманис).

Правительство Советской России воспользовалось поражением Гер-

▲ Рига, 1940 г.

мании и аннулировало 13 ноября 1918 г. Брестский договор. 4 декабря 1918 г. было образовано советское правительство Латвии (председатель — П.И. Стучка). 3 января 1919 г. его войска вошли в Ригу, а к концу января они заняли всю территорию Латвии, кроме Лиепаи с окрестностями. Помощь временному правительству Улманиса оказывала Германия. Из Берлина в Курземе была передислоцирована 1-я гвардейская дивизия, командование Балтийским ландесвером (сформированным в основном из балтийских немцев) и «железной дивизией» (составленной из бывших солдат германской армии) приняли немецкие офицеры. Главнокомандующим всеми немецкими вооруженными силами в Курземе и Северной Литве, а также губернатором Лиепаи в начале февраля был назначен «политический генерал» Рюдигер фон дер Гольц, которому удалось стабилизировать ситуацию и перейти в успешное наступление. Причем главная роль в военных действиях принадлежала регулярным немецким частям. В январе 1920 г. при поддержке Польши части Красной Армии были вытеснены из Латгале. Еще во время последних боев начались мирные переговоры между Советской Россией и Латвией, которые завершились 30 января подписанием мирного договора. Советская власть в Латвии была ликвидирована.

В мае 1934 г. К. Улманис установил в стране режим диктатуры. Ее вооруженную опору представляли отряды айзсаргов — фактически 40-тысячная территориальная армия, составленная из зажиточных крестьян и городской буржуазии.

В обстановке начавшейся II мировой войны и состоявшегося раздела «сфер влияния» между Германией и СССР правительство Улманиса вынуждено было 5 октября 1939 г. подписать пакт о взаимопомощи между СССР и Латвией. По этому договору Советский Союз получил право иметь в Лиепае и Вентспилсе базу военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации, а также соорудить базу береговой артиллерии на побережье между Вентспилс и Питрагс. На отведенных под аэродромы и базы участках размещались гарнизоны общей численностью до двадцати пяти тысяч человек.

16 июня В.М. Молотов вызвал латвийского посланника Ф. Коциньша и огласил заявление советского правительства. В отличие от заявления, переданного накануне правительству Литвы, в нем не говорилось о похищении советских военнослужащих. Единственным «не только недопустимым и нетерпимым, но и глубоко опасным, угрожающим безопасности границ СССР» поступком правительства Латвии считалось то, что оно не только не ликвидировало созданный еще до заключения советско-латвийского Пакта о взаимопомощи военный союз с Эстонией, но и расширило его, пригласив в этот союз Литву. Не содержал этот документ и требований предания суду конкретных лиц, но главные требования были аналогичны — формирование нового правительства и допуск в Латвию дополнительных советских воинских частей. Беседа Молотова с Коциньшем продолжалась с 14 часов до 14 часов 23 минут, а ответ латвийское правительство должно было дать уже к 11 часам ночи того же дня! Впрочем, оно успело сообщить о своей отставке уже в 22 часа 40 минут. На смену ему пришло Народное правительство во главе с профессором А. Кирхенштейном.

21 июля 1940 г. на своем первом заседании Народный сейм Латвии принял декларацию о восстановлении советской власти и обратился в Верховный Совет СССР с просьбой о принятии Советской Латвии в СССР. Просьба, естественно, была удовлетворена. 29 августа был организован Народный комиссариат внутренних дел Латвийской ССР.

Накануне войны с целью очистки Латвии от враждебного и антисоветского элемента, 14 июня 1941 г. советские власти провели его выселение. Согласно докладу НКГБ СССР В.Н. Меркулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия было арестовано 5625 и выселено 9546 человек. «Эшелонная» оценка дает несколько большие цифры: 10396 ссыльнопоселенцев, 5921 человек направлен в лагеря военнопленных и 583 — в исправительно-трудовые лагеря.

ЭСТОНИЯ

В 1238 г. северная эстонская земля Рявала, слившаяся с Харьюмаа и Вирумаа, была захвачена Данией, а остальная территория — Ливонским орденом. Некоторые представители зарождающейся эстонской феодальной знати были уничтожены, другие попали в вассалы и вскоре онемечились. Крестьянство неоднократно восставало против захватчиков, но эти восстания были подавлены.

В 1346 г. король Дании продал Харьюмаа и Вирумаа Тевтонскому ордену, а тот, в свою очередь, через год перепродал эти земли Ливонскому ордену. В 1558 г. Русское государство начало Ливонскую войну и скоро заняло Восточную Эстонию. Немецкие феодалы искали военной помощи у Дании, Швеции и Речи Посполитой. В результате Ливонский орден в 1562 г. прекратил существование, а территория Эстонии была к 1583 г. разделена между 3 государствами: Северная Эстония отошла к Швеции, Южная — к Речи Посполитой, о. Сааремаа — к Дании. После изнурительных польско-шведских войн 1600-1611 и 1617-1629 г. Швеция завоевала всю материковую Эстонию. Войны, эпидемии и голод сократили население Эстонии примерно на 65% (до Ливонской войны оно составляло 250-280 тыс., в 1625 г. — ок. 100 тыс.). В 1645 г. к Швеции отошел и о. Сааремаа.

В ходе Северной войны 1700-1721 гг. между Россией и Швецией территория Эстонии стала районом военных действий. К 1710 г. вся Эстония была освобождена от шведских войск, а по Ништадтскому мирному договору 1721 г. официально вошла в состав Российской империи. При этом царские власти сохранили привилегии немецкого дворянства, в руках которого сос-

▲ Эстония, 1940 г.

редоточилась административная, судебная и полицейская власть.

В феврале-марте 1918 г. территория Эстонии была оккупирована немецкими войсками. В обстановке военного поражения Германии 11 ноября 1918 г. возникло буржуазное временное правительство Эстонии (премьер К. Пяте). 29 ноября в Нарве была провозглашена Эстонская Советская Республика, названная Эстляндской трудовой коммуной. Однако ее существование оказалось кратковременным. Уже к февралю 1919 г. части Красной Армии были вытеснены с территории Эстонии.

19 мая Учредительное собрание провозгласило создание буржуазной Эстонской республики. Ее власти активно поддерживали русских белогвардейцев, Северный корпус которых в декабре 1918 — мае 1919 гг. находился в подчинении главнокомандующего вооруженными силами Эстонии. В свою очередь, правительство Северо-Западной области России, созданное 11 августа 1919 г. в Ревеле (Таллине), признало независимость Эстонии. Впрочем, само это правительство полностью зависело от поддержки стран Антанты и Эстонии, на территории которой размещалось. К концу 1919 г. белые войска генерала Н. Н. Юденича были разгромлены Красной Армией, и 2 февраля 1920 г. Эстония первой из буржуазных государств подписала мирный договор с РСФСР.

12 марта 1934 г. лидеры Объединения аграриев К. Пяте и И. Лайдонер осуществили государственный переворот и захватили власть. Осенью 1934 г. был распущен парламент, а в 1935 г. — все политические партии. Вместо них создана партия «Изамаалийт» («Отечественный союз»). В апреле 1938 г. К. Пяте был избран президентом.

Во второй половине 30-х гг. в Эстонии возросло влияние фашистской Германии. Германия вышла на 1-е место во внешней торговле Эстонии, германские концерны установили контроль над сланцевой, целлюлозной и фосфоритной промышленностью. Однако по советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. Эстония попала в сферу влияния СССР. По пакту о взаимопомощи между СССР и Эстонией от 28 сентября 1939 г. Советский Союз получил право иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт) базы военно-морского флота и несколько аэродромов. Согласно конфиденциальному протоколу численность советских гарнизонов могла достигать 25 тысяч человек.

16 июня 1940 г. Председатель Совета Народных Комиссаров и одновременно нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов вызвал в 14 часов 30 минут эстонского посланника Рея и вручил ему заявление советского правительства, полностью аналогичное тому, которое он несколькими минутами ранее передал посланнику Латвии. От Эстонии требовалось до 12 часов ночи дать согласие на формирование нового правительства и пропуск на свою территорию дополнительных советских воинских частей. Рей что-то хотел спросить и уже начал со слов «нельзя ли...», но Молотов прервал заявлением — нет!

Было сформировано Народное правительство во главе с И. Варесом. Избранная 14-15 июля новая Государственная дума приняла 21 июля декларацию о восстановлении советской власти и провозглашении Эстонии Советской Социалистической Республикой, 22 июля — о вступлении Эстонии в состав СССР. 29 августа 1940 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел Эстонской ССР.

После установления Советской власти многие члены буржуазно-националистической организации «Кайтселиит» (Союз обороны) скрылись в лесах, на отдаленных и глухих хуторах. С течением времени из этих лиц сформировались отряды «Метсавеннад» («Лесные братья»), начавшие вооруженную борьбу с Советской властью.

В результате операции по ликвидации антисоветских элементов в июне 1941 г. в Эстонии согласно докладу НКГБ СССР было арестовано 3173 и выселено 5978 человек. По «эшелонным» данным, число ссыльнопоселенцев достигало 6328 человек, а направленных в лагеря военнопленных — 3688. ■

А.В. ТЮРИН

ЕСЛИ ДОРОГ ТЕБЕ ТВОЙ ДОМ

Мы подозревали, что мир несправедлив, но то, что в нем царит князь тьмы, многие из нас узнали только недавно. Мы создали миф о «цивилизованной Европе», основываясь исключительно на собственном представлении о порядочности, чести и благородстве, приписывая все это современным варварам-вандалам, дикарям-каннибалам, которых мы почему-то долго принимали за нормальных адекватных людей. Очень хочется надеяться, что произойдет отрезвление всех русских людей, но сколько для этого еще нужно смертей...

У меня нет сомнений, что скверну украинства мы раздавим, уж больно она мерзкая и опасная. И дело не только в собирании русских земель, которые мы когда-то осваивали и поливали кровью в рамках единого русского государства, не только в защите людей Русского мира.

Если ее не убить, она убьет нас.

Сложностей и нелепостей в СВО было предостаточно. Начиная с полного непонимания, что представляет собой современная нацистская Украина и ее нацисты-«захисники», отчего сперва попытались реализовать гуманный и вежливый крымский сценарий. Отсюда — наши колонны, которые вежливо шли в феврале-марте по вражеской территории без прикрытия. Расположения укрепленных, которые мы вежливо обходили, вместо того чтобы уничтожать. Вражеские города, в которые мы вежливо въезжали. Вражеские мосты, которые мы вежливо оставили стоять, даже когда вражеская ПВО была расстроена. Все это нередко дополнялось безобразной связью, прорехами в технической разведке, плохим взаимодействием частей, отсутствием руководства и низким темпом прохождения команд; многие замечательные современные системы вооружения оказались на фронте в совершенно недостаточных количествах. Это означает, что высшие чиновники военного ведомства не сделали вовремя свою работу, их деятельность весьма далека от идеала служения своей стране.

Сплав продажности и комплекса неполноценности перед Западом мы найдем и в масс-медиа, системе образования, сфере культуры и, конечно, крупном бизнесе России. 35 лет встраивания в периферийный капитализм не могли пройти даром. И нам придется менять старую элиту периферийного капитализма на новую элиту русской цивилизации, чьи

цели связаны с целями российского государства, а не с западным капиталом и финансовой олигархией, если использовать историческое наименование — это называется опричниной.

Дела на фронте могли пойти намного хуже, но неожиданно проснулось общество, которое долгое время считалось лишь приложением к либеральной западнической интеллигенции. И мы не только стали помогать армии, но и внезапно осознавать себя как неповторимую цивилизацию, чувствовать общность от Камчатки до линии фронта где-нибудь под Донецком. Я с удивлением увидел во многих знакомых людях, ранее занятых лишь своими личными делами, напряжение общественных чувств, национальное сознание. А солдаты (среди которых множество добровольцев и мобилизованных, вполне взрослых людей) воюют не только самоотверженно (самоотверженности у нас всегда хватало), но и мотивированно, умно. И те из них, кто останется в силовых структурах, и те из них, кто придет на «гражданку», неизбежно станут новой элитой, заместив старую, периферийную, — хотя смена элит и продлится немалое количество лет.

Мы должны четко осознать — идет борьба наций. Больших общностей людей, объединенных языком, культурой (которая в широком смысле создается всеми условиями существования, от природы и климата до моральных устоев), государственной территорией, цивилизационной миссией, исторической памятью. Проигравшие исчезают с исторической арены. Сотни таких больших общностей уже исчезло, было уничтожено, ассимилировано, стало субстратом. Достаточно вспомнить византийцев, балтийских славян или индейские цивилизации, которые по численности населения не уступали тогдашней Европе.

Увы, русские больше всех отдали энергии и времени разным космополитическим идеям. Наша знать считала себя со времен Петра относящейся к всеевропейской дворянской корпорации. Наши монархи пребывали в Священном союзе замечательно нравственных христианских монархов Европы. Дальше пошли точно такие же химеры пролетарской солидарности, единения всех людей доброй воли, дружбы народов, разрядки напряженности, открытого общества, общечеловеческих ценностей и так далее. Мы всегда были готовы объединяться и обниматься, и жертвовать коренными интересами своей страны ради этих обнимашек. Мы потеряли всякое ощущение ценности своей цивилизации, перестали понимать ту огромную работу, которую она проделала на просторах Евразии, мы стали смотреть на свою страну глазами своих врагов, говорить о ней словами своих недоброжелателей. Мы сами себя разлагали и расчленяли на радость забугорным бесам.

А тем временем западный капитал занимался построением буржуазных западных наций, абсолютно эгоистичных, настроенных лишь на максимизацию своих материальных выгод в отношениях с остальным миром. Вначале это нациестроительство касалось только верхних слоев общества. Но потом и простолюдинов стали вовлекать в систему эксплуатации всего остального мира. В конце XIX в., например, англичане были убраны со всех низовых работ в Британской Индии, они не могли быть рабочими, машинистами и так

далее — они могли быть только господами.

Так создавались буржуазные нации, поддерживающие свой гомеостаз за счет жестокой эксплуатации иных более слабых социальных систем. В известном смысле принципом такого нациестроительства было паразитирование на остальном мире — колониях, полуколониях, странах периферии. Тех людей, которых жили там, приравнивали к окружающей среде, их можно было истреблять, можно было отлавливать и продавать, можно было грабить. Идеологически это всегда сопровождалось выработкой чувства превосходства паразитов над их жертвами, которых показывали недочеловеками, дикарями, полузверями, рабами и т. п. А паразиты окутывали себя ореолом красивых возвышенных слов и сладких псевдоисторических мифов.

Эта модель из англосаксонских стран распространилась на Западную, затем и Восточную Европу, Балканы, Прибалтику. Там тоже возникали и до сих пор возникают новые буржуазные нации. Большинство их населения до сих пор не вошло в западный клуб массового потребления, а может уже никогда и не войдет. Но идеологию превосходства они восприняли первым делом — это, видимо, заложено в низменной глубине человеческой натуры. И сегодня среди 40 наций, которые, по сути, воюют против России, примерно половина обязана нам своим существованием, своей территорией, сохранением своей религии и культуры. Мы вырастили много гадов — это у нас хорошо получается. Защитили, нередко собрали из кусков и выкормили тех, кто должен был сгинуть в пучине истории из-за нежизнеспособности и слабости. Никто не остался благодарен. В итоге русский — это де раб, пьяница, ордынец, ватник и так далее, а те, кого он вытащил из дерьма, — «свободные личности».

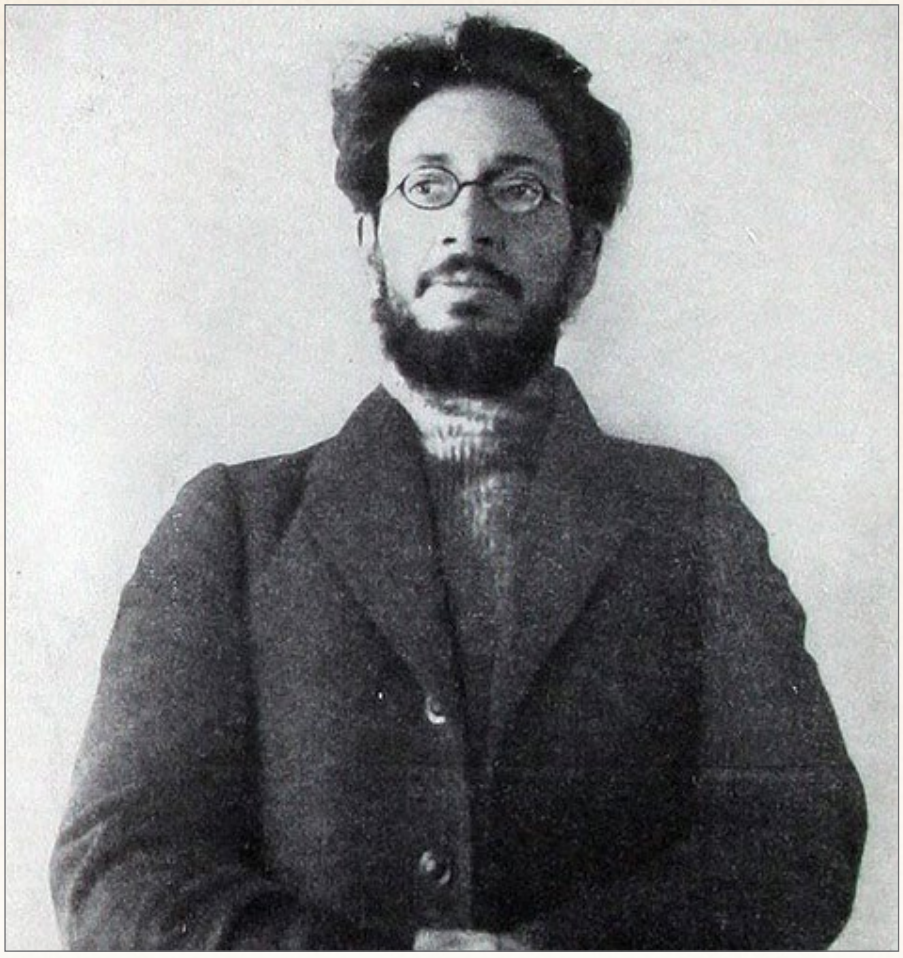
И все, от англосаксов до каких-нибудь щирых укров, испытывают чувство превосходства по отношению к нам — они всегда будут нас обманывать, поэтому с ними невозможна никакая честная сделка или договор, они будут без зазрения совести врать про нас — слова «совесть» нет в их понятийном аппарате, они будут убивать наших военнопленных, они будут безжалостно расправляться с теми людьми, которые оказались в их власти и которых они будут относить к русскому миру... Нет никаких “братских народов” — близкий враг страшнее дальнего, потому что претендует на самое важное, что принадлежит тебе. Нет никаких «двух Западов» — в любой западной нации роль прорусских диссидентов пренебрежительно мала. Ведь эти нации строились на расистском чувстве превосходства над нами и прочими «азиатами».

Сегодня мы видим такое же единение против нас, потому что все западные нации созданы на одной основе. Наша единственная верная стратегия в нынешней войне — это нанесение непоправимого урона врагу, и для этого применимы абсолютно все средства, и мы способны этот ущерб нанести. Только врага надо видеть и знать.

Альтернатива этому — пополнить длинный список исчезнувших народов. ■

С.С. ВОЙТИКОВ

СОЗДАНИЕ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ



▲ Свердлов Я.М.

ПОПЫТКА ПЕРЕХВАТА ВЛАСТИ СВЕРДЛОВЫМ ПОСЛЕ РАНЕНИЯ ЛЕНИНА

30 августа 1918 г. был ранен В.И. Ленин. Уже на третий день после этого события, 2 сентября, на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета под председательством главы Советского государства Я.М. Свердлова и по его предложению, подкрепленному инициативой «снизу», был объявлен «массовый красный террор против буржуазии и её наймитов», и создан новый высший внеконституционный государственный орган: Революционный военный совет Республики (РВСР, Реввоенсовет Республики) — с диктаторскими полномочиями его председателя. Председателем, как мы уже знаем, опять-таки по предложению Свердлова, ВЦИК утвердил наркома по военным делам, члена ЦК Л.Д. Троцкого, а Главнокомандующим всеми вооружёнными силами Республики — беспартийного военспеца, полковника И.И. Вацетиса, в то время — главнокомандующего войсками Восточного фронта.

Голосование большинства членов ВЦИК «за» Троцкого являлось вотумом доверия Свердлову, который занял место рулевого у партийного и государственного штурвала и уже именовал себя «председатель ЦК РКП». Симптоматично, что в том же заседании участвовал и Л.Б. Каменев. Этот авторитетный большевистский руководитель, давний ближайший соратник Ленина, никак не возражал против состоявшейся властной рокировки. Таким образом, фактически передача всей полноты власти Свердлову при формальном «диктаторе» Троцком произошла внешне спокойно. Но — лишь внешне. Ведь, как констатировано в историографии, ***«не обнаружен, по-видимому [...] не сохранившийся ряд протоколов ЦК партии, относящихся к лету (с 20-х чисел мая до 16 сентября) 1918 г.»*** Иначе говоря, информация о реальных событиях, связанных со сменой власти в условиях недееспособности вождя (причём окончательной, как тогда полагали многие) заведомо не полна.

Однако похоже, что этот информационный вакуум, загадочно возникший вокруг одного из важнейших фактов истории большевистской партии и Советского государства, рассеивается. Среди документов члена ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьева — ближайшего соавтора вождя, занимавшего в 1918 г. пост председателя Петросовета, — удалось обнаружить

Войтиков Сергей Сергеевич, историк, археограф, специалист по истории советского партийного и военного строительства. Окончил факультет архивного дела РГТУ, кандидат исторических наук (диссертация на тему: «Строительство центрального военного аппарата Советской России: 1918 г.). Работал в Российском государственном военном архиве (РГВА). В настоящее время главный специалист Центрального государственного архива города Москва. Автор фундаментальных трудов по начальному периоду военной истории Советской России.

записку с черновым текстом предложений к заседанию Бюро ЦК РКП(б). На этом заседании, которое состоялось в Москве не ранее 30 августа — не позднее 2 сентября, а вероятнее всего или 1 сентября, решался вопрос о «конструкции» власти после ранения В.И. Ленина.

Документ представляет собой автограф Зиновьева чёрными чернилами на бланке председателя Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны. В совокупности с содержанием другого выявленного нами уникального документа — черновика двух протоколов заседаний Бюро ЦК РКП(б) (первое состоялось не позднее 2 сентября, второе не ранее 5 сентября) — сведения зиновьевской записки позволяют по-новому взглянуть на ключевые проблемы советской политической истории ленинского периода: развитие большевистской партии и её высшего руководства на начальном этапе Гражданской войны и противостояние авторитарного и представительского начал в государственном строительстве РСФСР. Документы содержат ценные сведения об эволюции большевистского ЦК как высшего партийного органа и его узких «рабочих» коллегий в сентябре 1918 — марте 1919 гг., о фактической узурпации узкой группой лидеров прав Съезда партии как верховного органа и нарушении ими Устава как основного организационного документа; о взаимодействии трёх основных политических институтов РСФСР (ЦК РКП, ВЦИК Советов и Совнаркома), о властной рокировке сентября 1918 г., и прежде всего об организации работы ленинского правительства.

Записка появилась максимум днём 31 августа: если бы она была написана вечером, то на заседании Бюро ЦК РКП(б) рассмотрели бы не предложения «питерцев», а нечто вроде предложения «питерцев и Дзержинского», который приехал в Петроград расследовать убийство председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого аккурат вечером 31 декабря.

Процитируем этот документ Г.Е. Зиновьева — настолько же короткий, насколько важный:

«[№] 13157

1). Официального заместителя не назначать — напротив, подчеркнуть, что председателем [СНК] остаётся В[ладимир] И[льич].

▲ Урицкий С.М.

2). Подписывать временно за может один из комиссаров (как это было в дек[абре 1917 г.], когда И[льи]ч на неск[олько] дней уезжал). Если будет Тр[оцкий], то Тр[оцкий]. Если нет, то может [Г.И.] Петровский и т.п. Председателю ЦК вместо предс[едателя] Совнаркома] подписывать неудобно, т.к. [В] ЦИК — власть законодательная], а Совнарк[ом] — исполнит[ельная].

3). Бюро ЦК составить из тройки: Троцк[ий], Свердл[ов], Рык[ов] (совещательный] гол[ос]), кандид[аты] — Дзержинск[ий], Крест[инский], Кам[енев].

4). Бюро ЦК исполняет прежн[ие] функц[ии]».

Ниже — приписка фиолетовым карандашом: *«Обратить вним[ание] на Бонча»*.

Судя по пятизначному порядковому номеру, а также учитывая, что на заседании Бюро ЦК полученные предложения рассматривались в качестве официальных тезисов петроградской группы цекистов, данная приписка появилась после того, как Зиновьев согласовал текст с товарищами по высшему большевистскому руководству, находившимися в это время в Петрограде — членом и секретарём ЦК Е.Д. Стасовой, кандидатом в члены ЦК А.А. Иоффе.

«Бончей» (Бонч-Бруевичей), на которых тогда могли «обратить внимание» в ЦК РКП(б), было двое: братья Владимир, Управляющий делами Совнаркома (ближайший сотрудник Ленина), и Михаил — генерал, в марте-августе 1918 г. военный руководитель Высшего военного совета при председателе Л.Д. Троцком. Не исключено, конечно, что речь шла о Михаиле Дмитриевиче: тогда приписка — самого Зиновьева, который знал наверняка, что вождь предпочёл бы видеть в высшем военно-политическом руководстве вместе с Троцким не недалёкого Вацетиса. Если же — и это более вероятно — речь шла о Владимире Дмитриевиче, то приписка исходила от Стасовой, небезосновательно считавшей «Бонча» (создателя бюрократического аппарата Совнаркома) прожжённым интриганом.

Укажем, что на обороте зиновьевского послания простым карандашом сделан набросок револьвера и ещё один силуэт револьвера, и вернёмся от постскриптума к основному тексту, отражавшему взгляды ленинского прокуратора Петрограда на конструкцию власти в условиях ранения вождя.

Фраза «Официального заместителя не назначать» предполагает наличие заместителя неофициального. Последняя фраза второго пункта из черновика председателя Петросовета означает, что временную постановку во главе партийно-государственного механизма Я.М. Свердлова Г.Е. Зиновьев признал как совершившийся факт. Это было логично (собственно, кого из цекистов, находившихся в Москве, если не Я.М. Свердлова?), хотя с точки зрения преданности вождю и отстаивания собственных позиций во власти отнюдь не целесообразно: в жизни, за исключением её самой, нет, как известно, ничего временного, что не могло бы стать постоянным. В определённой степени первый тезис зиновьевского документа — предательство вождя.

Составляя предложения в Бюро ЦК, Г.Е. Зиновьев, будучи искушённым политиком, пытался решить несколько задач одновременно.

Во-первых, ему, петроградскому полудиктатору, следовало максимально выиграть время, поскольку выздоровление вождя, в котором никто не был уверен, должно было кардинально изменить сложившийся в ЦК баланс сил, а скоропостижная смерть — в маловероятном, но всё же не исключённом пока варианте — означала бы упрочение властных позиций Я.М. Свердлова и Л.Д. Троцкого. Последнее при демонстративных возражениях сулило председателю Петросовета совершенно случайную, не имеющую, конечно, никакого отношения к товарищам по ЦК, смерть от «эсеровского» (30 августа 1918 г., выстрелы якобы Ф. Каплан), как вариант — организованного некими «анархистами подполья» (от такого через год погиб друг юности Я.М. Свердлова — секретарь Московского комитета РКП В.М. Загорский-Лубоцкий) теракта или банального схода с рельс поезда, как это было аккурат в начале сентября с многолетним товарищем Свердлова по революционной работе — председателем Высшей военной инспекции Н.И. Подвойским, который после ранения вождя поспешил в центр и в результате на несколько дней оказался прикован к больничной койке. Не исключена была и гибель «при крушении поезда», как это случилось со строптивым генералом А.А. Маниковским в момент, когда Гражданская война уже была на исходе и большевики смогли себе позволить избавиться от крупнейшего в России специалиста по организации боевого снабжения армии.

Во-вторых, Г.Е. Зиновьев прозондировал почву, не удастся ли сделать руководство более коллегиальным. При этом ни на секунду его не ослабив, ведь замена Ильича на очередную безразмерную, расплывчатую коллегию в условиях системного кризиса, когда вопросы было необходимо решать максимально оперативно, неминуемо привела бы к падению «рабоче-крестьянского» правительства. Было важно не допустить паузы в принятии властных решений и демонстрации растерянности, с чем Свердлов в конце августа — начале сентября 1918 г. справился образцово.

В этот период Бюро ЦК как «узкий состав Центрального комитета» помимо присутствовавших в Москве и Кремле членов высшего большевистского органа составляли В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и Я.М. Свердлов. Первый был ранен и находился едва ли не при смерти, второй увяз в Царицыне. Отсюда и крайне осторожное зиновьевское предложение: двум вождям — Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому — добавить с совещательным голосом в Бюро ЦК А.И. Рыкова. То есть третьим членом Бюро предлагалась ленинская рабочая лошадка по Совнаркому: зам, который не может сам. Революционный романтик до мозга костей — как и его ближайший товарищ В.П. Ногин, — Рыков после прихода большевиков к власти

▲ Зиновьев Г.

▲ Рыков А.

и прощания с идеей об «однородном социалистическом правительстве» как атавизме гимназических и университетских иллюзий достаточно быстро превратился в талантливого администратора, но никак не политика: юношеские идеалы не помешали ему стать крупным советско-хозяйственным руководителем, однако не позволили дорасти до уровня партийного вождя, поскольку появившиеся с возрастом амбиции не были подкреплены искусом ведения дискуссий и подковерных баталий.

Предложение о введении в Бюро ЦК, пусть и с совещательным голосом, Рыкова наводит также на мысль о том, что, по мнению Г. Е. Зиновьева, в условиях ранения вождя мировой революции в Бюро должны были предрешаться важные вопросы, постановления по которым следовало оформлять в Совнаркоме. В этом случае функции Бюро ЦК, вопреки четвёртому пункту зиновьевских предложений, не могли не измениться, что было предсказуемо: в условиях, когда орган не представляет собой организационно оформленной (бюрократической) структуры, конкретное содержание деятельности предопределяет персональный состав его членов.

Для создания потенциальной возможности расколоть Бюро ЦК в случае выздоровления В. И. Ленина Г. Е. Зиновьев предложил включить в него трёх кандидатов, использовать которых на совместной работе было противоестественно. Во второй половине 1918 — начале 1919 г. Каменев и Дзержинский находились в личных и служебных «контрах» в связи с дискуссией о ВЧК. «Органично» на их фоне смотрелась и явная кадровая уступка Свердлову — цекист из его уральской команды Н. Н. Крестинский, в первые месяцы советской власти наивно веривший в возможность проведения на практике программы ликвидации государственного аппарата, которую вождь сформулировал в своём последнем подполье, в агитационно-пропагандистской утопии «Государство и революция».

Зиновьев вносил предложение по изменению персонального состава Бюро ЦК, очевидно, предполагая, что интересы свои собственные, В. И. Ленина и его (в двух последних случаях председатель Петросовета, видимо, всё-таки просчитался) будет отстаивать Л. Б. Каменев. И последнее: Н. Н. Крестинского уже тогда предполагалось сделать «добрым» комиссаром при свердловском Секретариате — по факту Крестинский стал таковым 16 января 1919 г., когда Пленум ЦК включил его в своё Организационное бюро (Оргбюро).

Таким образом, для обеспечения большей коллегиальности в руководстве партии, недопущения фракционного решения вопроса двумя вождями по согласованию друг с другом, в условиях временного отсутствия В. И. Ленина, постоянных командировок цекистов и пребывания части из них в Петрограде Г. Е. Зиновьев предложил дуумвирам новый — с учётом конкретных обстоятельств места, времени и действия — состав Бюро ЦК РКП(б). По сути, Г. Е. Зиновьев — первый, кто поставил вопрос о необходимости внесения большей планомерности в работу Бюро ЦК, т. е. фактически о создании Оргбюро. Если говорить несколько упрощённо, 16 января 1919 г., выделив

▲ Вацетис И.И.

из своего состава Оргбюро, в котором Я. М. Свердлов стал формально даже не первым из нескольких равных, Пленум ЦК провёл в жизнь — в несколько изменённом с учётом выздоровления вождя варианте — сентябрьскую идею Г. Е. Зиновьева 1918 года.

Налицо — казус: вместо «председателя ЦИК» Г. Е. Зиновьев написал «председатель ЦК».

Объяснений может быть два.

Объяснение первое: банальная описка, Г. Е. Зиновьев назвал Я. М. Свердлова «председателем ЦК» по привычке: цекисты давно привыкли, что председателем у них — Свердлов. Подобная привычка для молодого и безмерно амбициозного партийного вождя стала подлинной «заменой счастия». «Описки» вроде зиновьевской говорят о многом. Вопреки Уставу, «председателем ЦК» Свердлова стали считать даже представители узкой группы партийных вождей.

Объяснение второе: Г. Е. Зиновьев, набрасывая тезисы, рассуждал о том, что «подписывать» документы Совнаркома (читай — вести заседания правительства; в протоколах заседаний Совнаркома подпись председателя или председательствующего была элементом факультативным: так, до 18 марта 1918 г. В. И. Ленин не подписал ни одного протокола, далеко не всегда под протоколом заседания Совнаркома можно найти и подпись секретаря) Я. М. Свердлову «неудобно» и как «председателю ЦК», и как председателю ВЦИК Советов. Потому-то Г. Е. Зиновьев и предлагал задуматься над тем же московским товарищам. Тогда выходит, что «описки» нет и в помине: Зиновьев аккуратно, но чётко давал понять, что при живом вожде даже временно замещать В. И. Ленина в Совнаркоме Я. М. Свердлову не стоит. Тонкий намёк, дававший на заседании Бюро ЦК козырь противникам блока Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого — на случай, конечно, если найдутся желающие, используя излюбленное ленинское наречие, «немножечко» подраться. И подстраховка на случай возможного выздоровления вождя: «Как же так, ведь я выступил против председательствования Свердлова в ленинском правительстве!»

Второе объяснение логичнее ещё вот почему: у Г. Е. Зиновьева (ни до записки в Бюро ЦК, ни после), как и у В. И. Ленина, слушатели и читатели советской прессы не смогли бы найти какие-либо практические предложения по организации разделения властей в Советском государстве. Сам по себе принцип Зиновьев, как и Ленин, считал буржуазным обманом, а дискуссии о соотношении представительной и исполнительной ветвей власти в условиях диктатуры пролетариата — абсурдом и непроизводительной тратой времени. Столь же логично смотрелись бы рассуждения Зиновьева о разграничении компетенции высших советских органов и Комуча.

Упоминание «председателя ЦК» — не единственная странность: в Бюро ЦК, по мысли Г. Е. Зиновьева, должен был — пусть и с совещательным голосом — войти А. И. Рыков, а одним из кандидатов в члены Бюро стать Л. Б. Каменев, притом что оба они в это время не состояли в ЦК РКП(б). Проведение в ЦК двух видных партийных деятелей (Каменев и Рыков были цекистами, но раньше) — катализатор внутрипартийного режима. Совершенно очевидно, что в 1918 г. цекисты как представители высшего руководства РКП(б) отнюдь не были отделены бетонной стеной ни от кандидатов в члены ЦК, ни от других представителей руководящего ядра партии, входивших в состав ленинского ли правительства (как Рыков), в Президиум ли ВЦИК, в руководство ли обеих столиц (каковым был ставший 24 августа 1918 г. председателем Московского совета рабочих и солдатских депутатов Каменев). А если говорить о революционном самосознании — от нескольких тысяч «старых большевиков», каждый из которых измерял свой вес в партии конкретным стажем.

Совершенно очевидно и другое: Съезд как «верховный», по Уставу, орган партии всё более становился фикцией, объектом манипуляций верхов, лишь более или менее покорно голосовавшим за готовые проекты резолюций. Г. Е. Зиновьев и его петроградские товарищи, выдвигая кандидатуры в новый состав Бюро ЦК, без тени сомнения предлагали московским цекистам ***узурпировать основное право большевистского форума: на формирование персонального состава высшего партийного руководства***.

В общем и целом, предложив московским товарищам свой вариант перераспределения обязанностей в ЦК РКП(б), Г. Е. Зиновьев изобразил из себя такую фигуру, которую ни дуумвиры, ни В. И. Ленин не могли бы счесть враждебной. Он признал лидерство Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого, однако сделал всё для накидывания «узды» (излюбленное выражение большевистских вождей) на их шеи и восстановления status quo в случае выздоровления председателя Совнаркома.

Протокол заседания Бюро ЦК, состоявшегося между 31 августа и 2 сентября 1918 г., исследователям неизвестен, однако реконструировать произошедшее на заседании наряду с автографом Г. Е. Зиновьева позволяет автограф Я. М. Свердлова из его блокнота, черновик протокола заседания Бюро ЦК:

«Бюро ПК — Предлож[ения] питерцев [Зиновьева, отправленное от имени петроградских цекистов. — *С. В.*]

Совнарком =

Засед[ание] ЦИК.

1) Рев[олюционный] в[оенный] совет, председ[атель] — Троцкий, Главнок[омандующий] — Вацетис

2) Ратификация договора,

3) Декларация ЦИК

4) Знаки отличия = ***установить***

5) Украина =

6) Перераспределение] сил –

7) Советские служащие».

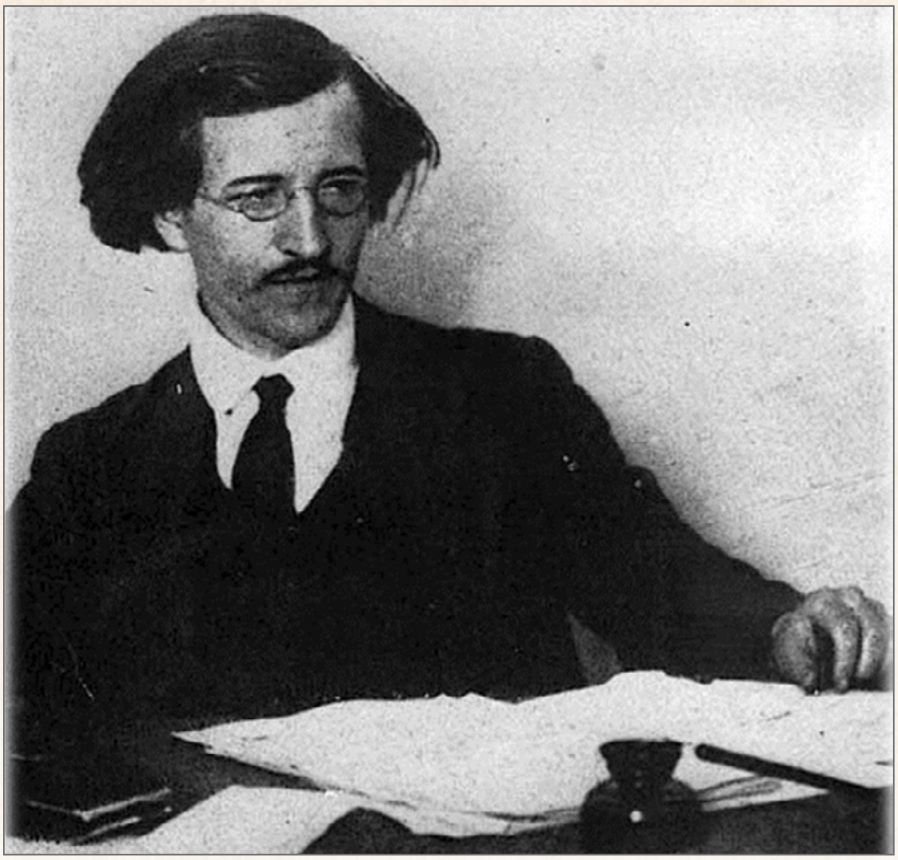
На заседании Бюро ЦК были предрешены изученные нами в предыдущей главе постановления ВЦИК от 2 сентября — о ратификации дополнительного договора с Германией, создании РВСР с председателем Л. Д. Троцким и Главкомом И. И. Вацетисом.

Из помет Я. М. Свердлова следует, что вопрос о «перераспред[елении] сил» был с обсуждения снят или предложения по нему не прошли, а знаки различия, как и следовало ожидать, прошли без возражений (не вопрос для дискуссии). Кроме того, собравшиеся обсудили предложение Г. Е. Зиновьева (петроградских цекистов) и определили порядок взаимодействия ВЦИК и Совнаркома.

Судя по пометам Я. М. Свердлова красными чернилами на автографе, написанном чёрными, Бюро ЦК было предварительно утверждено в предложенном Г. Е. Зиновьевым сотоварищи составе. То обстоятельство, что Л. Б. Каменев не состоял в ЦК, «москвичей» не смутило точно так же, как и «питерцев». Мало ли что в марте 1918 г. вождь решил наказать Каменева за «ошибочное» желание «разделить и в октябре [1917 г.] власть» с представителями других социалистических партий и, когда председательствующий на заседании съезда Я. М. Свердлов попросил «назвать кандидатов» в ЦК, очевидно, специально проведённый на правах пифии в президиум съезда В. И. Соловьёв в числе 15-ти кандидатур в члены и 8-ми — в кандидаты не назвал фамилии Л. Б. Каменева. Кстати, и А. И. Рыков во второй половине 1918 г. принимал участие в заседаниях ЦК РКП(б): практически во всех сохранившихся протоколах заседаний ЦК и Бюро ЦК, состоявшихся в этот период, не указан состав присутствующих, однако в протоколе заседания 16 сентября сделано исключение и в числе присутствующих — Рыков.

Г. Е. Зиновьев и его петроградские товарищи по ЦК сочли, что Я. М. Свердлову как партийному вождю и главе парламента «неудобно» будет председательствовать в правительстве. Г. Е. Зиновьев полагал целесообразным, чтобы заседания Совнаркома вёл кто-то из наркомов — как это было во время лечения В. И. Ленина в санатории «Халила» на Карельском перешейке 24–27 декабря 1917 г. (6–10 января 1918 г.), когда 24 и 27 декабря, как указано в протоколах № 34 и № 35 заседаний Совнаркома, «председательствует Сталин». В истории правительства были прецеденты, когда заседания вёл и Л. Д. Троцкий: по возвращении с отдыха вождь лично председательствовал на заседании Совнаркома 29 и 30 декабря 1917 г., 1, 4, 6, 7–9 января 1918 г., а в протоколе № 45 от 11 января указано: «председательствует Троцкий».

▲ Каменев Л.Б.



▲ Антонов-Овсеенко В.А.

Но вот что бросается в глаза: в «Повестке заседания Совета народных комиссаров на 11 января 1918 г.» было намечено обсуждение 28-ми вопросов, а на заседании реально обсудили четыре, причём в одном случае на следующем заседании, состоявшемся под председательством В. И. Ленина 14 января, имела место апелляция на принятое Совнаркомом под председательством Л. Д. Троцкого решение (в протоколе — «заявление [...] о пересмотре постановления»), а в другом случае, правда, по крайне болезненному вопросу — продовольственному, который постоянно рассматривался и перерешался на заседаниях правительства, — было принято постановление ***«большинством семи голосов против трёх при одном воздержавшемся»*** и на следующем заседании к нему опять вернулись (правда, вопрос обсудили ещё раз в связи с новыми обстоятельствами).

В первые несколько месяцев советской власти, когда большевики имели слабое представление о том, как организовать управление страной, и даже в свете ожидания мировой революции сомневались в необходимости государственного аппарата, перемена принятых решений и конфликты стали едва ли не атрибутом заседаний рабоче-крестьянского правительства. Однако в конце 1917 — начале 1918 гг. было нечто, принципиально отличавшее председательствования И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого от ленинских.

Первый пункт протокола (председательствующий И. В. Сталин, на заседании — Я. М. Свердлов и несколько наркомов): ***«Вопрос о том, можно ли считать данный состав полномочным Советом.*** *Считать полномочным. Откладывать те из вопросов, которые будут признаны кем-либо из народных комиссаров, присутствующих на заседании, слишком важными для решения в данном составе»*. То есть для принятия постановления в отсутствие Ленина как председателя и признанного вождя. Судя по всему, на время его отсутствия Сталин со Свердловым перенесли в правительство установленный в Бюро ЦК порядок, при котором любой недовольный постановлением цекист был вправе потребовать перерешения на Пленуме. И действительно, как Сталин, так и Троцкий, председательствуя в правительстве, сами делали доклады как наркомы РСФСР, соответственно, по делам национальностей и по иностранным делам. Более того, на втором указанном нами заседании под председательством Сталина из шести вопросов только один — о назначении Д. П. Малютина членом коллегии по продовольствию — по-настоящему требовал проведения через правительство, остальные пять пунктов представляли собой предложения наркома А. Г. Шляпникова по конфискации, главным образом недвижимого имущества, т. е. вопросы национализации, которые пришлось провести через «Большой» Совнарком только потому, что ещё не был организован «Малый» Совнарком (создан 9 января 1918 г. для решения второстепенных, как тогда говорили — «вермишельных», вопросов).

Отдельно следует упомянуть протокол № 7 заседания Совнаркома от 21 ноября 1917 года. В этот день правительство впервые — во всяком случае, с 15 ноября, поскольку более ранних протоколов в распоряжении историков нет — собралось без В. И. Ленина и явно по инициативе Л. Д. Троцкого (на заседании присутствовал И. В. Сталин). Будучи наркомом по иностранным делам, Л. Д. Троцкий вмешался в дела Наркомата по военным делам: предложил отправить в отставку руководителей наркомата Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойского и В. А. Антонова-Овсеенко и не постеснялся выдвинуть собственную кандидатуру в числе трёх предложенных им в качестве новых высших военных руководителей. Все предложения по изменению политики Наркомвоена ленинские наркомы приняли, но при этом пресекли поползновения Троцкого прибрать к рукам военное ведомст-

во (до марта 1918 г. Троцкий себе подобных выходок более не позволял).

В рамках анализа зиновьевского документа упомянем и протокол № 54 от 23 января 1918 г., в котором не указан председательствующий (Ленин отсутствовал): на заседании два основных вопроса докладывали Сталин и нарком внутренних дел РСФСР Г. И. Петровский. Так что очевидно, что когда председатель Петросовета написал послание московским товарищам по ЦК, он не допустил серьёзной ошибки: пусть и не во время декабрьского отдыха В. И. Ленина 1917 г., но некоторые заседания, видимо, действительно вёл Г. И. Петровский.

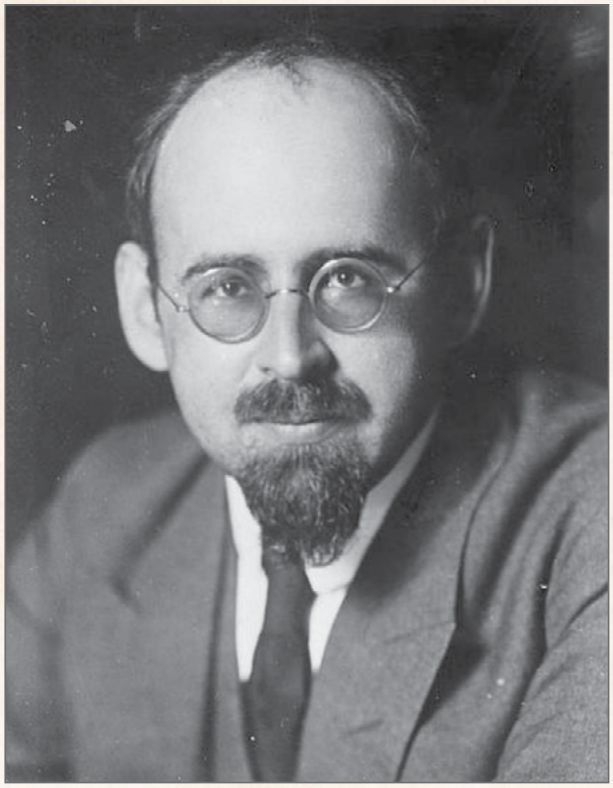
В любом случае к моменту ранения В. И. Ленина традиции решения по-настоящему важных вопросов в Совнаркоме в отсутствии его председателя и признанного вождя не было. Для анализа происходящего на заседании Бюро ЦК РКП(б), состоявшегося не позднее 2 сентября, это принципиально важный момент. Напротив слова «Совнарком» у Я. М. Свердлова в его черновике знак равенства, означавший, как следует из контекста, что этот вопрос на заседании Бюро ЦК был решён. 5 сентября в руководящем ядре РКП(б) стало известно, как именно: Свердлов лично провёл заседание Совнаркома. Ленинского Совнаркома. И на заседании он протащил ключевой вопрос внутренней политики: фактически о порядке проведения в жизнь постановления ВЦИК об объявлении массового красного террора.

Я. М. Свердлов попытался внести серьёзнейшую корректировку в сложившуюся систему высших государственных органов РСФСР. В том, что глава парламента посещал заседания правительства, ничего нового не было. Заменив на восьмой день после прихода большевиков к власти Л. Б. Каменева на посту председателя ВЦИК, Я. М. Свердлов регулярно (и даже часто) присутствовал на заседаниях Совнаркома, что — особенно до установления в июле 1918 г. монополии большевистской партии на власть — было в определённой степени выгодно вождю: В. И. Ленин принципиально уклонялся от отчёта перед парламентариями о работе правительства, ссылаясь на крайнюю занятость, а тут всегда можно было заявить, будто деятельность «подотчётного» ВЦИКу органа лично контролирует глава парламента.

Однако ***председательствование*** в правительстве руководителя Советского государства было явлением, находившимся «за гранью» даже с точки зрения Конституции РСФСР, вплоть до официального роспуска группы демократического централизма (1921) так и не превращённой в никому не нужный и не интересный печатный текст. Не говоря уже об Уставе РСДРП(б), не букве (Устав в редакции лета 1917 г., естественно, не определял порядок руководства партией государством), но духу которого противоречила идея концентрации власти в руках одного человека — в условиях Съезда как верховного органа партии и ЦК как высшего. Не вспоминая и о российской революционной традиции: по справедливому замечанию П. А. Кропоткина, ***«председатель и всякого рода формальности крайне не по сердцу русским»*** (объективности ради вынужден обратить внимание на тот факт, что «председателем ЦК» себя провозгласил отнюдь не русский); добавим, что ***«без западноевропейских формальностей»*** прекрасно обходились не только анархисты, но и представители других революционных партий.

Г. Е. Зиновьев считал свердловское руководство Совнаркомом «неудобным», а Я. М. Свердлов, напротив, удобным. И на заседании Бюро ЦК он, видимо, убедил товарищей в целесообразности максимальной централизации властных структур в критических условиях — с заявлением из серии, что с вождём-де у него всё «сговорено».

▲ Подвойский Н.И.



▲ Крестинский Н.Н.

▲ Ленин В.И.

Однако, наложив лапу на рабоче-крестьянское правительство, Свердлов допустил серьёзный тактический просчёт. Подобный произвол ему могли спустить далеко не все цекисты. Но этого мало: председательство в правительстве главы парламента не восприняли бы всерьёз даже аппаратчики Совнаркома, включая лично рекомендованного Свердловым Н. П. Горбунова — секретаря СНК РСФСР, который некогда (в 1903 г.) сидел с будущим «председателем ЦК РКП» в одной камере. В протоколах заседаний Совнаркома, которые глава правительства проводил лично, Горбунов (с 27 ноября 1917 г. практически неизменно) указывал — «председательствует Вл[адимир] Ил[ьич] Ленин» или «председательствует Владимир Ильич Ленин», а когда вождь отсутствовал, столь же аккуратно фиксировал: «председательствует Сталин», или «председательствует Троцкий», или «председательствует Рыков». Для Свердлова Горбунов исключения не сделал. Все усевшиеся в кресло вождя — по нужде ли, по собственному произволу ли — воспринимались правительственными аппаратчиками (и тем паче ленинскими наркомами) как временщики. Каковые, как известно, рано или поздно обязаны очистить занимаемые кресла: «Которые тут временные — слазь!»

5 сентября, судя по записи Я. М. Свердлова в блокноте, помимо заседания Совнаркома состоялось заседание Бюро ЦК РКП(б), на котором собравшиеся вернулись к вопросу о персональном составе Бюро. Повод был железный: Л. Д. Троцкий, ненавидевший «вермишельные» вопросы и не желавший замарать свои белые холёные руки осуществлением массового красного террора в масштабах всей России, попросил разрешения вернуться в армию — под самым благовидным предлогом. Ему якобы понадобилось принять участие в первом заседании Реввоенсовета Республики: будто бы «высший» чрезвычайный государственный орган нельзя было собрать на заседание не в Арзамасе, а в столице. Итог: ***«Троцкому разрешается поехать из Москвы, и Г. Я. Сокольников направляется в район 2-й армии <в качестве заведыв[ающего]> для руководства политической] работой <и для организации вместе с т. Гусевым>»***.

Дальнейшее изложенное Я. М. Свердловым ставит больше вопросов, нежели даёт ответов:

«Все вопросы, затронутые в Бюро по требованию пятого числа переносятся [на] Пленум ЦК

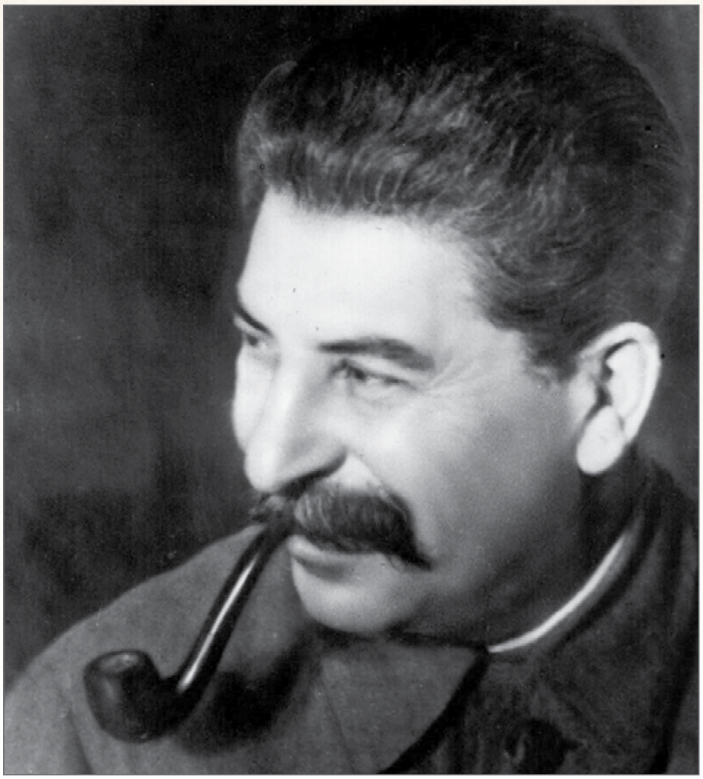
Крестинский
Каменев
Свердлов
<Рыков
Дзержинский>».

Вариантов для трактовки, с учётом недостающей запятой, может быть несколько, но логичен только один: под предлогом отъезда Л. Д. Троцкого и необходимости оперативно решать текущие партийные вопросы Бюро ЦК при свердловском соло ещё раз обсудило и серьёзнейшим образом подкорректировало «Предложение] питерцев» по персональному составу Бюро, по сути поставив всё с ног на голову. Я. М. Свердлов

в своём черновике с учётом просьбы Л. Д. Троцкого записал пять фамилий из предложенных Г. Е. Зиновьевым шести. Собравшиеся цекисты обсудили и высказались против членства в Бюро ЦК в любом статусе А. И. Рыкова и Ф. Э. Дзержинского (тем более что последний ещё не успел вернуться из петроградской командировки), оставив лояльного Я. М. Свердлову выходца из его уральской вотчины Н. Н. Крестинского и председателя Моссовета Л. Б. Каменева, которому верность парламентским идеям стоила в ноябре 1917 г. поста главы Советского государства. Никакого деления на полноправных членов / члена с совещательным голосом / кандидатов в члены. Никакой угрозы баталий Каменева с Дзержинским. Никакого Рыкова, у которого, кстати, так же не исключено, что были натянутые отношения с Дзержинским, под ногами. Вместо органа аморфного — компактный, всего из трёх человек: Крестинского, Каменева и самого Свердлова, у которых были все шансы найти общий язык (даже несмотря на до крайности натянутые до Октября отношения Свердлова и Каменева), и абсолютно дееспособный.

При сопоставлении автографов Г. Е. Зиновьева и Я. М. Свердлова становится, наконец, ясна позиция в вопросе о власти Л. Б. Каменева: включение в состав Бюро ЦК объясняет его осторожное молчание (в данном случае — знак лояльности) на заседании ВЦИК 2 сентября, когда парламентарии голосовали в действительности не за Л. Д. Троцкого и И. И. Вацетиса (никто из представителей советской и большевистской верхушки никто всерьёз беспартийного главнокомандующего войсками Восточного фронта не воспринимал), а за Я. М. Свердлова как нового хозяина. Л. Б. Каменев был по характеру отнюдь не авантюристом и именно поэтому всю свою жизнь втягивался своими ближайшими товарищами во все авантюры, принять участие в которых было возможно. Именно его мягкий характер предопределил примиренчество к части меньшевистских сил и к Л. Д. Троцкому в 1910 г., по итогам которого Каменеву пришлось покаяться и признать правоту с трудом пошедшего на поводу у товарищей по Цека Ильича, который не желал ни малейшего компромисса с «товарищами противниками» по единой РСДРП. Именно высокая порядочность толкнула Л. Б. Каменева на совместное с Г. Е. Зиновьевым печатное заявление о готовящемся выступлении большевиков, а затем на участие в «первом кризисе советской власти» в 1917 году. Именно большевистская принципиальность подвигла его выступить с тем же Г. Е. Зиновьевым против сталинского диктата на XIV съезде ВКП(б) 1925 г. и иметь мужество сделать заведомо провальное предложение о снятии И. В. Сталина с поста генсека в условиях, когда Г. Е. Зиновьев прямо заявил: ***«Мы превосходно отдавали себе отчёт в том, что мы являемся меньшинством на этом съезде»***. Наконец, Л. Б. Каменев сделал всё, что мог в Объединённой оппозиции, которая была обречена на провал изначально. Не случайна едкая характеристика на XV съезде ВКП(б) А. И. Угарова, не представ-

▲ Кобозев П.А.



▲ Сталин И.В.

лявшего себе в 1927 г., какая судьба уготована ему и нескольким другим «отцам столицы» в 1930-е гг.: *«Пару слов я хочу [...] сказать о Каменеве. Я знаю его немного. Он человек покладистый. Я вспоминаю борьбу в 1917 году. Тогда я временно исполнял должность секретаря фракции Питерского совета. Как вы помните, тогда была буза с Каменевым и с Зиновьевым. Ну, ходили мы переговариваться, мирить, — мы были тогда не так много грамотны, — но потом увидели, что из этого дела ничего не выйдет. В дальнейшем был один случай, когда я выступал против Троцкого и встретил на одном собрании Каменева. Вспомнили 1917 год. Вот он мне и говорит: «Знаешь что, Угаров, меня тогда чёрт попутал». Я, товарищи, думаю, по своей душевной простоте, что он его и сейчас путает этот чёрт, впился в Каменева и держит его за ноги»*. Характеристика при всей своей карикатурности весьма примечательная. Возможно, в 1918 г. Л. Б. Каменева ненадолго подержал «за ноги» чёрт в обличие Я. М. Свердлова, давно имевшего компромат на председателя Моссовета.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что сопоставление предложения «питерцев» с черновым протоколом заседания Бюро ЦК торпедирует выдвинутую в рамках концепции «Кремлёвского заговора» гипотезу о причастности к покушению на вождя Ф. Э. Дзержинского. Если бы действительно имел место сговор первого председателя ВЧК (на тот момент действующим председателем ВЧК был Я. Х. Петерс — креатура Свердлова) с Я. М. Свердловым и/или с Л. Д. Троцким, Ф. Э. Дзержинский с подачи петроградских цекистов непременно был бы продавлен Я. М. Свердловым в Бюро ЦК вместо Л. Б. Каменева, с которым у него был острый конфликт между первой и второй российскими революциями.

Вообще, заметим, поверить в то, что Ф. Э. Дзержинскому могла прийти в голову мысль о нейтрализации В. И. Ленина, вообще крайне сложно. Поэт Владислав Ходасевич выразился довольно точно: сказать, что у председателя ВЧК *««золотое сердце», было хуже, чем подло — глупо. Потому что не только «золотого», но самого лютого **сердца** у него не было. Была шестерня. И она работала, покуда не стёрлась...»*. Правда, вопреки впечатлениям поэта, Дзержинский не всегда был «последовательным учеником Ленина» и «добросовестным исполнителем» воли вождей. Дзержинский был патриотом в вопросе о судьбе его родной Польши, галантным кавалером в любви, интересным собеседником в общении с «подведомственной» интеллигенцией и ответственнейшим работником, когда речь шла о деле. Независимо от постов: вначале как председатель ВЧК он расстреливал специалистов, впоследствии как нарком путей сообщения и хозяйственный руководитель — берёг их как зеницу ока. Всё это сочеталось в одном человеке вполне органично. Более всего Феликс Дзержинский напоминал Томаса Бекета, который вначале преданно служил Генриху II Плантагенету, а потом, перефразируя В. И. Ленина, «сделавшись архиепископом», неожиданно для короля и вопреки ***элементарной*** логике, стал служить самому Господу Богу. В действительности логика была: оба исторических деятеля — и Бекет, и Дзержинский — были беззаветно преданы порученным им делам, на советском сленге — узковедомственным интересам. В этом на Ф. Э. Дзержинского походил один из его преемников — сталинский нарком Н. И. Ежов (правда, в отличие от вечно экзальтированного председателя ВЧК этот скромный, аккуратный, исполнительный секретарь Московского комитета ВКП был типичным субпассионарием). Как отметил в своей книге о номенклатуре М. С. Восленский, *«люди, работавшие до 1936 г. под начальством Ежова в ЦК ВКП(б), где он заведовал промышленным отделом, с недоумением рассказывали затем, что Ежов вовсе не производил впечатления злодея или садиста. Он был обычным высокопоставленным партбюрократом и выделялся лишь тем, что особенно старательно выполнял любые указания руководства. В ЦК было указание организовать строительство заводов — он организовал. В НКВД было указание пытать и убивать — он пытал и убивал. Не Макбет и не Мефистофель,*

▲ Дзержинский Ф.Э.

а выслуживавшийся номенклатурный чин стал одним из гнуснейших массовых убийц современности». О таких, как Ф. Э. Дзержинский и отчасти Н. И. Ежов, говорил Г. Е. Зиновьев, когда вывел в 1924 г. тип работника-большевика, *«относительно которого каждый знает: сегодня его партия поставила на текстильный трест, завтра пошлёт на какую-либо самую трудную нелегальную работу, и он будет с одинаковой преданностью выполнять свои обязанности»*.

5 сентября 1918 г. Я. М. Свердлов прыгнул выше головы. Один или несколько цекистов, возмутившись сосредоточением всей полноты власти в руках одного человека — это при ЦК партии и к тому же при живом вожде! — потребовал (и) обсудить новую конструкцию аппарата власти на пленарном заседании ЦК РКП(б). В новой ситуации Свердлову оставалось лишь максимально отсрочить созыв Пленума ЦК, что он, собственно, и сделал: Пленум состоялся только 14 сентября 1918 года. Протокол его числится среди, «по-видимому, не сохранившихся», известно лишь, что на заседании среди прочих обсуждался вопрос о «Банктруде» (Всероссийском профсоюзе работников кредитного дела), явно не самый важный и благополучно отложенный до 16 сентября.

Второе после ранения В. И. Ленина заседание Бюро ЦК могло состояться как 5 сентября, так и 6 сентября: Л. Д. Троцкий был в Арзамасе — месте «сбора» РВСР — не позднее 7 сентября. Возможная погрешность датировки не столь существенна, тем более, что, несмотря на требование перенесения постановлений Бюро на Пленум, 9 сентября Я. М. Свердлов опять председательствовал в ленинском Совнаркоме. Второй вариант, кстати, ещё больше разоблачает его в качестве претендента на единоличную власть в партии и государстве, чем первый, тем более что 6 сентября стало совершенно очевидно: В. И. Ленин не то что не собирается помирать, а совсем даже напротив — вот-вот вернётся к делам государственной важности.

Так или иначе, Я. М. Свердлов дал своим завистникам прекрасный повод для сведения счетов: всего, что он успел сотворить за неделю — с 30 августа по 5 сентября 1918 г., — с лихвой хватило бы для открытого обвинения в узурпации власти. Даже если не считать крамольной самой по себе подписи «председатель ЦК», изобретатель которой замахнулся на святое — на партийный Устав. Совершенно очевидно, что, усевшись в кресло председателя Совнаркома, Свердлов во всей красе явил себя товарищам по партийному руководству, включая Ленина (по заверениям знавших его большевиков и вслед за ними — советских историков, будто бы не чаявшего в нём души).

Поведав в своих воспоминаниях, что во время болезни вождя *«Совнарком заседал ежедневно и решал свои дела, причём председательствовали по очереди то тогдашний председатель ВСНХ Рыков, то председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов»*, В. Д. Бонч-Бруевич передал в числе немногочисленных реплик последнего следующую: *«Вот, Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича мы всё-таки справляемся»* (и заметьте — без переноса важнейших вопросов до выздоровления председателя Совнаркома).

В мемуарах передачу этой крайне двусмысленной фразы предварял тезис о том, что *«жизнь брала своё, и Совнарком должен был отвечать на текущие требования жизни. Заседания [правительства] шли своим чередом, повестки выполнялись аккуратно, решения выносились после тщательного, сугубо осторожного обсуждения* (очевидно, двойного: и на Бюро ЦК, и в самом Совнаркоме. — *С. В.*), *и эта первая полная самостоятельность* (! — *С. В.*) *Совнаркома была многознаменательна: Совнарком учился делать своё дело без своего гениального вождя»*. А после следовал комментарий, который опровергает главный «аргумент» противников теории Кремлёвского заговора: партия действительно не могла выжить, если бы она не сплотилась вокруг фигуры вождя, но вот вождём этим не обязательно должен был быть В. И. Ленин — *«Больно и тяжело мне было это слушать, но я, конечно, понял глубину мысли Якова Михайловича, безмерно любившего Владимира Ильича: как ни трудно, как ни тяжело его отсутствие, но политическая жизнь и жестокая классовая борьба труднейшей эпохи диктатуры пролетариата требуют руководства, и **это руководство есть, было и будет, что бы ни случилось*** (здесь и далее в цитате курсив наш. — *С. В.*), *ибо партия наша жива и целостна, — вот смысл этих **неожиданных** слов Якова Михайловича Свердлова»*.

Развивая эту светлую мысль, В. Д. Бонч-Бруевич писал, что своими словами Я. М. Свердлов *«как бы опровергал то паникёрство, которое, несомненно, было в то время кое-где в наших рядах, ибо некоторые думали, что если бы случилось непоправимое несчастье с Владимиром Ильичом, то всё пропало бы, всё бы пошло насмарку и большевистская социалистическая революция приостановилась бы, потому что, — говорили эти товарищи, — мы все малоопытны в управлении страной и без Владимира Ильича несомненно наделаем много роковых ошибок, и они повлекут за собой огромные неудачи, которые закончатся общим крахом. Эти пессимистические, панические мысли высказывались на ушко, шептались по углам и, само собой понятно, не могли не вызвать глубокого негодования среди тех старых и закалённых большевиков, безмерно любивших Владимира Ильича, прекрасно знавших огромную его роль в истории нашей большевистской революционной борьбы, его колоссальное значение как вождя боевого пролетариата в дни отчаянной гражданской борьбы за Октябрь, но, несмотря на всё это, никак не могущих судьбы величайшей социалистической революции ставить в безусловную зависимость от судьбы отдельного, хотя бы*

и гениального, её деятеля». Вроде бы потом, ознакомившись с прессой, и сам В. И. Ленин демонстративно высказался против «совершенно немарксистского выпячивания» его «личности» — впрочем, всё, что написал в своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич о словах и делах патрона в ходе и после выздоровления, находится с исторической реальностью, мягко говоря, в своеобразных взаимоотношениях.

Многочисленные вариации В. Д. Бонч-Бруевича на тему «Покушение на Ленина 30 августа 1918 г.» сходны в одном: по уровню исполнения они достойны столь же объективных «трудов» и воспоминаний о В. И. Ленине и других лидерах партии, написанных в эмиграции Л. Д. Троцким. В. Д. Бонч-Бруевичу повезло даже больше, поскольку он пережил не только В. И. Ленина, но и И. В. Сталина — не осталось практически никого, кто бы мог поправить завспоминавшегося совнаркомовского аппаратчика (одна бы Стасова могла — да вечно занята была).

В отличие от протокола заседания ЦК РКП(б) от 14 сентября, протокол заседания от 16 сентября сохранился в соответствующей описи фонда ЦК (РГАСПИ). На закате советской власти он был опубликован и прекрасно известен историкам. На нём обсуждались вопросы: Банктруд, Петроградская ЧК, Московская областная конференция, повестка вечернего заседания ВЦИК, ходатайство Л. Д. Троцкого о кооптации в РВСР Л. Б. Красина, состав Президиума ВСНХ, назначение наркома труда... Последний вопрос находился в компетенции с опозданием почтившего заседания высшего органа РКП(б) вождя мировой революции...

Заметим, что с точки зрения делопроизводства определить вид выявленного нами документа Г. Е. Зиновьева крайне сложно: в позднесоветский период всё, что направлялось в ЦК, стали называть «записками», однако в данном случае подобная дефиниция — явная натяжка. В любом случае давний соавтор вождя составил текст, согласовал его с петроградскими товарищами по ЦК

▲ Ленин и Бонч-Бруевич у Кремля

и отправил на телеграф, дотошно пометив на черновике номер, за которым «Предлож[ения] питерцев» были направлены Я. М. Свердлову (скорее всего, шифром «бриллиант»). В Москве расшифровку подшили в качестве материала к протоколу заседания Бюро ЦК РКП(б), а протокол вскоре... утратили. То обстоятельство, что зиновьевский экземпляр с двумя револьверами на обороте (рисунок, как говорится, по Фрейду?) был тщательно сохранён, а свердловский до нас не дошёл, наводит на мысль о целенаправленном уничтожении документов о борьбе за лидерство в РКП(б) при жизни В. И. Ленина.

17 сентября 1918 г. «Известия ВЦИК», захлёбываясь от восторга, поделились с советскими читателями благой для большевиков вестью: Мессия мирового пролетариата окончательно воскрес — днём ранее он почтил своим личным присутствием заседание ЦК РКП(б)! ***«Члены Центрального комитета, для которых появление Ильича было неожиданным, приятным сюрпризом***, — как утверждалось в газете, — ***горячо приветствовали своего вождя и учителя, возвращающегося к любимой работе после вынужденного перерыва»***. Насколько «приятным», сказать сложно,

но «неожиданным» уж точно. Эйфория, несомненно, имела место (поскольку Я. М. Свердлова любили отнюдь не все, а Л. Д. Троцкого — тем более), но вот какой направленности, мы уже никогда не узнаем. Во всяком случае, прониклись ленинским появлением настолько, что при оформлении протокола позабыли указать Я. М. Свердлова в качестве председательствующего, как это обычно бывало. Заметим, что когда В. И. Ленин почти поправился, Л. Б. Каменев как раз приболел (был ли недуг последнего настоящим или «дипломатическим» — история умалчивает).

Так или иначе, 16 сентября В. И. Ленин неожиданно явился на заседание ЦК РКП(б), обсудившее в т. ч. и вопрос о ВЦИКе.

Заседание проходило в следующем составе: Н. Н. Крестинский, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, В. В. Шмидт, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, Е. Д. Стасова, В. П. Ногин; как зафиксировано в протоколе, ***«на второй половине заседания — Ленин»***. Как видим, не позднее 16 сентября приехала в Москву Стасова. Не будет большой натяжкой предположение о том, что из Петрограда она прибыла к 14-му числу — на Пленум ЦК РКП(б), на который были перенесены вопросы из Бюро ЦК.

На заседании нанесли первые удары по блоку Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого. Ещё 11 сентября Московское областное бюро РКП(б) как очаг оппозиции поручило Я. М. Свердлову выступить на V Московской областной конференции РКП(б), которая проходила с 15 по 17 сентября, с докладом по организационному вопросу. Свердлов набросал проект резолюции конференции по организационному вопросу и поправки к проекту резолюции, принятой конференцией. 16 сентября Центральный комитет поручил Я. М. Свердлову провести на конференции решение ***«о ненужности существования Московского областного комитета в виду присутствия в Москве ЦК и установить Московский областной комитет лишь в виде отдела при Секретариате ЦК»***. Прецедент был: ВЧК, переехав в Москву из Петрограда, на время поглотила Московскую ЧК. Аналогичное решение в отношении Московского обкома могло настроить столичных радикалов против своего патрона, подорвать властный авторитет руководителя Секретариата ЦК РКП(б). Ещё 2 сентября Л. Д. Троцкий заявил о намерении централизовать работу по снабжению и поставить во главе её Л. Б. Красина, с которым сблизился, по собственному признанию, во времена II съезда РСДРП. 14 сентября Троцкий предложил вождю в телеграмме назначить Красина наркомом военного снабжения. 16 сентября Центральный комитет ходатайство Троцкого о назначении Красина с решающим голосом [в РВСР] в качестве председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению снарядами отклонил. Такое постановление ЦК само по себе подрывало авторитет председателя Реввоенсовета Республики.

16 сентября, впрочем, Я. М. Свердлов смог продавить на Пленуме ЦК, по итогам обсуждения вопроса о заседании ВЦИК (заседание было назначено на вечер того же дня), поручение ему самому ***«предпослать обсуждению повестки дня [В]ЦИК характеристику военного положения»***.

Стенограммы заседаний ВЦИК 16 и 30 сентября и 4 октября 1918 г. не публиковались, до рассекречивания соответствующих материалов Государственного архива Российской Федерации исследователи должны были довольствоваться протоколами заседаний. В 1990-е гг. появилась возможность реконструировать события 1918 «грозного» (как в гимне Красной армии — песне «Несокрушимая и Легендарная») года в полном объёме.

16 сентября на состоявшемся вслед за заседанием ЦК РКП(б) пленарном заседании ВЦИК Я. М. Свердлов выполнил возложенное на него «поручение»: усугубил ситуацию, предоставив слово, вопреки повестке дня, В. А. Антонову-Овсеенко. Вероятно, В. А. Антонов-Овсеенко, который в 1920-е гг. был активным деятелем троцкистской оппозиции, как и на заседании 2 сентября 1918 г. Л. Д. Троцкий, застращал собравшихся рассказами о кольце фронтов. По итогам Я. М. Свердлов предложил «обратиться с воззванием ко всем Революционным военным советам, всем». Предложение приняли — в утверждённом воззвании Всероссийский ЦИК приветствовал Красную армию, доблестно сражавшуюся с «империалистическими наёмниками», в качестве которых фигурировали белогвардейцы, Чехословацкий корпус и ***«прочие банды, ведущие борьбу против советской власти»***.

17 сентября В. И. Ленин вернулся в своё кресло: председательствовал на заседании Совнаркома, оставив Я. М. Свердлову, который его «подменил» и в «рабоче-крестьянском» правительстве без спросу и вопреки перенесению вопроса о властной рокировке из Бюро ЦК на Пленум — роль наблюдателя. Вероятно, Свердлову это было так же приятно, как и не менее «приятный сюрприз», преподнесённый Лениным Центральному комитету партии днём ранее: внезапное появление на заседании человека, «слухи о смерти» которого были «явно преувеличены» (почти по Марку Твену), внесло серьёзные коррективы в расчёты молодого вождя. И в тот же день подняли голову члены РВСР: ***«В связи со случайным упоминанием о посылке Л. Д. Троцким Конституции РВСР*** (документ, зафиксировавший внутреннее распределение сил и ролей в высшем военном руководстве и центральном аппарате управления РККА. — ***С. В.***) ***в[о] [В]ЦИК»*** на утверждение, П. А. Кобозев попросил ***«занести в протокол протест против самостоятельных действий Л. Д. Троцкого, издающего приказы от своего имени, помимо РВСР»***. Креатуре Я. М. Свердлова в военном ведомстве С. И. Аралову было поручено ***«предложить председателю [В]ЦИК не обсуждать конституцию без предварительного обсуждения её»*** самим Реввоенсоветом Республики. А на следующий день,

▲ Мальков П.Д.

▲ Каплан Фани

по инициативе того же П. А. Кобозева, РВСР обратил внимание на то, что Л. Д. Троцкий и Я. М. Свердлов, «не имея на то никакого права», выдали «мандат от имени Совета», и постановил мандат отозвать. Наконец, 18 сентября сам Реввоенсовет Республики принял и постановил направить на утверждение Всероссийскому ЦИК новый, серьёзно отредактированный текст «проекта Конституции РВСР». Фраза «сообщить о поправках Л. Д. Троцкому» указывает, что Реввоенсовет поправил своего председателя. Подобные действия РВСР свидетельствуют, что этот Совет не хотел становиться «ширмой» для прикрытия властных амбиций Л. Д. Троцкого и Я. М. Свердлова.

То обстоятельство, что первым в РВСР выступил против властного тандема Троцкого и Свердлова П. А. Кобозев, не случайно: председательское кресло в Реввоенсовете Восточного фронта летом 1918 г. позволило Кобозеву иметь наглость именовать себя в автобиографии 1931 года ***«председателем Реввоенсовета до Троцкого»*** (первые два слова подчеркнул один из сотрудников Всесоюзного общества старых большевиков, подивившийся откровению от «ленинского наркома» и оформивший своё удивление на полях знаком вопроса).

18 сентября 1918 г. Я. М. Свердлов направил записку о необходимости «выдворить» из Кремля «старое управление дворцами» члену Президиума ВЦИК М. Ф. Владимирскому; предписание о выдворении Я. М. Свердлов «уже дал» и просил «дорогого Михаила Филипповича», с которым он тесно сотрудничал в Нижнем Новгороде ещё в 1903 г., принять «все меры» к «немедленному предоставлению помещения» с указанием: это «очень важно». Для чего это было важно, стало ясно уже через несколько дней…

В. И. Ленин чётко осознал, что в одиночку с Я. М. Свердловым и Л. Д. Троцким не совладать. Естественным союзником в борьбе с данным тандемом из лидеров ЦК для В. И. Ленина был И. В. Сталин. Взаимная неприязнь Троцкого и Сталина к моменту их «совместной» военной деятельности в 1918 году продолжалась уже 15 лет. На личную антипатию Сталина и Троцкого накладывалась стойкая неприязнь «практиков» и «литераторов»-эмигрантов. Осенью 1917 — весной 1918 г. Троцкий и Сталин расходились во взглядах на ключевые вопросы политики партии — от вооружённого восстания до Бреста, от Бреста до Царицына, в котором Сталин подмял под себя военное руководство Северокавказского военного округа. Войну Свердлову, изрядно над ним поиздевавшись, Сталин, первый конфликт которого с будущим «председателем ЦК РКП» относится к далёким временам туруханской ссылки, объявил 12 сентября 1918 года. Уже 19 сентября Ленин и Сталин декларировали создание нового властного тандема (который на деле сложился ещё раньше), отправив совместную телеграмму войскам Царицынского фронта за подписями, во-первых, председателя СНК, во-вторых, наркома и ***«председателя Военно-революционного совета Южного фронта»***.

Не позднее 20 сентября по распоряжению В. И. Ленина заведующий

переговорной станцией Кремля обязывался вести переговоры по прямому проводу ***«только с разрешения председателя СНК»***. Служба связи всегда была важным рычагом в политической борьбе. Не случайно, в период подготовки Октябрьского переворота, как писали «Известия ВЦИК» в 1919 г., именно в руках Я. М. Свердлова были сосредоточены «все нити», связывавшие партийный центр с провинцией. (Не случайно впоследствии И. В. Сталин добился того, чтобы определённая часть переписки большевистского ЦК велась исключительно фельдпочтой, которая полностью находилась в руках его доверенных лиц из карательно-репрессивного аппарата.) В данном контексте ленинское предписание 1918 г. сложно расценить иначе, как шаг к установлению слежки за товарищами по партии. Однако воспользоваться предписанием вождь мировой революции смог не сразу.

21 сентября ЦК РКП(б) направил местным большевистским организациям циркулярное письмо о создании организационного аппарата для руководства партийной работой в деревне, способного охватить «самые глухие углы Советской России». Предполагалось, что комбеды станут «первичной ячейкой для создания более широких организаций». ЦК предлагал «добиться того, чтобы в каждой волости» имелся «достаточно надёжный партийный товарищ, тесно связанный с ближайшим партийным центром (уездным, городским, губернским)» и руководящий партработой на основе получаемых сверху директив. Местные организации РКП(б) должны были выделить партийцев для распределения по деревням и сёлам и установления «тесной» организационной связи с волостями. Я. М. Свердлов, который пока ещё находился у власти, разжигал развязанную им самим совместно с Л. Д. Троцким на заседании ВЦИК Гражданскую войну в деревне, отстаивая наиболее радикальный вариант революции.

По воспоминаниям П. Д. Малькова, то ли в последних числах первой декады, то ли в первых числах второй декады сентября 1918 г. его вызвал Я. М. Свердлов. В кабинете уже находился «председатель Московского облисполкома». Надо думать, председатель Московского губернского исполкома И. С. Вегер — профессиональный врач. Я. М. Свердлов поручил им ***«вдвоём найти за городом приличный дом»***, куда можно было бы временно поселить вождя мирового пролетариата, чтобы тот ***«мог как следует отдохнуть и окончательно окрепнуть»***. Свердлов предупредил, что об этом никто знать не должен: ***«Никому ничего не рассказывайте, действуйте только вдвоём и в курсе дела держите [одного] меня»***.

П. Д. Мальков и И. С. Вегер приглядели имение бывшего московского градоначальника А. А. Рейнбота и, заручившись одобрением Я. М. Свердлова, привели его в порядок. По воспоминаниям Малькова, 24–25 сентября 1918 г. он отвёз в Горки Ленина и Крупскую; для охраны Ленина десяток латышей-чекистов с подчинением самому Малькову выделил Дзержинский. Здесь стоит уточнить: в июле 1918 г. охрану Ленина вывели из подчинения Свердлову и возложили на ВЧК, однако все поручения по организации лечения в Горках отдавал не сотрудникам Оперативного отделения при Президиуме ВЧК, а коменданту Кремля Свердлов. Таким образом, есть основания полагать, что воспоминания о роли Дзержинского в переезде Ленина в персональный санаторий представляют собой не более, чем вымысел, который давным-давно покойный ко времени публикации воспоминаний Малькова Дзержинский не мог опровергнуть. Правда, Н. Л. Мещеряков оставил следующие воспоминания об ужесточении охраны вождя после покушения: ***«Владимир Ильич страшно не любил, когда по отношению к нему проявляли заботу: после покушения на Ленина в 1918 г. была установлена слежка агентов, которые следили за ним, чтобы предохранить его от нападения. Им приходилось от него буквально прятаться. Например, отправляется в Горках Ленин погулять; за ним отправляются чекисты, но им надо идти так, чтобы Ленин не видел их; если увидит, то пошлёт назад. Когда Ленин жил в Кремле, он часто выходил гулять по Кремлю, причём к нему могли обращаться все, кто хотел. Обыкновенно красноармейцы обращались к нему по своим делам; он охотно вступал с ними в разговоры»***.

То обстоятельство, что П. Д. Мальков в своих воспоминаниях не назвал И. С. Вегера, заменив имя на должность, объясняется, в т. ч., и тем, что Я. М. Свердлов методично изгонял после выздоровления В. И. Ленина из большевистской верхушки всех, кто мог знать что-либо серьёзное о событиях, связанных с покушением 30 августа 1918 года. Судьба товарища П. Д. Малькова по приисканию санатория для вождя мирового пролетариата — председателя Московского губернского исполнительного комитета — примечательна особо: уже во второй половине 1918 года. Я. М. Свердлов для начала направил И. С. Вегера на работу в Казань, а потом на Украину. 22 января 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б), на заседании которого присутствовали М. Ф. Владимирский, Н. Н. Крестинский, Я. М. Свердлов и технический секретарь К. Т. Новгородцева, отклонило ходатайство И. С. Вегера о включении его в члены ВЦИК. Казалось бы, вопрос можно было считать исчерпанным. Однако врач-большевик, возмущённый минимальной наградой вождей за преданность (максимальная, как известно, совпадает с «высшей мерой социальной защиты»), не сдался. Его послание было передано 9 марта «вне очереди» из Харькова в «Бюро ЦК» (с января 1919 г. — Оргбюро) РКП(б) и в копиях В. И. Ленину и Президиуму ВЦИК: ***«Протесту[ю] против действий Цека Свердлова, который сделанным здесь заявлением на партийном съезде*** (имелся в виду III съезд КП(б) Украины. — ***С. В.***) ***об отстранении меня постановлением Цека [РКП] из состава ВЦИК определённо огорчил меня. Явно несправедли-***

▲ Троцкий Л.Д.

вое, безо всякого основания отстранение меня из состава ВЦИК продолжает служить [в] руках Цека орудием дальнейшего систематического преследования меня. Протестую, требую суда, требую передачи дела [о] моём отстранении [из] ВЦИК предстоящему съезду партии. Посылаю письменное подробное заявление. И. Вегер». Вскоре после отправки послания, в 1919 г., И. С. Вегера направили на ответственную военную работу, т. е. в ведомство Л. Д. Троцкого. Примечательно, что сам И. С. Вегер никогда не упоминал о своём участии в подыскании Горок и организации отдыха председателя Совнаркома. Из послания в ЦК РКП(б) ясно видно, что фигура умолчания, конечно же, была следствием скромности: как врач, давший клятву Гиппократа, Вегер просто выполнил свой долг.

В условиях ранения вождя мирового пролетариата Я. М. Свердлов и Л. Д. Троцкий попытались свести на нет сложившуюся оппозицию их власти в высшем военном руководстве, обязав П. А. Кобозева сотоварищи считаться со мнением председателя РВСР и председателя ВЦИК как главы создавшего Совет органа. Для этого Л. Д. Троцкий разработал проект положения о РВСР и, сообщив телеграммой из Саратова, для создания видимости согласования с основателем партии, В. И. Ленину 26 сентября 1918 г., внёс его во ВЦИК на утверждение. 30 сентября ВЦИК собрался в расширенном составе. Судя по одному из документов Я. М. Свердлова, заседанию ВЦИК предшествовало совещание его коммунистической фракции. Накалив атмосферу обсуждением вопроса о международном рабочем движении, в результате которого ВЦИК выразил «твёрдую уверенность» в скорейшей победе революции в Болгарии, Я. М. Свердлов предоставил слово Л. Д. Троцкому и члену Президиума ВЦИК П. Г. Смидовичу — те выступили с докладом об общем военном положении. Смидович, заседавший в поездном трибунале Троцкого, проникновенно говорил о том, как два месяца под Казанью на его глазах «из ничего» формировалась «цельная, стойкая армия». Далее стал сгущать краски: *«И когда мы слышим, как зверски была убита старуха мать [видного большевика А. Я.] Аросева, потому что она большевичка и имела связь с большевизмом, мы должны сказать себе, что мы неизбежно будем находиться в положении окружённых в борьбе на уничтожение и наше революционное настроение должно расти, и процесс этот не должен останавливаться. Вот почему после взятия Симбирска, Казани, Саратова мы не должны успокаиваться. Самое серьёзное положение ещё впереди, и мы должны отметить ещё одну характерную черту из этой войны — в этой войне пленных не берут. И когда они* (белые. — *С. В.*) *окружают части [Красной армии], люди превращаются во львов [...]. Мы должны сделать всё возможное для усиления наших частей. Несмотря на продолжение гражданской войны в Западной Европе, несмотря на развитие революционного движения, несмотря на усиление гражданской войны, мы не должны забывать о том политическом моменте, который нас ждёт. Вот почему для развития [и] укрепления социалистического движения нашим лозунгом может быть только лозунг «Победа или смерть!»»*. Градус напряжения был установлен, и Я. М. Свердлов резюмировал: *«Из доклада т. Троцкого и т. Смидовича с полной несомненностью ясно, что у нас существует мощная, революционная Красная армия, что все наши революционные силы должны быть отда-*

ны для укрепления и подкрепления сил нашей Красной армии. Я позволю приветствовать от Вашего лица т. Троцкого и предлагаю т. Троцкому передать нашим товарищам на фронте, что [В]ЦИК принимает все меры, чтобы военное положение стало как можно на большей высоте. [В]ЦИК будет призывать все советские учреждения (! — *С. В.*) *— как центральные, так и местные — исполнить свой долг перед социалистическим отечеством, отдать все силы для фронта, сделать нашим лозунгом «Всё для фронта!» и предлагаю Вам принять следующую резолюцию (читает постановление, принято единогласно)»*. Согласно постановлению, ВЦИК поручил РВСР *«принять самые энергичные меры к укреплению нашей боевой Красной армии»*, в частности организовать *«резервные части для пополнения сражающихся на фронте полков»*. ВЦИК *требовал «от[о] всех советских учреждений как центральных, так и местных самого широкого содействия всем начинаниям Революционного военного совета»*. Какие же это начинания? — *«ВЦИК призывает всех сынов Советской России напрячь все силы для содействия общему делу и доведения борьбы за социалистическую революцию до конца»*

Заставив уже утомлённых членов ВЦИК выслушать нуднейшие филиппики Л. С. Сосновского о «сверхъестественной скромности» высших государственных органов в *«характеристике отдельных лучших бойцов Советской России»*. Я. М. Свердлов перешёл к главному: *«Следующим пунктом стоит Положение о Революционном военном совете. Вы помните, что у нас было принято постановление образовать Революционный военный совет как высшую власть в стране* (заметьте: не высшую военную, а высшую власть в стране. — *С. В.*), *но у нас не было выработано никакого положения, и что касается взаимных отношений с другими существующими военными учреждениями, то было только глухо сказано, что все военные учреждения предполагается ввести, что они подчиняются Революционному военному совету. Позвольте предложить Вам следующее предположение (читает). Позвольте предложить принять без прений предложенное Президиумом положение. Кто возражает против этого, прошу поднять руку. Таких нет. Позвольте считать, что принято единогласно»*. То ли собравшиеся, утомлённые насыщенным рабочим днём и довольно нудными докладами, уже и руки поднять не могли, то ли не почитали нужным корректировать линию председателя ВЦИК.

После голосования сразу получил слово член Президиума ВЦИК Л. Б. Каменев для внеочередного заявления о возможности установления военной диктатуры в Германии генералом Э. Людендорфом. Собравшихся, очевидно, настолько заняло сообщение, что выступавший последним М. Н. Покровский даже заявил, что его выступление пойдёт *«вразрез с тем настроением, которое здесь установилось»*[] Обсуждение возможностей для установления военной диктатуры в Германии отвлекло внимание членов ВЦИК от резолюции, направленной на утверждение некоей формальной военной диктатуры в России.

Итак, ВЦИК принял «Положение о Реввоенсовете Республики», согласно которому Революционный военный совет РСФСР объявлялся органом высшей военной власти в стране. Для нужд обороны границ РСФСР в распоряжение Реввоенсовета представлялись «все силы и средства народа» и все советские учреждения обязывались «рассматривать и удовлетворять [требования РВСР] в первую очередь». Реввоенсовет формально поглощал права и кадры коллегии Наркомвоена. Если

▲ Шляпников А.Г.

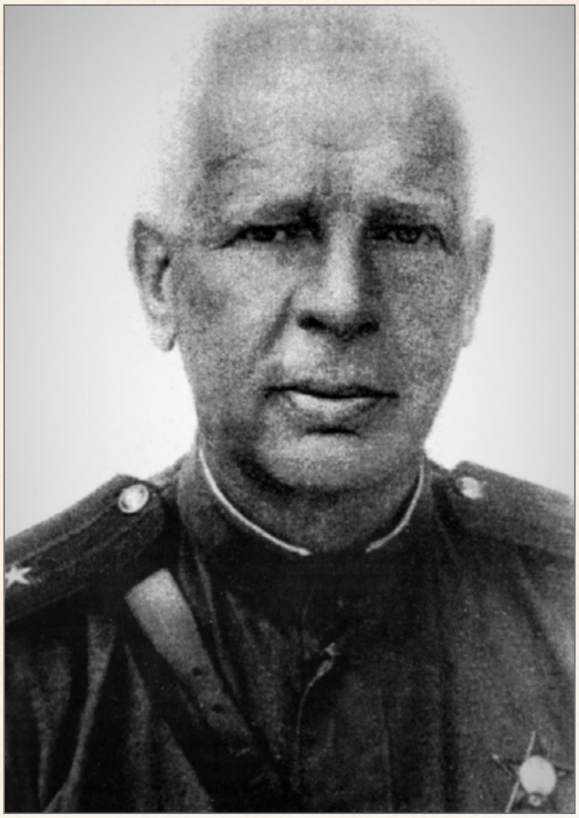
после создания 3 марта Высшего военного совета коллегия Наркомвоена продолжала своё существование, то данным постановлением ВЦИК она фактически упразднялась. Все военные учреждения подчинялись РВСР и обязывались исполнять его задания. Пункт 4-й подтверждал, что Л. Д. Троцкий является председателем Реввоенсовета Республики. Место председателя РВСР определялось равным месту председателя во взаимоотношениях с коллегией. Это ключевой пункт постановления (если сравнивать постановления ВЦИК от 2 и 30 сентября): согласно 45-й статьи Конституции РСФСР: ***«Народный комиссар вправе единолично***(! — *С. В.*) *принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением народного комиссара, коллегия, не приостанавливая исполнение решения»*, могла *«обжаловать его»* в Совнаркоме или Президиуме ВЦИК. Таким образом, теперь Л. Д. Троцкий мог диктовать свою волю, не запрашивая мнения К. Х. Данишевского и П. А. Кобозева сотоварищи. Эти видные большевистские деятели не могли не понимать всю важность постановления ВЦИК. Когда позднее, в 1920 г., на Девятом съезде РКП(б) развернулась дискуссия о коллегиальности и единоначалии, Л. Д. Троцкий, оппонируя одному из вождей группы демократического централизма В. В. Осинскому, подчеркнул: *«Даже монарх, абсолютнейший, и то всегда совещается, и при нём есть всякие коллегии, но мы, конечно, монархические принципы не устанавливаем»* и у нас *«совещательная коллегия. [В] Конституции сказано: «Нарком и при нём коллегия». [Т]ак и [...] запишем: «не коллегия правит, а правит один и при нём коллегия»»*.

Централизация и достижение нового уровня военного руководства фактически вылились в поднятие статуса Л. Д. Троцкого, не нуждавшегося ни в каком Совете, управлявшего военными органами и просившего невоенные в директивном порядке посредством телеграмм из собственного поезда. Именно этими действиями, легализованными 30 сентября, Лев Троцкий в очередной раз вызвал крайнее недовольство исполнительно следившего за Иоакимом Вацетисом Карла Данишевского: по его воспоминаниям, Троцкий *«часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность [...] Реввоенсовет»*, т. е. отдавал единоличные распоряжения вместо их проведения через РВСР. Постановление ВЦИК о поднятии статуса председателя РВСР члены РВСР попросту проигнорировали, о чём прямо свидетельствует телеграмма, направленная 8 октября Л. Д. Троцким из Козлова в Арзамас Реввоенсовету Республики и в копии — в качестве издевательства над старыми большевиками из высшего военного коллегиального органа — беспартийному военному специалисту Н. И. Раттэлю: *«1. Усматриваю снова* (! — *С. В.*) *неправильности в некоторых приказах Реввоенсовета. Так, по поводу назначения Жигмунда начвосо в приказ[е] сказано, что Жигмунд назначается наркомвоенмор[ом]* (Троцким. — *С. В.*) *и утверждается Реввоенсоветом. Жигмунд был назначен мной как предреввоенсовета. В утверждении надобности нет. Достаточно занумерования Реввоенсоветом состоявшегося назначения. 2. Мой приказ о перебежчиках распубликован в изменённом виде. Независимо от того, что изменение представляется мне неуместным по существу, неправильным по форме — для изменения опубликованного приказа нужно было моё формальное согласие. 3. Напоминаю, что за подписью Главкома и одного из членов Реввоенсовета могут отдаваться только оперативные указы и приказы, касающиеся отдельных конкретных неотложных случа[ев]. Организационного характера приказы должны иметь подпись предреввоенсовета. Настойчиво прошу соблюдать установленный порядок»*. Л. Д. Троцкий целенаправленно шёл на выяснение отношений, даже не зная, что на заседании РВСР никакого утверждения В. А. Жигмунда в должности не было а вызвавшую его раздражение формулировку можно было найти лишь в приказе РВСР, который оформили в лично курируемом Э. М. Склянским Военно-законодательном совете.

Из телеграммы Я. М. Свердлова, направленной в начале октября 1918 г. царицынской группировке — товарищу по Цека И. В. Сталину, С. К. Минину и К. Е. Ворошилову, следует, что решения РВСР как органа, сформированного Всероссийским ЦИК, могли быть обжалованы двумя высшими государственными конституционными органами — Совнаркомом или ВЦИКом, в *«крайнем случае — ЦК»*. Последняя оговорка лишь создаёт иллюзию, что ЦК РКП(б) был менее значимым органом, нежели СНК или ВЦИК: имеется в виду, что РВСР был чрезвычайным ***государственным*** органом, а потому отменять решения в случаях, когда они по-настоящему «неправильны» или «вредны», должны были именно высшие ***государственные*** органы РСФСР.

30 сентября, с одной стороны, расширили компетенцию РВСР, с другой — включили в РВСР преданных В. И. Ленину людей, изначально входящих в «орбиту» Совнаркома — В. И. Невского, И. В. Сталина и Н. И. Подвойского (последний, впрочем, был старым товарищем по революционному движению Я. М. Свердлова). При этом на практике далеко не все они приняли участие в работе РВСР. И. В. Сталин как один из наиболее авторитетных членов ЦК РКП(б), стоявший у истоков финансового обеспечения большевистской партии в дореволюционный период, открыто выражал презрение Реввоенсовету как коллегии малоавторитетных работников. Н. И. Подвойский впервые явился на заседание РВСР только 12 ноября. 19 ноября В. И. Невский получил от В. И. Ленина свой мандат члена РВСР — на этом, собственно, его «членство» в РВСР и закончи-

▲ Склянский Э.М.



▲ Аралов С.И., военное фото

лось. 15 октября в РВСР включили и С. И. Аралова (если верить весьма сомнительным рассказам П. А. Кобозева 1938 г., записанным его сыном много лет спустя, в августе 1918 г. вступившего в конфликт с Л. Д. Троцким). Однако важно обратить внимание на то обстоятельство, что постановления РВСР мог обжаловать Совнарком: в ходе создания Реввоенсовета Республики 2 сентября СНК как апелляционная инстанция не предусматривался.

Сопоставление оперативно публиковавшихся «распоряжений рабоче-крестьянского правительства» и позднего издания «Декретов Советской власти» дают уникальную информацию об отношении Совнаркома (и прежде всего его председателя В. И. Ленина) к постановлению ВЦИК от 30 сентября: это решение было опубликовано лишь в «Известиях ВЦИК» и «Известиях Наркомвоена», но не вошло в «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства». Для партийных работников это — сигнал о том, что данное решение Всероссийского ЦИК фактически не признаётся ленинским Совнаркомом.

Исследователи Ю. Г. Фельштинский и В. Д. Тополянский, исходя из мемуарных свидетельств, сделали вывод, что Свердлов и Троцкий вполне обходились без Ленина. Уж точно заслуживает доверие опасная своей двусмысленностью цитата из выступления Л. Д. Троцкого, напечатанного в газете «Правда» 2 октября 1918 г.: строительство армии в отсутствие В. И. Ленина ***««гигантскими шагами продвигается вперёд»», а «сидящие в нём две пули не мешают ему следить за всем и полегоньку всех подтягивать — что, конечно, вовсе не мешает*** (курсив наш. — *С. В.*)». Тем не менее, из цитаты, приведённой Ю. Г. Фельштинским, следует, что Ленин, находясь в Горках, постоянно давал ценные указания соратникам. Так, именно 1 октября вождь дал в письме указание Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому (который, отметим, не был членом Президиума ВЦИК) созвать на следующий день соединённое заседание ВЦИК, Моссовета, районных советов и профсоюзов на предмет необходимости поддержки революции в Германии; прислать за ним машину, констатировав своё согласие по телефону. Исследователи справедливо заметили, что Ленин тщетно прождал машину у дороги, а заседание состоялось 3 октября без Ильича, но почему-то не обратили внимания на резолюцию соединённого заседания, основу которой составило оглашенное на заседании письмо председателя Совнаркома. Текст письма прямо касался и военно-политической ситуации: в условиях роста аппетитов Антанты и возможности объединения её с Германией против Советской России В. И. Ленин призвал удесятерить усилия по заготовке хлеба и указал: ***«Армия крепнет и закаляется в боях [...]. Фундамент заложен прочно, надо спешить с возведением самого здания»***, т. е. с укреплением тыла Красной армии.

Как установил В. Д. Тополянский, вечером 3 октября, когда собрание окончилось, Свердлов продиктовал своей жене для Ленина: ***«Не могу сам писать, потому что испанка опять уложила в постель»***. Через три дня Свердлов написал Ленину самостоятельно, что «публика» основательно «хворала», поэтому от последнего требовалось «возможно дольше задержаться на даче». В. Д. Тополянский справедливо заметил, что сведениями, заболел ли Свердлов на самом деле или разыграл тяжкий недуг, историки не располагают. Однако, констатируем, что 18 октября на заседании Московского губернского исполнительного комитета был сделан специальный доклад «об испанской болезни», в котором врач Некрасов довёл до сведения собравшихся: в Московской губернии были «поражены все уезды», причём эпидемия принимала все более массовый характер. По заявлению врача, ***«… история т.н. «испанской болезни» начинается ещё в древности, но первые точные сведения появляются во французской литературе 400 лет тому назад и с тех пор время от времени в литературе находим указания на вспыхивающую эпидемию, которая захватывает страну, а иногда и несколько стран. Вспыхнув 3–4 года назад во французском войске, эпидемия перебросилась в Испанию, где в Мадриде в течение двух недель заболело 200 тыс. человек, затем перешла на Балканы и через Германию в Россию, на территории которой в [18]97–[18]98 гг. уже свирепствовала эпидемия такого типа. Развиваясь, в отличие от обыкновенной инфлуэнции*** (так в тексте. — ***С. В.***) ***сразу, «испанка» характеризуется высокой температурой, доходящей до 41°, с медленным пульсом, кровотечениями из[о] всех органов и полостей (чаще лёгочной и носовой, особенно правой ноздри). Но самым грозным симптомом является слабость сердца, что влечёт за собой смерт[ь], чаще после кажущегося выздоровления. Возбудитель данной болезни не выяснен, также не известно, повторяется ли она, но, определённо, заболевают больше люди в возрасте от 18 до 40 лет и менее дети и старики»***. После экскурса в историю Некрасов заявил: ***«В настоящее время характер болезни обостряется истощённостью организмов и замечается […] больший процент заболеваемости среди медицинского персонала»***. Некрасов просил немедленно обеспечить больницы продовольствием и медицинским персоналом, но Московский губернский исполком мог разве что постановить ***«для борьбы с испанской болезнью пользоваться средствами, ассигнованным на холеру*** (так в тексте, имеется в виду «на борьбу с холерой». — ***С. В.***)***»***. Пандемия действительно началась — в частности, от испанки скончалась супруга В. Д. Бонч-Бруевича Вера Михайловна Величкина, а потому делать какие-либо выводы относительно письма Я. М. Свердлова В. И. Ленину сложно: не понятна та тончайшая грань, где стремление обеспечить покой пациента переходила в желание отстранить вождя от власти.

Не позднее 9 октября находившийся в «изоляции» В. И. Ленин поиздевался над Я. М. Свердловым, сообщив ему и Н. Н. Крестинскому письмо полпреда РСФСР в Скандинавии с пометой: ***«[В]ЦИК назначает наркомов»***. 9 октября В. И. Ленин подписал мандат чрезвычайному ревизору Наркомата госконтроля Н. В. Терзиеву на проведение организации ревизии всех советских учреждений по всей территории РСФСР. Советские учреждения, ознакомившиеся по газете «Правда» с постановлением ВЦИК о создании РВСР, должны были вспомнить, что высшей инстанцией в действительности является не РВСР и даже не ВЦИК, а ленинский Совнарком.

9–10 октября В. И. Ленин окончательно пришёл в норму и был готов вновь 100-процентно вернуться к исполнению своих многочисленных обязанностей. 10 октября вождь вновь «приятно удивил» Я. М. Свердлова — на этот раз заявлением, что на днях он приступит к работе. В воспоминаниях П. Д. Малькова этот момент освещён иначе: к середине октября 1918 г., а в действительности ранее (судя по дате возвращения вождя из Горок), Ленин почувствовал себя «значительно лучше и все чаще стал интересоваться, как идёт ремонт и скоро ли он сможет вернуться в Москву. Я говорил об этом Якову Михайловичу, а он отвечал: ***«Тяните, тяните с ремонтом. […] Пусть подольше побудет на воздухе, пусть отдыхает»»***. По остроумному замечанию Ю. Г. Фельштинского, ***«с помощью плохого Бонч-Бруевича, желавшего Ленину зла, Ленин возвратился из ссылки, в которую он был отправлен добрым Свердловым для отдыха под нежными взорами десятка чекистов Дзержинского»***. Если точнее, под не особенно бдительным взором сотрудников П. Д. Малькова, подчинявшихся напрямую Я. М. Свердлову. В любом случае 14 октября 1918 г. ленинский отпуск в Горках закончился. И свердловское соло в партийном и государственном аппарате вместе с ним. 22 октября вождь принял участие в заседании ЦК РКП(б), на котором в т. ч. обсуждались вопросы о совещании с ведомствами и о назначении Склянского заместителем Троцкого в Реввоенсовете Республики. Вождю предстояло вплотную заняться делами военного ведомства, поскольку лидерство Свердлова с Троцким его абсолютно не устраивало. Равно как и курс на дальнейшую эскалацию и без того жарко полыхавшего внутреннего конфликта — в условиях явного запаздывания мировой революции. ■

ТРОЦКИЗМ ЛИКВИДИРОВАЛ ГОСУДАРСТВО ЛЕНИНА И СТАЛИНА

ИЗ БЕСЕДЫ С В.Н. МАТУЗОВЫМ

Матузов Вячеслав Николаевич — советский дипломат, ученый-востоковед, родился 3 июня 1941 г. в городе Колпашево Томской области. После окончания средней школы, поступил и с отличием окончил Российский государственный геологоразведочный университет. Затем, в 1965 г. стал студентом Московского института международных отношений Министерства иностранных дел. После окончания вуза с 1968 по 1970 гг. работал инструктором Международного отдела ЦК КПСС. В 1970 г. — первый секретарь посольства СССР в Ливане. С 1974 г. 16 лет занимался проблемами Ближнего Востока в Международном отделе ЦК. В 1990 г. — советник посольства СССР в США. В 1991 г. — советник посольства РФ в США. Президент Общества дружбы и делового сотрудничества с арабскими странами. Член Комитета солидарности с народами Ливии и Сирии. Работая долгое время в Международном отделе ЦК КПСС, был очевидцем многих событий, знаком с «тайной кухней» подготовки и осуществления плана по развалу Советского Союза. Его воспоминания представляют огромный интерес.

— Какими вопросами Вы занимались в Международном отделе ЦК КПСС?

— Мой рабочий день начинался в 9 утра. Первые 2–3 часа я читал шифротелеграммы в специальной комнате. Мне выносили все, что касалось моей тематики из ГРУ, Генштаба, МИД и КГБ. В каждом посольстве ведомства имели своих шифровальщиков. Люди работали высокопрофессиональные.

▲ Матузов Н.В.

Я с 1974 по 1988 год занимался Ливаном. В эти годы там шла гражданская война, и в ее эпицентре оказались те партии, с которыми КПСС сотрудничала. Например, Ливанская коммунистическая партия, Прогрессивно-социалистическая партия во главе с Камалем Джумблатом, а после 1977 года — во главе с его сыном Валидом Джумблатом. Плюс в зону моей ответственности входили отношения с палестинскими партиями. С Ясиром Арафатом и другими политиками, входящими в Организацию освобождения Палестины (ООП). КПСС часто обвиняли в поддержке террористов, но это неправда. Мы жестко соблюдали грань между террористами и национально-патриотическими силами, которые боролись против империализма. Если малейшая палестинская организация была замечена в вооруженных акциях против гражданского (мирного) населения, она автоматически выводилась не только за рамки оказания помощи, а вообще за рамки контактов. Таких организаций было много.

Были и те, кто обещали СССР отказаться от террористических методов. В частности, мы приняли извинения и заверения руководства Народного фронта освобождения Палестины в лице Жоржа Хабаша, что они никогда не будут заниматься террористической деятельностью. После чего им были выделены

▲ Арафат Ясир

▲ Мирзо Турсун Заде

стипендии на обучение в советских учебных заведениях. Помню, как у членов Политбюро брови взлетели наверх, когда среди студентов Университета дружбы народов оказалась Лейла Халед. Тогда было принято решение перевести ее в Киевский медицинский институт. Прошлые теракты, осуществленные Народным фронтом, влияли на климат отношений СССР с этой организацией. Однако их представитель Абу Али Мустафа был членом исполкома ООП, как и Махмуд Аббас от «Фатха». Мы относились к фронту как к составной части ООП, но внимательно следили, чтобы не было рецидивов терроризма.

Отношения с коммунистическими партиями осуществлялись через Комитет солидарности, влиятельнейшую по тем временам организацию. К сожалению, сейчас мы не видим такие общественные организации, которые бы служили боковыми структурами и дополняли дипломатические ведомства. Роль общественности в современной России сведена к непонятным встречам во Владимире и на Селигере. Это беда.

У нас в Международном отделе работа велась на серьезном уровне. Достаточно сказать, что таджикский писатель Мирзо Турсун-заде был руководителем Комитета солидарности. А реальную работу вел Александр Дзасохов. У Дзасохова были ответственные за разные направления: один за арабское, а другой — за африканское. При нем был и ответственный секретарь по общим вопросам. В разные времена там работали разные люди. Работа на земле осуществлялась через структурированный аппарат, в котором были представлены все ведомства. Это позволяло людям, которые находились на партийной верхушке, осматриваться и определять общее направление.

Ведь если отдать все представителям КГБ, ГРУ или людям с общим образованием, не имеющим к ним отношения, система бы не смогла работать эффективно. Нужна была выверенная политическая линия. Поэтому у нас был Сектор по работе с общественными организациями. Один человек в нем отвечал за Комитет солидарности, другой — за Комитет мира и т. д. Все было структурировано.

— А как финансировались компартии?

— На каждую братскую партию был свой бюджет. Деньги по сегодняшним расценкам небольшие — заработок одного олигарха за месяц. Допустим, ливанской компартии выделяли сначала по $ 200 тысяч в год, потом подняли до $ 300 тысяч. У нас в отделе был человек, который контролировал сейф с наличными. Приезжал к нему сотрудник КГБ с портфелем, забирал сумму, которую потом передавали через резидента, распределявшего деньги под расписку.

Когда мы приезжали в страну, нас с объятьями встречал посол. Но повседневно сотрудников Международного отдела ЦК опекали ребята из спецслужб.

— Получается, что участие ГРУ было минимальным?

— Участие ГРУ было чисто теоретическим. Военная разведка занималась аналитикой, например, палестинского движения сопротивления. А контакты с Арафатом шли через Комитет солидарности, где сидел полковник из КГБ (Первое главное управление) Лев Баусин. Он отвечал в Комитете солидарности за связи с ООП. У нас со всеми складывались дружеские отношения. Военные решали свои задачи. Были умные, талантливые ребята, сильные аналитики. Куда они потом все подевались? Возраст, наверное. Многие из них были старше меня...

С развалом СССР система ГРУ подверглось разгрому. Главное разведывательное управление превратили в управление Генштаба. Статус, ставки и роль ведомства понизили. Во времена Петра Ивашутина ГРУ было влиятельной структурой, имело право выхода на первое лицо со своей информацией и аналитикой. После ухода Ивашутина в 1987 году все пошло по наклонной.

— В ЦК КПСС действовала эффективная система принятия решений, именуемая некоторыми экспертами как партийная разведка. Когда и почему эта система начала давать сбои?

— На мой взгляд, партийной разведки как таковой не существовало, зато существовала разведка Коминтерна. Сталин прикрыл структуру Коминтерна 15 мая 1943 года. На его основе в 1947 году было образовано Коммунистическое информационное бюро, которое ликвидировали после XX съезда КПСС в 1956 году. После кадры Коминтерна перекочевали в Международный отдел ЦК КПСС. К примеру, коминтерновцем был заведующий Международным отделом Борис Пономарев. Работал у нас и Григорий Шумейко из Коминтерна. Методы Коминтерна сохранились и использовались на партийной основе.

Вот сегодня говорят, что руководителем партийной разведки якобы был Василий Кузнецов. Это нереально. Вы можете себе представить, чтобы Юрий Андропов кому бы то ни было позволил контролировать спецслужбы?

— Тем не менее, Кузнецов был весомой фигурой...

Да, он был почетным человеком, кандидатом в члены Политбюро. Подменял иногда председателя Верховного совета, когда тот заболевал или уезжал в командировку. Креслохранитель. Функций у него никаких не было. Никогда Кузнецов не контактировал с братскими компартиями.

То есть не было партийной разведки, во всяком случае, ее не было в 1966 году, когда я, ещё, будучи студентом, контактировал с Международным отделом ЦК. Однако аппарат ЦК очень тесно сотрудничал с Первым главным управлением (ПГУ) КГБ — это однозначный факт. Полная смычка с ПГУ.

Хотя после хрущевских времен существовал негласный закон, запрещавший КГБ следить за работниками ЦК и добывать любую информацию в аппарате ЦК. Более того, им было поручено оказывать ЦК всяческое содействие. У Леонида Брежнева было ощущение, что КГБ на каком-то этапе может воспользоваться властью, чтобы ликвидировать партийную верхушку.

Сама партийная система не распадалась никогда. Обратите внимание на того же Александра Дзасохова, который являлся ближайшим другом Евгения Примакова. Оставаясь ответственным секретарем, он сначала уехал послом в Дамаск, потом стал секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС, а накануне развала СССР — членом Политбюро. В результате смены руководства, которую проводил Михаил Горбачев, членами Политбюро становились люди, далекие от партийной работы. Примаков и Дзасохов никакого отношения к партии не имели.

Я Примакова знал с 1970 года. Тогда я приехал в Ливан, где он был корреспондентом газеты «Правда». Оказалось, что мой руководитель в Международном отделе талантливейший арабист Вадим Румянцев и Примаков вместе учились и были друзьями. Так меня подключили к этой компашке, в которой мы по вечерам пили чай (улыбается). Мне было 33 года. Мы хорошо друг друга знали.

Я считаю, что центральной фигурой, которая осуществляла переход от «перестройки» к перестрелке и нынешней ситуации, был Евгений

▲ Брежнев Л.И. и Громыко А.Е.

Максимович. Полагаю, что Борис Ельцин и Горбачев были людьми второстепенного плана. Это была внешняя картина. А реальный механизм, который контролировал весь процесс — до перестройки, перестройку и после перестройки, когда формировались всякие австрийские институты, был завязан на Примакова и других наследников плана Андропова.

— Говоря об австрийских институтах, вы имеете в виду центры, куда поехали учиться Анатолий Чубайс и вся команда будущих младореформаторов?

— Да. Эти же силы создали ленинградский центр, куда они в свое время перебросили генерал-майора Олега Калугина, который в ПГУ руководил отделом США и Канады, а также был начальником внешней контрразведки ПГУ.

Это было связано не столько с Примаковым, сколько с Андроповым. Когда я пришел в 1966 году в аппарат, Андропов еще заведовал отделом ЦК по работе с социалистическими странами. В 1967 году он стал председателем КГБ, не имея статуса члена ЦК и члена Политбюро. Так же как и Андрей Громыко.

Наш начальник Пономарев был выше по статусу, являлся кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК и руководил всеми международными связями. Кандидат в члены Политбюро и член Политбюро — тоже разница большая: имеешь право слушать, но не имеешь право голосовать.

С назначением Андропова вскоре изменился и сам статус председателя КГБ, поскольку в постхрущевский период Брежнев был очень аккуратен и не позволял спецслужбам довлеть над партийным аппаратом. Глава КГБ теперь стал членом Политбюро. Повысился и статус Громыко. А статус Международного отдела упал. Хотя потом были некие рецидивы, долго продолжалась агония... До последнего дня Международный отдел пытался доказать МИД СССР, что он ближе к телу руководителя.

— Была сильная конкуренция?

— Очень сильная. Отношения между Пономаревым и Громыко были напряжены до предела... Кто первым выхватит информацию и первым напишет записку в Политбюро. Полагаю, что, будучи членом Политбюро, Громыко располагал информацией из всех ведомств — из КГБ, ГРУ, Генштаба.

▲ Калугин О.

На стол члена Политбюро ложилось все, что передавалось через закрытые шифры. Кстати, не у каждого члена Политбюро был доступ для прочтения всей информации, которая предназначалась для 2–3 членов, а иногда, и, просто для одного.

— Вы работали при Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачеве. С Брежневым понятно. А как менялось отношение остальных советских лидеров к руководящей роли партии?

— Динамика шла незаметно. Уже в настоящее время, обладая информацией, которая появляется в интернете и на телевидении, можно составить общую картину. Например, когда Александр Ципко, которого никто не воспринимал в ЦК как серьезного работника, сейчас говорит, что он находился под личной опекой Андропова и готовил для него закрытые документы, которые Андропов не оставлял в архивах КГБ.

КГБ был системой, которая не позволяла отклоняться от генеральной линии. Андропов, сам создавая эту систему, понимал, что если информация попадает в нее, то она автоматически становится достоянием многих сотрудников, которые могут быть недовольны той или иной политической позицией руководства.

Поэтому дальнейшие изменения («перестройка») осуществлялись не на базе КГБ, а с помощью КГБ, но за рамками КГБ. Откуда появился Примаков (по папе — Фильценштейн, по маме — Киршемблат)? Это не система КГБ. Он из боковых отростков, которые создал Андропов, будучи уже председателем КГБ и членом Политбюро. Директор Института США и Канады Георгий Арбатов, директор ИМЭМО Николай Иноземцев, директор Института востоковедения Бободжан Гафуров.

Это были параллельные структуры, которые дублировали КГБ. Внешне они работали в связке с партийным аппаратом. Но в реальности эти институты были настолько сильными, находясь под покровительством Андропова, что влияние на них руководящих отделов ЦК равнялось нулю.

Я тогда и не подозревал об этом. Мне довелось впасть в немилость к Примакову именно по незнанию. Когда Примаков возглавил в 1977 году Институт востоковедения, ему тут же дали статус члена ЦК, то есть неприкасаемость. Кстати, Иноземцев был очень талантливым

человеком. Мы вдвоем летали на 40 дней со дня убийства Камаля Джумблата. Общались с ним 7 дней в Бейруте. Произвел сильное впечатление.

— Интеллектуал?

— Очень сильный. С колоссальным жизненным опытом, участник Великой Отечественной войны, был награждён четырьмя боевыми орденами. Сдержанный, ни одного лишнего слова и даже движения бровями. Это была вышколенная публика, что позволяло ей не засветиться.

Ципко говорит правду, когда вспоминает Андропова, который не позволял ему направлять в архив КГБ записки. Последний раз я встретил Ципко в Вашингтоне, когда в 1990 году работал советником посольства. Тогда ЦК уже рухнул, там никого не было. Всю шифропереписку запретили посылать в ЦК еще в конце 1988 года.

— Получается, что Горбачев просто добивал систему?

— Горбачев — это тряпка, пешка, вообще ничто. За распадом СССР стояли наследники Андропова. То есть были созданы условия перехода от той системы, в которой мы жили, к западному образцу.

— Зачем им понадобилось уничтожать страну?

— Расскажу вам в ответ небольшую историю из жизни. В октябре 1974 года, когда я был в Ливане, работал на должности первого секретаря посольства, у меня умерла мать. Я полетел в Новосибирск на похороны. На обратном пути я позвонил Вадиму Румянцеву, которого тогда сделали заместителем заведующего в ЦК. Он позвал к себе. В гостях у него были Примаков с супругой... А тогда Примаков был членом редколлегии газеты «Правда».

Что такое газета «Правда» в те годы? Если появлялась маленькая негативная заметка про чиновника, то его сразу снимали с должности. Вдруг я слышу от Примакова: «Социалистическая система себя изжила. Надо от нее отходить и начинать жить как на Западе».

И тут я вступаю в пререкания с Евгением Македоновичем. В те годы у него было такое отчество... Когда я в 1975 году приехал к Примакову, он сказал мне: «Слава, зови меня теперь Евгений Максимович».

— Он поменял отчество?

— Да, это уникальная вещь в его биографии. Личность Примакова законспирирована до предела и по сей день. Я считаю, что он являлся главной действующей фигурой, которая завершила план Андропова по переустройству Советского Союза. Говоря простым языком, Примаков был смотрящим за процессом — все эти годы.

Возвращаясь к нашему с Примаковым спору. Привожу ему примеры из истории СССР... Гражданская война заканчивается в 1922 году. Страна в разрухе. Через 7 лет начинается индустриализация и уже к 1939 году, накануне Второй мировой войны, СССР встречает ее, имея промышленность, сельское хозяйство, политическую волю руководства и самое главное — было население. Моя бабушка по матери вспоминала, как они жили до Великой Отечественной войны: полки были заполнены товарами, продукты питания стоили дешево, социально обустроенная жизнь, был расцвет экономики. Это были красочные воспоминания. И об этом сегодня никто не говорит: официально вся информация искажается и уничтожается, а люди, которые это видели своими глазами, постепенно уходят из жизни. В 1941 — 1945 гг. полстраны эвакуировали в Сибирь. Я это помню, сам тогда жил в Сибири. А в 1945 — 1955 годах уже происходило развитие ракетной промышленности. Тогда

▲ Иноземцев Н.Н.

▲ Арбатов Г.А.

в ходе дискуссии Евгений Македонович посмотрел на меня зверем.

Заместитель заведующего Международным отделом Вадим Румянцев толкает меня ногой под столом: «Слава, пойдем покурим». Я выхожу с ним. «Ну-ка прекрати! Ты знаешь, с кем ты сцепился? Замолчи немедленно», — говорит мне Румянцев. То есть уже в 1974 году на уровне замзаведующего Международным отделом люди пасовали перед носителями той точки зрения, которую представлял корреспондент «Правды» Примаков... Даже перед Примаковым. А уж что говорить об этаже повыше. Потом стало ясно, что наш начальник Пономарев и Андропов находились в одной команде.

Механизм «перестройки» осуществлялся сторонниками Примакова вне КГБ, частично привлекая оттуда кадры, которые Андропов лично создавал. Ведь Андропов тоже пришел в КГБ и ЦК не с пустого места. И здесь интересно рассмотреть корни самого Андропова.

— Кстати, о корнях. Какие факторы способствовали карьерному взлету Андропова?

— Андропов же был первым секретарем ЦК Комсомола Карело-Финской ССР. За ним стоял Отто Куусинен. А с кем был связан Куусинен? С генерал-лейтенантом госбезопасности Евгением Питоврановым. Это «отец» всех андроповых, примаковых и других деятелей «перестройки».

— Какова была роль Питовранова?

— Нитка тянется от Коминтерна и Льва Троцкого. «Красной нитью» в данной истории проходит борьба Иосифа Виссарионовича Сталина с троцкизмом в рядах силовых ведомств. На мой взгляд, это все создавалось на базе спецслужб.

— Хотите сказать, что троцкизм взял в 1991 году реванш у сталинизма?

— Реванш абсолютный. Причем с теми же идеями — против сталинизма.

— Что из себя представлял Коминтерн?

Это интересная тема. К ней питали особый интерес арабские компартии, особенно ливанская, у которой была развитая теоретическая база. У ливанцев оставались на тот период мощные ветераны Коминтерна. На Волынской даче Сталина мы каждый год проводили совещания арабских компартий, обсуждали планы. В 1968 году ливанцы рвались к архивам Коминтерна, юридически они имели такое право.

Меня тогда отправили в Институт марксизма-ленинизма, где находился суперсекретный архив. Туда даже не пускали по удостоверению работника ЦК. Однако пропуск был мне заказан. Я сел и полистал архив ливанской компартии, после чего доложил своему начальнику Румянцеву: «Вадим Петрович, если честно, я бы им ни одной бумажки бы не показывал» (смеется).

— Там совсем за гранью?

— Мат-перемат... Очень грубый был у них характер взаимоотношений. Например, на запросе в Коминтерн с просьбой разъяснить такой-то вопрос стоит виза известного руководителя ведомства: «Прощупать этого мудака!». И далее — в аналогичном ключе. Не знаю, где сейчас находится архив Коминтерна.

— Коминтерн был разведывательной организацией?

— Конечно. В 1925 — 1930-е годы создавались компартии арабских стран. Эпицентром коммунистического движения на Ближнем Востоке были компартии Палестины, Сирии, Ирака и Египта. На эту базу Коминтерн посылал своих эмиссаров, которые с кучей денег создавали там партийные структуры, занимались пропагандой. Причем самыми надежными сотрудниками Коминтерна были люди еврейского происхождения, которые не проникались сочувствием к местному населению и четко выполняли указания Центра.

Это к слову о том, почему Британия сделала ставку на создание «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена на территории РФ). Я много изучал материалов на эту тему, читал мемуары британских разведчиков. В результате активности Коминтерна Лондон почувствовал в 1930-е годы угрозу своему влиянию. Причем во всех арабских странах.

Люди, приезжавшие на Ближний Восток с принципами борьбы против колониализма, эксплуатации и угнетения народов, получали на местах мощнейшую поддержку. Французы были менее поворотливыми, а вот британцы сделали все необходимые выводы. Поэтому с 1929 по 1932 год

▲ Под красным знаменем в капитализм — Примаков, Питовранов, Андропов

▲ Пономарев Б.Н.

они создали движение «Блокада безбожному коммунизму».

То есть британская разведка представляла борьбу с коммунизмом как битву с безбожием, рассчитывая перетянуть на свою сторону верующее население. Так на свет появились «Братья-мусульмане». Эта организация до сих пор корнями уходит в период 1930-х годов. Правда, система управления сегодня изменилась, но не намного: МИ-6 просто передала пульт управления ЦРУ.

— Что из себя представлял Михаил Горбачев?

— Горбачев — очень недалекий человек, двуличный. У него не было позиции, за исключением желания уничтожить социализм. Горбачев переоценивает значение своих взглядов, чтобы ему на Западе больше платили. Он выносил на Политбюро и принимал решение в зависимости от того, кто к нему первый подходил.

Приведу пример. В ноябре 1988 года я возвращаюсь из Алжира с Национального совета Палестины, когда драка между Арафатом и просирийскими группировками могла уничтожить ООП. Заместитель заведующего Международным отделом ЦК Карен Брутенц мне тогда дал устное указание: «Не вмешивайся, ничего не делай. Пусть они друг друга уничтожат. Нам будет проще выходить на дипломатические отношения с Израилем».

Было видно, что Брутенц излагал личную точку зрения, а не официальную позицию. Я взял на себя ответственность и проигнорировал это указание, поскольку в Алжире ко мне подошел Арафат в зале съездов и заявил: «Скажи своим марксистам, чтобы они прекратили меня уничтожать. Я вчера подписал соглашение о сотрудничестве с палестинцами, которые идут на поводу у Хафеза Асада. А сегодня ночью мне поступили звонки от короля Марокко Хасана II и президента Египта Хосни Мубарака, которые потребовали немедленно ликвидировать соглашение. Скажи им, что это не я ликвидировал, а арабские лидеры, против которых я не могу выступать».

Ответил я Арафату следующее: «Абу Аммар, Вы — мудрейший из мудрейших, всегда умели маневрировать. Если источником уничтожения Исполкома ООП будете Вы, то я гарантирую — Москва поддерживать Вас больше не будет». На что Арафат парировал: «Хорошо, я сделаю все возможное, но ты поговори со своими марксистами». Напомню, что Арафата выкинули из Ливана сирийцы руками пропалестинских организаций. И Арафат был обижен на нас, потому что СССР не защитил его от сирийцев.

После Арафата ко мне подходит его оппонент — лидер просирийского крыла Народного фронта освобождения Палестины Жорж Хабаш. «Арафат — предатель. Вчера мы подписали соглашение, а сегодня он его разорвал его», — отметил он. Я сказал Хабашу: «Только что я говорил с Арафатом. Он сказал, что это было не его решение. Вы — мудрый человек, не становитесь причиной уничтожения ООП».

Наши разговоры тогда фиксировали полностью. Очень быстро в Международном отделе узнали содержание бесед. Брутенц после моего приезда в Москву неделю не принимал меня — якобы был занял. Уже при встрече он сделал мне замечание: «Я же говорил тебе ничего не делать, а ты проигнорировал мое указание». Я ответил начальнику: «Зато ООП сохранилась, а могла распасться на тысячи террористических организаций».

Когда ответственный работник ЦК, коим я являлся, возвращался в Москву, он готовил информационную записку с изложением ситуации и предложениями. Далее записка шла в Политбюро. Это было чрезвычайно важно. Ведь президент США Джордж Буш несколько раз в день комментировал ситуацию у палестинцев: американцы внимательно следили за событиями. А у нас была тишина, как и сейчас...

После я узнал, что Брутенц за моей спиной внес записку в Политбюро (без моей подписи) — у нас был жесткий порядок, по которому без подписи ответственного за регион работника документ заворачивался Общим отделом ЦК (его в свое время возглавлял Константин Черненко) и не рассматривался на заседании Политбюро. Я подготовил бумагу с предложениями и передал ее Горбачеву, который сказал, что резолюция по данному вопросу уже принята, но предложения, изложенные в моей записке, будут реализованы прямым указанием...

Система уже была разрушена. В декабре 1988 года все информационные потоки на ЦК ликвидировали. Никакой информации по спецканалам. ГРУ и МИД прекратили направлять шифротелеграммы. Единственное, что оставалось: КГБ направлял нам обобщающие материалы и аналитику, не ежедневную информацию из посольств, как было раньше. Структура фактически уже отсутствовала. Тогда я ушел на работу в МИД экспертом в управление Ближнего Востока, а мой коллега Виталий Чуркин — экспертом в секретариат к Эдуарду Шеварднадзе.

— Каким Вы запомнили Чуркина?

Изумительный специалист. Гениальный человек, открытый. Блестяще знал язык. Его Добрынин привел в Международный отдел. Чуркин у него в вашингтонском посольстве 10 лет возглавлял пресс-службу.

— Сильным бы стал министром?

— Не то слово! ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

▲ Фрунзе М.В.

В начале 30-х годов в нашей стране сложились объективные условия, позволявшие обобщить накопленный опыт нелегальной работы и начать более планомерную и профессиональную подготовку специалистов для «малой войны». Появились новые и были значительно преобразованы не только международные военно-политические организации (Коминтерн, Профинтерн, МОПР и др.), но и специальные службы СССР (ИНО ОГПУ и РУ РККА). Все эти структуры были объединены общей целью активного противодействия на всех возможных рубежах и уровнях как внутренней оппозиции, так и иностранным, в том числе и эмигрантским, организациям специальными методами.

Кадры практически всех военно-политических и специальных организаций обладали значительным опытом подпольной, разведывательной, диверсионной и контрразведывательной работы. Имелись лояльные новой власти специалисты, овладевшие методикой подготовки кадров еще в военных учебных заведениях и на оперативной службе в Российской империи. Большое количество опубликованных в открытой печати материалов по различным аспектам нелегальной работы составляло солидную первичную основу научной базы для подготовки молодых сотрудников. На рубеже 1929–1930 гг. проводилась определенная работа по обучению нелегальных партизанских и диверсионных кадров РККА, ОГПУ и Коминтерна.

В РККА первый этап этой работы начался в рамках концепции М. В. Фрунзе, которая предусматривала подготовку страны и ее Вооруженных сил к будущей неизбежной войне. В условиях, когда Россия была окружена врагами, при постоянной угрозе нападения именно партизанские формирования могли сыграть большую роль в обеспечении безопасности. Огромная заслуга в организации подготовки Вооруженных сил страны к ведению партизанской войны, широко развернувшейся в СССР в 1922–1932 гг. по праву принадлежит М. В. Фрунзе. Еще в июле 1921 г. была опубликована работа М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия». В ней Фрунзе подчеркивал важное значение, какое может приобрести для организации обороны страны подготовка ведения партизанской войны. «Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет проводиться систематически и планомерно, то и этим путем, — отмечал автор, — можно создать для

армии противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».

Обязательным условием успеха «малой войны» по мнению М. В. Фрунзе была заблаговременная разработка ее плана и создание предпосылок обеспечивающих успех ее широкого развития. Он сформулировал нормы и условия ведения партизанской войны: «Способы и формы ведения войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития и прежде всего от развития производства. Военная тактика в первую очередь зависит от уровня военной техники. Второе средство борьбы с техническим превосходством армии противника мы видим в подготовке партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Но обязательным условием плодотворности идеи малой войны является, повторяю, заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих ее широкое развитие. Отсюда задачей нашего Генерального Штаба должна стать разработка идеи малой войны».

В конце 1929 года подготовка к устройству заграждений на границе была завершена. В Украинском военном округе, например, было подготовлено более 60 специальных подрывных команд общей численностью 1400 человек. Заложены десятки складов с минно-взрывными средствами. На всех значительных мостах приграничной полосы отремонтировали минные трубы, колодцы, ниши и камеры. Было заготовлено 1640 готовых сложных зарядов и десятки тысяч зажигательных трубок, которые можно было ввести в действие буквально мгновенно. Помимо взрывных заграждений создавались и другие. Вся система увязывалась с системой укрепленных районов.

Такая же подготовка к устройству заграждений (разрушений) на железных дорогах в приграничной полосе проводилась и в других приграничных военных округах. Для этой цели были изданы специальные наставления, где подробно описывалось, как производить порчу железнодорожного пути, мостов и других объектов на железных дорогах, и определялись варианты разрушения и порчи железнодорожных объектов в зависимости от того, на какой срок необходимо вывести их из строя. Все расчеты сил и средств производились для полного и частичного разрушения. Необходимые запасы минно-подрывных средств создавались для полного разрушения дорог в полосе 60–100 км от границы, и располагались они вблизи охраняемых объектов.

Сотрудничество с официальными властями Веймарской республики не мешало руководству ВКП (б) по линии ИККИ и РУ РККА осуществлять военную подготовку функционеров германской компартии и других коммунистических партий и союзов. В числе важнейших направлений работы специальных военно-конспиративных комиссий Коминтерна стала подготовка коммунистических партий Запада к оказанию помощи СССР в случае нападения на него. Особые кадры Коминтерна вступали в действие по специальному плану только после объявления войны СССР или ее фактического начала.

Эта работа осуществлялась параллельно с Разведывательным управлением РККА. Разведупр РККА занимался подготовкой глубоко законспирированных диверсионных групп, члены которых не имели связи с компартиями.

В инструкции Орготдела ИККИ по работе среди войск от 31 августа 1928 г. подчеркивалось, что работа в вооруженных силах буржуазных государств необходима, так как разложение буржуазных армий является важным условием завоевания власти пролетариатом. Обязанностью каждой коммунистической (рабочей) партии является просвещение солдат и матросов, защита их интересов, организация их борьбы за свои права и руководство этой борьбой. Работа в армии и на флоте, говорилось далее, – неотъемлемая предпосылка для превращения империалистической войны в войну гражданскую, в войну пролетариата и крестьянства против буржуазии и помещиков. В этом случае основная работа компартии заключалась в привлечении на свою сторону возможно более широких масс солдат и матросов.

Организовать диверсионные операции на территории иностранных государств, постепенно переходящие в партизанскую войну, можно было только при условии заблаговременной подготовки соответствующих кадров. Это кадры готовились и по линии РУ РККА, и по линии Коминтерна (члены военных организаций компартий). Для практической подготовки специальных кадров литеры «А» (активные действия) в конце 1920-х — начале 1930-х гг. было подготовлено несколько специальных учебных пособий по вооруженным восстаниям.

После заключения мирного договора с Польшей в марте 1921 г. Разведупр начал создание и переброску на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям. Предполагалось, что эти вооруженные отряды станут ядром всенародного партизанского движения на оккупированных белорусских и украинских землях, которое в перспективе приведет к их освобождению и воссоединению с СССР. Подобная деятельность получила название «активная разведка». При этом надо заметить, что деятельность Разведупра по активной разведке была настолько тщательно законспирирована, что о ней не знали даже представители ОГПУ. В 1925-м году советское военно-политическое руководство приняло решение прекратить «партизанские методы борьбы и сконцентрировать все усилия на организационно-массовой работе среди крестьян». В июне 1925-го повстанческие отряды были расформированы, часть боевиков перебралась в БССР, другая же осталась в Польше, переехав на жительство в отдаленные от родных мест (поветы) уезды.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ПО ВОПРОСУ ОБ АКТИВНОЙ РАЗВЕДКЕ

1. Активная разведка (диверсионные, военно-подрывные группы и проч.) в первый период ее существования была необходимым дополнением наших военных мероприятий и выполняла возложенные на нее из центра боевые задачи.

С установлением более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами от Разведупра неоднократно давались директивы о прекращении активных действий, однако приобретенные за предшествующий период традиции у организованных за рубежом групп, а также слабость руководства со стороны коммунистических партий стихийно нарастающим движением зарубежного крестьянства, из которого комплектовались кадры диверсионных групп активной разведки, не давали возможности организованно руководить этими группами, часто не соблюдавшими даваемые директивы. Отсюда целый ряд выступлений, причинявших вред нашей дипломатической работе и затруднявших работу соответствующих коммунистических партий.

2. Ввиду совершенно ясно определившейся невозможности путем циркуляров ввести в нужное русло работу зарубежных партизанских групп и принимая во внимание, что коммунистические партии поставили уже реально вопрос о захвате под свое влияние стихийно растущего движения на окраинах, признать необходимым:

а) активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской Республики) ликвидировать;

б) ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство.

3. Вся боевая и повстанческая работа, отряды и группы, поскольку они политически целесообразны (что определяется в чисто партийном порядке), должны быть переданы в полное подчинение коммунистических партий данной страны и руководиться исключительно интересами революционной работы данной страны, решительно отказавшись от разведывательной и иной работы в пользу Военведа СССР.

Остальные группы активной разведки, а также военно-подрывные и диверсионные группы по существующему раньше типу, поскольку они не войдут в круг партийной организации, – ликвидируются.

4. Вместо активной разведки в настоящем виде для чисто военных целей СССР должны быть организованы в соседних государствах самым конспиративным образом особые пункты для обследования и изучения военных объектов, установления связи с нужными людьми, заготовки материалов и проч., т. е. для *подготовки к деструктивной работе во время войны в тылу у противника. Таким образом, пункты имеют характер информационный и подготовительный, с тем, чтобы в соответствующие моменты могли развернуться в боевые. Пункты эти никоим образом не связываются с партией, и отдельные работники не состоят в партии.*

Руководители центральных аппаратов разведки у нас и за рубежом держат связь исключительно с уполномоченными ЦК соответствующих компартий.

5. Расконспирированные на границе начальники и руководители бывшей активной разведки сменяются немедленно, не дожидаясь общей ликвидации, которая требует более продолжительного времени и крайне осторожного подхода.

6. На нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие группы с необходимым вооружением. В случае занятия нашей территории противником их задача — дезорганизация вражеского тыла и партизанская война.

7. Пограничная зона на нашей стороне должна быть очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границы для боевой работы. Не озлобляя их и оставляя на учете в случае войны, их следует эвакуировать во внутренние округа.

8. Для безболезненного проведения всех указанных мероприятий и для избежания недовольства, отрыва или вырождения отдельных групп или лиц необходимо ассигнование соответствующих сумм. Также необходимо установление и удовлетворение твердой сметы для работы на будущее в размерах, гарантирующих организованную и выдержанную работу всех сотрудников.

9. Проведение всего вышеизложенного возложить на РВСР, с докладом в ПБ.

10. Ответственность за состояние границ и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ.

11. Изменение указанных методов работы, вызываемое особенностями обстановки (например — Бессарабия), может иметь место только по особому постановлению Политбюро.

12. Проведение указанной линии должно быть обусловлено и дипломатическим ее использованием. Все намеченные меры могут оказаться лишь вредными, если не будет проведена твердая и ясная политика по отношению к Польше, уже намеченная ПБ. Следует подчеркнуть, что польское правительство в данном вопросе не имеет против нас прямых улик, а базируется лишь на догадках. Поэтому всяким выпадам с польской стороны должен быть дан решительный отпор.

13. Еще раз обратить внимание компартий восточных окраин Польши на необходимость охвата и руководства крестьянским движением на окраинах, оказания помощи крестьянству в его борьбе, придавая движению организованный характер и используя все возможные формы его, как то: беспартийные крестьянские комитеты, комитеты обороны и прочее.

25 февраля 1925 г.

Соответственно, задачами партизанской войны являлись: развитие в народных массах правильного понимания вооруженного восстания и разъяснение тех условий, при которых восстание может возникнуть, протекать и успешно завершиться; организация кадров сознательных рабочих и крестьян, группирующихся вокруг революционной партии с целью активных выступлений и руководства массами для всеобщего вооруженного восстания; ускорение процесса классовой дифференциации общества и втягивание широких масс на путь революционных действий при облегчении условий организации и повышении уровня общеполитической подготовки; истощение сил противника разрушением и порчей правительственных, полицейских и военных аппаратов, телеграфа и железнодорожных линий, складов, арсеналов, транспортных средств и т. п., террором, экспроприациями оружия, боеприпасов, нападением на войска (гарнизоны) и их разложением.

В качестве одной из главных форм ведения «малой войны» рассматривались диверсии, применение которых, было наиболее эффективно в период проведения мобилизации. Полагалось, что общая задача для диверсий периода мобилизации может быть сформулирована как расстройство основных процессов мобилизации, удлинения мобилизационных сроков и нанесения материального ущерба. Для этого следовало: помешать эвакуации промышленных предприятий, складов с запасами сырья и материалов и т. п. из приграничного района; затруднить вызов по мобилизации людей, лошадей и обоза, погрузку и выгрузку всяких предметов снаряжения армии и эвакуируемых предприятий, чтобы застопорить движение по железным дорогам; замедлить движение эшелонов и смять плановые графики, чтобы сорвать сроки мобилизации; дезорганизовать транспортные средства порчей или уничтожением паровозов, вагонов, цистерн, пароходов, автомобилей, аэропланов и проч.; уничтожать объекты железнодорожного и водного сообщения — мосты, трубы, шлюзы, водокачки, стрелочные переводы, переводные круги, электростанции и т. п.; прекратить, хотя бы на время, телеграфную, телефонную и радиосвязь; уничтожить базы, арсеналы, казармы, водопроводы, подачу света, хлебозаводы, предприятия военной промышленности и другие объекты; применить террор против военных и правительственных деятелей; дезорганизовать работу штабов и учреждений, проводящих мобилизацию.

С 1929 г. на территории Белорусского, Украинского, Ленинградского и Московского военных округов работали специальные школы по подготовке партизанских кадров. Отбор в них осуществлялся тщательно: предпочтение отдавалось имеющим опыт лицам либо лицам, владевшим нужной для диверсионной работы специальностью. Наряду с базовой военно-политической подготовкой слушатели получали подготовку

▲ Черепанов А.И.

▲ Спрогис А.К. 1949 г.

и по конкретной военной профессии: сапер, разведчик, снайпер, радист.

В приграничных областях параллельно с IV (Разведывательным) Управлением Штаба РККА, ОГПУ также создавало свою боевую и агентурную сеть на случай вторжения иностранных войск. Вместе с этим подготовку своих активистов к переходу на нелегальное положение в случае неизбежной войны вели и партийные органы. Командующий Украинским военным округом Иона Якир, посещая специальную школу, общаясь с её руководством, говорил, что минно-взрывные заграждения не могут на длительный срок вывести дороги из строя. Противник, обладая хорошей техникой, в состоянии восстановить их быстро. Поэтому надо готовить партизан для минирования восстанавливаемых противником дорог и других коммуникаций. Задача состоит в том, чтобы подготовить диверсантов, незаметных для противника, глубоко законспирированных. Когда противник окажется на нашей территории, партизаны должны превратить восстанавливаемые участки в ловушки.

В партизанские отряды подбирались различные специалисты. Помимо совершенствования в основной специальности они глубоко изучали и смежные военные профессии. Каждый минер был и мастером маскировки.

Изучению оружия иностранных образцов командование уделяло самое серьезное внимание: будущим партизанам обязательно пришлось бы пользоваться трофейным оружием.

ОГПУ готовило в основном диверсантов-подпольщиков, тщательно законспирированных. По линии Наркомата обороны готовили командиров, которые, попав с подразделением в тыл противника, могли бы перейти к сопротивлению. С этой целью в Западной Украине и Молдавии создавались скрытые партизанские базы с большими запасами минно-подрывных средств. Склады на побережье Дуная создавались даже в подводных резервуарах в непортящейся упаковке.

Согласно концепции «малой войны», войска противника, перейдя государственную границу и углубившись на нашу территорию, должны были напороться на укрепрайоны и увязнуть в позиционной войне. В это время на оккупированной территории партизаны начинают организованное сопротивление, нарушают коммуникации противника. Через некоторое время, лишившись свежего пополнения, подвоза боеприпасов и продовольствия, войска неприятеля вынуждены будут отступать. Партизаны начинают отходить вместе с противником, все время, оставаясь в его тылу и продолжая диверсии. Так было прописано в планах.

Базы закладывались и вне СССР. Очень важно было то, что готовились маневренные партизанские формирования, способные действовать как на своей, так и на чужой территории.

Для подготовки руководящих кадров «малой войны» были созданы несколько партизанских школ. Две в Разведупре РККА и одна — в ОГПУ (школа на Холодной горе в Харькове). Школа в Купянске готовила людей, перешедших на нашу сторону из районов Западной Украины и Белоруссии (спецшкола РККА и ИККИ по подготовке кадров КПЗБ и КПЗУ). Одновременно обучалось 10–12 человек, по шестимесячной программе. Киевская школа готовила офицеров, которые уже имели опыт партизанской войны. Школа подчинялась непосредственно командующему Киевским военным округом и находилась в местечке Грушки.

Кадры для партизанских отрядов готовились по следующей программе: политическая, общевойсковая, техническая и специальная подготовка. Одновременно шло формирование командных и специальных кадров. В подготовке диверсантов основными предметами были: политическая, физическая и огневая подготовка; тактика специальных действий; разведка и контрразведка, конспирация; минно-подрывное дело; военная топография. Одновременно готовились до 30–35 человек. Теоретические занятия проводились в школах по 6 часов, а практические на местности — по 8–10 часов. Мероприятия на местности маскировались под курсы и семинары лесников, пчеловодов, рыбаков, собаководов и т. п. В зависимости от предстоящих задач и состава группы подготовка занимала от 3 до 6 месяцев.

К середине 1930-х гг. Генштабом РККА была разработана и в ходе маневров опробована теория «глубокой операции», в которую органично вписывались разведывательно-диверсионные действия в тылу противника. Практическое подтверждение высокой эффективности специальных подразделений было получено не только в ходе учений. После окончания Гражданской войны руководство ОГПУ и командование РККА имели не одну возможность проверить теоретические разработки на практике (операции по ликвидации басмачества (1922–1931 гг.), участие в боевых действиях в Китае (1924–1927 гг.), афганские события (1928–1929 гг.).

Во время операции в Афганистане (руководители операции В.М. Примаков (Региббей) и А.И. Черепанов (Али-Азваль-хан), направленной против Б. Сакао, объявившего себя эмиром, в апреле — мае 1929 г. приобретен практический опыт взаимодействия специальных подразделений с авиацией. Был создан «воздушный мост» для матери-

▲ Орловский К.П. 1957 г.

▲ Ваупшасов С.А. 1972 г.

ально-технического обеспечения наших групп, организована штурмовая авиационная поддержка в их интересах. Как показала практика партизанской борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны, авиационная (материально-техническая, тактическая, огневая и спасательная) поддержка исключительно важна.

На уровне военных округов подготовкой к партизанской войне занимались специально созданные IV (разведывательные) отделы штабов военных округов. Они взаимодействовали с соответствующими подразделениями и отделами республиканских и территориальных органов ОГПУ. Например, в Белоруссии действовало Специальное бюро ГПУ БССР, с 1930 по 1936 г. осуществлявшее подготовку кадров к партизанской борьбе по своей линии. Уполномоченный этого Спецбюро А. К. Спрогис, служивший в тот период начальником спецшколы ГПУ, вспоминал:

«В 1928 г. меня направили на учебу в Высшую пограничную школу. Там проходили переподготовку командирские кадры. После окончания школы я стал совершенствовать свою квалификацию на специальных курсах, где мы, группа выпускников Высшей пограничной школы, изучали разведывательно-диверсионное дело, чтобы более эффективно бороться с нарушителями границы, распознавать все их приемы и уловки. Полученные знания мы продолжали совершенствовать на практике — в Белорусском пограничном округе, куда меня направили после курсов.

В этот период (начало 30-х годов) по указанию ЦК проводились мероприятия по укреплению обороноспособности западных районов страны на случай нападения империалистического агрессора.

Мы осваивали методы партизанской борьбы, работали над созданием партизанской техники, обучали будущих партизан минно-подрывному делу. Заранее подбирались кадры организаторов военных действий в тылу врага (среди них были тогда такие товарищи, как Ваупшасов, Орловский и другие, ставшие в годы Отечественной войны героями партизанского движения). От партизан требовалась всесторонняя подготовленность, и я в числе других освоил парашютное дело, получил значок инструктора парашютизма. Все, чему мы научились в мирное время, оказало потом неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами.

В начале 1930 г. небольшая группа слушателей Высшей пограничной школы (ВПШ) ОГПУ (в том числе и я) была вызвана в Особый отдел Центра, где имела соответствующий разговор с руководящими лицами. В частности, я хорошо помню товарища Гендина.

Его я знал и раньше. Из нашей группы были отобраны 30 человек, в том числе и я. После прохождения месячных специальных курсов нас направили в три пограничных округа — Ленинградский, Украинский и Белорусский — для организации и подготовки диверсионно-партизанской работы.

Установка была такова, что к весне ожидается война. Война не нача-

▲ Серебрянский Я.И. 1950 г.

▲ Сверчевский К.К. Испания 1937 г.

лась, но все группы по округам, соответствующие отделения в составе округов продолжали начатую подготовительную работу».

В 1931 г. руководством РККА и ИККИ принимается решение о реорганизации Карельского егерского батальона в бригаду. К концу декабря Отдельная Карельская егерская бригада, подчиненная непосредственно командующему Ленинградским ВО, была сформирована. Командный состав бригады собирали из всех частей РККА, где имелись финны и карелы, некомплект покрывался русскими. Бригада была территориальной; состояла из штаба, политотдела, Петрозаводского и Олонецкого батальонов, артдивизиона горных 76-миллиметровых орудий, роты связи, саперной роты, подразделений боевого обеспечения и обслуживания. До осени 1935 г. бригада являлась практически единственным армейским соединением в Автономной Карельской ССР. В соответствии с оперативными планами штаба округа она должна была прикрывать Петрозаводское направление от «возможной финской агрессии» В период войны из приписного состава дополнительно формировались Заонежский и Вепсский батальоны. Предусматривалась и переброска бригады в Мурманск «для отражения возможных английских десантов». К 1935 г. бригада была готова воевать не только на своей, но и на чужой территории.

Не менее важным направлением было создание сети разведчиков-нелегалов, подготовленных для проведения диверсий во враждебных СССР государствах. Эту задачу выполняла Особая группа «группа Яши», которую с 1929 г. возглавил Я. И. Серебрянский. С 1934 г. Специальная группа особого назначения (СГОН) Серебрянского находилась в прямом подчинении народного комиссара внутренних дел. Группа была особо засекречена и опиралась только на собственную (в основном коминтерновскую) агентуру, внедренную на военные и промышленные объекты вероятного противника для подготовки диверсий в случае войны. Группа выполняла и другие особые задания.

Летом 1929 г. советское руководство санкционировало операцию по «изъятию» руководителя РОВС генерала А. Кутепова, активизировавшего диверсионно-террористические действия на территории СССР и его переправке в СССР. 1 января 1930 г. Я. И. Серебрянский вместе с двумя оперативниками своей группы выехал в Париж. 26 января Кутепов вышел из дома и отправился в церковь, но до нее так и не дошел. Случайный свидетель спустя несколько дней показал, что видел, как на улице Удино человека с приметами Кутепова схватили двое рослых мужчин и втолкнули в машину, которая тут же уехала. Одновременно уехала и другая машина, в которую сел дежуривший на перекрестке полицейский. Пленника вывезли из Парижа, но доставить его в СССР не удалось, вечером того же дня Кутепов скончался от сердечного приступа и был тайно похоронен в предместье французской столицы.

Французской полиции и контрразведке РОВС так и не удалось выйти на след похитителей генерала — оперативников и боевиков Особой группы Серебрянского. Операция по похищению Кутепова нанесла тяжелый психологический удар по Белому движению. Депрессия, панические настроения, недоверие к руководителям, взаимные подозрения в сотрудничестве с органами госбезопасности СССР были характерны не только для членов РОВС, но и для поддерживавшей его части белой эмиграции на протяжении ряда лет после исчезновения Кутепова.

В соответствии с секретным планом Штаба РККА, утвержденным наркомом по военным и морским делам К. Е. Ворошиловым, вдоль западных границ СССР были оборудованы десятки тайников с оружием, боеприпасами, взрывчаткой. В приграничных округах на коммуникациях проведена работа по подготовке к взрывам мостов, водокачек и других стратегически важных объектов на всю глубину полосы обеспечения укрепленных районов. В 1932–1933 гг. формировались специальные подразделения ТОС («Техника особой секретности»), на вооружении которых состояли мины, оснащенные радиоуправляемыми взрывателями «БЕМИ», а впоследствии «Ф-10». Они были созданы в Особом техническом бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро) под руководством В. И. Бекаури.

В 1932 г. руководителем Центральной военно-политической школы ИККИ назначается К. К. Сверчевский (псевдоним Вальтер). В 1924–1936 гг. только в этой школе прошли обучение свыше 500 человек. Школа имела самые тесные контакты с РУ РККА, в рамках которого существовал засекреченный даже от аппарата РУ спецотдел.

Наряду с подготовкой кадров проходили полномасштабные учения: осенью 1932 г. под Ленинградом на общевойсковых учениях работали около 500 выпускников партизанских спецшкол из Белорусского, Ленинградского и Украинского военных округов. Партизаны (диверсанты) были в гражданской одежде, вооружены японскими карабинами, учебными гранатами и минами. В ходе учений они проникали через «линию фронта» пешим порядком и по воздуху. Было проведено несколько успешных нападений из засад. Налеты на штабы «противника» оказались неудачными — охрана бдительности не теряла. Диверсионные группы действовали на коммуникациях «противника» эффективно.

В том же году под Москвой, в Бронницах, прошли секретные маневры войск НКВД с участием комсостава партизанских формирований и партизан-парашютистов под командованием С. А. Ваупшасова. Роль условного противника выполняли бойцы Дивизии особого назначения ОГПУ, курсанты Высшей пограничной школы, а также ряда академий и училищ Московского военного округа. В 1933 г. в ходе командно-штабных учений под Киевом оценивались возможности скоординированных действий диверсионных отрядов и авиации. По итогам учений сделан вывод, что заранее

▲ Егоров А.И.

▲ Патрахальцев Н.К. фото 1951 г.

подготовленные подразделения при надлежащем управлении из единого центра в состоянии парализовать все коммуникации «противника» на территории Белоруссии и Украины.

В январе 1934 г. начальник Генштаба РККА А. И. Егоров издал директиву, предписывавшую создание штатных диверсионных подразделений в Красной Армии. В целях секретности такие подразделения создавались при дивизионных саперных батальонах и именовались саперно-маскировочными взводами. Формирование и обучение было секретным, что об их существовании в IV (Разведывательном) Управлении РККА было известно очень ограниченному кругу лиц. Так, после Великой Отечественной войны полковнику Н. К. Патрахальцеву однажды кадровикам пришлось доказывать, что он формировал диверсионное подразделение и командовал им.

«В моем личном деле указано, что в 1935 и 1936 годах я был по приказу НКО командиром взвода затем командиром роты отдельного саперного батальона 51-й стрелковой дивизии.

В действительности я не был на этих должностях, а командовал так называемым саперно-маскировочным взводом, созданным IV Управлением РККА (Разведуправление). Мое назначение командиром взвода, роты и само название «сапмасквзвод» являлось прикрытием для выполнения спецзадач IV Управления РКК и 4-го отдела штаба Киевского особого военного округа. В подтверждение изложенного можно проверить в архиве 2-го Главного управления.

Так, в архивном деле № 2648 «Общие директивы и переписка с Генштабом», листы 38–48, 73 и 81, подробно говорится о создании в IV Управлении РККА разведподразделений, с целью прикрытия названных «сапмасквзвод», в которых готовился личный состав для выполнения особых диверсионных задач.

В архивном деле № 5956 дело № 2 Киевского особого военного округа на стр. 105 и 109 имеется приказ о моей работе в «сапмасквзводе».

Личный состав армейского спецназа отбирался из бойцов, прослуживших не менее двух лет и имевших соответствующие данные, после тщательной проверки органами госбезопасности. Обучение диверсантов велось по самым высоким стандартам физической и специальной подготовки того времени. После прохождения службы в составе взвода диверсанты увольнялись и компактно расселялись вдоль границы. Эти подразделения имели двойное назначение: могли действовать в наступлении и в обороне, в составе взвода и малыми группами. В 1935 г. такие взводы были созданы практически во всех дивизиях на границе с Прибалтикой, Польшей и Румынией, а также на Дальнем Востоке. Оружие и снаряжение для них хранились в ближайших воинских частях. На территории сопредельных государств агенты РУ РККА (коминтерновцы) приступили к созданию опорных баз для диверсантов.

Н. К. Патрахальцев вспоминал: «В 1935 году меня пригласил к себе начальник штаба дивизии и приказал срочно передать взвод другому командиру. Мне была поставлена за-

дача из лучших старослужащих солдат дивизии сформировать команду в составе 44 человек.

Начштаб объяснил, что я выхожу из подчинения не только полкового, но и дивизионного командования и буду действовать по распоряжениям из Москвы. Мне предстоит готовить свою команду самостоятельно, по специальной программе, присланной из ГРУ.

Через несколько дней в Одессу, в наш полк, приехал офицер по фамилии Досик и объявил мне, что моя команда будет легендироваться под названием «саперно-маскировочный взвод». На самом же деле я обязан готовить разведывательно-диверсионное подразделение для действий в тылу противника.

Вскоре из Москвы на мое имя пришла программа подготовки подразделения. На ней стоял гриф «секретно».

Саперно-маскировочные (диверсионные) взводы готовились в нашей стране в период с 1934 по 1936 г. и по времени создания опережали аналогичные подразделения в вооруженных силах наиболее вероятных противников Красной Армии.

▲ Орлов (Фельдбин) А.М.

Теоретическая и практическая подготовка диверсантов РККА вполне соответствовала насущным требованиям времени.

В 1936 гг. работа по подготовке спецкадров начала постепенно консервироваться, сворачиваться, реорганизовываться.

А. К. Спрогис, так писал об этом периоде:

«В БССР всякими правдами и неправдами [в 1934–1935 гг.] ушли такие работники, как Гринвальд (Муха), Орлов (Аршинов), Ваупшасов (Смольский), люди, которые имели богатый партизанский опыт в прошлом. Именно они руководили такой идеально проведенной операцией, как налет на город и станцию Столбцы (Западная Белоруссия). Тогда 60 человек за ночь разгромили полицию, жандармерию, казармы пехотного полка, тюрьму, освободили арестованных, на рассвете за городом приняли бой с кавалерийским полком и прорвались через границу к своим.

Эти люди ушли не потому, что они выдохлись или переродились. О противном говорит тот факт, что как только в 1936 г. стало известно, что для работы «Д» есть возможность уехать в страну «Х», они стали рваться туда добровольцами. О том, как они себя там проявили, можно судить по тем наградам, которыми их награждали партия и правительство.

Я на этой работе остался до последнего момента, ибо верил в ее целесообразность, но, в конце концов, ушел, обещая себе вернуться к ней тогда, когда начнутся активные действия. Так и получилось. Через три месяца я опять вернулся на эту работу и уехал в страну «Х», а по возвращении пишу эту докладную записку. Ответить на вопрос, почему так происходит, в высшей степени трудно. Причина кроется в существующей обстановке, а также в отношении высшего руководящего состава к работникам этой отрасли. Отношение, которое трудно поддается критике, но в то же время имеет огромное значение. Пояснить свою мысль я постараюсь на личном примере.

Мы привыкли, что наш труд ценим. Я не ошибусь, если скажу, что этого не было не только в БССР, но и на Украине и в Ленинграде. Наша работа стала считаться второстепенной. Наши работники использовались не по прямому назначению: производство обысков, арест, конвоирование арестованных, нагрузка дежурствами и т. д. и т. п. Это была система, продолжавшаяся из года в год. Нетрудно понять, что это отражалось в аттестации по присвоению званий.

В 1936 г. во время моего разговора с бывшим начальником Особого отдела Карелиным последний заявил, что моя работа с 1930 по 1936 г. в качестве помощника, а потом уполномоченного Особого отдела по работе «Д» — это не оперативная работа. И вот результат. Хотя я в рядах РККА и ВЧК — ОГПУ — НКВД беспрерывно с начала 1919 г. и имею соответствующую подготовку: военную школу ВЦИК и ВПШ ОГПУ, я был аттестован с присвоением звания младший лейтенант госбезопасности.

Мои рапорты о пересмотре остались без каких-либо последствий. Кроме того, имелся и другой момент, который отразился на нашей работе. До 1937 г. систематически из года в год уменьшались средства, отпускаемые на работу «Д». Она свертывалась...».

Всего к 1936 г. было подготовлено около 10 000 специалистов по ведению «малой войны». Проверку боем они проходили в огне гражданской войны в Испании. Первые дни вооруженного столкновения сторонников и противников республики не принесли решающего успеха ни одной из сторон. Как оказалось впоследствии, и мятежники, и их противники недооценили потенциальные возможности противоположной стороны. В самом начале силовые структуры Испании оказались расколоты на два лагеря — (60 на 40 в пользу республиканцев). Не имея реального материального и численного преимущества, обе противоборствующие стороны стали предпринимать попытки для привлечения на свою сторону иностранной помощи. Началась интернационализация практически равновесного внутреннего конфликта.

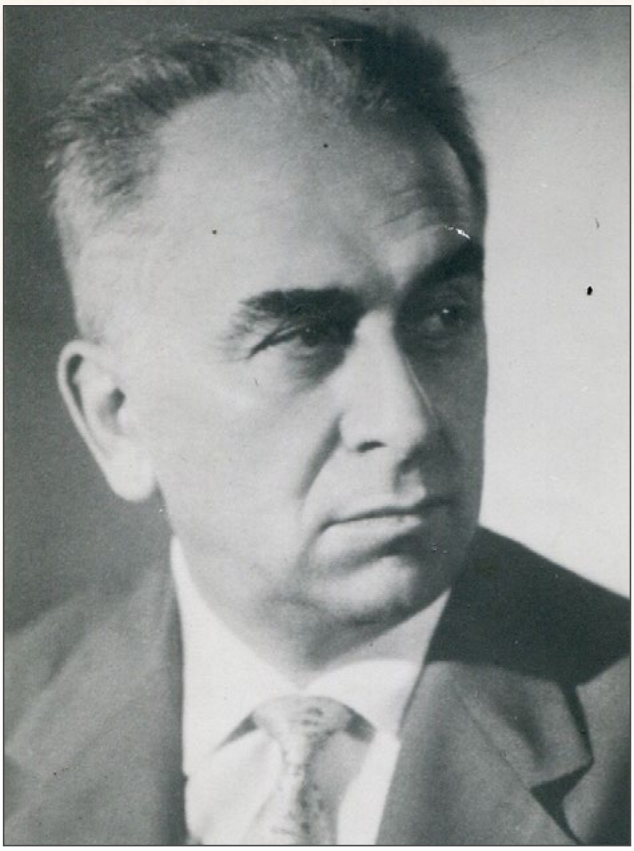
Вероятно, военно-политическое руководство Советского Союза с начала фашистского мятежа не имело достоверной информации о положении в Испании. 20 июля 1936 г. решением руководства страны направляется резидентом ИНО НКВД в Испании опытный разведчик, майор государственной безопасности — в органах НКВД — Никольский Лев Лазаревич (настоящая фамилия и имя Фельдбин Лейба Лазаревич), он же Л. Николаев, Л. Фельдель, Уильям Голдин, в сентябре 1936 г. появился псевдоним Александр Михайлович Орлов, под которым он и вошел в историю разведки. В конце августа в Испанию прибыли сотрудники советского посольства во главе с послом М. И. Розенбергом, генеральным консулом в Барселоне В. А. Антоновым-Овсеенко и торгпредом А. И. Сташевским. Двое последних сотрудников имели самое непосредственное отношение к деятельности Коминтерна. Вместе с ними приехали и первые военные советники. Главным военным советником являлся начальник РУ РККА Я. К. Берзин, военным советником КПИ по линии Коминтерна был М. З. Штерн, работавший в Испании под псевдонимом Клебер.

В Мадриде Орлов — официальный представитель НКВД по связи с министерством внутренних дел Испанской республики, советник республиканского правительства по безопасности.

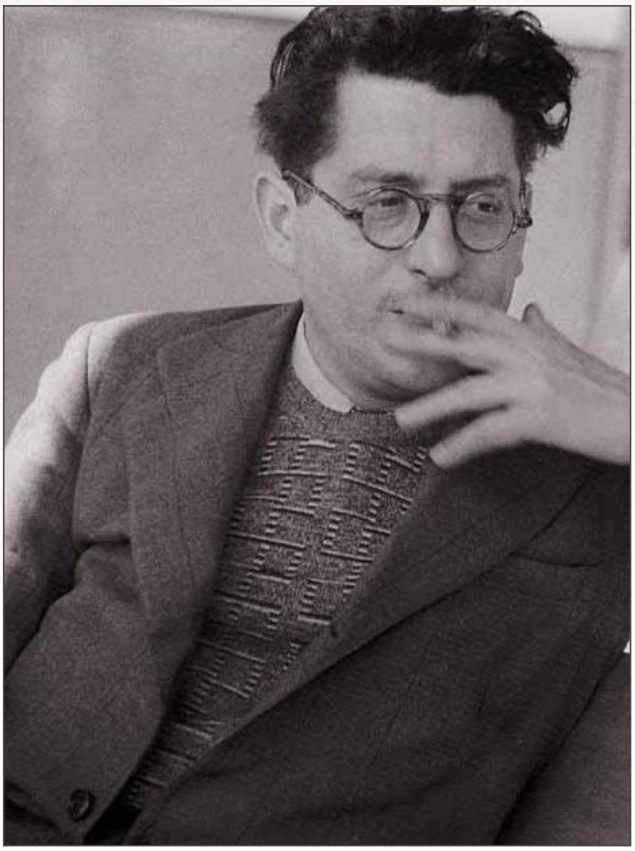
Его первый доклад в Москву о положении дел в этой области от 15 октября 1936 г. содержал следующее: «Общая оценка: единой службы безопасности нет. Каждая партия создала свою службу безопасности. В том учреждении, что есть у правительства, много бывших полицейских, настроенных профашистски. Нашу помощь принимают любезно, но саботируют работу, столь необходимую потребителям страны».

В Испании борьба с троцкистами и анархистами, выступавшими против советской модели общественного устройства, для Орлова была главной задачей. Испанская компартия была заражена троцкизмом. Москва в течение многих лет пыталась очистить партию, но процесс занял годы и был осуществлен во время гражданской войны.

14 октября 1936 г. в Испанию по линии Профинтерна и Коминтерна прибыли первые иностранные добровольцы. В г. Альбасете, ставшем базой для формирования интернациональных бригад, началось боевое слаживание трех интернациональных батальонов, соединенных в 11-ю интербригаду. Значительную часть ее командного состава — от командира взвода до комбрига — составляли коминтерновцы, подготовленные в специальных школах ИККИ в СССР и за границей. Начальником базы в Альбасете был член ЦК КП Франции В. Гайман (псевдоним Видаль), инспектором интербригад — член ЦК КП Италии Л. Лонго (псевдоним Галло). Руководителем Военного комитета интернациональных бригад



▲ Лонго Луиджи



▲ Нин Андре

▲ Интербригада

стал член Президиума и Секретариата ИККИ А. Марти. В ответ на вопрос об условиях участия в борьбе против фашистских мятежников он ответил: «Мы не ставим никаких условий. Не желаем ничего, кроме одного: интербригады должны рассматриваться как соединения, подчиненные правительству и его военным властям».

Для Франко и его сторонников война с республиканцами являлась средством восстановления традиционных для испанцев консервативно-католических ценностей. Для большинства испанских республиканцев победа над франкистами означала необратимость процессов политической и экономической модернизации общества. Пиренеи стали прекрасным полигоном для испытания политических, оперативных, технических и тактических наработок в реальных военных условиях. Для большинства коминтерновцев гражданская война в Испании была ареной идеологической и военной борьбы с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом.

«Правительство Испании, – докладывал Орлов в Центр в феврале 1937 г., – обладает всеми возможностями для победоносной войны. Оно имеет хорошее вооружение, прекрасную авиацию, танки, громадный резерв людей, флот и значительную территорию с базой военной промышленности, достаточной для такой «малой» войны (заводы Испано-Суиза и др.), продовольственную базу и прочее. Численность правительственных войск значительно превосходит войска неприятеля.

Вся эта машина, все эти ресурсы разъедаются:

1. Межпартийной борьбой, при которой главная энергия людей употребляется на завоевание большего авторитета и власти в стране для своей партии и дискредитирования других, а не на борьбу с фашизмом.

2. Гнилым составом правительства, часть которого ничего общего с революцией не имеющая, пассивно относящаяся к событиям и думающая лишь о своевременном бегстве в случае крушения.

3. Притуплением у правительства чувства подлинной опасности положения, как результат пережитых не раз тревог и чрезмерных паник. Настоящая угроза судьбе республиканской Испании, нависшая сейчас, воспринимается ими как привычная тревога.

4. Безответственностью и саботажем правительственных аппаратов и штабов по обеспечению армии и ее операций.

5. Неиспользованием сотен тысяч здоровых мужчин, проживающих в городах (Мадриде, Барселоне, Валенсии и ряде других), для тыловых работ и возведения укреплений.

6. Отсутствием подлинного штаба с авторитетным и крупным, действительно крупным советником с нашей стороны. Горев (военный атташе в Испании, ред.) военного опыта не имеет. Для такой войны он младенец. Гришин (Я. К. Берзин главный военный советник, ред.) хороший партиец, но не специалист. А это головка нашего командования. При таком руководстве сводятся на нет способности ряда подчиненных им наших специалистов. (Хороши только авиация и танки и их героический личный состав, но они не могут заменить армии.)

7. Внутренней контрреволюцией и шпионажем».

Полномочия Орлова как представителя НКВД в Испании были широ-

▲ Берзин Я.К.

▲ Ворошилов К.Е.

кими. Распространялись они на разведку, контрразведку и партизанские операции. Одной из его задач было создание государственной службы безопасности по советскому образцу для борьбы с политическими противниками республиканского правительства. Именно эта деятельность Орлова вызывала недовольство и резкое отрицание в рядах тех, кто, возможно, при иной гибкой и тонкой игре мог стать союзником в борьбе с франкистами.

Министр образования в республиканском правительстве от компартии Хосе Эрнандес выступал с критикой в адрес Орлова, за организацию контрразведывательной службы республиканцев — СИМ (Службы военных расследований). На «демократов в штатском» СИМ наводила ужас. Руководимый Орловским контрразведывательный аппарат провел значительную работу по разоблачению франкистской агентуры и подготовке партизанских и диверсионных групп для действий в тылу противника. В шести созданных при его участии диверсионных школах прошли обучение более 1000 человек.

Под непосредственным руководством Орлова была проведена операция по подавлению вооруженного мятежа анархистов и троцкистской организации ПОУМ в Каталонии. В июне 1937 г. им же организовано похищение из тюрьмы и последующая ликвидация лидера ПОУМ Андре Нина.

О некоторых итогах диверсионной работы в Испании говорится в докладе Орлова в Центр от 9 декабря 1937 г.: «Проводимая в тылу «Д» — работа привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов, значительным материальным убыткам и людским потерям. Беспрерывные и последовательные действия наших «Д»-групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение «Д»-действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи).

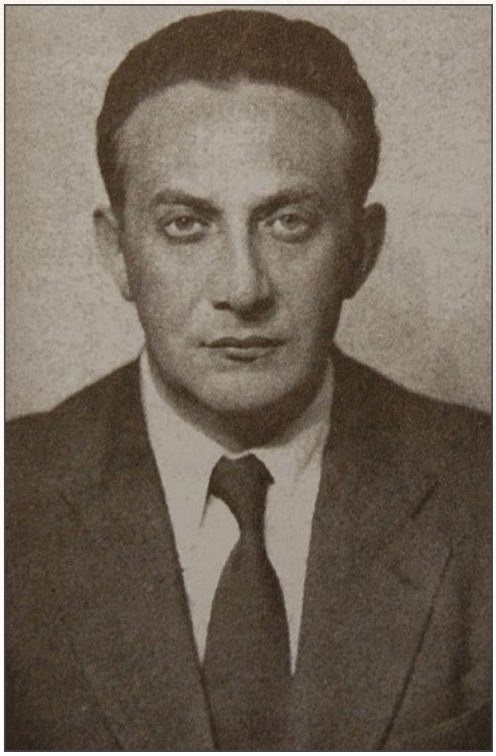
Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, беспрерывно преследующий их страх перед «проделками красных динамитчиков», подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в «Д»-работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал

приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».

Орлов начал подготовку коминтерновцев по плану «Новый набор». Этот план предусматривал отбор и обучение диверсантов (50–100 человек — немцы, итальянцы и др.) из числа интербригадовцев. Предполагалось, что после обучения они будут нелегально переброшены в Германию, Италию и другие европейские страны, где станут частью глубоко законспирированного агентурного резерва. Их активное использование предусматривалось в случае войны СССР со странами, являвшимися членами «Антикоминтерновского пакта» (Германия, Япония, Италия).

Другой секретный проект Орлова по использованию членов интернациональных бригад в советской разведывательной деятельности был успешно реализован. Для этого тщательно отобранные кандидаты проходили обучение в нелегальной разведывательной школе под условным названием «Строительство». Существование этой заграничной разведшколы 7-го отдела ГУГБ тщательно скрывалось от испанских властей (в отличие от лагерей, где велось обучение партизан и диверсантов).



▲ Шпигельглас С.М.

Правила конспирации в испанской разведшколе были настолько строгими, что ее слушатели, дабы исключить установление их личности, были зарегистрированы в ней под номерами. Их настоящие имена были известны лишь крайне ограниченному кругу лиц. Все курсанты обеспечивались новыми документами прикрытия, получаемыми из Москвы. После обучения правилам конспирации, методам безличной (тайной) связи и разведывательному делу лучшие выпускники «Строительства» были признаны слишком ценными кадрами, чтобы продолжать воевать в Испании. Их выводили через Францию в Западную Европу, а затем они, получив разведывательные задания, разъезжались по всему миру.

Существование нелегальной (тайной) разведывательной школы, которую Орлов организовал в Испании, как и имена завербованных им ранее в Европе и Америке агентов, были секретом, который Орлов после своего ухода на Запад тщательно скрывал от американцев.

В июле 1938 г. Орлов получил приказ выехать в Антверпен для встречи с представителем Центра С. М. Шпигельгласом на борту советского парохода «Свирь». Накануне Орлову стало известно о расстреле 10 марта 1938 г. двоюродного брата, комиссара ГБ 2-го ранга Кацнельсона Зиновия Борисовича. Опасаясь ареста, Орлов бежал на Запад. На самом деле Орлова вызывали в Москву, чтобы вручить орден Ленина. Ежов после бегства Орлова в августе 1938 г. сделал запись в его личном деле «побег был расценен как результат страха и непонимания». Из Франции он с женой (сотрудницей резидентуры) и дочкой перебрался в Канаду. Отправил письмо Сталину, в котором предупреждал, что выдаст советских агентов во многих странах, если его семью или родственников, оставшихся в Советском Союзе, будут преследовать. Переехал в США. Из Нью-Йорка в августе 1938 г. отправил письмо Троцкому, предупреждая его о возможном покушении. Но «демон революции» посчитал, сообщение Орлова мистификацией, спланированной НКВД. На многочисленных допросах в ФБР и других западных спецслужбах Орлов сообщил много сведений о работе органов госбезопасности СССР, но фактически сумел ввести в заблуждение относительно своей службы в НКВД и не выдал лично ему известную заграничную агентуру советской разведки, в том числе и группу Кима Филби. Бегство Орлова бросило подозрение на руководящие кадры советской разведки и нанесло им значительный урон.

Взаимоотношения между советниками Красной Армии, НКВД и ИККИ (по линии «малой войны») в Испании нельзя назвать конструктивными. Имели место трения, острая конкуренция и соперничество. Бытовала версия, что в марте 1937 г. главный военный советник генерал Гришин, (им был Я. К. Берзин), сделал конфиденциальный доклад наркому обороны маршалу К. Е. Ворошилову. В нем он осветил ситуацию в Испании: резкое недовольство со стороны официальных лиц непомерным вмешательством Орлова, его барство и высокомерие, откровенное пренебрежение к испанским руководителям, что компрометировало Советский Союз. Главный военный советник предлагал немедленно отозвать Орлова из Испании.

Война в Испании явилась убедительным доказательством реальных возможностей спецслужб и спецподразделений, в том числе и специальных структур Коминтерна в развертывании партизанской «малой войны». ■

ОЛЕГ ПОПОВ

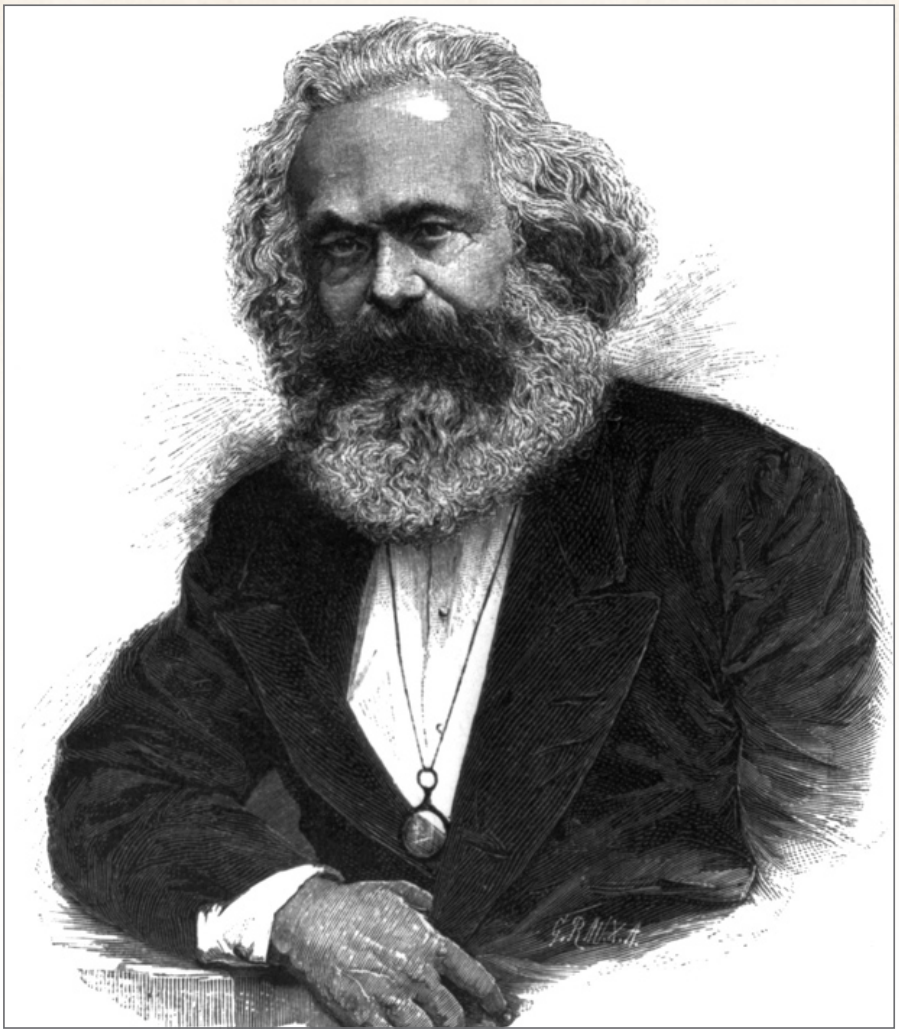
ЕВРЕЙСКАЯ МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

О ДЕФИНИЦИИ РЕВОЛЮЦИЙ

О роли евреев в подготовке и проведении 1-й (1904-1906 гг.) и 2-й (1917 г.) русской революции написано очень много. Перечислю наиболее известных авторов: Д. С. Пасманик, Г. Аронсон, Г. Б. Слиозберг, И. М. Бикерман, С. С. Маслов, В. Е. Кускова, А. В. Тыркова-Вильямс, Э. Саттон, Г. А. Ландау, Г. М. Катков, Ю. Ларин, Д. Шуб, Л. Шапиро, М. А. Агурский, Л. Ю. Кричевский, А. И. Дикий, И. Р. Шафаревич, В. В. Кожинов, М. В. Назаров, О. А. Платонов, А. С. Кац, А. И. Солженицын. И хотя в обеих революциях принимали участие практически все национальные и этнические группы России, даже оказавшиеся на ее территории в качестве военнопленных чехи, венгры и немцы, позволю высказать суждение, что по ключевым параметрам, определяющим характер национальной, политической, социальной и культурной революции, русскую революцию 1917 года можно с полным основанием назвать Всемирной еврейской коммунистической революцией, точнее, ее первым этапом.

Нас не должно «пугать» определение революции как «еврейской» — ведь никого же не смущает название революции как «русской». Дело в том, что при анализе любого общественно-исторического процесса, тем более, политической революции, каковой была революция 1917 года в России, следует учитывать все факторы — социальные, экономические, этнические, геополитические, идеологические, религиозные.

Когда речь идет об «этническом» факторе, то имеется в виду не только этническая принадлежность того или иного исторического фактора, но и степень и характер участия всей этнической группы в общественном процессе. Особенно это относится к этническим группам с высоким уровнем самоидентификации, этноцентричности и сплоченности, как еврейский религиозно-культурный этнос. Именно благодаря своей гиперэтноцентричности евреи смогли на протяжении столетий сохранить свои этническую идентичность, ценности, интересы, психологию и религию, которые весьма часто не только не совпадают с таковыми окружающего их «коренного» населения, но и часто входят с ними в конфликт.



▲ Маркс — Мордехай Леви

ПОПОВ ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ, ученый, публицист, специалист в области светотехники, доктор технических наук, профессор кафедры Светотехника МЭИ. Участник правозащитного движения в 1970-80 гг. Родился в 1943 г. в Уссурийске (Приморский край) в семье советского офицера. В 1965 г. окончил Московский энергетический институт. С 1982 жил и работал по специальности в США, в 2007 г. вернулся на Родину. Преподает в МЭИ. Автор научных работ в области физики и техники газоразрядной плазмы. С середины 1990-х гг. (из-за событий на Северном Кавказе) разошелся во взглядах с российскими правозащитниками, стал сторонником «сильной власти». Автор работ по истории права и правозащитной тематике.

В конкретных условиях русской революции 1917 года ситуация «осложнялась» тем, что хотя объективные условия для изменений, в которых нуждалась Россия, существовали и «без евреев», субъективные условия революции были созданы еврейским мировым сообществом, о чем речь пойдет ниже. Благодаря этому обстоятельству государственный переворот, устроенный в феврале 1917 года либеральной и прозападной частью русской элиты, включая придворные круги и даже членов императорской фамилии, был подхвачен и «развит» в политическую революцию русскими евреями, придавшими революции сначала либеральное направление, а затем и коммунистическое.

И, наконец, совершенно не обязательно, чтобы политическая революция была подготовлена и руководима «титульной» нацией, ее элитой, и тем более ее низшими классами и сословиями. Ведь никого не смущает, что нередко политические перевороты и последующие за ними социально-экономические преобразования, давшие «право» называть весь процесс изменений «революцией», проводились отнюдь не в интересах тех, чьими руками эта революция была совершена.

В условиях тогдашней России на социальные и политические конфликты внутри титульной русской нации наложился межцивилизационный конфликт между русской национально-укорененной православной цивилизацией и еврейским глобалистским религиозно-культурным суперэтносом, часть которого оказалась в результате внешних для него исторических обстоятельств на территории Российской Империи.

Живя столетиями в чуждом и часто враждебном им окружении, евреи выработали особый менталитет и шкалу ценностей, где еврейская этническая солидарность всегда (или почти всегда) имеет приоритет над межнациональной и межэтнической классовой солидарностью. Этот феномен проистекает из фундаментальной черты еврейского менталитета, известного в социологической науке, как «гиперэтноцентризм».

А теперь обратимся к характеристикам, по которым следует определять, «чья» же была революция 1917 года.

ДОКТРИНА И ИДЕОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Создателем космополитической коммунистической доктрины был еврей Карл (Мордехай Леви) Маркс. Евреями были и большая часть идеологов марксизма, особенно его радикально-большевистской версии, рассматривающей пролетариат как «объект» манипуляций и средство для реализации целей космополитической коммунистической революции. Себя же они видели в роли секты «посвященных» и «избранных», жрецов и судий — интерпретаторов и хранителей «священных» текстов классиков марксизма.

Напомним, что большевистская программа фактически состояла из двух частей. Первая — национальная — аппелировала к кооперативному (общинному) и солидаристскому сознанию, развивавшемуся с конца XIX века среди крестьянства и немногочисленного рабочего класса России. Эта программа обращалась к чувству социальной справедливости русского человека, коренившейся в Православии и в русской духовной традиции.

Вторая часть программы — космополитическая, призывавшая к созданию «Мировой Коммунии» — основывалась на коммунистическом учении К. Маркса, имевшем две особенности, необходимые для успеха революции «во всемирном масштабе»:

- Аппеляция к «прогрессивным» и якобы универсальным пролетарским ценностям и интересам, предлагаемым взамен «реакционных» традиционных национальных ценностей и интересов, представляемых, как эксплуататорские и буржуазные. А сами идеологи и пропагандисты мировой коммунистической революции выступали как универсалисты, представляющие и интерпретирующие интересы «мирового пролетариата», якобы не имеющего ни этнических характеристик, ни отечества. Многие из еврейских марксистских идеологов, как Л. Д. Троцкий, со-

▲ Троцкий — Бронштейн Л.Д.

автор концепции «перманентной мировой революции», по-видимому, искренне верили в возможность «построения» безнационального коммунистического общества.

- Из марксовой доктрины был устранен «этнический фактор», что затрудняло возможность увидеть в действиях еврейских революционных коммунистах и их единомышленников-джентиле частный еврейский групповой интерес, а в самих коммунистах — вольных или невольных «агентов» мирового еврейства.

И хотя в марксистское космополитическое учение «поверила» часть левой нееврейской интеллигенции России, США, Италии, Франции, Испании, Германии, Англии, Австрии, Чехии и других «европоязычных» стран — это отнюдь не изменило еврейской космополитической природы и еврейского первородства марксизма.

Точно так же, как не меняет протестантской природы либерализма тот факт, что в него «поверили» многие католики (французы, итальянцы), русские православные («западники» второй половины XIX века и «кадеты» начала XX века) и даже секуляризованные евреи, внеся существенный вклад в его (либерализма) развитие.

ДВИЖУЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ

Ликвидация монархии в России задумывалась и осуществлялась либеральным крылом российской правящей элиты, включавшей в себе часть генералитета и даже монаршей семьи. Однако уже через несколько недель инициативу перехватили леволиберальные и социалистические группировки, в которых было явное преобладание евреев. Например, уже в первом Президиуме ЦИКа 1-го Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, где большевики составляли явное меньшинство (15%), из девяти его членов — Н. С. Чхеидзе, Н. Саакьян, Ф. Дан (Гурвич), А. Р. Гоц, И. Либер (Гольдман), М. Гендельман, Л. Б. Каменев (Розенфельд), А. Крушинский, В. Никольский — пятеро евреи.

Да что там «рабоче-солдатский» ЦИК, когда к лету 1917 года городские думы крупнейших городов России возглавили евреи-социалисты! В Москве — эсер О. Минор, в Петрограде — меньшевик Г. И. Шрейдер, в Минске — бундовец А. Вайнштейн, в Киеве — бундовец А. М. Гинзбург-Наумов, в Саратове — бундовец Д. К. Чертков, в Екатеринославе — меньшевик И. Полонский. Однако, если последовавшую за государственным переворотом Мартовскую революцию поддержала значительная часть (если не большинство) российского образованного сословия, включая гуманитарную и техническую интеллигенцию, то большевистский переворот поддержала лишь ее незначительная часть, по преимуществу еврейского происхождения.

«Материальной» же, «исполнительной» силой большевистской революции и последующей Гражданской войны была часть русского рабочего класса и одетое в солдатские шинели крестьянство. В то же время немало русских квалифицированных рабочих и крестьян-середняков пошли в Белую армию защищать Учредительное Собрание.

Евреи в своем большинстве — рабочие, ремесленники, служащие, конторские рабочие, парикмахеры, мелкие лавочники, торговцы и даже мелкие капиталисты не только приняли Октябрьскую революции, но и активно в ней участвовали. Что же касается российских промышленников и банкиров еврейского происхождения, то многие из них с симпатией относились к действиям большевиков по «развалу империи», а некоторые и финансировали их

(например, родственник Л. Д. Троцкого стокгольмский банкир Абрам Животовский, банкиры Дмитрий Рубенштейн, Григорий Бененсон, Григорий Лессин, Яков Берлин, Борис Каменка).

Разумеется, в поддержку большевистского переворота и советской власти выступила и часть низших слоев практически всех этнических групп и национальностей Российской Империи, но их вклад в революцию был ничтожным по сравнению с тем, которые внесли евреи, как этническая группа.

ОРГАНИЗАТОРЫ И РУКОВОДИТЕЛИ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Значительное большинство организаторов и руководителей октябрьского переворота, в том числе и «на местах», были евреями. Вот что пишет американская газета «The American Hebrew» от 10 сентября 1920 года: «Большевистская революция в России была делом рук еврейских умов, еврейских разочарований, а также планировалась евреями с целью создания нового мирового порядка». Ей вторит офицер штаба американского оккупационного корпуса капитан Монтгомери Шюлер. Привожу его телеграмму, посланную 9 июня 1919 года в гос.деп США: «Здесь (в советском руководстве — О. П.) примерно 384 комиссара, включая 2 негра, 13 русских, 15 китайцев, 22 армянина и более 300 евреев, из которых 264 человека прибыли из Соединенных Штатов после падения императорского правления».

Напомним читателю, что среди приехавших из США евреев-эмигрантов были активные участники октябрьского переворота, а затем члены большевистского руководства — М. С. Урицкий, В. С. Володарский (Гольдштейн), Ю. М. Ларин (Лурье), Г. Н. Мельничанский, Г. Залкинд, И. И. Иоффе, Г. М. Чудновский, С. Гомберг, Е. Ярчук, В. Боровский, А. Минкин-Менсон, С. Восков. И, наконец, соавтор (с И. Л. Парвусом-Гельфандом) концепции перманентной мировой революции, будущий так называемый «организатор Красной Армии» Л. Д. Троцкий. Он выехал из Америки с паспортом, выданным ему по личному распоряжению Президента США Вудро Вильсона.

А вот, что сообщил в своих показаниях, данных в феврале 1919 года под-комиссии Юридического комитета Сената США методистский пастор Джордж А. Саймонс, живший в те годы в Петрограде. «Совершенно очевидно, что более половины агитаторов в так называемом большевистском движении — евреи. В декабре 1918 года, в руководстве Северной коммуны Петрограда, возглавляемой человеком по фамилии Апфельбаум (Зиновьев), из 388 его членов всего лишь 16 человек были настоящими русскими. Остальные, за исключением негра из Америки, называющего себя профессором Гордоном, были евреи».

Большое количество еврейских революционеров-социалистов прибыло в Россию из Европы в составе группы из 195 эмигрантов-революционеров и их семей, ехавших

▲ Урицкий Соломон Моисеевич

▲ Володарский — Гольдштейн М.М.

в пломбированных вагонах двух поездов, предоставленных им германским правительством. Евреев среди них было не менее 150 человека, в то время как этнически русских — около 30 человек (в числе их В. И. Ленин, Н. К. Крупская, И. А. Арманд, Г. И. Сафаров, Г. А. Усиевич, А. В. Луначарский). Помимо русских и евреев в пломбированных вагонах ехали несколько грузин (М. Г. Цхакая, Д. С. Сулиашвили, В. Д. Мгеладзе), пара-трое латышей и поляков. Большинство из приехавших в Россию на немецкие деньги участвовали в подготовке Октябрьского переворота, а многие из них после захвата власти заняли видные посты в «структурах» нового режима.

Что же касается европейских политических деятелей того времени, то вот мнение самого, может быть, известного из них — Уинстона Черчилля, высказанное им 8 февраля 1920 года на страницах британской газеты Illustrated Sunday Herald: «Невозможно преувеличить роль, которую сыграли в создании большевизма и в организации и руководстве Русской революции международные и по большей части неверующие евреи».

Обратимся к хорошо известным историческим фактам. Для политического руководства восстанием на заседании ЦК РКП(б) 10 октября 1917 г. было избрано его Политбюро в составе семи человек: В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Г. Я. Сокольников, А. В. Бубнов. То есть, из семи высших руководителей большевистской партии четверо — евреи, двое русских и один грузин. А вот состав Военно-Революционного Комитета (РВК) по проведению восстания: Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, М. С. Урицкий, А. В. Бубнов. И опять: два еврея, один грузин, один поляк и один русский.

И на местах евреи, как правило, возглавляли ВРК. Вот некоторые из них: И. В. Рабчинский (Эстонский ВРК), С. С. Иоффе (Смоленский ВРК), Я. Б. Гамарник (Киевский ВРК), В. Г. Юдовский (Одесский ВРК), Н. П. Тарногродский (Винницкий ВРК), Ж. А. Миллер (Симферопольский ВРК), Г. Н. Каминский (Тульский ВРК), А. А. Иоффе (Псковский ВРК), С. М. Цвиллинг (Оренбургский ВРК), А. И. Беленец (Томский ВРК), Ш. И. Голощекин (Пермский ВРК). (Список далеко не полон и может быть продолжен.)

Но не следует думать, что евреи «держали контрольный пакет акций» лишь у большевиков. В руководствах остальных российских социалистических партий — меньшевиков, эсеров, анархо-коммунистов, не говоря уже о Бунде и Поалей-Ционе, также преобладали евреи. Вот, например, Оргкомитет партии социал-демократов (меньшевиков), избранный в мае 1917 г.: Хинчук, Исув, Романов, Зарецкая, Ерманский, Аксельрод, Ермолаев, Гарви, Горев, Смирнов, Дан, Ежов (Цедербаум, брат Мартова), Батурский, Панин, Юдин, Богданов, Крохмаль. Из 17 членов Оргкомитета, как минимум 10 евреев.

Руководящая роль евреев проявилась и в том, что на таком важнейшем общероссийском совещании 11 ноября (29 октября) 1917 года, на котором обсуждался вопрос о многопартийном правительстве, в делегациях партий преобладали евреи: От ЦК РСДРП (б) — Лев Каменев (Розенфельд) и Григорий Сокольников (Бриллиант); от ЦК меньшевиков — Федор Дан (Гурвич) и Эрлих; от меньшевиков-интернационалистов Юлий Мартов (Цедербаум), Саул Мартынов (Пиккер), Михаил Абрамович и Семен Семковский (Бронштейн); от ЦК правых эсеров — Якобин и Гендельман; от левых эсеров — Малкин; от объединенной еврейской социалистической партии — Гутман; от польской социалистической партии — Лапинский; от еврейской СДРП «Поалей-Цион» — Бару; от Центрального Бюро объединенных социал-демократов — интернационалистов — К. Блюм; от ВЦИК — Давид Рязанов (Гольдендах) и Сагарашвилли; от Комитета Спасения Родины и революции — народный социалист Знаменский и меньшевик Вайнштейн; от Петроградской Думы и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов — эсер Покровский.

Из 20 участников совещания лишь четверо не-евреи. Показательно, что шестеро делегатов прибыли в Россию в немецких «пломбированных вагонах»: Сокольников, Абрамович, Мартов, Мартынов, Семковский, Рязанов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Финансирование русской революции, как и самой большевистской партии осуществлялось, в основном, американскими и европейскими банкирами еврейского происхождения. Денежный «вклад» русских промышленников (Морозова, Шмидта) — не идет ни в какое сравнение с денежными «взносами» в русскую революцию еврейских банкиров США, Германии, Австро-Венгрии, Швеции — Якоба и Мортимера Шиффов, Пауля, Феликса и Макса Варбургов, Иуды Магнеса, Отто Кана, Джэкоба Х. Рубина, Джерома Ханауэра, Макса Брайтунга, Исаака Зелигмана, Олофа Эшберга (Ния Банк), американского банковского дома Kuhn, Loeb & Co. Как свидетельствует внук Якова Шиффа, его дедушка передал Льву Троцкому через свой банк Kuhn, Loeb & Co огромную по тем временам сумму денег — 20 миллионов долл. США.

Приведу два документа, подтверждающие финансирование еврейских большевиков еврейскими же миллионерами:

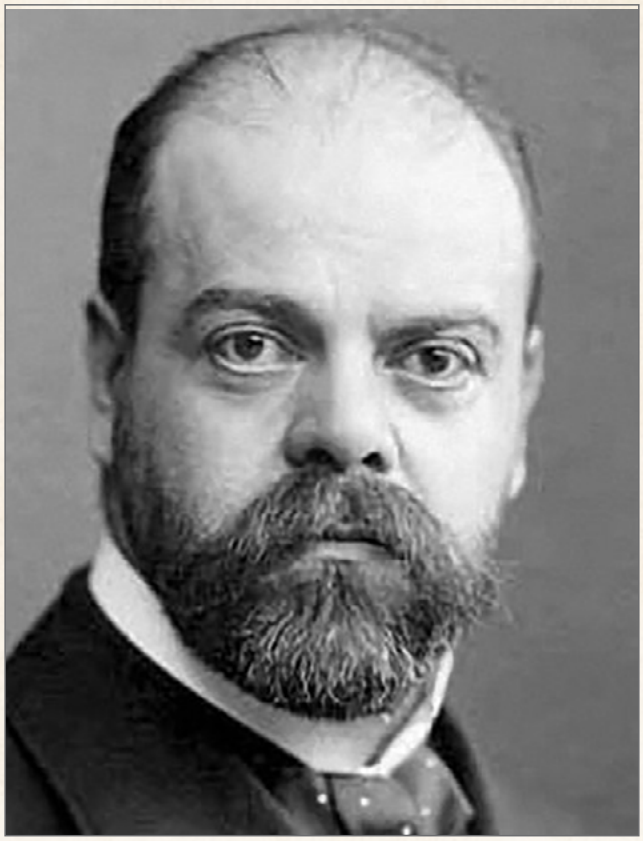
Документ N 14

«Стокгольм, 21 сентября 1917 г. Господину Рафаилу Шолану в Хапаранде.

Уважаемый товарищ. Контора банкирского дома М. Варбург открыла по телеграмме председателя Рейнско-Вестфальского синдиката счет для предприятия товарища Троцкого. Адвокат приобрел оружие и организовал перевозку его и доставку денег до Люлео и Вардэ. Укажите приёмщиков конторе «Эссен и Сын» в Люлео... доверенное лицо для получения требуемой товар(ищем) Троцким суммы.

С товарищеским приветом Я. Фюрстенберг»

▲ Каменев — Розенфельд Л.Б.



▲ Парвус — Гельфанд Израиль Лазаревич

Документ N 15

«Лулео, 2-го октября 1917 г. Господину Антонову в Хапаранде.

Поручение...Троцкого исполнено. Со счетов синдиката и министерства... 400 000 крон сняты и переданы Соне, которая одновременно с настоящим письмом посетит Вас <...> вручит Вам упомянутую сумму.

С товарищеским приветом
Я. Фюрстенберг»

Хорошо известна и та финансовая поддержка, которую оказывал большевистскому режиму на протяжении многих лет один из основателей Коммунистической партии США, мультимиллионер еврейского происхождения Арманд Хаммер.

Не вызывает сомнений, что деловые люди Запада, в подавляющем своем большинстве — банкиры, промышленники, политики консервативного толка — как еврейские, так и джентиле, не верили в коммунистические утопии большевиков. Но, если многие джентиле (например, Уинстон Черчилль, Генри Форд, Джон Морган) видели в действиях «русских» большевиков опасность для мира, то евреи-банкиры рассматривали события 1917 года лишь в контексте того, идут ли они на пользу евреям, или нет.

Поскольку большевики разрушали Российскую Империю и в конечном итоге создали режим, в котором евреи были на самых высоких постах (Л. Б. Каменев, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, М. С. Урицкий, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Г. Г. Ягода, и т.д), то еврейские промышленники и банкиры всячески содействовали этому процессу. В соответствии с еврейским законом поддержки соплеменников, еврейские банкиры финансово обеспечили и революцию, и созданный на развалинах Российской Империи большевистский режим. Совершенно очевидно, что «классовые противоречия» здесь явно уступали еврейской племенной солидарности.

Много написано о роли Израиля Гельфанда-Парвуса в подготовке и финансировании Февральской и Октябрьской революции 1917 года. Однако, авторы работ по истории Русской революции обычно ограничиваются упоминанием о нескольких десятков миллионов марок, выданных И. Л. Парвусу правительством Германии на финансирование большевистской партии и на организацию беспорядков в Петербурге зимой-весной 1917 года, а также о 5 миллионах марок, выданным им на «провоз» в Россию в пломбированных вагонах русских революционеров.

Добавим, что вместе с 29 эмигрантами, ехавшими в «ленинском» пломбированном вагоне, под видом русских эмигрантов ехали два кадровых немецких разведчика — Эрих и Андерс, записанные под фамилиями «Егоров» и «Рубаков». Вот немецкий документ, рапортующий об успешном выполнении этого «задания»:

«Генеральный штаб, 21 апреля 1917... В Министерство иностранных дел

N551

Штаб Главнокомандования передает следующее сообщение из отдела политики генерального штаба Берлина:

«Штайнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917:

«Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию...»

Короче, Парвуса обычно «обвиняют» лишь как германского агента, убедившего германское правительство в необходимости финансового обеспечения беспорядков и политического переворота в России, с последующей ликвидацией Российской империи и расколом России на несколько частей. Однако, никто из историков, за исключением, пожалуй, профессора Петербургского ун-та И. Я. Фроянова не задается вопросом об источниках «негерманских» десятков миллионов долларов, переданных Парвусом большевистскому руководству. Фроянов полагает, что эти деньги были «выданы» Парвусу еврейскими банкирами, в основном проживающими в Турции, где в 1910-1915 г.г. Парвус был финансовым и экономическим советником правительства «младотурков».

Нельзя исключить и того, что действия Парвуса по созданию «революционной обстановки» в России, были согласованы на встрече русско-еврейских революционеров-эмигрантов с еврейскими банкирами США и Германии, которая состоялась в Нью-Йорке в феврале 1916 года.

Как только большевики захватили власть в Петрограде, они немедленно приступили к изъятию всех документов, свидетельствующих о финансировании большевистской партии германскими государственными и частными еврейскими банками. Вот текст документа:

«Народный Комиссар по Иностранным Делам.

(Весьма секретно.)

Петроград, 16 ноября, 1917 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров:

Согласно постановления, вынесенного совещанием Народных Комиссаров тт. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, нами исполнено следующее:

В Архиве Комис. Юстиции из дела об «измене» т.т. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. изъять приказ Германского Императорского Банка за N 7433 от 2-го марта 1917 года об отпуске денег т.т. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др., за пропаганду мира в России.

Проверены все книги Ния-Банка в Стокгольме, заключающие счета т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по ордеру Германского Императорского Банка за N 2754. Книги эти переданы тов. Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные Народного Комиссара по Иностранным Делам.

Е. Поливанов

Г. Залкинд»

ЖРЕЦЫ У ВЛАСТИ

Сразу после захвата большевиками власти в России установилась диктатура с государственным политическим устройством теократического типа, управляющая обществом, разделенным на две группы с различными культурно-социальными характеристиками. Верховная АБСОЛЮТНАЯ власть принадлежала жреческой касте («внутренней партии»), интерпретирующей «священные тексты» Маркса-Энгельса. Эта каста, рассматривала себя, как чуждая России культурно-этническая группа, «вынужденная» взять власть во враждебной ей стране, дабы использовать ее человеческие, производственные и природные ресурсы в качестве сырья, а саму страну в качестве плацдарма для мировой революции в «прогрессивных» странах Европы и Америки.

Многие исследователи еврейства (Н. А. Бердяев, Х. Арендт, И. Р. Шафаревич, А. М. Агурский, А. С. Панарин, К. МакДональд, О. А. Платонов) указывали на удивительное сходство советской социально-политической системы первых десятилетий с таковой времен эпохи Судей Иудейского царства 1-го тысячелетия до н.э. Несомненно, это сходство было обусловленно не только тем, что евреи составили основу идеологической и управленческой элиты большевистской партии, но и тем, что сама доктрина марксизма основана на «секуляризованном» иудаизме, где «возрожденный Иерусалим был заменен на бесклассовое общество». К тому же и сама доктрина была чужда православной российской цивилизации и потому ее «внедрение» в российскую почву с неизбежностью требовало «квази-теократического» тоталитарного государства, управляемого кастой «комиссарских фарисеев». Как писал Н. А. Бердяев: «У евреев идея земного царства была не светской, секулярной, а религиозной, теократической».

Вот как описывал эту ситуацию А. С. Панарин: «Когда большевики захватили власть в России, тотчас же в рамках нового строя образовались две партии, внутренняя и внешняя. «Внешняя» включала так называемые «приводные ремни» (организации «промежуточного» характера, связывающие партию с непартийным населением) и гигантский пропагандистский аппарат, разбавляющий эзотерику большевистского учения общепонятными лозунгами, относящимися к установкам просвещенческой достижительной морали. «Внутренняя» же партия объединяла узкую касту посвященных, принимающих решение за кулисами и вполне сохранивших психологию сектантского подполья, привыкшего не доверять собственной стране, по несчастью населенной «не тем», не пролетарским народом».

«Точку на i» поставила в 1919 году А. В. Тыркова-Вильямс: «Народ, над

которым они (евреи — О. П.) захватили власть был им чужд, да они и вели себя как победители в покоренной стране».

Захватив власть с помощью анархистов и левых эсеров, большевики объявили об этом на II Съезде Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. На первом же заседании Совета избирается его Президиум ВЦИК в составе Каменева, Свердлова, Володарского, Ленина, Стеклова-Нахамкеса, Прошьяна (четыре еврея, один русский и один армянин). Председателем ВЦИК, то есть, высшим лицом в государстве, избирается еврей Л. Б. Каменев. Через несколько дней Каменев покинул этот пост из-за расхождений с большинством ЦК РКП(б)) по вопросу о составе правительства, и новым Председателем ВЦИК избирают еврея Я. М. Свердлова.

Неужели еврейские большевики не отдавали себе отчета в том, что в Православной стране, имевшей на протяжении тысячелетия Православного монарха, избирать еврея на высшую государственную должность — это не только абсолютное игнорирование традиций России и русского народа, но и открытая демонстрация своей антирусской позиции?

Думаю, что не менее важной причиной избрания еврея на высший государственный пост России было и то, что этим актом еврейские большевики заверяли поддержавших их еврейское население России и еврейских банкиров Европы и Америки — «донорам» и «спонсорам» революции — что и в дальнейшем они будут вести про-еврейскую политику в России.

И не может быть случайным, что инициатором убийства Русского Монарха, Помазанника Божия, и всей его семьи был еврей Я. М. Свердлов, «президент» коммунистического режима, а организатором убийства был также еврей — председатель Уральского Совдепа Шая Голощекин. Даже непосредственное убийство Николая II-го и всей его семьи было поручено еврею Якову Юровскому.

КТО ПРАВИЛ, КТО СУДИЛ И КАЗНИЛ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ?

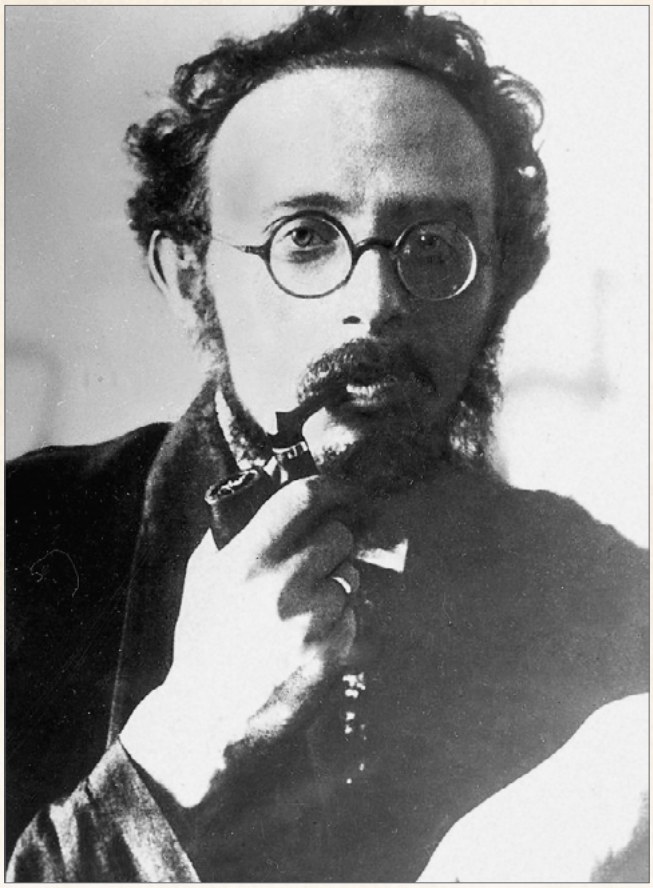
Хорошо известно, что евреи не только спасли советскую власть в первые месяцы ее существования, образовав костяк ее административного аппарата. Они же составили ядро правящей элиты в послереволюционном руководстве Советской России. В 20-е и в первой половине 30-х годов, когда основной «миссией» и задачей Советского государства была подготовка «мировой коммунистической революции», евреи занимали ключевые позиции в важнейших сферах управления и жизнедеятельности страны — в партии, в государственном аппарате, в управлении экономикой, в науке и культуре. Свидетельствует Тыркова-Вильямс «В Советской Республике все комитеты и комиссариаты заполнены евреями. Они часто меняли свои еврейские имена на русские... Но этот маскарад никого не обманывал».

А вот, что пишет эсер С. С. Маслов. Причина всеобщей ненависти в России к евреям — «отождествление советской власти с еврейской». И далее «советская власть, во-первых, отвечает желаниям и интересам евреев, поэтому (они) являются ее горячими сторонниками и приверженцами; во-вторых, власть фактически находится в руках евреев».

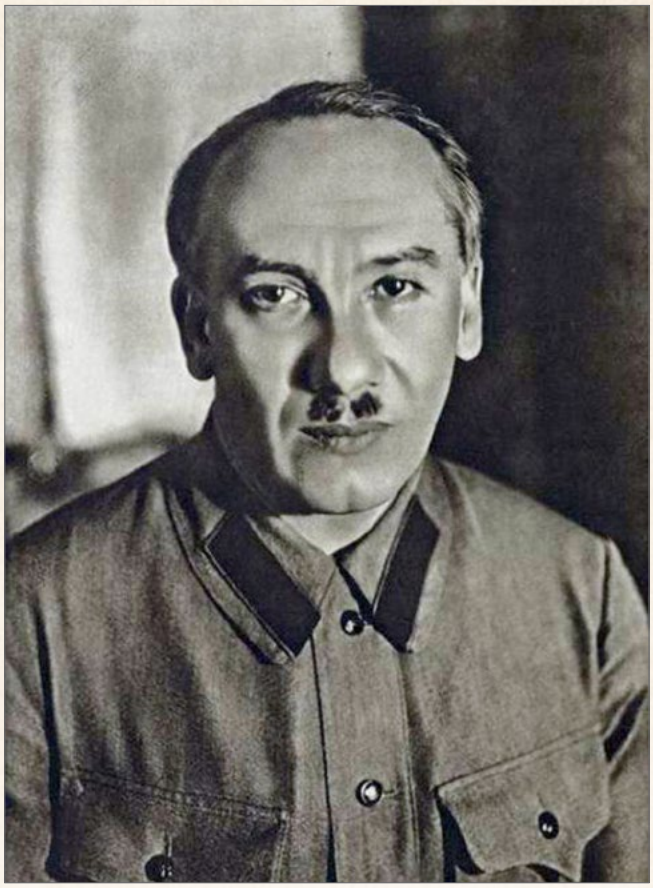
Посмотрим на «этнический» расклад в высшем партийном руководстве страны — Политбюро ЦК РКП (б) первых послереволюционных лет. Вот 1919 год: В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, И. В. Сталин. 1921 год: В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин. Как видим, евреи либо составляли арифметическое большинство в партийном руководстве, а значит и всей страны, либо имели «контрольный» пакет.

Евреи возглавляли ключевые посты в Правительстве, в ЦИКе Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов; армией руководил Л. Д. Троцкий, его замом был Э. М. Склянский; Председ. ЦИКа — Я. М. Свердлов. Евреи были во главе обеих столиц: Москва — Л. Б. Каменев, Петроград — Г. Е. Зиновьев. Руководили прессой — Ю. М. Стеклов-Нахамкес, комсомолом — О. Рывкин, Л. Шацкин.

▲ Свердлов Я.М.



▲ Радек — Собельсон Карл Бенгардович



▲ Ягода Энох Гершенович

Показательно, что когда большевистский режим принялся за поголовное истребление казачества, в частности, Донского (конец 1918 г. — начало 1919 г.), то организацию этого преступления евреи-большевики полностью взяли в свои руки, практически отстранив от него большевиков-»джентиле». Организатор т.н. «расказачивания», то есть геноцида казачьего населения Дона, Кубани, Урала — Пред. ЦИКа и секретарь Оргбюро ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов — обсуждал этот вопрос не с Пред. Донского бюро РКП(б) русским М.Сырцовым, а с рядовым членом Донбюро, евреем А. А. Френкелем. Вот текст письма Френкеля Свердлову:

«Предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению (разрядка моя — О. П.), путем целого ряда мероприятий, главным образом, в аграрном вопросе, кулацкого казачества как сословия, составляющего ядро контрреволюции».

И в январе 1919 г., Оргбюро ЦК РКП(б) принимает «Циркулярное письмо об отношении к казакам», которое начинается так:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно (разрядка моя — О. П.), провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью..».

Откровения Троцкого: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась самым страшным деспотам Востока... мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами.

Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного идиотизма, до животного состояния... Наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы — умеют ненавидеть всё русское. С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию, офицеров, академиков, писателей!..»

Влияние еврейского сообщества на правящую партию и на власть в целом усиливалась и тем немаловажным обстоятельством, что у большинства не-еврейских вождей Советского Союза тех лет жёны были еврейками. Женой главы ЧК/ОГПУ Ф. Э. Дзержинского была еврейка С. С. Мушкат; обе жены главного теоретика партии и члена Политбюро в 1922 — 1929 г.г. Н. И. Бухари-

на были еврейками — Э. И. Гурвич и М. Ю. Ларина (Лурье). Женами обоих Председателей Совнаркома — А. И. Рыкова и В. М. Молотова были, соответственно, Н. С. Маршак и П. С. Жемчужина (Карповская). Жена наркома Обороны с 1925 года К. Е. Ворошилова — Е. Д. Горбман; жена члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП (б) и руководителя Ленинградского комитета партии С. М. Кирова — М. Л. Маркус. У членов Политбюро В. В. Куйбышева и А. А. Андреева женами были, соответственно, Е. С. Коган и Д. М. Хазан. У А. В. Луначарского — Э. Розенель, у Ф. Ф. Раскольникова — Л. Райснер, зам. главы ОГПУ И. С. Уншлихта — Ю. Мушкат (кузина С. Мушкат, жены Ф. Дзержинского).

Из тогдашних коммунистических вождей, пожалуй, только у В. И. Ленина, И. В. Сталина, М. И. Калинина и М. П. Томского (Ефремова) не было еврейских жен.

Вряд ли кто будет оспаривать мнение, что важнейшим и ключевым органом большевистской власти в те годы была Чрезвычайная Комиссия (ЧК), а затем ВЧК, ОГПУ, ГПУ, НКВД. На протяжении всех первых 20 лет советской власти евреи не просто составляли большинство в «органах», они возглавляли практически все городские, республиканские и областные ЧК (ГПУ, ОГПУ, НКВД). Вот далеко не полный список председателей и уполномоченных ЧК крупнейших городов России в 1918 — 1920 г.г.:

Петроград — М. С. Урицкий, Г. И. Бокий (Берг); Москва — С. А. Мессинг, Г. Я. Раппопорт; Нижний Новгород — Я. З. Воробьев (Кац); Киев — М. Блувштейн; Одесса — С. М. Деноткин, М. Вихман, Б. Юзефович; Харьков — И. И. Шварц, Я. Лившиц; Николаев — В. М. Горожанин; Чернигов — Л. И. Рейхман; Херсон — И. Я. Дагин, А. М. Минаев-Цихановский; Закавказское ЧК — С. Могилевский; Крымская ЧК — И. Я. Дагин, И. М. Радзивиловский; Брянск — И. Визнер, Пенза — Е. Бош; Самара — И. М. Леплевский, Я. С. Визель; Ростов — М. А. Дейч; Таганрог — И. М. Островский; Симбирск — Л. М. Бельский (Левин); Саратов — С. Могилевский; Курск — Г. М. Каминский; Смоленск — Н. Е. Этингон; Екатеринбург — М. Д. Берман; Воронеж — Я. Д. Раппопорт; Архангельск — З. Б. Кацнельсон; Омск — С. Г. Южный; Астрахань — Л. М. Бельский (Левин); Томск — М. Д. Берман; Иркутск — Б. А. Бак, С. Л. Гильман; Ашхабад — М. И. Диментман; Самарканд — К. В. Паукер.

А вот состав руководства центрального аппарата ГПУ сразу после Гражданской войны, в 1922 году. Председатель — Ф. Э. Дзержинский, заместитель И. С. Уншлихт, Секретарь — В. Л. Герсон, Секретарь Коллегии — Р. Д. Езерская. Начальники отделов: А. Х. Артузов, В. Д. Ашмарин, А. Я. Беленький, Г. И. Бокий (Берг), К. И. Вейс, З. Б. Кацнельсон, В. Р. Менжинский, Я. Х. Петерс, Т. П. Самсонов, И. З. Сурта, М. А. Трилиссер, В. Д. Фельдман, А. П. Флексер, А. М. Шанин, Н. Е. Этингон, Г. Г. Ягода.

Как нетрудно видеть из этого списка, из 20 руководителей ГПУ, 12 человек — евреи, русских — 4, поляков — трое, латыш — один.

По мере того, как надежды на скорую мировую революции улетучивались, и поддержка со стороны развитых стран Запада «задерживалась», еврейским большевикам, захватившим власть в России, пришлось строить государство в чуждой и ненавистной им стране. Это требовало «рекрутирования» кадров из туземного населения, преимущественно из рабочей среды, дабы создавать социальную базу режиму, поскольку еврейского населения для этой цели явно не хватало. В результате «процент» евреев в руководстве страны и правящей элите стал постепенно, но неуклонно снижаться. Особенно, в высшем партийном руководстве, где сразу после захвата власти еврейскими большевиками преобладали «зарубежные» евреи, т. е. эмигранты, вернувшиеся весной 1917 года в Россию на пароходах и в пломбированных вагонах. Именно они составили в середине 20-х годов костяк т.н. «левой оппозиции», требовавшей продолжения «мировой революции» — Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, К. Б. Радек (Собельсон), Г. Я. Сокольников (Бриллиант), Г. Мельничанский, И. И. Иоффе, Л. Закс, А. М. и Г. М. Беленькие, С. Гомберг. И именно их вытеснили из руководства партии большевики, не жившие (или мало жившие) заграницей и более ориентированные на «национальное» строительство, как И. В. Сталин, Н. И. Калинин, Л. М. Каганович, А. И. Рыков, М. П. Томский (Ефремов), Г. Г. Ягода, Г. К. Орджоникидзе, М. Л. Рухимович, С. М. Киров, В. М. Молотов, Н. А. Угланов, Я. А. Яковлев (Эпштейн), А. И. Микоян, Э. И. Рудзутак, К. Я. Бауман, К. Е. Ворошилов, М. М. Хатаевич.

В результате, упал «процент» евреев в партийном руководстве, однако, в карательных органах, особенно в их верхушке по-прежнему доминировали евреи. Вот как выглядело руководство ОГПУ осенью 1929 г, через 2 года после разгрома «левой» оппозиции и изгнания «троцкистов» (фактически, ленинцев) из партии: Председатель ОГПУ — В. Р. Менжинский; заместители — Г. Г. Ягода, С. А. Мессинг, В. Л. Герсон, М. М. Луцкий, А. М. Шанин. Из 6-ти «главных чекистов» страны — четыре еврея, один поляк, и один русский.

В том же 1929 году из всего центрального аппарата ОГПУ (120 человек) русских было 45 человек (38%), зато евреев, составляющих от 2 до 3 % населения страны, было 62 человека, то есть, более половины работников аппарата ОГПУ. Особенно «впечатляет» состав руководства только что образованного руководства ГУЛАГа: начальник — Л. И. Коган, зам. начальника — М. Д. Берман, помощники начальника — Я. Д. Рапопорт, С. Ф. Белоногов, юрист консульт — А. И. Березин, старший консультант — Н. А. Френкель.

Даже по прошествии двух десятков лет после Октябрьской революции, когда прекратились разговоры о мировой революции и начался процесс «декосмополитизации» правящей партии и государства и возврата страны к национальным корням, евреи продолжали доминировать в отделах ЦК и ЦКК ВКП(б), ОГПУ(НКВД), руководстве наркоматов, литературных союзов, ре-

▲ Сокольников — Бриллиант Гирш Яковлевич

▲ Мартов — Цедербаум Ю.О.

дакций газет, президиума АН СССР. И как прежде, евреи руководили карательными органами. Вот данные (1934 год) по составу центрального аппарата ОГПУ при СНК: В. Р. Менжинский, Г. Г. Ягода, Я. С. Агранов, Г. Е. Прокофьев, С. А. Балицкий, П. П. Буланов, М. И. Гай (Штоклянд), Г. А. Молчанов, Л. Г. Миронов (Каган), А. Х. Артузов, К. В. Паукер, В. А. Кишкин, Г. И. Бокий (Берг), Я. М. Генкин, В. Д. Фельдман, Л. И. Берензон, М. П. Фриновский, Г. Е. Прокофьев, М. Д. Берман, А. Г. Лепин, А. Я. Лурье. Из 21 члена Центрального аппарата, евреев — 12 человек, русских — 8, поляк — один.

Эти цифры — не результат злостной «антисемитской» выборки. На протяжении всех 20-ти послереволюционных лет евреи составляли в руководстве ОГПУ/НКВД от 60% до 85%. А ГУЛАГ находился в полном «ведении» евреев. Привожу данные на январь 1937 года: начальник ГУЛАГа — М. Д. Берман, заместители И. И. Плинер, Я. Д. Раппопорт, З. Б. Кацнельсон. Все четверо — евреи.

«Пик» еврейского доминирования в карательных органах пришелся на 1936 г., в момент начала т.н. «Великого Террора» — очищения правящей элиты от «ленинской гвардии», т.е, от ориентирующихся на мировую революции элементов, в подавляющем большинстве еврейского происхождения. И действительно, за краткий период (1936 — 1939 г.г.) в НКВД были репрессированы все 18 комиссаров государственной безопасности первого и второго рангов, большинство из которых были евреи. Из общего числа (122 человека) высших офицеров НКВД на своей должности осталось всего 21 человек. И уже в январе 1939 года из 30 членов Центрального аппарата НКВД (начальники отделов и отделений) евреев было не более 3-4 человек, то есть, 10 -11%. В дальнейшем доля евреев в аппарате НКВД не превышала 17% (1941 год), и имела постоянную тенденцию к снижению, так что в 1953-1954 г.г. она была 5-7%.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ

Основной удар карательного аппарата большевистского режима в первые 15 лет правления коммунистов был нанесен по религиозным, культурным и социальным институтам русского народа, как системообразующего народа России. Об уничтожении православного духовенства, разрушении православных храмов, изъятии церковных ценностей, издевательств и глумлений над православными святынями, иконами, праздниками — написаны тысячи страниц.

Все, что напоминало о великом прошлом русского народа, о тысячелетнем русском государстве, о его царях, императорах, героях, полководцах — не допускалось в прессу. Слова «патриот», «патриотизм» были

не только изъяты из официального словаря, но фактически запрещены к использованию в печати, как атрибуты «старого режима» и даже «белогвардейской пропаганды».

Причины антирусской и антипатриотической установки правящего большевистского режима, очевидно, были связаны не только с его ориентацией на «мировую революцию», но и с этническим составом его верхушки. Как писал исследователь еврейства в России А. И. Дикий, «Пробуждение патриотизма в коренном населении, естественно, рассматривается евреями, как возможность, что будет поставлен вопрос о их роли в жизни страны и о возможности, оставаясь по своему миропониманию и правосознанию чуждыми коренному населению, занимать руководящие посты в политической и культурной жизни государства, в котором они в данное время живут. Все евреи, во всех странах их пребывания, это обстоятельство отлично понимают, а потому и рассматривают всякое проявление народной гордости и патриотизма, как угрозу для себя и своего положения в стране».

Также рьяно, как с русским патриотизмом, большевистская власть в СССР боролась с Православием. Антирелигиозный отдел, руководимый евреем Емельяном Губельманом-Ярославским не только публиковал антиправославные «агитки», но и организовывая разного рода кощунственно-скоморошеские выступления «безбожников».

В то же время «синагоги оставались нетронутыми и их имущество не конфисковывалось. Не известны и факты пародийно-кощунственных выступлений в дни еврейских религиозных праздников». Более того, антисемитизм официально был объявлен одним из самых опасных «политических инструментов в руках буржуазии» и рассматривался коммунистическими властями, как «средство замаскированной мобилизации против советской власти». А «тот, кто против поведения советской власти в еврейском вопросе, тот против трудящихся и за капитализм». Вот как «звучит» заявление Совнаркома от 27 июня 1918 г.: «СНК объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью дела революции».

То есть, по существу, советская власть отождествила революцию и саму себя с еврейским этносом. За пропаганду антисемитизма предусматривались суровые меры наказания. В то же время, пропаганда антирусских взглядов не только не наказывалась, но даже поощрялась, а само слово русофобия отсутствовало в лексиконе официальной пропаганды.

Глумление же над русскими традициями и русской историей проводилось властями СССР вплоть до 1932 года, когда И. В. Сталин неожиданно выступил против «очернения» русской истории и культуры в трудах советских литераторов, публицистов и историков. Вот с этого, пожалуй, и начался в нашей стране процесс «возврата к корням», к национальной культуре, традициям, к истории страны и Российского государства.

«НАЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННАЯ» СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИСТСКОГО РУКОВОДСТВА

Вопреки своим программным документам и официальным заявлениям об одинаковом отношении ко всем «буржуям», независимо от их национальной принадлежности, к еврейской буржуазии у большевистского режима отношение было совсем иное, чем к русской. Приведу два примера.

Немедленно после своего прихода к власти большевики национализировали все, без исключения, частные предприятия, от крупнейших до самых мелких. Как известно, подавляющее большинство русских евреев занималось до революции торговлей, ремеслами и промышленностью. Однако, в отличие от своих русских «братьев по классу», евреи в результате ликвидации частного капитала и торговли получили не только «хлеб насущный», но и иной, более высокий социальный статус. Они приняли самое активное участие в создании аппарата новой власти и превратились из мелких маклеров, торговцев и ремесленников — в государственных служащих, партработников, чекистов, военачальников, дипломатов. Ни материально, ни морально они не проиграли, а только выиграли.

Как писал А. И. Дикий, «нет никаких данных и ссылок насчет расстрелов евреев по причине их «буржуазности». Зато известно множество случаев, когда евреи-капиталисты благополучно выбрались в эмиграцию, некоторые с немалыми средствами, как например, (киевские промышленники — О. П.) Добрый, Рубинштейн и другие. А те евреи-буржуи, кто не выехал в эмиграцию, несмотря на все буржуазное прошлое, отлично устроились при советской власти, часто даже на ответственных постах».

Далее. Евреи из буржуазных классов «не подвергались никаким ограничениям при поступлении в высшие учебные заведения, как это было с (русскими — О. П.) детьми не только дворян и помещиков, но даже мелкого лавочника — купца или деревенского священника, диакона и даже нищего дьячка — псаломщика». В то время, когда по причине своего «буржуазного» и «духовного» происхождения все эти категории русской молодежи не допускались в учебные заведения, евреи заполняли университеты и институты СССР. Дикий резюмирует: «представители этнической группы всего в 2 % населения России заняли в среднем около 80 % всех ключевых постов во всех областях жизни страны. Случай доселе неизвестный в истории».

Это признавали и некоторые эмигрантские еврейские публицисты, свидетели тех событий. Вот, что писал в начале 20-х годов один из авторов известного еврейского сборника «Россия и русское еврейство» И. М. Бикерман: «Русский человек видит, что... теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе

первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии... Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждается в мысли, что нынешняя власть — еврейская... Что она для евреев существует, что она делает еврейское дело».

Такое «состояние дел» в Советском Союзе вполне устраивало американское и европейское еврейство, в своем большинстве либеральное и даже социалистически настроенное. Так что, нет ничего удивительного в том, что в середине 20-х — начале 30-х годов тысячи американских евреев-социалистов и коммунистов, мечтавших о мировой революции, поехали на ее «родину», в Советский Союз.

РУКОВОДСТВО ВСЕМИРНЫМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ОРГАНОМ ВЛАСТИ

Российская (затем советская) компартия входила во всемирный Коммунистический Интернационал (Коминтерн), который официально заявлял себя, как руководство всемирной коммунистической революции. В первые годы после его образования весной 1919 году руководство Коминтерна более чем на 70% состояло из евреев и, за исключением краткого периода с 1925 по 1929 год, когда председателем Исполкома Коминтерна был русский Н. И. Бухарин, весь период своего существования — с 1919 г. по 1943 г. — возглавлялось евреями (Г. Е. Зиновьев-Апфельбаум, И. А. Пятницкий-Таршис, С. А. Лозовский-Дридзо).

Согласно большевистскому плану, а затем и плану Коминтерна, революция в России мыслилась первым этапом в мировой коммунистической революции, как «слабое звено» в империалистической «цепочке». За захватом власти в России должны были последовать аналогичные революции в европейских странах, охваченных 1-й Мировой войной. Однако, лишь в Венгрии и Германии (точнее, в двух ее землях — Баварии и Саксонии) коммунистам удалось весной-летом 1919 года на время захватить власть. И в обоих «революционных» правительствах евреи составляли подавляющее большинство.

▲ Гамарник Яков Цудикович

В Венгрии в 1919 г. практически все вожди революции были евреями: Бела Кун (Коган), Тибор Самуэли, Дьорд Лукач, Ене Хамбургер, Ене Ландлер, И. Рабинович, Матиас Ракоши (Рот), Эрни Гере, Отто Корвин-Клейн. Из 33-х народных комиссаров революционного правительства 24 были евреи. Вот «этнический» состав венгерского коммунистического правительства летом 1919 года:

- Народный комиссариат по военным делам: из 7 народных комиссаров 6 евреев, из 52 глав секций — 39 евреев.
- Народный комиссариат внутренних дел: оба комиссара и их заместители — евреи. — Народный комиссариат финансов: все три комиссара и все их заместители евреи.
- Народный комиссариат просвещения: все 5 комиссаров евреи, из 27 глав секций — 21 еврей.
- Народный комиссариат земледелия: 1 комиссар еврей (врач) и 2 христиане.
- Совет народного хозяйства: 4 комиссара евреи и 2 христиане (рабочие).

Схожая картина была и в Германии (Баварии) в 1919 году. Подавляющее большинство лидеров революционных партий и возникшего на короткое время революционного правительства были евреями — Курт Ейснер, Эрнст Мюзам, Пауль Леви, Эвген Ниссен (Левине), Густав Ланда-

уер, Томаш Аксельрод, Эрнст Толлер, Оскар Нойрат.

Но вот что замечательно. И в Германии, и в Венгрии евреи уже много десятилетий имели те же права, что и немцы, и венгры. Причем, они были не просто частью австро-венгерского и германского обществ, но и ее элитой — министрами, руководителями важнейших департаментов, крупнейшими бизнесменами. Держали в своих руках финансы и управляли банками Германии. Приведу цифры, характеризующие экономическое и социальное положение евреев в Германии накануне 1-й мировой войны, взятые из книги И. Р. Шафаревича:

- В 1870-е годы в эпоху создания большого числа акционерных компаний из 25 самых больших кампаний 16 был еврейскими. В отдельных кампаниях среди учредителей от 1/ 3 до 1/4 составляли евреи. В 1911 г. среди директоров наиболее крупных компаний евреи составляли 1/8, среди членов наблюдательных советов — 1/3. В населении же страны они составляли менее 1 %.
- По данным о доходах, вычисленным на основании взимаемых налогов, доходы евреев примерно в 3-4 раза превосходили доходы христиан.
- Из христиан на каждые 10.000 человек населения высшие классы гимназии посещает 61 ученик, а из евреев — 385 (по Пруссии).

Остается добавить, что процент евреев в рабочем классе Германии и Австро-Венгрии был ничтожен.

Так что ни религиозной, ни национальной дискриминации евреи в Австро-Венгрии и Германии не испытывали. Не «подвергались» они и классовому «угнетению», поскольку подавляющее большинство евреев входило в экономическую, финансовую, академическую и даже управленческую элиту этих стран.

Какие же мотивации остаются? Да лишь одна, та же самая, что у их соплеменников-сподвижников в России — мессианское стремление вести народы мира в «Царство Божье», обещанное пророком Исайей, а вслед за ним Мозесом Гессом, Карлом Марксом, Львом Троцким, Григорием Зиновьевым. А чтобы вести — нужна власть, и не ограниченная — финансово-экономическая, интеллектуальная, коммуникативная (пресса), а ПОЛНАЯ. Такую, какую имели ветхозаветные иудейские Судьи и Жрецы, но уже в «мировом масштабе». В конкретном коммунистическом «проекте» — власть, которая обеспечила бы установление глобального еврейского «Царства Жрецов», ведущего остальное («неизбранное») человечество к «Царству света». Вот, что писал накануне революций в России и Германии один из лидеров коммунистического правительства в Германии (1919 г.) Густав Ландауэр в статье, написанной совместно с известным еврейским религиозным философом Мартином Бубером: «Преданность еврейскому делу — есть дело всего человечества» (цит. по.

В том, что мировая коммунистическая революция остановилась на границах Советского Союза «вины» еврейских коммунистов Венгрии и Германии, разумеется, нет. «Коренные» жители этих стран не захотели над собой еврейской власти даже под коммунистическими и «универсалистскими» знаменами.

После разгрома немецкого нацизма в Венгрии, Польше, Румынии к власти пришли коммунисты. Основной их опорой в этих странах были местные евреи, благодарные Советскому Союзу за разгром гитлеровской Германии и за их спасение от физического уничтожения. Соответственно, и руководство компартий в этих странах было в значительной степени еврейским и оставалось таковым вплоть до середины 50-х годов.

Одной из причин восстания в Венгрии в 1956 году было доминирование евреев в верхушке партии и правительства — Матиас Ракоши, Эрне Гере, Золтан Ваш, Ласло Райк, Габор Петер, Йожеф Реваи, Михай Фаркаш. Значительный процент евреев в польском руководстве (особенно, в «органах» — Якуб Берман), было одной из причин волнений 1956 года, завершившихся устранением евреев с высших постов в правительстве Польши и Политбюро ПОРП. ■

▲ Зиновьев — Радомысльский Овсей-Гершон Аронович

А.А. ЗДАНОВИЧ

ОРГАНИЗАЦИЯ «ПРОМЕТЕЙ» В ПЛАНАХ ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ ПО РАЗВАЛУ СССР

В фондах РГВА хранится большой массив документов, относящихся к подрывной деятельности польской «двуйки» — офензивы и дефензивы (разведки и контрразведки) — против России-СССР в 1919–1939 гг. Речь идет, прежде всего, о собственно польских документах реферата «Восток» 2-го отдела Генштаба Главного командования Войска Польского. Безусловный интерес представляет документированная информация о планах и конкретных действиях польской разведки, которые были направлены на территориальное расчленение России-СССР с помощью хорошо организованного и контролировавшегося ею процесса объединения антирусских националистических сил различного толка, включая национал-сепаратистов, или национал-интегристов. Эти планы выразились в мощной поддержке польскими властями периода Второй Республики так называемого «прометейского» движения и в создании специалистами реферата «Восток» 2-го отдела ГШ Польши разветвленной и многофункциональной организации «Прометей».

ИДЕЯ «ПРОМЕТЕИЗМА», ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

С самого момента своего создания польское правительство стремилось к свержению советской власти. Юзеф Пилсудский и его окружение, проводя подрывную, разведывательно-диверсионную работу и постоянно готовясь к интервенции, главную надежду возлагали на возможность искусственного раздувания национализма среди народов СССР и таким образом развала СССР изнутри.

▲ Пилсудский и Петлюра в Киеве 1920 г.

А.А. ЗДАНОВИЧ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, профессор Академии военных наук. Родился в 1952 г. в Красноярске. Срочную службу проходил в частях морской пехоты Тихоокеанского флота. С 1972 г. в органах военной контрразведки. В 1976 г. окончил Высшую школу КГБ. Преподавал курс истории органов госбезопасности. Создатель и президент «Общества изучения истории отечественных спецслужб». Один из организаторов ежегодных научных конференций «Исторические чтения на Лубянке». Автор работ по истории отечественных спецслужб.

Наиболее четко цель польского санационного режима сформулировал в своем политическом докладе ближайший сподвижник и единомышленник Пилсудского генерал Юлиан Стахевич: «Целью, на достижение которой направлены наши усилия, являются существующие и будущие национальные государства на Востоке. Их появление будет историческим последствием слома силы России, но в то же время может явиться и элементом укрепления мощи державы Польской».

Эта формулировка Стахевичем стратегических целей Польши полностью отвечала политической программе-максимум самого Пилсудского. «Расчленение России, — констатировал он, — лежит в основе польских государственных интересов на Востоке». Затем должно было последовать «создание ряда национальных государств на территории Европейской России, которые находились бы под влиянием Варшавы». Это, по его мнению, «позволило бы Польше стать великой державой, заменив в Восточной Европе Россию».

С точки зрения Стахевича, буржуазный национализм мог бы стать той силой, с помощью которой должен быть развален СССР: «Реализация „прометейской" концепции, — утверждал он, — это не только создание условий или поддержка явлений, служащих намеченной цели, но и создание такого инструмента, коим может послужить организованная эмиграция. Наш непосредственный доступ к территории СССР, к населению в соответствующем масштабе для этих целей не представляется возможным, а для достижения серьезных политических результатов даже и не всегда потребным».

Прояснить стратегические цели Пилсудского можно с помощью анализа его планов и действий в отношении руководителей контрреволюционной эмиграции народов СССР. Маршал Польши ощущал, что предназначен возглавить работу по их объединению в собственных политических интересах, поскольку и сам являлся последовательным шовинистом и был глубоко убежден в том, что Польша обрела свою независимость исключительно благодаря победе его национал-интегристской политики. Эта политика изначально строилась на идее коллаборационизма — тесного сотрудничества с врагами нашей страны.

Только этим объясняется действительно широкий размах организационных работ по объединению и сплочению националистической нерусской эмиграции, который обеспечивался польскими властными структурами (прежде всего 2-м отделом ГШ Польши) в 1920-1930-е гг. при непосредственном живом участии самого Первого маршала.

Эти стремления развалить Советский Союз с помощью националистических и сепаратистских элементов получили по инициативе руководителей грузинской эмиграции название «прометеизма». Они воспользовались античной легендой о титане Прометее — борце за свободу, якобы прикованном богами к скалам Кавказа и обреченном на вечные страдания. Поскольку, согласно древнему мифу, Прометея от цепей и проклятия богов освободил Геракл, именно в его (Геракла) образе предпочла выступить польская разведка, взявшая под свою опеку грузинских и всех иных «прометейцев».

Польская буржуазия намеревалась развалить СССР изнутри с помощью «прометеизма», особенно с момента начала польско-советской войны 1920 г., а потом расчленить его на отдельные национальные государства, которые имели бы большую или меньшую зависимость от Польши благодаря их неизменной вовлеченности в антисоветскую деятельность, а также по причине их собственной слабости.

Следует отметить, что активная подрывная деятельность в этом направлении проводилась, несмотря на наличие межгосударственных договоренностей между СССР и Польшей. Более того, польские власти неоднократно грубо нарушали положения и Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г., и Московского договора о ненападении от 25 июля 1932 г. В 1933 г. Польша стала первым государством (после Ватикана), которое официально признало нацистский рейх, обеспечив ему, таким образом, поддержку на мировом уровне. В то же время враждебность

по отношению к восточному соседу оказалась у пилсудчиков настолько непреодолимой, что, когда Советский Союз, предвидя общую угрозу со стороны гитлеровского рейха, обратился в январе 1934 г. к Польше с предложением заключить пакт о взаимопомощи, польское правительство высокомерно отклонило это предложение, подписав тогда же соглашение с Германией. Что последовало за этим демаршем, хорошо известно.

В январе 1938 г. польская дипломатия открыла перед всем миром истинные намерения Варшавы. Тогда в Лиге Наций шла бурная дискуссия вокруг статьи 16 (о коллективной безопасности) Устава Лиги. «Ее отмены, — читаем в «Истории дипломатии» под редакцией академика В. П. Потемкина, — требовал ряд членов Лиги Наций, желавших иметь развязанные руки в возможных международных конфликтах и военных осложнениях. Особенно усердствовали поляки, превратившие Польшу в «пятую колонну» внутри Лиги Наций». Далее панская Польша следовала исключительно в русле агрессивной политики гитлеровского рейха. «Через два дня после присоединения Австрии к Германии в Польше начались антилитовские демонстрации. На польско-литовской границе сосредоточились польские войска. 17 марта 1938 г. польское правительство через своего дипломатического представителя в Таллине предъявило литовскому правительству ультиматум. Оно требовало заключения конвенции, гарантировавшей бы права «польского меньшинства» в Литве, а также отмены параграфа литовской конституции, провозглашающей Вильно столицей Литвы. Польская военщина грозила в случае отклонения ультиматума в течение 24 часов проделать «марш на Каунас» и оккупировать Литву». Агрессивные намерения поляков удалось ненадолго остудить официальным заявлением советской стороны о том, что она денонсирует советско-польский договор 1932 г. о ненападении, если войска Польши вторгнутся в пределы Литвы. Однако уже 30 сентября 1938 г. (сразу после подписания Мюнхенского соглашения) Польша предъявила ультиматум — на сей раз Чехословакии, требуя передачи ей Тешинской области. На следующий день, несмотря на предупреждение СССР, польские войска вступили на чехословацкую территорию. Но даже и в этом случае правительство СССР проявило выдержку: 27 ноября 1938 г. оно заявило через ТАСС о действительности договора 1932 г. Со своей стороны польские власти продолжали демонстрировать в отношении СССР крайнее высокомерие и враждебность. Фактически до самого крушения Второй Республики в сентябре 1939 г. ее военные и политические круги строили далеко идущие планы подрыва Советского Союза изнутри и его последующего территориального раздела.

Таким образом, «прометеизм» во всех своих проявлениях — и как идеология, и как политика, и, наконец, как комплексная долговременная программа подрывной деятельности — полностью отвечал антисоветской, антироссийской и им-

▲ Пилсудский Юзеф

▲ Стахевич Юлиан

периалистическо-захватнической позиции правящей в Польше державно-санационной клики. В данном смысле, будучи путеводной нитью польской международной и внутренней политики, «прометеизм» являлся путем реализации ее амбициозного лозунга «Польша от моря и до моря».

«ПРОМЕТЕЙСКАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1918–1923 ГОДАХ

«Прометейскую» работу в Польше с самого ее начала возглавлял лично Пилсудский. Уже в 1918–1921 гг. Пилсудский установил политические и военные отношения с различными реакционными силами, нацеленными против Советской России, а затем и СССР. В первую очередь к ним принадлежали украинская, грузинская, татарская и казацкая контрреволюция. Одним из наиважнейших и наиболее ранних моментов «прометейской» деятельности стал Варшавский договор, подписанный 21 апреля 1920 г. между Пилсудским и Петлюрой — диктатором контрреволюционного правительства на Украине.

Петлюра, изгнанный с Украины в Польшу Красной Армией, ради того, чтобы вернуть власть, выдвинул претензии к Западной Украине и поставил на службу польской армии и разведки своих сторонников из числа украинских националистов. Разведкой петлюровцев на территории Советской Украины, России, Дона, Кубани и Крыма руководил 2-й отдел Партизанско-повстанческого штаба (ППШ) армии УНР (начальник — полковник ГШ царской армии Кузьминский). В его состав входили три секции: офензива (собственно разведка), дефензива (контрразведка) и пресс-служба. Начальниками секций разведотдела ППШ были: в офензиве — сотник Никодим Гриневич (здесь же подсекциями агентуры и паспортным бюро заведывали соответственно поручик Михайло Михайлик и поручик Рогозинский), в дефензиве — подполковник Митрофан Очеретько, в пресс-службе — поручик Микола Иванов. Однако общей организацией агентурной работы и контрразведки занимался бывший директор департамента МВД УНР полковник Микола Ю. Чеботарев (с конца 1926 по август 1928 г.). В материалах польской разведки (экспозитуры № 2) Чеботарев также значился как начальник центральной резидентуры «Украина» под оперативным псевдонимом «Гетман». Сам он, в частности, утверждал, что поддерживает полный контакт со своими сторонниками в Советской Украине и даже имеет много своих работников в КП(б)У и что эта партия «будто бы стоит тайно на платформе отделения от СССР».

При этом петлюровская разведка, с одной стороны, постоянно испытывала острый дефицит в кадровых сотрудниках (например, в сентябре 1921 г. ей удалось забросить в УССР только трех своих агентов и двух курьеров), а с другой — ее практически полностью переигрывали советские спецслужбы. Так, советская агентура действовала в ближайшем окружении Петлюры. На ВУЧК работала группа личного секретаря Петлюры. Большевистским агентом оказался и помощник начальника ППШ, шеф административно-политического отдела штаба подполковник Добротворский, через которого проходила информация о планах деятельности ППШ, спорах и конфликтах внутри него. Другой ценный агент ЧК-ГПУ Украины — Гордиенко, он же сотник Гриць Попов (настоящее имя — Заяров Григорий Львович), — являлся заместителем начальника оперативного отдела ППШ, в результате успешного завершения операции под кодовым названием «Тютюн» (4-16 июля 1923 г.) фактически передал в руки украинским чекистам начальника ППШ генерал-хорунжего Юрия Тютюнника. Благодаря активной работе ВУЧК ее сотрудникам удалось разгромить вооруженные подпольные формирования петлюровских атаманов Мордалевича, Лютого, вынудить киевский Всеукраинский центральный повстанческий комитет («Цупком») покинуть Советскую Украину.

В июне 1921 г. при переходе границы органами ВУЧК был задержан эмиссар ППШ «3». На допросе он во всем признался и пошел на активное сотрудничество, выдав ценную информацию о структуре ППШ, подпольных петлюровских организациях в Киеве и УССР, нарисовал схему дислокации повстанческих сил. После специальной подготовки «3» стал секретным сотрудником ВУЧК. Продолжив работу в ППШ, он дезинформировал его руководство, а во ВУЧК передавал важные сведения, позволявшие своевременно ликвидировать агентов и подпольные базы петлюровцев в УССР, уведомлял о всех контактах ППШ с разведками Польши, Румынии, а также с савинковцами и махновцами, о планах перехода польско-советской границы отдельными боевыми группами и силами войск УНР ППШ.

Помимо сугубо военного направления, петлюровцы активно включились в сотрудничество с пилсудчиками в сфере «прометеизма». Наиболее важными в этом плане деятелями УНР были следующие: а) из, так сказать, «первых лиц»: Андрей Левицкий (председатель правительства и главноначальствующий); Роман Смаль-Стоцкий (министр иностранных дел); генерал Владимир П. Сальский (военный министр); генерал Павел Ф. Шандрук (начальник 1-й оргсекции ГШ армии УНР; с августа 1927 г., по рекомендации 2-го отдела ГШ Польши, начальник ГШ армии УНР); генерал Всеволод Змиенко (начальник 2-й секции ГШ, 1928 — 1 января 1936 г.); д-р Леон Цыкаленко (начальник 3-й секции ГШ); д-р М. Ковальский (председатель украинского ЦК); д-р М. Ковалевский (министр пропаганды); проф. А. И. Лотоцкий; Ежи А. Кржижановский; б) из проживавших в Париже: проф. А. Я. Шульгин (министр иностранных дел); граф Вячеслав К. Прокопович (премьер-министр и сотрудник центрального печатного органа УНР — журнала «Тризуб»); генерал А. Удовиченко (зам. военного министра); Я. Коссенко (главный редактор парижского журнала «Тризуб» и вице-председатель Генеральной Рады УНР); в) из проживавших в Женеве: Михаил Еремиев; г) из проживав-

Польская кавалерия вступает в Киев 7 мая 1920 года

Эдвард Рыдз-Смиглы

▲ Поляки в Киеве, май 1920 г.

ших в Праге: Максим Славинский; д) из проживавших в Турции: Владимир Мурский; е) из живших в Харбине: Павел Яхно и многие другие.

Контакты с экспозитурой № 2 ПГШ они поддерживали через начальника подреферата «B-U» (украинцы) этой экспозитуры поручика Владислава Гуттры (Guttry) (получали от него деньги, инструкции, директивы, а ему посылали рапорты, донесения и т. д.) либо же через начальников резидентур реферата «Восток» экспозитуры № 2.

Менее активно, чем петлюровцы, но все же сотрудничали с польской разведкой и украинские националисты из УВО-ОУН во главе с полковником Евгеном Коновальцем (так называемая «галицийская группа»). Примечательно, что это сотрудничество тайно продолжалось несмотря на организованные ими покушения на самого Юзефа Пилсудского (25 сентября 1921 г.) и министра внутренних дел Бронислава Перацкого (15 июня 1934 г.). В известной мере сохранять и продолжать «деловые отношения» «двуйчикам» и оуновцам помог конкордат между Варшавой и Ватиканом, подписанный 8 сентября 1925 г. В результате духовный пастор и идеолог украинских националистов митрополит греко-католической церкви Андрей Шептицкий присягнул на верность Польской республике и тем самым заметно микшировал обвинения боевиков УВО-ОУН в антигосударственной деятельности. Итак, договоренность с Петлюрой стала первым практическим шагом на пути реализации «прометейской» идеологии.

Отношения с националистами-контрреволюционерами углублялись и укреплялись еще больше позднее — по мере того, как те оказывались в эмиграции. В Польше и Чехословакии собралась украинская эмиграция, в Турции — кавказская и татарская, в Персии — туркменская и азербайджанская. Кроме того, важным центром эмиграции был Париж.

Польская разведка изначально стремилась использовать свои агентурные связи среди национальной эмиграции для установления взаимоотношений со всеми силами и движениями, которые разделяли идеи русофобства и национализма, но по тем или иным причинам не были подключены ею («двуйкой») непосредственно к организации «Прометей».

Так, еще 11 апреля 1920 г. внутри 2-го отдела ГШ ВП был учрежден новый — Национальный — реферат, шефом которого стал капитан Виктор Чарноцкий. Вместе с ним работали капитан Тадеуш Крук-Стржелецкий (Kruk-Strzeleckiy), подпоручик Станислав Лис-Блоньский (Lis-Biocski), а также Хенрик Сухенек-Стахетский (Suchenek Stachecki). Последний возглавил белорусский подреферат (с 1925 г. он служил в МВД Польши в качестве начальника Отдела по национальным делам). Среди его ближайших помощников были начальники 2-го отдела штаба III ВО, дислоцированного в Гродно, Казимир Жобель (1890 — после 1952) и Станислав Ярецкий (1892–1955). В своей деятельности это подразделение ориентировалось главным образом на полонофильскую часть белорусского электората. Среди его конфидентов можно видеть представителей таких организаций откровенно антисоветского и пропольского толка, как «Объединение белорусских беспартийных активистов», Белорусский национальный комитет

в Варшаве (во главе с Лявоном Дубейковским, 1867–1940), боевая радикал-националистическая организация «Зеленый дуб» (во главе с Вяч. Дергач-Адамовичем), «Комитет обороны восточных окраин». Все они, так или иначе, были связаны с отрядами генерал-майора Станислава Булак-Балаховича, которые не столько обороняли Польшу от восточного соседа, сколько занимались грабежом и разбоем в районах советско-польского приграничья. Конкретно в ряду тайных сотрудников 2-го отдела, действовавших в 1920-1930-е гг., помимо только что названных выше, можно упомянуть следующих лиц: Р. Зямкевича (он же — «Шершень», «Дземянович»), Я. Ладнова, Я. Мамонько, Я. Миткевича, Цявловского, М. Шимбаревича, Я. Шурпу, С. Яковюка и др. Несмотря на то что эти агенты часто перегружали «двуйку» описанием собственных дрязг и распрей и доносами друг на друга, тем не менее, они подробно информировали Варшаву в основном о внутриполитических процессах в Западной Белоруссии, а также о контактах западнобелорусских национал-демократов с западными разведками, украинскими националистами, а местных коммунистов и... евреев с эмиссарами из Минска и Москвы.

Связь Национального реферата с экспозитурой № 2 реферата «Восток» осуществлял офицер В. Чарноцкий. Однако при создании «Прометея» в 1926 г. белорусским националистам (в отличие от украинских) в нем все же достойного места не нашлось. Почему? Очевидно, в известной мере ответом на этот вопрос может послужить рапорт начальника белорусского подреферата капитана Сухенек-Стахетского от 20 мая 1925 г. о полонофильских проявлениях в так называемом Белорусском национальном комитете:

«Среди белорусов, — говорится в этом любопытном документе, — на протяжении нескольких лет действует группа людей, которая в зависимости от политической ситуации в крае создала так называемый Центральный белорусский комитет. Эта группа состоит исключительно из шантажистов, которые зарабатывают себе на жизнь, информируя «органы власти» о белорусских делах. Наиважнейшую роль в этой группе играют: Цявловский, В. Федоров, Я. Шурпа, Миткевич, Зямкевич. На финансовой почве между вышеназванными часто возникали стычки, в ходе которых одни обвиняли других в антигосударственной деятельности против Польши либо даже в сотрудничестве с советской миссией в Варшаве. Некоторые лица из данной группы состояли на службе у 2-го отдела Генерального штаба или у Министерства внутренних дел... Так как, возглавляя белорусский департамент, я убедился, что большинство из них не дают важной информации или же одновременно ту же самую информацию „продают" Министерству внутренних дел, как и от имени того же министерства проводят некую белорусскую политику (Цявловский и Зямкевич), я прекратил с ними всякие контакты. В полученных мною от них материалах я обнаружил много неточностей и полную путаницу».

Столь явное недоверие польских властей к политически лояльным белорусам, безусловно, не позволило им успешно разыграть в своей «прометейской» игре и «белорусскую карту». Более того, история сохранила примеры, когда собственный национал-шовинистический гонор, с одной стороны, и паническая боязнь советского (коммунистического) влияния на «польские нацменьшинства» —

▲ Прометей

с другой, настолько застили глаза польским «двуйчикам», что даже среди своих безусловных сторонников — белорусских полонофилов — они видели скрытых агентов Москвы. Своеобразной вершиной этой подозрительности стал состоявшийся в 1928 г. судебный процесс над одним из самых откровенных прислужников пилсудчины — Арсением Павлюкеничем, который был осужден как… агент ГПУ.

К другому «нацменьшинству», с которым активно работала «двуйка» (вне «Прометея»), относились евреи. Однако Варшаву интересовали, прежде всего, евреи-сионисты (Исаак Гринбаум и др.). Известно, что Пилсудский довольно быстро нашел с ними общий язык. Назначенное им польское правительство установило (после 1926 г.) контакт с сионистскими организациями, в первую очередь с сионистами-ревизионистами — партией общих сионистов во главе с Вл. Жаботинским, молодежной боевой организацией «Бейтар», а также «Мизрахи» и «Агуддат Исраэль»; облегчило эмиграцию из Польши в Эрец-Исраэль, в том числе лицам, не имевшим въездных сертификатов, проводило военное обучение бойцов «Иргун цваи леумми» (сокр. «Иргун» — «Национальная военная организация» — подпольное вооруженное формирование, действовавшее в подмандатной Палестине), отправляло в Палестину оружие для еврейских боевых организаций, а также старалось повлиять на английские власти, чтобы те разрешили более широкую еврейскую иммиграцию в Палестину. В ответ сионисты помогали пилсудчикам в их борьбе против «главного противника» — СССР.

Другим еще более ранним примером «взаимопонимания» тех и других являются успешные переговоры того же Вл. Жаботинского с представителем УНР (и агентом польской разведки) Максимом Славинским, прошедшие в августе 1921 г. в Праге.

Впрочем, еврейский (так же как и белорусский) аспект в национальной политике Второй Республики представлял собой весьма неоднозначное и противоречивое явление. Польские власти относились к евреям с большим недоверием и всегда подозревали их в тайных связях с большевиками.

СУЛЕЮВЕКСКИЙ ПЕРИОД: 1923–1926 ГОДЫ

Правительства Хьено-«Пяста» политики «прометеизма» не проводили, однако Пилсудский в Сулеювеке вместе со своими сторонниками и далее продолжал работу по организации фронта «прометейских» наций. Пилсудский в то время устанавливал особые отношения с руководителями контрреволюционной эмиграции Джафаром Сейдаметовым, Рамишвили, Гегечкори, Чхеидзе.

Со стороны Пилсудского в рамках 2-го отдела ГШ ВП эту работу активно вели Шетцель (Schaetzel), Енджеевич и Чарноцкий, в рамках МИД — Лукасевич и Кнолль. Одним из важнейших организаторов ее был действовавший от имени польских общественных организаций Тадеуш Голувко (Hoiywko).

Наглядным примером их подрывной антисоветской деятельности в плане активного использования «прометейской» эмиграции может служить секретная операция, осуществленная разведкой и МИД Польши летом 1925 г., в результате которой на деньги, выделенные Кноллем, бывшим в то время польским послом в Тегеране, для детального изучения военно-политической ситуации к границам Советского Кавказа были посланы представители так называемого Кавказского освободительного комитета (создан в Стамбуле в 1924 г.): азербайджанец Хосров Султан-заде (Султанов) — в Персию, грузин Давид Вачнадзе — в Ардаган и осетин Алихан Кантемир — в Каре (Северо-Восточная Турция).

▲ Жаботинский

ОТ МАЙСКОГО ПЕРЕВОРОТА 1926 ГОДА ДО ПРИХОДА К ВЛАСТИ ГИТЛЕРА (1933)

После майского переворота 1926 г. Пилсудский по политическим соображениям не мог лично принимать «прометейскую» агентуру. По его поручению этой работой руководил генерал Юлиан Стахевич — официальный шеф Военно-исторического бюро. В работе принимали участие представители 2-го отдела ГШ (Шетцель), МИД (Голувко), МВД (Сухенек-Стахетский). Конкретную работу изначально выполняла специально созданная служба 2-го отдела ГШ «А-1» 3-го отделения, позже переименованная в реферат «II» того же отделения.

С 1927 г. служба диверсионно-«прометейской» деятельности преобразовывается в самостоятельную летучую экспозитуру № 6 2-го отдела ГШ в Варшаве, которая в 1929 г. была переименована в экспозитуру № 2. В течение долгого времени этой

службой руководил майор Эдмунд Харашкевич.

Изначально (после подписания Рижского договора 1921 г. и приблизительно до 1930 г.) непосредственной целью деятельности 2-го отдела были выявление и поддержка оппозиционных сил в СССР с помощью военных диверсий, проводившихся посредством засылавшихся на Украину банд, затем — в содействии контрреволюционному восстанию 1924 г. в Грузии, в поддержке басмаческих банд в Средней Азии.

Постоянно крепнувшая советская власть, тщетность предыдущих усилий и ликвидация Красной Армией диверсионной агентуры вынудили экспозитуру № 2 поменять тактику своих непосредственных действий на «длинноволновую». Новая тактика базировалась, прежде всего, не на подборе агентуры в СССР для осуществления всякого рода обескровливавших ее авантюр, а на ее «консервации» и соединении момента планировавшегося антисоветского восстания с антисоветской войной, ибо, как считали в экспозитуре № 2, только с началом войны восстание могло бы увенчаться успехом.

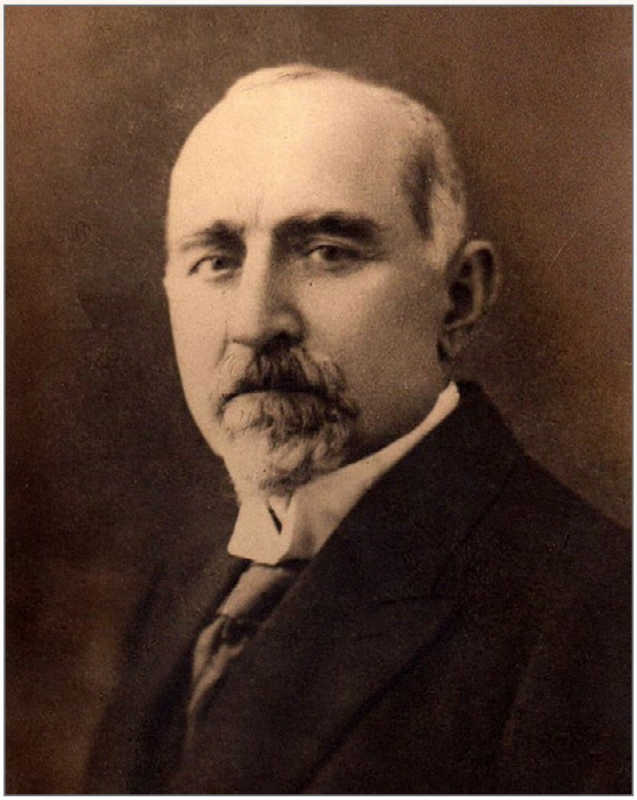
Эта тактика требовала поиска рычагов влияния на эмигрантские организации, навязывания им необходимых польской разведке организационных и «идеологических» форм деятельности. После 1926 г. польские круги завязали весьма тесные связи с эмигрантскими правительствами, или национальными центрами. В 1926–1928 гг. были заложены основы сотрудничества с многочисленными группами нерусской эмиграции и оказания им материальной помощи.

На украинском и кавказском направлениях были обновлены формы военной деятельности и восстановлены штабы. В отношении украинского штаба было установлено, что он «...представляет собой единую военную организацию, дружественную Войску Польскому. В настоящее время он пребывает в гостях на территории Польши и действует при технической и материальной помощи польского Генштаба...». В задачу этого украинского штаба должны были входить подготовительная мобилизационная работа, разведка и пропаганда. В 1927 г. в Войско Польское была принята по контрактам первая группа украинских офицеров.

Аналогичные задачи решал также грузинский штаб, хотя он располагал общей мобилизационно-операционной секцией. Вопросы же разведки и пропаганды относились к компетенции политических органов грузинского правительства в эмиграции. Конкретно разведывательной работой в грузинском правительстве заведовал Рамишвили, а после его смерти — Менагаришвили.

Вслед за украинской и грузинской эмиграцией было установлено сотрудничество с эмиграцией азербайджанской, кавказско-горской, крымско-татарской, идель-уральской, туркестанской, казацкой и несколько позднее — с карело-финской. Сотрудничество оплачивалось, и, таким образом, устанавливалась зависимость от польской разведки наиболее важных эмигрантских деятелей, обладавших достаточными возможностями воздействия на националистические центры и всю эмиграцию в целом.

▲ Рамишвили



▲ Чхеидзе

Для более прочного внутреннего сплочения эмиграции и тем самым с польской разведкой в 1929 г. в Варшаве был создан клуб «Прометей», в состав которого вошли следующие эмигрантские группы: украинская, грузинская, азербайджанская, кавказско-горская, казацкая, идель-уральская, карело-финская и татарская. Официальное название клуба звучало так: «Прометей — Лига угнетенных Россией народов...» (далее перечислялись вышеназванные группы). Клуб этот являлся руководящей структурой эмигрантских организаций, в распоряжении которой должны были находиться националистические центры.

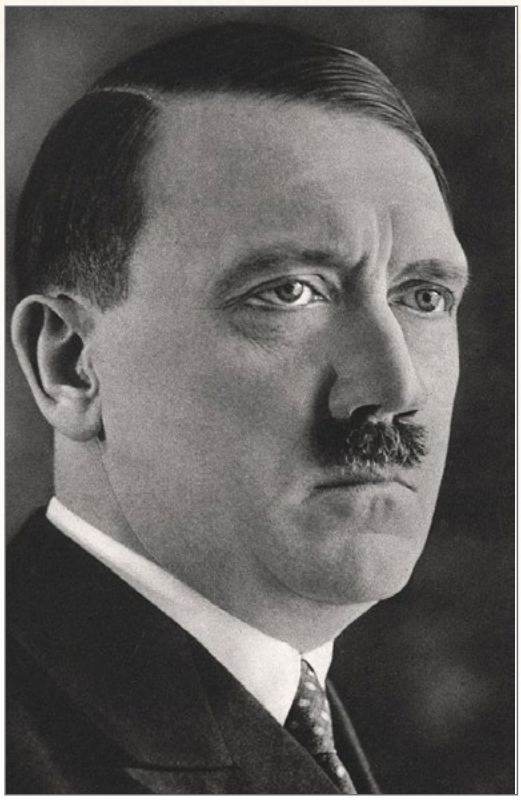
Экспозитура № 2 стремилась к созданию клубов «Прометей», зависимых от варшавского, и в других важных центрах эмиграции, особенно в Париже. Удалось также создать таковые в Хельсинки и Харбине, однако же в Париже из-за постоянных распрей между представителями эмиграции клуб «Прометей» создать поначалу не удалось. Его роль исполнял журнал «Прометей» («Promethee»), основанный в 1926 г. — орган Комитета независимости Кавказа. Журнал «Прометей», помимо решения организационных задач, также вел постоянную антисоветскую кампанию на международной арене.

Подобную же функцию исполнял «Комитет дружбы» в Париже, охватывавший только кавказскую, туркестанскую и украинскую эмиграцию и, таким образом, оставлявший вне своего внимания другую, самостоятельно группировавшуюся эмиграцию. Поэтому «Комитет дружбы» всегда был причиной постоянных конфликтов и интриг.

Для выработки идеологических основ «прометеизма» в Варшаве были созданы Восточный институт (1926) и издававшийся им ежеквартально журнал «Восток» («Wschod»). Идейные основы «прометеизма» нашли отображение в трудах Бончковского, Вишневского и Крымского, а также в статьях и публикациях, написанных представителями соответствующих национальных групп.

Особое место в деятельности экспозитуры № 2 занимали популяризация в польском обществе «прометейских» «государственных интересов и соображений» и связанная с этим подготовка польских кадров для руководства «прометейским» движением. Эту роль исполняли, прежде всего, вышеназванный Восточный институт, существовавший при нем Ориенталистический кружок молодежи, а также «прометейские» польскоязычные издания ежеквартальник «Восток» и «Бюллетень польско-украинский».

Подписание советско-польского договора о ненападении (1932) не повлияло на дальнейшее развитие «прометейской» работы. Польская «двуйка» рассматривала договор исключительно с конъюнктурной точки зрения, заставлявшей только лишь обеспечивать более глубокую конспирацию деятельности польских правительственных кругов, особенно деятельности Министерства иностранных дел.



▲ Гитлер

1934–1937 ГОДЫ

Приход Гитлера к власти сопровождался глубокими изменениями в кругах «прометейской» эмиграции. К тому времени надежда уничтожить Советский Союз с помощью Англии, Франции или Польши отошла на дальний план перед лицом антисоветской агрессии гитлеровской Германии. Среди предводителей эмигрантских организаций в Польше того времени преобладающим стало стремление к установлению контактов с гитлеровцами. В 1933–1935 гг. ряд «прометейских» «вождей» — Георгий Гвазава, Джафар Сейдаметов, Чокаев, Сунш-Гирей — совершили поездки в Германию с целью установления контактов с официальными гитлеровскими кругами. Экспозитура № 2 поставила перед собой весьма своеобразную задачу — удержать этих «вождей» от поиска опоры у немецкой разведки. Чтобы эти стремления не имели ощутимых результатов, она приспосабливалась к их потребностям, требуя от них лишь одного — чтобы это сотрудничество происходило под ее контролем и в ее интересах. Таким образом, она считала, что сможет сохранить по-прежнему решающее влияние на «прометейскую» деятельность, одновременно используя свое взаимодействие с немцами в материальном, а также в пропагандистском смысле.

Об этом свидетельствуют оперативные данные, полученные ИНО НКВД СССР относительно состоявшегося в Брюсселе (Бельгия) совещания ряда лидеров кавказской эмиграции, на котором 14 июля 1934 г. ими (Расулом-заде и Топчибашевым — от Азербайджана; Чуликом, Шакмановым и Сунжиевым — от Северного Кавказа; Жорданией и Чхенкели — от Грузии) был подписан договор о создании обновленной Конфедерации народов Кавказа (КНК). Фактически это объединительное мероприятие было

организовано руководителями 2-го отдела ГШ ВП полковниками Домбровским, Харашкевичем и Шетцелем. На совещании было подтверждено, что основным местом базирования КНК станет Париж, а в Варшаве расположится его военная секция, так как ее члены, служившие в польской армии, заняты военной подготовкой молодых кадров и составлением мобилизационных планов.

Провозглашение Конфедерации, несмотря на явно декларативный характер этой политической акции, получило широкий одобрительный отклик в мировой прессе. Наиболее точно связанные с этим надежды западных правительств выразила швейцарская газета «Jurnale de Geneve», подчеркнув «важность создания буферных (по отношению к России, разумеется. — *Авт.*) государств на Кавказе». Официальный орган Ватикана «Emissaro Romano» опубликовал полный текст пакта и обращение комитета. «Историческое значение» события было отмечено во Франции, Германии, Италии и Японии, откуда поступала наиболее существенная поддержка делу «прометеизма». Но особенно высокие оценки событие получило в Польше со стороны тех, кто его, собственно говоря, и организовал. Так, «прометейский» журнал «Восток» писал: «Тот, кто знает историю борьбы кавказских народов, понимает значение Брюссельского пакта, — кавказское единство, реализацией которого является пакт, это новая дата в многолетней борьбе кавказских народов».

Почти в унисон звучали оценки подписания пакта практически всех главных изданий националистической эмиграции: «Трезуб» (официоз национального правительства Украины), «Казакия» (орган независимых казаков), «Цаган овей долган» (калмыцкая газета в эмиграции), «Свободная Карелия и Ингрии», выходившая в Финляндии на финском языке, «Эмел мукмуази» (газета крымского национального движения, выходившая в Румынии), «Яна мили» (орган «Идель-Урала»), «Яш Туркестан» и др. Явным диссонансом в лагере националистов прозвучал лишь голос армянских деятелей из «Дашнакцутюн», которые выступили с резкой критикой «кавказских конфедератов» в газетах «Бирлик» и «Усабер».

▲ Члены националистической организации кавказских горцев

Брюссельским решениям была посвящена и варшавская встреча 15 сентября 1934 г. представителей кавказских колоний в Польше, на которой северокавказцев возглавлял Мамед Сунш-Гирей. Ее инициаторами якобы выступили грузинские эмигранты, но за ними опять-таки стояли все те же деятели польской разведки. Встречу открыл председатель грузинской колонии и политического комитета Котэ Имнадзе, который о восстании 1924 г. и его результатах рассказал на польском языке. Он заявил о том, что «стремление кавказских народов к свободе подавлялось не раз, что кавказцы лишь совместными усилиями могут достигнуть желаемой цели — обрести независимость». По его словам, ради этого и был подписан Брюссельский пакт.

14 февраля 1935 г. на основе пакта был образован Совет Кавказской конфедерации — надгосударственный политический орган, призванный решать все общекавказские вопросы, имевший единую военную силу, высший арбитражный суд и общее правление. Примечательно, что ни в этот Совет, ни в саму Конфедерацию не вошли представители Армении, хотя еще в 1933 г. лидерами армянской эмиграции был подписан прелиминарный документ об армяно-грузинском союзе. Армянским националистам потребовалось целых пять лет, чтобы перед перспективой германской войны с СССР забыть на время распри с предавшими их когда-то (младотюркам) грузинами и войти-таки в состав Совета.

В отдельном спецсообщении ИНО от 5 октября 1935 г. ситуация с брюссельским договором и его предназначением (во всяком случае по отношении к Грузии) характеризовалась как прямая ***«пытка возродить к жизни старую идею грузинских сепаратистов об освободительной миссии Германии на Кавказе»***!

Прилагая усилия по дальнейшему сплочению последовательных «прометейцев» под своей эгидой, польская разведка организовала в 1936 г. в Варшаве встречу представителей варшавского крыла азербайджанской партии «Мусават» во главе с ее основателем Расулом-заде. В соот-

ветствии с желанием польского Генштаба, финансировавшего и опекавшего тогда «Мусават», Загранбюро партии открылось именно в Варшаве. Вместе с Расулом-заде в обновленное правление бюро вошли Мамедов, Азер Текин, Джаффар-Оглы, Мюнши, Исрафилов, Зейналов. За их стамбульскими оппонентами, считавшими, что Турция как плацдарм для борьбы с Советским Союзом гораздо удобнее Польши, в правлении были зарезервированы свободные места. Вместе с тем в своем обращении к соотечественникам мусаватистские лидеры открыто призвали последних «во имя успеха национального дела» политически сплотиться у порога новой войны со своими соседями по кавказскому региону и установить «тесное сотрудничество с гитлеровской Германией».

В сентябре того же 1936 г. прошла сессия Кавказской конфедерации, на которой были заслушаны доклады представителей Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, Туркестана и Украины. Поддержанные польскими и другими западными «спонсорами» «прометейцы» решили начать фронтальное наступление против СССР на международной арене. 25 сентября председателю XVII заседания Лиги Наций Сааведра Ламасу они представили чрезвычайный документ, а 28 сентября — меморандум и пакт, подписанный представителями Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа. В меморандуме отмечалось, что «кавказские народы, борющиеся за независимость, уверены в поддержке прогрессивного человечества в их борьбе с мировым злом большевизма».

Последующий ход событий показал, что экспозитуре № 2 все же не удалось сохранить доминирующие позиции в «прометейском» движении. Большая часть «прометейских» деятелей стала оказывать важные услуги немецкой разведке, тем самым превратившись в гитлеровскую агентуру внутри клуба «Прометей», что вполне прояснилось в 1937–1938 гг. Гитлеровская агентура внутри «прометейской» организации стремилась отстраниться от влияния на те эмигрантские группировки, которые по разным причинам не сотрудничали с немцами (например, грузинские социал-демократы и петлюровцы). Причиной этого было все большее обострение и без того затянувшихся конфликтов, интриг и раздоров среди «прометейской» эмиграции. Вполне симптоматично, что «двуйка» закрывала глаза на вполне очевидные факты все более и более глубокого проникновения немецкой разведки в «прометейские» ряды.

1937–1939 ГОДЫ

Польская буржуазия до прихода Гитлера к власти рассчитывала на то, что примет вместе с немцами, как их более или менее равный союзник, участие в антисоветском «крестовом» походе. Точно такой же была и линия деятельности экспозитуры № 2.

Немцы хорошо улавливали эти тенденции. Учитывая то обстоятельство, что перед Второй мировой войны до 40 % польского населения составляли нацменьшинства (в том числе и польские «фольксдойче»), нацистская Германия заключила с Польшей 5 ноября 1937 г. договор о регулировании отношений по нацменьшинствам в обеих странах, тем самым усыпив бдительность польской дефензивы. Мечты стратегов «двуйки» нашли яркое отображение в письме от января 1939 г., адресованном центральному представителю экспозитуры № 2 в Берлине Камилу Сейфреду:

«...Скоро должно дойти дело до вооруженной борьбы Германии с Россией — теоретически — не более, чем в течение двух лет, но, если подвернется благоприятный случай, это может произойти и гораздо быстрее...

Германия... имея против себя единый фронт евреев, масонов, не считая широкий круг врагов от социалистов и демократов до евангелистов и католиков включительно, знает, что без участия или, по крайней мере, тайной поддержки со стороны Польши ликвидировать дело большевиков будет невозможно».

«Прометейская» деятельность была важнейшим вкладом Польши в дело создания такого союза.

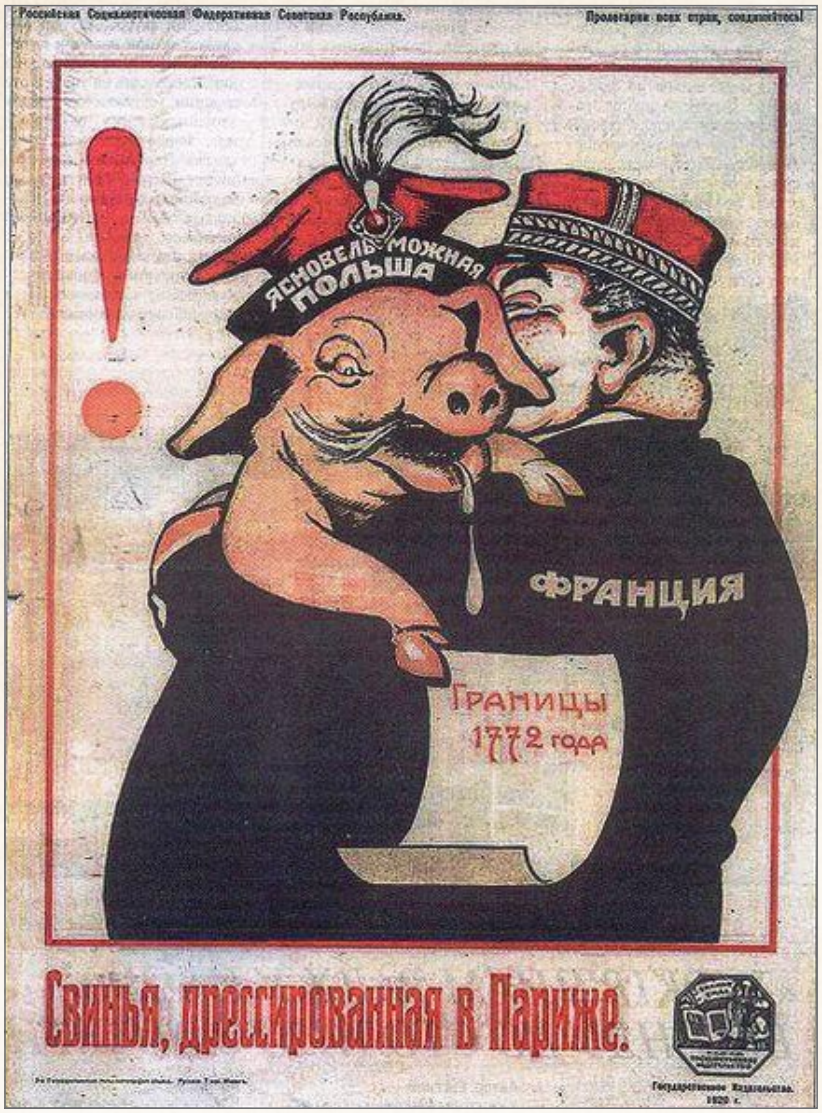
По мнению одного из ведущих «двуйчиков» — капитана Незбжицкого, — «прометейская» работа была показательным моментом особой значимости Польши среди других антисоветски настроенных буржуазных государств. Стоит заметить, что в проведении такой «работы» Варшаве серьезно способствовало опрометчивое решение Исполкома Коминтерна о роспуске польской Компартии, принятое летом 1938 г. на основе сфабрикованного в недрах НКВД (и завизированного наркомом Н. И. Ежовым) ложного обвинения руководства ПКП в предательстве и антисоветской шпионской деятельности.

В связи с приближением войны разложение в «прометейских» организациях стало уже вполне заметным. Наиболее активные деятели (Менагаришвили, Гвазава, Чокаев, Такаишвили) выступали за «Прометей», открыто признавая себя при этом гитлеровскими агентами.

В этих обстоятельствах представитель экспозитуры № 2 в Париже Владислав Пельц подтвердил, что 15 лет работы и издержек пошли прахом. По его мнению, «живого существа (из „Прометея". — *Авт.*) создать не удалось».

«Прометейские» предводители — горстка политических авантюристов, служащих разным разведкам, — окончательно истощили свой престиж. Внутреннее содержание жизни «прометейских» организаций составляли споры и свары, а печатные издания, по Пельцу, служили им ареной. Разные эмигрантские объединения постепенно таяли по причине рассредоточения эмиграции по разным концам света в поисках заработка.

В связи с приближавшейся войной и банкротством всех предыдущих усилий были предприняты попытки генеральной реконструкции и оживления «прометейской» работы. Это нашло выражение в проектах 1937–1938 гг. того же Пельца по реформированию журнала «Прометей»



и агентства «Ofinor», сопровождавшихся привлечением новых сил, разрешением конфликтов, расширением сферы влияния и т. д.

В то же время, то есть в 1938 г., другой поляк — «прометейский» деятель Владимир Бончковский — создал на фоне международной ситуации свой проект организации при Восточном институте центра, который должен был заниматься подготовкой военных диверсий на территории СССР. Работы по реализации проекта продолжались, согласно документам, вплоть до 1939 г. Насколько прочно они были связаны с германскими военными приготовлениями, свидетельствует следующий фрагмент текста проекта: «...С учетом быстро приближающегося момента актуализации прометейских мероприятий в плане их использования для активных акций на территории Отечества (то есть на территории советских и автономных республик СССР. — *Авт.*) исключительную важность получает такая организация, которая могла бы быть встроена в Восточный институт».

ФАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ПРОМЕТЕЯ»

Очень важным направление работы «Прометея» была пропаганда. Пропаганда, проводившаяся вне самого «прометейского» лагеря, была направлена на ослабление и изоляцию СССР, на дискредитацию советской власти в глазах западноевропейских народов. В целях внешней пропаганды в Париже в 1926 г. было основано издание на французском языке.

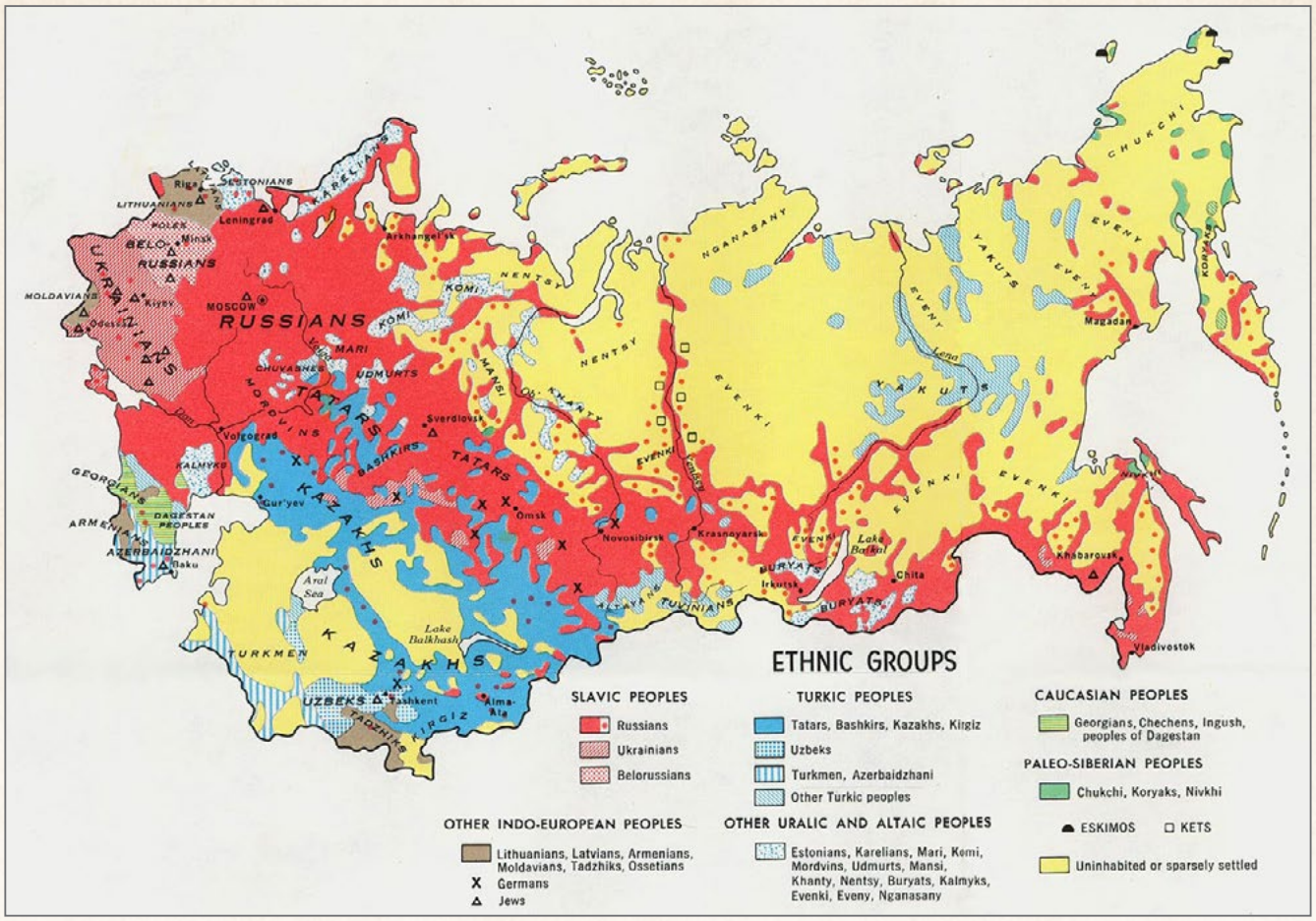
Подобные же задания выполнял и «Комитет дружбы», образованный в 1934 г. в Париже. В состав «Комитета дружбы», помимо представителей кавказской, украинской и туркестанской эмиграции, вошли представители буржуазной прессы, а также и некоторые буржуазные политики, как, например, Бирге (Birguet). Первым председателем комитета был избран бывший министр иностранных дел Грузии Акакий Чхенкели.

«Комитет дружбы», так же как и варшавский клуб «Прометей», проводил, не стесняясь в выборе средств, кампанию против СССР. В разные периоды времени эта кампания приобретала различные формы и размеры. Наиболее часто используемой формой были протесты и ноты. «Прометейские» организации выдавали их в большом количестве и посылали в Лигу Наций, дипломатам и политикам капиталистических стран. В нотах говорилось о «притеснении наций» в СССР, о «преследовании религий», о «голоде и терроре», царствующих там. В связи с признанием СССР разными капиталистическими странами, а также вступлением СССР в Лигу Наций в 1934 г., «прометейские» организации посылали свои протесты буквально во все стороны света.

Экспозитура № 2 2-го отдела ПГШ, которая устраивала почти все акции, направленные против СССР, старалась при посредстве прометейских деятелей объединить под флагом «прометеизма» довольно известных и выдающихся личностей.

Задания пропагандистского толка исполняло также агентство «Ofinor», которое, можно сказать, было и создано для этих целей. Оно было рупором «прометейской» уэрэловской эмиграции, направленным в сторону государств Западной Европы.

На территории Польши работало агентство «А. Т. Е.», а «Ofinor» распространял (по сути, дублировал) информацию «А. Т. Е.» во Франции и Швейцарии. Известия «А. Т. Е.» были насквозь пронизаны антисо-



▲ Этническая карта России

ветским ядом и исполнены клеветы на СССР.

Подобную же роль в Польше исполнял «Бюллетень польско-украинский». В задачи этого издания, помимо антисоветской пропаганды, входило также привлечение к «прометеизму» части западноукраинской буржуазной интеллигенции. Под научным прикрытием антисоветскую пропаганду проводил в действительности псевдонаучный ежеквартальник «Восток».

Стремясь заинтересовать польскую интеллигенцию задачами, ставившимися «прометеизмом», варшавский клуб «Прометей» организовывал доклады и дискуссионные вечера с приемами, на которые приглашались представители польского научного мира и интеллигенции. По инициативе экспозитуры № 2 варшавский «Прометей» организовал в Варшаве в 1936 г. антисоветское мероприятие под фальшивым прикрытием языковедческой конференции. Целью конференции была «демонстрация всему свету» политики денационализации, проводившейся СССР в отношении народов, входивших в его состав. На той конференции присутствовали представители «прометейских» организации, «двуичики», а также такие представители польского научного мира, как, например, министр Леон Василевский, директор Восточного института, член сейма Станислав Седлецкий, профессор Варшавского университета С. Понятовский, прокурор Верховного суда Польши О. Найман-Мижа-Крычиньский, директор ежеквартальника «Восток» Владимир Бончковский, а также литераторы Кароль Ижиковский и Тадеуш Желеньский. Постановления конференции были направлены в адрес Лиги Наций, дипломатам в Варшаве, Хельсинки, Париже, Лондоне и Женеве.

Процесс старения и ухода из жизни старшего поколения национальной эмиграции заставлял экспозитуру № 2 больше внимания обращать на молодых «прометейцев». Экспозитура № 2 желала целиком подчинить себе это молодое поколение и сотворить из него орудие польской империалистической санационной политики (на случай войны и падения советской власти). Поэтому экспозитура № 2 заботилась не только об общем и военном образовании молодых «прометейцев», но и навязывала им двуличную идеологию пилсудчины («национальный реализм» Пилсудского должен был стать их путеводной звездой, а ПОВ — наиболее совершенной формой организации на пути «осуществления устремлений к независимости»).

Именно об этом говорилось в плане Владислава Пельца от 17 августа 1937 г. по реорганизации «Прометея». Один из разделов плана так и назывался — «Ставка на молодежь». «Первым моментом, — читаем в этом документе, — является ставка на молодежь, вторым — использование ее националистического радикализма, третьим, наконец, установление идейной гармонии между молодежью и старшим поколением, а также установление контакта между „прометейской" молодежью из Западной Европы с молодежью, в первую очередь польской, а затем французской, итальянской и английской.

Националистический радикализм является в настоящее время, несомненно, элементом наиболее мобилизующим, и концентрация активных сил молодой „прометейской" эмиграции на националистической базе соответствует насущнейшим нуждам сегодняшнего дня, так как, призывая в боевые ряды наиболее активный элемент, она оживляет „прометейское" движение, вырывая его из прежней пассивности.

Этим путем выявляются сильнейшие стремления к независимости, мобилизующие на непримиримую борьбу с Россией, вводится момент необходимости пересмотра политической позиции старшего поколения и его ошибок во время последних боев за независимость. Исключается в будущем какая бы то ни было дискуссия с русскими левыми, не говоря о русских националистических группировках, и, наконец, выявляется стремление создать и укрепить национальное единство на базе уничтожения распыленных местных отличий...»

Говоря далее об особой привлекательности для «прометейской» молодежи лозунгов национального радикализма, Пельц в то же время пускается в сбивчивые рассуждения о наиболее подходящем для «Прометея» и Польши «стиле национализма» среди молодежи. Надо стремиться к тому, утверждает он, чтобы при воспитании молодого поколения и создании идейных фундаментов «избежать опасных подводных скал в форме националистических перегибов (стиль гитлеризма), а также чрезмерного социального радикализма. Наша задача состоит в том, чтобы отвлечь эмигрантскую молодежь от такого рода национализма, представителями которого являются в эмиграции, например, Карумидзе или Баммат, и тем самым сделать „прометеевскую" молодежь в максимальной степени духовно независимой от германской или итальянской идеологии (выделено нами. — *Авт.*). Чтобы успешно противодействовать этим опасным крайностям, следует вести пропаганду среди „прометейцев" за национализм в стиле Пилсудского. Сама по себе борьба за независимость, которою вел маршал Пилсудский, имеет для эмиграции большую агитационную силу и вызывает среди молодежи желание повторить путь, указанный Пилсудским, и добиться независимости».

Рекомендация Пельца активнее использовать молодежь в подрывной деятельности против СССР нашла полное понимание у его коллег в польской «двуйке» и высшего руководства Речи Посполитой. Однако его советы относительно желательности дистанцирования от идейных установок национал-социализма и фашизма при воспитании молодых кадров поддержки не нашли. Напротив, после смерти Пилсудского отчетливо проявилась тенденция ко все более тесному сотрудничеству духовных преемников маршала и руководимых ими польских спецслужб с гитлеризмом.

Экспозитура № 2 инспирировала спор между «прометейскими» поколениями. Молодые, выступая против «радикализма» старших, противопоставляли «радикализм общественный» и «радикализм национальный», как это имело место особенно среди грузинской эмиграции. И, несмотря на то, что в экспозитуре № 2 знали о том, что такая политика ведет к потере ее влияния на другие фашистские организации, ее руководство декларировало во внутренних документах, что посредством собственного очищения и увеличения финансовых источников ей удается усилить влияние на «Прометей». В основном экспозитура № 2 ориентировалась на молодые «прометейские» генерации. Реорганизация парижского «Прометея» в 1937–1938 гг. произошла, собственно, при помощи молодых ее членов.

Важным фактором или стимулом, который мог привлечь «прометейскую» молодежь к польской разведке, была стипендия. Основание для получения стипендии давала антисоветская деятельность в «прометейских» либо иных связанных с ними организациях. Эта стипендия выплачивалась Министерством просвещения и религиозных вероисповеданий в размере от 150 до 300 злотых. Утверждала стипендию только экспозитура № 2 2-го отдела ГШ ВП.

Особое значение в «прометейской» работе отводилось подготовке офицеров-контрактников. Они набирались из национальной эмиграции и принимались на службу в Войско Польское главным образом для обеспечения национальных центров кадрами военачальников на случай, если бы там произошло контрреволюционное восстание.

В качестве первых офицеров-контрактников в 1921–1923 гг. были приняты грузины. В разные периоды их число в польской армии колебалось от 35 до 80 человек. Так, в 1922 г. по личному распоряжению Пилсудского в польские вооруженные силы на обучение было принято 42 офицера и 48 подхорунжих по контракту. Грузинские военные оставались в подчинении генерала А. Захариадзе — командующего грузинскими вооруженными силами эмигрантского правительства. Грузины проходили курс обучения в нескольких военных школах Польши: Инженерной и Офицерской школах пехоты, Центре обучения автомобильных войск, Высшей военной школе, Военном институте географии, Высшей артиллерийской школе, Школе офицеров и пилотов в Торуни, Корпусе контролеров Военного министерства. Центральной кавалерийской школе. Школе подхорунжих 6-го пехотного полка легионов в Вильно, Центральной школе младших офицеров пехоты.

Перед военным руководством Польши встала проблема определения статуса грузинских военных в связи с необходимостью выполнения 5-й статьи Рижского договора, запрещавшей поддержку организаций, имевших целью борьбу против другой стороны. ***«Грузинские офицеры, прибывающие в Польшу на обучение, были приняты как служащие демократического грузинского правительства»***, — значилось в сообщении МИД.

В 1927 г. (на основе обращения президента УНР А. Левицкого от 1926 г.) по контракту были приняты петлюровцы в числе более 30 человек, После этого существовали еще небольшие группы офицеров-контрактников из Азербайджана и Горного Кавказа.

Офицеры-контрактники подчинялись персонально высшим офицерским чинам среди офицеров контрактников своей национальности, а кроме того, экспозитуре № 2, которая решала вопросы о принятии на службу, увольнении или переводе офицера. Офицеры-контрактники принимались на службу в армию, несмотря на возражения со стороны высших военных властей Польши, которые боялись, что они займут место соотечественников, не имея соответствующей квалификации и права быть допущенными к мобилизационной работе. Тем не менее, благодаря проведению общей линии «прометейской» политики офицеры-контрактники по-прежнему использовались в польской армии.

АГЕНТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

В ходе работы с архивными документами польской разведки удалось обнаружить сравнительно небольшой объем данных об агентурной работе экспозитуры № 2 на территории СССР. Это, конечно, совсем не означает, что таковая работа велась с малой интенсивностью. Ведь Советский Союз, как уже отмечалось выше, занимал в планах польской «двуйки» первостепенное место. Скорее всего, оригинальные документы с этими данными в конце 1939 — начале 1940 г. попали в руки немецких и английских спецслужб (что дало им возможность активно и широко использовать в течение всей Второй мировой войны «прометейскую» агентуру в своих интересах). И все же обнаруженные отдельные надежные сведения позволяют составить представление о методах и целях деятельности «прометейской» агентуры польской разведки в советском тылу.

Проводившаяся экспозитурой № 2 агентурная работа в СССР, особенно в 1930–1939 гг., имела в целом иной характер, чем других известных нам подразделений «двуйки», деятельность которых была рассчитана на немедленный результат, то есть на добывание информационных материалов. Об этом свидетельствует дело резидентуры «Грузин» от 1925 г., подчинявшейся реферату «Б-1» (предшественнику позднейшего реферата «Восток») и организованная Шетцелем и Голувко. Во главе нее стоял А. Ассатиани — видный представитель грузинской эмиграции, действовавший в то время в Турции — непосредственно в районе советского приграничья. Чем практически занимался Ассатиани, неизвестно. К его заданиям относились как сбор ценных сведений, так и ведение контрреволюционной пропаганды в Грузии и еще более — «секретная военно-политическая работа» (сигнатура W-22), которая, скорее всего, заключалась в создании диверсионных или же повстанческих организаций.

Как следует из документов, восстания на Кавказе в 1924 и 1929–1932 гг., а также движение басмачей были инспирированы эмиссарами-эмигрантами, являвшимися агентами экспозитуры № 2.

На добывание учетных материалов была направлена работа так называемой II секции штаба УНР, созданного в 1927 г. В делах сохранились два доклада украинской разведки от 1932 и 1933 гг. И хотя они не содержат имен агентов, однако же оставляют впечатление, что II секция штаба УНР исполняла функцию приграничной разведки, подобно офицерским постам разведки КОР, а ее агентура состояла из перебежчиков, кулаков и т. п. элементов.

Следовавшие один за другим удары советских органов безопасности, как следует из дел экспозитуры № 2, таковыми были ликвидация «Союза вызволения Украины» и организации академика Ефремова на Украине, Вели Ибрагимова в Крыму, Султан-Галиева в Татарской АССР, Касымова в Туркмении, а также происходившие в огне обострившейся классовой битвы сужение и изоляция классовой базы разведки в советских республиках и возможностей этой базы вынудили экспозитуру № 2 и зависимые от нее эмигрантские центры сменить свою тактику.

Обозначилась значительная разница в конспирации «прометейской» и другой агентуры 2-го отдела ГШ, действовавшей в СССР. На участке действия военной антисоветской разведки (например, по линии реферата «Восток») агентурой не дорожили. Это следовало из положения, ясно сформулированного руководителем реферата «Восток» 2-го отдела капитаном Незбжицким, которое гласило, что подозрительным в инспирации со стороны ГПУ является всякий агент, который, несмотря на интенсивную работу советских органов безопасности, не оказался после проведения нескольких оперативных встреч арестованным, но, напротив, по-прежнему продолжает действовать и доставлять сведения.

Характерным в этой связи является то, что даже работа II секции штаба УНР, вероятно, в 1934 г. была заморожена, хотя она и располагала ценной агентурой.

Такое отношение к «прометейской» агентуре, несомненно, было обусловлено тем, что в планах антисоветской войны ей отводилась роль агентуры МОВ, то есть предназначенной для использования прежде всего в момент начала военных действий в виду неуспеха планов развала СССР изнутри. Сотрудник экспозитуры № 2 в 1938 г. так объяснял эту проблему: «Застопорилась «проме-

▲ Жордания Ной

тейская» деятельность и в Польше постольку, поскольку общие политические условия и ситуация в самих «прометейских» странах (т. е. в советских республиках) не позволяли развиваться этой деятельности. После недавно подавленных больших восстаний на Кавказе (1929–1931), разгрома антисоветских организаций на Украине, неудач многочисленных партизанских войн в Туркестане и прочих фактах имевших место в других краях было невозможно какое-то время рассчитывать на проведение акций по засылке эмиссаров, и поэтому нам оставалось только стараться сохранить контакты и влияние».

Вот эти-то замороженные контакты и были предметом особой конспирации. В делах, если только речь идет о важных политических контактах, называются только лица, уже ликвидированные (и то лишь имена тех, кто использовался в данной конкретной разработке). В цитированном документе «Польско-прометейские отношения» попадаются, однако же, отдельные данные, и если им верить, то в 1938 г.:

«...Организация крайова в СССР украинская, несмотря на деконспирацию многих ее отделений («Союза вызволения Украины»), существует по-прежнему...

На Кавказе подобная организация существует и создает хорошо законспирированные революционные комитеты; в Грузии они действуют согласно инструкциям, исходящим от правительства Ноя Жордании в Париже, в Азербайджане продолжает свои акции тайное руководство партии «Мусават»...

Туркестанцы имеют весьма многочисленную эмиграцию в Афганистане, сохраняющую контакты с родиной и поддерживающую там неугасающее восстание и так называемые набеги басмачей, которые в действительности проводятся собственными руками предводителей небольших групп как диверсионные акции».

Из одного документа 1937 г., носящего весьма случайный характер, мы узнаем, что агентом так называемого Грузинского национального центра был некий влиятельный врач из Тифлиса, бывший членом правительства Грузинской ССР — Апполон Урушадзе, который имел «хорошую репутацию» у советских властей как участник Октябрьской революции и сражений с оккупантами и контрреволюцией на Кавказе во время Гражданской войны.

Все это усугублялось с течением времени отрывом контрреволюционной эмиграции от происходившей социалистической эволюции советских народов, отрывом, проявлявшимся, между прочим, во все более слабом понимании психологии собственных народов и в отмирании старых контактов, и вело к тому, что даже по мнению трезво оценивавших ситуацию сотрудников экспозитуры № 2 вожди контрреволюционной эмиграции не могли бы в начале войны выполнить основного задания — поднять контрреволюционное восстание. Еще меньше могли бы сделать советские обыватели, особенно занимавшие ответственные должности в аппарате СССР.

Агентура в СССР находилась на связи с эмигрантскими национальными центрами, а не с польской разведкой. Каждая эмигрантская группа поддерживала связь с помощью собственной сети связи. Связь на Украине осуществлялась через Польшу и Румынию, в Крыму — через Румынию и Турцию, в Поволжье — через Финляндию.

В делах имеется довольно конкретный документ о грузинской сети связи через Иран. Помимо этой сети, связь через советско-турецкую границу в 1937 г. осуществлял некто К. Масхарашвили, проживавший в Стамбуле.

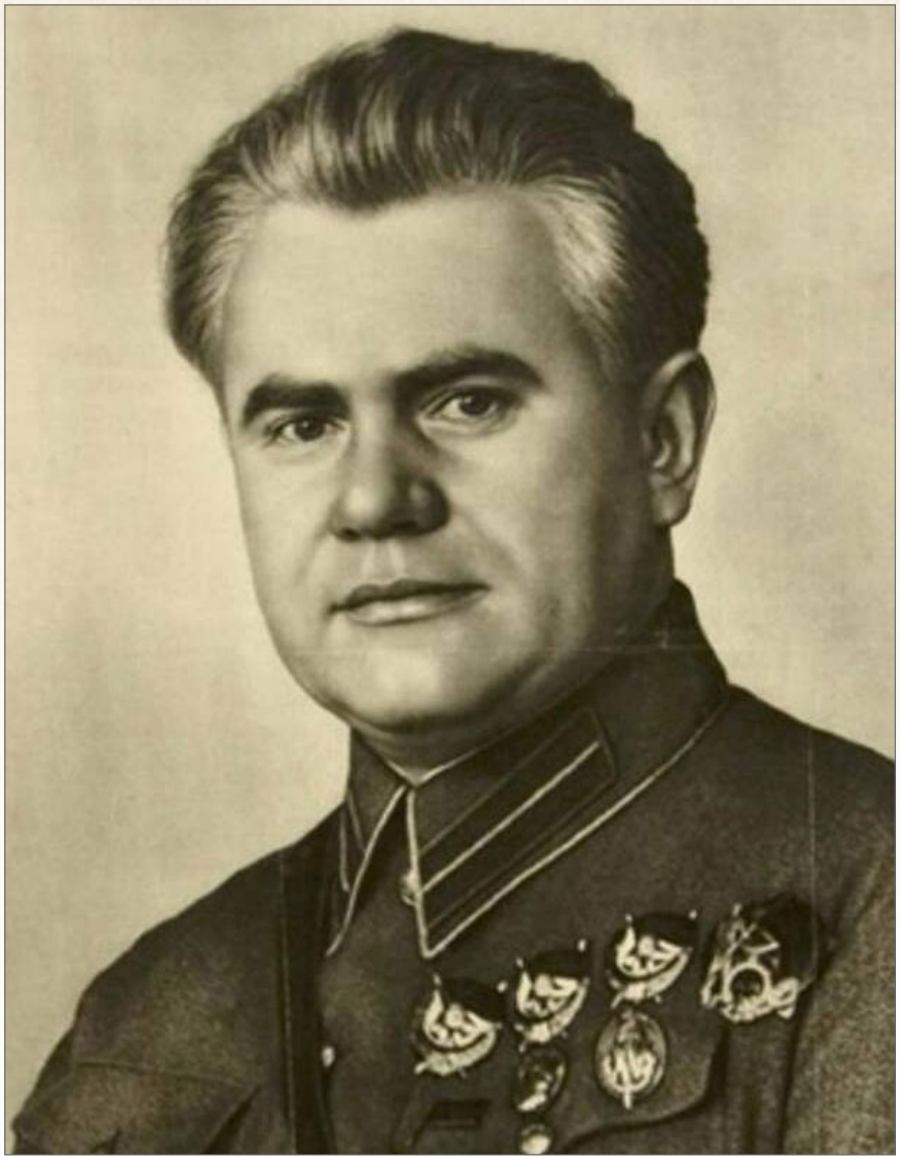
Экспозитура № 2 имела свои резидентуры в польских дипломатическо-консульских представительствах в СССР. Известно о двух таких ре-

зидентурах. Руководителем одной из них был вице-консул в Тифлисе Ксаверий Залевский. На чем конкретно основывалась работа этой резидентуры и какова была ее роль в агентурной деятельности экспозитуры, установить не удалось. Единственным известным нам моментом деятельности Залевского является факт его посредничества в 1937 г. в оживлении ранее замороженного контакта между уже упоминавшимся врачом Урушадзе и Ноем Жорданией.

Другой резидентурой управлял вице-консул в Киеве в 1932–1936 гг. Петр Курницкий. Курницкий был тесно связан с экспозитурой № 2, где в годы, предшествовавшие его деятельности в Киеве, был деятелем Ориенталистического кружка молодежи, а затем, по его откомандированию в МИД, сотрудничал с экспозитурой № 2 в плане реорганизации Восточного института, а также в организации античешской диверсионной операции «Lorn» («Лом»). Характерным, однако, является тот факт, что о деятельности Курницкого в Киеве дела экспозитуры № 2 не содержат упоминания, а сведение о его сотрудничестве с экспозитурой № 2 находится в делах реферата «Восток». Упоминавшийся выше руководитель реферата «Восток» капитан Незбжицкий в переписке с другим «двуйчиком» объясняет невозможность отзыва Курницкого из Киева тем, что он там выполняет работу для Харашкевича. Какую именно работу, Незбжицкий не уточняет — заключалась ли она в контактах с агентурой или также в написании разработок, например, о национальной ситуации в Советской Украине.

Стоит, однако, обратить внимание на ту подробность, что Курницкий точно информировал реферат «Восток» об аресте Сохацкого, Скарбека, Политуры, Лапинского-Михайлова — политэмигрантов, которые прибыли в СССР якобы для проведения продолжительной провокации в Компартии Польши и Компартии Западной Украины. Сведения о них Курницкий получал от членов семей польских эмигрантов, проживавших в УССР. Между прочим, он получал их от тестя Скарбека — Бжозовского, которого называл полковником.

Вообще польская разведка и пествовавшиеся ею агенты-«прометейцы» довольно часто прибегали в своих подрывных акциях против советской стороны к политической провокации. В силу ряда (в том числе объективных) обстоятельств весьма удобной «площадкой» для отработки этого способа как раз и являлись компартии Польши, Литвы, Западной и Закарпатской Украины, а также Западной Белоруссии. Речь шла не только о проникновении большого числа польской («прометейской») агентуры в ряды и аппараты названных партий, что во второй половине 1930-х гг. привело к их ликвидации. Нередко эмиссары и курьеры экспозитуры № 2 использовали документы и каналы связи этих партий (а также, что значило практически то же, документы и каналы связи Коминтерна); под видом «коммунистических агентов» они пересекали польско-советскую или румыно-советскую границу, а затем, установив контакты с местными бандитами и прочими темными элементами, творили порученное им дело по проведению акций саботажа и диверсий, жестоких убийств и т. п.,



▲ Балицкий В.А.

а также расширению рядов своих сторонников. В существенной мере этой подрывной и провокационной деятельности способствовала особо напряженная обстановка в западном приграничье СССР.

Примечательно, что советские органы госбезопасности, организуя противостояние иностранным разведкам (прежде всего польской), часто действовали через собственную агентуру в кругах национально-политической эмиграции и ее политических центрах. Используя дипломатические возможности, советские российская и украинская дипломатии развернули совместно с органами ОГПУ — НКВД (а также ОМС ИККИ) активные мероприятия, направленные на развал организованной националистической эмиграции и агитацию в ее среде за возвращение эмигрантов на родину. Только НКИД УССР еще до образования Союза ССР провел значительную работу по разложению военнослужащих армии УНР, подразделения которой дислоцировались в Польше и Чехословакии, вследствие чего три из восьми тысяч бойцов вернулись в УССР.

К развалу эмиграции подключилась и советская внешняя разведка — Иностранный отдел ВЧК и ВУЧК (с 1922 г. — ОГПУ и ГПУ УССР). Одной из главных функций резидентур советской разведки (они представляли собой своеобразные «посольства в посольствах», а в последующей перемене их статуса обозначилась ведомственная борьба между ВЧК-ОГПУ и НКИД) было агентурное проникновение в эмигрантские политические круги и их последующее разложение; особенно это касалось эмиграции из тех республик, которые после 1917 г. успели объявить о своей государственной независимости или особом автономном статусе с последующим правом на обретение политической самостоятельности.

Говоря иными словами, созданное польской «двуйкой» «прометейское» движение, включая все его организации и разветвленные структуры, изначально находилось в сфере особого внимания Москвы (Лубянки). Уже в 1920-е гг. набирал обороты процесс по вербовке и «перековке» «прометейских» кадров. Весьма эффективным оказался применявшийся чекистами (по образцу задействованной в операции «Трест» организации «М», или МОЦР) метод легендирования антисоветских подпольных организаций. Так, в середине 1920-х гг. в Одессе и Харькове органами ГПУ УССР была создана легендированная организация «Консул», аналогичные разработки имели место в Житомире, Киеве, Минске. В конце 1920 — начале 1930-х гг. ведомство украинского наркома внутренних дел В. А. Балицкого провело целую серию громких разоблачительных процессов, широко освещавшихся в советской печати, на которых был предъявлен обширный компромат против польской разведки и ее украинской националистической агентуры.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЭКСПОЗИТУРЫ № 2 С ИНОСТРАННЫМИ РАЗВЕДКАМИ

Экспозитура № 2, разыскивая союзников среди других спецслужб и правительств для осуществления своих антисоветских планов, в разные периоды опиралась на разные группы государств — в зависимости от текущей политической и экономической конъюнктуры. Ее неизменными союзниками оставались разведслужбы лимитрофных стран Балтии (исключая Литву) и Финляндии, в которых накал антисоветских настроений всегда был очень высоким. Также постоянным, хотя и основанным не столько на взаимности, сколько на сугубом прагматизме, было сотрудничество экспозитуры № 2 (и других структур реферата «Восток» 2-го отдела ГШ) с коллегами из Румынии, Венгрии и Чехословакии, а также Турции, Ирана, Афганистана и Северного Китая (Маньчжурии). Поскольку разведки названных стран действовали против СССР главным образом посредством проживавших на их территории эмигрантов-националистов, то крайне удобным и выгодным для взаимодействия с ними было использование польской «двуйкой» такой мощной организации, как «Прометей». (В известном смысле в данном отношении, работая через эмигрантские центры и организации на территории других государств, польская разведка повторяла опыт советской).

Поэтому руководство экспозитуры № 2 охотно соглашалось и даже инспирировало то, чтобы «прометейские» деятели пользовались одновременно материальной и иной помощью и со стороны иных правительств. Это создавало весьма своеобразную ситуацию, когда временами значительное число агентов и даже кадровых сотрудников экспозитуры оказывалось двойными и тройными агентами иностранных спецслужб. Такое положение дел сильно напрягало дефензиву (и в материальном, и в рабочем плане), заставляя ее подозревать всех и вся, держать в постоянном поле зрения весь кадровый состав разведки, но при этом, похоже, более всего ее интересовал один вопрос — не является ли тот или иной агент или офицер экспозитуры советским шпионом.

До 1933 г., то есть до момента прихода к власти Гитлера, ориентируясь на союзников, руководство экспозитуры № 2 все же более тяготело к Франции и Англии. Экспозитура № 2, заботясь о сохранении контактов с «краем», то есть с советскими республиками через национальную эмиграцию, стремилась также, особенно через кавказскую эмиграцию, привлечь к этому Турцию. Хотя серьезных результатов в этом плане в Турции достигнуто не было, однако же контрреволюционная эмиграция действовала там, опираясь на резидентуры экспозитуры № 2, а также при тайном признании со стороны турецкого правительства.

Непосредственных доказательств сотрудничества с Германией архивные дела не содержат, однако, несомненно, материалы проливают свет на тот факт, что такое сотрудничество, хотя и законспирированное, существовало. Известно, что в экспозитуре № 2 должность руководителя резидентуры «Ассад» в Турции зани-

мал Дубич-Пентер (Dubicz-Penther), обличенный на процессе Добошинского как германский шпион, советник МИД по делам «прометейским» с 1929 г. и один из виднейших деятелей польской «двуйки». О существовании польско-немецкого сотрудничества по «прометейской» линии можно судить только на основе архивных дел, датированных временем после 1933 г. Необходимо отметить, что это сотрудничество никогда не носило официального характера. В 1934–1935 гг. Берлин посетил целый ряд видных деятелей кавказской эмиграции, расходы которых были оплачены экспозитурой № 2. Цель поездки была установлена индивидуально для каждого руководителем резидентуры «Мильтон» в Париже майором Домбровским. На основе архивных материалов удалось установить, что в 1935 г. представитель Грузинского национального центра, один из руководителей Грузинской народной партии, а также редактор «Прометея» Георг Гвазава отправился в Берлин, где якобы выступил в качестве свидетеля в связи с арестом гестапо Карумидзе. В действительности Гвазава приложил много усилий для того, чтобы установить контакт с официальными либо же полуофициальными гитлеровскими кругами. Ему удалось-таки найти неожиданно доброе расположение со стороны д-ра Лейббрандта (Leibbrandt) — представителя НСДАП по национальным вопросам СССР, а также завязать отношения с д-ром Эртом (Ehrt) — председателем «Антикоминтерна», который пообещал ему присылать статьи для «прометейской» прессы. В последующий период грузинская эмиграция получила и материальную поддержку со стороны Германии. Об этом свидетельствует документ, в котором речь идет о том, что фашиствующая группа грузинских националистов, входящая в состав «Национального центра», а также и в состав «Прометея», издавала на немецкие деньги, которые поступали благодаря посредничеству Одихарии Халвы, ежемесячный журнал «La Georgie» («Грузия»).

Из источников советской внешней разведки стало известно, что в феврале — марте 1935 г. один из бесспорных лидеров северокавказской эмиграции Шамиль Саидбей, внук имама Шамиля, наладил контакты с немецкой разведкой. На одной из встреч с ее представителем в Стамбуле он заявил, имея в виду магометанский Кавказ, что ***«кавказский национализм по духу во многом родственен нацизму»***. Некоторое время спустя берлинская резидентура Заграничной организации (АО) НСДАП в Турции направила в центр докладную записку под общим названием «О результатах и перспективах разведывательной работы против СССР». Вот, на что обращалось внимание в этом аналитически тщательно проработанном документе:

«При установлении связи с эмиграцией из России, в особенности с представителями азербайджанцев, северокавказцев и туркестанцев, мы руководствовались тем, что эти эмигрантские группировки могут быть связаны с нелегальными ячейками единомышленников в Советском Союзе, служащими в различных госучреждениях и в Красной Армии.

Исходя из этих соображений, ***упомянутые эмигрантские организации представляют из себя самый подходящий материал для разведок иностранных государств, заинтересованных в свержении большевизма***. К этому необходимо добавить, что северокавказцы и азербайджанцы обладают к тому же хорошими связями в высших турецких правительственных учреждениях, в том числе в Генеральном штабе.

Вполне естественно, что ***мы не можем оставить неиспользованными вытекающие из этого возможности, тем более что после победы национал-социализма в кругах этой эмиграции стала появляться большая и ясно выраженная симпатия к новой Германии***.

Понятно, что организация азербайджанской партии Мусават обладает наибольшим опытом с точки зрения интересов разведывательной работы. К сожалению, ***до сих пор эта партия использовалась и контролировалась исключительно французской и польской разведками, и ее руководителей Расул-заде и М. Векилова следует рассматривать как агентов польской разведки...***

Учитывая, ***что польская разведка по Кавказу активно действует и с территории Персии*** (курсив наш. — ***Авт.***), мы намерены командировать доктора Джафар-Оглы в эту страну с целью создания там прочной базы для нашей разведки...».

Архивные материалы польской разведки позволяют утверждать, что летом 1935 г. ведущий деятель «кавказских горцев» Магомет Сунш-Гирей отправился в Берлин с организационными целями (его командировка финансировалась экспозитурой № 2). Из письма Сунш-Гирея, описавшего свое пребывание в Берлине, следует, что он встречался там с вышеназванным председателем «Антикоминтерна» д-ром Эртом, а также его членом — фон Дерингером. В состоявшейся между ними беседе они его заверили в том, что хотели бы установить тесный контакт с националистическим движением «кавказских горцев», а также что будут охотно посредничать в установлении его контактов с японцами. Сунш-Гирей согласился на сотрудничество с «Антикоминтерном», что же касается Японии, то он хотя в принципе и выразил свое согласие, но сокрушался по поводу ее недостаточной готовности к развитию такого сотрудничества, что, по его мнению, следовало из недооценки ею значения и роли эмиграции. Вслед за этим Сунш-Гирей встретился с д-ром Мейером Гайденхагеном (Meyer Heidenhagen) — референтом Имперского министерства пропаганды «по делам народов России». Гайденхаген, как и Лейббрандт, пожелал присылки в Берлин собственного представителя «горско-кавказской» эмиграции и заявил о том, что считает для себя честью установить с ним тесное сотрудничество. Как оплачивалось это сотрудничество в последующий период, точно установить

не удалось. Сунш-Гирей, однако же, заручился поддержкой со стороны гитлеровцев. Из донесения экспозитуры № 2 следует, что в 1939 г. Сунш-Гирей во время пребывания в Варшаве находился в тесном контакте с А. Копчиньским — сотрудником германского посольства в Варшаве.

Из документов экспозитуры № 2 также стало известно, что в 1935 г, Берлин посетил ведущий деятель крымских татар Джафар Сейдаметов — будто бы с целью выхлопотать у германских кругов согласие на учреждение там «Тюрко-татарского института». В действительности же речь шла об установлении тесного сотрудничества с гитлеровцами, что нашло подтверждение в беседах, проведенных им с теми же лицами (Лейббрандтом, Эртом и др.).

Туркестанская эмиграция в лице Чокаева Мустафы-оглы также проявила еще в 1933 г. стремление в плане установления контактов с гитлеровской Германией, а также (в 1935 г.) с Японией. Сотрудничество с Японией должно было идти в направлении синхронизации военного выступления Японии против Советского Союза и вооруженного восстания в Туркестане. Также в этой связи точно не установлено, в каком именно направлении развивалось это сотрудничество и сколькими контактами с японцами смогла воспользоваться туркестанская эмиграция.

О финансовом и политическом сотрудничестве экспозитуры № 2 с гитлеровской Германией и фашистской Италией свидетельствует деятельность руководителя агентства «Офинор» Михаила Еремиева. В 1935–1936 гг. Еремиев установил контакт с редактором гитлеровского еженедельника «Volker Bund» («Народный союз») Вильгельмом Шэром (Wilhelm Schaer), доверенным лицом НСДАП, с целью взаимного обмена информацией. В 1937 г. Еремиев в письме в экспозитуру № 2 писал, что реализует политику «оси» Берлин — Рим, сотрудничая с соответствующими немецкими и итальянскими редакциями. В то же время он просит экспозитуру № 2 об оказании ему помощи в получении сведений о Советском Союзе, что должно было облегчить ему сотрудничество с гитлеровской Германией и итальянским «Антикоминтерном», активным помощником которого Еремиев уже являлся длительное время. Одновременно следует добавить, что Еремиев находился в близких отношениях с доверенным лицом Муссолини — д-ром Энрико Инсабато. Таким образом, он стал своего рода посредником между германской и итальянской разведками, с одной стороны, и с польским 2-м отделом ГШ — с другой.

Помимо Еремиева, роль звена, связывавшего польскую разведку со спецслужбами нацистского рейха и фашистской Италии, в 1930-е гг. выполнял грузинский «прометеец», убежденный сторонник расчленения СССР с иностранной помощью — Василий Садатиерашвили. Еще в 1926 г. активно включившись в тайную

▲ Петемкин В.П.

▲ Перацкий Бронислав

▲ Розенберг Альфред

▲ Гейдрих Рейнгард

подготовку военного переворота на Кавказе и Украине (который намечалось осуществить с помощью Англии, Франции, Польши, сторонников немецкого генерала Гофмана и части российской эмиграции), он вместе со своим соотечественником Карумидзе возглавил подрывную операцию по изготовлению миллиардов фальшивых рублей, каковые предполагалось забросить на территорию СССР перед началом военной акции. Однако об этих планах стало известно широкой общественности, и летом 1927 г. заговорщики были арестованы берлинской полицией. После открытого суда, приговорившего Садатиерашвили с сообщниками к незначительным срокам тюремного заключения, они бежали в Швейцарию. В 1933 г. новые власти рейха пригласили их вернуться в Германию, где они использовались в качестве «экспертов» в аппарате ведомства Р. Гейдриха (РСХА-СД). Затем, уже живя в Риме, Садатиерашвили выступал постоянным корреспондентом ряда нацистских газет, включая центральный орган НСДАП «Фелькишер беобахтер», являясь при этом сотрудником римской секции «Антикоминтерна», деятельность которой курировалась непосредственно начальником IV отдела управления по общим вопросам МИД Италии графом Видо. Садатиерашвили представил графу Видо конкретный план, предполагавший (под руководством итальянских и при участии турецких правительственных служб) организацию вооруженного восстания на Кавказе. Поддержать восстание, по мысли Садатиерашвили, должны были подразделения итальянской армии, переброшенные инкогнито в районы советско-иранской и советско-турецкой границы под прикрытием освоения расположенных там сельскохозяйственных и лесных концессий. Хотя этот откровенно авантюристический план так и не получил реализации, его содержание вскоре стало известно в Москве из донесений агентуры ИНО НКВД в Италии.

В 1936 г. по инициативе Владимира Бончковского и на деньги экспозитуры № 2 раз в две недели стал выходить «прометейский» журнал «Mysl Polska» («Польская мысль»), который, помимо «прометейской идеи», проводил открытую фашистскую пропаганду, став глашатаем гитлеризма перед польской общественностью. В то же время «Польская мысль» проводила активную борьбу против всех, кто говорил об угрозе национальной безопасности со стороны гитлеровской Германии.

Из архивного дела экспозитуры № 2 следует, что в 1936 г. в Польше находился в качестве гостя председатель «Антикоминтерна» д-р Эрт. Тогда он посетил Варшавский научный институт исследования коммунизма. В разговоре с представителями «прометеизма» в Польше д-р Эрт подчеркнул необходимость сотрудничества в борьбе против коммунизма, однако же он был против расчленения «белой России».

В августе 1938 г. Владимир Бончковский посетил Берлин с за-

данием установить официальный контакт с немецкими «политическими и научными кругами». Из отчета, написанного Бончковским после возвращения из Германии, следует, что он был принят целым рядом ведущих представителей гитлеровской Германии: д-р Кляйстом из бюро Риббентропа, д-р Мейером Гайденхагеном из МИД, д-р Лейббрандом — руководителем восточного отдела в бюро Розенберга (НСДАП), д-р Дерингером — зам. председателя «Антикоминтерна» и др. Согласно докладу Бончковского, эти встречи состоялись благодаря установлению им знакомства на почве обменно-издательской деятельности с генеральным секретарем немецкого «Общества по изучению Восточной Европы» («Gesellschaft zum Studium von Ost-Europa») и редактором журнала «Восточная Европа» («Osteuropa») д-ром Вернером Маркертом (Werner Markert). Он якобы смог организовать эти встречи.

Согласно оценкам Бончковского, в результате многих бесед он пришел к выводу о том, что отношение немецких «государственных лиц» к «прометеизму» создает общую платформу для деятельности в направлении расчленения СССР. Со стороны д-ра Лейббрандта было выражено пожелание, дабы «для более тесного польско-немецкого сотрудничества и контакта на основе решения задач „прометейско"-антироссийских» в Берлин был направлен польский представитель в качестве члена посольства либо же в какой-либо иной должности.

Следующим этапом на пути развития диверсионно-политического сотрудничества польского 2-го отдела с гитлеровской Германией стала реорганизация Восточного института в 1938–1939 гг.

Польско-немецкое сотрудничество в «прометейской» области особенно ясно показано в памятной записке В. Бончковского. Гитлеровский принцип «пятой колонны» находит в названой записке полное признание, когда речь заходит о формировании таковой в Советском Союзе с опорой на «прометеизм».

Заслуживает внимания документ экспозитуры № 2, из которого следует, что она отдавала себе полный отчет в том, что Германия стремится подчинить себе «прометейские» акции. Тем удивительнее факт приглашения экспозитурой № 2 немцев к установлению контактов с «прометейской» эмиграцией. В данном же отношении в документе подчеркивается факт заангажирования Японии как в политическом, так и финансовом плане для проведения «прометейских» акций, и все это по непосредственной инициативе польского МИД.

В документах экспозитуры № 2 довольно часто просматриваются попытки представить гитлеровскую Германию как прямого соперника в сфере «прометейской» деятельности. Однако, принимая во внимание характер политики пилсудчиков, проводившейся в этой области экспозитурой № 2, и учитывая такие принципиальные факты, как те, что были изложены в памятной записке Бончковского, а также инспирацию экспозитурой № 2 сотрудничества «прометейцев» с немецкой разведкой и особенно ведущую роль, какую исполнял в экспозитуре № 2 и в польском МИД немецкий шпион Дубич-Пентер, можно сделать вывод о том, что действительно существовало глубоко законспирированное сотрудничество экспозитуры № 2 с германской разведкой.

В Варшаве «прометейская» работа управлялась непосредственно центральным руководством экспозитуры № 2, а точнее сказать — самим Харашкевичем. За границей, в тех странах, где размещалась национальная эмиграция, экспозитура № 2 проводила «прометейскую» работу посредством резидентур, специально для этого организованных, а также с помощью прежних официальных дипломатических резидентур. В задачи резидентур входили поддержание тесной связи с предводителями разных эмигрантских групп, передача им инструкций и денег от центра и контрразведка на территории проживания этой эмиграции. К заданиям резидентур также относилось точное информирование центра о всем, что касалось эмиграции на месте ее проживания.

В Париже «прометейской» работой руководили последовательно следующие резидентуры («пляцувки») экспозитуры № 2; «Мартель» («Martel») I в 1928–1931 гг., руководителем которой был поручик Станислав Защвилиховский; «Роллэн» («Rollin») в 1931–1933 гг., руководитель — Станислав Глиньский; «Мартин» («Martin») в 1933–1934 гг. и «Мильтон» («Milton») в 1934–1937 гг., руководитель — майор Владимир Домбровский; «Велстон» («Welstone») в 1937–1939 гг., руководитель — майор Владислав Пельц, сотрудник-контрактник экспозитуры № 2, а до этого — руководитель и соучредитель «Прометея» в Харбине. В Константинополе руководителем резидентуры экспозитуры № 2 «Ассад» был в 1932–1937 гг. майор Кароль Дубич-Пентер, позднее ставший послом в Лиссабоне. В Праге руководителем резидентуры экспозитуры № 2 «Тарас» был в 1934–1937 гг. майор Ежи Кржимовский. В Харбине руководителем резидентуры экспозитуры № 2 «Хольский» был в 1934–1939 гг. консул Речи Посполитой в Харбине советник Александр Квятковский.

На территории СССР с экспозитурой № 2 сотрудничали дипломатические представители: Петр Курницкий — вице-консул в Киеве (1932–1936); Ксаверий Залевский — вице-консул в Тифлисе (1935–1937).

Следует отметить, что в действительности Польша планировала создать на территории Советского Союза гораздо больше собственных диппредставительств, под прикрытием которых могли бы действовать разведцентры «двуйки». «Программа деятельности в этом направлении, — отмечает в своем исследовании Т. М. Симонова, — была разработана МИД Польши при полном одобрении военного министерства. Предполагалось создать представительства в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Ленинграде, Чите, Ново-Николаевске, а также восстановить представительство в Минске — там польский представитель был арестован по обвинению в шпионаже.

▲ Шептинский Андрей

Признано было необходимым также восстановить польские канцелярии при итальянском консульстве в Тифлисе, при персидском консульстве в Баку и Эривани, а также на территории Дальневосточной республики. По мнению начальника Восточного департамента МИД Р. Кнолля, большой интерес для секретной деятельности в России могли иметь представительства в Ташкенте и Казани. „Казань можно было бы укомплектовать под флагом Красного Креста, — предлагал он, — а Ташкент — в составе какого-нибудь торгового представительства Лодзинской промышленности"».

БЮДЖЕТ

«Прометейская» работа финансировалась из специального фонда «N». На счет фонда «N» стекались дотации 2-го отдела ГШ, МИД и МВД Польши. Месячный бюджет, отпущенный на эту работу в 1936 г., составлял 7 091 228 злотых. В эту сумму не входили расходы на сотрудников экспозитуры № 2, которые этой работой руководили, а также на офицеров-контрактников, что составляло важный участок «прометейской» работы; сюда же не относились и затраты на выплату большей части стипендий, которые покрывались за счет фондов Министерства народного образования и религиозных вероисповеданий.

К сожалению, не сохранилось точных данных о бюджете, выделявшемся на финансирование «прометейской» работы в другие годы, однако известно, что, например, в 1930 г. фонды, выделенные на эти цели, были урезаны.

Подводя итог сказанному о «прометеизме», еще раз отметим ту исключительно важную роль, которую сыграли польские спецслужбы (и прежде всего экспозитура № 2 реферата «Восток» 2-го отдела ГШ) в создании, общем руководстве и разработке планов подрывной антисоветской и антироссийской организации «Прометей». Ни по своему кадровому составу (в количественном и национальном отношении), ни по размаху шпионско-диверсионной деятельности против СССР эта организация не имела каких-либо аналогов в 1920-1930-е гг. Даже когда у польской разведки возникали объективные финансовые и материальные трудности и ей приходилось обращаться за помощью к зарубежным правительствам и коллегам по «тайному антисоветскому фронту», она старалась не упустить из своих рук бразды правления «Прометеем» и многочисленные нити его агентурных сетей.

Не в последнюю очередь именно поэтому в самом СССР, против которого велась вся эта работа, к польской «двуйке» относились с обостренным вниманием. Руководители ВЧК-ОГПУ-НКВД постоянно ориентировали личный состав советских органов госбезопасности на необходимость противодействия едва ли не первостепенной угрозе, исходившей от польской военщины, польских подпольных диверсионно-террористических организаций типа ПОВ, в течение

длительного времени действовавших на территории СССР, и польской разведагентуры. При этом чекисты хорошо знали, что все эти инструменты антисоветской политики Польши активно опираются в своей работе на, как говорили тогда, «националистический кадр», формируемый главным образом из многочисленных политэмигрантов и перебежчиков. Само наличие данного «кадра» (читай — «прометейской» агентуры) в целом ряде государственных, военных, а также партийных и общественных структур страны рассматривалось в Кремле и на Лубянке как опасный вызов цементирующей основе советского строя — пролетарскому интернационализму. Не исключено, что опасения такого рода повлияли на принятие Сталиным в середине 1930-х гг. тезиса о «постоянном усилении борьбы с внутренними врагами по мере продвижения по пути строительства социализма», что привело к полосе жестоких репрессий в 1937–1938 гг.

Что касается судьбы «Прометея» и «прометеизма» после начала Второй мировой войны и временного территориального расчленения Польши, то имеются серьезные основания полагать, что часть «прометейской» агентуры вместе со своими кураторами — офицерами 2-го отдела ГШ Польши стала работать на английскую разведку, а другая, весьма значительная часть, перешла (вместе с архивами польской разведки) в непосредственное подчинение к Абверу и СД, где широко использовалась в различных разведывательно-диверсионных школах, подразделениях типа «Бранденбург-800», «Ягдфербанд-Ост» и таких организациях, как «Винета» и «Цеппелин». Вообще «особый вклад» самого основоположника новой Речи Посполитой, ее разведки и «Прометея» в борьбу с большевизмом и Россией был настолько высоко оценен Гитлером, что тот после оккупации Польши войсками вермахта, несмотря на причисление поляков к расово второсортным народам, приказал поставить в Кракове почетный военный караул у гробницы Юзефа Пилсудского в Вевельском замке. ■

▲ Гробница Пилсудского, Вевельский замок, Краков

АНДРЕЙ ВАДЖРА

ЧТО ТАКОЕ «УКРАИНСКАЯ НАЦИЯ»

▲ Самостийник

Из беседы с Андреем Ваджрой...

Первые ваши статьи появились в Интернете в августе 2005 года. Причем на начальном этапе вашего творчества почти все они были написаны в рамках цикла «РАСПАД». В связи с этим первый вопрос напрашивается сам собой: откуда взялось такое странное название? Где в первой половине 2005 года, когда у украинских граждан после победы «оранжевой революции» был пик эйфории, массового энтузиазма и надежд на лучшее, вы увидели процессы распада Украины?

Вы знаете, все гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Я не хотел бы ситуацию в Украине сводить к примитивным схемам политической пропаганды, выдаваемой за глубокий политологический анализ. Даже «оранжевая революция» это не причина, а следствие распада. Она его закономерный этап. Процесс распада Украины начался не во время «оранжевой революции» и даже не во времена Кучмы. Маховик разрушения Украины был запущен 24 августа 1991 года.

Прошу прощения, я так понимаю, вы имеете в виду события, так называемого августовского путча ГКЧП 91-го?

Вы почти угадали. Почти... Я имею в виду день провозглашения независимости Украины.

Вы хотите сказать, что распад Украины начался в момент провозглашения ее независимости?

Да.

Несколько неожиданное утверждение... И чем же это было вызвано? Почему Украина обречена на распад?

Все достаточно просто. Дело в том, что «Украина» — это сугубо советский проект. Если бы не железная воля большевистской партии, если бы не ее, так называемая национальная политика, ни «Украины», ни «украинцев» просто не было бы.

АНДРЕЙ ВАДЖРА, публицист, писатель, аналитик. Родился в 1971 году на Волыни (Украинская ССР). Окончил Киевский национальный университет им. Т. Шевченко. Работал в аналитическом отделе в высших эшелонах власти независимой Украины. Специализировался на анализе феномена «оранжевой революции», «Евромайдана», а также феномена Украины в целом как исторического, политического, культурного и цивилизационного субъекта. Автор работ по данной тематике. Служба безопасности Украины признала, что его деятельность «представляет угрозу для конституционного строя, безопасности и территориальной целостности Украинского государства». В 2015 году покинул Украину, живет в России. Современную Украину называет «фейковым проектом», обреченным на гибель из-за русофобии и национализма. По его мнению, странам СНГ нужно в первую очередь думать о воссоединении с Россией, в ином случае они окажутся жалкими сателлитами Запада. С началом операции на Донбассе переключил свое внимание на СВО, проводит активную пропагандистскую работу против ВСУ и киевского режима.

А что было бы?

Если бы не был нарушен естественный ход развития России, вместо нынешней Украины были бы малороссийские губернии России и малороссийская ветвь русского народа. Проще говоря — юго-западный край России.

За такие слова вас классифицируют как великодержавного русского шовиниста не только на Украине, но и у нас, в России.

Безусловно. Сейчас любое отклонение от официальной, казенной версии украинской истории, которая методично навязывалась народу последние 16 лет, будет квалифицироваться как происки врагов и идеологическая диверсия. Но кроме политической мифологии существуют еще исторические факты. Они могут кому то нравиться, а кому то не нравиться, но от этого они не перестают быть фактами.

Но главное в этом даже не то, что столько лет народ просто обманывают, а то, что мифология не способна заменить действительную реальность. При этом я хочу подчеркнуть, что политическая мифология не является злом сама по себе. Она заложена в фундамент любого государства. Но она начинает играть абсолютно деструктивную роль, когда ее главные постулаты полностью противоречат действительной реальности. В этом случае казенная ложь чиновников и политических фанатиков с карцерным сознанием сектантов способна какое то время ее камуфлировать, но затем наступит момент, когда реальность просто разорвет навязанную обществу мифологию. Сейчас это как раз и происходит в Украине. Жесткая оболочка официальной украинской пропаганды лопнула и начала стремительно расходиться по швам.

И что можно увидеть в образовавшихся прорехах?

Многие увидели Украину «украинскую» и Украину «русскую». Но это от элементарного невежества. Тот, кто хоть немного интересовался историей, а не повторял как попка пропагандистские бредни, четко видит не две Украины, а Малороссию и Галицию под общим камуфляжем названия «Ukraina». Причем названия, написанного не кириллицей, а латиницей.

Здесь, без всякого сомнения, я буду обвинен сознательными («свидомыми») украинцами в стремлении расколоть «нэньку». Их нежелание видеть реальность можно понять, но деться от реальности ведь все равно некуда. «Украина» — квазигосударство, созданное большевиками из юго-западных губерний России, а также австро-венгерских провинций Галиции и Буковины на основе польско-австрийско-германской идеологии особого «украинского» народа и отдельного государства «Украина». И сейчас мы можем непосредственно лицезреть эти искусственно сшитые куски под видом разных украин, столкнувшихся в политическом противостоянии.

Когда я говорю, что распад Украины начался в момент провозглашения ее независимости от СССР (а точнее — России), я имею в виду, что созданная большевиками в рамках советского проекта Украина как самостоятельное государство существовать не может. Для этого необходим новый проект, а он как раз и не возник. Создавать его было некому. Современная Украина — это продолжение советского проекта вне СССР. Она — не более чем осколок Российской империи, мятежная провинция, погрязшая в распрях новоявленной, тупой и алчной «шляхты» от сохи. Все годы «нэзалэжности» Украина существовала за счет безумного и бездумного потребления тех материальных ресурсов, которые ей достались от Советского Союза, и не полностью разорванных союзных связей с РФ.

Да, большевики собрали Украину из разных кусков, но на этих территориях проживают этнические украинцы. Это ведь тоже факт. Много веков украинцы были разделены границами, но от этого они ведь не переставали быть украинцами.

Боюсь, что вас неправильно информировали на сей счет. В связи с этим хочу задать вам вопрос: когда появились первые украинцы?

Я не готов так с ходу дать ответ, но думаю, что меня ожидает какой-то подвох.

▲ Малороссы

Ваше предчувствие вас не обмануло. Сейчас я начну говорить вещи, которые покажутся крамольными не только «свидомым» украинцам, но и вам. Вас это не пугает?

Нет. Скорее интригует.

Как утверждает официальная политическая мифология Украины, украинцы как этническая группа возникли чуть ли не в IX веке! Но вот незадача, ни в одном из исторических документов не упоминается такой народ как «украинцы». Там фигурируют только русские, русы, русичи, русины и т. п. синонимы слова «русские» (на основании которых, кстати, разные львовские «свидоми дослидныкы», продолжая развивать старые польские теории, «доказывают», что русские это не русины, а русины — это украинцы).

Вот, к примеру, как звучит фрагмент «лямента» (плача) Львовского ставропигиального братства, датированный 1609 годом: «Утяжелени естесмо мы, народ Русский, от народа Польского ярмом… чим бы толко человек жив быти могл, того неволен русин на прирожоной земли своей Русской уживати, в том-то русском Лвове». Значительно ранее, в 1075 году, грамота папы Григория VII называет Изяслава (сына Ярослава I) «Rex Ruscorum». В XIII веке Plano Carpini пишет о «Kiovia quae est Metropolis Russiae». Грамотой от 1246 года папа Иннокентий IV принимает Даниила Галицкого, Regem Russie, под свое покровительство. Перечислять документальные примеры ***ОТСУТСТВИЯ В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ ТАКОГО НАРОДА, КАК «УКРАИНЦЫ»***, можно бесконечно долго.

Упоминания об «украинцах», «украинках», «украинском» вы не найдете даже у апостола «свидомых» украинцев — Тараса Шевченко. И это понятно, в отличие от «свидомых», он просто не знал о существовании такого народа. В его текстах фигурирует лишь «УкрАйна» (с ударением на первую букву «а») — географическое название местности, где он родился. Причем использует он «УкрАйну» наряду с такими же географическими названиями, как «Волынь», «Галичина» или «Полесье».

Понимая, что с данным фактом спорить сложно, официальная пропаганда требует, чтобы все считали, что русские Киевской Руси на самом деле были не русскими, а украинцами. Но украинцами они якобы стали называть себя позже, чтобы как-то отличаться от русских, живущих в России, которые на самом деле не русские, а помесь татар с угро-финнами. И вообще современные «монголоиды-русские», с точки зрения «свидомой» украинской интеллигенции, очень подлые и коварные существа, ведь они у украинцев украли их исконное, древнее имя — «русские».

Точно так же ***В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ И ГОСУДАРСТВА С НАЗВАНИЕМ «УКРАИНА»***. В летописях упоминаются лишь «укрАйны» (с ударением на «а») Русской земли в смысле географического понятия со значением «пограничная земля». Для Киевского княжества ими были территории, граничащие с половцами, для Галицко-Волынского — с ляхами (которые упоминаются в летописях в 1187-м

и 1213-м). Точно такие же «укрАйны» были и у Московской Руси, те земли, которые лежали у границы донской и нижне-волжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта постепенно, путем военного противостояния, отодвигалась на юг, соответственно менялись и «укрАйны».

В Новгородской летописи от 1517 года читаем: «По королеву совету Жигимонтову приходиша крымские татарове на Великого князя украйну около города Тулы». В 1580 году государь отдает распоряжение о том, «как быть воеводам и людям на берегу [т. е. вдоль Оки. — А. В.] по украйнским городам от крымские украйны и от литовския». В 1625 году из Валуек [на юге от Воронежа. — А. В.] писали, что ожидают «приходу татар на наши украйны».

В Речи Посполитой понятие «украйна» в значении «пограничье» использовалось для обозначения территории Киевского, Брацлавского и Подольского воеводств, соседствовавших с Диким полем.

Россыпь квазигосударств-«украин» появилась только в начале XX века. Из них лишь советская Украина по милости Ленина продолжила свое странное существование.

Но на Украине, я так понимаю, верят в то, что украинское государство существует с самых древних времен?

Да.

И без всяких доказательств?

Религиозным людям не нужны доказательства. Они просто ВЕРЯТ в то, что им говорят их «свидоми» вожди.

Хорошо, допустим, вы правы. В таком случае когда появились «украинцы»? Ведь сейчас они существуют.

На самом деле первые украинцы появились в конце XIX века в австрийской Галиции. Туда, после разгрома польского восстания 1863 года, из юго-западных губерний России бежало большое количество польской интеллигенции. Очередное поражение вызвало у нее такой накал ненависти ко всему русскому, что мелкие маргинальные группы т. н. украинофилов под ее воздействием психологически мутировали из литературно-политического сепаратистского движения в «украинскую этническую группу», подчеркнув тем самым свою главную политическую цель. Иначе говоря, радикально настроенные галицийские «национал-демократы» («Молодая Украина») вдруг по политическим соображениям ОТКАЗАЛИСЬ ОТ СВОЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИМЕНИ «русин» и провозгласили себя «украинцами». После этого в Галиции началась «розбудова Украйины» путем промывки мозгов населению Прикарпатья.

Наблюдая происходящее, галицийский публицист Мончаловский в 1898 году во Львове издал книгу под названием «Литературное и политическое украинофильство», в которой прямо заявил о том, что «под влиянием враждебной русскому народу, но хитрой политики его противников первоначально чистое, литературное украинофильство… выродилось в национально-политическое сектантство, которое при благоприятствующих для него обстоятельствах могло бы принести много вреда русскому народу. Зло нынешнего украинофильства в том, что оно, под покровом «народничества», впрочем карикатурно извращенного, каплей по капле отравляет несведущих ложью…».

В те годы поляки мыслили масштабно. Им была нужна не просто нерусская, а точнее антирусская, Галиция, а плацдарм для атаки против России. Переделанные в украинцев, русские Червонной Руси должны были нести разлагающий яд сепаратистской пропаганды в глубь России и с течением времени сепарировать от нее Малороссию под видом «Украйины».

В 1892 году газета львовской польской шляхты «Przeglad» (№ 168) заявила на своих страницах следующее: «Если в чувствах малорусского народа существует сильная ненависть к России, то возникает надежда, что в будущем, при дальнейшем развитии этих чувств, будет возможно выиграть против России малорусский козырь… Такой эволюции нам, полякам, нечего бояться, напротив, мы бы допустили ошибку, если бы хотели запереть ей дорогу и добровольно отказаться от союзника в борьбе с Россией».

▲ Богдан Хмельницкий

▲ Грушевский М.

А спустя год, в 1893-м, уже не малороссы и даже не русины, а вышеупомянутые «молодые украинцы» Галиции выступили с политической программой действий (опубликованной в 1893 году львовской «Правдой»), в которой постулировалось: «Наука и жизнь украинского народа доказывает нам, что Украина была, есть и будет всегда отдельной нацией и как каждой нации, так и ей необходима национальная свобода для своего труда и прогресса». Далее авторы развивали свою мысль следующим образом: «Много людей начинали украинофильское движение, да не многие задержались на высоте идеи. Многое зависело от тех тяжелых обстоятельств, среди которых пришлось развиваться нашему национальному движению. Хотя украинский народ и имел в себе такие основания, что сразу мог поставить на совершенно верную нормальную почву идею культурно-национального возрождения Украины, но у начинающих не было такой силы, чтобы преодолеть обстоятельства, чтобы сразу стать украинской интеллигенцией, чтобы сейчас же создать и литературу, и науку, и все другие приобретения культурной жизни, чтобы фактами и своим существом доказать существование украинцев как отдельной, самостоятельной нации».

В конце тех же 90-х небольшая кучка «свидомых» энтузиастов во главе с профессором Грушевским в рамках работы львовского «научного Общества им. Т. Шевченко» за несколько лет напряженных усилий создала прототип нынешнего литературного украинского языка, а также нечто, что ими было объявлено украинской «наукой» и «литературой». Тем самым, по их мнению, блестяще доказав существование «отдельной самостоятельной нации украинцев».

Вы заявляете о том, что украинский язык, литература и наука имеют искусственный, имитационный характер, подчиненный политическим целям? Звучит очень жестко и радикально.

В духе российского великодержавного шовинизма? В таком случае российскими великодержавными шовинистами были представители русской (русинской) галицийской интеллигенции, которые весьма подробно описали процесс рождения «этнических украинцев», кто их родил и для чего. Читайте первоисточники, изданные во Львове в конце XIX — начале XX века.

И кто же их родил?

Международная политическая ситуация тех лет в Европе в целом и польско-австрийско-германские стратегические интересы в частности.

Звучит крайне сомнительно. Для борьбы с русскими можно создать партию, движение, штурмовые отряды, но как можно заставить несколько миллионов человек отказаться от своей национальной идентичности?

Очень просто: путем геноцида, этнических чисток, интенсивной «промывки мозгов». Для истории это не ново. Вот скажите мне, пожалуйста, где в Европе были созданы первые концентрационные лагеря смерти?

Насколько я знаю, в нацистской Германии.

Вы ошибаетесь. Первые европейские концентрационные лагеря смерти были созданы в Австро-Венгрии во время Первой мировой войны ***ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГАЛИЦИИ И БУКОВИНЫ.*** Туда австрийцы отправляли тех русских, которых не убивали на месте. Причем отправляли на основе доносов, прежде всего, новоиспеченных «свидомых украйинцив». Именно последние были главной движущей силой массового террора австрийцев. ***В ТО ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА МОГЛИ ПОВЕСИТЬ НА БЛИЖАЙШЕМ ДЕРЕВЕ, ЗАБИТЬ ДО СМЕРТИ ИЛИ РАССТРЕЛЯТЬ ЛИШЬ ТОЛЬКО ЗА ТО, ЧТО ОН РУССКИЙ!***

Тогда было уничтожено около 200 тысяч человек мирного населения! Им инкриминировали шпионаж в пользу России. Представляете!

200 тысяч шпионов и вредителей! Около 400 тысяч галичан потом бежали с отступающей русской армией в Россию. Это была страшная трагедия, о которой ничего не написано ни в одном украинском учебнике истории. А ведь убивали не только мужчин, но женщин и детей. Убивали русских независимо от их возраста и пола!

Странно, что об этом никто никогда не говорил. Как такое можно было замолчать? Если об этом нельзя ничего найти в учебниках, то где вы об этом нашли информацию?

Уже после войны узники австрийских концлагерей создали Талергофский комитет. Эта организация в 1924 году во Львове начала выпускать «Талергофский альманах». Было осуществлено издание четырех выпусков, в которых энтузиасты собрали документы и рассказы очевидцев о геноциде русского населения Прикарпатья.

Почему Талергофский?

Так назывался главный концентрационный лагерь (второй наиболее известный — Терезин), в котором мучили и убивали русских людей Червонной Руси. Тот, кто не был убит и не бежал, давал официальную расписку австрийским властям, что он не русский (русин), а украинец. Так путем этнических чисток и запугивания расширялась социально-политическая база «свидомых». Фактически украинское население современной Галиции и Буковины — это потомки тех русских манкуртов, которые не раз присягали на верность австрийскому императору Францу Иосифу, выказывая при этом страстное желание бороться с Россией.

А где факты?

Пожалуйста. 15 октября 1912 года депутат австрийского рейхстага Смаль-Стоцкий в своем выступлении «заявил от имени «украинского» парламентского клуба и «всего украинского народа», что после того, как все надежды «украинского народа» соединены с блеском Габсбургской династией, этой единственно законной наследницы короны Романовичей, — серьезной угрозой и препятствием на пути к этому блеску, кроме России, является тоже «москофильство» среди карпато-русского народа». В том же смысле высказывались от имени «всего украинского народа» с парламентской трибуны и депутаты-«украинцы» Васылько, Олесницкий, Окуневский, Кость, Левицкий и им подобные.

Приведу несколько цитат из первого выпуска альманаха. Уж простите за длинность, но это необходимо озвучить.

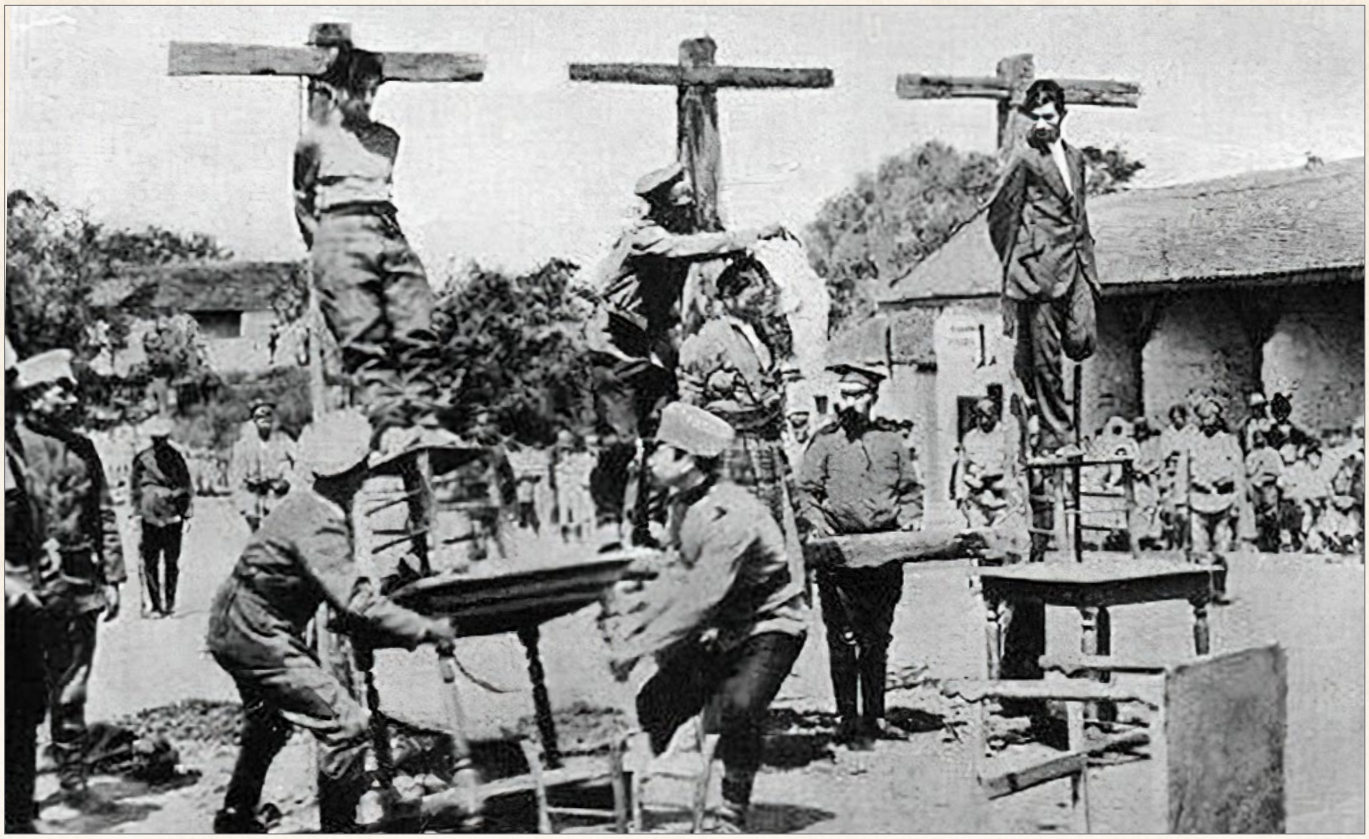
«Так, с первых же сполохов бури [I мировой войны. — А. В.], заранее обреченная на гибель, вся верная национальным заветам, сознательная часть местного русского населения была сразу же объявлена вне всякого закона и щита, а вслед за этим и подвергнута тут же беспощадной травле и бойне... Все наличные средства и силы государственной охраны и власти, вся наружная и тайная полиция, кадровая и полевая свора жандармов, и даже отдельные воинские части и посты, дружно двинулись теперь против этих ненавистных и опасных «тварей»... А за их грозными и удобными спинами и штыками привольно и безудержно засуетился также, захлебываясь от торжествующей злобы, вражды и хулы, и всякий уж частный австрофильский накипень и сброд, с окаянным братом-изувером — Каином несчастного народа — во главе... свой же, единокровный брат, вскормленный и натравленный Австрией «украинский» дегенерат, учтя исключительно удобный и благоприятный для своих партийных происков и пакостей момент, возвел все эти гнусные и подлые наветы, надругательства и козни над собственным народом до высшей, чудовищной степени и меры, облек их в настоящую систему и норму, вложил в них всю свою пронырливость, настойчивость и силу, весь свой злобный, предательский яд. И мало, что досыта, вволю — доносами, травлей, разбоем — над ним надругался, где мог, что на муки сам его предал и злостно ограбил дотла, но наконец даже, вдобавок, с цинической наглостью хама пытается вдруг утверждать, что это он сам пострадал...

А вслед за тем пошел уж и подлинный, живой погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти и вражде. [...]

Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то просто кто лишь был вымечен как «русофил». [...]

И, наконец, казни — виселицы и расстрелы — без счета, без краю

▲ Концлагерь Талергоф



▲ Талергоф. За то, что они русские

и конца. Тысячи безвинных жертв, море мученической крови и сиротских слез. То по случайному дикому произволу отдельных зверей-палачей, то по гнусным, шальным приговорам нарочитых полевых лжесудов. По нелепейшим провокациям и доносам, с одной стороны, и чудовищной жестокости, прихоти или ошибке, с другой. Море крови и слез…

А остальных потащили с собой. Волокли по мытарствам и мукам, мучили по лагерям и тюрьмам, вновь терзая голодом и стужей, изводя лишениями и мором. И словно в адском, чудовищном фокусе, согнали, сгрузили все это, наконец, в лагере пыток и смерти — приснопамятном Талергофе…

А что после этого говорить о таких случаях, когда перед подобными «судьями», по доносу в большинстве случаев жалкого «людця»-мазепинца, целые села обвинялись в открытом «русофильстве»?

Часть карпато-русского народа, среди тяжелых страданий, несла на алтарь своей общей Родины — Родной Руси — свою жизнь, а другая — творила позорное и лукавое дело сознательного братоубийцы Каина…

Роль этих народных предателей, так называемых «украинцев», в эту войну общеизвестна. Детеныши национального изменника русского народа из-под Полтавы, вскормленные под крылышком Австрии и Германии, при заботливом содействии польской администрации края, в момент войны Австрии с Россией… сыграли мерзкую и подлую роль не только в отношении России и идеи всеславянского объединения, став всецело на стороне Австро-Венгрии, но в особенности в отношении жертв австро-мадьярского террора и насилия над карпато-русским населением.

Жутко и больно вспоминать о том тяжелом периоде близкой еще истории нашего народа, когда родной брат, вышедший из одних бытовых и этнографических условий, без содрогания души становился не только всецело на стороне физических мучителей части своего народа, но даже больше — требовал этих мучений, настаивал на них… Прикарпатские «украинцы» были одними из главных виновников нашей народной мартирологии во время войны. В их низкой и подлой работе необходимо искать причины того, что карпато-русский народ вообще, а наше русское национальное движение в частности, с первым моментом войны очутились в пределах Австро-Венгрии вне закона, в буквальном смысле на положении казнимого преступника».

Жутко все это… Хорошо. Давайте подведем итог сказанного. Итак, если я правильно понял, первые «украинцы» возникли в Галиции и Буковине под воздействием польской пропаганды и австрийского террора?

Да. Первые «украинцы» — это переродившиеся или выродившиеся, как хотите, украинофилы — узкая, сепаратистски настроенная прослойка польской, а затем и малорусской интеллигенции, первоначально воз-

никшая в юго-западных губерниях России.

Напомню, что польские магнаты и шляхта, окопавшиеся после раздела Польши в государственных структурах Российской империи и контролировавшие финансово, экономически, культурно, идеологически и административно Малороссию, не просто ненавидели все русское, но и бредили возрождением Польской империи «от моржа до моржа», т. е. от Балтийского до Черного моря. Кроме того, поляки доминировали и в масонских ложах юго-западного региона, а это был очень мощный рычаг влияния. Так, к примеру, на эмблеме ложи «Соединенные славяне», образованной в 1818 году в Киеве с ответвлениями во многих малороссийских городах, девиз «Славянское единство» был написан по-польски.

Формироваться украинофильское движение начало еще до польского восстания 1831 года. Личный друг императора Александра I, князь, поляк-русофоб Адам Чарторыйский, люто ненавидевший все русское, но при этом служивший сперва помощником государственного канцлера, а потом еще и министром иностранных дел России; и его друг, тоже поляк-русофоб, Тадеуш Чацкий, состоявший с 1803 года визитатором (ревизором) училищ в губерниях Киевской, Подольской и Волынской, используя свое положение, активно организовывали по всей Малороссии польские учебные заведения, в которых вместе с образованием учащимся старательно прививалась ненависть к России.

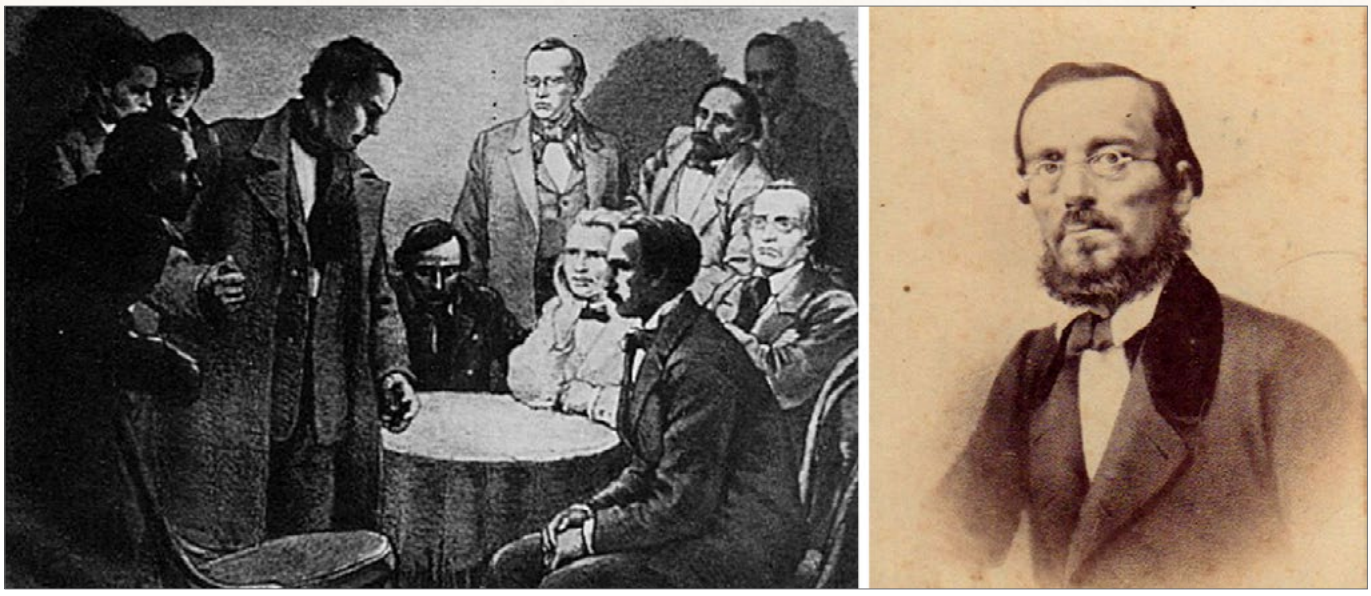
Так, в 1805 году Чацким была открыта классическая гимназия в городе Кременце, переименованная в 1819 году в лицей. В ней вместе с поляками учились и малороссы. «Учили» их там, судя по всему, неплохо, так как когда в 1831 году был издан указ о закрытии лицея, там не нашли ни одного ученика, все ушли в повстанцы.

Также благодаря стараниям поляков в городе Умань (Киевской губернии) было организовано знаменитое базилианское (униатское) училище. Среди его воспитанников были такие представители польской культуры, как Северин Гощинский, Богдан Залесский, Михаил Грабовский и многие другие. Малороссию они не считали частью России, а малороссов — русской народностью. Для них Малая Русь была неотъемлемой частью Польши, а малороссы — особой ветвью польского народа. Впоследствии один из выпускников этого училища, Францишек Духинский, исторг из себя целую теорию о том, что «москали» — это монголы, а малороссы, белорусы и поляки — славяне и истинные арийцы, которым надо объединиться в одно государство и нещадно бить врагов всего цивилизованного мира — клятых азиатов-«москалей».

После того как восстание 1831 года было разгромлено, это гнездо польских русофобов прекратило свое существование, но культивировавшиеся в нем идеи, в новой обработке, были подхвачены уже не только поляками, но и малороссами. В частности — членами Кирилло-Мефодиевского братства, созданного в Киеве в декабре 1845 года. Главными его деятелями были историк Костомаров, педагог Гулак, драматург Кулиш, преподаватели и студенты Киевского университета, а также художник и поэт Шевченко.

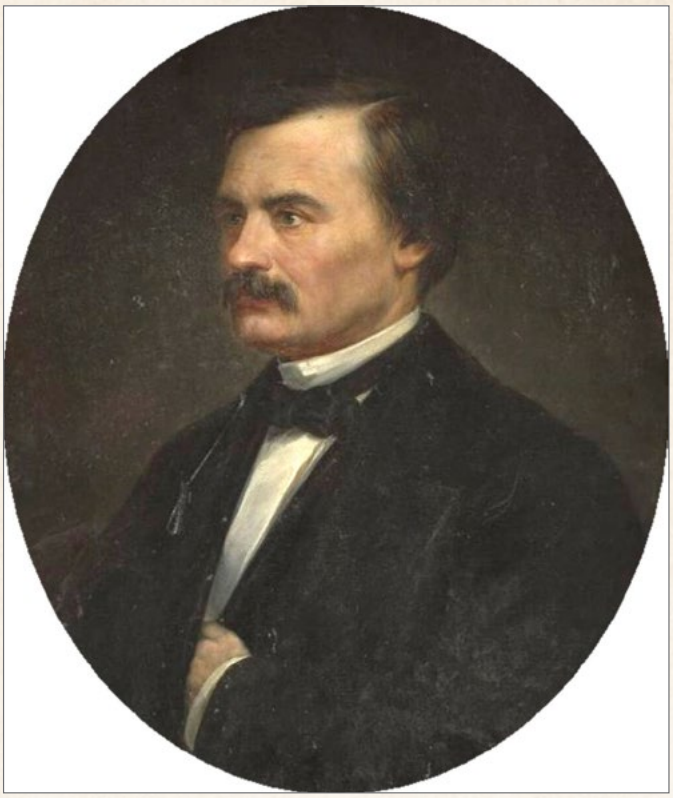
В 1850-х годах среди польской студенческой молодежи Киевского университета образовалась группа так называемых «хлопоманов» (от польского слова chlop — крестьянин) во главе с поляком Владимиром Антоновичем. В группу «хлопоманов» в начале 60-х годов также входили Борис Познанский, Тадеуш Рыльский, Павел Свенцицкий и др.

Именно в этой среде в рамках этнографического культурничества постепенно вызревал политический украинофильский сепаратизм.



▲ Кирилло-Мефодиевское братство

▲ Антонович В.Б.



▲ Духинский Ф.

В конце 50-х — начале 60-х годов польские эмигрантские круги приступили к подготовке нового восстания (вспыхнувшего в 1863 году). При этом они прекрасно понимали, что воссоздание Речи Посполитой невозможно без Малой Руси — «исконно польской провинции» и без малороссов — любимых польских холопов...

Кстати. Как вы считаете, где и когда в Европе возникло первое расистское государство? В Германии в 1933-м? Отнюдь. Таким государством была Речь Посполитая. Общество этого государства было четко разделено на господ-поляков и рабов-русских. Последние в глазах польской шляхты были не просто собственностью панов, а чем-то вроде недочеловеков, говорящих скотов, которых польский пан мог купить, продать, пытать, убить. Польское презрение к украинцам как низшим существам чувствуется на бытовом уровне до сих пор. Я это говорю не понаслышке, потому что родом с Западной Украины...

Так вот, воспользовавшись своим доминирующим положением на землях Малороссии и обладая значительным культурным и интеллектуальным превосходством, поляки стали методично вбивать в головы малограмотных малороссов сепаратистские идеи, убеждая их в том, что они отдельный от русских народ, который самым зверским образом русскими угнетается.

Однако польская пропаганда подействовала лишь на тонкий слой малороссской интеллигенции. Простой народ к ней остался равнодушным. Все старания польско-малорусских украинофилов привлечь на свою сторону народные массы, поднять их против «москалей»-угнетателей были напрасными. В 1863 году польское восстание в Малоросии было подавлено в большей степени самими крестьянами. Вооружаясь вилами, топорами, косами, они стихийно собирались в отряды и безжалостно истребляли польских повстанцев. Русская армия за ними не всегда поспевала. Видать, память о славной Речи Посполитой была в генах у нашего мужика...

В 1863 году была опубликована политическая программа руководителя польского восстания Мерославского, в которой в том числе говорилось следующее: «Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета на Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом хмельничевщины. Вот в чем состоит вся наша панславянская и коммунистическая школа. Вот весь польский герценизм!.. Пусть себе заменяют анархией русский царизм, пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит "для вашей и нашей свободы"».

После того как польские повстанцы были разгромлены, они толпами двинули в австрийскую Галицию, чтобы там впоследствии выродить «украинську нацию». Ненависть польской шляхты к России достигла тогда невероятного накала! И естественно, что полякам очень хотелось стравить русских между собой. Кстати, именно тогда в львовской украинофильской газете «Мета» (в переводе с польского — «цель») впервые появился текст песни «Щэ нэ вмэрла Украйина», представляя собой «украинский» вариант польского «Марша

Домбровского» — «Jeszcze Polska nie zginela». В ней, в частности, были такие строки:

Ой Богдане, Богдане Славний нашъ гетьмане! Нащо віддавъ Украіну Москалям поганимъ?! Щобъ вернути ii честь, Ляжемъ головами, Назовемся Украіни Вірними синами! Наші браття Славяне Вже за зброю взялись; Не діжде ніхто, щобъ ми Позаду зістались. Поєднаймось разомъ всі, Братчики-Славяне: Нехай гинуть вороги, Хай воля настане!

Как видим, в этом тексте четко проступает желание «братьев славян», уже поднявших оружие (хоть и безуспешно), натравить «лыцарство-козацтво» на клятых «москалей». Глупо спорить с тем, что прототип гимна современной Украины писался Павлушей Чубинским под мощным идейным влиянием недобитых малорусскими мужиками ляхов. Вот только совершенно непонятно, когда это польские шляхтичи стали для малоросских «хлопов» братьями. Наверное, после того как восставшие малороссы Речи Посполитой, устав от многовековых издевательств, угнетения, несправедливости, презрения, подлости и изуверств шляхетного панства, зверски истребили тысячи поляков по всей Малой Руси. А возможно, после того как новоиспеченная казацкая шляхта принялась торговать своим народом, отдавая его на убой, рабство и разграбление попеременно то ляхам, то татарам, то туркам, и когда этот народ стал убегать целыми селами на левый берег Днепра к москалям-угнетателям.

Из того, что вы рассказали, я понял, что в этническом плане нет различия между русскими и украинцами?

Видите ли, до того момента как такой цветок, взращенный на хорошо унавоженной почве уманской базилианской софистики, как известный русофоб-теоретик польского движения и верный «украинский» сотрудник князя Чарторыйского (на тот момент уже руководившего из Европы польским сопротивлением) Францишек Духинский (я его уже упоминал) не придумал свою знаменитую теорию о том, что русские — это разновидность монголов, а действительными «русскими» и истинными арийцами являются лишь малорусы и белорусы, никто и никогда не сомневался в том, что русский народ состоит из трех народностей — малорусов, белорусов и великорусов.

Последних он, кстати, гневно стуча ножкой, категорически запрещал называть русскими и требовал, чтобы они «nie Rosyanami, nie Ruskiemi, nie Rusinami, a prosto Moskalami zwani byli», ибо «Moskale uzywaja (используют) nazwy Rosyan, Rusinow, Ruskich, jako jednej z glownych broni (орудий) przeciwko (против) Polsce». Поэтому следует отобрать у «москалей» часть их силы, «приказав называть Москалей Москалями, а не признавать за ними названий, которые они себе присвоили и которыми обосновывают свои мнимые права на большую часть Польши, на Русь». Правда, потом, после разгрома польского восстания, не только в Европе, но и в самой Польше о «научном» творчестве Духинского вспоминали только с улыбкой.

В самой Малороссии с резкой критикой фантазий Духинского в 1861 году выступил один из вождей малорусских украинофилов — Костомаров, а в 1886 году профессор Дерптского университета Бодуэн де Куртене издал в Кракове брошюру («Z powodu jubileuszu profesora Duchinskiego»), в которой доказывал не научность теории Духинского и называл празднование поляками его юбилея «юбилеем хронического патриотического заблуждения».

Тем не менее, идея о двух разных народах — «москалях» и «русинах» («украинцах») — была подхвачена польской пропагандой. Наиболее четко ее цели изложил отец Валериан Калинка, состоявший в польском иезуитском ордене «Змартвыхвстанцев», а также являвшийся приближенным вышеупомянутого Адама Чарторыйского.

Цель пропаганды «двух разных народов» Калинка объяснил следующим образом (позволю себе длинную цитату, но она того стоит): «Как нам защитить себя? чем?! Силы нет, о праве никто не вспоминает, а хваленая западная христианская цивилизация сама отступает и отрешается. Где отпор против этого потопа, срывающего все преграды и катящегося, сбивая все на своем пути, несущегося неостановимо и затопляющего все окрест? Где?! Быть может, в отдельности этого русского (малорусского) народа. Поляком он не будет, но неужели он должен быть Москалем?! Сознание и желание национальной самостоятельности, которыми русины начинают проникаться, недостаточны для того, чтобы предохранить их от поглощения Россией. Опорная сила поляка хранится в его душе — между душою русина и душою москаля, однако основного различия нет, нет непереходимой границы... Была бы она, если бы каждый из них исповедывал иную веру, и поэтому-то уния была столь мудрым политическим делом. Одному Богу ведомо будущее, но из естественного сознания племенной отдельности могло бы со временем возникнуть пристрастие к иной цивилизации и, в конце концов, — начав с малого — к полной отдельности души. Раз этот пробуждавшийся народ проснулся не с польскими чувствами и не с польским самосознанием, пускай останется при своих, но эти последние пусть будут связаны с Западом душой, а с Востоком только формой. С тем фактом [т. е. с непольской идентичностью малороссов. — А. В.] мы справиться сегодня уже не в состоянии, зато мы должны постараться о таком направлении и повороте в будущем потому, что только таким путем можем еще удержать Ягайлонские приобретения и заслуги, только этим способом можем остаться верными призванию Польши, сохранить те границы цивилизации, которые оно предначертало. Пускай Русь останется собой и пусть с иным обрядом, но будет католической — тогда она и Россией никогда не будет и вернется к единению с Польшей. Тогда возвратится Россия в свои природные границы — и при Днепре, Доне и Черном море будет что-то иное... А если бы — пусть самое горшее — это и не сбылось, то лучше [Малая] Русь самостоятельная, нежели Русь российская. Если Грыць

не может быть моим, то да не будет он ни моим, ни твоим! Вот общий взгляд, исторический и политический, на всю Русь!»

В конце XIX века фантазии о двух отдельных народах обрели новую жизнь во Львове благодаря стараниям Грушевского и К°. Этот неугомонный профессор решил на австрийские деньги доказать, что еще не сформировавшаяся, по его собственному мнению, «русско-украинская нация» тем не менее является самостоятельным этническим субстратом, обладающим собственной государственностью со времен Киевской Руси. В академических кругах его многотомные исторические опусы и язык, на котором он их писал, вызывали лишь смех и раздражение. Однако после того, как его научные оппоненты были расстреляны ЧК, а он был обласкан советской властью, теория «трех братских народов» была окончательно увековечена.

Но, как я уже сказал, идея того, что великороссы и малороссы это не народности одного народа, а абсолютно разные нации, была придумана русофобски настроенными польскими интеллектуалами, а потом методично вбита в голову узкой прослойке сформированной ими малоросской сельской интеллигенции. Т. е. у истоков украинофильского движения стояли поляки. Фактически под прикрытием воскресных школ и т. п. шла интенсивная пропаганда южнорусского сепаратизма.

Как писал тогда видный малорусский общественный деятель Говорский галицкому ученому и общественному деятелю Головацкому, «у нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из природных малороссов, а прочие все поляки, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонок. Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно пронырливый лях почуял в этом деле для себя наживу, когда решился для себя на такие подвиги».

Странная история. Ведь поляки активно боролись в 30–40-х годах с украинскими националистами.

Такое очень часто случается в истории. Помните старую еврейскую легенду о големе, созданном пражским рабби Левом? Он послушно исполняет работу, ему порученную, но, вырываясь из-под контроля человека, становится воплощением слепого своеволия, нередко растаптывая своего создателя. Поляки совершили ту же ошибку, что и рабби. Они создали слепого монстра, рассчитывая его использовать против русских, а он вцепился в них самих.

Карателями ОУН(б) — УПА на Западной Украине были уничтожены сотни тысяч поляков из гражданского населения! Украинские «сверхчеловеки» не щадили даже грудных детей, вырезая с особой изощренной жестокостью целые села! На мой взгляд, это страшная цена, которую заплатил польский народ за украинскую аферу своих вождей! Не безопасное это занятие, воспитывать узколобых фанатиков, зацикленных на какой-то идее.

Кстати, на эти же «грабли» не так давно наступили американцы, создав Талибан и взрастив на деньги ЦРУ бен Ладена. Пришло время, и их голем набросился на них самих.

Ну, хорошо, допустим, с поляками все понятно. Но зачем надо было большевикам создавать украинский проект? Ведь, как я понимаю, в Малороссии народ никогда не считал себя особой, отличной от русских нацией. Не проще ли было трансформировать юго-западные губернии России в области РСФСР?

Проще. Но Ленин не пошел на это. И не только из-за своей так называемой политики национального самоопределения народов. Украинского народа-то как раз и не было. Была лишь юго-западная ветвь русской этнической группы и ничтожная кучка «свидомых» малороссских интеллигентов, никогда не выражавших интересы малороссов. И Ленин об этом был прекрасно информирован. Он активно интересовался политической обстановкой в Малороссии.

Вот что, например, написала Роза Люксембург, обвинившая Ленина в сознательном развале России: «Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем простой причудой, кривляньем нескольких десятков мелкобуржуаз-

▲ Роза Люксембург

ных интеллигентиков, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. [...] И такую смехотворную штуку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т. д.».

Люксембург была политиком-реалистом и, как видим, прекрасно понимала, что такое «Украина», но она, очевидно, не знала, что у большевиков, поляков и взращенных ими «украинцев» были две общие черты, ставящие их на одну позицию в отношении «украинского вопроса».

И что это за черты?

Страх и ненависть. ***ОНИ ОДИНАКОВО СИЛЬНО БОЯЛИСЬ И НЕНАВИДЕЛИ РОССИЮ И ВСЕ РУССКОЕ***. В данном вопросе у них доминировало очень мощное иррациональное начало.

Интернациональная, скажем так, верхушка РСДРП(б), в которой русских надо было еще поискать, не могла себе позволить сохранить государствообразующее этническое ядро Российской империи. По их мнению, в коммунистическом рае ни русский народ, ни русская культура не должны были доминировать. Для них русская культура была лишь «русским великодержавным шовинизмом». Не зря интернациональная верхушка большевиков уничтожала физически, прежде всего, носителей русской культуры. Именно поэтому русский этнический монолит был разрезан на три части и объявлен «тремя братскими народами». Тут-то как раз и пригодилась духинская идеология «двух отдельных народов», особого украинского языка и самостоятельной культуры. Вот и получается, что сама идея создания «украинцев» и «Украины», иными словами Руси антирусской, была рождена творческим гением поляков, австрийцев и германцев, но превратил ее в реальность Сталин.

▲ Тарас Шевченко

В 1921 году, выступая на X съезде партии, он подчеркнул, что «если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы». И это было серьезное заявление.

Коммунистам практически с нуля пришлось создавать украинскую «нацию», украинский «язык», украинское «государство», украинскую «культуру» и т. п. Всякий, кто был уличен в «отрицательном отношении к украинизации», моментально увольнялся без выходного пособия. Чистке по критерию «национальной свидомости» подвергся аппарат государственного управления. Борьба с неграмотностью проводилась на украинском языке. Процесс украинизации постоянно контролировала тьма разнообразных комиссий. Вся мощь партийного аппарата и государственной машины обрушилась на «несвидомэ насэлэння», которое должно было в кратчайшие сроки стать «украйинською нациею». Не зря Грушевский, вернувшись в советскую Украину, с восторгом писал одному из своих соратников, что «я тут, несмотря на все недостатки, чувствую себя в Украинской Республике, которую мы начали строить в 1917 году». Еще бы!

Как на все эти мероприятия реагировал простой малорусский мужик? Вот как описывал народные настроения 1918 года «свидомый» украинизатор от КП(б) У, нарком просвещения УССР Затонский: «Широкие украинские массы относились с... презрением к Украине. Почему это так было? Потому что тогда украинцы [в смысле украинофилы. — А. В.] были с немцами, потому что тянулась Украина от Киева аж до империалистического Берлина. Не только рабочие, но и крестьяне, украинские крестьяне не терпели тогда «украинцев» (мы через делегацию Раковского в Киеве получали протоколы крестьянских собраний, протоколы в большинстве были с печатью сельского старосты и все на них расписывались — вот видите, какая чудесная конспирация была). В этих протоколах крестьяне писали нам: мы все чувствуем себя русскими и ненавидим немцев и украинцев и просим РСФСР, чтобы она присоединила нас к себе».

Большевики ломали в 20-х малороссов через колено, стремясь путем т. н. «коренизации» переделать их из русских в «украинцев». Однако народ оказывал упорное, хотя и пассивное, сопротивление украи-

▲ Каганович Л.М.

низации. Имел место откровенный саботаж решений партии и правительства. В связи с этим партийных вождей просто «плющило» от злости. «Презренный шкурнический тип малоросса, который… бравирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его», — гневно сокрушался в те годы на заседании ЦК КП(б) У Шумский. Не менее энергично высказывался в своем дневнике и партийный деятель Ефремов: «Нужно, чтобы сгинуло это рабское поколение, которое привыкло только «хохла изображать», а не органично чувствовать себя украинцами». Несмотря на эти пожелания пламенного большевика-ленинца, малороссы не «згинули» и не почувствовали себя органично «украинцами», хоть эта этнонимическая кличка и закрепилась за ними в годы сталинизма. Как оказалось, русский дух не так-то просто задушить. Для этого явно не хватало массового террора и концентрационных лагерей по австрийскому образцу.

Понимая всю сложность поставленных задач по переделке юго-западной ветви русского народа в «украйинцив», большевики начиная с 1925-го принялись завозить в центральные регионы Малороссии десятки тысяч «свидомых галыцийцив», размещая их ровным слоем на руководящих постах в Киеве и поручая им промывку мозгов населения.

Особенно усердствовал в 1927–1933 годах руководитель Наркомпроса, пламенный большевик Скрыпник. «Свидомымы» янычарами Франца Иосифа большевики также заменяли русскую профессуру, ученых, не желавших украинизироваться. В одном из своих писем Грушевский сообщил, что из Галиции переехали около 50 тысяч человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины. Очевидно, без привлечения идейных «украйинцив» Австро-Венгрии, взлелеянных на польской пропаганде, украинизация Малороссии была бы просто невозможна.

А вот что писал один из них о том, как их воспринимали в Малороссии: «Мое несчастье в том, что я — галичанин. Тут галичан никто не любит. Старшая русская публика относится к ним враждебно как к большевистскому орудию украинизации (вечные разговоры о "галицийской мове"). Старшие местные украинцы относятся еще хуже, считая галичан "предателями" и "большевистскими наймитами"».

У наших «свидомых украйинцив» является хорошим тоном проводить пятиминутки ненависти по отношению к «кату» и «голодоморитэлю украйинського народу» Иосифу Сталину, но комичность ситуации заключается в том, что, если бы не железная воля «отца народов», ни «украинцев», ни «Украины» никогда бы не было.

Кстати, если говорить о традиционном пантеоне врагов Украины, составленном «свидомымы», то необходимо заметить, что их ненависть к «москалям» еще как-то можно обосновать, а вот их ненависть к «жидам» труднообъяснима. Возможно, это просто откровенная неблагодарность, а возможно, просто тупое невежество.

Почему?

Дело в том, что евреи внесли колоссальный вклад в дело создания «украйинцив», «Украйины», «украйинського» языка и литературы. Это тема научного исследования как минимум на отдельную монографию.

Если бы у «свидомых» была хоть капля благодарности, то сейчас как минимум на Европейской площади возвышался бы памятник Лазарю Кагановичу.

А на майдане Независимости?

Там был бы водружен гигантский монумент Иосифу Сталину, который когда-то, кстати, там и стоял.

А при чем тут вообще Каганович?

Наиболее интенсивный и радикальный период советской украинизации 20-х годов прошлого века проходил под его непосредственным руководством. Это была действительно выдающаяся личность. Я говорю это без всякой иронии. Он — человек острого ума и несгибаемой целеустремленности. По сравнению с тем, как он осуществлял украини-

зацию, все то, что делали его последователи после провозглашения украинской независимости в 91-м, выглядит слюнтяйством и дуракаваляниям. «Свидомым» надо не портреты Тараса Григорьевича заворачивать в рушнички и вывешивать как икону на стену, а фотографии Лазаря Моисеевича. Об этом просто вопит благим матом историческая справедливость.

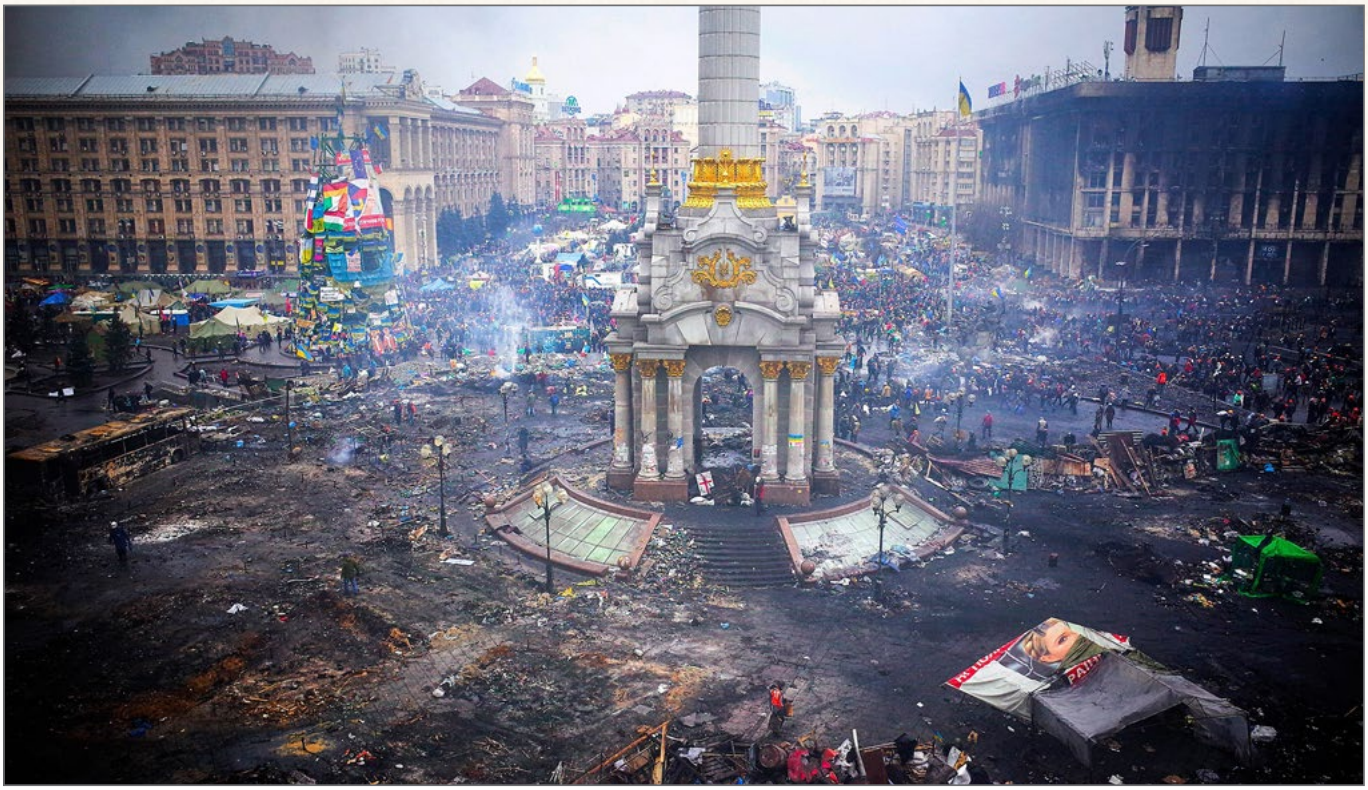
Впрочем, даже такие титаны, как Сталин и Каганович, не смогли сломать национальный и культурный хребет малороссов. Побушевав десять лет, процесс украинизации тихо заглох, наткнувшись на пассивное сопротивление народа. Единственное, что от него осталось, это названия «украинец», «Украина», графа в паспорте, казенные писатели и искусственный язык на уроках украинского языка и литературы в школе.

Но почему советская украинизация стала сдавать темп и потом сошла на нет? Ведь Сталин мог и дальше ее проводить, несмотря на нежелание народа украинизироваться.

Похоже, что к началу 30-х Сталину пришлось отказаться от любимой Лениным идеи мировой революции. Дело в том, что вождь мирового пролетариата, к тому времени уже покойный, «замутил» всю эту игру в «национальное самоопределение» для всех угнетенных народов России лишь для того, чтобы потом к их освобожденному братскому союзу постепенно присоединять новые государства, прошедшие через пролетарскую революцию. К 30-м Сталин, как талантливый политик-реалист, понял, что с мировой революцией в принципе ничего не «светит» и что перед лицом хищных империалистов необходимо превратить Советский Союз в надежную коммунистическую крепость. Это был этап глухой обороны. Сталину было нужно сильное, монолитное государство с эффективной, жестко централизованной властью. «Украйинський» народ уже был создан, а надобности в дальнейшем углублении украинизации, немало раздражавшей народ, в общем-то, уже не было. К тому же ему изрядно поднадоел настырный «буржуазно-националистический» уклонизм некоторых вождей КП(б) У, которых он потом слегка «проредил» за «перегибы». В итоге украинизация заглохла. Народ с облегчением вздохнул. Но «Украйина», «украйинци», «украйинська мова» остались. Лишь в 1991-м бывшие партийцы и комсомольцы торжественно возродили сталинскую украинизацию с шароварно-галушечными элементами в ее национально-демократической, предельно карикатурной версии.

Была ли тогда возможность пойти вашей республике другим путем?

Нет. Когда партийная и управленческая номенклатура Украины неожиданно оказалась «нэзалэжною» от старших товарищей из Москвы, под эту «нэзалэжнисть» необходимо было подвести соответствующий идеологический фундамент. Кроме польско-австрийско-немецких сепаратистских идей, отшлифованных до блеска в 20-х годах советской властью, в 30–40-х «мыслителями-воителями» ОУН — УПА(б) и в 60–70-х диссидентами-украинофилами, дру-



▲ Евромайдан, 2014 год

▲ Самостийник

гих идей просто не было. Ни чиновники, ни народ не были готовы к внезапно свалившейся на них независимости. Никто не знал, что с ней делать. Великие идеи «нэзалэжности» придумывались на ходу, во время дожевывания пищи от буфета Верховной рады до сессионного зала.

После провозглашения независимости, на волне массированной пропаганды, произошел новый и, я думаю, последний всплеск украинофилии, с последующей принудительной украинизацией населения. Но уже к концу 90-х «свидоми» вернулись к своему естественному состоянию — мелким маргинальным группам, оформившимся в крикливо-агрессивные националистические партии «диванного типа». Похоже, что русская по своей сути ментальная и культурная среда Малой Руси просто естественным путем растворила введенное в нее инородное тело так называемого «украйинства» и вывела его из себя как шлак, одновременно отторгнув путем массового саботажа очередную казенную украинизацию. Малороссы, сами того не осознавая, оставались малороссами, игнорируя непрекращающиеся призывы к «национальному видродженню» и инструкции на предмет того, как «вбыты у соби москаля».

Все, что вы сегодня рассказали, звучит очень неожиданно даже для нас здесь, в России. Но услышат ли вас ваши соотечественники? Нужна ли им правда о самих себе?

Смотря какие соотечественники. Для многих то, что я сегодня рассказал, станет глотком свежего и чистого воздуха в затхлой атмосфере украинофильской пропаганды. «Свидомыми», которые знают правду, но, тем не менее, целенаправленно с фанатичным упорством «разбудовують Украйину», мои слова будут восприняты как «украинофобия» и «русский великодержавный шовинизм». Но хочу заметить, что среди них есть очень много просто обманутых пропагандой людей, ищущих нечто большее, чем комфортное «ротожопие» «за европейськими стандартами». Не исключено, что кто-то из них задумается о том, что я рассказал, и попытается самостоятельно во всем разобраться.

К тому же мой сегодняшний скорбный рассказ о том, как появились «украйинци» и «Украйина», я изложил не для того, чтобы кинуть камень в огород наших «свидомых патриотив». Я бы не стал себя для этого напрягать. Главная моя цель сегодняшней беседы — показать глубинные причины той кризисной ситуации, в которой сейчас оказалась Украина. Раскрыть причины стремительно надвигающегося распада страны. ■

АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

СОБИРАТЕЛЬ ЗЕМЕЛЬ РУССКИХ — ИВАН III ВАСИЛЬЕВИЧ

Иван III Васильевич (1440–1505), в позднейшей русской историографии — Иван Великий, великий князь московский с 1462-го по 1505 год, государь всея Руси, в некоторых документах титуловался царем, в ряде иноземных источников — кайзером и императором.

Результатом правления Ивана III стало объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и ее превращение в центр единого Русского государства, за что получил прозвище «собиратель земли русской». Русь окончательно освободилась от ордынской зависимости, принят Судебник — свод законов государства, проведен ряд реформ, заложивших основы поместной системы землепользования, построен нынешний Московский Кремль и главный кафедральный собор Русского государства — Успенский.

Правление Ивана III Васильевича длилось 43 года. Территория государства увеличилась за это время в пять раз и составляла к 1505 г. 2 млн квадратных километров.

Время правления Ивана III Васильевича отмечено многими знаменательными событиями и славными делами. Государем была учреждена первая на Руси почта, в городах появились городские управы, было запрещено пьянство, существенно усилилось вооружение войск и боевая подготовка воинов.

Иван III Васильевич был искусным дипломатом. Его отличало умение использовать в своих интересах благоприятные условия международной обстановки. Он принимал непосред-

ственное участие в дипломатической практике, лично вел дипломатические переговоры, в частности о браке своей дочери с литовским великим князем Александром, с которой после этого брака поддерживал тайную политическую переписку.

Московская дипломатия конца XV–XVI в. отличалась большой степенью централизации: послы беспрекословно подчинялись точно сформулированным инструкциям, все их речи на переговорах были заранее написаны; всякое «высокоумничание» со стороны посла сурово наказывалось царем. Уже во времена княжения Ивана III Васильевича стали обнаруживаться сильные стороны московской дипломатической школы: последовательность в осуществлении поставленных целей, прекрасное знакомство с историей вопроса, предшествующим дипломатическим материалом, высокое чувство достоинства представителей Русского государства в международных переговорах.

Иван III Васильевич разгадал тайну самодержавия и стал земным богом для русских людей. Он оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, его населявшими, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовью и гордостью мы именуем нашим Отечеством.

Иван III Васильевич Великий второй сын из семерых сыновей великого князя Московского Василия II Васильевича Темного от брака с боровской княжной Марией Ярославной, внучкой Владимира Андреевича Храброго Донского, двоюродного брата Дмитрия Ивановича Донского. Родился в Москве 22 января 1440 г.

После своего восстановления на московском столе Василий II Темный постоянно держал Ивана рядом с собой, будь то заседания боярской думы или выезды на богомолье, приемы иностранных послов, заключение договоров или военные походы, стараясь приучить окружение и народ к мысли о своем преемнике.

Главной целью для себя Иван Васильевич считал восстановление единодержавия в России. С самого начала своего самостоятельного правления он присоединял к Московской Руси одно княжество за другим.

Ко времени правления Ивана III Васильевича Золотая Орда распалась на несколько ханств: Казанское царство, Большая орда, Крымское ханство, Астраханское ханство, Ногайская орда. Все они враждовали между собой и к Москве относились по-разному. Союзником русского государя был крымский хан Менгли-Гирей. Иван Васильевич постепенно прекратил платить дань Орде.

Поначалу, чтобы не испытывать унижения, вставая перед ханом на колени, Иван Васильевич всякий раз, отменял поездку, сказывался больным. Затем он просто перестал платить дань без всяких объяснений.

Сильный удар по Казанскому царству был нанесен в 1469 г. Русские полки дошли до самой Казани

▲ Марфа-посадница

▲ Ханская басма

и обратили в пепел все, что могло гореть. Недалеко от Нижнего Новгорода русичи приняли еще один бой — с полками хана Ибрагима. Русские одержали победу. Это был первый памятный успех Ивана III Васильевича.

Второй успех — подчинение Великого Новгорода — имел, наверное, даже более важное значение, чем первый. На протяжении полутора столетий российские государи пытались лишить «господина Великого Новгорода» его знаменитой независимости. Новгородцы оказывали стойкое сопротивление Москве.

Бунтом 1471 г. в Новгороде руководила вдова посадника Борецкого Марфа. Иван III Васильевич не раз посылал гонцов в Новгород, пытаясь договориться, но ответа не последовало. Великий князь прибег к военной силе. Война закончилась разгромом новгородского войска. Побежденным великий князь объявил свою милость, а взамен получил назад все захваченные Новгородом земли, отменил вечевые грамоты и взял с области 15,5 тыс. рублей. Большой вечевой колокол Великого Новгорода был доставлен в Москву.

В конце 1471 г. Иван III Васильевич присоединил и Пермскую землю. Это событие чрезвычайно обрадовало государя, так как выход к Каменному поясу (Уральским горам) сулил России немало важных торговых выгод.

Важным политическим событием стал брак государя, заключенный в 1472 г. с греческой (византийской) царевной Софией Палеолог, племянницей последнего императора Византийской империи (первая его супруга Мария Борисовна умерла в 1468 г.). В Европе заговорили о России, о которой до этого времени знали очень мало. Многие государи захотели заключить дружественные союзы с Москвой.

Царевна София приехала в Москву 12 ноября 1472 г. Вместе с ней в Россию прибыли талантливые греческие художники, архитекторы, были завезены книги на латинском языке, которые пополнили церковные библиотеки, разоренные и сожженные татарами.

Традиции государева двора пополнились пышными византийскими обрядами. Иван III Васильевич учредил герб Российского государства — двуглавого орла, взяв за образец герб Восточной Римской империи. С тех пор на одной стороне царской печати было его изображение, а на другой — московский герб: всадник, попирающий дракона, и надпись «Великий князь, божией милостью Господарь всея Руси».

Вокруг Москвы были собраны все небольшие уделы. Лишь Тверь и Рязань оставались великими княжениями, но они были полностью зависимы от Москвы.

Тверской князь, не желая попасть в зависимость от Москвы, заключил было союз с Литвой. Но когда государь послал в Тверь войско, бежал в Литву и тем самым отдал бразды правления в руки великого князя. Собирание русских земель вокруг Москвы было завершено к 1485 г.

После того как в 1480 г. Иван III Васильевич разломал и растоптал ногами ханскую басму, Ахмат, ордынский хан, с полчищами татар выступил против Москвы.

Басма (иначе пайцза) — слово, обозначавшее изображение татар-

▲ Стояние на Угре

ского хана или его знак на золотой, медной или деревянной табличке, а также послание с ханской печатью. Пайцза (особая пластинка), выдававшаяся в XIII–XV вв. татаро-монгольскими ханами лицам, отправляемым с каким-либо поручением и служившая им своего рода удостоверением и пропуском по всей территории Золотой Орды. Выполнялась из золота, серебра, меди и дерева, с надписями или без них. Особо важным послам выдавалась золотая пайцза с изображением головы льва. Владельцы пайцзы пользовались особыми правами и льготами.

Хан Ахмат, заключив союз с польско-литовским королем Казимиром IV, осенью 1480 г. двинул войско на Москву. Иван III Васильевич, в свою очередь, вступил в военный союз с крымским ханом Менгли-Гиреем (соперником хана Ахмата) и договорился с ним о совместном выступлении против Казимира IV. В январе 1480 г. против Ивана III Васильевича восстали его братья — Борис и Андрей Большой, недовольные усилением центральной власти. Московская боярско-княжеская знать разделилась на две противоборствующие группы: одна была за объединение для борьбы с Ордой, другая — за отказ от борьбы.

Опираясь на поддержку первой группы, Иван III Васильевич направил войско под командованием своего сына Ивана Молодого и брата Андрея Меньшого на берега Оки и Угры. Перекрыв все вероятные пути вторжения монголо-татар и используя «наряд» (артиллерию), русское войско в сражении 8–12 октября отразило попытки конницы монголо-татар с ходу форсировать Угру.

На самом удобном «перелазе», где через Угру можно было переправиться большими силами сразу, татар встретила русская рать во главе с Иваном Молодым и Андреем Васильевичем Меньшим. Два огромных войска сошлись лицом к лицу. На левом, русском, берегу Угры, против самого удобного для татар брода выстроились московские лучники, были расставлены тяжелые пищали и тюфяки, в прибрежных зарослях притаились со своими легкими ручницами отряды «огненных стрельцов».

Воеводы постарались максимально использовать превосходство своего войска в огнестрельном оружии и не допустить переправы татар на левый берег, расстреливая их в воде. В татар полетели стрелы, ядра, картечь. Грохот пушек устрашающе действовал на врага, пороховой дым заволакивал берег, на котором позади пушек и стрельцов выстроились возле самого угорского устья конные полки дворян и детей боярских в доспехах с саблями и ручницами, готовые в любую минуту обрушиться на прорвавшегося врага. Все попытки хана Ахмата форсировать Угру с ходу были отражены в четырехдневном сражении.

Ахмат стал ждать подхода войск Казимира IV. Чтобы выиграть время, Иван Васильевич вступил с противником в переговоры, которые длились до 20 октября. За это время он сумел договориться с мятежными братьями, укрепить позиции русского войска и подтянуть свежие силы (полки Бориса и Андрея Большого),

после чего прервал переговоры. Хан Ахмат несколько раз пытался преодолеть Угру и овладеть русской позицией, но безуспешно.

Положение монголо-татар резко ухудшилось; с наступлением морозов их конница лишилась подножного корма, начались эпидемии, ощущался недостаток провианта. Нападение Менгли-Гирея на польско-литовские южные земли сорвало выступление войска Казимира IV. 11 ноября хан Ахмат начал отвод своего войска на юг, потребовав, однако, уплаты дани. Иван Васильевич ответил решительным отказом. Войско хана вынуждено было покинуть пределы Русского государства, так и не добившись цели.

В то время, когда хан Ахмат подходил к Угре, князь Ноздроватый-Звенигородский Василий Иванович вместе с крымским царевичем Нордоулатом (Нур-Девлетом), по замыслу великого князя Ивана Васильевича, на речных судах проплыл вниз по Волге, разгромил оставшуюся без защиты столицу хана Ахмата — Сарай, разорил множество татарских улусов и вернулся в Москву с богатым полоном и добычей.

Оборонительная тактика, выбранная Иваном III Васильевичем и его воеводами, оказалась в данном случае самой правильной, поскольку наступательные действия русского войска, лишенного в поле возможности использовать тяжелый наряд (артиллерию), не имели бы такого эффекта, да и татары, привыкшие к быстрым фланговым маневрам и атакам большими массами конницы, когда конные лучники наносили большой урон противнику, могли с меньшими для себя потерями добиться преимущества и в конечном итоге поставить в тяжелое положение русское войско, если не разгромить его.

Военные действия русских войск в низовьях реки Угры (левого притока Оки) против войск Большой Орды в октябре — ноябре 1480 г. получили название «Стояние на Угре» и «Угорщина».

Силой оружия и дипломатическим искусством была утверждена независимость Русского государства от Большой Орды, ознаменовав конец 240-летнего монголо-татарского ига, «Стояние на Угре» ускорило и процесс распада Большой Орды.

Авторитет русского монарха укреплялся грамотной внешней политикой. Немецкий император пожелал заключить союз с Россией. Иван III Васильевич отправил в Австрию посла с предложением основать дружественные посольства в обеих странах и просватать дочь великого князя за императорского сына. Государственный союз был заключен 16 августа 1490 г. и просуществовал до июля 1493 га. Все это время государь ставил себя наравне с первым монархом Европы.

В Москве в последующие годы были основаны также датское посольство и два азиатских. Дружественный союз Иван III Васильевич заключил и с Оттоманской империей. Не ослабевала связь русского государя с крымским ханом Менгли-Гиреем.

Сын Ивана III Васильевича Иван Иванович Молодой десятилетним мальчиком участвовал в походе отца против Казани (1468). С 1471 г. упоминался как великий князь — соправитель отца. В 1471, 1476 и 1478 г., когда отец ходил с войском к Великому Новгороду, оставался в Москве на ее охране и обороне. В «Стоянии на Угре», когда хан Ахмат, пройдя вдоль русских границ, отправился к Угре, Иван следовал за ним. Иван III Васильевич, смущенный «мудрыми» советчиками, приказал сыну ехать в Москву. Но Иван решил лучше навлечь на себя отцовский гнев, чем отъехать от берега. Видя, что грамоты сын не слушается, Иван III Васильевич послал приказание воеводе князю Д. Д. Холмскому: схватить силой молодого великого князя, привезти в Москву. Князь Холмский не решился употребить силу и стал уговаривать Ивана, чтобы ехал в Москву. И получил ответ: «Умру здесь, а к отцу не поеду». Он устерег движение татар, хотевших тайно переправиться через Угру.

В январе 1483 г. Иван Иванович Молодой женился на дочери молдавского господаря Стефана III — Елене, что способствовало укреплению дружественных связей Руси с Молдавией. От этого брака остался единственный сын — Дмитрий Иванович Внук.

В 1485 г., присоединив к Москве Тверское княжество, Иван III Василь-

▲ Пушечно-литейный двор на Неглинной

евич посадил там сына, по матери принадлежавшего к роду Тверских князей. В 1490 г. Иван «разболелся ломотою в ногах». В это время был в Москве лекарь Леон Жидовин, вызванный русскими послами из Венеции. Леон объявил отцу больного: «Я вылечу сына твоего, а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью». Леон не вылечил сына, Иван умер. После смерти Ивана Ивановича Молодого, считавшимся признанным законным наследником престола, великому князю предстояло сделать нелегкий выбор между внуком и старшим сыном от второго брака — Василием.

Для того чтобы двор русского государя, приемы в Кремле соответствовали европейскому уровню, России требовались немалые средства. Иван III Васильевич приказал искать в северных землях залежи серебряной руды. Такое месторождение было обнаружено в окрестностях Печоры. Иван III Васильевич был чрезвычайно доволен работой рудознатцев. С этого времени на Руси начали добывать медь и серебро и чеканить монеты. Тогда же появились и золотые деньги, а также первые медали.

С образованием единого Русского государства наметилось ускоренное развитие горной промышленности в связи с возросшими потребностями в металле для военных целей и на внутреннем рынке.

В целях безопасности государства Иван III Васильевич приказал заложить напротив Нарвы каменную крепость, назвав ее Ивангородом. Этим строительством были весьма обеспокоены ливонские немцы. В 1493 г. они сами предложили России заключить мир сроком на 10 лет.

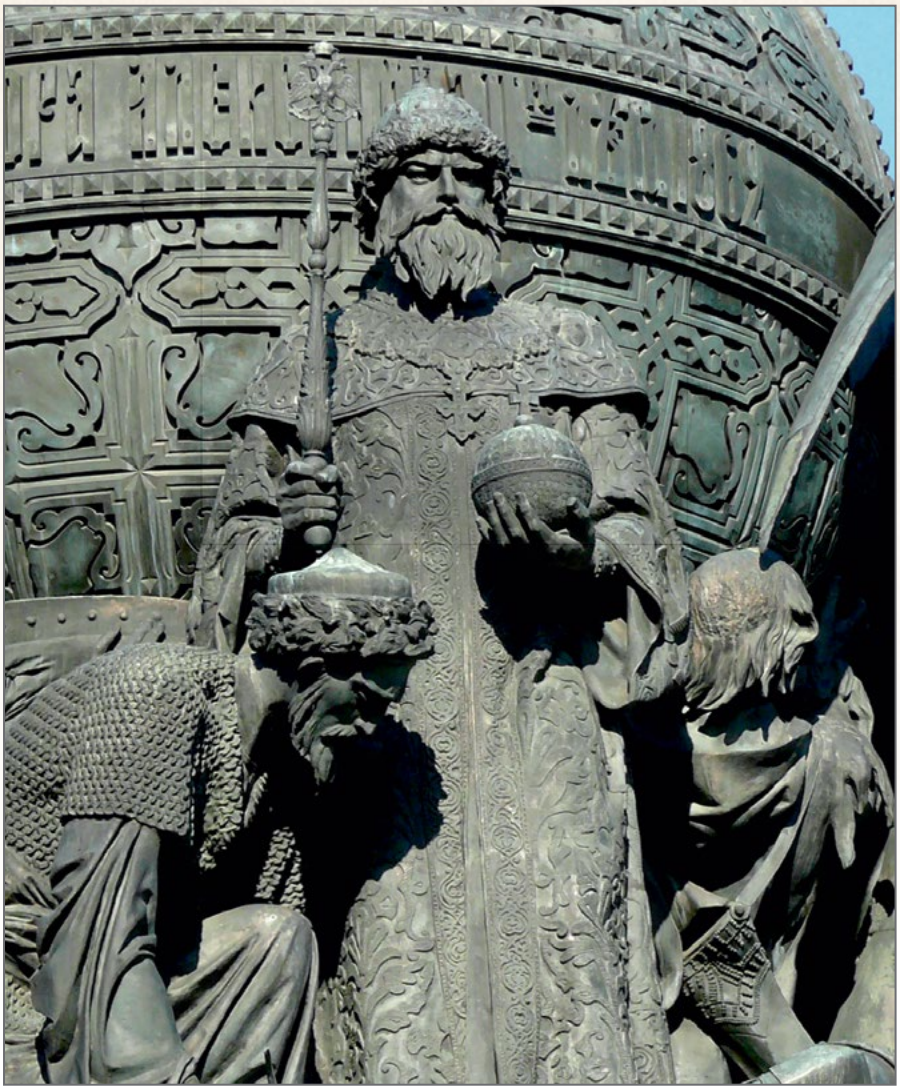
Пришло время вернуть русские земли, захваченные в разные годы Литвой и Польшей. Многие князья добровольно переходили под власть великого князя. Отчасти это было связано с принятием в Литве католической веры и нетерпимостью католиков к православным христианам.

В 1500 г. началась война с Литвой. Удача в военных действиях была на стороне Москвы. Литовские владения таяли, а русское войско отвоевывало город за городом. Перемирие было заключено по настоянию литовцев сроком на шесть лет. Литва хотела вечного мира с Москвой, но Иван III Васильевич не принимал этого предложения, требуя, чтобы Смоленск и Киев были возвращены во власть русского государя.

4 февраля 1498 г. совершилось первое коронование на Руси. Иван III Васильевич возложил на голову внука Мономахов венец (шапку Мономаха) и объявил Дмитрия великим князем московским, владимирским и новгородским.

В январе следующего года был раскрыт заговор бояр против Софии и Василия. Через некоторое время Иван III Васильевич изменил свое решение и объявил Василия великим князем Новгорода и Пскова. Дмитрий еще носил свой великокняжеский титул, но в 1502 г. без видимых причин Иван III Васильевич запретил упоминать даже имя Дмитрия при богослужениях и признал великим князем всея Руси сына Василия. Чувствуя приближение своей кончины, Иван III Васильевич задумал женить сына.

27 октября 1505 г. первый настоящий государь всея Руси умер. Похоронен Иван III Васильевич в церкви Святого Архистратига Михаила. В летописи не сказано о скорби и слезах, пролитых народом. Там есть только рассуждения о славных делах умершего и благодарность небу за такого самодержца. ■



▲ Иван III

П.А. СМИРНОВ, кандидат исторических наук, полковник

ДЕПОРТАЦИЯ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С «ПЯТОЙ КОЛОННОЙ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

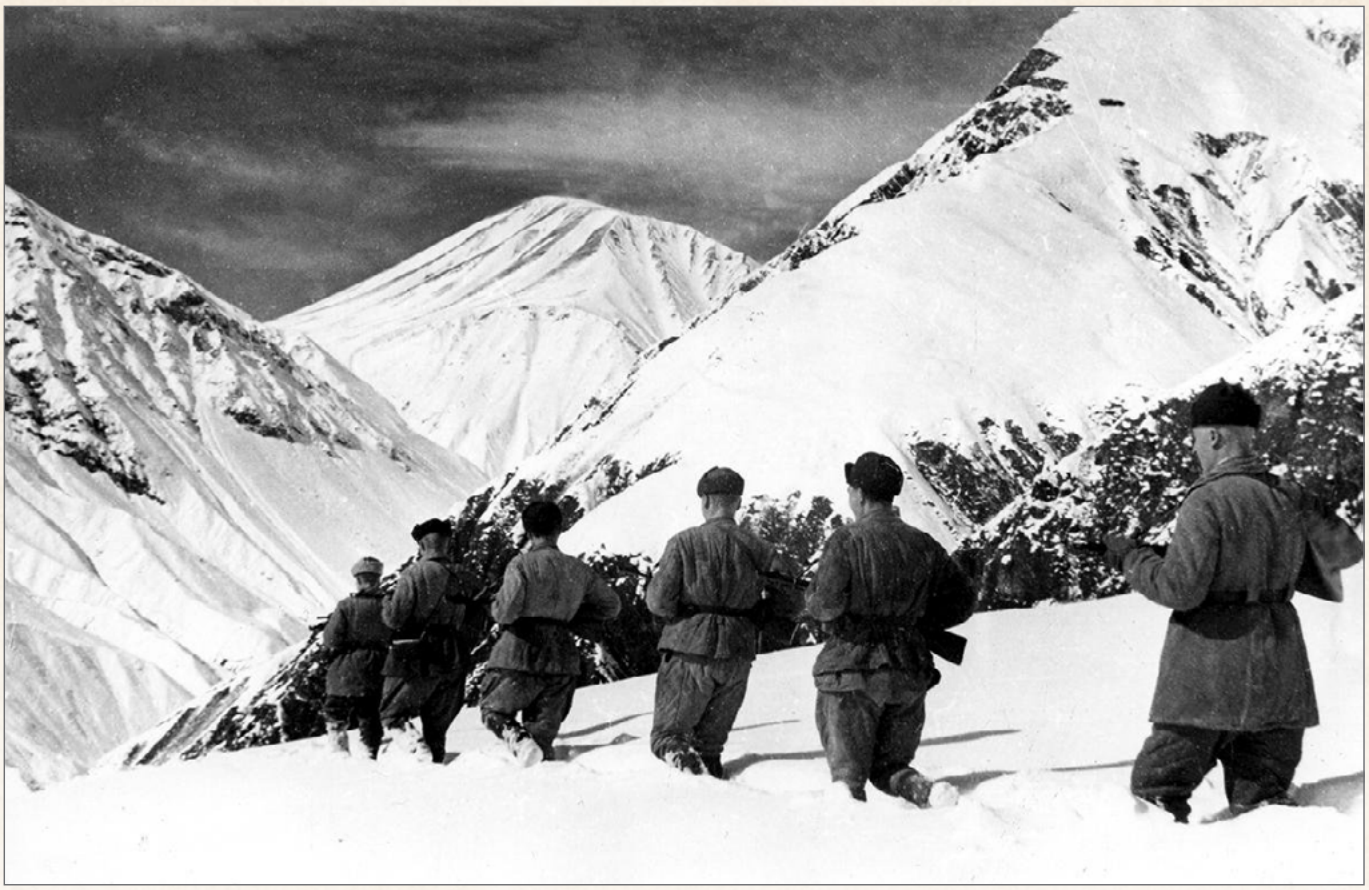
▲ Предгорья Кавказа

Проблема депортации некоторых категорий населения, которое могло бы поддержать вооруженными выступлениями в тылу действия наступающего противника, далеко не нова.

История имеет примеры принудительного выселения в годы Первой мировой войны немцев во Франции, Великобритании, Голландии, Бельгии, России и других государствах. Уже тогда враждующими сторонами возможность привлечения населения прифронтовой полосы к разведывательной и диверсионной деятельности оценивалась весьма реально. Об этом свидетельствуют исследования Л. Ионга, Я. Дзинтарса и некоторых других.

Во время гражданской войны в Испании в 1936 году произошел вооруженный мятеж, заранее подготовленный сторонниками генерала Франко. С тех пор в научный оборот был включен термин «пятая колонна».

«Пятая колонна» — наименование нацистской агентуры в различных странах, которая осуществляла диверсионную и шпионскую деятельность, сеяла панику, занималась саботажем и помогала захвату этих стран германскими войсками. Термин «пятая колонна» впервые вошёл в обиход в начале октября 1936 во время гражданской войны в Испании, когда фракисткий генерал Эмиль Моро заявил по радио, что мятежники ведут войска на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая находится в самом Мадриде и в решающий момент ударит с тыла.



▲ Кавказ, 1942 г.

Вторая мировая война показала, что участвовавшие в ней страны, в той или иной степени прибегали к депортации части населения, проживавшей в прифронтовой полосе. Это стало обычной мировой практикой. К примеру, в Советском Союзе решением Государственного Комитета Обороны (ГКО) эта полоса определялась в 25 километров, в Германии — 20. Заметим, что насильственному переселению подвергались те слои населения или народы, которых противник привлекал на свою сторону, либо они потенциально могли это сделать. При этом далеко не всегда, как выяснялось, принятые меры являлись обоснованными.

Проблема обоснованности депортации некоторых народов СССР в годы Великой Отечественной войны стоит довольно остро. На эту тему написан целый ряд научных трудов, в том числе исторических.

Изучив массив документов, автор берётся предложить точку зрения на данную проблему, аргументируя, прежде всего, военными событиями, обстановкой на фронтах, в тылу, замыслами немецких спецслужб и результатами их деятельности, а также роли и месте бандформирований в планах врага.

Геополитическое положение Кавказа весьма велико. Он всегда был центром сосредоточения внимания многих стран мира, даже тех, которые находятся довольно далеко от него. За этот регион Россия вела войны в XVIII — XIX веках с Турцией, здесь прослеживается многовековое внимание Великобритании, Ирана.

Немецкое командование с Северным Кавказом также связывало далеко идущие планы. К концу первого периода Великой Отечественной войны основные усилия вермахта были сосредоточены именно на данном направлении.

Летняя кампания 1942 г. должна была завершиться захватом Бакинских нефтепромыслов и выходом за Волгу группы армии «Юг». В соответствии с этими замыслами наносились два основных удара: первый — вдоль основных транспортных коммуникаций на Баку, второй — на Сталинград.

В случае реализации гитлеровских планов, Советский Союз лишался основной сырьевой базы нефтепродуктов, что практически означало его поражение в войне, а немецкая армия обретала вполне достаточное количество нефти для развития своих дальнейших захватнических планов. Вполне естественно, что эти источники необходимы были немецкому командованию целыми. По этим причинам по ним не наносилось бомбовые удары.

Следует отметить особую важность грозненских нефтепромыслов — они давали единственные в своем роде высококачественные смазочные материалы. На тот период для нужд Красной Армии и Флота бакинские и грозненские

месторождения давали до 70% всего горючего.

При внимательном изучении основных транспортных артерий к концу 1942 г. можно убедиться, что враг едва не достиг своих целей — до Грозного оставалось около 60 км. А что касается единственного сообщения с нефтедобывающими районами и действующим участком железной дороги Астрахань-Саратов, то это расстояние от Сталинграда было около 100 км чистой степи за рекой.

Железные дороги в годы Великой Отечественной войны сравнивались с кровеносными сосудами. При внимательном изучении карт, схем того времени, можно прийти к выводу, что если речь вести о кавказской нефти медицинскими терминами, то участок железной дороги Кизляр — Астрахань, построенный в 1942 г., для Советского Союза, по сути, был аортой — самым напряженным и самым близким для противника.

По мере разгрома немецких войск на Северном Кавказе и продвижения фронта на запад, стало возрастать значение участка железной дороги Махачкала — Грозный — Пятигорск — Армавир. Он становится крайне важным направлением для поставки горючего советской группировке войск.

Довольно сложной ситуация была по обеспечению всем необходимым Закавказского фронта. Хотя здесь и не велось активных боевых действий с Турцией, союзником Германии, но, тем не менее, угрозы агрессии с её стороны сохранялись до конца войны. К концу 1942 г. снабжение Черноморского флота и Закавказского фронта могло осуществляется только по вышеупомянутому участку железной дороги и через Каспийское море.

Немецко-фашистское командование знало это и предпринимало соответствующие меры по воздействию на данные коммуникации. Поскольку разрушать их авиа ударами из-за сильной системы ПВО и плохих метеоусловий в осенне-зимнем периоде в этом регионе было сложно, упор делался на диверсионные методы. Спецслужбы привлекали к этой работе не только завербованную агентуру, прошедшую соответствующую подготовку, но и бандформирования из местного населения.

Обстановка во многом осложнилась ещё и тем, что за годы советской власти сохранялась криминогенная обстановка в регионе плюс перекосы в коллективизации и репрессиях в отношении местных руководителей, духовенства, интеллигенции, что создавало потенциально конфликтную ситуацию в регионе. Эти обстоятельства оказались в центре внимания немецких спецслужб.

«С первых дней Великой Отечественной войны, — доносит в Ставку Военный Совет Северо-Кавказского военного округа, — резко активизировались националистические элементы на всей территории Северного Кавказа, в особенности в Урус — Мартановском, Ачхой — Мартановском и Советских районах Чечни». С тревогой отмечалось, что местное население в основной своей массе не желает участвовать в войне против немецких захватчиков. Подверженные такому настроению — две трети мужчин, подлежащих при-

▲ Из Баку

зыву, уклонилось от него. Чеченцы и ингуши выступали с угрозами относительно Осетии, мужское население которой практически поголовно было мобилизовано. При этом они не двусмысленно заявляли, что если в войну вступит Турция, то они вырежут всё русское население.

В феврале 1942 г. в Шатое и Итум-Кале поднял мятеж бывший прокурор Чечено-Ингушетии М. Шерипов, который объединялся с ранее действующей бандой Х. Исраилова. Был создан объединенный штаб и временное правительство.

В июле этого же года сепаратисты приняли воззвание к чеченской и ингушской нациям, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство за признание независимости Кавказа. В ходе исследования удалось установить, что в замыслах РСХА — имперской службы безопасности Германии — на лето 1944 г. готовилось применение калмыцкого легиона (4000 чел.) в качестве десанта по захвату железной дороги Кизляр — Астрахань. Только благодаря своевременно предпринятым мерам удалось предотвратить эту акцию. По замыслу немецкого командования 2/3 сил полка, а затем дивизии «Брандербург-800», действовало в этом регионе Северного Кавказа и Закавказья.

Для борьбы с бандитизмом на Кавказе в различные периоды оборонительной операции привлекались значительные силы, снятые с фронта, в частности, 242-я мотострелковая и 347-я стрелковая дивизии Закавказского фронта, 28-я стрелковая бригада, Орджоникидзевская дивизия НКВД, практически все училища, расположенные на территории Закавказского фронта. Задачи по борьбе с бандитизмом получали 58-я, 44-я, 28-я армии. На Кавказе советским войскам приходилось воевать на два фронта, так как удара можно было ожидать не только со стороны немцев, но и с тыла, со стороны местного населения.

С подачи некоторых псевдо исследователей и политиканов

▲ На службе у фашистов

22 февраля 1994 г., в канун 50-летия депортации чеченцев и ингушей, Президент РФ Ельцин публично по телевидению извинился перед вышеперечисленными народами за ошибки сталинского руководства.

На наш взгляд, сегодня проблема депортации, особенно чеченского народа, преподносится весьма односторонне и сильно искаженно. Более того, даже применение такого термина как «коллаборационисты», при исследовании проблем, связанных с бандитизмом и депортациями неуместно. Применение категорий, не соответствующих той исторической эпохе, о которой идёт речь, зачастую уводит от сути исследуемой проблемы. Да, действительно на стороне врага воевали около миллиона наших соотечественников, причём, как сами же исследователи говорят, по самым различным причинам. Однако, объединять одним словом, одной категорией их всех от откровенных предателей и чисто идейных врагов до тех, кто просто стремился выжить, является ошибкой, как и всех военнопленных причислять к категории трусов и предателей.

Как свидетельствуют некоторые исследования, немецкими спецслужбами действительно готовился заблаговременно целый ряд диверсионных акций, вполне соответствующих определению «пятая колонна». Этот вооруженный мятеж в Риге, Львове в первые дни войны, специальная операция «Тамара-1», «Тамара-2», «Шамиль», формирование Калмыцкого кавалерийского соединения в тылу Красной Армии и целый ряд других.

В исследованиях Н. Ф. Бугая, Г.В. Марченко, А.В. Окорокова и других историков приводится ряд примеров использования Абвером-2 и РСХА националистических формирований в диверсионных целях в различные периоды Великой Отечественной войны.

Вместе с тем в научных публикациях, исследованиях последних лет почему-то далеко не обоснованно стала приобретать точка зрения на депортацию, как просто карательную акцию со стороны И.В. Сталина, что является грубой ошибкой — фальсификацией.

Ошибочное применение такой категории, как «коллаборационизм», привело к тому, что все РОА, УПА-УНСО и им подобные стали представляться чуть ли не как самостоятельные движения, имеющие свои цели, программы, хотя всем известно, что без инициативы с немецкой стороны, в первую очередь спецслужб, это было невозможно. Отсюда делаются выводы, что меры по борьбе с ними являлись бесчеловечными, антигуманные акциями со стороны

советской власти. Подобный подход наблюдается в главе «Тоталитаризм в межнациональных отношениях: трагедия депортации» в монографии Г. В. Марченко и в других научных трудах. Таким образом, привлечение новых терминов в освещении событий прошлого, далеко не всегда оправданно.

На взгляд автора, проблему депортации в годы Великой Отечественной войны следует рассматривать через призму военной необходимости, а именно, как способ предотвращения «пятой колонны» в собственном тылу.

Пытаясь установить вовлечение немецкими спецслужбами в подрывную деятельность некоторых национальностей и народностей в тылу Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, опираясь на данные архивов, раннее проведенные исследования, мемуары некоторых руководителей органов безопасности, личные рассказы офицеров войск НКВД, принимавших участий в спецоперациях, можно сделать выводы об обоснованности депортации по каждому конкретному факту.

Как свидетельствуют многие документы, гитлеровцам не удалось склонить к сотрудничеству немцев, проживавших на территории СССР, ни в тылу Красной Армии, ни на оккупированных территориях. По признанию В. Шелленберга, приверженность к идеям большевизма у этой категории была выше, чем у русских, а участие в оказании помощи германским оккупационным властям было чуть не единичным.

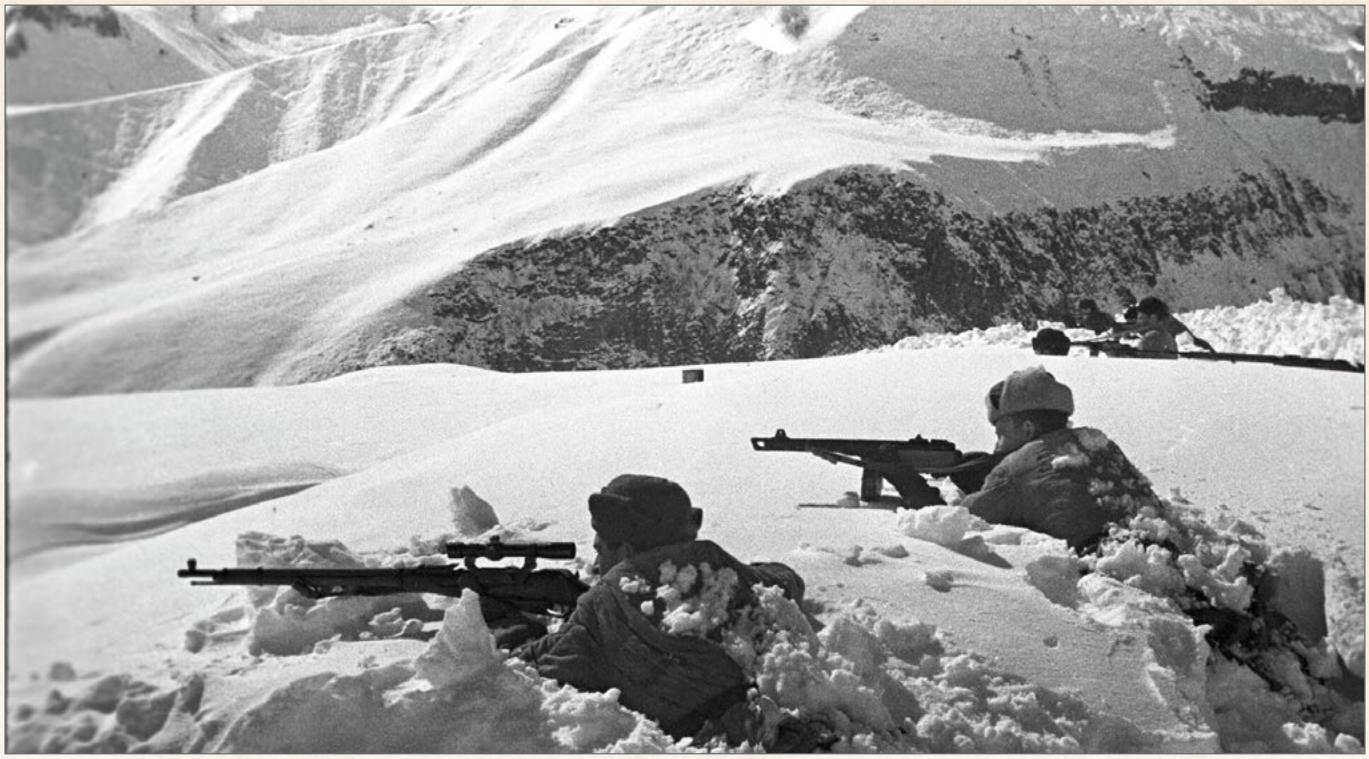
Не удалось установить фактов участия турок-месхетинцев в подрывной деятельности против СССР на стороне фашистов. Но автором не исследовалась деятельность турецких спецслужб, а, как известно Турция была союзником фашисткой Германии, поэтому полностью каких-либо связей с немецкими планами исключить нельзя.

Для всех же других депортаций народов в годы Великой Отечественной войны были вполне достаточные для этой причины. К великому сожалению, у авторов, исследующих причины депортируемых народов в годы войны, абсолютно отсутствует связь с обстановкой на фронтах, с положением в Красной Армии, в тылу своих войск, как и в целом не наблюдается связи с военной наукой, военной историей. Несмотря на высокие ученые степени и звания, подчас у некоторых исследователей нет полного представления об особенностях охраны тыла действующей Красной Армии, о тех руководящих документах, собственно определяющих реальную картину.

В своих разоблачениях и уничтожениях они заходят так далеко, что даже не гнушаются простым выдергиванием и подтасовкой фактов. К примеру, в упоминавшемся уже труде начальника Департамента по делам депортированных и репрессированных народов Министерства Российской Федерации по делам национальностей и религиозной политике Бугая Н. Ф. (1995), приводится доклад Б. Кобулова Л. Берии о результатах борьбы с терроризмом с 18 по 25 июня 1944 г., где приводятся данные о захвате 42 повстанцев, 11 немецких парашютистов, изъятии оружия и боеприпасов и далее: «Однако стабилизировать обстановку все же не смогли, меры по изъятию повстанческих элементов желаемых успехов не приносили. И вновь вина за действия отдельных повстанцев, фашистов, диверсантов перекладывалась на целый народ».

Во-первых; такому специалисту в области «депортации» не к лицу оперировать термином «террорист», тогда его употребляли крайне редко, это — бандитизм. В соответствующих указах Президиума Верховного Совета чётко было определено, что родственники бандитов подлежат ссылке. Это положение Бугаю Н. Ф., как никому другому, известно, и крайне неудобно, видимо, причислять к бандподобникам близких

▲ Теплый приём



▲ Бой на перевале

родственников, живущих сейчас, как это было тогда.

Во-вторых, как перекладывать вину на народы, в частности, на балкарцев, которые уже к этому времени находились в депортации несколько месяцев? К сожалению, это не единственный случай или эпизод. Стал гулять среди историков и такой «факт», как «особая религиозная политика немецких оккупантов», где приводится дословно: «В Нальчике части немецкой армии приняли участие в праздновании мусульманского праздника «Курбан».

В данном случае ссылка делается на научный труд В. П. Сидоренко. Но празднования немцами «Курбан-байрам» в Нальчике быть не могло по той причине, что их в это время в этом городе уже не было. Оккупировали немцы столицу Кабардино-Балкарии 29 октября 1942 г., а покинули — в конце декабря 1942 г. — начале января 1943 г., когда в город вошли советские войска. А «Курбан-байрам» в 1943 г. по лунному календарю приходился где-то на конец февраля. Теперь этот факт будет «гулять» очень долго во всех возможных, в том числе и «научных», трудах.

Пытаясь дополнить существующие представления по этой проблеме недостающими звеньями, нами предлагается ряд сопоставляющих документов, исходя из которых, следует, что инициаторов депортации некоторых народов надо искать не в лице И. В. Сталина и Л. П. Берии и их ближайшего окружения, а среди командующих в различное время Южным, Сталинградским, Северо-Кавказским и Закавказскими фронтами, Отдельной Приморской армией. Исследование различных источников позволяет сделать выводы, что в отдельных случаях для борьбы с бандформированиями в тылу Северо-Кавказского фронта привлекались до 15% имеющихся в наличии сил и средств. Это был настоящий « второй фронт».

В годы Великой Отечественной войны действовало «Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл Действующей Красной Армии», имевшее несколько исправлений и дополнений, которым очень чётко определялись границы тыла, в которых за порядок отвечает тот или иной командир или командующий фронтом. Так, в полосе дивизии первого эшелона за порядок отвечал командир дивизии, с армейского тыла, с рубежа 20-25 км до 50-55 км в глубину — начальник войск НКВД охраны тыла фронта, за порядок же охраны тыла от указанного рубежа и до 350-600 км — командующий фронтом. Все эти рубежи, с конкретной привязкой устанавливались Военными Советами фронтов, согласовывались с ГШ и НКВД СССР.

К примеру, на 30 июля 1942 г. директивой Генерального штаба по тылу № 203693 для Северо-Кавказского фронта устанавливались границы: (иск.) Астрахань, Махачкала, справа, со Сталинградским фронтом: (иск.) Кетченеры, Верхне — Курмоярская, слева, с Закавказским фронтом: (иск.) Буйнакск, Орджоникидзе, Большой Кавказский хребет, Грачево, Лазаревское. Распорядительные станции: Центр — Баку, для Северо-Кавказского фронта — район Гудермес, район Армавир и иметь представителей в Тихорецке, на контрольно-распорядительной

станции — Баку. Водная база снабжения и перевалки — Махачкала. По сути, когда враг был на территории Ростовской области, тыл фронта был определен по линии Волги и Каспийского моря. Это был рубеж, до которого определялась тыловая полоса фронта, где действовал свой определенный, фронтовой режим, как для военных, так и для гражданских лиц. И так по всем фронтам.

Из приведенного документа можно сделать вывод, что командующий фронтом в указанной полосе нес всю полноту ответственности за происходящие события и ему, по сути, были подконтрольны все, в том числе органы власти на местах. Глубина тыловой полосы была различной и зависела, прежде всего, от характера боевых действий. При подготовке к наступлению она уменьшалась, достигая 200-250 км для фронта, при обороне — увеличивалась до 350-500 км и более. Кроме того, при определении её, учитывалось наличие стратегических коммуникаций в тылу, населенных пунктов, различной инфраструктуры (базы, склады, аэродромы, порты, станции, госпитали, больницы, довольствующие органы и т. д.).

По этим причинам наличие во фронтовом тылу, какой- либо банды или мятежа, тем более мятежной территории, для командующего фронтом было недопустимо. При наличии основных сил на фронте, направить к себе в тыл на данные границы он, по сути, мог только минимум сил и средств. По этим причинам утверждения некоторых «исследователей» о том, что фронт был тогда уже «далеко» и основания для депортации нет, выглядит, мягко говоря, неконкретными и некорректными.

Многочисленные исследования современных «противников» депортации подтверждают, что действительно в тылу Северо-Кавказского фронта, а затем Отдельной Приморской армии на протяжении с лета 1943 и 1944 гг. наблюдалась очень высокая активность бандформирований и диверсионных групп противника. Но это было ещё не всё, что привело к решению о депортации некоторых народов Северного Кавказа, если бы указанные причины обусловлены были только оборонительными боями. Ситуация при наступлении и перемещении линии фронта на запад резко ухудшилась.

Да, линия тыла фронта перемещалась и автоматически борьба с бандами, которые оставались на своих местах и, как правило, не уходили с противником, перекладывалось на территориальные органы НКВД и НКГБ, а других сил и средств для решения этой проблемы было крайне мало. По сути, после снятия режима прифронтовой полосы местные органы власти оставались один на один с бандами.

Привлечение временной группировки войск НКВД в составе Северо-Кавказского округа войск НКВД (около 15 тыс.) лишь частично могло выполнить эту задачу. Вся численность войск НКВД, которые могли быть привлечены для этой задачи (войска охраны тыла и мотострелковые части и соединения) насчитывала около 300 тыс. на период депортации. К депортации же привлекалась сводная группировка войск НКВД, в различных операциях от 80 до 90 тыс. человек. Это были, как правило, полки войск НКВД, снятые с охраны тыла других фронтов и 2-3 полка ОМСДОН им. Ф. Э. Дзержинского. Из показаний Л. П. Берии известно, что проблема депортации некоторых народов Северного Кавказа, в частности чеченцев и ингушей, назрела ещё летом и осенью 1942 г., более того, уже стала создаваться соответствующая группировка сил и средств, но помешали события, связанные с битвой на Волге.

На момент депортации некоторых народов Северного Кавказа в 1944 г. обстановка в этих республиках оставалась весьма сложной: постоянными были обстрелы колонн, нападения на железнодорожные составы, идущие на фронт, на партийных и советских руководителей,

▲ Берия Л.П.

налёты на колхозы и совхозы, срыв призыва в ряды Красной Армии. Как свидетельствуют многочисленные документы, во многом этим событиям руководители спецслужб фашистской Германии умело пользовались — обеспечивали банды оружием, боеприпасами, снаряжением, деньгами, инструкторами, средствами связи. По сути, это была война в тылу фронта. По утверждению ветеранов войск НКВД, принимавших непосредственное участие в событиях того времени, известные решения о депортациях родились на неоднократных обращениях командования Северо-Кавказского фронта к Верховному Главнокомандующему.

Кроме перечисленных причин следует напомнить ещё один из важнейших фактов, а именно, значение железной дороги Баку-Гудермес-Грозный-Прохладный в тылу советского фронта. Ее стратегическую значимость переоценить невозможно. В период Великой Отечественной войны горюче-смазочные материалы более чем на две трети шли именно из Баку, Грозного, Майкопа. Приволжский нефтяной район только начинал разрабатываться. Ведь и Гитлер основной удар летом 1942 года направил именно на Кавказ — с целью лишить Красную Армию горючего. Не случайно и немецкими диверсантами на эти участки дорог выставлялись сотни мин замедленного действия, разрабатывались специальные операции «Шамиль» и другие, две трети сил специального назначения Абвером были нацелены на этот участок советско-германского фронта.

На ветку Астрахань-Гудермес нацеливалось калмыцкое кавалерийское соединение «Доктора Доля», штатного сотрудника Абвера; тем самым, пусть временно, но цель была сорвать перевозку нефтепродуктов на центральный и северный участок фронта, а также вглубь страны в 1942-1943 гг.

По сути дела диверсионно-разведывательные формирования, банды всевозможного толка в тылу именно Северо-Кавказского фронта решали главную задачу — сорвать работу стратегических коммуникаций.

Следует помнить, что главной задачей группы армии «Юг» вермахта в летней компании 1942 г. как раз и был захват всех нефтеносных районов СССР, что, как известно, оказалось невыполнимым. Теперь они пытались воспрепятствовать ритмичной работе коммуникаций другими силами и средствами. Подтверждением сказанному являются исторические формуляры 66-го полка (г. Грозный), 116-го полка (г. Баку), 123-го отдельного батальона (г. Махачкала) войск НКВД по охране железных дорог, напоминающие сводку боевых действий, хотя, как известно, в этих районах в указанный период боевых действий не было.

Так 27 июля 1942 г. резервная рота в 150 человек от 66-го полка войск НКВД (Грозный) попала в засаду в районе горы Кур-Кумас и была блокирована бандой. Через четверо суток с помощью прибывшего сводного отряда 114-го полка войск НКВД, роте удалось вырваться из мешка.

Таких боевых эпизодов насчитывается более, чем достаточно. Активным было воздействие на полотно железной дороги в тылу Красной Армии на неохраняемых участках. На участках полка личным составом войсковых нарядов в пик активности диверсантов и бандформирований в 1942-1944 гг. снималось до 10-15 противопаровозных мин и фугасов за день. Несмотря на значительную удаленность от линии фронта, воздействие на объекты на железной дороге на Северном Кавказе было чрезвычайно велико.

Об обстановке в период Великой Отечественной войны довольно полно и подробно описывает в известных своих работах Бугай Н. Ф., при этом ссылки идут на архивные источники, что не позволяет усомниться в подлинности изложенного материала. Автором приводится немало примеров деятельности Абвера на территории Северного Кавказа по дестабилизации обстановки: статистические данные, показания немецких агентов об их работе в тылу, сведения из войск о формировании «пятой колонны» в тылу Красной Армии. К примеру, за время войны на территории только Чечни и Ингушетии было изъято 18 046 единиц стрелкового оружия из них, 108 пулеметов, 339 автоматов, 11 366 винтовок. Это было то оружие, с которым дезертировали за годы войны призванные в Красную Армию чеченцы

▲ По железной дороге

▲ Пожар на нефтепромысле

и ингуши, заброшенное по воздуху немецкими спецслужбами, отбитое при нападениях на мелкие подразделения армии, войск НКВД, милиции. Этого оружия хватило бы на вооружение двух стрелковых дивизий. Для сравнения можно привести тот факт, что, примерно, сколько же оружия перешло армии Дудаева после захвата учебного центра Северо-Кавказского военного округа в 1992 г. И какой ценой его пытаются сейчас изъять в течение десяти лет наши силовые структуры.

Осенью 1941г. в лагере «Штранс», отдела «Абвер — 2» управления «Абвер-заграница» было сформировано специальное воинское подразделение — батальон «Бергманн» (горец), предназначенное для подрывной работы на Кавказе. Его командиром являлся профессор, капитан Оберлендер. До сего времени в открытой печати о нем встречаются весьма и весьма скромные сведения.

Ни одна спецслужба мира не торопится обнародовать свои способы и методы работы на Кавказе, имеющем важнейшее геостратегическое положение. Этим объясняется завеса тайны и по сей день.

Известно об Оберлендере крайне мало, в отличие от того же О. Скорцени. До войны был специалистом по изучению народов Востока, слыл весьма неординарной личностью, более того, даже к Гитлеру относится неоднозначно, несколько раз Канарисом спасался от гестапо. Но при всей его неординарности и одаренности как ученого, формировал и командовал батальоном «Бергманн», после войны был в правительстве ФРГ. Батальон комплектовался военнопленными из национальностей Кавказа и Закавказья и добровольцами из немцев, служивших в 1-й, 2-й и 3-й горнострелковых дивизиях.

Примечательной особенностью применения 2 роты, укомплектованной кабардинцами, осетинами, ингушами и чеченцами являлось то, что они планировались для назначения бургомистрами на оккупированных территориях.

Следует отметить, что после депортации чеченцев и ингушей в довольно короткое время удалось покончить с крупными бандформированиями. Не имея социальной базы, поддержки местного населения к осени 1944 г. значительная часть банд была разбита и рассеяна. Их остатки имели преимущественно семейный тип: 3-5 человек, укрывавшиеся далеко в горах, лишь изредка напоминая о себе грабежами и угоном скота. Руководство немецких спецслужб, учитывая этот фактор, прекратило заброску указанной агентуре помощников, оружия, снаряжения и других материальных средств.

Упоминающиеся сведения о том, что после депортации бандформирования стали действовать более активно и их количество выросло в полтора раза, объясняется весьма просто: после депортации всё местное руководство НКВД было заменено, вместо прежних кадров были направлены сотрудники из других регионов, поэтому статистика и учёт стали вестись более точно. Кроме того, как уже отмечалось выше, крупные банды раскололись на более мелкие, следовательно, их количество должно было увеличится. Автором подмечено, что данные по бандформированиям за любой месяц 1942 -1943 гг. поданые Управлением НКВД Грозного и командованием 141-го горно-стрелкового полка (ГСП) войск НКВД расходятся, причём, весьма существенно как по количеству, так и по тяжести совершенных преступлений.

Командир горно-стрелкового полка докладывал только на основании докладов своих нарядов, командиров подразделений, которые не могли охватить территорию всей республики даже на 1\3. Но эти показатели составляют чуть не половину тех, что подавал начальник УНКВД. По степени же тяжести количество преступлений от командования полка было выше. Причём зачастую данные о нападении на подразделения войск НКВД, сотрудников милиции вообще отсутствовали в данных подаваемых УНКВД.

История выполнения внутренними войсками задач в регионах, где вводится чрезвычайное положение в 80-90 гг. XX века целиком подтверждает вывод о том, что когда в районах, где ситуация выходит из-под контроля местных властей, органы

внутренних дел, равно как и местное руководство, никогда не бывают объективными, всегда пытается хоть как-то приукрасить положение дел.

Осенью 1944 года был расформирован Северо-Кавказский округ войск НКВД, как выполнивший свои задачи, не только в ЧИАССР, но и в целом в регионе.

Анализируя причины, обоснованность депортации других народов СССР в годы Великой Отечественной войны следует отметить, что аналогично судьбе чеченцев и ингушей, переселение было вполне обосновано с военной точки зрения.

Несомненно, что в каждом конкретном случае существовали свои особенности. К примеру, на территории Калмыкии Абвером создавалось кавалерийское соединение доктора Доля. Предполагалось его довести до 12 эскадронов. Реально успели создать 3.

В условиях степной местности, где не было никаких частей Красной Армии, войск НКВД к началу 1944 г., это могло стать реальной угрозой для тыла, прежде всего, для стратегически важного участка железной дороги Астрахань — Кизляр, большей частью проходившего как раз через Калмыкию, на расстоянии 100 — 150 км от районов наиболее охваченных политическим бандитизмом. Для нападений на этот участок нужно было два-три перехода. Не случайно, даже после депортации калмыков в июле — августе 1944 г. руководство Абвера не отказалось от своих намерений, пытаясь собрать разрозненные банды под единое руководство, обеспечить их всем необходимым, или при благоприятном развитии событии планировалось перебросить Калмыцкий легион в поддержку кавалерийских эскадронов. Именно там, в ходе чекистско-войсковой операции был уничтожен один из пяти новейших военно-транспортных самолётов Ю-290 выпущенных немцами в конце войны. Иными словами, Калмыкия в планах немецкого командования рассматривалась как регион, наиболее перспективный для выступления «пятой колонны». И только активная борьба с диверсиями советской стороны позволила их сорвать.

▲ Фашисты на перевале

Это лишь один из нескольких важных аспектов, с военной точки зрения подтверждающий необходимость борьбы с «пятой колонной».

Второе, не менее важное, заключается в особом менталитете горских народов, где не принято выдавать преступников правоохранительным органам добровольно. В подтверждении этого можно привести многочисленные примеры из документов архивов и научных исследований свидетельствующие о том, что фактов выдачи местным населением террористов (диверсантов и разведчиков) в указанных районах отмечено не было.

В ряду причин, повлекших депортацию, в частности, чеченского и ингушского народов, следует учитывать и в некоторой степени экономическую. Так в донесениях Красной Армии об экономическом и политическом состоянии бывшей Чечено-Ингушской АССР за период с 1937 по 1944 гг. отмечалось, что из-за низкой трудовой дисциплины

большинство чеченских и ингушских колхозов производственные планы не выполняли. Имели место гибель посевов, падеж скота, расхищение колхозного имущества. Вполне естественно, что с началом войны это положение ухудшилось. По сути дела на фронте от таких хозяйств ждать помощи особенно не приходилось. Вместе с тем, как свидетельствуют показания немецкого агента О. Губе и других: « чеченцы и ингуши при Советской власти жили зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время... ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обитала в Турции и Германии горская эмиграция.

Я им не находил иного объяснения, кроме того, что этими народами из чеченцев и ингушей, настроениями в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услуги, взамен которых им оставили бы хоть часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

Нечто подобное встречается в оценке калмыков от задержанной немецкой резидентуры. Для большей убедительности этого фактора далеко не лишним будет напомнить, что в январе 1944 г. была снята блокада Ленинграда, отменили известные 125 г блокадного эрзац хлеба, да и в тылу люди, также работавшие на фронт, на победу, голодали.

Поэтому стремление заставить работать в условиях депортации целые народы выглядело вполне оправдано. Не случайно обеспечение работой депортированных держалось на контроле. Уже в мае 1944 г. 80% чеченских и ингушских семей работали в артелях, 75% имели приусадебные участки и огороды, даже получали некоторые льготы, которых не имело местное население.

Другим аспектом, тоже экономического характера, можно считать затраты на борьбу с бандформированиями в мирных условиях.

Исследование возможности создания «пятой колонны» на территории республик Закавказья следует искать, прежде всего, в обстановке в этом регионе во время Великой Отечественной войны. Несомненно, что там не было таких активных действий, как на Северном Кавказе, но ситуация оставалась далеко не простой.

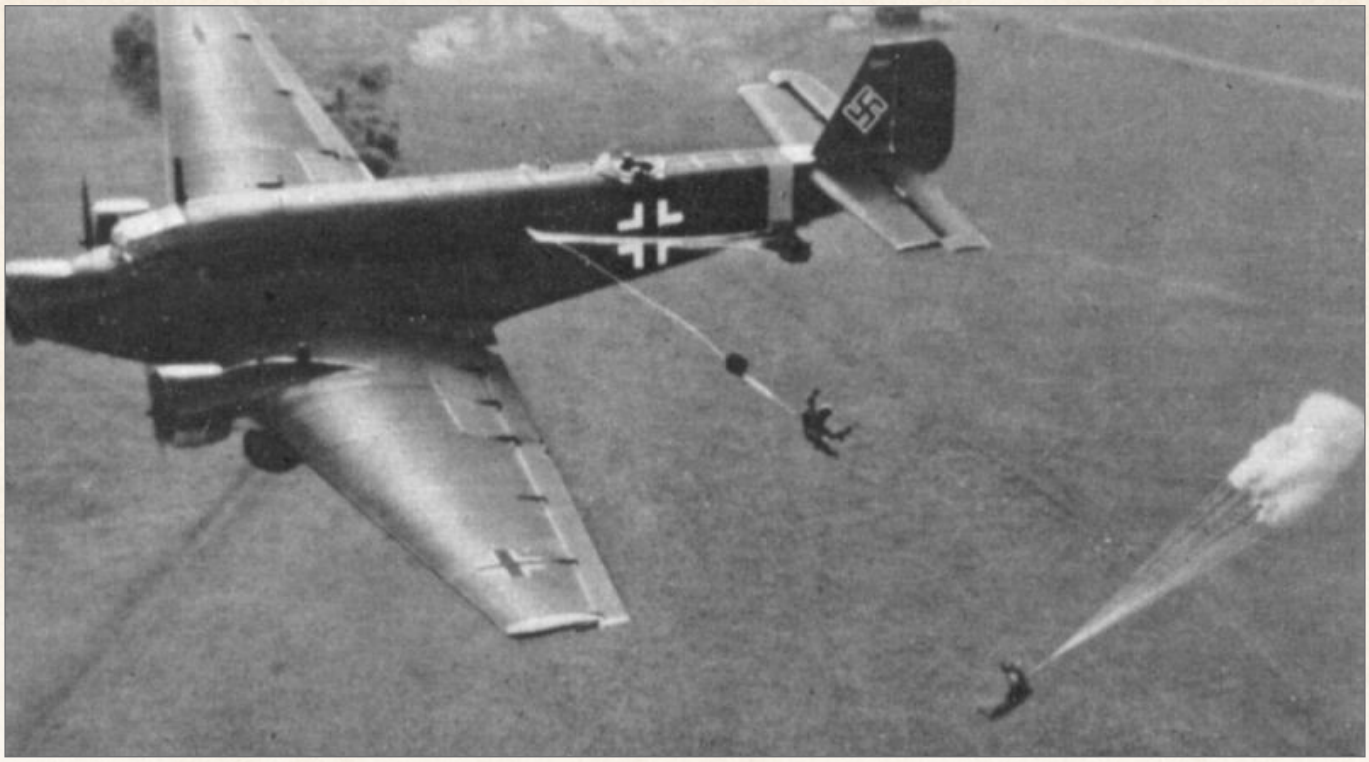
▲ Крым, 1942 г.

Главным противником СССР на южной границе была Турция. С началом советско-германской войны она объявила частичную мобилизацию. Из центральных и западных районов в Восточную Анатолию завершилась переброска 18 дивизий, и сосредоточение их в приграничных с СССР районах. Непосредственно к линии границы для сосредоточения ударных группировок было выдвинуто до 3 дивизий и усилилась пограничная охрана. Современные дороги, укрытия, линия связи. На линии границы появились рекогносцировочные группы. В приграничных районах велись военные приготовления местного населения.

Иранское правительство, внешне прикрываясь политикой «нейтралитета», также вело военные приготовления. Иранскими властями применялись меры по созданию бандформирований в пограничной полосе для борьбы против СССР. Одной из таких мер явилось проведенное в г. Ардебиль 22 июня 1941 г. совещание с главами шахсеванских племен, на котором они поклялись быть верными правительству и обязались создать военные отряды из шахсеван, ранее занимавшихся бандитизмом на советской территории. В связи с этим правительство отменило существовавшие ограничения для шахсеван в отношении пользования пастбищами в пограничной полосе. В сентябре-декабре 1941 г. в пограничной полосе Ирана насчитывалось около 70 банд, численностью от 4 до 40 человек.

Такое же совещание было проведено в середине июля 1941 г. турецкими властями в г. Хой. В июле-августе турецкие пограничные войска активно создавали в пограничной полосе так называемые «черно-партизанские» отряды в составе 10-15 чел, каждый, для диверсионно-террористических действий на территории СССР.

В связи с наступлением немецких войск на юге в 1942 г. разведы-



▲ Выброска десанта

вательно-подрывная деятельность со стороны Турции и Ирана активировалась, особенно среди населения в пограничной полосе Грузии и Азербайджана.

В этот период отмечается оживление агентов немецкой разведки в этих государствах против СССР. Из числа нарушителей границы в Азербайджанском и Туркменских округах был разоблачен 31 агент немецкой разведки, кроме того, из числа арестованных в пограничной полосе обезврежено 16 агентов.

Со стороны Турции и Ирана банды прорывались на территорию СССР в 1942 г. 74 раза, постоянными были обстрелы застав, пограничных отрядов.

В 1942 г. территория Турции активно использовалась фашисткой Германией для воздушного шпионажа, переброски своей агентуры, диверсионно-разведывательных групп и специальных авиадесантов на территорию Кавказского региона. В течение года пограничные войска зафиксировали 58 случаев нарушения воздушной границы СССР со стороны Турции немецкими самолетами. Кроме того, 25 случаев полетов германских самолётов «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111» со стороны Чёрного моря в прибрежную полосу Грузии.

В 1943 году в пограничных районах Грузии, Азербайджана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии обстановка существенно осложнилась. В этих районах стали оседать местные жители, стремившиеся уклонится от призыва в Красную Армию. В последующем они перешли на нелегальное положение, стали объединятся в группы, вооружаясь, нападать на склады, магазины, колхозы, совершать теракты.

Такие нелегальные отряды пополнялись в 1942-1943 гг. диверсионно-разведывательными группами, выброшенными гитлеровской разведкой с самолётов. К 1943 г. они являлись базой для ведения разведывательной деятельности против СССР.

В такой обстановке находился наш Закавказский фронт. С севера — немецко-фашистские войска, с трудом сдерживаемые Северо-Кавказским фронтом, с юга — Турция, Иран — в любой момент готовые начать боевые действия. Ситуацию и без того сложную в стратегическом плане усугубляли горные условия. Разобщенность сухопутных коммуникаций с лета 1942 г. до июля 1944 г. вдоль Чёрного моря, прерванное сообщение по Военно-Грузинской дороге — сентябрь — декабрь 1942 г. и единственная сухопутная коммуникация связывающая, с «большой» землей — это железнодорожная ветка Баку — Махачкала — Кизляр — Астрахань. Именно по данной дороге осуществлялось всё обеспечение в указанный период Черноморского флота оставшегося портах: Геленджик, Туапсе, Поти, Батуми. По сути, указанная железнодорожная ветка оставалась единственной сухопутной артерией связывающей все республики Закавказья с центром.

Именно в этих чрезвычайно сложных условиях и была осуществлена депортация турок, хемшинов, курдов, носившая, казалось, на первый взгляд более карательный характер, нежели вызванная необходимостью обезопасить тыл. Но, тем не менее, вероятность того, что немецкое командование или турецкое запустят механизм «пятой колонны» сохранялось в тот период.

Конечно, причиной депортации некоторых народов Северного Кавказа выглядят не всегда обосновано с теперешней точки зрения местных архивов, например, Карачаево — Черкессии, но архив Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД содержит весьма немало документов, до сих пор по различным причинам не рассекреченных, которые позволяют на причины депортации карачаевцев, да и балкарцев взглянуть несколько иначе. Прежде всего, следует проблему депортации карачаевцев и балкарцев всё-таки рассмотреть через призму замыслов врага, его спецслужб. Решение о депортации тех или иных народов обусловливалось возможностью их активного вовлечения на свою сторону, использования в своих замыслах. Этим планам вполне отвечали различные антисоветские организации, политические центры, которые создавались в недрах Абвера, РСХА, прежде всего, имевших сугубо выраженную прогерманскую ориентацию. К таким можно отнести в Карачаевской АО «За религию Карачая», в Кабардино-Балкарии «Балканская армия», Карачаевский национальный комитет «Свободный Карачай». Фонды Главного управления по борьбе с бандитизмом позволяют сделать вывод, что эти организации работали под патронажем Абвера и РСХА.

В принципе, любая организация, партия, не может существовать на оккупированной территории без одобрения властей, служб безопасности, которыми на местах были подразделения РСХА. Поэтому любой вопрос, автономии, самостоятельности и свободы этих структур можно смело брать в заслугу всех руководителей спецслужб врага, от которых зависело абсолютно все.

В архивных фондах хранятся документы, подтверждающие, что мятеж в Карачае в январе 1943 г. возник по рекомендации немецких спецслужб. После его подавления, в марте, лидерам, так называемых карачаевских «подпольных» организаций, оставшимся на свободе, снова было предписано поднять мятеж.

Не безынтересно, что эти события детально описаны в упоминающимся научном труде Г. В. Марченко, более того, приводится пример, что некоторые лидеры и бандиты уходили по горам в след за хозяевами, а в дальнейшем продолжали работу уже в Италии, в г. Паллиуида, где также находится центр по подготовке отрядов из числа горской молодежи для продолжения борьбы с советской властью.

Развитие событий привело к тому, что в этих условиях в июле 1943 г. распоряжением ГКО СССР призыв карачаевцев в Красную Армию был отменен. Несомненно, какой смысл вооружать своих граждан, будучи уверенным, что они с этим оружием уйдут в горы. Как вывод, можно заметить, что немецкие спецслужбы,

▲ Власовцы

даже после депортации карачаевцев, продолжали содержать Карачаевский национальный комитет для подготовки горцев в формирования новой «пятой колоны».

Наиболее сложная обстановка в 1942 — 1944 гг. была в Кабардино-Балкарии. В этот район были направлены два кавалерийских эскадрона батальона «Бергманн» дивизии «Брандербург-800» (Абвер-II). Опираясь на указанные силы в период оккупации в Нальчике, было создано марионеточное правительство во главе с князем С. Шадовым. В результате активной деятельности этого «правительства» и подразделений Абвера в довольно короткий срок, за 2 месяца, была создана база, позволившая после освобождения этих районов Красной Армией иметь там мятежную территорию на протяжении всего 1943 г. и первой половине 1944 г. Для борьбы с бандитами и десантами врага применялись значительные силы и средства.

Исследования деятельности немецких спецслужб на Северном Кавказе позволяет отметить одну важную особенность, что пик заброски диверсионных групп приходилось на лето 1944 г. Наибольшая плотность наблюдалось в Кабардино-Балкарии (около 80 человек). Это объясняется следующими причинами:

- во-первых, оставшимися бандформированиями необходимо было управлять;
- во-вторых, весенне-летний период наиболее благоприятен, так называемая «зеленка», позволяет легко укрываться;
- в–третьих, отвлекались значительные силы и средства на их поиск и ликвидацию;
- в-четвертых, затруднить восстановление деятельности органов местного управления, сельского хозяйства, в данных районах, областях;
- в-пятых, подорвать экономику регионов за счёт вбрасываемых фальшивых советских денег. Данное положение основано на утверждении В. Т. Огрызко, участника ликвидации некоторых диверсионных групп в Кабардино-Балкарии в должности командира 1-го МСБ 1-го МСП ОМСДОНа. Все задержанные группы имели фальшивые советские денежные знаки внушительными суммами от 500 тыс. до полутора миллионов рублей. Относительно утверждений о том, что при депортации войсками и органами НКВД творился беспредел, существует множество документов, опровергающих воспоминания очевидцев.

Для примера можно привести некоторые положения из докладной записки «Об итогах следственной работы» после переселения калмыков (операция «Улусы») 28-29.12.43 г.

Задержано по подозрению в бандитизме и дезертирстве — 432 человека. Из них в процессе проверки передано в другие органы — 17человек, освобождено за недостаточностью улик — 84 человека, за отсутствием состава преступления — 76 человек, прекращены дела за смертью задержанных — 13 человек;

Осуждены по статьям УК РСФСР:

- 58-1 — 112 чел.,
- 58-1 «б» — 154 чел.,
- 58-2 — 18 чел.,
- 58-3 — 9 чел.,
- 58-14 — 1 чел.,
- 58-3 — 16 чел.,
- 193 7п «г» — 5 чел.,
- 193 10п «г» — 3 чел.

Из осужденных входили в состав бандгрупп — 14 чел. Признались в участии в вооруженных ограблениях — 12 случаях; грабежах- 16 чел; расстрелах военнослужащих Красной Армии — 28 чел., изнасилованиях — 4 чел; участиях в бандформированиях — 18 чел. Задержанными бандитами было расстреляно мирных граждан и партийно-советского актива — 35 чел. В результате рассмотрения уголовных дел 18 человек приговорены к высшей мере наказания, остальные осуждены к различным срокам заключения. Оказали сопротивление и были убиты — 8 чел, расстреляно — 10. При задержании расстреляны на месте преступления — 4 чел.

Из приведенного видно, что не было стремления всех сделать врагами, даже из тех, кого задержали. Этот факт далеко не единственный. Подобного рода документы можно найти и по другим случаям депортации. За соблюдением мер социалистической законности велся строгий надзор. Известны случаи, когда особо ретивые следователи, к примеру, летом 1942 г., выбивавшие признания у подозреваемых, разжаловались в рядовые и направлялись в штрафные подразделения (Юго-Западный фронт).

Таким образом, следует признать, учитывая масштабы Великой Отечественной войны, её беспрецедентный территориальный размах, что и депортация имела соответствующие размеры. Помимо того, ее масштабность объясняется также сосредоточением основных усилий немецких спецслужб на отдельные территории, группы, слои населения, национальности, целенаправленную политику по разложению, дестабилизации тыла, воздействию на наиболее уязвимые участки и направления.

Использование войск и органов НКВД, НКГБ СССР для депортации некоторых народов в целях предотвращения или борьбы с «пятой колонной», как основной составляющей сил и средств, вполне закономерно и оправдано. Историки, которые изучали некоторые документы, касающихся специальных операций, отмечают их продуманность и высочайшую организацию.

Награждение высшего руководства НКВД полководческими наградами, в том числе орденом Суворова, абсолютно соответствовало характеру поставленной задачи. Ведь полководец А. В. Суворов не только блестяще бил врагов России, но и подавлял врагов внутренних тем же широко известным принципом «не числом, а умением». Лишение боевых наград после известных решений так называемого XX съезда КПСС участников тех событий, командиров, командующих войсками, начальников НКВД — глубоко ошибочно.

Здесь важно напомнить вывод голландского историка-специалиста по истории гитлеровской «пятой колонны» Л. Ионга: «В конечном счёте, на самом Гитлере, его приспешниках

и на последователях лежит подлинная вина за все те преследования, притеснения и казни, которым подвергались (иногда заслуженно, иногда нет) действительные, потенциальные и мнимые члены «пятой колонны».

Для нас должны быть важными также выводы и мнения, сделанные ранее объективным западным историком, признавшим, что обширная гитлеровская «пятая колонна» существовала во всех европейских странах и даже на других континентах, куда готовилась вторгнуться гитлеровская Германия, в том числе и в Советском Союзе.

Признавая этот вывод, сделанный примерно в то же время, что и так называемый XX съезд партии, нужно признать грубейшей политической ошибкой утверждение тогдашнего советского неотроцкистского лидера об отсутствии всякой военной необходимости депортации народов в годы Великой Отечественной войны. Тем более выглядит абсурдным и лживым обвинение И.В. Сталина в ошибках на этот счёт.

Сталин нашёл выход из тяжелейшего положения. Остается лишь сожалеть, что правду об этих событиях вначале замалчивали, потом стали искажать, показывать обратную, малопривлекательную сторону, изображать, убирая из поля зрения то, ради чего это все проводилось.

Факты депортации некоторых народов СССР в годы Великой Отечественной войны — это история, одна из её трагических страниц. Война не ограничивается только сражениями на театрах военных действий, это неимоверно тяжелый труд в тылу, многочисленные жертвы среди мирного населения, всевозможные лишения. Во время войны терпят лишения не только солдаты в окопах, но и мирное население.

Сегодня, поднимая на щит депортируемых, надавливая на больную мозоль кавказского самолюбия, определенные политические круги накапливают себе политкапитал. А публикации ряда изданий, некоторые так называемые научные труды, сродни фашистским подстрекательным листовкам, играют на обидах более чем полувековой давности, сеют вражду между нациями и народностями.

Объективная точка зрения на события, связанные с депортацией, все-таки возобладала в Генеральном штабе Вооруженных Сил России в 2003 году: *«Ни перед каким народом, проживающим ныне в пределах Российской Федерации, российское общество и государство, не несут исторической ответственности за какое — либо «проявление» геноцида. Что касается сегодняшних претензий к Российской Федерации по поводу имевших место в 40-е годы событий, связанных с перенаселением народов Чечни и Ингушетии, то они были вызваны объективными причинами, связанными с безопасностью южных границ государства.*

Осознание данного исторического факта составляет основу формирования государственно-патриотического сознания граждан России, представителей органов государственной власти, военнослужащих Вооруженных Сил, других войск». ■

▲ Сталин

ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ — В МИД ГЕРМАНИИ

ТЕЛЕГРАММА

Москва, 7 мая 1941 — 14.02 Получена 7 мая 1941 — 15.10

Срочно!

№ 1092 от 7 мая

Секретно!

▲ Шуленбург

Сталин, сменив Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, таким образом, возглавил правительство Советского Союза. Молотов занял должность заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и наркома иностранных дел. Это изменение объяснено перегруженностью Молотова работой, но на самом деле означает реальное падение его авторитета. Причину этого следует искать в недавних ошибках во внешней политике, которые привели к охлаждению дружественных германо-советских отношений, за создание и сохранение которых Сталин постоянно боролся, в то время как личная инициатива Молотова часто направлялась на защиту собственной позиции.

В новом качестве Председателя Совета Народных Комиссаров, т. е. премьер-министра Советского Союза, Сталин берет на себя ответственность за все действия советского правительства как во внутренних, так и во внешних сферах. Это положит конец неестественной ситуации, когда власть признанного и бесспорного вождя народов Советского Союза не основывалась на Конституции. Сосредоточение всей власти в руках Сталина означает повышение авторитета правительства в СССР и новое возвышение Сталина, который, очевидно, полагает, что в ситуации, которую он считает серьезной, он лично должен взять на себя полную ответственность за судьбу Советского Союза. Я убежден, что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений между СССР и Германией.

Шуленбург

ДОНЕСЕНИЕ

Москва, 12 мая 1941 г.

В Министерство иностранных дел. В Берлин

Секретно!

Содержание: Назначение Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров

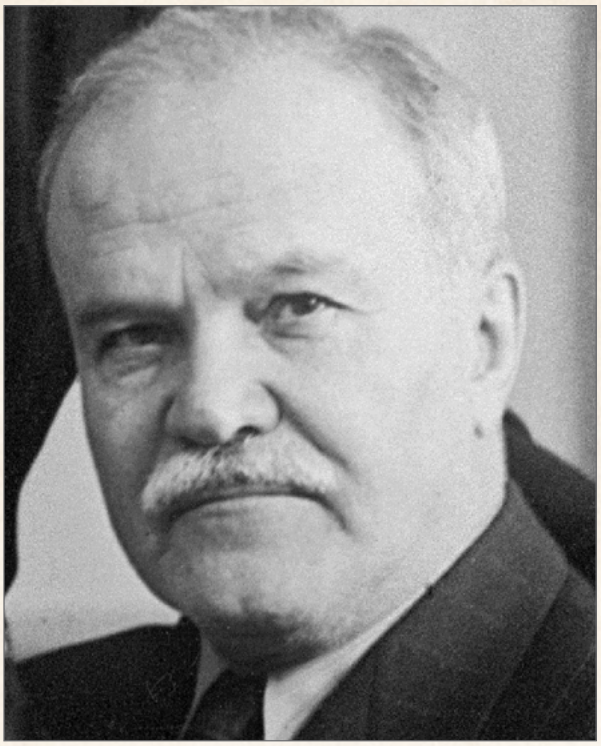
В связи с телеграммами № 1092 от 7 мая, а также со ссылкой на телеграммы № 1113 от 8 мая, № 1124 от 10 мая, № 1115 от 9 мая, № 1120 от 9 мая и № 1137 от 12 мая.

Назначение Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров служит иллюстрацией к настоящему политическому положению Советского Союза. Решение Сталина принять на себя эту должность, которую после большевистской революции первым занимал В. И. Ленин, имеет особое значение в связи с тем, что Сталин ранее избегал занятия государственного поста. Свое могучее положение в партии и государстве Сталин завоевал исключительно своим личным авторитетом и с помощью преданных ему людей. Никакие проблемы внутренней или внешней политики не могли ранее побудить Сталина к отказу от сохранения индивидуального, характеризующего его положения. Даже когда сталинская Конституция, его личный труд, вошла в силу, он, вероятно умышленно, воздержался от занятия высшего государственного поста.

Причины, которые привели Сталина к вынесению этого решения, не могут быть выяснены, например, прямыми вопросами компетентным советским официальным лицам из-за здешних специфических условий. Новый французский посол, не сведущий в этом деле, попытался тем не менее сделать это и задал этот вопрос по случаю своего первого визита к первому заместителю комиссара иностранных дел Вышинскому, генеральному секретарю Комиссариата иностранных дел Соболеву и начальнику отдела Кузнецову. Трое запрошенных господ выразились спонтанно и единодушно в том смысле, что назначение Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров является величайшим историческим событием со дня существования Советского Ссгоза. Спрошенные о причинах этого назначения, три господина, после небольшого колебания, заявили, что назначение Сталина было вызвано слишком сильной перегруженностью Молотова. Когда им было указано на несоответствие между причиной и следствиями, запрашиваемые господа не знали более, что ответить.

Не может быть сомнения в том, что принятие на себя Иосифом Сталиным председательствования в Совете Народных Комиссаров представляет собой событие чрезвычайной важности. То, что это событие было вызвано вопросами внутренней политики, как здесь первоначально заявлялось, особенно среди корреспондентов иностранной прессы, я не считаю соответствующим действительности. Я не знаю ни о каком вопросе, который мог бы в результате внутреннего состояния Советского Союза вырасти до такого значения, чтобы сделать необходимым принятие такой меры со стороны Сталина. Скорее, можно сказать с большой степенью вероятности, что, если Сталин решил принять на себя высшую государственную должность, это было сделано по причинам внешней политики. Для того чтобы навести ясность в специфических обстоятельствах, которые должны были повлиять на решение Сталина, нужно указать на ряд событий, которые имели место в предыдущие дни. Так, всеми было замечено, что на большом первомайском параде советский посол в Берлине Деканозов стоял на правительственной трибуне прямо рядом со Сталиным, справа от него. Возвышение Деканозова должно рассматриваться как особый знак доверия со стороны Сталина. Кроме того, на параде и на большом приеме в Кремле, который затем последовал, приняло участие необыкновенно большое число генералов и адмиралов Красной Армии и Красного Флота. Наконец, 5 мая выпуск выпускного курса Военной академии послужил причиной для довольно большой церемонии, на которой Сталин выступил с 40-минутной речью. Поскольку назначение Сталина было объявлено Кремлем 6 мая, очевидно предположение, что беседы с советским послом в Германии и общение с представителями генералов от штаба привели Сталина к решению взять на себя председательствование в Совете Народных Комиссаров. Никакая другая причина, кроме переоценки международного положения на основании германских успехов в Югославии и в Греции и понимания, что это делает необходимым отход от прежней дипломатии советского правительства, приведшей к отчужденности в отношениях с Германией, не может быть указана. Возможно также, что противоречивые мнения, заметные среди партийных

▲ Сталин И.В.



▲ Молотов В.М.

политиков и высокопоставленных военных, утвердили Сталина в решении отныне взять управление в свои руки.

Если бросить взгляд на официальные заявления и законы, обнародованные с момента принятия Сталиным должности, которые в известной мере могут быть приняты во внимание, можно сказать, что в первоначально распространяемой иностранными корреспондентами, особенно японским агентством Домей, версии, что назначение Сталина легализует существующее положение и что все прочее останется по-старому, было, несомненно, обойдено существо дела.

Все заявления и законы, о которых идет речь, касаются сферы внешней политики. Сюда включаются: 1. Опровержение ТАСС о якобы сосредоточивающихся на западных границах Советского Союза крупных вооруженных силах и т.д. 2. Закон о восстановлении дипломатических званий (посол, посланник, поверенный в делах). 3. Решение о закрытии посольств Бельгии, Норвегии и Югославии и 4. Правительственное решение об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Ираком.

Обеспечивая им свои собственные интересы, эта манифестация намерений сталинского правительства рассчитана в первую очередь на ослабление напряженности между Советским Союзом и Германией и на создание в будущем лучшей атмосферы. Прежде всего, это следует из того, что лично Сталин всегда стоял за дружеские отношения между Германией и Советским Союзом.

Само собой разумеется, что здешний дипломатический корпус строит множество догадок о том, что побудило Сталина принять эту конституционную должность в такое время. Примечательно, что предположения расходящихся во мнении кругов совпадают в том, что Сталин ведет политику на сближение с Германией и Осью.

По-моему, можно с очевидностью предположить, что Сталин поставил перед собой политическую цель, представляющую для Советского Союза первостепенную важность, цель, которую он надеется достичь путем своего личного участия. Я твердо убежден, что в международной ситуации, которую он считает серьезной, Сталин поставил своей целью предохранение Советского Союза от столкновения с Германией.

Граф фон дер Шуленбург

ЧЕРНЫЙ ЮМОР

Анекдоты о политическом деятеле — это показатель народной признательности. Народная любовь неизменно наделяет объект своих чувств положительными чертами. Углубляя и расширяя то, что имелось на самом деле. Сталин имел прекрасное чувство юмора. Это отмечали многие его современники. Примеры блистательных шуток вождя украсили собой не одни мемуары. Но народная любовь, словно морская волна, она шлифует то, что есть, придает ему новую форму. Так и сталинский юмор был отшлифован временем.

▲ У. Черчилль и И. Сталин

Черчилль спрашивает Сталина:
— Что бы Вы сделали с Гитлером, попадись он в плен?
Сталин отвечает, не задумываясь:
— Раскалил бы докрасна кочергу и холодным концом воткнул бы ему в задницу.
Черчилль недоумевает:
— Почему — холодным?
Сталин уничижительно смотрит на британского премьера:
— Чтобы, Вы, господин Черчилль, не помогли бы Гитлеру её вытащить.

В 1948 году Сталин смотрел фильм «Поезд идет на восток». Фильм не ахти какой. Действие происходит в поезде. Но вот поезд останавливается.
— Какая это станция? — спросил Сталин.
— Демьяновка.
— Вот здесь я и сойду, — сказал Сталин и вышел из зала.

***

Во время войны солдаты 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала Баграмяна первыми вышли к Балтике. Командующий фронтом решил порадовать Сталина, налил в бутылку воды из Балтийского моря и велел своему адъютанту лететь с этой бутылкой в Москву, к Верховному. Но пока он летел, немцы контратаковали и отбросили войска Баграмяна от балтийского побережья, но адъютант этого не знал. И вот гордый адъютант входит в кабинет Сталина представляется, и с пафосом докладывает:

▲ Генерал Баграмян

– Товарищ Сталин, генерал Баграмян посылает Вам воду Балтики!
Сталин, прекрасно зная военную оперативную обстановку, берет бутылку, несколько секунд вертит ее в руках, после чего отдает обратно адъютанту и произносит:
– Верните ее товарищу Баграмяну, пусть он ее выльет в Балтийское море!

***

Каганович представил Сталину проект реконструкции Красной площади. На макете с передвижными конструкциями можно было рассмотреть все до мельчайших подробностей. Сталин с интересом разглядывал макет, а Каганович рассказывал о планах реконструкции, передвигая макеты старых зданий и новых построек. Сталин, молча, слушал. Каганович по-своему истолковал молчание и, войдя в раж, перешел к главному – к переносу здания храма Василия Блаженного. Он потянулся к миниатюрному макету здания и тут же услышал: «Поставь храм на место».
На этом обсуждение проекта реконструкции Красной площади было закончено.

***

Как-то Сталин долго не мог связаться с генеральным секретарем Союза писателей Александром Фадеевым: того просто не было на работе. Когда автор «Молодой гвардии», наконец, объявился, Сталин спросил:
– Где вы пропадали, товарищ Фадеев?
– Был в запое, – с большевистской прямотой ответил тот.
– А сколько дней у вас обычно длится запой?
– Дней десять-двенадцать, товарищ Сталин.
– А не можете ли вы, как коммунист, проводить это мероприятие дня в три-четыре?

С.Н. СЕМАНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

«Темно и скромно происхождение нашего героя... Жизнь при начале взглянула на него как-то кисловато, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве! Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето, отец, больной человек...».

Гоголь, Гоголь, великий русский писатель, он предвидел в судьбе родины, кажется, все, включая появление на свет божий Андропова Юрия Владимировича.

Да, происхождение его «темно», это уж точнее не скажешь. Присмотримся к биографиям советских вождей — Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева. Там с их «происхождением» все совершенно ясно и бесспорно: где родились, каковы семьи и окружение, национальность, детство — с самых нежных времен. Известно, подробно описано, никаких сомнений не вызывало и не вызывает. А тут совсем иной случай.

Прежде всего, ни в одном из существующих до сей поры справочных изданий ничего не сказано об именах и возрасте родителей, братьях и сестрах (если такие были). В справочнике 1974 года говорится: «Родился в семье служащего-железнодорожника», в энциклопедическом справочнике за 1981 год вообще ничего о том не сказано, и только в газетах от 13 ноября 1982 года приведены кое-какие подробности: «Родился в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края». И все. О матери вообще слова нет.

Весьма сомнительным в биографии Андропова является вопрос о его национальности. Вообще-то подобной темы советские официальные издания с давних пор и вплоть до нынешних старались избегать. Дело повелось еще с 20-х годов, когда многие «пламенные революционеры» по разным причинам любили псевдонимы, а рассуждать о своем национальном происхождении, напротив, не любили.

▲ Андропов Ю.В.

Так вот, в энциклопедиях и прочих справочниках о национальности Андропова ничего вообще не говорится. Есть одно исключение — биографии членов Верховного Совета в 1974 году; там о нем сказано кратко: «русский». Впрочем, тот же источник причисляет к русским Александрова-Агентова, Арбатова, Замятина, Иноземцева и т. д. по алфавиту.

Но вот в «Правде» появляется первая официальная биография Андропова в качестве Генсека. Помню, всех поразило тогда: его национальность никак не была обозначена. Никак. Это было неожиданно, ибо не только партийные верхи, но и космонавты без этой анкетной приметы перед народом еще не выступали. Ясно и то, что без ведома самого новоиспеченного Генсека такое было бы невозможно.

С тех пор болтают разное, причисляют его и к грекам, и к евреям, и к северокавказцам, но это пока одни сплетни. Только узнав о его родителях и родне, можно будет что-то определенное установить. Но это — не сегодня и вряд ли даже завтра.

Семанов Сергей Николаевич (1934-2011), писатель, историк, кандидат исторических наук. Родился в Ленинграде в семье интеллигентов: отец профессор-гидротехник, проектировщик шлюзов и плотин, мать — учительница. В 1956 г. окончил истфак Ленинградского ГУ. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию. Перелом во взглядах наступил в 1967-1968 гг. после арабо-израильской войны (когда явно проявилось «двойное гражданство» советских евреев) и пресловутой «пражской весны», где отчетливо был виден сионистский след. Семанов начал участвовать в работе «Русского клуба». В 1969 г. в Москве стал заведующим редакцией «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая Гвардия» и с помощью писателей-патриотов популярная книжная серия из либерального центра стала оплотом русских сил. В этой серии Семанов выпустил свои книги об адмирале Макарове, генерале Брусилове. С января 1976 г. он главный редактор журнала «Человек и закон». Ему удалось из скромного ведомственного издания создать очаг русской публицистики с многомиллионным тиражом. В апреле 1981 г. по записке Ю. Андропова в Политбюро ЦК был снят с поста редактора, поставлен под надзор с запрещением работать и печататься, вызывался на допросы в Лефортово, было заведено дело об исключении из партии. С апреля 1988 г. — первый заместитель председателя Всероссийского фонда культуры. Написал книгу о Несторе Махно, опираясь на материалы, полученные в свое время от его вдовы и дочери. С 1991 г. старший научный сотрудник Института мировой культуры РАН. Выпустил биографию И. В. Сталина, книги об Ю. А. Андропове, работы об Александре III, канцлере Горчакове, о «Тихом Доне» М. Шолохова. Член редколлегии и постоянный автор журнала «Наш современник». Открыто выступал против иудо-масонской власти и разоблачал в печати ее приближенных, всемерно боролся с сионистским растлением русской духовности и культуры.

А пока ограничимся лишь тем, что есть в наличии.

Итак, документальных данных бесспорного характера о национальном происхождении Андропова до сих пор не имеется. А что есть? Только разного рода более или менее достоверные предположения. Одним из первых высказался профессиональный диссидент и упорный интернационалист Рой Медведев. В 1993 году он заявил весьма уклончиво: «Будущий генсек рано потерял родителей; его отец умер, когда Юрий был еще маленьким ребенком. Мать снова вышла замуж, но ненадолго пережила первого мужа. Она была учительницей, и после ее смерти Юрий жил и воспитывался в семье отчима. Учился он в семилетней школе города Моздока» и т. д. Как видно, интернационалист Рой о национальности своего героя вообще не счел нужным упомянуть. Какая, мол, разница, товарищи...

Впрочем, через шесть лет Медведев снова вернулся к этому сюжету. В другой своей книге, гораздо более широкой по привлеченному материалу, ему пришлось откликнуться и на другие точки зрения. «В статьях авторов «русского направления» можно найти немало спекуляций относительно чистоты родословной Юрия Андропова. У него находили следы армянского, греческого и, конечно же, еврейского происхождения. «Происхождение Андропова темно, — пишет Сергей Семанов. — ...Только узнав о его родителях и родне, можно будет что-то определенное установить. Но это — не сегодня и вряд ли даже завтра». Но молодые люди 20—30-х годов, как и лидеры страны и партии, мало думали о своих ближних и дальних национальных корнях, тем более на Северном Кавказе. На первом месте в Советском государстве стоял социальный статус, у Юрия Андропова он был по тем временам безупречен».

Нет, наводит тут тень на плетень интернационалист Медведев! В двадцатых годах, когда в правящей советской верхушке царила открытая русофобия, с «национальными корнями» очень даже считались. Евреев на властных сферах было тогда чрезвычайно много, но часто они брали русские фамилии и даже записывались русскими, а заикаться об этом вслух, тем паче — задавать уточняющие вопросы почиталось делом идейно порочным.

Медведеву вторил другой крупный интернационалист, но уже рус-

ского происхождения, отставной генерал-политработник Д. Волкогонов, известный «кающийся коммунист». В 1995-м он писал: «На Западе многие писали, в частности А. Авторханов, что у Андропова мать — еврейка. То, что в нормальном обществе никогда и никого не интересует, в СССР приобретало некий зловещий и магический смысл». Странно. Ни чукчи, ни чеченцы, как и чуваши, черкесы и многие бесчисленные народы, никогда не скрывают своей национальности, напротив, охотно говорят о том, но вот о еврейском происхождении кого-либо толковать в «нормальном обществе» нельзя...

Заметим, что оба интернационалиста напрочь уходят от вопроса о национальности Андропова. Ну, назвали бы его русским или греком, кем угодно еще. Нет и нет. А ведь лукавили оба автора, знали они истинное происхождение своего героя, иначе не петляли бы так в общих словах.

Впрочем, знали об этом, как говорится, «все, кому положено». Мне рассказывали под запись отставные чекисты в немалых чинах, что на Лубянке истинную национальность своего шефа ведали доподлинно и меж собой о том не стеснялись даже говорить (не на партсобраниях, конечно). Знали и столичные журналисты, и писатели, и идеологические столичные верхи.

Впрочем, осведомленность о происхождении Андропова имелась и в провинции, даже весьма отдаленной. Один из ближайших сподвижников М. Горбачева рассказывал, когда оба они находились уже в глубокой и не очень почтенной отставке: «Однажды Горбачев сказал: «А что Андропов сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересажавшего в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают»». (В. И. Болдин. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 135).

Ну, ясно, о какой именно «половине крови» намекал Горбачев, о той самой, о которой в «нормальном обществе» говорить не положено...

Как теперь достоверно известно, сам Андропов об этих разговорах на свой счет был вполне осведомлен. Однажды он поделился этим с главным кремлевским лекарем, небезызвестным в свое время Евгением Чазовым. Вот что тот рассказал в 1995 году в позднейших воспоминаниях. «Недавно мои люди, — говорил Андропов, тогда еще глава КГБ, — вышли в Ростове на одного человека, который ездил по Северному Кавказу — местам, где я родился и где жили мои родители, и собирал о них сведения. Мою мать, сироту, младенцем взял к себе в дом богатый еврей. Так даже на этом

Мать Юрия Андропова – Евгения Карловна Флекенштейн. Со слов самого Андропова, его мать была приемной дочерью богатых евреев, уроженцев Финляндии, владельцев магазина "Ювелирные вещи" в Москве. С 17 лет Евгения Карловна работала учителем музыки в женской гимназии Ф. Ф. Мансбаха в Москве. Евгения Карловна развелась с отцом Андропова вскоре после рождения сына и уехала жить в Осетию. Второй раз вышла замуж в 1921 году в Моздоке за Федорова Виктора Александровича. Умерла в 1927 году.

▲ Чазов, Горбачев, Андропов с супругой

хотели сыграть, что я скрываю свое истинное происхождение».

Если все это так невинно, то почему Андропов, внимательно следивший за общественным мнением и очень серьезно к нему относившийся, не принял никаких мер, чтобы эти неприятные для него разговоры прекратить? Ну, хотя бы сообщить то, что он сказал Чазову? Ведь помимо публикации в «Правде», существовало множество способов косвенного распространения нужной информации. Уж кто-кто, а глава советской политической спецслужбы не мог не ведать, как это в подобных случаях делается. И не только в нашей стране.

Мог, но не сделал даже намека. Побоялся открыто коснуться этого острого в условиях нашей страны вопроса. Предпочел скрыть свое истинное национальное происхождение. И это лучшее доказательство того, что он был кровно связан с еврейством. Это доказывается (то есть подтверждается) его неретушированными фотографиями, где семитские черты проглядывают порой весьма явно. А еще — кругом его приближенных, причем именно тех, которых он подбирал сам, а не тех, которых ему так или иначе навязывали. Об этом будет подробно рассказано позже.

О национальном происхождении Андропова успел высказаться уже на исходе 2000 года оригинальный русский писатель и публицист Вадим Кожинов. Возражая одному провинциальному изданию, где Андропов без обиняков называется «евреем», Кожинов писал:

«Действительно еврейский тип лица был у Андропова, что казалось странным, ибо тот сделал карьеру в 1951 году (был переведен из Карелии в Москву, в ЦК партии), когда имели место гонения и ограничения в отношении евреев. Но в 1993 году я беседовал с бывшим заместителем председателя КГБ Андропова, Ф. Д. Бобковым, и он сообщил мне, что, как, в конце концов, выяснилось, мать Андропова родилась в еврейской семье, но еще в раннем детстве осиротела и была удочерена русской семьей, по всем документам являлась русской и, возможно, даже не знала о своем этническом происхождении.

В бытность председателем КГБ Андропов по существу «разгромил» движение «правозащитников», в котором господствующую роль играли евреи, стремившиеся выехать из СССР. Наконец, даже если считать, что он тайно проводил какую-то «еврейскую» линию, ему довелось править страной немногим более года и к тому же в крайне болезненном состоянии, и он едва ли мог существенно повлиять на ход событий».

Суждение такого авторитетного человека, как покойный ныне Кожинов, в любом случае заслуживает внимания, почему мы его и приводим. Однако нельзя не отметить, что словам многократно изменчивого генерала Бобкова доверять нельзя, да еще по такому щекотливому вопросу, как национальное происхождение его бывшего шефа. Ну, а сокрытая «тайна рождения» — это напоминает романы Виктора Гюго или некоторых его современников-романтиков. На исходе XX века к этим сюжетам следует относиться осторожнее...

▲ Бобков Ф.Д.

А в завершение скажем, что многие решительные высказывания на этот счет в нынешней печати требуют осторожного подхода. Например, публицист А. Игнатьев прямо написал, что Андропов — еврей, а его подлинная фамилия — Либерман. И в этом он не одинок, есть другие авторы статей и брошюр, они называют самые разные фамилии еврейского происхождения, приводят всевозможные слухи на этот счет. В этой пестрой картине общее лишь одно — отсутствие документальных подтверждений.

Та же недоговоренность и неясность имеется вокруг детства Юрия Андропова. Мать его вроде осталась сиротой и кем-то была удочерена. Но кем, когда, до сих пор ничего достоверного не обнаружено. Сам он рано остался без отца, мать вторично вышла замуж, но вскоре тоже скончалась, оставив Юру круглым сиротой. Заметим, что это уже было время войн и революций, а на Северном Кавказе классовые и военные столкновения противоборствующих сторон отличались особенным ожесточением, а вооруженные стычки продолжались аж до 1922 года. Время куда как неблагоприятное для счастливого детства. А тут еще раннее сиротство...

О семье отчима (если Юрий в этой семье действительно жил) не известно ровным счетом ничего. О школе тоже, но одно можно утверждать точно: учиться маленький Юрий начал уже в советское время в начале двадцатых годов. Время это для школьного обучения было до крайности неблагоприятным, старая гимназическая система была беспощадно порушена, а новая еще не сложилась, а главное — подвергалась многочисленным псевдоновациям, многие из которых, были, если говорить мягко, дурными и даже вредными. Ясно, что в детстве доброго воспитания и обучения мальчик Юра получить не мог, даже если отличался бы способностями. Впрочем, и об этом точно не известно пока ничего.

Итак, можно подвести определенные итоги самого раннего периода в жизни будущего Генсека. Он вырос в тяжелой нравственной и социальной обстановке, это касалось и семьи, и окружавшей его действительности. Известно, что дети, выросшие в сиротской доле, очень часто становятся замкнутыми и скрытными — в противоположность тому, как дети счастливых или добрых семей вырастают жизнерадостными и общительными. Бесспорно, что эти качества Андропов сохранил до конца своей долгой жизни. Впрочем, для главы политической спецслужбы это, видимо, оказалось качеством небесполезным. Для него самого, во всяком случае...

И еще. Природная скрытность его характера была усилена необходимостью скрывать свое неясное, а скорее всего — еврейское происхождение. Почему так было, не надо объяснять, исходя из условий советской действительности от тридцатых и вплоть до семидесятых годов. На словах эту сторону своей природы Андропов тщательно скрывал, но в личных отношениях и пристрастиях она проявлялась, о чем в своем месте.

Станция (полустанок) Нагутская мною обнаружена в самом-самом

▲ Юный Юрий Андропов

подробном железнодорожном справочнике, это на полпути между Минеральными Водами и Невинномысской; местность там сухая, пустынная, хотя движение по дороге весьма напряженное. Видимо, на такой станции Андропов-старший мог быть только каким-нибудь мелким служащим, а детство Юры проведено в домике с маленькими окнами...

Дальше с ним что-то случилось. Очень рано, не получив образования или специальности, ушел из дома на заработки. Было это в том самом тридцатом году, когда по всей стране рушились судьбы огромного множества людей. (И опять угадал Гоголь: «Отец, больной человек...») Сперва работал в сравнительно недалеком от родных мест Моздоке (один из справочников уточняет: «рабочий телеграфа»), затем какое-то время — матрос на Волге. (Почему там, а не на близком Каспии или Азовско-Донском бассейне? Знать, что-то уводило его от родных мест...).

Осел двадцатилетний Андропов в крепком верхневолжском городе Рыбинске (население в ту пору — около ста пятидесяти тысяч), здесь был, однако, крупный речной порт. Юрий поступил в техникум водного транспорта и окончил его (когда, как — неизвестно; на мой запрос в местный архив кратко ответили, что документы данного фонда не сохранились; почему уж так — неясно, ибо в сорок первом году немцы к этим местам даже не подходили).

...Некоторые мемуаристы рассказывали, что Андропов уже в зрелые годы часто вспоминал своего боцмана с волжского судна, который учил его, молодого: «Жизнь, Юра, как мокрая палуба. И чтобы на ней не поскользнуться, передвигайся не спеша. И обязательно каждый раз выбирай место, куда поставить ногу!» Не знаем, чему научился Андропов у своих педагогов в техникуме, но боцманский урок он усвоил твердо. И следовал ему всю жизнь. С ранней юности он стал заниматься общественной работой, достоверных сведений о том, впрочем, мало. Вступил в комсомол (когда, где — неизвестно). И все это тихо и не спеша.

По окончании техникума Андропов получил назначение в Рыбинскую судоверфь, которая тогда быстро развивалось, как и все народное хозяйство Советского Союза. И тут произошло, как теперь выражаются, «знаковое явление»: молодой специалист под днищем строившихся судов не корпел, а сразу стал освобожденным секретарем комсомольской организации. То есть маленьким, мельчайшим, но «ответственным работником». И в этой ипостаси ему довелось провести всю свою жизнь — ни судов он не водил, ни стройками не руководил, ни даже вражеских шпионов не ловил. Только руководил.

▲ Андропов — учащийся техникума в Рыбинске

Для всякого руководящего деятеля немаловажное значение имеет его семья, облик и судьба близких, это как бы дополнительная характеристика его самого, порой довольно выразительная. Когда Андропов взлетел в кремлевские верхи, а потом и вошел во всесильное Политбюро, о его семье стало кое-что известно. Разумеется, строгая советская этика не допускала тут подробных описаний и суждений, даже публиковать такое было почти невозможно, однако основные черты тут знали, в общем-то, все. Ну, кто уж очень желал...

Так вот, все знали, что у Андропова есть сын и дочь, а жена нигде не показывается и вроде бы нездорова. Но и тут оказалась тайна, причем в масштабах отдельного человека весьма серьезная. В своей первой книге об Андропове мне удалось опубликовать весьма любо-

▲ На фото: справа Андропов, позади него жена от первого брака

пытные сведения, это было впервые. Воспроизведем их теперь, ибо шесть лет назад такие новости стали весьма неожиданными, но лишь недавно получены тут точные подробности.

«О жизни молодого Андропова в Рыбинске мы знаем одну лишь достоверную подробность. Писатель Аркадий Савеличев, родившийся и выросший в тех же примерно краях, рассказал мне осенью 1983 года: его тетка Нина была первой женой Андропова, жили они в одной комнате рабочего общежития, имели сына и дочь, он уже стал комсомольским работником; когда его позже перевели в Петрозаводск, они с Ниной расстались, а там он вновь женился на учительнице; судьба детей неизвестна. (Ну, о тех детях Андропова писали в «желтой» прессе первых дней перестройки, судьба их сложилась не очень удачно, отец вроде бы о них не заботился, но это опять-таки сплетни.)».

Так было сказано в нашей книге «Юрий Владимирович. Зарисовки из тени», написанной и изданной в 1995 году. Через несколько лет появились новые достоверные публикации, где картина жизни первой семьи Андропова и двух его старших детей уточнялась и дополнялась доподлинными подробностями. Наилучшую публикацию на этот счет журналистки Юлии Жбановой мы воспроизводим ниже с некоторыми сокращениями за счет общих мест, столь характерных для газетной публицистики («Слово», 10 июня 1999, №43, Москва).

«...Родители жили в Ленинграде. Мать Володи — Нина Ивановна Енгалычева училась в институте. Готовилась стать следователем. И когда ее мужа Юрия Андропова направили в Карелию секретарем ЦК комсомола, за ним не последовала.

Двое детей — трехлетняя дочка Евгения и годовалый Володя — остались с ней.

В Карелии тем временем назревали серьезные события. Финляндия вынашивала экспансионистские планы в отношении Карельского полуострова. ЦК ВЛКСМ прислал депешу, где говорилось о необходимости

▲ Юрий и Нина Андроповы

создавать группы диверсантов для работы в тылу врага. Среди них были и девушки. Одна из них — Таня, Татьяна Филипповна, невысокого росточка девушка — будущий диверсант — запала молодому секретарю ЦК в душу. Он смертельно боялся потерять ее. Все чаще стал отстранять ее от опасной работы: засылки в тыл врага. Вскоре она стала его второй женой. Первая, Нина Ивановна, уже работала следователем, когда до нее дошли слухи о переменах в личной жизни мужа. Она собралась было «сигнализировать» об этом начальству. Но тут последовал развод. Нина Ивановна вскоре уехала с детьми на родину в Ярославль, где вторично вышла замуж,

...В молдавском городе Тирасполе случай свел меня с Марией, невесткой Ю. В. Андропова. Здесь я и услышала рассказ о жизни ее семьи. А пачка писем от Татьяны Филипповны из Москвы дополнили трагическую судьбу старшего сына председателя КГБ — Юрия Владимировича Андропова.

Владимир прилетел в Кишинев впервые осенью 1962 года. Ему шел двадцать третий год. А за плечами уже давили две судимости: первая по малолетству условно, вторая с отсрочкой приговора. И незаконченное среднее образование. С таким «багажом» найти работу самому было очень трудно. В те времена Ю. В. Андропов был лишь заведующим отделом ЦК КПСС. Фигура на партийном небосклоне не знаковая. И Володя Андропов стал работать механиком-наладчиком в конструкторском бюро Тираспольской швейной фабрики. Со своей будущей женой Марией там и познакомился.

На свадьбу приехало много Машиных родственников. Со стороны жениха не было никого. Молодожены сняли квартиру. А когда родилась дочка Евгения, им дали в общежитии комнату. Она имела одно «удобство» — маленькая кухонька, закуток. Жизнь молодых Андроповых шла своим чередом. Володя учился и работал. Мария растила малышку и нежно любила мужа. Он впервые почувствовал, что нужен семье.

В 1967 году Юрий Владимирович Андропов стал председателем Комитета госбезопасности. По этому случаю Владимир ездил навестить отца. Он его по-мужски любил и очень в нем нуждался. Советам отца следовал всегда беспрекословно уже потому, что рано лишился отцовской заботы. Однако вернулся из Москвы через два дня. Мария не спрашивала ни о чем. Ей было и так понятно.

К тому времени Владимир успел уже закончить в Киеве четырехмесячные курсы механиков-наладчиков. Но была мечта — заочно получить

высшее образование. Сын не просил отца зачислить его в вуз «по блату». Он готовился сам сдавать экзамены. И Андропов-старший предложил ему два решения: «Может быть, тебе стоит потратить один год и закончить в вечерней школе 10-й класс, и тогда ты будешь иметь настоящий аттестат. Это один вариант. Может быть и другой. Я узнал, что в Кишиневе есть электротехнический техникум. В него принимают после 8-го класса. Справку об окончании 8-го класса ты, конечно, легко мог бы получить в Ярославле».

В конце письма, чтобы как-то загладить свое нежелание помочь сыну, а может, оправдать себя, он пишет назидание: «В Москве я постеснялся спросить тебя относительно того: готов ли ты к экзаменам для поступления в институт, а ведь это вопрос — не последний. Думаю, что для экзаменов в техникум знаний у тебя хватит».

Едва ли это утешило его первенца Владимира, которому явно не повезло с родителями. Так, наверное, рассудит читатель. И будет не прав. Из того же письма; «Очень сожалею, что не смог помочь тебе, но ты должен понять, что если я так пишу, значит, по-иному ничего сделать нельзя». Пожалуй, с этим можно согласиться. Партийная иерархия, в особенности высших этажей власти, рождала крайности. Либо — всевластие и цинизм, либо — аскетизм и жертвенность. Личные чувства тщательно приходилось скрывать.

...Беспризорное Володино детство стало давать о себе знать. Все чаще его здоровье подвергалось опасности рецидивов. И однажды «скорая» увезла Владимира Андропова в Бендеры. Там 4 июня 1975 года он скончался в городской больнице. Ему было 35 лет.

Юрий Владимирович послал бывшей жене телеграмму: «Похороны Владимира в Бендерах 5 июня». Мать Володи, Нина Ивановна, в тот момент разводилась с очередным мужем и была занята имущественной тяжбой. Это дело ей показалось важнее проводов сына в последний путь. Юрий Владимирович тоже не смог присутствовать на похоронах своего старшего сына. На кладбище в Бендерах он никогда не приезжал...

...Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович скончался, и его невестка Мария, тогда уже вдова, вылетела с дочерью в Москву. Ни на миг она не сомневалась, что это ее дочерний долг. В квартиру на проспекте Кутузова их не впустили. У подъезда дома перехватили и отвезли в гостиницу, где размещали родственников покойного.

▲ Андропова Татьяна Филипповна с детьми – Игорем и Ириной

На похоронах она пробыла всего несколько часов. Ее удивило, что их то выставляют из помещения, где стоял гроб, то снова приглашают войти в зал. Секрет оказался прост и циничен: когда в одну дверь входили члены правительства, родственников уже выводили через другую. Мария Андропова сочла это для себя оскорбительным. Вечером того же дня улетела домой. Благо последний долг высокопоставленному родственнику она отдала...

Мария продолжает жить в Тирасполе. Она вторично вышла замуж. Фамилию оставила прежнюю — Андропова».

Что ж, характеристика Андропова Юрия Владимировича выстраивается тут не оценками, а достоверными сведениями, картина в итоге получается весьма выразительной. Ну ладно, с женой первой расстались, бывает. Но брошенные без заботы дети... Это уж по любым меркам понятно как выглядит. И время было страшное, и сам ведь не бедствовал отнюдь. Хладнокровно переступил через собственных ребятишек карьеры ради, тут другой оценки быть не может.

Ладно, постараемся быть объективными. У молодых мужчин порой слабо развито чувство отцовства, случается в таких случаях всякое. Но повзрослев, приобретя от своего и чужого опыта житейскую мудрость, грехи юности множество мужчин так или иначе пытаются исправить, смягчить хотя бы. А тут? Ледяным холодом веет от доброжелательных советов по поводу вечерней школы или техникума. И эта трусоватая, по сути тайная переписка с несчастным сыном... И нежелание встреч с ним... Да, скрытен, холоден и бессердечен был тогдашний глава госбезопасности в жизни личной. А о его «общественной жизни» расскажем позже.

Мы нарочно задержались на этом сюжете, доведя его до конца, чтобы более к нему не возвращаться. Выразительность данного эпизода только выигрывает. Следим далее за карьерой нашего героя.

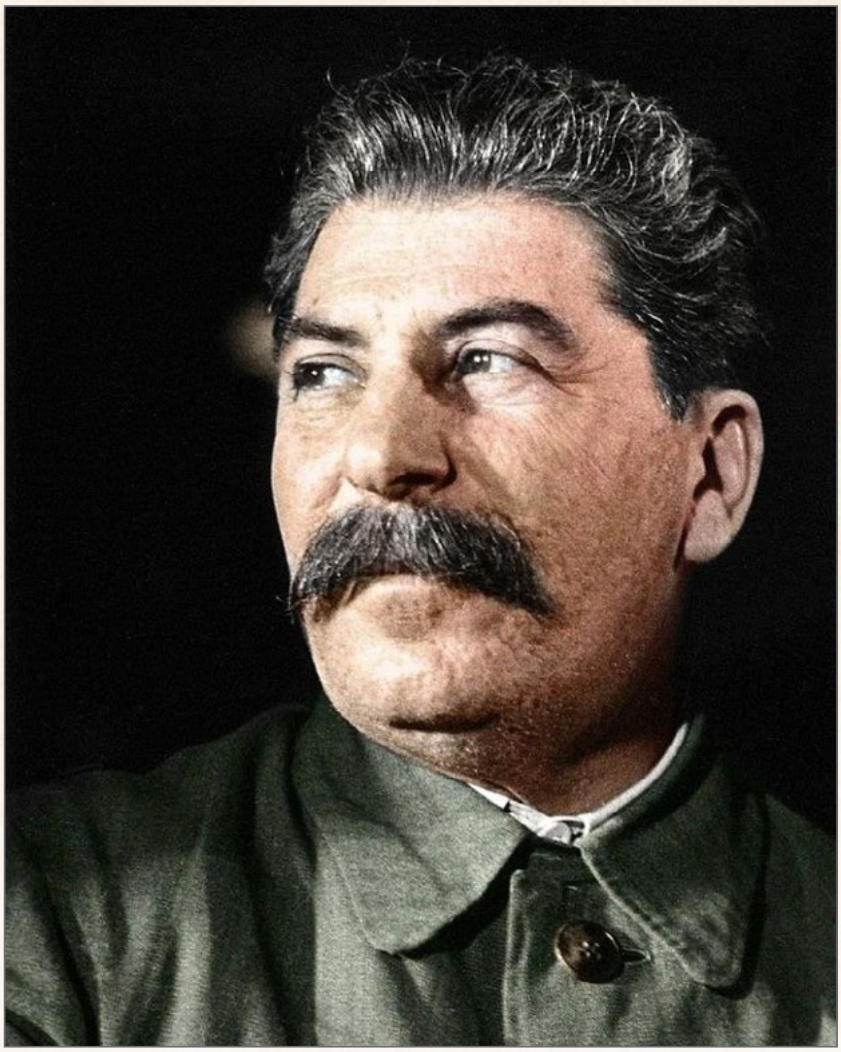
На комсомольском поприще молодой Андропов делает стреми-

тельную карьеру. Работник он был, безусловно, дельный и трудолюбивый, но успехи-то служебные определялись тогда, к сожалению, иными причинами. Кровавая чистка в партийном аппарате второй половины тридцатых годов создала множество руководящих «вакантных» мест. Вот почему тех, кто был помоложе и никак не мог быть причислен к деятелям оппозиции, в ту пору возносил стремительный восходящий поток, хотя заслуги этих новых выдвиженцев, да и способности их порой оказывались весьма скромными. Вот Брежнев: в 35-м он лишь рядовой инженер в провинциальном Днепродзержинске, а уже в 39-м, стремительно передвигаясь по опустевшим руководящим креслам, делается секретарем Днепропетровского обкома, одного из крупнейших во всем СССР.

Буквально так же подскочили в те годы будущие коллеги Брежнева по Кремлю: Суслов в 39-м — первый секретарь Ставропольского крайкома, Кириленко примерно в ту же пору — второй в Запорожском обкоме и т. д. (а им и сорока не было...). Подобных случаев тогда — без числа и счета.

Здесь необходимо дать хотя бы самую общую оценку произошедшей тогда «великой чистке» в Советском Союзе. Слово «чистка» может восприниматься двояко, даже противоположно: с одной стороны — кровавая расправа с вроде бы невиновными людьми, с другой — очищение от накопившейся во время революции скверны. Истина, как часто бывает, лежит где-то посередине. Да, страна очистилась от скверны в лице революционеров-космополитов, но это стоило немалых жертв всего народа. Жертвы эти, заметим, сильно преувеличивались наследниками «пламенных революционеров».

Во время чисток впервые в истории большевистской партии возник пресловутый «еврейский вопрос». Дело в том, что среди троцкистско-зиновьевских присных преобладание евреев было уж слишком очевидным. Осмотрительный Сталин не преминул сделать по этому поводу оговорку: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры». Среди исключенных тогда из партии деятелей пестрели имена: Ауссем, Гессен, Гордон, Гертик, Гуральский, Дробнис, Зорин, Касперский, Командир, Левин, Лезолол, Лилина, Натансон, Паульсон, Рейнгольд, Равич, Роцкан, Рафаил, Смидовер, Устимчик, Шрайбер и далее до бесконечности. И эти люди занимали в ту пору видные посты в партии! Шло явное освобождение правящей партии российских большевиков от космополитов, Россию презиравших.



▲ Сталин И.В.

Чтобы разделаться с оппозиционерами, Сталин решил судить самых главных из них (из тех, что были в пределах досягаемости) в открытых процессах. Назовем здесь только главные из них. 19–22 августа 1936 года состоялся второй процесс над Зиновьевым и Каменевым, но теперь они были объединены с троцкистами — процесс прошел под наименованием «троцкистско-зиновьевского блока», и главные из обвиняемых, как и все последующие, получили «высшую меру наказания»... были приговорены к расстрелу. Затем в январе 1937 года последовал суд над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, в марте 1938 года открылся процесс «правых», среди которых Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский... Свершилось возмездие — на скамье подсудимых оказался обер-палач Ягода (Гершель Иегуда).

Устранение верхушки правящего слоя страны, знаменитой «старой

гвардии» большевиков, приходится оценивать по особому счету: все эти троцкие-бронштейны, зиновьевы-аппельбаумы, каменевы-розенфельды, ягоды-иегуды и прочие (имя им легион) заслужили то, что получили. Можно подумать, что не совсем понятен выбор упомянутых фамилий. Но все дело в том, что мы не выбирали фамилий, выбора у нас практически не было: в ходе революции и гражданской войны весь бывший русский правящий слой был уничтожен, безжалостно и бестрепетно, а место его заняли люди, которые по своему этническому происхождению никакого отношения к русским как к нации не имели и только в целях осторожности иногда брали псевдонимы, звучащие по-русски.

Можно бы написать по данному сюжету обширное исследование, сокрушительное по своей убедительности и неопровержимости, дающее основание утверждать: почти вся правящая верхушка, партийная, государственная, хозяйственная, репрессивная и интеллектуальная, вплоть до середины 30-х годов состояла из лиц одного и того же этнического происхождения. Ограничимся, по недостатку места, лишь одним примером.

В 1934 году было завершено строительство Беломорско-Балтийского канала. Строили его сотни тысяч заключенных и гибли там тысячами, а книгу о канале написали «советские писатели». Ограничимся лишь теми фамилиями, которые не вызывают сомнений: Л. Авербах, А. Берзинь, Е. Габрилович, Н. Гарнич, Г. Гаузнер, С. Гехт, С. Диковский, К. Зелинский, В. Катаев, М. Козаков, Д. Мирский, Л. Никулин, В. Перцов, Л. Славин, К. Финн, З. Хацревин, В. Шкловский, А. Эрлих, Б. Ясенский. Итак, несчастные люди «вкалывали» и гибли, а «творческая интеллигенция» зарабатывала на их мучениях и страданиях.

Дальше — больше. Когда канал был достроен, то 4 августа 1934 года «наиболее отличившиеся работники» получили ордена Ленина. Вот они: 1) Ягода (Иегуда) Генрих Григорьевич — зам. председателя ОГПУ; 2) Коган Лазарь Иосифович — начальник Беломорстроя; 3) Берман Матвей Давыдович — начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ; 4) Фирин Семен Григорьевич — начальник Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ; 5) Рапопорт Яков Давыдович — зам. начальника Беломорстроя; 6) Френкель Нафталий Аронович — пом. начальника Беломорстроя; 7) Вержбицкий Константин Андреевич — зам. главного инженера строительства.

Повторяем: мы не выбирали фамилий, именно в таком порядке они опубликованы в книге о канале, вышедшей тогда же, в 1934 году.

На протяжении двадцати предыдущих лет, когда правили в огромной стране и делали в ней что заблагорассудится, они не думали о русском народе, нисколько не жалели тех, кем правили и с кем расправлялись. Именно они, начиная с 1917 года, насаждали тот устрашающий режим, репрессивный аппарат, жертвами которого теперь стали. Двадцать лет подряд они сами или руками своих подчиненных уничтожали сотни тысяч и миллионы людей и ни разу, хотя бы на словах, не помыслили, не усомнились, что имеют право так поступать. Они наслаждались властью и благами, им предоставленными. Так что же, жалеть их, когда вдруг они стали пожинать посеянное? Ведь троцкие-бронштейны, зиновьевы-аппельбаумы, каменевы-розенфельды, ягоды-иегуды и т. д. и т. п. всегда были ВРАГАМИ РУССКОГО НАРОДА!

Право же, можно ли сожалеть о судьбе того же Тухачевского, «военного гения», потерпевшего, кстати, немедленно сокрушительное поражение, как только в августе 1920 года он столкнулся с мало-мальским сопротивлением в Польше во время авантюристической попытки по приказу Ленина и Троцкого «перенести революцию» в мировое пространство? За что его жалеть? Уж не за ту ли расправу над восставшими тамбовскими мужиками в 1921 году? Ведь надо же знать, что взращенный Троцким «гений» Тухачевский, например, намеревался применить против восставших ядовитые газы, оставшиеся после Первой мировой войны, намеревался сделать это против своего же народа, и не использованы эти газы были только потому, что выяснилось: газы могли уничтожить не только мужиков, их жен и детей, прятавшихся от карателей в тамбовских лесах, но и скот — коров и лошадей, а скотина эта для «красного маршала» была несравнимо дороже восставших русских крестьян.

И далее, полтора десятка лет, продолжалась вакханалия. Никто из «старых большевиков» не протестовал, когда репрессивный аппарат, ими же созданный, был обрушен на простых крестьян в годы коллективизации. Примеров можно привести сколько угодно. Так, не вернее, ли будет сказать, что верхушка «старых большевиков» была настоящим врагом русского народа? Ибо невольно приходит на память евангельская истина — «каждому да воздастся по делам его», а Сталин, разумеется, плоть от плоти и кровь от крови когорты «старых большевиков», для них самих оказался не чем иным, как Бичом Божиим!

Конечно, при истреблении «старых большевиков» (и здесь мы не можем ни в малейшей степени оправдать Сталина) погибло очень много простых русских людей. Но не правильнее ли будет сказать, что и гибель их — результат предыдущего двадцатилетнего правления этой же самой «старой гвардии»?

Мы не можем дать точных цифр о людях, пострадавших от репрессий в 30-х годах, точно так же, как не смогли сделать этого и все исследователи, наши и зарубежные, но многие из них все же претендуют на точные цифры — и безосновательно. Во всяком случае (и это не подлежит сомнению) цифра не может не оставить у любого читателя ощущения ужаса, ибо речь идет о миллионах, многих миллионах наших сограждан. Р. Конквест, наиболее обстоятельный и заслуживающий доверия западный исследователь, полагает, что в 1937—1938 годах только по политическим делам было арестовано шесть мил-

лионов человек, а «законно» ликвидированных исчисляет в семьсот тысяч.

А вот настоящие, не мнимые историки, работающие с официальными источниками, ссылающиеся на архивные документы, приводят другие цифры — и они резко отличаются от зарубежных. На 1 марта 1940 года общий контингент заключенных в ГУЛАГе составлял 1 668 200 человек (Военно-исторический журнал. 1991, №1.С. 19), то есть в пять раз меньше того, что пытается нам внушить Конквест, и среди заключенных только 28,7% были осуждены за контрреволюционную деятельность. Уместно напомнить, что в современной прессе о количестве заключенных в недавнее время, в 1995 году, сообщается, что их насчитывается около миллиона. И это в России 1995 года, когда Россия резко уменьшилась в размерах и когда весьма большое число лиц, безусловно заслуживающих тюремного заключения, разгуливает на свободе!

Или еще одна цифра, обнародованная нашими историками совсем недавно: «Число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в 10 (в десять!) раз меньше, чем приводимые современными публицистами и исследователями» (Военно-исторический журнал. 1993, №1. С. 59).

Отметим также и национальную сторону тех событий, хотя то была далеко не главная их сторона. Среди партийно-чекистской верхушки к началу тридцатых годов скопилось непропорционально большое число латышей, поляков, евреев и представителей иных национальных групп. Они были устранены наряду с некоторым числом русских, грузин, армян и т. д. Но на освободившиеся должности назначались в основном представители именно коренных народов, в особенности славянских. Пригодилась тогда Юре Андропову предусмотрительная забота о своей русской национальности!

Он был неглуп и очень осмотрителен. И хоть не получил гуманитарного образования, но знал, что русскую историю уже начали преподавать не по русофобским учебникам Покровского. Не мог не видеть, что на экраны страны вышли патриотические кинофильмы об Александре Невском, Петре Первом, Минине и Пожарском, что поношения русской культуры как «отсталой» кончились. И наконец, он замечал, с каким ликованием встречает эти перемены весь народ. И он сделал соответствующие выводы. Надолго.

▲ Хрущев, Андропов, Громыко, справа Вальтер Ульбрихт

В восходящий кадровый поток попал и скромный тогда комсомольский работник Андропов, ибо после расстрела Генерального секретаря ВЛКСМ А. Косарева (1939, февраль) чистка руководящих кадров молодежной организации приняла характер какой-то кровавой вакханалии. И вот в 1938-м, еще не будучи членом партии, он назначается («избирается») первым секретарем комсомола крупной промышленной Ярославской области. Уже находясь на этом посту, он в следующем году вступает в ВКП(б). (Опять-таки никаких архивных подробностей о его данной службе добыть не удалось, да вряд ли интересно было бы: делал, как все тогда, и говорил, что все.).

Удачливых карьеристов в ту пору накопилось много, но когда все «освободившиеся» места были заняты, а к исходу тридцатых чистка, наконец, прекратилась, дальнейшее продвижение зависело уже от личного везения; чаще всего от того, с кем из больших деятелей сведет судьба. Тут Андропову повезло, хотя по сей день тоже окружено тайной. Попробуем разгадать.

После Финской войны 1939—1940 годов Сталин решил из далеко идущих политических планов создать мифическую Карело-Финскую ССР, полноправную, так сказать, союзную республику. Ну, карелы в том пространстве жили в некотором числе, а насчет финнов бытовал тогда популярный анекдот: «А сколько финнов проживает в Карело-Финской республике? Да двое, отвечали, Финкельштейн и фининспектор, но и те, кажется, оба в одном лице...».

Законы советской бюрократической системы были непреклонны: раз «союзная», значит, полагались свои ЦК, Совнарком (Совмин) и все такое прочее. Разумеется, и комсомол. Нужно было «подобрать кадры». На должность партийного начальника выдвинули известного деятеля Коминтерна Отто Куусинена (одного из немногих подлинных там финнов), а вожаком комсомола перевели из Ярославля Юрия Андропова.

▲ Андропов и Брежнев

В номенклатурном смысле это было существенное повышение — из «области» в «союзную республику» (то, что хозяйственный потенциал Ярославщины был куда выше, никакого значения не имело).

Не успел Андропов толком и оглядеться на новом месте, как началась война. Столицу новоявленной республики финны с помощью немцев взяли уже в октябре 41-го. Куусинен с многочисленным своим аппаратом осел в глубоком тылу. Делать им было нечего, но штат работников строго сохранялся. Считается, что Андропов в военные годы участвовал в руководстве партизанским движением в Карелии, но никаких подробностей на этот счет имеющиеся источники не содержат. (Любопытно: когда во время недолгого пребывания Андропова Генсеком некоторые литературные холуи, подзаработавшие на выпекании «Малой земли», бросились было сочинять о «карельских партизанах», сам герой отнесся к этим затеям сугубо отрицательно.).

И тут, уже в зрелые годы, проявил Андропов присущую ему осторожность! В лесистой и болотистой Карелии партизанское движение было довольно сильным, но занимались этим совсем не партийные органы и уж тем паче не комсомольские (напомним, Андропов по должности тогда — секретарь карельского комсомола, он даже военной формы не носил). А диверсии в тылу финнов готовили и проводили военные, но главным образом — органы НКВД. Какова тут была личная роль карельского комсорга, до сих пор ничего не известно, скорее всего никакой. Ясно, что Юрию Владимировичу совершенно не хотелось копаний в этой своей не самой яркой странице биографии. Брежнев на Малой земле хоть под огнем бывал и даже тонул в море на подбитом катере, это документально установлено. А Андропов? Ранений не имел, боевых наград тоже, только под конец войны получил Красное Знамя. Но не за подвиги в окопах и атаках...

И еще последний раз вспомним мистическое пророчество Гоголя: «Ни друга, ни товарища...» Необычайно замкнут всю жизнь был Андропов, а оттого и неизбежно одинок. Например, сколько приятелей было у широкого душой Брежнева! И по учебе, и по работе в разных сферах, и по службе в армии! (Маршал К. С. Москаленко, с которым мне довелось вести неоднократные и довольно откровенные беседы, рассказывал, что в самом конце войны, командуя 4-м Украинским фронтом, он недолгое время был начальником Брежнева; впоследствии положение их стало вроде бы совсем разным, но Генсек не забыл своего старого Маршала и постоянно оказывал ему знаки внимания.).

От редакции: в конце войны генерал-полковник (сентября 1943 г.) К. С. Москаленко командовал 38-й общевойсковой армией, входившей в состав 4-го Украинского фронта, генерал-майор Л. И. Брежнев был начальником политуправления 4-го Украинского фронта.

Не то Андропов. Нет никаких данных, чтобы у него были с кем-то отношения помимо деловых. Судя по осторожным намекам детей, так же замкнуто жила и его семья. После кончины Андропова стало известно, что он всю жизнь писал стихи, но никому не показывал их. Характерная черта: если пожилой уже человек сочиняет стихи сугубо «для себя», то это верный признак душевного одиночества.

...В июне 44-го наши войска освободили Петрозаводск. Вслед за Куусиненом в полуразрушенный город возвратился и Андропов, уже вместе с семьей, женой и сыном Игорем, родившимся в минувшем году; дочь Ирина появилась через три года.

Солдат спит, а служба идет. За три года пребывания вдали от фронта Андропов в чиновном отношении «вырос»: по возвращении в столицу разоренной республики он уже делается секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем всей республики. Это был уже высокий в номенклатурном смысле пост. О каких-либо особых успехах Андропова в ту пору неизвестно, да и вряд ли они были,

служил как все. Однако в 1951 году он получил вожделенное назначение всех провинциальных честолюбцев — в Москву, в аппарат ЦК, сперва инспектором, а вскоре становится уже заведующим подотделом по международным вопросам.

Совершенно очевидно, что без помощи Куусинена такого рывка ему бы не сделать. Присмотримся к его покровителю Отто Вильгельмовичу. Родился он в Русской Финляндии в конце 1881 года, отец был, видимо, не бедным, сын получил прекрасное образование: окончил гимназию, а потом Гельсингфорсский университет. В 1905-м получил звание магистра философии, знал иностранные языки — немецкий, шведский. В Финляндскую социал-демократическую партию вступил в 1904-м, принадлежал к ее левому крылу, был редактором ряда партийных изданий, участвовал в конгрессах II Интернационала, встречался с Лениным-эмигрантом.

Тут надо коснуться одной деликатной темы; осмелимся сделать одно предположение, оно, однако, кажется нам довольно обоснованным. Западные социалисты времен II Интернационала зачастую примыкали к масонам, а нередко и становились непосредственными членами лож (речь идет, понятно, о руководящем ядре). Весьма сильно было развито политическое масонство в скандинавских странах, особенно в Швеции, причем характер его здесь отличался резкой антироссийской направленностью. Финляндия как бывшая многовековая колония Швеции находилась под сильным влиянием бывшей метрополии, верхние слои населения даже говорили по-шведски.

Быть у моря и ног не замочить? Мог ли молодой финский интеллигент, левый социалист избегнуть облучения со стороны соседних «братьев»? Это трудно предположить.

Далее. Куусинен был делегатом I конгресса Коминтерна в Москве в 1919-м, вместе с другими единодушно избрал своим председателем Г. Зиновьева. В Коминтерне Куусинен занимал весьма высокое положение, с 1921 по 1939 год он был членом его исполкома. Известно, что, несмотря на решение II конгресса Коминтерна (в котором Куусинен не участвовал) о запрещении членам компартий вступать в масонские ложи, связь некоторых деятелей со старыми «братьями» как-то и в чем-то поддерживалась. Теперь то здесь, то там появляются некоторые достоверные сообщения на этот счет.

Вот одно из них, в высшей степени выразительное, хотя тщательно запрятанное в болтливых словесах общего назначения. Свидетель известный... Арбатов-старший, вековечный советник Брежнева, одно из немногих доверенных людей Андропова. Он из числа тех, кто потаенно, исподтишка готовил пресловутую «перестройку», завершившуюся обвалом «реформ» (теперь Арбатов-младший продолжает папины начинания в гниловатом «Яблоке»). Так Георгий Аркадьевич-старший оставил свидетельство про Куусинена в 1991-м, когда он и его сподвижники находись в «головокружении от успехов». И рассказал, чего «премудрым» не надо бы болтать.

«О. В. Куусинен, — писал Арбатов, — был прекрасным учителем. Вопреки возрасту, это был человек со свежей памятью, открытым для нового умом, тогда очень непривычными для нас гибкостью мысли, готовностью к смелому поиску. Ну, а кроме того, он думал. Честно скажу, я впервые познакомился с человеком, о котором можно было без натяжек сказать: это человек, который все время думает... То, что Куусинен думал, в общении ощущалось почти физически: ты чувствовал, что за каждым словом собеседника стоит работающая, все время проверяемая и шлифуемая мысль, что каждый твой вопрос, твою реплику человек серьезно обдумывает, взвешивает, оценивает. Тем, кто понял это, говорить, работать с Отто Вильгельмовичем было поначалу хотя и интересно, но слож-

▲ Арбатов Г.А.

▲ Жданов А.А.

но, несмотря на его — тоже тогда для начальства очень непривычные — простоту, доступность, демократизм. Ибо ты всегда был в напряжении, начеку, остерегался непродуманных слов. Потом почти все мы, видимо поняв, что лучше, чем мы есть, мы показаться «старику» (так его все называли за глаза) не сможем, начали себя вести естественно. Но при этом все становились хоть чуточку умнее — в присутствии сильного интеллекта, взаимодействуя с ним, сам невольно мобилизуешь свои резервы и возможности...

И еще одно открытие, которое ожидало каждого, кто работал с Куусиненом, — новое представление о политике, новое для нас, чьи умы были замусорены и притуплены долгими годами сталинизма. В общении с этим человеком открывалось понимание политики как сложного творческого процесса, сочетающего ясное представление о цели с постоянно выверяемым поиском методов и средств, стратегию с тактикой, науку с искусством (поясняя последнее, Куусинен как-то поразительно точно заметил: «В политике важно не только знать, но и уметь»). Словом, то, о чем раньше мы иногда читали, но либо не воспринимали, либо воспринимали как теоретическую абстракцию, в разговорах с Отто Вильгельмовичем обретало плоть.

Куусинен был живым носителем очень хороших, но ставших для нас к тому времени ужасно далекими традиций европейского рабочего движения, ранней «левой» социал-демократии, зрелого ленинизма, лучших периодов Коминтерна (в частности, его VII конгресса). Добавьте ко всему этому высокую культуру (помимо всего другого он писал стихи, сочинял музыку, немало времени отдавал литературоведению)».

Присмотримся к сдержанным оценкам тайного советника. Опустим многословные комплименты, тем паче что о литературных и музыкальных достижениях финского коммуниста ничего не известно. Главное тут, что он был продолжателем традиций «зрелого ленинизма» и «лучших периодов Коминтерна». Что это означает в переводе с иврита «премудрых» на простой русский язык «профанов»? Да это тоска Арбатова и присных по двадцатым — началу тридцатых годов, когда в Советской России свирепствовала шайка «интернационалистов» (включая Куусинена), крушившая русскую корневую культуру и религию, уничтожавшая физически ее носителей. То есть то же самое, что в откровенной форме произошло в годы пресловутых «реформ».

Вот почему с таким восторгом глядели на престарелого финского революционера-разрушителя Арбатов и его коллеги, окружавшие тогда сумрачного и молчаливого Андропова. То-то все они сперва тайно, а потом явно так не любили негуманного Сталина, который весь этот мир разрушителей-революционеров обрушил на их же головы.

...В 1974—1975 годах мне довелось работать по издательским вопросам с помощником Суслова, известным всей руководящей Москве Владимиром Васильевичем Воронцовым. Был он уже сильно дряхл и немножко стал «сдавать», рассказывал порой такое, что совсем не положено знать скромному литератору. Он говорил, что во время составления, в хрущевское всевластие, Программы партии Куусинен, тогда секретарь ЦК, хотел вообще выбросить положение о рабочем классе как руководящей силе общества. Суслов был с Хрущевым уже в плохих отношениях, но через Б. Пономарева (тоже Секретаря ЦК) добился этот тезис в программе оставить. И Воронцов передал мне реплику шефа по сему поводу: «Куусинен как был социал-демократом, так и остался». Добавим, что как ранее, так и теперь социал-демократы имеют с масонскими кругами куда больше общего, чем коммунисты, даже самые либеральные из них.

Вернемся в Петрозаводск, в самое начало пятидесятых годов, в завершающий период тамошней карьеры Андропова. И тут опять тайна, о которой он при жизни не проронил вслух ни слова. Речь идет о пресловутом «ленинградском деле», одной из самых мрачных и темных историй позднесталинского времени. После смерти патриотического деятеля партии А. Жданова его соперники Л. Берия, Г. Маленков и Н. Хрущев смогли опорочить в глазах сильно одряхлевшего И. Сталина ждановских соратников, занимавших высокие посты в руководстве страны. Дело завершилось казнями ряда крупных деятелей и массовыми чистками. Именно тогда было выметено из окружения Сталина русско-патриотическое крыло.

Отметим лишь, что «ленинградское дело» сопровождалось не только массовыми репрессиями в Ленинграде, волны террора прошли и по всем районам Северо-Запада. В начале января 1950 года в Петрозаводск прибыла комиссия из ЦК ВКП(б), а с ними вместе также группа московских чекистов. Первым секретарем ЦК Карелии был с 1938 года Геннадий Николаевич Куприянов, в Петрозаводск он был направлен из Ленинграда по рекомендации А. А. Жданова. В годы Отечественной войны Куприянов был прямым начальником Андропова по партизанскому штабу, а также членом Военного совета Карельского фронта. В конце войны бригадному комиссару Куприянову было присвоено звание генерал-майора. Андропов относился к Куприянову с большим уважением, у них не было никаких споров и столкновений.

Но... преданность Андропова своему начальнику не выдержала первого же испытания. Он, как и ряд других его коллег, «дал материал» (то есть политические обвинения) по начавшемуся в Петрозаводске «делу Куприянова». 24—25 января состоялся пленум ЦК Карело-Финской республики, где Андропов обвинил своего шефа во всех смертных грехах, да еще покаялся, что своевременно его не разоблачил... Куприянова вскоре арестовали, дали 25 лет, но потом выпустили, хотя в номенклатуру обратно не вернули.

▲ Купрянов Г.Н.

Не станем сгущать тут краски — Андропов поступил, как очень многие в те пору. Важно другое. По прошествии многих лет, когда наступили уже совсем другие времена, он никогда не повинился в совершенном низком поступке, не помог участникам грязного «дела», родным и близким их. Его холодная жестокость и всепоглощающее честолюбие в полной мере проявились тут. И та же скрытность.

Давний покровитель Андропова Куусинен работал в ту пору в ЦК, занимаясь международными делами, взаимоотношениями с «братскими партиями». Видимо, именно с этой помощью в том же 1950 году Андропова переводят в Москву, он получил в аппарате ЦК низовую должность — инспектора (инструктора), ему поручено было заниматься делами Северо-Запада СССР. Подробности о его работе на том посту неизвестны, да и не вызывают интереса, обычная бюрократическая рутина, исполнение вышестоящих указаний, никакой инициативы на таких должностях проявлять и не полагалось.

После кончины И. Сталина в марте 1953 года в высших этажах партийного руководства начались большие перемены. Вскоре они коснулись и рядовых служащих — освобождалось немало вакантных мест. Коснулись перемены и Андропова, весной 1953-го он вдруг переводится на работу в Министерство иностранных дел. Почему так случилось, сам ли он того добился (вряд ли), помог ли опять ему Куусинен, случайно ли перемещение произошло в суете послесталинских перемен (скорее всего), точно мы этого, по-видимому, никогда уже не узнаем.

МИД — и в нашей стране, и в других — есть очень консерва-

▲ Матьяш Ракоши

тивное учреждение, по службе там продвигаются медленно, однако у совершенно неопытного Андропова имелось одно важное преимущество: он пришел туда из «партийных инстанций», как тогда выражались, причем из высшего их звена — ЦК КПСС. Служил Андропов в 4-м европейском отделе, наблюдавшем за восточноевропейскими странами.

Смерть Сталина вызвала в «братских социалистических странах» брожения. Они усиливались нерешительной и противоречивой политикой кремлевского руководства, среди которого в ту пору разгорелась ожесточенная борьба за власть. Прежде всего, покачнулся авторитет восточноевропейских вождей, которые были назначенцами Сталина или Берии. Обострение обстановки там вышло из высших кабинетов на улицы и площади. Первый такой случай произошел в Восточной Германии 17 июня 1953 года, когда на демонстрантов в Берлине и некоторых иных городах двинулись советские танки. Стихийные выступления эти удалось подавить быстро. Но это был далеко не конец начавшимся потрясениям.

Главные тревожные события еще предстояли.

...В истории Советского государства постоянны случаи, когда партийных деятелей отправляли за рубеж на должность послов: иногда это была чуть прикрытая отставка или даже ссылка, иногда повышение. В 1954-м, когда Андропова отправили послом в Венгрию, это был явно второй случай.

В ту пору еще не сложилось протокольного канона, чтобы наш посол в «соцстране» был бы обязательно членом ЦК, да и зависимость этих «стран новой демократии», как их тогда именовали, была от Москвы полная, но... быть полномочным представителем в «братской стране» это и почетно, и ответственно.

Конечно, Андропов слишком мало поработал в МИДе, чтобы приобрести в той высококвалифицированной среде должный авторитет. Однако вожделенную для всех мидовских чиновников должность «чрезвычайного и полномочного посла» он вдруг получил. Потом, уже после кончины Андропова, его присные распускали слухи, что и образован был, и начитан, и даже языки знал. Все это льстивые выдумки, никаких языков он не знал и никакого образования всерьез не получил.

И нет никаких сомнений, что и в этом исключительно важном для него назначении помог ему тот же Куусинен, который уже не первый год вел в ЦК вопросы международного комдвижения.

Венгрия той поры еще далеко не оправилась от военной разрухи, но с сорок девятого года с превеликим напряжением строила социализм. Диктатором страны был жестокий Ракоши, еврей по происхождению, ставленник и холоп Берии. Шли массовые аресты и казни по политическим мотивам. Советского посла это мало беспокоило, он не такого насмотрелся у себя на родине. Главное — Ракоши и его присные были послушными исполнителями воли Кремля.

Но наступал кризис, умер Сталин, а затем на XX съезде Хрущев прогремел своим истеричным антисталинским докладом, чем потряс весь коммунистический мир. В Венгрии события развивались острее, чем в других «соцстранах». В июне 1956 года Ракоши был отстранен от руководства и уехал, как и все ему подобные «товарищи по несчастью», доживать век в Россию.

К власти пришел Имре Надь, давний соперник Ракоши. Многие до сих пор чтят его как «либерала» и «реформатора», но все не так тут просто. Бывший австро-венгерский военнопленный в России, он в гражданскую войну служил в отрядах красных интернационалистов, весьма

свирепо расправлявшихся с противниками большевистской власти. Есть твердые данные, что он принимал участие в расстреле царской семьи в Екатеринбурге, потом был связан с НКВД и повинен в гибели некоторых венгерских коммунистов-эмигрантов. Люди с такой биографией, как правило, чрезвычайно неуравновешенны и склонны к авантюризму (из сексотов — в реформаторы!). Надь круто переложил руль и попытался выйти из-под влияния Москвы. Вот в этих-то сложных обстоятельствах Андропов на глазах всего мира показал, что он не чиновник, а политик, причем крупный.

История венгерского мятежа 1956 года и роль в его подавлении лично Андропова хорошо известны как на Западе, так и у нас: в нашей стране переведено несколько обстоятельных работ авторов из Венгрии, в самые последние годы появились на русском языке (полностью или в отрывках) работы авторов западных. Все дружно сходятся во мнении: роль советского посла в Будапеште была исключительно велика в данном исходе событий.

Из всех эпизодов жизни Андропова этот является единственным хорошо и подробно известным в России (уже после его смерти Янош Кадар добавил для русского телезрителя ряд подробностей). Вот почему мы не станем детально излагать данный сюжет, отметим лишь характерные черты андроповского поведения, а также политические последствия событий.

Имре Надь был назначен премьер-министром рано утром 24 октября. Он по авантюристическому складу натуры окружил себя такими же честолюбивыми выскочками. Он получил открытую поддержку от Иосипа Броз Тито и главы венгерской католической церкви кардинала Миндсенти, а тайную — от западных спецслужб. Уже накануне в Будапеште начался антикоммунистический шабаш, основной лозунг мятежников — «Русские, домой!» Пролилась первая кровь.

В эти напряженные дни Андропов неоднократно встречался с Надем, его целью было добиться падения напряженности в стране, уверить венгерское руководство, что Москва не применит силу. Ему удалось добиться доверия подозрительного Надя. Одновременно он слал в Москву, прямо в ЦК, депешу за депешей, где как раз настаивал на обратном — немедленном введении наших войск.

В конце октября дважды побывали в Будапеште Суслов и Микоян. Хотя по партийному стажу и времени пребывания в Политбюро Микоян был старше Суслова (и возрастом тоже), но главный голос тут был не за Анастасом: тот первый начал в СССР антисталинскую кампанию и, естественно, нес ответственность за такой поворот событий. Суслов Андропова хорошо знал как своего сотрудника и доверял ему. Жесткая линия Андропова была поддержана Сусловым, она и восторжествовала на Политбюро к исходу октября.

Вечером 1 ноября советские танковые колонны в нескольких местах перешли венгерскую границу и двинулись на Будапешт. На другой день утром Надь вызвал Андропова, потребовал объяснения. Тот клялся, что это лишь тактические передвижения, все, мол, будет тихо-мирно. Андропову нужно было выиграть время, причем счет шел уже на часы, чтобы за спиной Надя подготовить другое, просоветское, венгерское правительство.

Глава его был выбран Андроповым исключительно удачно: Янош Кадар, коренной венгр, рабочий, подпольщик в годы фашизма, подвергся репрессиям со стороны Ракоши, три года отсидел в тюрьме, только что реабилитирован, молод — 44 года! Лучше для московского ставленника придумать трудно! Главное же, что Андропов в это напряженное время не только нашел нужного человека, но и сумел убедить его в единственно правильном действии — свергать Надя силой, чтобы спасти социализм в Венгрии. Кадар оказался не только верным союзником, но и твердым, решительным руководителем.

Свидетельствуют, что Андропов в эти дни почти не спал, не брился и даже был небрежно одет, чего с ним в бытность на руководящих постах не случалось ни раньше, ни позже. Но главное было сделано — обеспечена внешняя хотя бы «законность» свержения Надя. Остальное было, как говорится, делом техники. «Техника» не заставила себя ждать: утром 4 ноября совет-

▲ Посол СССР в Венгрии Андропов и премьер Имре Надь

▲ Янош Кадар и Андропов

ские войска заняли Будапешт. Надь укрылся в югославском посольстве, а кардинал Миндсенти — в американском. Главным двигателем этой победы был, безусловно, Юрий Владимирович. Это понимали всюду, в том числе и в Кремле.

Коварство Андропова было отработано в Будапеште и потом очень помогло ему в дальнейшей карьере. Полковник Копачи, начальник будапештской полиции и сторонник Надя, позже рассказывал: «Андропов производил впечатление сторонника реформ. Он часто улыбался, у него всегда находились льстивые слова для реформаторов, и нам трудно было уразуметь, действовал ли он только согласно инструкциям или по личному почину».

Копачи понял (с некоторым опозданием), был ли Андропов сторонником реформ, когда тот прямо в советском посольстве пообещал полковнику ввести его в правительство Кадара, но советская бронемашина доставила его прямо в тюрьму, где он просидел семь лет. До конца жизни запомнил незадачливый Копачи, как, провожая его, Андропов улыбался и приветливо махал рукой...

«Трагические события в Венгрии, — свидетельствовал позже Георгий Арбатов, — наложили очень глубокий отпечаток на Андропова, оказавшегося в их эпицентре. Понимал он их как вооруженную контрреволюцию — это я знаю от него самого. Вместе с тем он, я уверен, лучше других видел, что распад существующей власти, размах и накал массового недовольства имели в своей основе не только и не столько то, что официально объявлялось главными причинами (заговор контрреволюционеров и происки из-за рубежа), сколько некоторые реалии самой венгерской действительности. В частности связанные с тем, что сталинские извращения, появившиеся на свет у нас, были пересажены на венгерскую почву и приняли там крайне уродливую форму. Свою роль сыграли и экономические проблемы, включая неравноправное положение Венгрии в торгово-экономических отношениях с Советским Союзом. Повлияли на Андропова, наверное, его личные впечатления. К нему стекалась информация о безжалостных расправах над коммунистами, партийными работниками и государственными служащими. Вокруг посольства шла стрельба. Обстреляли как-то при выезде и машину Андропова. Нервное потрясение стало причиной серьезной, на всю жизнь, болезни его жены. Все это, вместе взятое, содействовало, как мне кажется, становлению определенного психологического комплекса. Те, кто знал Андропова, называли позже этот комплекс «венгерским», имея в виду крайне настороженное отношение к нарастанию внутренних трудностей в социалистических странах и, это уже мое мнение, готовность чересчур быстро принимать самые радикальные меры, чтобы справиться с кризисом. Хотя надо сказать, что в отличие от многих других наших деятелей причины такого рода кризисов он оценивал отнюдь не примитивно».

Любопытное свидетельство, исходящее к тому же от близкого к Андропову человека. Тут характерны слова о «сталинских извращениях» — не любил, очень не любил начинающий политик великодержавную политику Сталина, хоть до конца дней скрывал это, напрочь скрывал. Но боялся он также и «радикальных мер» по реформированию социализма — разумная осторожность, которой наследники Андропова пренебрегли. Крутых перемен осторожный этот политик опасался.

И еще одно обстоятельство, имевшее для Андропова долгое и благоприятное следствие. Между ним и Яношем Кадаром возникли близкие отношения, далеко выходившие за официальные рамки в подобных случаях. А Кадар в шестидесятые и семидесятые годы стал самым авторитетным для Москвы деятелем среди всех руководителей соцстран. И это давало Андропову дополнительные козыри, хотя и не самые главные в его далеко идущих планах.

Для иллюстрации и чтобы завершить этот сюжет приведем личное письмо Андропова Кадару, отправленное уже в последние годы их обоих, оно весьма выразительно и пояснений не требует:

«Уважаемый товарищ Кадар!

От имени моих товарищей по Политбюро и от себя лично рад пригласить Вас с Марией Тимофеевной провести в этом году в Советском Союзе свой отпуск или

часть его в удобное для Вас время.

Если Вы сможете воспользоваться нашим приглашением, Вам будет предоставлена возможность отдохнуть в любом районе страны, посетить при желании интересующие Вас республики и города...

С Товарищеским Приветом 26 Мая 1983 Г. Ю. Андропов».

Наконец, последнее, сугубо семейное. Жена Андропова в Будапеште серьезно заболела. Ее вылечили с применением сильнодействующих медикаментозных средств. Это сделало ее нервной и болезненной. На домашней обстановке в семье Андроповых это сказывалось самым печальным образом. Природная замкнутость его от этого могла только возрасти и стать второй натурой.

Наша работа не может быть без личного отношения к Андропову, о чем уже заявлено. Волнения в Венгрии у многих молодых людей Советского Союза вызвали сочувственное отношение. Сколько таких было в общем и относительном выражении, никто сейчас определить не может, хотя бы приблизительно. По моим личным впечатлениям, их в Москве и Ленинграде было весьма немало. Тогда же чуть не стал автор этой книги клиентом ведомства, которым вскоре стал руководить Юрий Владимирович.

...В мае 1957 года в Ленинграде на квартире моего приятеля Георгия Бена собралась группа молодых людей 22—23 лет, все выпускники гуманитарных факультетов. Были среди них А. Голиков и Б. Пустынцев, вскоре ставшие главными фигурантами политического процесса. Поздно вечером мать хозяина выпроводила шумную компанию из тесной квартиры. Кто-то предложил зайти к нему и продолжить разговор. Я туда почему-то не пошел. А там стали обсуждать «программу» будущей организации и т. п. Утром кто-то из собравшихся забеспокоился, сказал отцу, а тот направил его прямехонько в «органы»...

Случай меня спас, а ведь был я тогда комсомольским работником, мне бы круто пришлось. На процессе ребятам дали огромные сроки, по 6, по 8 и 10 лет, а всего лишь за то, что разбросали они в студенческом общежитии несколько листовок.

Как теперь все это можно оценить? Разумеется, венгерский кровавый бунт следовало подавить быстро и решительно, что и было сделано, наши войска еще умели воевать тогда, а генералы — ими командовать. Но дальше-то должны были воспоследовать политические выводы и решения. А их сделано не было. И Андропов, как теперь известно, ничего от себя не предложил. Ясно, что надо было переходить от марксистского космополитизма к государственно-национальной политике. Но пресловутый «либерал» Хрущев был к тому неспособен. Опасную болезнь загнали вглубь.

В Будапеште Андропову уже нечего было делать: тут все было в порядке, а опыт его мог пригодиться в Центре. Вполне логично, что уже через год он возвращается в аппарат ЦК и получает высокую должность — заведующий отделом, который «вел» все социалистические страны. На XXII съезде его избирают членом ЦК (октябрь 1961-го). Это был знак высокого доверия: не все завотделами являлись в ту пору даже кандидатами в члены ЦК. Важно отметить также, что Андропов оказался в силовом поле Суслова, а не Хрущева, — судьба ли так решила или это был его собственный выбор, но в карьерном смысле Юрию Владимировичу опять крупно повезло.

Отметим для сегодняшнего читателя: заведующий любым отделом Центрального комитета партии — их было в послесталинское время около двадцати или в разное время чуть больше — это не только огромная власть, но и исключительно высокая должность в партийно-советской служебной лестнице. Вот Андропов, от него зависели «подбор и расстановка кадров», как тогда выражались, во всех социалистических странах, от Северной Кореи до Восточной Германии. Конечно, высшие «кадры» утверждали на Политбюро, так, но «готовил вопросы» именно отдел, то есть, по сути, лично Андропов. Не нужно и пояснять, какой реальной властью он обладал. Отметим попутно, что хотя послы в соцстранах были гораздо более на виду и здесь, и, в особенности, там, но Андропов был куда выше их по значению.

В последние годы читатели, особенно кто помоложе, под впечатлением публикаций цековских расстриг, перековавшихся в «демократы», превратно представляют недавнюю

▲ Андропов, сын Игорь, жена Татьяна Филипповна и дочь Ирина

действительную картину советских верхов. Нет, тогдашняя бюрократическая машина работала очень четко и только по газете «Правда» казалась однообразной и неразличимой во всех ее многочисленных подразделениях. На самом деле было не так, точнее уж — не совсем так. Излюбленной шуткой в аппарате ЦК была такая: «У нас система однопартийная, но многоподъездная»...

В шутке крылось немало правды, только вот напечатать это в газете «Правда» было бы никак невозможно! Действительно, каждый отдел ЦК имел, так сказать, свой собственный «характер». Например, в хрущевские и брежневские времена самым мрачным был отдел пропаганды — понятно, там приходилось отстаивать обветшалые марксистские догмы, в которые даже его сотрудники, люди в большинстве своем образованные и совсем не глупые, не верили. Напротив, отдел науки был более либеральным, ибо находился «в обратной связи» с учеными-естественниками, которые были куда свободомысленнее своих гуманитарных коллег. Но самыми либеральными были в международных отделах, ибо им приходилось общаться с западными деятелями, пусть и коммунистического толка, которые хоть и полностью зависели материально от Москвы, но либеральничали — ради своего электората.

Секретарем ЦК по международным делам был с 29 июня 1957 года Куусинен: нет сомнений, что именно он выдвинул Андропова на этот весьма значимый пост. Пользуясь высокой поддержкой, тот подобрал в свой отдел кадры более чем либеральные. Многие из них потом стали довольно известны, некоторые оставили в последние годы мемуары, в которых высказываются весьма откровенно о себе, а о своем бывшем начальнике — в особенности. Таким образом, у нас тут есть возможность составить полную и достоверную картину.

«Первая моя встреча с Юрием Владимировичем Андроповым, — писал в своих воспоминаниях Федор Бурлацкий, — состоялась в начале 1960 года. Был он тогда одним из заведующих в одном из многих отделов ЦК. И я почти ничего не слышал о нем до того, как стал редактировать его статью в журнале «Коммунист». Он пожелал встретиться со мною непосредственно... Он уже тогда носил очки, но это не мешало разглядеть его большие голубые глаза, которые проницательно и твердо смотрели на собеседника. Огромный лоб, большой внушительный нос, толстые губы, его раздвоенный подбородок, наконец, руки, которые он любил держать на столе, поигрывая переплетенными пальцами, — словом, вся его большая и массивная фигура с первого взгляда внушала доверие и симпатию. Он как-то сразу расположил меня к себе еще до того, как произнес первые слова.

– Вы работаете, как мне говорили, в международном отделе журнала? — раздался благозвучный голос.

– Да, я заместитель редактора отдела.

– Ну и как вы отнеслись бы к тому, чтобы поработать здесь у нас, вместе с нами? — неожиданно спросил он.

– Я не думал об этом, — сказал я... — Не уверен, что буду полезен в отделе. Я люблю писать...

– Ну, чего другого, а возможности писать у вас будет сверх головы. Мы, собственно, заинтересовались вами, поскольку нам не хватает людей, которые могли бы хорошо писать и теоретически мыслить».

Данный мемуарист был слабеньким журналистом либерального окраса, он из числа тех «шестидесятников», которые дома на кухне бранили советскую власть, а в рабочее время — воспевали ее в своих никому не нужных статейках. И хоть носил Бурлацкий имя русское, все знакомые знали его истинное происхождение.

Теперь предоставим слово другому воспоминателю из ближнего окружения Андропова. Он родился в Баку и числился, так сказать, «лицом кавказской национальности», но многие подозревали, что истинная национальность его была несколько иная.

«Вот как состоялось наше знакомство, — писал Георгий Шахназаров. — Когда меня пригласили в большой светлый кабинет с окнами на Старую площадь, Юрий Владимирович вышел из-за стола, поздоровался и предложил сесть лицом к лицу в кресла. Его большие голубые глаза светились дружелюбием. В крупной, чуть полноватой фигуре ощущалась своеобразная «медвежья» элегантность... Он расспросил меня о работе журнала «Проблемы мира и социализма», поинтересовался семейными обстоятельствами, проявил заботу об устройстве быта и одобрительно отозвался о последней моей статье. Затем переменил тему, заговорил о том, что происходит у нас в искусстве, проявив неплохое знание предмета.

– Знаешь, — сказал Андропов (у него, как и у Горбачева, была манера почти сразу же переходить со всеми на «ты»), — я стараюсь просматривать «Октябрь», «Знамя», другие журналы, но все же главную пищу для ума нахожу в «Новом мире», он мне близок.

Поскольку наши вкусы совпали, мы с энтузиазмом продолжали развивать эту тему, обсуждая последние журнальные публикации... Мы живо беседовали, пока нас не прервал грозный телефонный звонок. Я говорю грозный, потому что он исходил из большого белого аппарата с гербом, который соединял секретаря ЦК непосредственно с «небесной канцелярией», то есть с Н. С. Хрущевым. И я стал свидетелем поразительного перевоплощения, какое, скажу честно, почти не доводилось наблюдать на сцене. Буквально на моих глазах этот живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнять любой приказ командира. В голосе появились нотки покорности и послушания. Впрочем, подобные метаморфозы мне пришлось наблюдать позднее много раз. В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека — русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, видящий жизненное предназначение в служении партии. Я подчеркиваю: не делу коммунизма, не отвлеченным понятиям о благе народа,

▲ Политбюро

страны, государства, а именно партии как организации самодостаточной, не требующей для своего оправдания каких-то иных, более возвышенных целей».

Выразительная характеристика, ничего не скажешь! Отчетливо выражена «раздвоенность» Андропова — либерал для «своих» и послушный партисполнитель для высшего начальства. И это вовсе не пристрастие осведомленного мемуариста. Нет, таким «двойным» и скрытным Андропов был во все долгие лета своего неуклонного восхождения на верх, к самой-самой вершине. Это подтверждается всеми другими подобными свидетельствами. Всеми без исключения.

«Я был приглашен консультантом в отдел Ю. В. Андропова в мае 1964 года, — писал в своих воспоминаниях Георгий Арбатов. — Могу сказать, что собранная им группа консультантов была одним из самых выдающихся «оазисов» творческой мысли того времени... Очень существенным было то, что такую группу собрал вокруг себя секретарь ЦК КПСС. Он действительно испытывал в ней потребность, постоянно и много работал с консультантами. И работал, не только давая поручения. В сложных ситуациях (а их было много), да и вообще на завершающем этапе работы все «задействованные» в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку — и начиналось коллективное творчество, часто очень интересное для участников и, как правило, плодотворное для дела. По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но также всегда важные темы. Словом, если говорить академическим языком, работа превращалась в увлекательный теоретический и политический семинар. Очень интересный для нас, консультантов, и, я уверен, для Андропова, иначе он от такого метода работы просто отказался бы. И не только интересный, но и полезный... Андропов был умным, неординарным человеком, с которым было интересно работать. Он не имел систематического формального образования, но очень много читал, знал и в смысле эрудиции был, конечно, выше своих коллег по руководству. Кроме того, он был талантлив. И не только в политике. Например, Юрий Владимирович легко и, на мой непросвещенный взгляд, хорошо писал стихи, был музыкален, неплохо пел, играл на фортепьяно и гитаре. В ходе общения с консультантами он пополнял свои знания, и не только академические. Такая работа и общение служили для Андропова дополнительным источником информации, неортодоксальных оценок и мнений, то есть как раз того, чего нашим руководителям больше всего и недоставало. Он все это в полной мере получал, тем более что с самого начала установил (и время от времени повторял) правило: «В этой комнате разговор начистоту, абсолютно открытый, никто своих мнений не скрывает. Другое дело... когда выходишь за дверь, тогда уж веди себя по общепризнанным правилам».

Этот завет Андропова своему близкому сотруднику особенно выразителен: за пределами кабинета свой «либерализм» придерживай... Куда уж откровеннее!

Продолжение следует